АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Археографический ежегодник

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

inslav

inslav

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

за 1972 год

Основан в 1957 г.
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

inslav

«Археографический ежегодник за 1972 год» включает статьи об итогах VII Международного конгресса архивов, системе информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства, о публикациях по истории образования СССР и методике подготовки к изданию серий «Декреты Советской власти», «Восстание 1863 года», сборников документов о внешней политике России XIX и начала XX в. В составе тома публикуются материалы «Тихомировских чтений 1972 г.», посвященных проблеме описания древних рукописей, источниковедческие работы и обзоры, охватывающие тематику от средневековья до новейшего времени, в том числе о деятельности выдающихся представителей отечественной науки.

В подготовке к печати «Ежегодника» принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК

8(п)
А-87
БИБЛИОТЕКА
ИН-Т [illegible] ОГО ЯЗЫКА
[illegible] АН СССР
68039

А $\frac{10604-0317}{042(01)-74}$ 1—73

© Издательство «Наука», 1974 г.

inslav

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Ф. И. Долгих

К ИТОГАМ VII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА АРХИВОВ [1]

В августе 1972 г. в Москве состоялся VII Международный конгресс архивов, созываемый раз в четыре года в рамках Международного совета архивов. Впервые за всю историю этой организации конгресс собрался в социалистической стране.

Необходимо всесторонне проанализировать его результаты, сделать необходимые выводы и определить задачи на будущее.

Конгресс подвел определенные итоги развития современной теории архивоведения и практики архивного дела во многих странах мира, поскольку на нем были достаточно широко представлены архивисты различных стран. Из всех конгрессов Московский конгресс явился самым представительным, в нем приняло участие 1465 делегатов и гостей от 56 стран всех континентов.

Наиболее многочисленной, естественно, была советская делегация. В ее состав входили работники архивных учреждений СССР и всех союзных республик, работники партийных и советских органов, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, республиканских и местных партийных архивов, работники крупных музеев и библиотек, ведомственных архивов. Делегатами и участниками конгресса были видные советские ученые — академики и члены-корреспонденты академий наук СССР и союзных республик, доктора и кандидаты наук. Можно сказать, что советская делегация представляла все направления работы с документами в нашей стране.

Представительными и квалифицированными были делегации и других социалистических стран, в состав которых входили руководители архивных служб, архивисты, ученые. Многочисленными были и делегации от ряда капиталистических стран.

Проблематика конгресса была определена исходя из научных задач архивного дела и вызвала большой интерес. В дискуссии выступили 108 человек, в том числе 51 — от социалистических стран, из них 25 от СССР.

Конгресс явился для нас не только профессиональным делом, но прежде всего мероприятием большого идейно-политического значения.

Во-первых, от нас зависела организация конгресса. Хорошая организация конгресса значительно подняла авторитет советских архивных учреждений перед лицом наших коллег во всем мире.

Во-вторых, приятно отметить, что в отношении идейной и целевой направленности проблематики и ее конкретного раскрытия в ходе работы конгресса тон задавали советские архивисты и архивисты других социалистических стран.

[1] В основу статьи положен доклад на заседании Археографической комиссии 26 октября 1972 г. О заседании см. настоящий том, стр. 356—359.

inslav

Выступления советских представителей были проникнуты марксистско-ленинской методологией, сочетали анализ с выводами и обобщениями. То же самое относится и к выступлениям абсолютного большинства представителей социалистических стран. Наши оппоненты, выступавшие с позиций буржуазного архивоведения, не смогли противопоставить позиции архивистов социалистических стран концептуально обоснованной альтернативы. Не случайно в рекомендациях конгресса нашли отражение все принципиальные предложения советской делегации.

В-третьих, участники конгресса — представители капиталистических стран — имели возможность ознакомиться с советской страной, ее столицей, жизнью советских людей, работой советских архивистов, а после окончания конгресса совершить поездки по стране, посетить Ленинград, ряд союзных республик, в том числе Украину, республики Закавказья, Средней Азии. Это знакомство представителей капиталистических стран с нашей страной имело большое политическое значение, явилось наглядной пропагандой социалистического строя. Московские архивисты, ленинградцы, работники архивных учреждений Украины, Грузии, Армении, Узбекистана и других республик много сделали для того, чтобы иностранные ученые могли ознакомиться с организацией архивного дела в нашей стране.

Конгресс убедительно продемонстрировал несостоятельность буржуазной точки зрения «архивы вне политики». Лучше всего об этом свидетельствует ход пленарного заседания, обсуждавшего доклады Дж. Р. Ида и С. Н. Прасада по проблеме «Техническая помощь архивам развивающихся стран», вылившегося в острую политическую полемику. Конгресс еще раз показал, что на идеологическом фронте перемирий быть не может.

В этой связи перед нами стоит задача более последовательно и целеустремленно использовать архивные документы в идейно-воспитательных целях, для воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, особенно в связи с 50-летним юбилеем Союза Советских Социалистических Республик. Страницы архивных документов как бы вновь открывают уже известные исторические факты. Это весьма действенное оружие в пропагандистской и агитационной работе. Советскими архивными учреждениями было предусмотрено проведение целого ряда мероприятий в плане подготовки к празднованию 50-летнего юбилея Советского Союза. Это и в дальнейшем будет одним из главных направлений в нашей работе. Возможностей к тому достаточно — от хорошо себя зарекомендовавших, в частности на конгрессе, документальных выставок до публикаций документов. В отношении же последних, наряду с научными публикациями, будем обращать серьезное внимание на публикации агитационно-пропагандистские, особенно публикации малых форм.

Очень важное политическое значение имело и то, что конгресс продемонстрировал полную согласованность идейных и научных позиций советских архивистов и архивистов других социалистических стран. Это еще раз подтвердило, что советский опыт имеет большое значение в их научной и практической работе. Последовательная и принципиальная позиция представителей социалистических стран в отношении требований архивистов развивающихся стран Азии и Африки вызвала их положительную политическую реакцию и значительно стимулировала их интерес к советскому архивному делу. В немалой степени этому помог семинар для глав архивов некоторых стран Азии и Африки. Им были прочитаны лекции советскими специалистами и была предоставлена возможность ознакомиться с практикой работы советских архивных учреждений. Семинар получил положительный отзыв его участников, которые подчеркивали важность проведения этого мероприятия именно в Москве.

inslav

В связи со значительно повысившимся интересом архивистов стран Азии и Африки к советскому опыту архивного дела Главархив имеет в виду разработать программу работы по оказанию возможной помощи этим странам.

Постановка архивного дела в нашей стране вызвала большой интерес и у архивистов многих капиталистических стран, в частности США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Японии и других.

Таково идейно-политическое значение VII Международного конгресса архивов, который позволил значительно укрепить международный авторитет советской страны в глазах его участников — архивистов разных стран.

Результаты конгресса как крупного научного форума также позволяют сделать ряд выводов первостепенной важности.

Конгресс, по нашему мнению, явился катализатором широких теоретических обобщений, особенно по проблемам «Взаимосвязь и преемственность в работе государственных и ведомственных архивов», «Средства информации на службе науки», «Новая техника в архивах». Теория архивоведения, как и всякая научная теория, не может стоять на месте. Конгресс подтвердил необходимость ее дальнейшего развития по целому ряду направлений, в которых еще чувствуется налет эмпиризма. Буржуазная теория архивоведения, как показал конгресс, проникнута эмпиризмом и методологически эклектична. В отличие от нее теория архивоведения в социалистических странах базируется на марксистско-ленинской диалектико-материалистической методологии. Поэтому ее развитие немыслимо без широких теоретических обобщений. Особенно важно солидно поставить изучение и научную разработку проблемы документа как носителя информации. Это — ключевая проблема. От уровня и широты ее исследования зависят теория и методика организации документов на всех этапах их прохождения, теория и методика экспертизы ценности документов, а также разработка проблемы специальных документов, внутри которой самыми актуальными являются вопросы, связанные с определением судьбы механографических документов.

Советские архивисты исходят из того, что информационная многоплановость документа определяет в основном его общественные функции. С одной стороны, он носитель целенаправленной информации и является одним из средств процесса управления. С другой стороны,— носитель базовой информации, передающий ее как исторический источник. Американский ученый Дж. Й. Энджел весьма образно и метко назвал документ «двуликим». Причем второе лицо документа в период его создания не всегда достаточно полно осознается современниками, не всегда ими ясно и четко оценивается его общественное значение. В этих случаях историческая наука вносит поправку в оценку современников.

Документ проходит три этапа — делопроизводство, ведомственный архив, государственный архив; эти три службы между собой взаимосвязаны естественной документно-информационной преемственностью. По поводу этой преемственности в рекомендациях конгресса подчеркивается, что исключительно важно выработать единство подхода к решению методических и практических задач организации и обеспечения сохранности и использования документов на всех этих трех этапах их прохождения. В них обращается также внимание на совершенствование методов экспертизы ценности и отбора документов для комплектования государственных архивов, создания объективной, научной базы источников, базы исторической науки. Архивисты неоднократно приглашали историков и ученых других отраслей знаний принимать более активное участие в этом важном деле — закладке будущего исторической науки. К сожалению, пока наши призывы не вызывают достаточно активного отклика. Надеемся, что в будущем это участие станет более эффективным.

Широкий простор для анализа и обобщений представляют и другие

inslav

проблемы, поднимавшиеся на конгрессе. Структура документной информации предопределяет пути организации наиболее результативного научного поиска. В условиях экспоненциального возрастания потока научной информации большое значение приобретают средства вторичной информации, позволяющие ориентироваться в этих материалах. Советские архивисты исходят из того, что степень раскрытия сущности, всесторонности и глубины содержания документов в средствах вторичной информации должна быть дифференцирована. Возможности этой дифференциации чрезвычайно широки: от краткого упоминания о документе до публикации его текста с комментариями как предела полноты раскрытия его содержания. В этой связи и подход к созданию архивных справочников, на наш взгляд, надо осуществлять системно, с тем чтобы они не дублировали, а взаимно дополняли друг друга. Именно эти принципиальные позиции нашли свое отражение в рекомендациях конгресса. Фундаментальные исследования структуры документной информации, основанные на этой концепции, позволяют, по нашему мнению, наметить основные пути и методы построения единой системы научно-справочного аппарата. В этой сложной и нелегкой работе мы также надеемся на помощь ученых, в чем они прямо заинтересованы. Иначе и быть не может. Как сказал на конгрессе наш коллега из ГДР М. Унгер, архивист, создавая к документам справочник, не может оставаться по отношению к их содержанию нейтральным. Он вкладывает в свой труд определенную концепцию, т. е. подвергает содержание документа своей интерпретации как историк. Общность концепции у архивистов и историков социалистических стран означает, что мы идем по одной и той же дороге навстречу друг другу. И для архивиста, и для историка важно определить пункт встречи, обеспечить взаимно приемлемые точки соприкосновения. Задача архивиста, с нашей точки зрения, дать исследователю основные ориентиры, но не подменять его научного поиска как одного из элементов творчества.

Исследования структуры документной информации важны и для решения третьей ключевой современной проблемы, обсуждавшейся на конгрессе,— это применение новой техники в архивах. Архивное дело, как и другие отрасли человеческой деятельности, сегодня испытывает все возрастающее влияние новейшей революции в естествознании и технике. От того, насколько своевременно и эффективно будут внедряться в практику работы всего архивного дела новейшие научно-технические средства, в значительной мере зависит его успешное развитие. Ныне внимание архивистов многих передовых стран (и это нашло свое отражение на конгрессе) привлекает электронно-вычислительная техника как одно из средств, которое позволит при определенных условиях обеспечить рациональное хранение и поиск документной информации. Но применение компьютеров станет возможным лишь в том случае, если естественная структура документной информации будет соответствовать входным алгоритмам ЭВМ. Насколько осуществимы эти предложения, пока никто гарантий дать не может. По данной проблеме нам еще предстоит выработать основы нашей концепции, разработать научно обоснованные предложения о путях и направлениях применения современных технических средств в архивном деле.

Советские архивные учреждения в настоящее время осмысливают и намечают пути решения научных проблем, выдвинутых на конгрессе. В процессе этой работы, что весьма важно, будут выявлены и определены новые перспективные вопросы, которые могли бы стать основой наших предложений к проблематике следующего конгресса архивов, который состоится в Вашингтоне.

Московский конгресс заставил нас по-другому взглянуть и оценить сотрудничество специалистов в области архивоведения с учеными других отраслей науки. До настоящего времени эта проблема решалась тради-

inslav

ционно — сотрудничество имело место с историками в плане публикации или использования тех или других документов архивов. Очень тесны наши связи и хорошо поставлено сотрудничество архивистов с Археографической комиссией Отделения истории АН СССР, которая играет большую роль, в частности, в создании и публикации средств информации к документам. Очень много важных работ как научно-методического, так и публикационного плана было проведено архивистами вместе с Институтом истории СССР. Достаточно назвать такую основополагающую научно-методическую проблему, как разработка правил издания исторических источников, а также такие крупнейшие серии документальных публикаций, как «Индустриализация СССР» и «Коллективизация сельского хозяйства СССР», «История рабочего движения» и «История крестьянского движения», и многие другие. Активно ведется работа и совместно с Институтом славяноведения и балканистики, с которым архивисты предприняли ряд исключительно важных в политическом отношении изданий с привлечением научных учреждений других стран: «Советско-польские отношения», «Советско-чехословацкие отношения», «Советско-болгарские отношения» и т. п. Сотрудники Института военной истории принимали участие в подготовке сборников «Директивы Главного командования Красной Армии» и «Директивы командования фронтов». Имеются у архивистов определенные контакты и точки соприкосновения в работе и с Институтом востоковедения. За последние годы стали расширяться наши связи и с учреждениями других отделений Секции общественных наук АН СССР. Сотрудники Института экономики принимали участие в подготовке серий по индустриализации и коллективизации, стоит вопрос о подготовке сборника документов по истории научно-технической революции в СССР. Появились у нас связи с Институтом Дальнего Востока, с Институтом Африки. Институт мировой литературы совместно с Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР вели очень важную работу по текстологии литературных памятников. Мы надеемся, что сотрудничество архивистов с учеными, и прежде всего историками, по вопросам разработки актуальных теоретических проблем и публикаций документов будет развиваться и в дальнейшем. Есть еще немало нерешенных теоретических и методических проблем археографии, связанных с публикацией новых видов документов, ждут своей разработки многие актуальные проблемы вспомогательных исторических дисциплин.

Попутно хочу коснуться одного важного вопроса, который недавно был поднят на заседании бюро Отделения истории АН СССР. На этом заседании был поставлен вопрос об улучшении планирования и координации публикационной работы в масштабе страны. Нет нужды доказывать, что это очень помогло бы в работе и архивистам, и историкам, но, по нашему мнению, такую координацию целесообразно осуществлять под эгидой Академии наук СССР.

Мы убеждены, что деловые связи архивистов с историками будут успешно развиваться и в будущем. Об этом свидетельствует их плодотворная совместная работа в период подготовки и проведения VII Международного конгресса архивов.

Выступления ряда видных советских историков с большим интересом были выслушаны участниками конгресса. Помощь и советы историков в значительной мере облегчили архивистам выполнение задач, которые стояли на этом конгрессе. Следует отметить и ту роль, которую сыграли академические журналы в его подготовке.

Однако конгресс показал, что к архивному делу в современных условиях научно-технического прогресса все большее отношение имеют и другие отрасли наук, как естественных — от физики и химии до технических наук, так и общественных — от философии до юридических наук. Это вполне понятно, поскольку архивоведение прочно заняло место среди

inslav

других научных направлений и вместе с ними в той или другой мере испытывает влияние объективной тенденции развития науки. Эта тенденция состоит в соприкосновении и переплетении различных научных направлений, причем на стыке наук возникают новые направления и ответвления отраслей знания. Это — знамение времени, диалектика истории науки.

Многие архивисты и ученые ныне приходят к следующим выводам: архивное дело в перспективе не может развиваться и отвечать требованиям времени, выполнять на должном уровне общественные функции без использования методов информатики, кибернетики, оргатехники, экономических и юридических наук; обеспечение сохранности документов сегодня невозможно без применения достижений современной физики, химии, биологии, технических и других наук; в экспертизу ценности документов настойчиво вторгаются теория научной информации и документалистика; совершенствование делопроизводства не мыслится без кибернетики, автоматики, телемеханики и экономики; наконец, архивоведение как наука еще ждет своих философских обобщений. Архивистам необходимо самим искать пути соприкосновения и связи архивоведения с другими отраслями наук, с современной общественной практикой, имея в виду максимальное использование их достижений в целях совершенствования архивного дела. Иллюстрацией наших растущих взаимосвязей с другими отраслями знаний является повседневная практика работы архивов, хранящих специфические виды документов — по литературе и искусству, научно-техническую документацию, кинофотодокументы, звукозаписи.

Наряду с этим встает еще один важный вопрос. Применение достижений других отраслей науки или новых технических средств станет невозможным, если в архивных учреждениях не окажется людей, способных применить эти средства на практике. Например, конгресс подтвердил важность и перспективность применения компьютеров в архивном деле, между тем абсолютное большинство наших архивистов и историков вряд ли обладает хотя бы минимумом знаний в области кибернетики, теории и техники ЭВМ, без которых невозможно даже изучение этой проблемы. Необходимо продумать комплекс мероприятий по совершенствованию квалификации архивистов в соответствующих направлениях, по расширению их знаний. Серьезные проблемы встают и в области подготовки кадров архивных работников. В частности, нуждается в улучшении, как нам кажется, специальная подготовка кадров архивистов. К этому можно было бы добавить, что в наше время архивисты должны получать также и определенные навыки и умение владеть средствами новой техники. Историко-архивному институту следовало бы продумать эти вопросы и, отнюдь не ослабляя общеисторической подготовки студентов, базирующейся, в частности, на углубленном освоении традиционных вспомогательных исторических дисциплин, обратить особое внимание на освоение современной научной методики и новейших технических средств.

В этой связи большое значение имеет систематическое изучение зарубежного опыта архивной работы. К сожалению, в постановке изучения зарубежного опыта у нас имеются существенные недостатки: последнее исследование было издано Главархивом СССР в 1963 г. — это очерки «Архивное дело в зарубежных странах», вып. 1. Ознакомление с постановкой архивного дела за рубежом, которое проводилось ранее, не носило систематического характера. Не было организовано целенаправленного изучения зарубежного опыта, нет фундаментальных работ по его обобщению. Нам представляется, что было бы целесообразным подготовить обоснованные предложения по систематическому изучению зарубежного опыта архивной работы. Для повышения эффективности этого изучения мы предполагаем планировать целевые научные командировки с участием соответствующих специалистов и с обязательным обобще-

inslav

нием и публикацией их результатов. Такие командировки могли бы осуществляться вместе с историками, причем одновременно можно было бы проводить планомерный поиск в архивах данных стран документов по истории нашей страны. Это чрезвычайно важная задача, и в ее осуществлении историки могли бы оказать нам большую помощь.

Московский конгресс убедил нас и в том, что советским архивным учреждениям необходимо активизировать свое участие в специализированных научных органах Международного совета архивов. Одновременно с конгрессом, кроме Генеральной ассамблеи, исполкома МСА, комиссии по развитию архивов, которые занимались решением организационных вопросов, заседали комитет по сфрагистике, комитет по микрофильмированию. На заседании комитета по сфрагистике зарубежные специалисты по этой интересной и важной вспомогательной исторической дисциплине были удивлены и заинтересованы, услышав, что нам есть о чем сказать и в данной области, и председатель комитета вынужден был официально пригласить нас войти в состав этого комитета. Впервые участвовали наши специалисты и в работе комитета по микрофильмированию, который занимается изучением и обсуждением вопросов миниатюризации документов и применения микрокопий в научной работе. Наш долг — усилить свою работу во всех звеньях Международного совета архивов. Эту задачу мы также предполагаем решать совместно с историками.

Следует также коснуться вопроса о совместной работе по некоторым актуальным проблемам вспомогательных исторических дисциплин. История с комитетом по сфрагистике очень показательна. Архивисты много делают и в области вспомогательных исторических дисциплин, но, к сожалению, не всегда успешно координируют свои усилия с учреждениями Академии наук СССР. Особенно это касается работы специалистов государственных архивов по проблемам источниковедения, которые чрезвычайно важны для теории и практики экспертизы ценности документов, но эта работа ведется в отрыве от Археографической комиссии и Института истории СССР.

Таковы основные политические и научные выводы по итогам конгресса, который явился крупным событием в научной и культурной жизни не только нашей страны. Он имеет важное научное и практическое значение для архивных учреждений и других стран.

Об успехе конгресса очень ярко говорят отзывы иностранных участников конгресса, причем не только социалистических стран, но также капиталистических и развивающихся стран, которые в своих сообщениях отмечают его высокий научно-организационный уровень и большое значение в культурной и научной жизни общества.

Д-р Герхард Экснер, начальник Государственного архивного управления ГДР, в своем письме подчеркивает: «Организация конгресса в столице СССР может расцениваться как выдающееся событие в международном архивном деле и как большой успех архивистов СССР и других социалистических стран».

Ги Дюбоск, генеральный директор архивов Франции, пишет: «Возвратившись в Париж, я без промедления спешу направить Вам снова мои поздравления по поводу прекрасной организации VII Международного конгресса архивов, проходившего в Москве, и попросить Вас разделить эти поздравления с архивистами СССР».

Д-р Джеймс Б. Роудс, архивист США, также пишет: «Позвольте поздравить Вас и Ваших коллег с успешным проведением и хорошей организацией конгресса. Надеюсь, что дружба и профессиональное сотрудничество между нами в последующие годы станут еще крепче».

Франьо Билян, директор Архива Югославии, заявляет: «Я очень рад, что хорошая подготовка и организация конгресса обеспечили его успешную работу».

Д-р Джеффри Р. Ид, главный хранитель Государственного архива

inslav

Великобритании, отмечает: «На нас большое впечатление произвели организация конгресса и та доброта, которую проявили хозяева по отношению к нам».

Джованни Антонелли, руководитель итальянской делегации, в своей корреспонденции говорит: «Для всех нас это был ценный и незабываемый опыт, и я могу заверить, что мы сохранили самые лучшие воспоминания о Вашей стране и о радушии наших коллег — советских архивистов».

Д-р С. Н. Прасад, директор Национального архива Индии, подчеркивает: «Я надеюсь, что смогу выразить свою благодарность Вам и Вашим коллегам. Но как мне передать истинные чувства благодарности простым людям в Москве, которые своей особой добротой и помощью сделали мое пребывание в Москве таким приятным? Я буду с нетерпением ждать новой поездки в Москву, как только предоставится такая возможность. Существует большая цель для нашего взаимного и плодотворного сотрудничества и расширения контактов между Национальным архивом Индии и Главным архивным управлением СССР».

Г-жа Сароджини Регани, директор Государственного архива штата Хайдерабад (Индия), благодарит не только за семинар, но и за конгресс: «Я также имела честь и удовольствие присутствовать на VII Международном конгрессе архивов. Благодарю Вас и Правительство СССР за оказанное нам во время нашего последнего пребывания в Москве радушное гостеприимство».

Р. Сэв, директор службы архивов департамента Пюи-де-Дом (Франция), от имени рядовых архивистов оценивает VII конгресс таким образом: «От имени всех конгрессменов я говорю большое спасибо всем, кто, независимо от рангов и должностей, способствовал успеху конгресса. Поверьте, что Московский конгресс навсегда останется в моей памяти».

Это только отдельные высказывания, но они характерны для всех отзывов о конгрессе и в целом свидетельствуют, что конгресс прошел успешно как с научной, так и политической точки зрения.

Одной из задач, стоящих перед советскими архивными учреждениями сейчас, является опубликование материалов конгресса. Публикация материалов конгресса явится своего рода завершением его работы и будет иметь большое значение для организации практического использования его результатов в работе советских архивных учреждений. Во-первых, это сделано в журнале «Советские архивы»[2]. Во-вторых, будет предпринята научная, полная публикация материалов конгресса. Выполнение этой ответственной задачи будет поручено специальной редакционной коллегии. Участие историков в ее работе было бы чрезвычайно полезным.

Итак, подводя итоги конгресса как идейно-политического мероприятия, можно сказать, что конгресс показал политическую зрелость советских архивистов и историков, их способность к проведению на должном организационном и научном уровне подобных мероприятий международного характера. Конгресс также показал превосходство научно-теоретического уровня и организации советского архивного дела в сравнении с зарубежным архивоведением.

Конгресс значительно повысил авторитет советских архивных учреждений за рубежом, подтвердил согласованность научно-методологических позиций советских архивистов и архивистов других социалистических стран и значение для них советского опыта.

Конгресс продемонстрировал растущий интерес к советскому архивному делу со стороны архивистов капиталистических и развивающихся стран.

---

[2] «Советские архивы», 1973, № 1.

inslav

Конгресс позволил советским архивистам глубже и всесторонне ознакомиться с зарубежным опытом архивной работы, способствовал установлению и расширению деловых контактов с зарубежными архивистами.

Подводя научные итоги конгресса, можно сказать, что основными направлениями в деятельности архивных учреждений, значение которых было особо подчеркнуто в ходе VII Международного конгресса архивов, явятся:

1) дальнейшее теоретическое развитие принципов архивоведения, особенно по таким проблемам, как: а) информационная значимость документов; б) экспертиза ценности документов; в) единая система научно-справочного аппарата к документам; г) преемственность методики работы с документами на всех этапах их прохождения; далее 2) разработка новых средств архивной техники и внедрение их в работу архивов. Дальнейшее развитие получит работа по использованию документов в интересах идеологии, политики, коммунистического воспитания трудящихся и науки, а также публикации документов и научно-справочного аппарата к ним. Учитывая, что представителю нашей страны поручено руководство работой Международного совета архивов, значительно более широкий характер, чем ранее, получит международная деятельность советских архивных учреждений. Особое значение мы придаем изучению и использованию зарубежного опыта архивного дела.

Таковы, на наш взгляд, итоги VII Международного конгресса архивов и вытекающие из них задачи по дальнейшему развитию архивного дела. Мы убеждены, что архивисты с помощью партийных, советских органов и научных учреждений в состоянии справиться с этими задачами, как они успешно справились с задачами по организации и проведению VII Международного конгресса архивов.

Мы будем стремиться укреплять деловые и научные контакты по всем направлениям, тем самым будем совершенствовать нашу деятельность в интересах партии и народа, в интересах коммунистического строительства.

inslav

Т. В. Батаева

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР В ТЕМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

История становления и развития СССР занимает важное место в советской историографии и археографии. Это обусловлено огромным всемирно-историческим значением опыта Союза Советских Социалистических Республик. Как отмечено в Обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета Союза ССР и Совета Министров СССР в день 50-летия образования СССР, «опыт Советского государства воочию показал народам Земли, какие благотворные условия социалистический строй создает для расцвета и сближения наций, для развития дружественных межнациональных и межгосударственных отношений» [1]. Исторический опыт Советского социалистического многонационального государства получил освещение в значительном количестве публикаций документов.

Задачи дальнейшей научной разработки проблемы выдвигают перед советской археографией ряд вопросов. Среди них — оценка имеющейся печатной источниковой базы с точки зрения раскрытия основных аспектов истории образования СССР и в связи с этим анализ методов публикации документов и прежде всего выявления и отбора их к печати. В нашем распоряжении имеется обстоятельный обзор Е. А. Зайцевой [2], написанный в связи с 50-летним юбилеем СССР, где среди документальных публикаций по национальному вопросу нашли определенное место и издания по образованию СССР. Обзор имеет несомненное библиографическое значение, хотя и не лишен пробелов [3]. Выводы автора о целесообразности подготовки новых документальных сборников подчеркивают важность рассмотрения археографической стороны издания источников.

Печатная документальная база, отражающая вопросы образования СССР, довольно обширна. Она освещает предпосылки образования союзного государства, объединительное движение социалистических республик, создание Союза ССР, его становление и развитие. В составе имеющихся изданий заметны следующие основные группы публикаций источников: 1) произведения В. И. Ленина, 2) постановления и протоколы съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии, 3) стенографические отчеты и постановления съездов Советов Союза ССР и

---

[1] «К советскому народу, к трудящимся всех национальностей Союза Советских Социалистических Республик».— «Правда», 30 декабря 1972 г..

[2] *Е. А. Зайцева.* Образование СССР (обзор документальных публикаций).— «История СССР», 1972, № 3, стр. 126—132.

[3] В обзоре обойдены первые и последующие публикации стенографических отчетов I и II съездов Советов СССР, их постановлений, сборники документов: «Декреты Советской власти», «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана» и др. Автор назвал тематические публикации ленинских документов, которые являются перепечаткой, но не коснулся основных научных изданий сочинений В. И. Ленина («Полное собрание сочинений» и «Ленинские сборники»). Отсутствуют публикации стенографических отчетов X и XII съездов РКП(б), сыгравших важную роль в разрешении национального вопроса, а также сводное издание «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Между тем именно в 8-м издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» впервые опубликовано постановление Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. о необходимости образования СССР.

inslav

ЦИК, а также съездов Советов республик[4], 4) издание законодательных и конституционных актов СССР и отдельных республик, 5) труды руководителей партии и видных деятелей Советского правительства (М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе и др.), 6) сборники статистических материалов и 7) тематические сборники исторических документов. Все группы публикаций, кроме последней, подготавливались не в целях освещения истории образования СССР, они касались ее как составной части общеисторического процесса. Вместе с трудами В. И. Ленина они составляют источниковую основу, имеющую методологическое значение для разработки темы. На них опирается археограф при подготовке тематических документальных изданий. Наряду с архивными материалами они служат первоисточниками по истории образования СССР.

Особое место среди них занимают публикации документов В. И. Ленина— основателя СССР. «Полное собрание сочинений», где впервые был собран воедино весь комплекс документов В. И. Ленина по вопросу образования СССР, обогатило методологическую основу исследования. Оно было расценено советскими учеными как факт, имеющий принципиальное значение для нового осмысления ряда теоретических положений (о федерации, о роли В. И. Ленина в образовании СССР, о прямой зависимости создания единого планового хозяйства от укрепления федеративного союза социалистических республик и создания федеративного государства и т. д.)[5]. Работы В. И. Ленина, впервые включенные в «Полное собрание сочинений» («К вопросу о национальностях или об «автономизации»», письма и записки, связанные с образованием Закавказской Федеративной Социалистической Республики, с образованием СССР), содержали новые теоретические положения и стали неотъемлемой частью теоретической базы исследования. Без этих документов не обходится ни один из исследователей проблемы. В связи с этим важны уточнения, внесенные составителями «Полного собрания сочинений». Благодаря глубокой источниковедческой работе была изменена дата письма В. И. Ленина «Об образовании СССР». Вместо 27 сентября 1922 г., как это было обозначено на конверте письма и в первой публикации в «Ленинском сборнике»[6],

---

[4] Очень важные издания [«I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет (30 декабря 1922 г.)». Изд. ВЦИК. Москва — Кремль, 1922 (более полное издание 1923 г.: «I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет с приложениями». Изд. ЦИК СССР. Москва — Кремль, 1923); «1-я сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик». Изд. ЦИК СССР. Москва — Кремль, 1923; «Постановления Первого съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик». Изд. ЦИК СССР. Москва — Кремль, 1923] в настоящее время являются библиографической редкостью. Основные постановления I съезда Советов СССР неоднократно перепечатывались и известны современному читателю по изданию «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов. 1917—1936», т. III («Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик»). М., 1960. Однако в них не были перепечатаны ценнейшие приложения к стенографическому отчету I съезда — «Статистические данные о составе I съезда [Советов] Союза Советских Социалистических Республик», диаграммы о возрастном, национальном, территориальном и социальном составе делегатов съезда, их образовании, участии в прениях съезда, диаграммы о занятиях делегатов по периодам (до войны 1914 г., до Февральской революции, до и после Октябрьской революции и в настоящее время). Существенный интерес для исследователя представляет издание «Состав 1, 2 и 3 съездов Советов Союза Советских Социалистических Республик». Изд. ЦИК СССР. Москва — Кремль, 1925. Его документы не перепечатывались более.

[5] *Д. А. Чугаев.* Образование СССР.— В кн.: «Очерки по историографии советского общества». М., 1965, стр. 236, 245—246; *С. И. Якубовская.* Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР.— В кн.: «Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Материалы Всесоюзной научной сессии в Душанбе. Май 1968 г.» Душанбе, 1970, стр. 33—35; *В. П. Шерстобитов.* Образование СССР и исторические судьбы народов нашей страны.— «История СССР», 1972, № 3, стр. 20—22.

[6] «Ленинский сборник», XXXVI. М., 1959, стр. 496.

inslav

дана дата 26 сентября с соответствующим убедительным обоснованием[7]. Письмо это имеет принципиальное значение, именно в нем четко сформулирована идея нового образования, нового типа федеративного государства — союза равноправных республик Европы и Азии и дана критика плана «автономизации». Это один из ведущих источников, раскрывающих роль В. И. Ленина в образовании СССР.

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать тематические издания, подготовленные в целях освещения образования СССР. При подготовке этих публикаций решение проблемы отбора документов предполагает использование как опубликованных ранее основополагающих источников, так и новых материалов. Нам хотелось бы подчеркнуть мысль о неизбежности перепечаток, поскольку инициативные, законодательные акты уже публиковались, и притом неоднократно. Как показывает опыт тематических изданий по истории образования СССР, для этих изданий характерной особенностью выявления и отбора документов является то обстоятельство, что они основываются прежде всего на названных выше группах документальных изданий, а затем на архивных материалах.

Первая попытка тематической документальной публикации по проблеме была предпринята Институтом истории Академии наук СССР в связи с 25-летием образования СССР. Сборник «Образование СССР»[8] был подготовлен как учебное пособие. В нем помещен значительный комплекс источников, отражающих в исторической последовательности этапы образования СССР, начиная с первых законодательных актов 1917 г. по национальному вопросу и до законодательного оформления первой Конституции СССР на II Всесоюзном съезде Советов в 1924 г. Этот сборник документов, совершенно необходимый историку тех лет, не терял своего значения до последнего времени, пока не появилось новое издание с такими же задачами.

При выявлении и отборе документов для сборника «Образование СССР» составители исходили из необходимости осветить основные этапы истории создания союзного государства, отразить политику Советской власти в области национально-государственного строительства и факт создания нового общесоюзного государства. В связи с этим в издание было включено большое количество законодательных актов Советского правительства по национальному вопросу и национально-государственному строительству. Эти акты (декларации, декреты, договоры и др.) публиковались ранее, и задача составителей свелась к выбору их печатных текстов.

Основными источниками послужили «Собрание Узаконений», стенографические отчеты съездов Советов и сессий ВЦИК и ЦИК СССР. Были использованы сборники документов «Первая советская конституция», «Первая конституция Союза ССР», «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях» и др. В сборник включено большое количество газетных материалов из центральной и республиканской прессы: «Правда», «Известия», «Коммунист» (орган ЦК КП(б) Украины), «Звезда» (орган ЦК КП(б) Белоруссии), «Заря Востока» (орган Закрайкома РКП(б)) и др. Архивных документов, не публиковавшихся ранее, в издании крайне немного (менее десятка). Для издания учебно-хрестоматий-

---

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211. Обоснование — в примечании на стр. 558: «На письме стоит дата — 27 сентября; видимо, это описка, ибо в «Книге регистрации писем, записок и поручений В. И. Ленина» отмечено, что письмо Ленина было отослано членам Политбюро 26 сентября; кроме того, беседа Ленина со Сталиным, о которой говорится в письме, имела место 26 сентября; из этого можно сделать вывод, что письмо было написано Лениным 26 сентября». Можно еще добавить, что об упоминаемой беседе Ленин писал: «сегодня со Сталиным».

[8] «Образование СССР. Сб. документов. 1917—1924». Под ред. Э. Б. Генкиной. М., 1949.

inslav

ного типа такое соотношение вполне допустимо. Документы в сборнике сгруппированы в семи главах в соответствии с хронологическим и тематическим признаками, последовательно освещая этапы строительства многонационального государства до принятия конституции 1924 г. Археографическое оформление сборника отражает научный уровень послевоенных лет. В литературе отмечалось, что в составе сборника отсутствовал ряд важнейших документов о роли В. И. Ленина и ЦК партии, слабо освещалось объединительное движение широких масс трудящихся союзных республик; методические недочеты — многочисленные купюры текста, снятие подписей под документами, что было характерно для публикаций того времени [9]. Следует сказать еще об одной уязвимой стороне отбора документов: слабо показаны экономические предпосылки образования СССР. Не получил в нем отражения и дипломатический аспект объединительного движения.

Научно-справочный аппарат сборника очень скупой. Он состоит из примечаний, географического указателя и введения, которые, несомненно, облегчают пользование документами сборника.

Публикации документов по истории советского общества, предпринятые в последующие годы, так или иначе вносили новое в изучение проблемы образования СССР. Так, в сборнике «Вопросы экономического районирования СССР» [10] были опубликованы источники (тезисы Комиссии ВЦИК, доклад Госплана, речи и доклады работников его Президиума), раскрывающие одну из причин объединения союзных республик. Они убеждают в необходимости создания общегосударственных органов, которые в равной степени выражали бы национальные интересы каждой республики и обеспечивали бы их сотрудничество и взаимопомощь. Экономическое районирование СССР исходит из интересов народов страны и направлено на комплексное развитие экономики республик и областей.

К 40-летию образования СССР был подготовлен впервые в историко-партийном аспекте сборник документов «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР» [11]. Этот сборник служит почином в освещении роли каждой из объединяющихся союзных республик. Сборник, подготовленный украинскими археографами, раскрывает одну из закономерностей объединительного движения, облегчивших создание союзного государства,— руководящую роль единой Российской Коммунистической партии (большевиков). Документальная база, положенная в основу сборника, весьма солидна. Были использованы фонды как центральных, так и республиканских партийных и государственных архивов, широко привлечена периодика и законодательные издания правительств РСФСР и УССР. В сборник включены новые документы, показывающие работу ЦК РКП(б) на завершающем этапе объединения советских республик и имеющие общесоюзное значение. Среди них — часть протокола заседания комиссии ЦК РКП(б) по вопросу о порядке проведения объединения советских республик в единое союзное государство — Союз ССР [12]. Получили освещение итоги работы Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г., имевшего определяющее значение в истории образования СССР [13].

---

[9] *С. И. Якубовская.* Строительство советского союзного социалистического государства. 1922—1925 гг. М., 1959, стр. 78; *Д. А. Чугаев.* Указ. соч., стр. 228; *Е. А. Зайцева.* Указ. соч., стр. 128.

[10] «Вопросы экономического районирования СССР. Сб. материалов и статей (1917—1929 гг.)». Под общей редакцией академика Г. М. Кржижановского. М., 1957.

[11] «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР. Сб. документов и материалов». Киев, 1962. В 1972 г. вышло 2-е издание сборника, исправленное и дополненное (далее ссылки даются по изд. 2). В 1963 г. этот сборник был издан на украинском языке.

[12] Там же, док. № 395.

[13] Там же, док. № 375.

68039
БИБЛИОТЕКА
inslav

Сильной стороной сборника явилось опубликование в нем резолюций и решений собраний рабочих и сходов селян, мнений и речей делегатов от губерний, постановлений беспартийных конференций [14], показывающих горячее одобрение трудящимися деятельности Коммунистической партии, направленной на создание СССР, интернационализм широких народных масс. Получил освещение в сборнике дипломатический аспект образования СССР. В нем помещен протокол совещания 22 февраля 1922 г. полномочных представителей РСФСР, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бухары, Грузии, ДВР, Украины и Хорезма о дипломатическом единстве на Генуэзской конференции — поручении РСФСР представлять и защищать на конференции интересы 8 республик [15]. Это сборник научно-популярного типа. В нем дано небольшое количество примечаний (на 325 документов всего 50 примечаний) и перечень документов, в котором ссылки сделаны не на номера документов, а на страницы (на одной странице порой 2—3 документа). К сожалению, тексты воспроизведены без подписей. Исключения не составил и такой известный документ, как «Декларация прав народов России» 2 ноября 1917 г. [16], под которым указаны только должности председателя СНК и наркома по делам национальностей без фамилий авторов.

Вслед за украинскими историками аналогичный сборник подготовлен Институтами истории партии Грузии, Армении и Азербайджана [16а].

Развитию союзного государства и братского экономического и культурного сотрудничества народов страны посвящен сборник «Братское содружество народов СССР» [17]. В сборнике, подготовленном ЦГАОР СССР и Академией общественных наук при ЦК КПСС, впервые освещен период после объединения республик и до полной победы социализма (1922—1936 гг.). Проблема отбора и систематизации материала решена в этом научно-популярном сборнике удачно: документы освещают государственное строительство, экономическое содружество и развитие республик в культурном отношении. Источниками для издания служили как стенографические отчеты съездов, выступления делегатов на них с обобщенными отчетными данными о развитии республики, так и статистические материалы, а также архивные источники. Были использованы ценные фонды ЦПА ИМЛ, ЦГАОР СССР и ЦГАНХ СССР. Большинство публикуемых документов ранее не издавалось.

В 1966 г. историческим факультетом МГУ была издана в учебных целях хрестоматия по истории СССР советского периода [18], куда вошли документы за 1917—1958 гг., знание которых, как отмечалось в предисловии, обязательно для каждого студента-историка. Одна из частей сборника специально посвящена образованию СССР (гл. III, § 2). В ней помещены документы об объединительном движении 1921—1922 гг., I съезде Советов СССР, а также обращение II съезда и постановление III съезда Советов СССР о вхождении в состав СССР двух первых союзных среднеазиатских республик — Туркменской и Узбекской [19]. Мы останавливаемся на этом издании, несмотря на то что оно, казалось бы, и не имеет самостоятельного научного значения, поскольку в нем все документы

---

[14] «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР», док. № 213—219, 241, 242, 249, 273, 275, 276, 279, 281, 292—300 и др.

[15] Там же, док. № 356.

[16] Там же, док. № 2.

[16а] «За образование СССР. Большевики во главе борьбы трудящихся Закавказья за образование СССР». Документы и материалы. Редколлегия: Ю. И. Кораблев (отв. редактор) и др. Тбилиси, 1972.

[17] «Братское содружество народов СССР. 1922—1936 гг. Сб. документов и материалов». Под ред. И. И. Грошева. М., 1964.

[18] «Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917—1958 гг.)». Редколлегия: И. М. Волков (отв. редактор) и др. М., 1966.

[19] Там же, гл. III, док. 24—36.

inslav

являются перепечаткой из других изданий. Однако опыт его подготовки и решения проблемы отбора документов к печати весьма интересен. По сравнению с изданием «Образование СССР», которое было широко использовано составителями, новый сборник раздвинул хронологию событий и дал освещение последующих этапов развития союзного государства. В главах VI (1938—1941 гг.) и IX (1953—1958 гг.) помещены документы об изменениях в национально-государственном устройстве Союза ССР. Пользуясь документами изданий «Внешняя политика СССР» (т. IV. М., 1947), «Хронологическое собрание законов Эстонской ССР» (т. I. Таллин, 1953), «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» и др., составители отразили в сборнике вопросы вхождения в СССР прибалтийских республик (1940 г.) [20], образования Молдавской ССР, воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с УССР и БССР [21], а также изменения послевоенных лет. В сборнике получило освещение преобразование Карело-Финской ССР в Карельскую АССР (1956 г.) [22], восстановление национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, карачаевского народов (1957 г.) [23]. В издании показано, что в целях улучшения народнохозяйственного планирования и всестороннего учета запросов союзных республик и разрешения вопросов хозяйственного, социально-культурного строительства республик была создана Экономическая комиссия Совета национальностей в феврале 1957 г. [24] Составители достигли значительной экономии листажа, применив прием использования документов, аналогичных публикуемым, в примечаниях к последним [25].

Положительно рассматривая опыт составителей этого издания, нельзя не указать, что из поля зрения составителей выпал период образования новых союзных республик в середине 1930-х годов, закрепленный Советской конституцией 1936 г. (преобразование Казахской и Киргизской республик из автономных в союзные, ликвидация Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и вхождение в СССР трех закавказских республик).

Юбилейный, 1972 год отмечен выходом в свет новых публикаций. Журнальные публикации «Советских архивов», помещенные в разделе «К 50-летию образования СССР» [26], раскрывают страницы документов из ЦПА ИМЛ, ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР о военно-политическом союзе и государственных отношениях советских республик и об их экономической взаимопомощи в 1917—1922 гг. К сожалению, в публикации о складывании военно-политического и государственного союза включены почти сплошь документы, уже известные. Здесь налицо отступление от установившегося принципа отбора для журнальных научных публикаций новых документов. Публикация «Экономическая взаимопомощь советских республик» представляет большой научный интерес. В ней — в основном новые документы (из 19—15 публикуются впервые) из фонда Совнаркома, ВСНХ и др. об экономических предпосылках образования СССР, о хозяйственном сотрудничестве РСФСР, Украины, Туркестана, Закавказья, проведении единой экономической политики. Этими документами в известной мере восполнен пробел нашей археографии в освещении вопросов экономического содружества в первый период объе-

---

[20] Там же, гл. VI, док. № 31, 34, 36.
[21] Там же, док. № 30, 32, 35.
[22] Там же, гл. IX, док. № 37. К сожалению, факт образования Карело-Финской ССР в 1940 г. не показан.
[23] Там же, гл. IX, док. № 39.
[24] Там же, док. № 40.
[25] Там же, стр. 389, 393.
[26] «Военно-политический союз советских республик (1917—1922 годы)».— «Советские архивы», 1972, № 2, стр. 3—22; «Экономическая взаимопомощь советских республик (1917—1922 годы)».— Там же, № 3, стр. 3—17; «Документы о государственных отношениях советских республик (1920—1922 гг.)».— Там же, № 4, стр. 5—13.

inslav

динительного движения. Прежде эти вопросы показывались в сборниках за более поздний период (с 1921 г.) [27]. Небольшая публикация в журнале «Вопросы истории» [28] воспроизводит основные резолюции и декларации съездов Советов республик, характеризующих объединительное движение республик. Эти документы перепечатаны из центральных и республиканских изданий.

Сборник «Советское содружество народов (Объединительное движение и образование СССР)» [29], несмотря на небольшой объем (в нем 17 п. л.), очень емок по содержанию. Наряду с известными уже материалами — законодательными и партийными,— в сборник вошли ценные источники, впервые публикуемые и охватывающие многие стороны истории образования СССР, из ЦПА ИМЛ, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГА РСФСР и государственных архивов Азербайджана, Армении, Казахстана и Узбекистана. Сборник открывается первым актом Советской власти, принятым 25 октября на II Всероссийском съезде Советов,— воззванием, написанным В. И. Лениным,— «Рабочим, солдатам и крестьянам!» В нем, наряду с решением главного вопроса революции о власти, содержалось положение о том, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [30]. Включение этого исходного в советской национальной политике акта свидетельствует о том, что составители учли анализ и критические замечания Д. А. Чугаева в адрес издания «Образование СССР», где этот акт отсутствовал. (Заметим, однако, что документ этот воспроизведен в сборнике фотомеханически и не включен, к сожалению, в перечень публикуемых документов — в «Содержание».) Хронологически повествование сборника охватывает период до момента утверждения I съездом Советов СССР Декларации и Договора об образовании СССР. Нельзя не провести аналогии со сборником «Образование СССР». Там конечный этап дан более правильно, в нем отражен факт принятия первой Конституции СССР II съездом Советов СССР в январе 1924 г. В новом сборнике составители остановились на полпути, поскольку I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор (они опубликованы в сборнике) *в основном* и передал их на дальнейшую доработку. Их окончательные тексты, уточненные и утвержденные, составили содержание первой Конституции СССР. Составители нового издания не вполне продумали вопрос об установлении конечной даты документов издания. Тексты Декларации и Договора, опубликованные ими, не являются основными текстами, они претерпели ряд изменений. Для современного читателя правильнее было опубликовать окончательную редакцию этих документов.

Отбор документов в сборник проведен таким образом, чтобы отразить все основные аспекты объединительного движения — военно-оборонный, экономический, дипломатический. В отличие от предыдущего издания здесь значительное место отведено вопросам экономического сближения и братской помощи и взаимопомощи народов страны с народами Средней Азии. В приемах археографической обработки документов заметно стремление издателей опубликовать документы для массового читателя в облегченной манере: отсутствует нумерация документов, в заголовках на первый план крупным шрифтом вынесено содержание. По этому поводу у нас в печати уже высказывались сомнения относительно того, облегчают

---

[27] См. раздел II «Развитие экономики союзных республик» в сборнике «Братское содружество народов СССР».

[28] «Документы об образовании СССР». Вступительная статья И. Н. Владимирцева.— «Вопросы истории», 1972, № 6, стр. 3—19.

[29] «Советское содружество народов (Объединительное движение и образование СССР). Сборник документов. 1917—1922». Редколлегия: Л. С. Гапоненко, М. П. Ким и др. М., 1972.

[30] Там же, стр. 11.

inslav

ли использование документов такие приемы[31]. В оглавлении заголовки документов приведены без дат. Розыск нужного документа затруднен, ссылка на него (без номера) — то же. Между тем сборник (его тираж 60 тыс. экз.), как отмечено в книге, предназначен прежде всего для преподавателей, пропагандистов, которые являются вполне подготовленными к работе с документальными изданиями.

В канун празднования 50-летия образования Советского Союза вышел сборник документов, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом истории СССР Академии наук СССР и Главным архивным управлением,— «Образование Союза Советских Социалистических Республик»[32]. Это новое издание дает исследователю источники, последовательно и многопланово раскрывающие историю объединительного движения народов союзных республик и создание СССР. Оно отражает достижения советской историографии и археографии почти за четверть века, прошедшие с момента первого археографического опыта документального освещения этой темы (в сборнике 1949 г. «Образование СССР»). В новом издании устранены недостатки первого сборника. Составителями был проведен отбор документов, отражающих роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и В. И. Ленина в образовании СССР. Включены источники о всенародной поддержке идеи образования СССР в республиках. Получил отражение и дипломатический союз советских республик, сложившийся перед Генуэзской конференцией. Строго продумано построение сборника. В нем четыре раздела. Первый отражает ленинскую национальную политику и объединительное движение народов советских республик (1917 г.— ноябрь 1922 г.). Второй — освещает роль Коммунистической партии в создании Советского многонационального государства. В нем две части: 1-я — «В. И. Ленин, ЦК РКП(б) — вдохновители образования СССР» и 2-я — «Обсуждение в республиках проекта образования СССР». Третий раздел объединяет документы о подготовке образования СССР с 16 октября 1922 г. и материалы I съезда Советов СССР. В нем выделена как самостоятельная группа документов «Приветствия, поступившие с мест в связи с решениями X Всероссийского съезда Советов и I съезда Советов СССР об образовании Союза Советских Социалистических Республик» (за январь — декабрь 1923 г.). В последнем, четвертом, разделе собраны документы о разработке и принятии первой Конституции СССР (апрель 1923 г.— май 1924 г.). Хронологические рамки сборника раздвинуты за счет включения в него первых актов Советской власти 25 и 26 октября 1917 г., принятых II Всероссийским съездом Советов.

Выявление и отбор документов для сборника проведены в основном из имеющихся документальных изданий. Вместе с тем было проведено выявление документов в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР — 26 документов опубликовано в сборнике впервые. Изучению были подвергнуты республиканские и местные газеты, из них были выявлены и включены в сборник решения губернских и уездных съездов Советов, резолюции собраний, посвященных обсуждению в республиках вопроса образования СССР. Ряд документов, ранее включавшихся в сборник «Образование СССР», был отсеян. Это особенно заметно на опыте отбора документов съездов (VII Всеукраинского, IV Всебелорусского, I Всесоюзного). В новый сборник не были включены речи выступавших на I Всесоюзном съезде (М. В. Фрунзе, М. И. Калинина, С. М. Кирова и др.). Здесь можно

---

[31] *Т. В. Ивницкая.* Публикация документов по истории рабочего класса СССР (1918—1920 гг.). М., 1960, стр. 49; *Т. В. Батаева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн.* Археография в послевоенные годы (1945—1955).— «История советской археографии». Учебное пособие, вып. V. М., 1967, стр. 45—46.

[32] «Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов». Редколлегия: Ю. И. Кораблев (отв. редактор) и др. М., 1972.

inslav

заметить тенденцию сузить отражение хода работы съезда, но полнее показать его решения. В частности, решения I Всесоюзного съезда Советов представлены в новом издании полно (по сравнению с изданием 1949 г., добавлены два постановления I съезда[33]). Было бы неплохо, если бы материалы I съезда были как-то выделены от остальных, например, с помощью группового заголовка, как это сделано в отношении приветствий с мест в связи с решениями этого съезда. В целом сборник документов дает ценный комплекс источников по истории создания многонационального союзного государства. Документы получили небходимую археографическую обработку на уровне научно-популярных изданий (в легендах к ранее публиковавшимся документам архивный шифр не указывается). К ним составлены обстоятельные примечания, два указателя (именной и географический).

В сборник «Образование и развитие СССР как союзного государства» вошли законодательные и нормативные акты за время с октября 1917 г.— создания первой социалистической республики — до 1961 г.— преобразования Тувинской автономной области в автономную республику[34]. Документы сборника, перепечатанные из многих общесоюзных и республиканских законодательных изданий и из периодики, составляют три раздела, раскрывающие основные этапы создания и развития Советского союзного государства. Сборник снабжен хронологическим перечнем документов и предисловием.

Важный аспект укрепления и роста союзного государства развивается в тематическом республиканском сборнике о борьбе трудящихся Западной Белоруссии за свое освобождение и воссоединение с БССР[35]. Вопрос воссоединения Западной Белоруссии с БССР отражен в нем в III разделе и охватывает события сентября — ноября 1939 г. В нем помещено 20 документов, в основном из периодики, которые характеризуют процесс выборов в Народные Собрания, акты Народного Собрания о государственной Советской власти, вхождении в состав БССР и о первых социалистических преобразованиях.

Празднование 50-летия образования СССР обогатило документальную базу новыми ценными источниками. В докладе Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» и материалах совместного юбилейного заседания ЦК КПСС и Верховных Советов СССР и РСФСР обобщен полувековой опыт разрешения национального вопроса и развития союзного государства[36].

Подведем краткие итоги. Опубликованные источники по истории образования СССР освещают главные черты объединительного движения советских республик. В них нашли отражение основные закономерности движения, вытекающие из двух тенденций в национальном вопросе при социализме — всестороннего развития каждой нации и народности и оформления их национальной государственности, с одной стороны, и, с другой — интернационального сближения их в едином многонациональном государстве.

В документах запечатлена выдающаяся роль В. И. Ленина в разрешении национального вопроса и образовании СССР как великого теоретика

---

[33] «Образование Союза Советских Социалистических Республик», док. № 170, 171.

[34] «Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и нормативных актов». Авт. вводной статьи и редакторы В. И. Васильев и П. П. Гуреев. М., 1972.

[35] «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы». В двух томах. Под ред. А. Н. Мацко, В. Н. Жигалова и Н. С. Орехво. Минск, 1962, 1972.

[36] «50 лет образования Союза Советских Социалистических Республик. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1972 г.» Стенографический отчет. М., 1973.

inslav

и практика. Показана роль Коммунистической партии, возглавившей объединительное движение.

В изданных документах определены основные этапы объединительного движения, отражен военно-политический союз республик в годы гражданской войны, складывание экономического и дипломатического союза в годы восстановления народного хозяйства, закончившегося движением за образование новой государственной формы — союзного государства на правах равноправия, добровольности и суверенитета. Опубликованы исторические материалы I Всесоюзного съезда Советов и первая Конституция СССР. Всенародное объединительное движение 1922 г., возглавленное Коммунистической партией, в бо́льшей степени отражено по Украине, в меньшей — по Закавказью и Белоруссии [37]. Последующий период развития союзного государства сколько-нибудь полного научного освещения в изданиях не получил. Он частично отражен в упомянутом учебном хрестоматийном издании и новых сборниках о Западной Белоруссии и Казахстане [38]. Пока документально почти не затрагивался международный аспект значения образования СССР [39].

С точки зрения методов издания документов в рассматриваемой группе заметно совершенствование приемов, устранение недостатков первых изданий. Это особенно видно при сопоставлении аналогичных изданий (4-е и 5-е издания Сочинений В. И. Ленина, 7-е и 8-е издания «КПСС в резолюциях и решениях съездов...», «Образование СССР» и «Образование Союза Советских Социалистических Республик»). Выявляются и публикуются новые ценные источники в целях правильного отражения объективных процессов исторического развития. Здесь особенно наглядны взаимосвязь, обусловленность и обогащение советской археографии и историографии. В археографической обработке наблюдается более точная и полная передача текстов, воспроизведение подписей. Но эти вопросы еще не всегда находят правильное разрешение. В качестве примера возьмем «Декларацию прав народов России». В передаче текста и расположении подписей этого важнейшего документа, опубликованного по разным источникам, имеются расхождения. Это характерно и для двух последних изданий: «Советское содружество народов» и «Образование Союза Советских Социалистических Республик». В первом из них текст «Декларации» публикуется по «Декретам Советской власти» [40] (где в основу взят текст газеты «Правда» и подлинника), во втором — по «Собранию Узаконений» [41] (где текст менее полный, не имеет шрифтовых выделений и подписи даны в иной, чем в «Правде» и подлиннике, последовательности). На наш взгляд, правы составители, взявшие за основу текст издания «Декреты Советской власти» — наиболее полный и близкий к подлиннику, в котором учтены все имеющиеся источники.

Научно-справочный аппарат в изданиях существенно облегчает использование опубликованных документов. Он выполнен в соответствии с научно-популярным типом издания. Однако не получили еще широкого применения в нем выявленные, но не публикуемые документы, статистические материалы, диаграммы и т. п. Многие ценные теоретические рекомендации «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969) не получают еще реализации в наших изданиях.

---

[37] «Участие Белоруссии в образовании СССР. 1917—1924 гг.» Документы и материалы в помощь докладчикам, лекторам и политинформаторам. Минск, 1972.

[38] См. сн. 18, 35; «В братском единстве советских народов СССР (образование Казахской ССР)». Алма-Ата, 1972.

[39] Одну из сторон этой темы отражает лишь сборник «Международная поддержка борьбы трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной (1918—1940 гг.). Сборник документов и материалов». Под ред. С. Я. Афтенюка и Я. М. Копанского. Кишинев, 1970.

[40] «Советское содружество народов», стр. 12—14.

[41] «Образование Союза Советских Социалистических Республик», стр. 21—22.

inslav

Существенным недочетом, как нам представляется, является раздробленность документов по небольшим разнотипным и разнотемным изданиям, выпущенным вне зависимости друг от друга, и отсутствие изданий научного типа. В связи с этим в документальных изданиях не дано текстологическое сопоставление редакций такого ценнейшего источника, каким является первая Конституция СССР, отразившая особенности объединения суверенных социалистических государств на принципах добровольности и равенства. Несмотря на значительную работу, проведенную советскими археографами, существует потребность в крупном, желательно серийном кооперированном издании научного типа, подготовленном совместно историками, археографами и юристами, в котором были бы сведены воедино ценнейшие источники о великом историческом опыте образования и развития первого в мире многонационального социалистического государства.

inslav

Ю. А. Ахапкин, А. С. Покровский

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(Из опыта работы)

Изучение истории Великого Октября, гражданской войны и иностранной интервенции, первых лет мирного строительства Советского государства, государственной деятельности организатора и руководителя первого в мире социалистического государства В. И. Ленина невозможно без привлечения основных документов высших органов Советской власти — декретов, постановлений, положений, предписаний, обращений, воззваний и т. д.

В. И. Ленин является основоположником советского законодательства. Благодаря его непосредственному участию в разработке всех основных законов Советского государства, социалистическое законодательство поставлено на твердую основу марксистско-ленинского учения о государстве и праве.

На современном этапе «партия придает большое значение **совершенствованию советского законодательства**»,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза [1]. Творческое изучение и использование законодательства первого советского правительства является необходимым условием успешного выполнения задач, поставленных XXIV съездом партии.

В свете этих задач издание сборников «Декреты Советской власти», выпускаемых Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории СССР Академии наук СССР, приобретает первостепенное значение.

Первая попытка научного издания законодательных актов Советской власти начального периода была предпринята Институтом Маркса — Энгельса — Ленина в 1933 г.— был выпущен один том сборника «Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как Председателем Совнаркома)». Его инициатором и подготовителем явился крупнейший советский ученый — источниковед и археограф С. Н. Валк [2].

Это издание, высоко оцененное не одним поколением историков [3],— практическое воплощение принципов и приемов публикации историко-революционных и ленинских документов, предложенных и научно обоснованных С. Н. Валком еще в середине 20-х годов [4]. Работая в эти годы в Институте В. И. Ленина в качестве научного консультанта, С. Н. Валк разработал методику передачи текстов документов В. И. Ленина и официальных правительственных актов: установление требуемого соотношения «чтений» документа (рецензия), передача грамматического строя

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 77.

[2] Помимо изданного, С. Н. Валком были подготовлены еще два тома, заканчивавшиеся июлем 1918 г.

[3] *М. П. Ирошников.* Изучение начального советского законодательного акта (конец 1917 г.— начало 30-х годов).— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968, стр. 191.

[4] *С. Н. Валк.* О приемах издания историко-революционных документов.— «Архивное дело». М., 1925, вып. III—IV, стр. 60—81; *он же.* Проект правил издания трудов В. И. Ленина. М.— Л., 1924, 1926.

inslav

текста с учетом новых правил орфографии (транскрипция), исправление поврежденного или явно ошибочного текста (эмендация). Валком впервые был поставлен вопрос о применении (при издании историко-революционных документов новейшего времени) таких важнейших понятий археографии, как «редакция», «список», «вариант», указывались критерии выбора «основного текста», возможные технические приемы передачи различных вариантов текста в сносках.

Высказывание Валка о том, что «без правильно переданного текста документ превращается в одно лишь фантастическое построение своего издателя» [5], может служить девизом его публикаторской деятельности и в то же время правилом для каждого археографа, источниковеда и историка.

Кроме вопросов передачи собственно текстов документов, Валк много внимания уделил и другим видам археографических работ: обосновал принципы и приемы составления заголовков (они должны обладать «точно установленным составом», отражать «как материальный, так и формальный состав данного документа»); легенд (совокупности «тех археографических данных контрольного значения, которые дают возможность исследователю проверить как текст документа, так и приемы нашей в отношении к нему редакционной работы») [6].

Задача сборника «Декреты Октябрьской революции» заключалась в том, чтобы дать, за редким исключением, документы, связанные с законодательно-распорядительной деятельностью В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров. Поэтому в основу издания были положены декреты и постановления Совнаркома РСФСР, причем опубликованные непременно в 1917 — начале 1918 г.

Как известно, первый том этого издания охватывает правительственные акты, подписанные или утвержденные В. И. Лениным в период с победы Октября до роспуска Учредительного собрания 6(19) января 1918 г. Законодательство последующих периодов исследователи изучали по-прежнему по периодическим изданиям тех лет, далеко не полным и не совершенным с точки зрения предъявляемых к ним научных требований.

Все это побудило С. Н. Валка выступить в 1939 г. со статьей «О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания» [7], в которой автор пришел к следующему обоснованному выводу: «Необходимо, настоятельно необходимо... иметь научное издание декретов... Это научное издание дало бы нам — на основе всех имеющихся источников текста — критически установленный правильный текст декретов» [8]. К сожалению, война 1941—1945 гг. помешала осуществлению этого пожелания.

В 1955 г. С. Н. Валк обратился к Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институту истории Академии наук СССР с предложением приступить к многотомному научному изданию законодательных актов Советской власти, с первого дня победы Великой Октябрьской социалистической революции, за все время руководства В. И. Лениным первым советским правительством России, и к 40-летию Октябрьской революции выпустить первый том.

Оба института ответили согласием и предложили С. Н. Валку руководить изданием. Издание получило название «Декреты Советской власти». Уже этим подчеркивалась более широкая программа публикации, чем в издании 1933 г. Относительно состава издания было решено не ограничиваться публикацией законов, написанных, утвержденных и подписанных В. И. Лениным и обнародованных в правительственной прессе,

---

[5] *С. Н. Валк.* О приемах издания историко-революционных документов, стр. 60.
[6] Там же, стр. 61, 76.
[7] «Архивное дело», 1939, № 3 (51), стр. 1—22.
[8] Там же, стр. 22.

inslav

как это было в «Декретах Октябрьской революции», а печатать *все* законодательно-распорядительные акты высших органов Советской власти — всероссийских съездов Советов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума, Совета Народных Комиссаров, комиссий при СНК — Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, Совета Труда и Обороны, Малого Совнаркома и других, как опубликованные, так и ранее не публиковавшиеся. Последнее определило структуру каждого тома издания: два раздела — первый состоит из актов, опубликованных в те годы в газетах и журналах, в ведомственных изданиях центральных советских учреждений; второй — из не публиковавшихся в первые годы Советской власти и вообще не публиковавшихся. Постановления СНК, подписанные В. И. Лениным, о назначениях народных комиссаров и членов коллегий народных комиссариатов и об ассигнованиях, ввиду их однотипности, даются приложениями в виде регестов.

Главная задача издания «Декреты Октябрьской революции» — показать правотворческую деятельность В. И. Ленина — в новом издании решается глубже, на большей документальной базе. Его проекты, правка проектов, тезисы, замечания и дополнения, пометы на проектах и подлинниках, отражающие работу над тем или иным декретом, публикуются вместе с окончательным текстом закона. Печатаются как опубликованные, так и неопубликованные документы В. И. Ленина.

«Декреты Советской власти» получили в целом высокую оценку в советской исторической литературе[9]. Правда, о них иногда пишут как о повторном издании «Декретов Октябрьской революции», его продолжении. Это вряд ли оправданно: перед каждым изданием были поставлены свои задачи (о них мы говорили выше). Несомненно, в них много сходства, но и много различий, несмотря на то что основными документами для обоих изданий явились законы Советской власти. В каждом издании встречаются отдельные документы, которые не печатались в другом, по-разному составлены легенды, иногда выбраны другие источники для публикации текста декрета, приняты иные приемы в передаче особенностей текста, иные принципы комментирования одних и тех же законов и т. д. Напрашивается вывод, что при изучении декретов Советской власти первых месяцев ее существования нельзя игнорировать ни одно из рассмотренных изданий.

Главным подготовителем обоих изданий является С. Н. Валк. Особенно благотворно это сказывается на издании томов «Декреты Советской власти». Глубина знаний, эрудиция, огромный опыт, высокая культура, требовательность, высочайшая скромность, умение доказать свою правоту и согласиться с убедительными доводами оппонента без тени уязвленного самолюбия — все эти качества руководителя работы создали среди подготовителей чувство глубокого понимания сложности задач, ответственности и высокого творческого вдохновения.

Бытующее среди археографов представление о якобы сугубой простоте выявления документов и определения состава сборника, требующих только внимательности, привычки к трудоемкой, но механической работе, опрокинуто той практикой, которой неукоснительно следовал С. Н. Валк. Он направил работу так, что непременным условием поиска является глубокое изучение законодательства определенного периода и истории каждого закона этого времени. Первая стадия работы над томом издания начинается с выявления в центральной прессе всех напечатанных декретов и постановлений. По окончании сбора минимума данных о них изучаются протоколы высших органов Советской власти (съездов Советов, ВЦИК, его Президиума, СНК, Малого СНК, Совета Рабочей и

---

[9] *С. И. Якубовская, В. П. Данилов.* Источниковедение и изучение истории Советского общества.— «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 6, 17; *И. Смирнов.* Достоверные факты — основа исторического исследования.— «Коммунист», 1962, № 3, стр. 77.

inslav

Крестьянской Обороны). В протоколах черпаются необходимые сведения о подавляющем большинстве принятых за данный период нормативных актов (как опубликованных, так и не попавших в печать): когда и кто впервые поставил их на повестку дня, ход обсуждения проектов, круг учреждений и лиц, участвовавших в разработке того или иного документа, их степень участия, дата утверждения закона, время вступления его в силу, порядок окончательного оформления оригинала (подлинника), характер обнародования, круг исполнителей. Усвоение всех этих сведений делает поиск недостающих текстов декретов и других документов более направленным и позволяет определить его пути.

Такой метод поиска способствует более полному выявлению законов и других нормативных актов, что является непременным условием для издания, дает возможность осмыслить законодательную деятельность Советской власти в целом за определенный период и дать комментарий, освещающий историю подготовки и обнародования каждого закона в отдельности.

Такая постановка работы над составом томов издания приводит иногда к интересным находкам. Так, при подготовке четвертого тома был найден новый документ В. И. Ленина. При сборе сведений к декрету Совнаркома от 16 марта 1919 г. о потребительских коммунах составители обратили внимание на то, что на заседании СНК 7 марта 1919 г. при рассмотрении вопроса о подготовке проекта декрета обсуждались тезисы В. И. Ленина о потребительских коммунах, которые были приняты СНК и предложены вырабатывавшей проект декрета комиссии положить их в основу декрета. Однако текст тезисов В. И. Ленина нигде не был опубликован и в архивах не был найден. В этот же день на обсуждении СНК, помимо тезисов В. И. Ленина, стояли тезисы Всероссийского совета рабочей кооперации и коллегии Народного комиссариата продовольствия. Начался поиск трех текстов тезисов, последние два были обнаружены в приложениях к протоколу заседания СНК от 7 марта 1919 г. Вместе с ними находились два листа машинописного текста, без подписей, но по тому же вопросу. Изучение этих листов показало, что это и есть текст тезисов В. И. Ленина. Бросалось в глаза чуть ли не дословное совпадение отдельных фраз с аналогичными высказываниями В. И. Ленина в проекте программы партии, над которой он работал в эти же дни. Работа В. И. Ленина над тезисами не завершилась утверждением их Совнаркомом. 16 марта 1919 г. после одобрения СНК проекта декрета В. И. Ленин внес поправки в проект, в качестве введения к нему использовал вводную часть своих тезисов, приложив свой перепечатанный экземпляр тезисов с правкой к проекту декрета [10].

При разработке принципов издания были четко определены круг авторов и критерий подхода для включения того или иного документа. С. Н. Валк возражал против каких-либо отклонений. В его замечаниях можно прочесть: «Как указано в предисловии к первому тому, такого рода документы, как телеграммы, даются «в отдельных случаях». Поэтому критерием включения считал бы содержание телеграммы (считаю, что все важнейшие по своему значению должны войти, а относящиеся к частным и второстепенным вопросам могут быть опущены, чтобы не превратить данное издание в издание всех вообще документов СНК)» [11], или «К характеру нашего издания, где, как правило, помещены акты, имеющие общее значение, документы, имеющие характер частных распоряжений, не подходят». Эта твердость Валка определила цельность издания. К сожалению, некоторые критики не поняли этого и в своих замечаниях предлагают отступить от принятого принципа. Например,

---

[10] «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, стр. 491—508.

[11] Приведенные здесь и далее замечания С. Н. Валка к отдельным томам «Декретов Советской власти» хранятся в архиве данного издания, в ЦПА ИМЛ.

inslav

М. С. Селезнев как недостаток отмечал отсутствие в первом томе «Декретов Советской власти» постановлений от 28, 29 октября и 23 декабря 1917 г. (старого стиля) — об организации Рабоче-Крестьянской милиции, о 8-часовом рабочем дне и о введении нового правописания [12]. Учитывая характер издания, они не могут быть опубликованы, так как являются постановлениями не высших органов Советской власти, а народных комиссариатов, документы которых в издание не включаются.

В нашей археографической практике еще не утвердились точные термины определения характера текстов документов, поэтому высказывания Валка по этим вопросам, хотя и в рабочем порядке, имеют определенный интерес. Так, в замечаниях к декрету СНК от 23 марта 1918 г. об учреждении Государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального [13], С. Н. Валк писал: «Все же думаю, что № 5520 [14] подлинником назвать нельзя. Дело не в тексте: утвержденный проект по своему тексту обязательно тождествен с подлинником. Поэтому при рассмотрении рукописи и решении вопроса, является ли эта рукопись подлинником или утвержденным проектом, вопрос решается не тождеством текста, а тем, что подлинник обязательно должен иметь определенные признаки своего оформления, и прежде всего это беловой текст, а не текст с поправками и помарками». К этой мысли Сигизмунд Натанович возвращается неоднократно. «Подлинник с правкой — это, как мне приходилось писать, несочетаемое выражение. Если это подлинник, то он уже перешел через все правки, если в текст внесена правка, то он до внесения правки еще не подлинник, а только проект, а после утверждения текста он тоже еще не становится подлинником. Для подлинника требуется не только утвержденный текст (текст проекта + поправки), но и его определенное оформление»,— читаем в замечаниях ко второму тому «Декретов Советской власти».

Эти пояснения имеют далеко не формальное значение. Зная, что данный текст является утвержденным проектом, но не подлинником, мы, таким образом, имеем право предполагать, что он еще не прошел все возможные (но не обязательные!) стадии в процессе своего создания, что, вероятно, существует и подлинник (оригинал, беловик). И, наоборот, имея налицо действительный, надлежаще оформленный подлинник, мы оставляем открытым вопрос о существовании утвержденного проекта. Все это весьма важно в методическом плане, в том отношении, что позволяет предвидеть существование еще не найденных текстов, в том числе с подписью В. И. Ленина или его правкой, т. е. нацеливает на дальнейшие поиски ленинских документов.

Впрочем, в первые месяцы существования Советской власти, особенно в «период Смольного», законодательные акты не всегда проходили все возможные стадии оформления, т. е.: 1) проект, 2) проект или проекты с правкой и пометами об утверждении, 3) официальный текст (или оригинал, беловик, подлинник), 4) копии, снятые с подлинника для рассылки исполнителям, в печать и т. д. Эту особенность Валк отмечал еще в 1933 г.: «Необходимо указать, что для ряда актов СНК этого времени совсем выпадает важнейшая с точки зрения обычных представлений стадия — изготовление белового подлинника: в отношении ряда декретов и других актов мы обладаем только проектами документов с пометками об утверждении их или даже только с дополнительными подписями, сделанными в СНК» [15].

---

[12] *М. С. Селезнев.* Законодательные акты начального периода развития Советского государства.— «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 7, стр. 104; «История советской археографии». Учебное пособие под ред. М. С. Селезнева, вып. VI. Археография в период развернутого строительства коммунизма. М., 1967, стр. 24.

[13] «Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 5–11.

[14] Там же, стр. 6.

[15] «Декреты Октябрьской революции». М., 1933, стр. V.

inslav

Выбор основного источника обычно начинается после вычитки текста подлинника по всем найденным печатным и архивным источникам. Согласно существующим правилам, законодательные акты подлежат опубликованию по печатным, официальным источникам. Но, как правило, каждый закон печатался в нескольких изданиях, и есть случаи неоднократной публикации документа в одном издании. Главный критерий основного источника, твердо проводимый в «Декретах»,— сходство с текстом оригинала (подлинника) закона, при его отсутствии — с утвержденным проектом, копией для печати.

Несколько иной подход при выборе текста непубликовавшегося раньше закона. Бывает, что один и тот же акт имеет два или несколько вариантов текста, тогда основным берется текст, направленный к исполнению. Такой случай произошел с постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 29 апреля 1919 г. о переводе на красноармейский паек рабочих артиллерийских складов и огнескладов [16]. В распоряжении подготовителей оказались копии двух вариантов постановления, и оба как будто представляли интерес. Замечания С. Н. Валка по этому поводу дают «ключ» к выбору текста: «Оба «варианта» составлены секретарем на основе одного и того же протокольного текста. Но первый составлен 30 апреля, т. е. на следующий же день после заседания, и, согласно пометкам, тогда же получил надлежащее дальнейшее направление к действию. Второй «вариант», составленный тем же секретарем только 6 мая, не имеет никаких пометок о какой-либо дальнейшей действительной его судьбе и был передан только М. И. Гляссер, по-видимому, для внутреннего употребления в Совете Обороны. Конечно, надо печатать первый «вариант»».

После выбора текста главное внимание уделяется передаче текста. Основная цель при этом заключается в том, чтобы преподнести читателю декрет и постановление в таком виде, чтобы он мог полностью оценить документ, для этого в первую очередь даются основные элементы закона: заголовок (по оригиналу), текст декрета или постановления, подписи под ним, указание на место принятия и дата. Все остальные, второстепенные элементы приводятся в легендах. К второстепенным элементам относятся: резолюции и делопроизводственные пометы, дающие возможность судить о подлинности документа и о его судьбе до рассылки исполнителям (пометы до получения документа на обсуждение, об утверждении, ссылки на протоколы, почта-гриф и сведения о рассылке документа), бланк и печать. Перечисленные выше элементы вместе с указанием на место хранения документа и печатные источники составляют легенды, которые помещаются в томах перед законом и дают возможность читателю получить необходимые контрольно-справочные сведения о каждом декрете и постановлении.

Передача текста начиная с пятого тома осуществляется по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Смысловые ошибки основного текста исправляются с обязательной оговоркой под текстом и указанием на правильный источник. Все разночтения, в малейшей степени изменяющие смысл текста, приводятся в текстуальных примечаниях, разночтения с подлинником оговариваются все. Сокращенные названия учреждений пишутся полностью, но это относится только к буквенным сокращениям типа ВЦИК, СНК, СТО, НКФ, НКПС и т. п.; образованные из сокращенных слов названия остаются без изменения, например: Совнарком, Наркомфин, совхоз, Совдеп, райисполком, волисполком и т. п.

Этому виду подготовки документов к печати Сигизмунд Натанович уделяет постоянно много внимания, и порой приходится удивляться его проницательности и точности в определении той или иной погрешности

[16] «Декреты Советской власти», т. V. М., 1971, стр. 473.

inslav

документа. Причем его замечания всегда носят характер рассуждений, которые в конечном счете становятся практическим пособием по вопросам издания законодательных актов Советской власти. Вот маленький пример замечания Сигизмунда Натановича, как писать слово: ««Национализированный» или «национализованный»; ранее говорили и так и этак; первое отражает влияние немецкого языка с окончанием его глаголов на «ieren» («nationalisieren»); второе — отражает французское влияние («nationaliser»). Теперь окончание «овать» вышло у нас, кажется, совсем из употребления. Нам все же надо писать так, как в подлиннике и изданиях».

Большую ценность представляют рассуждения С. Н. Валка о передаче ленинского текста. В качестве примера приведем два его замечания: первое — о том, какой текст должен быть напечатан под литерой «а». Этот текст «определяется самим заголовком, согласно которому мы даем только «проект с правкой В. И. Ленина», а не всю историю текста проекта со всеми его правками. В издании 1933 г. (имеется в виду первый том «Декретов Октябрьской революции».— *Ред.*) указывалась, согласно иным задачам, вся история текста, включая и правку декрета после его просмотра В. И. Лениным. Согласно этому мы обязаны здесь дать: 1) тот текст, который поступил на рассмотрение В. И. Ленина, и 2) последующую правку этого текста Лениным; этим и исчерпывается «а». Таким образом, вся правка, которая была внесена в текст проекта до просмотра его Лениным, должна быть включена в печатаемый под литерой «а» текст, так как над ним-то и работал Ленин; наоборот, та правка, которая была внесена позднее, после правки Ленина, в текст «а» уже не входит, и если ее можно указывать (как в издании 1933 г.), то только в сносках. Вследствие этого текст под литерой «а» является тем текстом, каким он вышел после правки Ленина, а не тем с другими всеми поправками, которые приняты были СНК». Вот его другое замечание в связи с передачей сложного текста, с «многослойной» и разновременной правкой В. И. Ленина. Речь идет о публикации тезисов В. И. Ленина, предшествующих появлению известного декрета ВЦИК и СНК от 11 апреля 1918 г. о потребительских кооперативных организациях[17]. «Мне кажется, что механическое воспроизведение текста совсем закрывает ход работы В. И. Ленина,— пишет Валк.— Такое механическое воспроизведение приемлемо только в тех случаях, когда рукопись не только воспроизводится, но когда предполагается, что читатель будет читать именно рукопись, а печатный текст не имеет самостоятельного значения, а предназначен только для облегчения чтения рукописи. Но у нас ведь задача другая. Наш читатель будет изучать ленинские тезисы по печатному тексту. Поэтому печатный текст должен быть так воспроизведен, чтобы, при возможно близком следовании внешнему виду рукописи, все же не допускать возможности механического чтения текста рукописи строка за строкой, там, где на самом деле эти строки являются разновременными, несогласованными, являются замечаниями к тексту, а не частями текста и т. п.»

Тщательное изучение истории ленинского документа, работа по передаче текста, желание понять ход размышлений В. И. Ленина над той или иной фразой документа, последовательность работы В. И. Ленина над рукописью приводят иногда к реконструкции ленинского документа. В этом плане характерна работа по подготовке ленинского проекта декрета о национализации торгового флота в январе 1918 г.[18] Внешний анализ рукописи показал, что она написана на одном листе черными чернилами и черным карандашом. Записи чернилами приведены в верхней половине листа и имеют карандашные добавления и поправки. Аб-

[17] Там же, т. II, стр. 77—79.

[18] Там же, т. I. М., 1957, стр. 391—393. Здесь же опубликовано факсимиле ленинской рукописи.

inslav

зацы записей чернилами пронумерованы карандашом с третьего по шестой номер. Записи карандашом сделаны позднее записей чернилами. Таким образом, ясно, что Ленин, приступая к написанию проекта декрета, имел перед собой им же написанный документ, в котором отмечены главные задачи: национализация торгового флота, передача управления судами судовым командам, до создания центрального управления флотом временно ограничиться созданием управлений по каждому бассейну, подчиненных центральным и местным органам Советской власти. Реконструкция записей чернилами показала, что перед нами тезисы В. И. Ленина, которые им были с поправками включены в проект декрета. Написал он их до заседания СНК 18(31) января 1918 г., на котором обсуждался вопрос о национализации торгового флота. Проект декрета он писал на заседании СНК или вскоре после заседания, в этом нас убеждает то, что в проекте использованы два предложения докладчиков от Центрального комитета Всероссийского союза речников и моряков торгового флота и областного комитета Союза работников водного транспорта Волжского бассейна (Центроволга).

Так был восстановлен ленинский документ.

Важнейшим аспектом публикаторской работы является изучение истории создания декрета и постановления. Практическим выражением такого изучения является не только научный комментарий, но и правильно построенная легенда. В сложных легендах (некоторые из них занимают чуть ли не целые страницы в «Декретах») взаимосвязанное расположение названий использованных текстов (архивных и печатных) создает у читателя первое общее представление о последовательности хода создания того или иного декрета. В качестве примера можно взять подготовку легенды к декрету СНК от 23 марта 1918 г. о централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности[19]. В легенде использованы два проекта с правкой В. И. Ленина: первый — от 21 марта, утвержденный В. И. Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, № 5510), второй — от 23 марта (там же, № 5511); две машинописные копии (одна из ЦПА, ф. 19; другая — из ЦГАОР СССР); декрет — из газеты «Известия ВЦИК», № 57 и 59 и «Собрания Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства». Вот рассуждения С. Н. Валка по оценке архивных и печатных источников. «... [№ 5511] — копия декрета, принятого СНК 21 марта. Она была 23 марта правлена Лениным. Но еще до ленинской правки ее первоначальный машинописный текст был правлен кем-то другим; судя по содержанию этой предварительной правки, она была произведена в связи с переговорами с Викжедором. Такая последовательность правок ясно вскрывается в тексте конца § 3. Первоначально он в машинописном тексте читался — «диктаторскими полномочиями в области транспорта». Затем кто-то зачеркнул «диктаторскими» и надписал «чрезвычайными»; после этого Ленин зачеркнул «чрезвычайными» и надписал «неограниченными»». Далее Валк обращается к копиям ЦПА и ЦГАОР СССР и убеждается, что первая является всего лишь «неправленной копией декрета 21 марта», а вторая «дает окончательный, после ленинской правки, текст декрета 23 марта». Сравнение копий с печатными текстами показало, что «Известия», № 57 и «Собрание Узаконений» напечатали декрет по копии, не отразившей последней правки В. И. Ленина, а «Известия», № 59 — окончательный текст декрета. «Таким образом,— отмечает С. Н. Валк,— общий ход развития текста декрета таков: к 21 марта относится проект и его правка Лениным (№ 5510). После этого был изготовлен подлинник, до нас не дошедший, и 22 марта с него был снят ряд копий[20] (№ 5511,

---

[19] «Декреты Советской власти», т. II, стр. 12.

[20] Не исключено, однако, что копии могли быть сняты непосредственно с утвержденного проекта (№ 5510).— *Прим. С. Н. Валка.*

inslav

копия ф. 19, копия, оказавшаяся в распоряжении «Собрания Узаконений», копия, попавшая в редакцию «Известий» и напечатанная в № 57). Но 22—23 марта шли переговоры с Викжедором. Копия № 5511 отразила в поправках, сделанных 22 или 23 марта неизвестной рукой, проект изменений,... связанных с викжедоровскими переговорами. Этот новый проект был подвергнут новой правке Лениным, после чего был утвержден. С нового текста 23 марта были сняты копии. (одна из них — копия ЦГАОР, другая попала в «Известия» и напечатана в № 59)». В итоге Валк предложил то построение легенды, которое и было в целом воспроизведено при публикации этого документа во втором томе «Декретов». Таким образом, легенда, кроме контрольно-справочных сведений, дает читателю представление об истории подготовки каждого закона. Последнее обстоятельство определило местонахождение легенды — между редакционным заголовком и текстами декретов и постановлений.

Законодательные акты принадлежат к такой категории документов, в которых каждый элемент имеет большое юридическое и историческое значение. В исторической и археографической литературе, к сожалению, еще нет устойчивого единого отношения к некоторым из этих элементов. Наиболее разноречивые понимания чаще всего встречаются в вопросе о датировке документов этого характера. Даже последние «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1969, статьи 144 и 145) не дают четкого определения вариантов решения этого вопроса.

Законы, как известно, по-разному датируются. Исследователей могут интересовать дата закона, т. е. дата, обычно находящаяся под подписями в официальном издании; дата утверждения закона; даты опубликования или обнародования; дата вступления закона в силу; дата подписания и т. п. Многие даты могут совпадать, но могут встретиться случаи, когда все они будут различными.

Для полного понимания закона каждая дата имеет свое определенное значение, и предпочтение можно отдавать любой из них в зависимости от направления исследования. При издании законодательных актов, подобно «Декретам Советской власти», первостепенное значение имеет официальная дата закона, ибо цель издания — показать законодательство Советской власти в целом. Если бы она состояла в показе правотворческой деятельности ВЦИК, Совнаркома или Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, то предпочтение, по-видимому, следовало бы отдать дате утверждения; если — только правотворческой деятельности Председателя СНК В. И. Ленина, то — дате подписания закона В. И. Лениным, и т. д.

Редакторы и подготовители «Декретов» считают, что для данного издания основной датой следует считать официальную дату закона, все остальные даты фиксируют основные стадии законодательного процесса (рассмотрение или обсуждение законопроекта, его утверждение, обнародование и опубликование), должны присутствовать в легенде, текстуальных примечаниях и комментариях к документу. Таким образом, читатель, обращающийся к «Декретам», располагает в этом плане всеми сведениями.

Преимущество официальной даты закона несомненно. Она была известна современникам, устанавливала время вступления в действие правовых норм и обязанностей, фигурировала в других законах, зафиксирована в дипломатических документах, отражена в практической деятельности советских учреждений, в прошениях и заявлениях советских граждан и т. п. Иначе говоря, закон с этой датой зарегистрирован историей.

Вправе ли историки без достаточных документальных оснований менять ее? Мы считаем — нет. Только, если удается документами опровергнуть ее. В практике издания «Декретов Советской власти» встречаются подобные случаи. Так была изменена дата предписания Председателя СНК В. И. Ленина Орловскому и Курскому губернским испол-

inslav

нительным комитетам Советов и комитетам РКП(б) сообщить немецким солдатам на Украине о победе революции в Германии. В третьем томе документ был датирован 9 ноября 1918 г., но в процессе работы над четвертым томом было доказано, что В. И. Ленин мог написать этот документ ночью с 9 на 10 ноября 1918 г. между 2 час. и 2 час. 55 мин. В результате предписание было опубликовано заново с новой датой и объяснениями к ней [21].

Другой пример. В литературе по истории архивного дела в СССР часто ссылаются на декрет СНК за подписью В. И. Ленина о порядке хранения и уничтожения архивных дел [22]. Обычно в литературе декрет упоминается и печатается вместе с положением СНК за подписью В. И. Ленина о губернских архивных фондах, и оба они датируются одной датой — 31 марта 1919 г. Это произошло благодаря ошибке секретаря СНК, поставившей на подлиннике эту дату. Вот как это было: 31 марта 1919 г. Комиссия при СНК (Малый СНК) обсуждала декрет и положение. Положение было принято всеми членами Комиссии единогласно, декрет же был принят всеми, за исключением представителя Наркомюста. За четыре дня до этого заседания Совнарком, чтобы не загружать повестку дня, постановил: акты, принятые Комиссией единогласно и с согласия докладчика, утверждать Председателем СНК В. И. Лениным без вынесения их на заседание СНК; если же акт принимался не единогласно, то он подлежал обсуждению на заседании Совнаркома. Поэтому декрет и был направлен в Совнарком, который утвердил его 22 апреля. Вот почему он датирован в «Декретах» датой утверждения, а не датой, которая стоит в оригинале и в «Собрании Узаконений». Этот случай можно отнести к «историческим курьезам». Но понадобилось более 50 лет, чтобы исправить его. Помог этому введенный С. Н. Валком порядок подготовки законов к публикации, требующий всестороннего изучения истории документа и хорошего знания организации работы в Совнаркоме и его Комиссии.

Против принципов датировки законодательных актов в «Декретах Советской власти» неоднократно выступал В. В. Фарсобин [23]. Не будем доказывать правильность выбранного решения редакторами и подготовителями «Декретов», ибо вышедшие в 1969 г. «Правила издания исторических документов в СССР» (статьи 144 и 145), в выработке и обсуждении которых принимали участие крупнейшие историки и архивисты, опровергли критику Фарсобина.

Однако нельзя не остановиться на попытке В. В. Фарсобина ввести в научный оборот термин «черновик подлинника» законодательного акта. В своих рассуждениях он отводит роль черновика утвержденному законопроекту. Правда, делает оговорку, что «пока этот вопрос не имеет теоретической разработки, но решен нами (В. В. Фарсобиным.— *Ред.*) практически». Однако вопрос давно решен и теоретически и практически. В. И. Ленин уделял этому вопросу большое внимание, за его подписями вышло несколько законов Совнаркома, он закреплен в Советской конституции. Фарсобин пытается отделить делопроизводственное оформление закона от законодательного процесса, но это просто противоестественно; введенный высшим органом власти порядок может быть изменен только законом высшего органа власти.

---

[21] «Декреты Советской власти», т. III, стр. 599–600 и т. IV, стр. 3–4; *А. С. Покровский.* Первые отклики Советского правительства на революцию в Германии 9 ноября 1918 г.– «История СССР», 1966, № 5, стр. 31.

[22] «Декреты Советской власти», т. V, стр. 87–88.

[23] *В. В. Фарсобин.* К вопросу о работе над источниками при составлении хроник (На материалах о событиях периода Великой Октябрьской социалистической революции).– «Вопросы истории КПСС», 1963, № 11, стр. 118–119; *он же.* Из опыта работы над источниками при составлении хроник исторических событий Великой Октябрьской социалистической революции.– «Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. (Источниковедческий анализ)». М., 1964, стр. 42–44.

inslav

Законодательный процесс исключает какие-либо промежуточные документы между утвержденным законопроектом и подлинником. Неприемлем этот термин («черновик подлинника») и с точки зрения толкования его в русском языке, которое допускает смысловые разночтения между черновиком и беловиком (подлинником). Последнее не позволяет называть утвержденный законопроект черновиком, так как между текстами утвержденного законопроекта и подлинника смысловые разночтения недопустимы. Различия между ними проявляются только в признаках оформления. На подлиннике обязательны подписи установленных законами должностных лиц, представляющих высший орган власти, указание на место подписания закона и дата. На утвержденном проекте эти признаки не обязательны, достаточно наличия пометы об утверждении или подписи руководителя (председателя) высшего органа власти.

Интерес к законодательным актам первых лет Советской власти, особенно к тем, в разработке и утверждении которых принимал участие В. И. Ленин, за последние годы возрос. Вышли тематические сборники; декреты и постановления включены во многие местные документальные издания, вышедшие к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Юридический отдел Верховного Совета СССР готовит библиографический справочник декретов и постановлений, написанных, правленных и подписанных В. И. Лениным. Основой для подготовки многих изданий послужили тексты декретов и постановлений, опубликованные в шести томах «Декретов Советской власти», охватывающих период с 25 октября 1917 г. по 9 декабря 1919 г. Ведется работа над седьмым и восьмым томами (конец 1919 г.— первая половина 1920 г.).

inslav

И. С. Миллер

«ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА»

(Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов)

Близится к завершению большое совместное советско-польское издание источников «Восстание 1863 года». Уже сейчас можно подвести некоторые предварительные итоги этой работы и поделиться определенным опытом, накопленным в процессе подготовки и реализации этого издания. Поскольку автор настоящего сообщения является одним из соредакторов серии, постольку сообщение это не может претендовать на оценку издания, не может быть сообщением-рецензией, оно мыслится как сообщение-отчет.

Издание документов и материалов по истории восстания 1863 г. было предпринято на основании соглашения между Академией наук СССР и Польской Академией наук, подписанного 27 марта 1957 г., и запланировано как важнейшее научное мероприятие, приуроченное к сотой годовщине восстания. Подписанию соглашения предшествовала значительная подготовительная работа, проведенная обеими сторонами. Объединение советских и польских историков в совместной работе по изучению истории восстания 1863 г. наглядно выражало те новые отношения между народами СССР и Польши, которые сложились благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и установлению социалистического строя в Польской Народной Республике.

Понимая выдающееся значение восстания 1863 г. для истории Польши, что уже само по себе было достаточным основанием для серьезного внимания к этой теме, советские историки отдавали себе отчет в том, как велико значение восстания и для отечественной истории. Возникшее в неразрывной связи с первой общероссийской революционной ситуацией, к углубленному изучению которой в эти годы обращались многие советские историки, «польское брожение», переросшее в восстание 1863 г., не ограничилось территорией Королевства Польского, а распространилось на Литву, Белоруссию, Украину, став неотъемлемой частью истории этих народов нашей страны. Теснейшая связь польского освободительного движения с русским революционным движением, значение этой проблематики для идеологии, публицистики, практической деятельности выдающихся представителей русской революционной демократии были еще одним веским доказательством того, что тема восстания 1863 г. не является для истории нашей страны внешней, а ее изучение настоятельно диктуется интересами развития отечественной истории.

Восстание 1863 г. принадлежало к числу тех этапов истории, над целенаправленным искажением которых особенно усердно потрудилась классово чуждая националистическая историография всех оттенков. И великодержавно-монархические русские авторы, для которых восстание было «ксендзовско-шляхетским мятежом», и националистические польские политики и историки, стремившиеся превратить Муравьева-«вешателя» и Каткова в символ России и ее отношения к борьбе поляков за свою свободу, вполне сознательно избегали рассмотрения «неудобных» для их построений вопросов истории восстания, таких, в частности, как

inslav

расстановка классовых сил в движении, его социальный облик, взаимоотношения революционных сил различных народов в период назревания восстания и в ходе вооруженной борьбы, смена курсов политики самодержавия в условиях революционной ситуации и других коренных проблем. Перед марксистско-ленинской наукой стояла задача не просто опровержения националистических легенд, восстановление исторической истины требовало разработки целого комплекса не изученных еще проблем истории эпохи. Одна из центральных проблем этого комплекса была прямо поставлена перед историками-марксистами В. И. Лениным: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863 года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» [1].

И общественно-политическое значение объединения усилий советских и польских историков, и собственно научные перспективы, которые открывала такая общая работа по важной для обеих сторон теме, теме острой и богатой дискуссионными аспектами, явились факторами, вызвавшими практически одновременную, двухстороннюю инициативу Института истории Польской Академии наук и Института славяноведения АН СССР. С самого начала определилась концепция совместной работы — многотомная публикация документов и материалов.

Такое решение было обосновано различными соображениями. Необходимость разработки от самых основ важнейших проблем истории восстания диктовала обращение к первоисточникам, требовала поставить исследовательскую работу на прочную и достаточно широкую документальную базу. Включение в совместную работу значительных научных коллективов, участие в ней архивных учреждений во главе с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Главной дирекцией государственных архивов Польши открывало неоценимую для исторической науки возможность максимально широкого, в идеале — полного, выявления и учета сохранившихся документальных материалов, что существенно повышало научную ценность основанной на такой предварительной работе публикации. Именно большую научную публикацию обе стороны единодушно признали наиболее достойной формой юбилейного издания, приуроченного к столетию восстания.

Для польской исторической науки организация документальной публикации, при этом именно совместной публикации, обосновывалась и важными дополнительными мотивами. Военные действия и варварская политика гитлеровских оккупационных властей, поставивших целью уничтожение польского культурного достояния, нанесли катастрофический урон польским архивам и библиотекам. Среди уничтоженных фондов оказались уникальные собрания по истории польского освободительного движения и, в частности, восстания 1863 г. Перспективы исследовательской работы историков возрожденной Польши в значительной мере зависели от выявления сохранившихся, ранее считавшихся второстепенными, архивных материалов в самой Польше и от возможности опереться на громадные комплексы материалов в архивах СССР. Как показала в дальнейшем работа, в архивах СССР удалось выявить многие материалы, прямо или косвенно заменившие утраченные. Многие — это, разумеется, далеко не все, однако значительно бо́льше, чем сулили поначалу даже оптимистические прогнозы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

inslav

После подписания соглашения между ПАН и АН СССР, включившего издание документальной серии по истории восстания 1863 г. в план совместных работ, была образована для руководства этой публикацией Смешанная советско-польская комиссия. Первое заседание этой комиссии состоялось в Москве в июне 1957 г., и его можно считать началом непосредственной подготовки издания.

В сентябре 1957 г. Институтом славяноведения и ГАУ СССР было разослано республиканским научным учреждениям и архивам информационное письмо; в октябре-ноябре 1957 г. членами советской части Смешанной комиссии были проведены в Ленинграде, Киеве, Львове, Минске и Вильнюсе совещания представителей научных и архивных учреждений, где обсуждены основные вопросы предстоящей работы, уточнены планы каждого участника.

Таким образом, с середины 1957 г. в некоторых архивохранилищах, а с начала 1958 г. повсеместно было начато выявление и описание документальных материалов. Оно велось в соответствии со специально разработанной инструкцией. Перед участниками работы по выявлению стояла весьма широкая задача: каталогизировать все материалы о революционном и общественном движении на территории, охваченной восстанием (не только в Королевстве Польском, но и в Литве, Белоруссии, на Украине), о политике царского правительства и действиях центральных и местных властей, о деятельности эмиграции, о русско-польских революционных связях, обо всех, независимо от их политического направления, откликах на эти события на территории России и за рубежом. Поскольку необходимо было учесть материалы, касающиеся предыстории революционного подъема 1861—1864 гг., а также сведения о судьбе участников восстания по крайней мере в непосредственно следующие за восстанием годы, были установлены широкие хронологические границы просмотра архивных фондов — 1856—1870 гг. Важнейшие материалы (документы повстанческого происхождения, документы о революционных связях и др.) заносились на карточки подокументно, в других случаях карточка составлялась на группу взаимосвязанных документов или на единицу архивного хранения.

Описание велось на специально отпечатанных бланках-карточках размером 20,5×14 см со следующими графами: архивный шифр (наименование архива, фонд, опись, единица хранения, листы), «документ составлен (место, дата)», «получен (место, дата)», «язык документа», «подлинник или копия», «способ воспроизведения», «объем (в страницах)». Центральная часть бланка была отведена для аннотации; на нем фиксировались дата и подпись составителя, а в верхней части оставлялось место для обозначения рубрик (для последующего размещения в картотеке).

Инструкция содержала подробное наставление о порядке заполнения карточек, работы бригад выявителей материалов. Все карточки должны были направляться в центральную картотеку в Институт славяноведения АН СССР.

Еще на стадии подготовки соглашения были запрошены обзорные справки из центральных и местных архивов (март — май 1956 г.). Они показали, что объем материалов, подлежащих просмотру в архивах на территории почти всей страны, чрезвычайно велик. Между тем выявление, результаты которого должны были быть положены в основу издания, выпускаемого к столетию восстания, необходимо было провести в довольно сжатые сроки: по согласованному решению учреждений, принимавших в нем участие,— до конца 1960 г.

Работа по выявлению и описанию архивных материалов была организована следующим образом.

Бригада сотрудников Института славяноведения при участии работников некоторых архивов обследовала в Москве Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИАМ, ныне Отдел дореволюцион-

inslav

ных фондов ЦГАОР СССР), Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), Государственный исторический архив Московской области, Архив внешней политики России МИД СССР, Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), Отдел письменных источников Государственного исторического музея; в Ленинграде — Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИАЛ, ныне ЦГИА СССР), Центральный государственный архив военно-морского флота СССР, Государственный исторический архив Ленинградской области, Архив АН СССР, Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ), архив Государственного артиллерийского исторического музея; в Казани — Центральный государственный архив Татарской АССР.

В центральных и областных архивах и рукописных отделах библиотек Украины, Белоруссии и Литвы выявление и описание материалов было организовано Институтами истории республиканских Академий наук и республиканскими Архивными управлениями.

В центральных архивах других союзных республик и в краевых, областных архивах и архивах автономных республик РСФСР выявление и описание материалов было организовано по указанию ГАУ СССР сотрудниками этих архивных учреждений [2].

Намеченный план в основном был выполнен в срок по всем учреждениям, за исключением нескольких местных архивов. Качество выявительской работы и полнота описаний были неодинаковы, но в целом могут быть оценены как удовлетворительные. Известная сложность возникла с формированием центральной картотеки. Поскольку (о чем будет речь ниже) в состав серии входили тома, посвященные событиям в Литве, Белоруссии и на Украине и подготавливаемые в основном республиканскими научными и архивными учреждениями, возникла необходимость создания республиканских картотек. Копирование карточек для центральной картотеки велось нерегулярно, в результате картотека, хранящаяся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, содержит неполное количество карточек, составленных на материалы хранилищ Литвы и Белоруссии, и лишь незначительную часть карточек, составленных на материалы хранилищ Украины. Однако даже с учетом этого обстоятельства центральная картотека, насчитывающая свыше 60 тысяч карточек, является весьма ценным пособием для исследований по проблематике общественного движения 60-х годов и восстания 1863 г. Она широко используется при подготовке томов документальной серии «Восстание 1863 года».

Чтобы завершить тему выявления и описания документальных материалов, отметим, что участниками этой работы был подготовлен ряд источниковедческих исследований и обзоров. Среди этих работ в первую очередь следует назвать две кандидатские диссертации: «Документальные материалы о восстании 1863 года в архивах Советского Союза» Л. А. Обушенковой [3] и «Фонды и коллекции личного происхождения в хранилищах Советского Союза как источник для изучения истории

---

[2] Фамилии участников этой работы названы в предисловии к тому «Русско-польские революционные связи», т .I. М., 1963, стр. XXXVI—XXXVIII, к тому «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.» М., 1964, стр. XX–XXI. Начальный этап подготовки совместной советско-польской публикации отражен в хронике: *В. Королюк, И. Миллер.* О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863–1864 гг.– «Новая и новейшая история», 1958, № 5, стр. 178—181; *они же.* Wydawnictwo źródeł do dziejów powstania 1863—1864 r.— «Kwartalnik Historyczny», 1959, z. 1, s. 299—303.

[3] Автореферат – М., 1964.

inslav

восстания 1863 года» Ю. И. Штакельберга[4]. Значительное число обзоров архивных комплексов опубликовано в изданных Институтом славяноведения сборниках статей и материалов[5]. Среди этих комплексов следует назвать фонд наместника Ф. Ф. Берга (автор обзора З. Я. Тальвирская), переписку Ф. Ф. Берга с военным министром Д. А. Милютиным (М. Д. Зиновьева), фонды В. А. Арцимовича в ГБЛ (Л. А. Обушенкова) и в ИРЛИ АН СССР (В. Г. Чернуха), П. А. Валуева, фонды личного происхождения в ЦГИАЛ и архив журнала «Русская старина» (Ю. И. Штакельберг), фонд князей Черкасских в ГБЛ (Л. А. Обушенкова), крупные разделы фонда III отделения (Н. Н. Вавировская и В. М. Зайцев). Ряд несомненно ценных материалов оказался за рамками документальной серии и публиковался отдельно, в упомянутых сборниках[6], поскольку в самой серии был проведен принцип четкого тематического ограничения.

Выявление документальных материалов в польских архивах потребовало от наших польских коллег относительно меньших усилий. Однако объем выявленных материалов оказался значителен, в частности в результате инвентаризации крупных новых поступлений в архивы и библиотеки за послевоенные годы. Работа была в основном завершена также к 1960 г., но ряд новых находок был сделан и позднее. Особенное значение имело привлечение польскими коллегами архивных материалов из хранилищ ГДР, Англии, Франции, Швейцарии и других стран. Некоторые из этих материалов заняли важное место в документальном издании.

Рассматриваемая публикация была для советских историков *первым* международным предприятием такого типа; опыта, на который можно было бы опереться, попросту не было. С уверенностью можно сказать, что определившим успех совместной работы фактором стало единство взглядов сторон на все принципиально важные проблемы истории восстания и единый подход к решению научно-организационных вопросов издания. Обсуждение этих принципиальных вопросов, начатое еще в подготовительный период и продолженное на заседаниях Смешанной комиссии[7], проходило в неизменно дружественной атмосфере и обеспечило четкую и согласованную работу Смешанной комиссии по намеченному ею плану. Дух научного взаимопонимания и взаимного уважения стал традиционным в контактах советских и польских историков.

Еще до окончания выявления архивных материалов было ясно, что в хранилищах обеих стран имеются десятки и сотни тысяч документов, относящихся к теме издания, что их научная ценность весьма различна и при подготовке публикации необходим целенаправленный, научно обоснованный отбор. Поэтому научный уровень планируемого издания во многом зависел от формулировки общего замысла и принятых критериев отбора материала.

---

[4] Автореферат – М., 1967.

[5] «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960; «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.» М., 1962; «К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964; «Освободительное движение западных и южных славян XIX—XX вв.» («Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX). М., 1965; «Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)». М., 1967; «Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в.» М., 1968; «Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в.» М., 1971.

[6] *Н. П. Митина.* Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864–1866 гг.– «Восстание...», стр. 638–671; *она же.* Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне – июле 1866 г.– «К столетию...», стр. 351–435; ею же опубликована на эту тему книга: «Во глубине сибирских руд». М., 1966.

[7] Доклад С. Кеневича на первом заседании комиссии см.: *С. Кеневич.* Из проблематики восстания 1863–1864 гг.– «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 24. М., 1958, стр. 47–57.

inslav

Разрабатывая план будущей серии, Смешанная комиссия решила построить ее в основном по проблемно-тематическому признаку, обеспечив освещение наиболее важных в научном и общественно-политическом отношении сторон проблематики: социальные проблемы восстания и в особенности крестьянский вопрос, позиция крестьянства в отношении восстания, идеологический облик повстанческой организации, история русско-польских революционных связей накануне восстания и в ходе его, политика самодержавия в Королевстве Польском в революционную эпоху 1861—1864 гг. Закономерным было и решение включить в план серии несколько томов о ходе событий в эти годы в Литве, Белоруссии и на Украине.

Наряду с основным проблемным признаком, была принята установка на публикацию некоторых важнейших типов источников. К ним относились: а) сохранившаяся документация руководящего органа повстанческой организации — Центрального национального комитета и сменившего его Национального правительства; б) подпольная пресса; в) некоторые следственные показания и записки, имеющие особое значение для истории восстания.

Таким образом, критерии отбора материалов в различных томах не были одинаковыми.

Некоторые тома формировались по принципу включения по возможности всех уцелевших материалов одного типа или происхождения (повстанческая пресса, документы руководящих повстанческих органов, протоколы Представительного комитета Объединения польской эмиграции — левой эмигрантской организации 1866—1870 гг.).

Несколько по-иному формировалась группа томов, в основе каждого из которых лежал четко определенный комплекс материалов. Таковы тома переписки наместников Королевства Польского с императором и высшими властями, том «Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 года (по материалам Радомской губернии)», тома показаний и записок Оскара Авейде и следственных показаний из коллекции, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке. Каждый из этих томов полностью учитывает и использует определенный комплекс документов, за исключением чисто делопроизводственного, второстепенного, повторяющегося материала и т. п.

Наиболее сложен отбор документов, когда сама тема тома исключает возможность сколько-нибудь полной публикации всего имеющегося материала и из массы документов на основе научно обоснованных критериев нужно отобрать важнейшие. Таковы «региональные» тома, освещающие ход событий на территории Литвы, Белоруссии, Украины, польских земель под властью Пруссии, о русско-польских революционных связях. Смешанная комиссия стремилась обеспечить наиболее широкую коллегиальность в процессе подготовки этих томов, вести отбор материалов на основе учета уже полных результатов выявления, максимально использовать аппарат издания (предисловия, примечания и т. п.) для введения отсылок на не включенный в публикацию, но заслуживающий внимания материал, прежде всего архивный.

Одним из принципов, который может быть применен при определении критериев отбора материала, является отбор для издания лишь материалов, ранее не публиковавшихся (inedita). Разумется, каждая публикация имеет целью ввести в научный обиход как можно более широкий круг ранее неизвестных источников. Такую задачу ставила перед собой и публикация документов об истории восстания 1863 г. Очевидно, однако, что превращать критерий неопубликованности в основной, фетишизировать его было нелепо. В некоторых случаях задачей нашего издания было именно воспроизведение *опубликованных* ранее материалов (подпольная пресса, воззвания и циркуляры повстанческих властей, прокламации и т. п.). Но и в иных случаях сам по себе критерий неопуб-

inslav

ликованности требует осторожного применения. За сто лет, прошедших со времени, отражаемого в публикации, были при разных обстоятельствах изданы многие документы, в том числе, естественно, и многие важнейшие. Заставлять читателя каждый раз отыскивать их в разных, нередко уже труднодоступных изданиях, нарушать взаимосвязь событий и документации лишь потому, что один из документов был ранее где-то опубликован,— все это вряд ли можно признать уместной и научно оправданной практикой. Между тем именно в момент подготовительной работы был пример публикации, которая возвела критерий неопубликованности в основной принцип. Речь идет об изданном в 1957 г. томе архивных материалов по истории советско-польских отношений, где весь материал был разделен на две части: в первой на 400 страницах размещены «документы», во второй на 270 страницах «Приложения», в числе которых были зачастую гораздо более важные документы, но уже публиковавшиеся ранее. Несмотря на то что принцип этот специально обосновывался в предисловии [8], том в целом производил странное впечатление, а принятый принцип дискредитировал сам себя. Том этот подвергся основательной критике за серьезные ошибки по существу [9]; при его переиздании в переработанном виде уже в рамках совместной советско-польской серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» [10] был отвергнут и принцип деления материалов по признаку их опубликованности.

Разработанный Смешанной комиссией первоначальный план серии «Восстание 1863 года» насчитывал 15 томов [11].

Смешанная комиссия стремилась к тому, чтобы каждый том серии представлял собой законченное целое. Даже там, где тематика была теснейшим образом взаимосвязана, где один том продолжал другой, граница между ними определялась по крупнейшим рубежам этапного значения. Это дало возможность отказаться в издании от сквозной нумерации томов.

Такое решение, имеющее очевидные неудобства, было, однако, оправдано по двум причинам. Во-первых, применение общей нумерации томов в издании, построенном по тематическому признаку, потребовало бы определения их последовательности с учетом значимости тем, выяснения их «иерархического» места и т. п., по сути дела навязало бы надуманное построение. Можно было с уверенностью сказать, что на первых местах в нумерованной тематической серии должны были оказаться тома, которым обе стороны придавали особое значение, а именно: «Документы Центрального национального комитета и Национального правительства» и «Русско-польские революционные связи». Между тем их подготовка требовала особенно кропотливой работы и соответственно большего времени. Откладывать же выпуск других томов означало бы отодвинуть публикацию серии в отдаленное будущее, во всяком случае за пределы годовщины столетия восстания. О поспешной подготовке этих важных томов, разумеется, не могло быть и речи, но нельзя было и начинать серию не с первого, а, предположим, с четвертого или девятого тома. Отказ от общей нумерации избавлял нас от этого отнюдь не только чисто технического затруднения.

---

[8] «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I. Warszawa, 1957, s. VII—VIII.

[9] «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 165–174.

[10] «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I. Warszawa, 1962; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963.

[11] Воспроизводить его здесь нет необходимости, так как он по существу полностью реализован. Информация о плане серии дана в тексте «От редакции», помещенном в первом из вышедших томов серии («Показания и Записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. V—VII).

inslav

Во-вторых, как бы ни был высок уровень подготовительной работы, при планировании такого большого издания нельзя заранее учесть все те новые материалы или соображения, которые могут появиться впоследствии. Более того, трудно уберечься от возможных просчетов. Имеется не одно такое издание, вызывающее улыбку или чувство досады: «Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в пятнадцати томах» имеет т. XVI; в «Собрании сочинений А. П. Герцена в тридцати томах» выходом из положения стала маскировка под «полутома» четырех вполне нормального объема томов; «Письма И. С. Тургенева в тринадцати томах» завершаются двумя двенадцатыми и двумя тринадцатыми томами. Число таких примеров можно было бы увеличить. Вероятно, подобные просчеты при подписных изданиях неизбежны, но они, бесспорно, не украшают эти издания.

На практике значение этого, казалось бы, второстепенного вопроса отнюдь немаловажно. В ходе работы мы смогли оценить, от скольких затруднений и ошибок уберег нас отказ от «жесткого» планирования. Так, например, совершенно невозможно было определить заранее на глазок объем комплекта подпольной прессы — он занял впоследствии три тома серии; вышли за рамки одного тома и документы руководящих повстанческих органов и т. д.

Важным для совместного издания стал вопрос о месте издания и правилах публикации. Никаких сомнений не вызывало то, что в данной публикации, рассчитанной на подготовленного читателя, нет необходимости в параллельном издании одних и тех же томов в СССР и Польше. Сама тематика естественно определяла, что тома, посвященные русско-польским революционным связям, событиям в Литве, Белоруссии и на Украине, будут печататься в Советском Союзе. Таких томов по плану было шесть. К ним был добавлен еще один, содержащий следственные показания и записки Оскара Авейде. Этот важный источник по содержанию почти полностью относится к территории Королевства Польского, но весь материал тома был на русском языке. Понятно, что его было легче подготовить и опубликовать в СССР. Остальные тома (по первоначальному плану — восемь) должны были издаваться в Польше.

Было решено, что при публикации томов каждая сторона будет придерживаться своих правил. Они, впрочем, не столь уж отличаются друг от друга, во всяком случае основное научное содержание правил публикации, принятых в СССР и в Польше, совпадает. Главное различие связано с вопросом о переводах. Документ, публикуемый на языке оригинала (требование, общее для научных публикаций и в СССР и в Польше), в Польше, как правило, не снабжается переводом. Оснований настаивать на том, чтобы польская сторона отказалась от принятых ею правил и публиковала иноязычные документы (в подавляющем большинстве — на русском языке) с переводами на польский язык, мы не имели. В свою очередь, польская сторона не возражала против того, что в томах, издаваемых в СССР, текст польских и иных иноязычных документов давался в оригинале и в переводе на русский язык. На практике это различие ставит в несколько более благоприятное положение русского читателя, не знающего польского языка, по сравнению с польским читателем, не владеющим русским языком.

Титульные листы, предисловия и оглавления (в ряде томов — перечни документов) во всех томах серии публикуются на русском и польском языках.

Были приняты меры к обеспечению полиграфического единства серии, независимо от места издания ее томов.

С началом публикации серии Смешанная комиссия превратилась в Главную редакцию издания. Она рассматривает основные, требующие согласованного решения, вопросы, связанные с подготовкой отдельных томов серии, и утверждает их к печати. Вся основная работа по под-

inslav

готовке томов осуществляется редколлегиями (или редакторами). Каждая соиздающая сторона вводит в состав редколлегии или в качестве соредактора своего представителя. Функции соредактора могут быть на практике довольно ограничены и сводиться к консультациям и наблюдению за правильностью публикации русских текстов в томе, издающемся в Польше (и наоборот), но они могут быть и значительно существеннее, приобретать характер полноценного соредакторства, когда речь идет, например, о выработке концепции тома со значительной селекцией материала или об издании тома, построенного на материалах, почерпнутых из архивов соиздающей стороны. Из семи томов серии, опубликованных в СССР, в пяти польскую сторону представлял в качестве соредактора или члена редколлегии С. Кеневич, в редколлегии двух томов (об общественно-политическом движении на Украине) — Э. Халич. В одиннадцати изданных до сих пор в Польше томах серии советскую сторону представляли Т. Н. Копреева (в одном томе), В. Д. Королюк (в одном томе), И. И. Костюшко (в одном томе), И. С. Миллер (в девяти томах).

Условия работы и темп осуществления издания существенно разнились, в силу чего целесообразнее рассмотреть ее ход в СССР и в Польше раздельно.

У советской стороны участие большого числа центральных республиканских и областных учреждений создало широкий фронт работ, что обеспечило не только выполнение в целом напряженного плана выявления архивных материалов, но и возможность организации собственно публикаторской работы на нескольких направлениях сразу. Участники выявления материалов, хорошо знавшие или в процессе работы хорошо узнавшие соответствующие части важнейших архивных комплексов, на следующей стадии становились составителями разделов томов. Сложившиеся в Москве и в союзных республиках коллективы выявителей-составителей и руководителей работ — редакторов, работая на протяжении ряда лет — с 1957—1958 гг. по 1963—1964 гг.— над проблемами публикации, непрерывно расширяли круг своих знаний, в совершенстве овладели литературой вопроса, достигли той научной зрелости, которая требовалась от участников публикации и которой многим еще не хватало поначалу. В результате работа трех научных коллективов: в Москве — коллектива сотрудников Института славяноведения, готовившего тома по проблеме русско-польских революционных связей, в Минске и Вильнюсе — коллектива сотрудников Институтов истории Академий наук БССР и Литовской ССР и архивистов обеих республик, и аналогичным образом сформированного коллектива в Киеве, готовивших тома по предыстории и истории восстания 1863 г. на территории Литвы, Белоруссии и Украины (в обоих коллективах по подготовке «республиканских» томов в числе редакторов и составителей были сотрудники Института славяноведения АН СССР) — развивалась параллельно и дала возможность подготовить тома к печати более или менее синхронно.

Планы каждого из этих коллективов были построены так, чтобы уже опубликованные или готовые, находящиеся в печати тома могли стать научной базой широкой популяризаторской деятельности в дни столетия восстания 1863 г., в ознаменование годовщины в союзных республиках.

Начав публикацию томов серии в 1961 г., советская сторона к 1965 г. полностью осуществила намеченный план, издав семь томов общим объемом около 390 листов. Два из них выпустило в свет Издательство АН УССР «Наукова думка», пять — Издательство АН СССР «Наука».

Все тома серии имеют гриф издающих их учреждений: Института славяноведения АН СССР (после 1968 г.— Института славяноведения и балканистики АН СССР), Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Института истории ПАН и Главной дирекции государственных архивов Польши. На томах, изданных на Украине, имеется также гриф Института истории АН УССР и Архивного управления ре-

inslav

спублики; на томах, посвященных событиям в Литве и Белоруссии,— гриф Институтов истории Академий наук и Архивных управлений этих республик. В томах по истории Литвы и Белоруссии предисловия и оглавления публиковались на четырех языках, а в томах по истории Украины — на трех языках. Из представителей учреждений-соиздателей формировались редакционные коллегии томов. Почти во всех изданных в Советском Союзе томах опубликованы документы, выявленные в польских хранилищах и предоставленные соиздающей стороной.

Издательская деятельность польской стороны протекала в иных условиях. Она характеризовалась участием в публикации меньшего числа работников научных учреждений и архивов, в силу этого более медленным темпом движения публикации, но большей методичностью издательской деятельности. Публикацию осуществляет издательство Польской Академии наук «Оссолинеум» во Вроцлаве.

Выпуская в свет в среднем по тому в год, наши польские коллеги издали в 1962—1973 гг. 11 томов общим объемом более 460 листов. Почти во всех томах, изданных в Польше, используются материалы советских хранилищ, некоторые тома («Переписка наместников Королевства Польского», «Следственные показания о восстании 1863 года») основаны на них целиком. На томе «Следственных показаний» проставлен гриф Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где хранятся опубликованные материалы.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи дать характеристику отдельных томов серии, мы ограничиваемся кратким их перечнем в порядке появления.

1. «Показания и Записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде» (1961, 25 документов + «Записки»).

2. «Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 года по материалам Радомской губернии» (1962, 196 документов).

3—4. «Русско-польские революционные связи», т. I—II (1963, 502 документа).

5. «Революционный подъем 1861 года в Королевстве Польском. Движение вне Варшавы» (1963, 312 документов).

6—7. «Общественно-политическое движение на Украине», т. I (1856—1862 гг.), т. II (1863—1864 гг.) (1963—1964, 321 документ).

8. «Переписка наместников Королевства Польского в 1861 году» (1964, 469 документов).

9. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» (1964, 330 документов).

10. «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.» (1965, 278 документов).

11. «Следственные показания о восстании 1863 года» (1965, 91 документ).

12—14. «Подпольная пресса 1861—1864 гг.», т. I—III (1966, 1969, 1970, около 300 номеров более чем 50 органов подпольной печати).

15. «Документы Центрального Национального комитета и Национального правительства 1862—1864» (1968, 560 документов).

16. «Польские земли под властью Пруссии и восстание 1863 года» (1968, 190 документов).

17. «Объединение польской эмиграции (1866—1870). Левица в эмиграции» (1972, две серии протоколов + 91 документ).

18. «Переписка наместников Королевства Польского (октябрь 1861—январь 1863)» (1973, 397 документов).

19. «Документы Военного отдела Национального Правительства (1863—1864)» (1973, 232 документа).

В производстве находится том:

20. «Переписка наместников Королевства Польского (январь — август 1863)».

inslav

В разной стадии подготовки находятся еще четыре тома: заключительный, четвертый том переписки наместников, «Исторический очерк восстания» Здислава Янчевского (из материалов ГПБ), том материалов из краковских хранилищ о повстанческих органах и их деятельности в Галиции, том документов повстанческих военных начальников и командиров отрядов [12].

На отдельные тома серии по мере их публикации появлялись рецензии в польской и советской научной печати [13]. Рецензий, охватывающих ряд томов серии, оценивающих значение издания в целом (по состоянию на момент появления рецензии), мне известно две: одна из них принадлежит перу советского автора Н. Н. Улащика [14], вторая написана английским историком-марксистом Робертом Лесли [15]. Все эти рецензии высоко оценивают научное значение и уровень подготовки серии.

Как известно, важным критерием оценки публикации является ее использование исследователями. Для выводов касательно серии в целом мы еще не располагаем достаточным материалом. Многочисленны в литературе последних лет ссылки на двухтомник «Русско-польские революционные связи» (обычное сокращение — РПРС), при этом, пожалуй, чаще в трудах по отечественной истории, что определяется, на наш взгляд, в частности, тем, что это издание дает наиболее полный свод русских революционных прокламаций и подпольной печати начала 60-х годов.

Говоря об исследователях, в работах которых учитываются и используются материалы серии «Восстание 1863 года», было бы несправедливо и незакономерно не учитывать составителей и редакторов томов этой серии. Мы уже называли выше работы Л. А. Обушенковой, Ю. И. Штакельберга, Н. П. Митиной. Наряду с ними следует назвать докторскую диссертацию Г. И. Марахова [16], кандидатские диссертации Т. Г. Снытко [17], О. И. Максимайтене [18], Т. Ф. Федосовой [19]. Широко использованы материалы публикации и картотеки в книге В. А. Дьякова и И. С. Миллера «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.» (М., 1964) и других работах обоих авторов. Составитель одного из разделов двухтомника «Русско-польские революционные связи» В. М. Зайцев поместил в сборниках Института славяноведения и балканистики АН СССР две статьи, тесно связанные с тематикой публикации. Составителю разделов двухтомника о движении в Литве и Белоруссии З. Я. Тальвирской (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) принадлежит несколько статей, основанных на материалах публикации. Прямым продолжением составительской работы в этом коллективе является исследование С. М. Байковой «О движущих силах восстания 1863 г. на территории

---

[12] Обзор и характеристику томов серии, изданных до 1968 г., дал С. Кеневич в статье: «Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty».— «Studia źródłoznawcze», t. XIII. Poznań, 1968, s. 116–124. Несколько ранее была опубликована статья: *И. С. Миллер*. Издано в столетие восстания 1863 года.— «Новая и новейшая история», 1966, № 2, стр. 116–124.

[13] «Kwartalnik Historyczny», 1963, z. 3, s. 752–754; 1964, z. 1. s. 182–184; z. 4, s. 1101–1104; 1965, z. 4, s. 999–1001; 1967, z. 4, s. 1110–1114; «Archeion», t. 49, 1968, s. 191–193; t. 55, 1971, s. 180—189; «Zeszyty Prasoznawcze», 1967, z. 3, s. 99—102; «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej», t. I, 1965, s. 227—231; «Український історичний журнал», 1965, № 7, стор. 138—140.

[14] «Советское славяноведение», 1966, № 4, стр. 70—75.

[15] «English Historical Review», April 1970, vol. LXXXV, Nr. 335, p. 378–380.

[16] *Г. И. Марахов*. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967.

[17] *Т. Г. Снытко*. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г.– «Восстание...», стр. 176–322.

[18] Автореферат (Вильнюс, 1966) «Военная организация повстанцев и боевые действия в 1863—1864 гг. в Литве»; книга «Lietuvos sukilėlių kovos 1863—1864 m.» Vilnius, 1969.

[19] Автореферат (М., 1967) «Польские патриотические организации в Москве и их роль в развитии русско-польских революционных связей (1856–1866 гг.)».

inslav

Белоруссии»[20]. Ю. И. Штакельбергом опубликована статья о финансовых проектах Национального правительства и несколько заметок по эмблематике и сфрагистике восстания[21].

Среди польских авторов следует назвать Франциишку Рамотовскую, монография которой широко использует материал обоих томов переписки наместников[22].

Наконец, наиболее полно материал всей документальной серии научно учтен и обобщен в монументальной монографии Стефана Кеневича о восстании 1863 г., которая недавно вышла в свет. В предисловии автор пишет, что «особую благодарность хочет выразить советским и польским участникам большой публикации «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Это их помощь сделала для меня доступной документацию первостепенного значения, которую иначе я не был бы в состоянии охватить. Как соредактор этой серии я мог пользоваться не только уже изданными томами, но и материалами, подготавливаемыми к печати»[23]. Известное представление о том, в какой мере эта документация служила базой синтетического исследования Стефана Кеневича, может дать следующая цифра: на 800 страницах монографии мы находим более тысячи отсылок к томам нашего документального издания.

Документальная серия «Восстание 1863 года» лишь начинает свою службу исторической науке. Участники этого издания надеются, что оно оправдает вложенный в его подготовку труд.

---

[20] «Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)». М., 1970, стр. 222–253.

[21] Кроме статей в сборниках Института, см. также: Pieczęć Komitetu Litewskiego Rządu Narodowego (Epizod z dziejów powstania 1863 r.).— «Wiadomości Numizmatyczne», 1968, z. 1, s. 29–31; Jeszcze o nieznanym tłoku pieczęci z okresu powstania 1863 roku.— Tamże, 1969, z. 2, s. 123–125; Oznaczenie pieczęci w wydawnictwie «Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego (1862—1864)».— «Przegląd Historyczny», 1969, z. 3, s. 571—575.

[22] *Fr. Ramotowska.* Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860–1862. Warszawa, 1971.

[23] *S. Kieniewicz.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972, s. 6–7.

inslav

А. Л. Нарочницкий, Г. С. Кучеренко

О ПУБЛИКАЦИИ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА»

Изданию документов по истории международных отношений советские историки всегда уделяли большое внимание. Сведения об отдельных публикациях этого типа можно встретить в работах, посвященных советской археографии [1]. По указанию В. И. Ленина обнародование секретных внешнеполитических документов царского правительства началось вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В декабре 1917 — феврале 1918 г. под редакцией Н. Г. Маркина вышло семь «Сборников секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», которые неопровержимо свидетельствовали об империалистическом характере первой мировой войны и захватнических целях воюющих сторон.

Из последующих публикаций, относящихся к проблемам истории внешней политики России и международных отношений, назовем, например, многотомные серии «Международные отношения в эпоху империализма»; немало интересных документов публиковалось в журнале «Красный архив». Из документальных сборников, специально посвященных истории внешней политики России в XIX в., широко известны «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» (М., 1926), изданная Ю. Ключниковым и А. Сабаниным, а также «Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)» (М., 1952) под ред. В. М. Хвостова и Е. Н. Адамова.

Начатая в 1960 г. публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX века», в которую включаются документы российского Министерства иностранных дел за весь период его существования, осуществляется Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР (председатель — А. А. Громыко, заместитель до 1972 г.— В. М. Хвостов, затем — И. Н. Земсков). В период издания первой серии в состав комиссии входили Г. А. Белов, Г. К. Деев, Л. М. Замятин, С. А. Кондрашев, Ш. П. Санакоев, С. Л. Тихвинский, Н. В. Тропкин, М. А. Харламов, И. И. Чхиквишвили; в настоящее время состав пополнен новыми членами.

Публикация — многосерийная: первая серия охватывает 1801—1815 гг.; вторая — 1815—1830 гг.; третья — 1830—1856 гг.; четвертая — 1856—1878 гг.; пятая — 1878—1895 гг.; шестая — 1895—1917 гг. Начальные и конечные даты каждой серии отражают важнейшие этапы международных отношений и внешней политики России. В 1972 г. завершено издание первой серии (восемь томов) под общей редакцией А. Л. Нарочницкого. Кроме него, в состав редакционных коллегий томов вхо-

---

[1] См., например: *С. Н. Валк.* Советская археография. М., 1948, стр. 256–289; *он же.* Советские документальные публикации по истории СССР XIX–XX вв.– «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.– Л., 1942; *А. А. Новосельский, В. И. Шунков.* Издание исторических источников в СССР.— «Исторический архив», 1956, № 2; *А. А. Новосельский, В. А. Кондратьев.* О публикации исторических источников в СССР за 40 лет.– «История СССР», 1958, № 3; и др.

inslav

дили: Л. И. Бойко, Н. Н. Болховитинов, Г. К. Деев, С. И. Дивильковский, И. В. Евстигнеев, Н. С. Киняпина, Н. Б. Кузнецова, В. И. Мазаев, М. К. Радецкий, С. Д. Сказкин, А. М. Станиславская, В. П. Якубовский. В работе по выявлению и подготовке документов к печати, их переводу, а также по составлению комментариев и библиографии участвовал большой коллектив сотрудников архивных и научно-исследовательских учреждений СССР [2]. Завершение издания первой серии позволяет обдумать первые результаты работы и коснуться некоторых вопросов публикации документальных источников по истории международных отношений и внешней политики России.

Приступая к подготовке первой серии, составители учитывали опыт советских, русских дореволюционных и иностранных изданий подобного рода. При этом, естественно, в первую очередь рассматривалась публикация документов, относящихся к 1801—1815 гг.

Из русских дореволюционных изданий дипломатических документов, относящихся к 1801—1815 гг., наибольшую известность и научное признание получили «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами» Ф. Ф. Мартенса, «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» А. А. Трачевского, «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона» вел. кн. Николая Михайловича [Романова]. Однако Ф. Ф. Мартенс полностью публиковал лишь тексты договоров и конвенций, другие важные дипломатические документы приводил в кратких выдержках. Материалы по истории отношений России со странами Ближнего Востока и Балкан, документы, характеризующие связь внутренней и внешней политики царского правительства, классовые основы его деятельности, свидетельства о расхождении во мнениях по вопросам внешней политики в русских правящих кругах Ф. Ф. Мартенсом не приводились. К этой работе можно предъявить и другие претензии — здесь нет принятого в современной археографии вспомогательного аппарата. Публикации А. А. Трачевского и вел. кн. Николая Михайловича [Романова] освещают лишь одну тему: русско-французские отношения, которые хотя и составляют одну из центральных проблем международных отношений периода 1801—1815 гг., однако ни в малой мере не исчерпывают их. Отметим также, что документы в публикации вел. кн. Николая Михайловича приводились почти исключительно по-французски без переводов на русский язык, что лишний раз свидетельствует об академическом снобизме составителя.

В известном сборнике Т. Юзефовича «Договоры России с Востоком, политические и торговые» (СПб., 1869) опубликованы в основном наиболее крупные договоры России с Турцией [3], что совершенно безосновательно сужает сферу активности русской дипломатии в названном районе.

---

[2] В этой работе участвовали: О. Б. Авсенева, М. И. Андреева, А. Е. Арзуманова, Г. Л. Арш, Т. М. Батуева, М. А. Богина, Л. И. Бойко, Н. Н. Болховитинов, А. Т. Бучин, М. Е. Бычкова, Л. М. Видясова, Н. Ф. Демидова. В. В. Дзалаева, С. И. Дивильковский, М. А. Додолев, В. Н. Дурденевский, И. В. Евстигнеев, Н. В. Ефимова, Т. Л. Жданова, Л. М. Жимерина, В. А. Зарецкий, А. М. Зубов, Н. И. Казаков, А. С. Кан, М. Е. Киселев, В. И. Кузнецов, Н. Б. Кузнецова, Г. С. Кучеренко, М. А. Лобынцева, А. В. Ложникова, Г. И. Лоцманова, Ю. О. Львин, К. Г. Лященко, Е. М. Макаренкова, В. Н. Малов, Т. И. Михайлова, О. П. Морозова, Т. К. Некрасова, Л. Д. Нефедова, Л. А. Никитина, Н. С. Орлова, В. Н. Павлов, О. А. Павлов, Э. С. Паина, М. К. Радецкий, А. Е. Рогинская, Е. В. Рубинин, В. С. Рыкалов, Л. Н. Рябоненко, Н. Г. Савич, Л. Я. Сает, Г. Н. Селях, Ю. К. Семенычев, И. И. Сиволап, В. Г. Сироткин, А. М. Станиславская, А. Ф. Строчкова, Г. Ф. Сухомлинова, В. М. Тарасова, Е. А. Телишева, А. Ф. Федорова, Р. И. Фролова, В. М. Хевролина, Э. С. Чешкова, А. Е. Шикло, Г. И. Щетинина, В. П. Якубовский.

[3] Это относится и к французской публикации (*G. Noradaunghian.* Recueil d'actes internationaux de l'Emire Ottoman, vol. I—II. Paris, 1897—1900).

inslav

В зарубежной историографии, посвященной эпохе наполеоновских войн, особенно большой популярностью пользуется, например, французская публикация Г. Гардена[4], английская публикация Дж. Х. Роуза[5], а также известное издание относящейся к периоду 1801—1815 гг. переписки Александра I с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и королевой Марией Луизой[6], документальные сборники Георга Ф. Мартенса[7]. При всех достоинствах данным публикациям присущи некоторые весьма существенные недостатки — отсутствие полноты и систематичности, узость тематики, случайность подбора материала, отсутствие русских дипломатических документов.

Известно, что история России первой половины XIX в., в особенности история ее международных связей этого времени, в советских документальных изданиях освещена менее полно, чем другие периоды. Названный выше сборник Ю. Ключникова и А. Сабанина представляет собой выборочную публикацию, которая позволяет судить о некоторых отдельных сторонах внешней политики России, государств Западной Европы, Азии, Америки. Нынешнего исследователя смущает не только эта неполнота, но и ряд археографических недочетов сборника: многие документы печатались с пропусками, только в русском переводе, в издании нет комментариев, указателя имен и т. д. Изучение названных и иных публикаций, а также специальных исследований[8] убеждает, что внешняя политика царской России и международные отношения периода 1801—1815 гг. нередко освещаются без достаточного знания русских дипломатических документов, даже специальные русские издания дипломатических документов 1801—1815 гг. страдают неполнотой. Это содействует распространению ряда неправильных представлений и несостоятельных утверждений некоторых зарубежных историков, пытающихся представить Россию едва ли не единственной державой, стремившейся к завоеваниям в Европе и на Востоке.

Главный замысел первой серии «Внешней политики России XIX и начала XX века» — сделать широко доступными для научного исследования документы внешней политики России со времени учреждения Министерства иностранных дел до 1815 г. Издание с самого начала было задумано как научное.

Первая серия издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века» — тематически-пофондовая публикация. Она освещает историю внешней политики России и международных отношений за 1801—1815 гг.; основа ее — не изданные ранее документы российского Министерства иностранных дел, хранящиеся в Архиве внешней политики России. Первая трудность, которую предстояло преодолеть, состояла в определении *нижнего* хронологического предела публикации. Российское Министерство иностранных дел было учреждено 8(20) сентября 1802 г. Исходя из формальных соображений, именно с этой даты и следовало начинать публикацию документов. Однако позиции дипломатии царской России этого времени определялись изменениями внешнеполитического курса царского правительства весной 1801 г. Поэтому в первый том были включены некоторые основные внешнеполитические документы с

---

[4] *G. Garden.* Histoire générale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie, vol. I—XV. Paris, 1848–1887.

[5] *J. H. Rose.* Selected Dispatches from the British Foreign Office. Archives. Relating to the Formation of the Third Coalition Against French. 1804–1805. London, 1904.

[6] *P. Bailleu.* Correspondance inédite de roi Frederic-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Pétérsbourg. Leipzig — Paris, 1900.

[7] «Table générale du Recueil des traités de G. F. Martens et de ses continuateurs». Gottingue, 1876.

[8] Практически исчерпывающий их список публикуется к каждому тому первой серии.

inslav

весны 1801 по 8(20) сентября 1802 г.: доклады главы внешнеполитического ведомства царю, инструкции и царские рескрипты русским представителям за границей, договоры России с другими государствами, донесения русских дипломатов из страны пребывания и некоторые другие. С даты учреждения российского Министерства иностранных дел подбор дипломатических документов дается более полно и систематически. Верхний хронологический предел определяется окончанием освободительной войны против наполеоновского господства и изменением соотношения сил в Европе на основе решений Венского конгресса.

Ввиду огромного объема хранящихся в Архиве внешней политики России документов включить их все в публикацию невозможно. В этих условиях, просматривая весь фонд de visu, приходилось уделять особое внимание и отдавать предпочтение не опубликованным ранее договорам и соглашениям, инструкциям Министерства иностранных дел и царским рескриптам русским представителям за границей; документам, лежащим в основе этих внешнеполитических актов и инструкций (доклады министра иностранных дел царю, протоколы совещаний высших царских чиновников, записки государственных деятелей и пр.); докладам русских дипломатов из-за рубежа. Эти материалы и включались в публикацию.

Перед составителями встал вопрос о том, как быть с ранее опубликованными важнейшими русскими дипломатическими документами, с документами, хранящимися в других (помимо Архива внешней политики России) архивах, в том числе некоторых зарубежных, а также с документами без дат, без подписи, без помет об их официальном утверждении царем.

Относительно опубликованных ранее документов было принято решение включать только самые главные из них (например, Тильзитский договор 1807 г., Бухарестский договор 1811 г. и т. д.), а на остальные давать краткие аннотации и отсылки к соответствующим русским и зарубежным изданиям. Методика эта, получившая в целом положительную оценку рецензентов, требовала от составителей использовать, наряду с архивными материалами, русские и зарубежные документальные сборники и специальные исследования, написать аннотации, точно и лаконично передающие суть того или иного документа. В результате получился своеобразный монтаж опубликованных и еще неизвестных текстов. Это позволило использовать достижения предшественников, содействовать освещению таких сложных проблем, как, например, связь внутренней и внешней политики царской России, противоречивый характер наполеоновских войн, цели их участников и т. д. Вместе с тем такая методика дает возможность читателю судить о соотношении и значимости в издании вновь публикуемых документов.

Что касается документов из других архивов[9], а также материалов, которые не могут быть признаны официальными, то они использовались главным образом для написания примечаний (о них мы скажем ниже), а в отдельных случаях они включались в текст примечания либо в отрывках, либо полностью (например, один из вариантов инструкций А. Б. Куракину и Д. И. Лобанову-Ростовскому для ведения мирных переговоров в Тильзите — см. т. III, прим. 414). Издание содержит в основном русские дипломатические документы. Но иногда, по преимуществу в аннотациях и примечаниях, используются отдельные, за редким исключением опубликованные раньше, иностранные внешнеполитические документы, особенно донесения иностранных дипломатов об их переговорах с государственными деятелями России. В т. IV, например, опубликовано донесение французского посла в С.-Петербурге Коленкура Наполеону I от 1 марта 1808 г. о беседе с Александром I (см. док. 72);

---

[9] Главным образом ЦГВИА, ЦГАДА, ЦГИАЛ, ГИМ, ОПИ, Центральный архив ГДР (Отделение в Мерзебурге), Австрийский государственный архив (Вена).

inslav

здесь же помещена аннотация на второе письмо Коленкура Наполеону о беседе с тогдашним министром иностранных дел Н. П. Румянцевым. Документы и аннотации располагаются в строгом хронологическом порядке; при этом документы нумеруются составителями (номера проставляются перед заголовками), аннотации номеров не имеют. Документы обычно датируются по дате подписания или вручения, при отсутствии таковой даты основания для датировки указываются в текстуальных примечаниях, представляющих собой результат подчас весьма трудоемких изысканий.

Ко всем публикующимся документам и аннотациям даются редакционные заголовки, включающие указание на служебное положение (должность), фамилию и инициалы отправителя и получателя; делопроизводственный номер (если он имеется); дату, при этом русские документы даются по старому и новому стилю, документы иностранного происхождения имеют только даты нового стиля; данные относительно места отправления документа, если оно не совпадает с постоянным местом пребывания отправителя. В ряде случаев в состав редакционного заголовка включалось определение разновидности документа (рапорт, указ, рескрипт, нота, записка и т. д.), бесспорно установленной на основании содержания и формы документа в соответствии с применявшейся в российском Министерстве иностранных дел регламентацией дипломатической переписки.

Все документы, как правило, печатаются полностью. Купюры допускаются лишь в отдельных случаях, когда некоторые части документа не относятся к внешней политике. Так, например, в протоколе заседания Негласного комитета 24 марта (5 апреля) 1802 г. опущено начало (т. I, док. 67), «Манифест об учреждении министерств» воспроизводится только в частях, относящихся к Министерству иностранных дел или ко всем министерствам вообще. Каждый случай сокращения документа (крайне редкий) оговаривается в подстрочном примечании. Пометы и резолюции, относящиеся к документу в целом («Быть по сему» и т. п.), воспроизводятся в конце; пометы к отдельным местам раскрываются в подстрочных примечаниях. Пометы «лично», «секретно», «доверительно», «частное» и т. п. приводятся ниже даты. Подчеркивания выделяются курсивом, причем каждый раз проводилось исследование вопроса о том, кому принадлежит данное подчеркивание,— результаты приводятся в сносках.

Большинство русских дипломатических документов XIX в. составлялось на французском языке. В соответствии с современными археографическими требованиями документы опубликованы как на языке подлинника, так и в русском переводе. Рецензенты одобрили это обстоятельство, отметив, что «переводы с французского языка выполнены с необходимой тщательностью» [10]. Переводы ранее опубликованных документов печатаются по соответствующим изданиям в ряде случаев с некоторыми исправлениями и уточнениями на основе сверки с оригиналами. Необходимо особо отметить, что в случае разночтения опубликованного текста с архивным экземпляром предпочтение отдавалось последнему. Документы, написанные на русском языке, печатаются с сохранением особенностей тогдашней орфографии. Если в тексте имеются мелкие погрешности (пропуски букв, опечатки, грамматические ошибки — это относится к документам, написанным как по-русски, так и по-французски), то их исправления не оговариваются. Смысловые неточности текста остаются в публикуемом документе без изменения и оговариваются в текстуальных примечаниях: «Так в док.». Очевидные грубые ошибки авторов документов (неправильная датировка тех или иных со-

---

[10] См., например: *Е. И. Дружинина.* Рец. на т. I.— «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 131.

inslav

бытий, искажение цитат, ссылки на другие документы) составители стремились исправить после соответствующих исследований, требующих порой очень сложных архивных разысканий, оговаривая в текстуальных примечаниях. В некоторых документах встречается ряд турецких терминов в искаженном виде. Они воспроизводятся в соответствии с оригиналом. Однако в первом томе некоторые из них в искаженном же виде вошли в тексты от составителей, что справедливо отмечала Е. И. Дружинина [11]. В последующих томах серии этот недочет был исправлен.

Большинство вновь публикуемых документов воспроизводится по архивным подлинникам, подлинность и копийность отмечаются в легенде к каждому документу.

Достоинства научно-справочного аппарата публикации отмечались всеми рецензентами. К каждому тому имеется предисловие, в котором характеризуются документы и аннотации с точки зрения их содержания, состава, научного и политического значения. В этих предисловиях предельно концентрированно изложены с марксистско-ленинских позиций основные проблемы истории внешней политики России и международных отношений в соответствующие годы. В предисловии к первому тому, кроме того, кратко изложены принципы публикации документов, принятые в данном издании. В нем указывается, что первая серия должна состоять из семи томов. Огромный объем материалов заставил составителей расширить серию до восьми томов, сохранив намеченные хронологические рамки.

При издании «Внешней политики России XIX и начала XX века» имело место некоторое отступление от очередности выхода в свет томов: вначале были изданы первый и второй (1960, 1961) тома, потом внеочередной шестой (1962), а затем уже все остальные (1964—1972). Шестой том, включающий документы 1811—1812 гг., Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР выпустила к 150-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г. «Книга,— писала А. М. Станиславская,— несомненно станет настольной для историков, изучающих события Отечественной войны 1812 г. и международные отношения наполеоновских войн» [12].

К каждому тому имеются примечания. В восьми томах их опубликовано более 3500. В большинстве своем это реальные примечания, явившиеся плодом подлинно творческой, самостоятельной научной работы и получившие в высшей степени положительную оценку научной общественности [13]. Примечания в каждом томе имеют порядковый номер. Цифры в конце примечаний означают страницу, к которой они относятся; имеются также отсылки к другим, относящимся к делу документам, аннотациям, примечаниям.

Вслед за примечаниями помещен указатель имен. В него включены как основные написания, так и все существенные русские и иноязычные разночтения имен, встречающиеся в документах, аннотациях и примечаниях. Разночтения указываются в скобках после основного текста. В указателе приводятся краткие биографические сведения, ограниченные периодом, охватываемым данным томом. Даты деятельности дипломатических представителей даются по времени их фактического пребывания в должности в той или другой стране. В первом томе публикации не было указателя географических названий. На это упущение справедливо указывала в своей рецензии Е. И. Дружинина [14]. Начиная со второго

---

[11] Там же.

[12] *А. М. Станиславская.* Рец. на т. VI.– «Вопросы истории», 1963, № 4, стр. 127.

[13] *К. Родионов.* Военные вопросы в документах по внешней политике России.– «Военно-исторический журнал», 1968, № 4, стр. 91. *А. Станиславская, Л. Бескровный, Л. Слезкин.* Капитальный вклад в историю дипломатии.– «Международная жизнь», 1967, № 1, стр. 131.

[14] *Е. И. Дружинина.* Указ. статья, стр. 132.

inslav

тома такой указатель является обязательной принадлежностью издания. В указатель включены как основные написания, так и все существенные русские и иноязычные разночтения географических названий, встречающиеся в документах, аннотациях и примечаниях. Все географические названия в соответствии с правилами археографии воспроизводятся в публикации в том виде, как они встречаются в архивных документах.

Предметно-тематический указатель составлен по странам с выделением внутри этой рубрики наиболее существенных проблем; например: «Австрийская империя. Внутреннее положение; о развитии торговли между Россией и Австрией» и т. п. После каждого из таких подразделений проставлены цифры, обозначающие порядковые номера документов, страницы аннотаций на ранее опубликованные документы и номера примечаний.

В каждом томе имеется список употребляемых сокращений, список основных изданий, содержащих русские дипломатические документы за период, который охватывает том, перечни документов и аннотаций.

Советская и мировая научная общественность в целом весьма одобрительно встретила документальные сборники первой серии [15].

Рецензенты отмечали, что ее «по праву можно поставить на первое место в обширном ряду публикаций по истории международных отношений конца XVIII — первых десятилетий XIX века» [16]. Достоинства данного издания, «как самого полного и систематического из всех российских и западных» [17], «значительно расширяющего источниковедческую базу для исследований в области изучения истории международных отношений XIX века» [18], отвечающего самым строгим научным требованиям, единодушно отмечали видные советские и зарубежные специалисты [19]. Подчеркивая научное значение издания как важного вклада в нашу историографию, рецензенты указывали и его практическую ценность. Наиболее полно это выразила в своей рецензии Е. И. Дружинина. По ее мнению, публикация «будет способствовать научной разработке истории внешней политики нашей страны. Кроме того, издание принесет большую пользу в качестве справочного пособия для дипломатических работников, а также как сборник источников, необходимых для самостоятельной научной работы студентов в специальных семинарах исторических факультетов» [20].

---

[15] См. рецензии на т. I.— «Вопросы истории», 1961, № 4; «Народы Азии и Африки», 1961, № 6; «История СССР», 1962, № 2; «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1961, № 3; «The American Historical Review», 1962, vol. 67; «Revista Storica Italiana», 1962, anno 74, F. I; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1961, Jg. 9, Hf. 1; на т. II – «Вопросы истории», 1962, № 10; «Revista Storica Italiana», 1963, anno 75, F. III; «The American Historical Review», 1963, vol. 68; на т. III,— «Вечерняя Москва», 14 апреля 1964 г.; на т. IV — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. 15, 1967, Hf. 2; на т. V — «Historie a Jojenstvi», 1969, N 1; на т. VI– «Вопросы истории», 1963, № 4; «История СССР», 1963, № 4; «Международная жизнь», 1962, № 11; «The American Historical Review», 1964, vol. 69; «Slovansky Prehled», r. 49, 1963, N 4. Кроме того, опубликованы рецензии на группу томов: на тт. I—VII — «История СССР», 1971, № 5; на тт. I—IV, VI — «Международная жизнь», 1967, № 1; «История СССР», 1967, № 3; «Военно-исторический журнал», 1968, № 4; на тт. I–III, VI – «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Neue Folge, Bd. 13, 1965, Hf. 4; «Slavonic and East European Review», 1966, vol. 44, N 102; на тт. I—II — «Deutsche Literaturzeitung», Jg. 84, 1963, Hf. 5/6; «Przegląd Historyczny», t. 54, 1963, N 522—528; на тт. III—IV.— «Вопросы истории», 1966, № 5; «The American Historical Review», 1967, vol. 72.

[16] *А. Станиславская, Л. Бескровный, Л. Слезкин.* Указ. соч., стр. 131.

[17] *Н. С. Киняпина.* Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов Российского министерства иностранных дел.– «История СССР», 1971, № 5, стр. 136.

[18] *А. В. Фадеев.* Рец. на т. II – «Вопросы истории», 1962, № 10, стр. 133.

[19] См., например, рецензии Ф. Вентури в «Revista Storica Italiana» (1962, F. I, p. 194), В. А. Емеца в «Deutsche Literaturzeitung» (1963, Hf. 5/6, S. 466).

[20] *Е. И. Дружинина.* Указ. статья, стр. 132.

inslav

Документы по внешней политике России XIX и начала XX в., изданные МИД СССР, хорошо известны советским и зарубежным историкам. Так, опубликованный «вне очереди» в связи со 150-летием Отечественной войны 1812 г. т. VI первой серии был немедленно пущен в научный оборот — сначала докладчиками в СССР и других социалистических странах, а затем в многочисленных статьях, отразивших юбилейные сессии 1962—1963 гг. (например, документы из т. VI многократно цитируются в сборнике «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». М., 1965, стр. 98, 154, 163 и др.) [21].

Документы первой серии «Внешняя политика России XIX и начала XX века» широко используются в трудах таких советских исследователей, как Г. Л. Арш, Н. Н. Болховитинов, Л. Г. Бескровный, Б. П. Гуревич, М. А. Додолев, И. С. Достян, Е. И. Дружинина, П. А. Жилин, Н. И. Казаков, В. Г. Сироткин, Л. Ю. Слезкин, А. М. Станиславская, А. В. Фадеев и др., а также в работах зарубежных исследователей Ф. Вентури (Италия), П. Вольпеса (Испания), П. Гримстед (США) и др.

В настоящее время ведется работа по публикации второй серии — «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Она охватит период с 1815 по 1830 г. и составит, как и первая серия, 8 томов. Два из них (1815—1819 гг.) уже подготовлены к изданию, подписка на которое продолжается. Во второй серии найдут широкое отражение все аспекты внешней политики России, многие проблемы международных отношений в годы реакции после Венского конгресса, во время революций 1820-х годов и контрреволюционной политики Священного союза. Подробно будет освещена политика России на Ближнем Востоке и ее роль в борьбе народов Балканского полуострова и Закавказья против турецкого владычества в 1815—1830 гг.

---

[21] Этот сборник вышел также и на немецком языке в ГДР («Der Befreiungskrieg 1813». Berlin, 1967).

inslav

Е. П. Подъяпольская

ОБ ИСТОРИИ И НАУЧНОМ ЗНАЧЕНИИ ИЗДАНИЯ «ПИСЬМА И БУМАГИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

События в России первой четверти XVIII в., особенно начиная с Полтавской победы, приковали к себе внимание Западной Европы, вызвали повышенный интерес в политических и дипломатических кругах, в европейском общественном мнении. Появляются сочинения о России, пишутся мемуары. России петровского времени посвящает цикл лекций профессор Грейфсвальдского университета А. Вестфаль в 1722—1726 гг., в которых рассказывает о Петре, его реформах, о Петербурге и Москве, о судьбе царевича Алексея и др.[1]

В самой России время преобразований еще при жизни его деятелей вызвало потребность осмыслить то, что происходило на их глазах и при их участии и привело к существенным переменам в развитии страны. Появилось желание записать для потомства, как бурно — то блистательно, то жестоко — развертывались события. Сохранились записные книжки, дневники, воспоминания, автобиографии современников, путевые заметки, журналы путешествий, рассказы о Петре I, записи его речей, записи о «стрелецком бунте», о Северной войне и отдельных эпизодах ее, а также исторические наброски и труды о времени Петра I. Среди авторов исторических работ назову дипломата Б. И. Куракина и видного государственного деятеля и ученого Ф. И. Соймонова. Отмечу попутно, что до сих пор нет специального исследования ни о том, ни о другом как историках[2].

Самый замечательный исторический труд первой четверти XVIII в.— «Гистория Свейской войны» — был приготовлен большим коллективом, в котором львиная доля труда принадлежала царю Петру и кабинет-секретарю А. В. Макарову. Петр I являлся не только редактором, но и автором «Гистории», многие листы ее зачастую исписаны его рукой, не говоря о многочисленных поправках в перебеленных писцами страницах[3].

Значителен и другой труд, издававшийся по частям (с 1713 г.) при жизни Петра I,— «Книга Марсова» — сборник материалов о победах рус-

---

[1] *Г. Рааб.* Вклад Грейфсвальда в изучение России немцами в петровскую эпоху.— В кн.: «XVIII век», сб. 4. М.— Л., 1959, стр. 323—329.

[2] Е. Ф. Шмурло посвятил Соймонову как историку страницу текста и четыре убористые страницы примечаний в книге «Петр Великий в оценке современников и потомства», вып. I (XVIII в.). СПб., 1912, стр. 102; прим. на стр. 127—132. Е. Ф. Шмурло невысоко оценил незаконченные, оставшиеся в рукописи исторические труды Соймонова. Советский историограф С. Л. Пештич присоединился к мнению Шмурло (*С. Л. Пештич.* Русская историография XVIII в., ч. III. Л., 1971, стр. 78, 127—129, 155). Л. А. Гольденберг в монографии о Соймонове собрал большой материал о его исторических трудах, назвал «Историю Петра Великого» Соймонова «своеобразным панегириком Петру» и высказал сожаление, что этот труд не изучен и не оценен в отечественной историографии (*Л. А. Гольденберг.* Федор Иванович Соймонов. М., 1966, стр. 130, 213—219 и прим. на стр. 239, 254).

[3] В настоящее время этот труд, не напечатанный ни при жизни Петра I, ни при его преемниках, пытавшихся это сделать, подготовлен к печати Т. С. Майковой (Институт истории СССР АН СССР) и должен наконец увидеть свет.

inslav

ских войск в Северной войне: реляций, «юрналов», планов и гравюр сражений, планов крепостей [4].

Для «Гистории Свейской войны» были собраны многочисленные документы из государственных архивов, а также воспоминания участников событий, причем Петр I специально запросил дополнительные материалы и записки о разных военных и внутриполитических событиях от ряда лиц (Ф. М. Апраксин, А. И. Репнин, В. В. Долгорукий) [5], стимулируя тем самым современников к составлению памятных записок, а также к собиранию и хранению материалов прошлых лет. Сам Петр I не раз обращался к своей памяти, работая над «Историей» и даже над законодательными актами. Так, в текст Морского устава он вставил фрагмент о «дедушке русского флота» — воспоминание о легендарном ботике, найденном в 1688 г. в подмосковном селе Измайлове.

Напряженные годы строительства новой России, а затем — при преемниках Петра I — неустойчивая политика и частая смена правителей не способствовали тому, чтобы завершать исторические труды или писать воспоминания. Поэтому не закончены или не обработаны труды историков времени Петра I, а воспоминания нередко беглы, отрывочны, касаются отдельных событий, эпизодов, чаще относятся к ранним годам петрова царствования.

Судьбы деятелей эпохи преобразований были неожиданны и сложны. Одних не миловал сам царь Петр, другие шли в ссылку, погибали при «ничтожных наследниках северного исполина» [6]. Немногие запечатлели на бумаге свои раздумья о прошлом, но все хранили в семейных архивах, как реликвию, полученные от Петра письма — память о своей деятельности, письма эти немые до поры до времени свидетели прошедшего. Можно назвать десятки имен тех, кто берег письма Петра I и другие, связанные с ним документы.

Существовали фамильные архивы таких крупных деятелей, как А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, Б. И. Куракин, Ф. А. Головин, М. П. Гагарин, Ф. М. и П. М. Апраксины, Голицыны, Головкины, Долгорукие.

Владельцы имели возможность хранить свои архивы в образцовом порядке, содержать для этого специальный штат работников. Однако до наших времен дошли только фонды Куракиных и Шереметевых, причем далеко не полные. Многие собрания исчезли совсем, от других уцелели разрозненные бумаги.

Письма Петра I к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву издал в 1774 г. Г.-Ф. Миллер по оригиналам (200 писем 1702—1718 гг.), но подлинники ныне исчезли [7]. Фамильные собрания распадались, их делили по наследству. Так, в ЛОИИ, в фонде Комиссии по изданию Писем и бумаг Петра Великого хранится сборник с копиями писем Петра I к Б. П. Шереметеву за 1707—1709 гг. Сборник составлен в Военной канцелярии Шереметева, в течение 1708—1709 гг. в него записывали письма и указы Петра, приходившие на имя Шереметева. Современный сборник копий с утраченных писем Петра I (124 письма) М. А. Мещерская по-

---

[4] «Книга Марсова» никогда полностью не издавалась. Издание 1766 г. не включило всех частей, выходивших постепенно из печати. Полный текст «Книги Марсовой» подготовлен к печати М. Н. Мурзановой (БАН, Ленинград).

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отдел II, кн. 17, лл. 1–204.

[6] Так заклеймил Пушкин преемников Петра I в «Заметках по русской истории XVIII в.» (*А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VIII, 1958, стр. 126).

[7] «Письма Петра Великого, писанные генералу-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукой, а иные с подлинников». М., 1774. Другая публикация: «Переписка и бумаги графа Б. П. Шереметева 1704—1722».— «Сборник РИО», т. XXV. СПб., 1878. Г.-Ф. Миллер издал также и ответные письма Шереметева: «Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала графа Шереметева», ч. 2–3. М., 1778–1779.

inslav

лучила по наследству из архива крупных государственных деятелей XVIII в. А. Н. и Н. П. Паниных [8].

Замечательный фамильный архив Куракиных, насчитывавший в начале XX столетия до 1400 фолиантов, также подвергался дележу между наследниками и даже продавался (80-е годы XIX в.) [9]. Последний владелец архива — Ф. А. Куракин — сумел купить часть проданных томов, привел архив в порядок и предпринял издание документов [10]. В 1920 г. архив Куракина поступил в Государственный исторический музей. До сих пор не сопоставлены описи бумаг архива, сделанные в XIX—XX вв., с описями Государственного исторического музея и, следовательно, не установлена степень сохранности этого собрания. Бумаги дипломата петровского времени Б. И. Куракина заключались в 80 томах собрания. Письма Петра I к Б. И. Куракину, собранные по годам, хранились переплетенными или сложенными для переплета. Не все письма сохранились в едином фонде. В ЛОИИ оказался сборник писем Петра I к Куракину за 1716—1725 гг. (со 110-ю письмами). В ЦГАДА мне попалась обложка (без документов) с надписью: «Письма Петра Великого к Б. И. Куракину за 1710—1724 гг.» Часть писем за разные годы была издана [11].

И. И. Голиков писал, что адмирал Ф. М. Апраксин получил свыше 400 царских писем [12]. В 1811 г. письма Петра I (210 писем) к Апраксиным (Федору и Петру Матвеевичам) были изданы [13]. Подлинники их исчезли, о чем еще в 1887 г. сообщила Комиссия по изданию Писем и бумаг Петра Великого в предисловии к первому тому [14].

Исчез архив другого крупного деятеля Ф. А. Головина (1650—1706), начальника Посольского приказа, дипломата и адмирала. В 1851 г. по «родовым бумагам» Головиных была опубликована его переписка с Б. П. Шереметевым, а в родословной Головиных напечатаны «Записки бедной и суетной жизни человеческой» В. В. Головина, охватывающие 1712—1721 гг. [15] Но из писем Петра I к Ф. А. Головину уцелели буквально единицы [16].

---

[8] Библиотека княгини М. А. Мещерской находилась в с. Дугино Сычевского у. Смоленской губ. О Мещерской и ее архиве см.: *В. С. Иконников.* Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1099, 1107, 1110; *Г. Н. Геннади.* Указатель библиотек в России.— ЖМНП, 1864, ч. 121, январь – март; ч. 123, июль – декабрь; «Русский архив», 1880, т. III, № 2, стр. 229.

[9] Так, в XIX в. появились новые владельцы бумаг Куракиных, получившие их по наследству: князь А. Б. Лобанов-Ростовский, барон М. Н. Сердобин (получил 100 томов), А. Н. и С. Н. Шенке (получили черновые подлинники и копии). В 1883 г. несколько человек купило в лавке букиниста 220 томов; Московский археологический институт перекупил их и перепродал владельцу Куракинского архива в с. Надеждине Сердобского у. Саратовской губ.— Ф. А. Куракину. Часть фолиантов из архива Куракина осталась в руках коллекционеров, а именно: их приобрели Е. В. и Н. П. Барсовы, И. Е. Забелин, А. А. Титов, И. И. Янжул и др.

[10] «Архив кн. Ф. А. Куракина». Изд. под ред. М. И. Семевского, кн. 1—10. СПб., 1890—1903.

[11] «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1—5, 9. СПб., 1890—1894, 1902.

[12] *И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, т. 14. М., 1842, стр. XI.

[13] «Собрание собственноручных писем Петра Великого к Апраксиным», ч. I—II. М., 1811.

[14] «Письма и бумаги имп. Петра Великого» (далее — «Письма и бумаги»), т. I. СПб., 1887, стр. XIX.

[15] *Н. Головин.* Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Бориса Петровича Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1851. Родословную Головиных см. в кн.: *Петр Казанский.* Село Новоспасское, Деденово тож и родословная Головиных, владельцев оного. М., 1847.

[16] Ср. ссылки на несохранившиеся письма Петра I к Ф. А. Головину, которые выглядят как мартиролог погибших документов.— «Письма и бумаги», т. I, стр. XII—XIII (алфавитный указатель). См. также «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», т. I. М., 1962, стр. 195.

inslav

Немного дошло до нас писем (хранятся в ЦГАДА) к начальнику Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановскому. Письма за 1706—1711 гг. изданы в «Русском архиве» [17].

Грандиозный политический процесс 1718 г., который называли «делом» царевича, «суд над царевичем Алексеем», сопровождался арестами и ссылками тех, чьи имена так или иначе были названы во время следствия. Жертвами процесса оказались не только люди, но и их семейные собрания документов. Так пострадали архивы самого царевича, В. В. Долгорукого, А. В. Кикина. Письма царя, хранившиеся в руках его корреспондентов, попадали обычно при таких обстоятельствах в государственный архив. Однако письма Петра I к царевичу печатаются теперь по копиям [18]. Точно так же и письма царевича к отцу, изданные в 1849 г. по оригиналам [19], сейчас неизвестно, где находятся.

В. В. Долгорукий, гвардии майор и генерал-фельдмаршал, назначенный в 1708 г. начальником вооруженных сил против восстания на Дону, стяжавший славу жестокого карателя крестьянского восстания 1707—1709 гг., оказался замешанным по делу царевича Алексея, был сослан, но отобранные у него царские письма сохранились в государственном архиве [20].

Письма к адмиралтейскому советнику А. В. Кикину, которого Петр ласково называл «дедушка», а после суда над сыном царевичем Алексеем колесовал, находились в семейном архиве П. Д. Волконского [21] и, по-видимому, ушли за границу с эмигрировавшими туда владельцами.

В 1721 г. был повешен князь М. П. Гагарин, сибирский губернатор, за хищничество (казнокрадство), его имущество и бумаги конфисковали, в том числе составленный в канцелярии М. П. Гагарина сборник переплетенных царских указов на имя Гагарина за 1708—1718 гг. Этот сборник поступил в Сенат из Петропавловской крепости [22].

Директор Сенатского архива П. И. Баранов сообщил, что из Петропавловской крепости, кроме сборника указов на имя Гагарина, поступил еще один переплетенный сборник царских указов на имя Я. Н. Римского-Корсакова [23].

При Петре I были осуждены и другие видные деятели, которым были предъявлены обвинения в хищничестве и злоупотреблениях: генерал-майор Ф. В. Шидловский (1711), архангельский вице-губернатор А. А. Курбатов, обер-фискал А. Я. Нестеров (1722), братья Соловьевы — Дмитрий, обер-комиссар г. Архангельска, Осип и Федор Алексеевичи (1718), обер-прокурор Сената Г. Г. Скорняков-Писарев (1723—1724) и вице-президент Коллегии иностранных дел П. П. Шафиров (1723). У всех них архивы оказались в плачевном состоянии. Уцелели только остатки личных бумаг у Ф. В. Шидловского, так как он, осужденный на смерть, но помилованный царем, был отстранен от дел, имущество его перешло

---

[17] «Русский архив», 1865, № 5–6, стб. 635–674; см. также «Русский инвалид», 1849, № 195, стр. 775–776 (1 письмо).

[18] «Письма и бумаги», т. I–VI. СПб., 1887, 1889, 1893, 1900, 1907, 1912; т. VII. Пг., 1918; т. VIII, вып. 1. М.— Л., 1948; т. IX, вып. 1; т. X; XI, вып. 1 и 2. М., 1950, 1956, 1962, 1964.

[19] «Письма царевича Алексея Петровича к его родителю имп. Петру Великому». Одесса, 1849.

[20] *Г. В. Есипов.* Документы по делу царевича Алексея Петровича.– «Чтения ОИДР», 1861, кн. 3, стр. 25—165. Приведен реестр бумагам, найденным у В. В. Долгорукого и А. В. Кикина (30 собственноручных указов и «пунктов» Долгорукому и 7 писем А. В. Кикину),— там же, стр. 166—173. Письма к Долгорукому находятся в ЦГАДА, Разряд V, оп. 1, № 277.

[21] Подлинные письма Петра I к А. В. Кикину издал А. Ф. Бычков в «Сборнике РИО» (т. XI. СПб., 1873), указав, что письма сообщил П. Д. Волконский.

[22] *П. И. Баранов.* Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725. СПб., 1872, предисловие. Сборник хранится в ЦГАДА, ф. 1329, оп. 1, № 8, лл. 1–128. Указы опубликованы: «Сборник РИО», т. XI.

[23] *П. И. Баранов.* Указ. соч., стр. XI, XVIII.

inslav

к племяннику, у которого и доживал свой век Шидловский[24]. Соловьевы были позже прощены, но архив их не дошел до нас: разрозненные письма Петра I к Осипу Соловьеву продаются за рубежом[25]. Письма Петра I к Скорнякову-Писареву остались в государственном архиве; вероятно, они были конфискованы в 1727 г., когда Скорняков-Писарев оказался замешан в деле царского адъютанта А. Э. Девиера[26]. Несколько писем к Скорнякову-Писареву 1715, 1718—1719 гг. оказались в коллекциях ЛОИИ.

После смерти Екатерины I престол занял внук Петра I — Петр II, и сразу в ссылку пошел дипломат П. А. Толстой, который сыграл печальную роль в судьбе его отца Алексея: убедил его вернуться в Россию, после бегства за границу, и тем самым оказался пособником трагической и мучительной смерти царевича. Сохранились остатки семейного фонда дворян Толстых в с. Мурзихе Лаишевского у. Казанской губ.[27] В архиве находились письма Петра I к азовскому губернатору И. А. Толстому (брату П. А.) за 1703—1712 гг. Письма опубликовал П. С. Толстой в «Русской старине»[28]. Письма Петра I к П. А. Толстому не сохранились[29], хотя есть его письма к И. А. Толстому и переписка с Ф. М Апраксиным.

1727 год оказался роковым для всесильного Меншикова: опала, ссылка — сперва в Ранненбург, позже в Березов,— конфискация имений, сказочных богатств и наконец смерть (1729 г.). Меншиковский архив очень пострадал, как можно судить по остаткам его в ЛОИИ. Но царские письма сохранились (разумеется, не все), так как были переданы в государственный архив (ныне хранятся в ЦГАДА). Существует много списков с писем Петра I к Меншикову: в ЦГАДА (несколько фондов), в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина[30]. Ни один корреспондент Петра I не мог конкурировать с Меншиковым по количеству получаемых писем. Петр I, посылая своему товарищу письма, нумеровал их, причем каждый год велась особая нумерация. Такой прием позволяет исследователю следить за степенью сохранности этой переписки[31].

Вплоть до 1740 г. жестокая судьба преследовала крупных представителей «гнезда петрова» и даже их ближайших потомков: пострадали Долгорукие, в том числе казнен дипломат В. Л. Долгорукий, кабинет-секретарь А. В. Макаров находился под следствием и арестом с 1732 до 1749 г., казнен в 1740 г. государственный деятель А. П. Волынский, в Соловецком монастыре умер П. И. Мусин-Пушкин, погиб младший представитель семьи канцлера Головкина — М. Г. Головкин и т. д. Превратности людских судеб неизменно влекли за собою жестокие удары на личные фонды их владельцев. Вероятно, с гибелью П. И. Мусина-

---

[24] *С. И. Шидловский.* Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине, 1696—1727 гг. СПб., 1896.

[25] Как можно судить по заграничным прейскурантам.

[26] Письма Петра I к Скорнякову-Писареву 1707—1720 гг. см.: ЦГАДА, Разряд V, оп. 1. № 6; см. также Разряд VI, оп. 1, № 571. А. Н. Марин опубликовал («Русская старина», 1872, т. VI, кн. 12) письма 1707—1722 гг., сообщив, что он извлек их из сборника в черном сафьяновом переплете с надписью «Собственноручные письма Петра Великого» (хранится в РО ГБЛ). Однако письма являются копиями.

[27] «Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете», т. I. Казань, 1878, стр. 376; т. II, 1879, стр. 84; «Известия о занятиях четвертого Археологического съезда в Казани». Казань, 1877, стр. 99; «Труды четвертого Археологического съезда в России», т. I. Казань, 1884, стр. LVIII.

[28] «Русская старина», 1879, т. XXI, кн. 5, стр. 133—150; кн. 6, стр. 249—262.

[29] Ничтожное количество их опубликовано: «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 10; 1822, ч. 10, № 25, 26; ч. 11, № 29; ч. 12, № 30; «Северный архив», 1826, ч. 20, № 5; 1827, ч. 26, № 8.

[30] ЦГАДА, ф. 142; ф. 198, Разряд V («Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель» ч. I. М., 1946, стр. 120, 152, 163); см. также *В. С. Иконников.* Указ. соч., т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 854—855.

[31] Процент недостающих писем очень невелик, причем, вероятно, многие письма (дублеты) не хранил сам адресат.

inslav

Пушкина надо связать бесследное исчезновение архива его отца — И. А. Мусина-Пушкина [32], начальника Монастырского приказа, под верховным надзором которого находились Московская и Санкт-Петербургская типографии. Лишь реестры писем Петра I (числом 198) остались в материалах Тайной канцелярии по делу М. Г. Головкина [33].

О существовании личных или семейных архивов мы можем судить по остаткам их в рукописных коллекциях, публикациях XVIII и даже XIX в.

Большое собрание разрозненных бумаг деятелей петровского времени хранится в Рукописном отделе ЛОИИ. Сравнительно большая коллекция — письма гвардии капитана-поручика А. И. Ушакова, адъютанта Петра I и его доверенного лица, а с 1731 г. начальника Тайной розыскной канцелярии. Письма (1706—1724 гг.) находились в частном собрании дочери Ушакова — Екат. Андр. Чернышевой. В последней четверти XIX в. они были переданы в Комиссию по изданию Писем и бумаг Петра Великого. Судя по описям, приложенным к этой коллекции, писем было когда-то 92, но в ЛОИИ налицо оказалось только 66. Коллекция из 22 писем к архангелогородскому вице-губернатору Петру Ладыженскому (1714—1723 гг.) была приобретена ЛОИИ от торговцев и частных лиц [34]. Впервые письма к Ладыженскому (29 писем) были напечатаны в 1787 г.[35], затем в 1909 г. по подлинникам, хранившимся в Архангельском губернском правлении,— 30 указов 1710—1724 гг. на имя Ладыженского [36]. В ЛОИИ находится коллекция из 13 писем к А. А. Вейде (1711—1712, 1716—1718 гг.), переплетенный сборник с разными письмами к ландрихтеру Ингерманландской губ., позже петербургскому вице-губернатору Я. Н. Римскому-Корсакову [37]. Там же — единичные письма Ф. Н. Балку (4 письма, в том числе 3 из коллекции М. И. Семевского), письма Я. Ф. Долгорукому 1711, 1714—1715 гг., гетману Украины И. И. Скоропадскому (2 документа 1722 г.).

В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина находится много писем Петра I к разным корреспондентам. Среди них «Письма Петра I к П. И. Яковлеву» [38], письмо (автограф) Петра 1718 г. к корабельному мастеру Филипу Пальчикову [39].

В Государственном историческом музее, в Отделе письменных источников, также собрано много указов и писем Петра I к разным лицам, среди них 5 писем из развеянного по белу свету личного фонда Ф. Н. Балка [40].

---

[32] Сохранились жалкие остатки писем Петра к И. А. Мусину-Пушкину (ЦГАДА, Разряд V, оп. 1, № 9; Разряд VII, XI; ф. 381, 237).

[33] ЦГАДА, ф. А. Ф. Малиновского, портф. 16, № 183. Возможно, часть их (50 писем) сохранилась в ЦГАДА, ф. Продолжение Кабинета Петра I, кн. 20, д. IX, № 1, лл. 138–202.

[34] «Письма и бумаги», т. I, стр. XXI.

[35] «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого», изд. Ф. О. Туманским, ч. 5. СПб., 1787, стр. 83—110.

[36] «Петр Великий на Севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере». Архангельск, 1909, стр. 139–160. Кроме того, указы Ладыженскому публиковались в следующих изданиях: «Москвитянин», 1842, ч. VI, № 12, стр. 396; «Архангельские губернские ведомости», 1876, № 24; «Древняя и новая Россия», т. III, № 9, 1876, стр. 91; *С. Ф. Огородников.* История Архангельского порта. СПб., 1875.

[37] В том числе указы Петра 1713 г. и отрывок его собственноручного текста «Что надлежит исправить в деле судов партикулярных при Ладожском и Онежском озерах...» (Далее следуют два пункта и незаконченный третий).

[38] Под таким названием опубликовала Е. И. Голубцова эту небольшую коллекцию писем («Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 13. М., 1952, стр. 147–152).

[39] Там же, вып. 12. М., 1951, стр. 114.

[40] За разные годы (1842–1844 и 1852) на страницах «Москвитянина» появилось в общей сложности 34 письма Петра I к Балку («Москвитянин», 1852, ч. IV, № 16, стр. 3—14; ч. V, № 18, стр. 48—50). А в 1887 г. Комиссия по изданию Писем и бумаг констатировала, что письма эти «рассеялись» («Письма и бумаги», т. I, стр. XX).

inslav

В Отделе рукописей Библиотеки МГУ тоже коллекционируются письма Петра I к различным корреспондентам. Туда с книгами и рукописями профессора К. В. Базилевича поступили письма Петра к майору Преображенского полка Ф. Н. Глебову. Они хранились в семейном архиве Глебовых-Стрешневых, их покупал К. В. Базилевич, успел приобрести всего 9 писем и унес с собою в могилу имя и адрес последнего владельца [41].

Письма Петра I к дерптскому, позже выборгскому, коменданту К. А. Нарышкину находились, по свидетельству И. И. Голикова, в библиотеке А. М. Нарышкина (их было свыше 80). Часть писем принадлежала в последней четверти XIX в. А. А. Нарышкину, т. е. находилась в фамильном архиве [42].

Письма Петра I к А. А. Виниусу (именно 78 писем за 1691—1714 гг.) были отобраны Тайной канцелярией у М. Г. Головкина при его аресте [43]. По-видимому, Головкин хранил не только семейный архив, но коллекционировал и письма Петра I (было составлено два реестра конфискованных «подлинных писем государя»).

О некоторых личных фондах можно судить по ранним публикациям. Так, несомненно существовали собрания писем Петра I к патриарху Адриану [44], И. И. Бутурлину [45], В. И. Геннину [46], В. Я. Левашову [47], М. А. Матюшкину [48], Н. А. Синявину [49], С. А. Колычеву [50].

Почти не осталось писем Петра I к корабельному мастеру Филипу Пальчикову, лишь несколько указов по кораблестроению 1717—1724 гг., сообщенных А. В. Пальчиковым [51]. Погибли от огня письма Петра I к финансовому агенту, надворному советнику С. Л. Владиславичу-Рагузинскому [52], остался только реестр этих писем.

Огонь, как увидим ниже, нередко губил замечательные рукописные коллекции.

В середине XVIII в. начали складываться собрания документов петровского времени, в том числе коллекции писем Петра I (в подлинниках и списках) и его корреспондентов.

---

[41] О собрании писем Петра I в библиотеке Глебовых-Стрешневых писал В. С. Иконников (Указ. соч., т. I, кн. 2, стр. 1201), ссылаясь на Н. В. Калачова. Комиссия по изданию Писем и бумаг отметила в 1887 г., что ей не удалось найти письма Т. Н. Стрешнева («Письма и бумаги», т. I, стр. XIX).

[42] *И. И. Голиков.* Указ. соч., т. XIV, изд. 2. М., 1842, стр. XI (предисловие); «Письма и бумаги», т. I, стр. XII; т. IX, вып. 1, легенды к № 3646, 3669, 3674, 3679, 3699, 3712, 3723, 3734, 3756, 3771, 3780, 3788, 3821, 3831, 3849, 3887, 4007.

[43] ЦГАДА, ф. А. Ф. Малиновского, портфели 16, № 183; 16-в, № 11.

[44] «Письма Петра Великого к царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану». СПб., 1788; «Древняя российская вивлиофика», изд. 2, ч. XV. М., 1791; см. письма к патриарху Адриану: *И. И. Голиков.* Указ. соч., т. XII, изд. 2, 1842, стр. 14—15; «Чтения МОИДР», 1848, № 8, стр. 29–30; 1876, № 4, стр. 238–243.

[45] 24 письма Петра I к И. И. Бутурлину за годы 1711—1719 напечатаны в журнале «Северный архив» (1829, ч. 5–9), но, как сообщила Комиссия по изданию Писем и бумаг, она не обнаружила ни одного письма Петра I к этому корреспонденту («Письма и бумаги», т. I, стр. XIX). Однако в ЦГАДА (Разряд V, оп. 13) хранятся также письма Петра за 1711–1724 гг.

[46] *В. Н. Берх.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина.— «Горный журнал», 1826, кн. 1—4; 1827, кн. 5. Комиссия по изданию Писем и бумаг констатировала в 1887 г., что письма В. И. Геннина «рассеялись» («Письма и бумаги», т. I, стр. XX).

[47] *П. Бекетов.* Письма и указы В. Я. Левашову. М., 1808 (издано 15 писем 1716–1724 гг.).

[48] «Отечественные записки», 1827, ч. 30, № 86 и ч. 32, № 91 и 92; «Московский телеграф», 1831, т. I, стр. 155–158 (годовая пагинация).

[49] «Письма и указы Петра Великого к Н. А. Синявину». СПб., 1786 (опубликовано 48 писем 1711–1722 гг.).

[50] «Письма Петра Великого к Степану Андреевичу Колычеву и ответы его на оные». М., 1785.

[51] «Петровский сборник».— «Русская старина», 1872, кн. 6, стр. 893—902; см. также «Русская старина», 1872, кн. 4, стр. 465—466; «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 12, стр. 114.

[52] Фамильное собрание графов Рагузинских находилось в с. Токари Лохвицкого уезда (*В. С. Иконников.* Указ. соч., т. I, кн. 2, стр. 1087).

inslav

П. Н. Крекшин (1684—1763) начал с 1719 г. собирать материалы о жизни и делах Петра I, но большая часть его рукописей сгорела вместе с драгоценным собранием А. И. Мусина-Пушкина, где находился памятник мировой литературы — «Слово о полку Игореве». После смерти Крекшина его бумаги оказались у В. С. Сопикова, а затем их приобрел Мусин-Пушкин.

Асессор Коллегии иностранных дел П. В. Курбатов (1672—1747), ровесник Петра I, также начал, по-видимому, рано собирать документы. В большом его собрании — И. И. Голиков говорил, что Курбатов передал ему 900 писем Петра I,— сохранилась тетрадь с письмами Петра I (в копиях) к думному дьяку А. И. Иванову; письма за 1702—1709 гг. переписаны с передачей особенностей собственноручного текста Петра I, его вставок, с указанием помет и т. д.; несомненно, мы имеем перед собою тщательно сделанную копию с оригиналов из семейного архива А. И. Иванова, местонахождение которого неизвестно. А. И. Иванов умер в ноябре 1709 г.— вероятно, уже тогда П. В. Курбатов получил (или сам скопировал) царские письма.

Адмирал А. И. Нагаев (1704—1781), вероятно, создавал свое собрание в течение всей жизни, но сам ничего не успел издать. Он работал целеустремленно, собирая письма Петра I (вместе с ответами корреспондентов) к лицам, находившимся в морской службе. Берх, узурпировавший научные труды и материалы Нагаева, издал «Собрание писем Петра I к разным лицам с ответами на оные», не назвав имени адмирала Нагаева. С. Л. Пештич разыскал фонд Нагаева в ЦГАВМФ и убедился, как Берх буквально портил то, что Нагаев готовил к печати. По-видимому, архив Нагаева сохранился далеко не полностью [53].

Собирали материалы петровского времени Г.-Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, историк Ф. О. Туманский, вероятно — канцлер Г. И. Головкин. В собрании М. Г. Головкина-сына оказались в 1742 г. письма А. А. Виниуса, умершего в 1714 г. Как подсказывает эта дата, письма Виниуса приобрел Головкин-отец. Ф. О. Туманский опубликовал много важных исторических материалов времени Петра I, в том числе письма к адмиралу Ф. М. Апраксину и архангелогородскому губернатору Ладыженскому [54].

Историк М. М. Щербатов (1733—1790), И. И. Голиков (1735—1801), коллекционер П. П. Бекетов (1761—1836), археограф А. Ф. Малиновский (1762—1840) собирали коллекции документов. Щербатов развил блестящую публикаторскую деятельность, издавая документы времени Петра I, в том числе он напечатал его письма за 1706 г. по памятнику, который является своеобразной «исходящей» книгой, куда секретарь не только заносил даты царских писем и имена адресатов, но переписывал почти дословно каждое письмо Петра I [55].

Несмотря на ряд недостатков, труд Голикова «Деяния» «мудрого преобразителя России» остается рекордным по количеству и широте хронологического охвата писем Петра. С. Л. Пештич, называя «Письма и бумаги» «классическим в своем роде изданием», заметил не

---

[53] О собрании адмирала А. И. Нагаева см.: *С. Л. Пештич.* Указ. соч., ч. III, стр. 121—124. Историки русского флота (А. П. Соколов, С. И. Елагин), а также Е. Ф. Шмурло отмечали, что В. Н. Берх «воспользовался» материалами Нагаева и его авторской рукописью. Пештич справедливо называет акт Берха «литературным воровством», отмечая при этом, что собранные Нагаевым документы поданы безграмотно. Следует добавить, что в собрании Нагаева, видимо, были не только материалы по истории русского флота. Так, известно, что там находились указы Петра I к Б. П. Шереметеву; они попали из собрания А. И. Нагаева в собрание И. Н. Царского, а после его смерти их приобрел А. С. Уваров (*В. С. Иконников.* Указ. соч., т. I, кн. 2, стр. 1275; ср. стр. 1169).

[54] «Собрание разных записок и сочинений...», изд. Ф. О. Туманским, ч. 5 и 9. СПб.. 1787, 1788; «Российский магазин». СПб., 1792—1794.

[55] «Записные тетради Петра I всяким письмам и делам 1704 и 1706 гг. со многими примечаниями о службе людей, бывших при государе». СПб., 1774. Рукопись хранится в ЦГАДА, Кабинет Петра I, отдел I. Тетради записные.

inslav

то ядовито, не то с грустью, что оно «доведено только до 1711 г.»[56] Печальная судьба выпала на долю коллекции П. П. Бекетова. Его собрание поступило уже после смерти владельца к другому коллекционеру. Пожар в Зимнем дворце уничтожил рукописи и гравюры из коллекции Бекетова, в том числе оригиналы писем Петра I к В. Я. Левашову, которые Бекетов успел напечатать[57].

Очень ценным было — да и остается — собрание археографа А. Ф. Малиновского. Он пытался создать полный каталог всех писем Петра I, но умер, не приведя в порядок собранного. Тетради незаконченного каталога стареют от времени, они увядают не только оттого, что желтеют и пылятся, но и потому, что письма Петра I, о которых автор хотел поведать русскому историку, одни — гибнут совсем, другие — меняют местожительство, и не легко и не всегда можно найти документ, если адресный стол устарел, а адресат погиб.

Вторая половина XVIII в., особенно последняя четверть, ознаменовалась изданием исторических трудов и источников времени Петра I.

В 1766 г. была издана «Книга Марсова». Прочие издания приходятся на 80-е годы и позже.

Так, историк М. М. Щербатов издал «Историю Свейской войны»[58]. Он же напечатал «Историю императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии... и Переволочны включительно...»[59] — сочинение, приписывавшееся Феофану Прокоповичу. Ф. О. Туманский опубликовал «Историю», составленную Гюйссеном[60]. И. И. Голиков в течение 1788—1789 гг. издал 12 томов «Деяний» Петра Великого, а в 1790—1797 гг.— «Дополнения к Деяниям»[61]. Тогда же, в конце XVIII в., как мы видели выше, были изданы сборники писем Петра I к С. А. Колычеву, Н. А. Синявину, письма к вице-губернаторам А. А. Курбатову и Петру Ладыженскому, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву и ответы Шереметева, письма Петра I к разным лицам за 1706 г.

Такова предыстория издания писем Петра I в XVIII в. Она, с одной стороны, показывает, что в XVIII в. осознали необходимость создания истории времени Петра I, необходимость собирания и издания таких источников для изучения времени преобразования, как воспоминания письменные и устные, письма и официальные документы. С другой стороны, печальная судьба не только семейных архивов и частных коллекций, но и документов государственных учреждений лишний раз убеждает в важности публикации источников.

Письма Петра I своеобразны. Только к очень близким лицам они носят интимный или дружеский характер. Большинство писем — это указы, выраженные в эпистолярной форме; тон их меняется от дружески-делового до сухого и резкого приказа, сурового выговора с угрозой жестокой расправы. Иногда в деловом письме к близкому соратнику Петр I делал приписки (постскриптумы) или вкладывал «цыдулки»-записочки личного характера.

В деловой обстановке, особенно военной или организационно-admини-

---

[56] *С. Л. Пештич.* Указ. соч., ч. III, стр. 124. Было бы крайне желательно издать труд С. Л. Пештича, выходивший по частям и ставший библиографической редкостью, снабдив его указателями.

[57] См. сн. 47.

[58] «Журнал или Поденная записка государя императора Петра I Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира» в двух частях, с приложением документов. СПб., 1770–1772.

[59] Изд. 1. СПб., 1773; изд. 2, 1788.

[60] «Журнал государя Петра I».— В кн.: «Собрание разных записок и сочинений...», изд. Ф. Туманским, ч. 8. СПб., 1788 (1695–1704 гг.) и ч. 10. СПб., 1788 (1709–1710).

[61] *И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, изд. 1, т. 1–12. М., 1788–1789; Дополнения к Деяниям Петра Великого, изд. 1, т. 1(13) – 18(30). М., 1790–1797.

inslav

стративной, корреспондент царя представлял ему доношение в пунктах или вопросах, написанное на одной половине листа, а тот на белой половине набрасывал краткие и точные резолюции, носившие форму приказа.

В XIX в. продолжали печатать уцелевшие в семейных, личных и ведомственных архивах письма, указы и резолюции Петра I. Они появлялись, как мы видели выше, в периодических изданиях 1821—1916 гг., в сборниках фамильных бумаг, в собраниях и коллекциях писем Петра Великого, в описаниях архивных документов. Так были опубликованы письма Петра I к генерал-майору и вице-губернатору Риги Ф. Н. Балку, к генерал-майору И. И. Бутурлину, архангельскому губернатору П. А. Голицыну [62], майору гвардии В. В. Долгорукому, советнику Адмиралтейства А. В. Кикину, корабельному мастеру Ф. П. Пальчикову, обер-коменданту Риги Я. В. Полонскому [63], генералу А. И. Репнину [64], начальнику Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановскому, генерал-цальмейстеру М. М. Самарину [65], украинскому гетману И. И. Скоропадскому [66], генерал-майору, инженеру, преподавателю Морской академии Г. Г. Скорнякову-Писареву, азовскому губернатору И. А. Толстому и его брату, дипломату П. А. Толстому, бригадиру П. И. Яковлеву.

В 1867 г. был опубликован реестр собственноручных писем и указов Петра I за 1710—1721 гг. к поручику, позже адмиралу Н. П. Вильбоа [67], до сих пор не разысканных, как и упоминавшиеся выше письма к С. Л. Владиславичу-Рагузинскому.

В сборниках фамильных бумаг появились письма Петра I к следующим лицам: крупному дипломату Б. И. Куракину, поручику морского флота И. К. Муханову [68], генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, майору Преображенского полка Г. Д. Юсупову [69] и к генерал-майору Ф. В. Шидловскому [70].

Так велики были в XIX в. потребность и интерес к источникам времени преобразования — «Преображенной Россией» метко назвал прежнюю Московию внимательный современник [71],— что второе издание «Деяний» вместе с «Дополнениями» [72], предпринятое через сорок лет, имело не меньший успех, чем первое.

Появляются собрания документов, составленные в тематическом плане: договоры, трактаты, военные события, морские сражения и т. д.

Из собраний документов международного значения следует назвать книги Н. Н. Бантыша-Каменского и Ф. Ф. Мартенса [73]; документы о военных событиях на суше и на море находим в материалах и исследованиях военных историков (Д. Ф. Масловского [74] и А. З. Мышлаевского [75])

---

[62] «Осмнадцатый век», кн. 4. М., 1869, стр. 7–45.
[63] Там же.
[64] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. I. Рига, 1876.
[65] «Чтения МОИДР», 1874, № 2, стр. 12–19.
[66] Там же, 1848, № 4, стр. 105–108; № 8, стр. 153–170.
[67] «Русский архив», 1867, № 1, стб. 1199–1200.
[68] «Сборник, изданный П. Мухановым», 1836; изд. 2. СПб., 1866.
[69] «О роде князей Юсуповых», ч. II. СПб., 1867, стр. 171—186.
[70] *С. И. Шидловский.* Указ. соч.
[71] *Ch.-Fr. Weber.* Das veränderte Russland. Frankfurt, 1721. Книга выдержала несколько изданий: Hannover, 1729; Frankfurt und Leipzig, 1738.
[72] *И. И. Голиков.* Указ. соч., изд. 2, т. 1–15. М., 1837–1843. В это издание были включены и «Дополнения».
[73] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. 1–4. М., 1894–1902; *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 1—9. СПб., 1874—1902.
[74] *Д. Ф. Масловский.* Записки по истории военного искусства в России, вып. 1–2. СПб., 1891–1894.
[75] *А. З. Мышлаевский.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного Архива).– «Сборник военно-исторических материалов» (далее – «Сборник ВИМ»), вып. V. СПб., 1893; *он же.* Война с Финляндией в 1712–1714 гг. СПб., 1896; *он же.* Война с Турцией 1711 г. Материалы.– «Сборник ВИМ», вып. XII. СПб., 1898; *он же.* Петр Великий. Военные законы и инструкции.– Там же, вып. IX. СПб., 1894.

inslav

и историков русского флота (В. Н. Берха, Ф. Ф. Веселаго, С. И. Елагина) [76].

В 1872 г. предстоял двухсотлетний юбилей Петра Великого. Ученый мир готовился к этой дате. С. М. Соловьев, отдавший в «Истории России» щедрую дань преобразовательной деятельности Петра I, выступил с «Публичными лекциями о Петре Великом» [77]. Начиная с 1870 г. выходят книги по истории первой четверти XVIII в., издаются документы, монографии. Особенно богата историческая литература 1872 и последующих годов. Юбилейная литература собрана в специальном указателе В. И. Межова [78]. Отмечу, что выходят крупные публикации писем и указов в издании будущего первого редактора «Писем и бумаг» Петра Великого [79], а из потока журнальной продукции выделю издания «Русской старины». Этот журнал, неоднократно знакомивший читателей с письмами Петра I, не только выпустил очередной номер как юбилейный, но и особо издал книгу со сказаниями о Петре [80].

* * *

В конце декабря 1872 г. была создана Комиссия по изданию Писем и бумаг Петра I. Она состояла из ученых-историков Московского и Петербургского университетов и археографов, а именно: в нее вошли московские и петербургские профессора — С. М. Соловьев и Н. А. Попов, К. Н. Бестужев-Рюмин и Е. Е. Замысловский, директор Московского архива Министерства юстиции Н. В. Калачов, хранитель Отделения рукописей Румянцевского и Московского публичных музеев А. Е. Викторов и от Академии наук ординарный академик А. Ф. Бычков, которому было поручено вести все дела. Возглавил Комиссию министр народного просвещения Д. А. Толстой.

Таким образом, с самого начала издание было поручено Академии наук, но под верховным ведением Министерства народного просвещения и только в 1909 г. (22 апреля) было передано Постоянной комиссии при историко-филологическом отделении Академии.

Поручение, данное А. Ф. Бычкову,— сосредоточить в своих руках работу Комиссии по изданию писем и других документов, не было случайным. Уже с 1853 г. стали появляться при его участии и под его редакцией издания материалов петровского времени [81].

Работа Комиссии шла по разным направлениям: 1) выявление документов в государственных и фамильных архивах и частных коллекциях, как в России, так и за ее пределами; 2) собирание этих материалов в копиях, редко в иных репродукциях, еще реже — в оригиналах; 3) вы-

---

[76] *В. Н. Берх.* Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. 1—2. СПб., 1829; *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк русской морской истории, ч. 1. СПб., 1875; *он же.* Описание дел Архива Морского министерства, т. I. СПб., 1877; *С. И. Елагин.* История русского флота. Период Азовский, ч. 1–2. СПб., 1829; «Материалы для истории русского флота», ч. 1–4. СПб., 1865–1867.

[77] *С. М. Соловьев.* Публичные лекции о Петре Великом. М., 1872.

[78] *В. И. Межов.* Юбилей Петра Великого. Библиографический указатель литературы Петровского юбилея 1872 г. СПб., 1881.

[79] *А. Ф. Бычков.* Письма Петра Великого, хранящиеся в имп. Публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования. СПб., 1872; «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I. Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1871; «Бумаги имп. Петра I». Изд. акад. А. Бычковым. СПб., 1873.

[80] «Русская старина», 1872, кн. 6, 12. Там же (кн. 12) были напечатаны письма Петра к Г. Г. Скорнякову-Писареву. Наконец, как самостоятельное издание вышли «Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого. 1672–1725 гг.», изд. журнала «Русская старина», вып. 1, 1872.

[81] *А. И. Андреев.* Памяти И. А. Бычкова.– В кн.: «Петр Великий». Сб. М.– Л., 1947, стр. 424.

inslav

явление в различных печатных изданиях писем, указов и других материалов, написанных или подписанных Петром I.

Комиссия постановила составить карточный каталог[82] этих изданных материалов и привести их в хронологический порядок.

Были отпущены специальные средства на переписку документов (суммы эти отпускались с 1873 до 1878 г. включительно), но их оказалось недостаточно, и энтузиасты Комиссии академик А. Ф. Бычков[83] и археограф А. Е. Викторов сами снимали копии.

Комиссия, в ряде заседаний, установила, какие именно документы войдут в состав издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». Так, было решено исключить из издания именные указы, объявленные разным лицам от царского имени, но не имевшие подписи Петра I. В то же время решено было включать в издание документы международного значения (например, договоры), хотя бы под ними не оказалось подписи, но было несомненно, что соглашение или решение было продиктовано волею монарха.

Комиссия выработала правила для переписки документов Петра I, как собственноручных, так и несобственноручных. Одним из правил издания собственноручных писем Петра I было печатание курсивом надстрочных (выносных) букв подлинника. Этот прием давал возможность палеографически точно воспроизводить автографы. Любопытно, что исключение из этого правила было принято Комиссией на заседании 1876 г. в угоду особам царствующего дома, в специальных «подносных» экземплярах.

Было решено также печатать шифрованные письма с раскрытием шифров, помещая «ключи» в приложениях.

Ввиду того что из министерств и архивов разных учреждений поступали заявления о том, что отсутствуют квалифицированные кадры для снятия копий с документов петровского времени, особенно с собственноручных писем Петра, члены Комиссии распределили между собою работу по извлечению документов из архивов.

Частные лица — как в России, так и за границей — предоставили Комиссии оригиналы для снятия копий[84]. Эти копии снимал И. А. Бычков; и на нем же лежала сложная и ответственная переписка, связанная с получением и отправлением обратно этих документов.

В 1880 г. наступило затишье в деятельности Комиссии. Оно было вызвано тем, что отпущенные для издания средства были израсходованы. Затишье длилось до 1885 г. К этому времени было собрано до 15 тыс. документов. Однако Бычковы продолжали работу по подготовке издания.

В 1885 г. средства были отпущены, издание Писем и бумаг Петра I было возложено на академика А. Ф. Бычкова.

Первый том «Писем и бумаг» вышел в свет в 1887 г. Он охватил документацию 1688—1701 гг. Серия эта продолжается до настоящего времени. Подготовка томов и выход их в свет движется медленно, переживает разные, иногда длительные периоды затишья. В настоящее время группа сотрудников Института истории СССР АН СССР подготовила к изданию документы 1713 г., включив их в т. XIII.

Редакторами серии до 1918 г. являлись отец и сын Бычковы: в 1885—1899 гг. академик А. Ф. Бычков, а после его смерти — член-корреспондент И. А. Бычков — в 1899—1918 гг. За это время (1887—1918 гг.) было издано в Петербурге 7 томов в количестве 2460 писем и примечаний к 2349 письмам[85] на 350 печ. листах.

Советское издание серии «Письма и бумаги императора Петра Вели-

---

[82] Хранится в ЛОИИ.

[83] Вероятно, это делал сын А. Ф.— И. А. Бычков.

[84] Очень немногие корреспонденты сами снимали копии, снимали неумело; поэтому от некоторых не дошедших до нас оригиналов сохранились плохие копии.

[85] Примечания (№ 2350—2460) к т. VII были изданы в 1946 г. во 2-м выпуске т. VII.

inslav

кого» было перенесено в Москву. В 1943 г. было признано необходимым возобновить издание при Институте истории АН СССР. Была образована специальная группа для продолжения издания — сперва под руководством академика Ю. В. Готье, потом, после его смерти (1943 г.), под руководством А. И. Андреева (до 1950 г.) [86].

В 1943—1946 гг. шла подготовка к изданию: формировались новые кадры составителей, приводились в порядок материалы Комиссии по изданию. Материалы эти частью хранились в Государственной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (б. Публичной библиотеке), директором которой являлся И. А. Бычков, частью находились в квартире И. А. Бычкова, продолжавшего работать над подготовкой к изданию 2-го выпуска т. VII и над материалами дальнейших томов. Второй выпуск т. VII советского издания вышел в 1946 г., в нем принимала участие, кроме редактора А. И. Андреева, группа советских историков: Н. А. Бакланова, А. П. Глаголева, Т. К. Крылова, Е. П. Подъяпольская и С. А. Фейгина.

Организационная работа по собиранию и приведению в порядок архива Комиссии продолжалась и позже при активном участии К. Н. Сербиной. Документы Комиссии поступали в ЛОИИ из ГПБ и от вдовы И. А. Бычкова — М. К. Бычковой, они были окончательно сосредоточены там в 1956 г. и в настоящее время разобраны и приведены в порядок.

В советском издании серии «Писем и бумаг» с 1946 по 1964 г. вышло 5 томов в 8 книгах, где опубликован 2541 документ и комментировано 2652 документа [87]; подготовлены тома XII и XIII (каждый в двух книгах), включающие 1600 документов (с примечаниями). С 1973 г. группа по изданию «Писем и бумаг» приступила к подготовке томов XIV и XV.

Редакторами советского издания «Писем и бумаг» были А. И. Андреев (1946—1950), Б. Б. Кафенгауз (1950—1969); с 1962 г. членом редколлегии стал и Л. А. Никифоров. В настоящее время редколлегия издания состоит из трех лиц: Л. А. Никифоров, Л. Г. Бескровный, Е. П. Подъяпольская.

* * *

Научное значение серии «Письма и бумаги императора Петра Великого» огромно. Петр I твердо держал в руках все нити управления государством, на всех постах — административных, военных, дипломатических, культурных — были расставлены люди, которых Петр знал лично, давал задания, следил за их исполнением, требовал отчета в сделанном. Многоликая переписка [88] времени Петра I отражает напряженный полнокровный жизненный пульс феодальной России — в этом ценность издаваемых документов.

Замысел издания, выразившийся в формулировке «Письма и бумаги императора Петра Великого»,— оказался удачным и плодотворным. В документацию включались письма и другие материалы деятелей первой четверти XVIII в., начиная от главы государства и кончая народными повстанцами.

В письмах слышен голос и самодержавного феодала, и его соратников, захваченных творческой строительной лихорадкой во всех областях

---

[86] А. И. Андреев отошел от руководства по изданию в связи с переездом в Ленинград, но продолжал принимать участие как член редколлегии до смерти (1959 г.).

[87] В эту цифру входят комментарии к письмам 1-го выпуска т. VII, изданного И. А. Бычковым.

[88] Учет корреспондентов Петра I — тех лиц, к которым Петр писал лично, далеко не закончен, но уже сейчас можно назвать около 600 имен, не принимая в расчет его писем и указов, обращенных к группам или коллегиальным учреждениям, например: бомбардирской роте, волонтерам, к некоторым боярам, к лицам, вызванным на военный совет, Боярской думе, сенаторам, Военной коллегии (и другим коллегиям), губернаторам, бургомистрам и ратманам, земским бурмистрам, командирам батальонов, Комиссиям (по сочинению морских уставов, по составлению адмиралтейского регламента и пр.). Число корреспондентов, писавших Петру, значительно превосходит число тех корреспондентов, к которым царь обращался лично.

inslav

государственной жизни, а в «прелестных» письмах повстанцев, обращенных к царю и его «воеводам», слышится голос угнетенного, бесправного крепостного народа, придавленного гнетом налогов и повинностей, но пытающегося в той лихорадочной стройке новой России, которая шла, сказать свое слово — пусть неумело и расплывчато,— о каком государстве мечтают бесправные крепостные низы. Серия принадлежит к публикациям международного значения. Важнейшие вопросы внешней и внутренней истории России базируются на документах этого издания, которое дает также богатый материал для истории других европейских стран.

Серия возникла в дореволюционное время, когда XVIII век был почти не изучен и стояла насущная потребность в собирании и издании документов для его изучения. Издание было поставлено по последнему слову науки. В 1877 г. во Франции было закончено издание корреспонденции Наполеона. Издание «Писем и бумаг Петра Великого» отличалось от «Correspondance» [89] Наполеона I не только тем, что в русское издание были введены ответные письма корреспондентов Петра I и таким путем была смягчена персонификация царя-преобразователя, но и тщательной археографической обработкой документов с привлечением всех списков писем, особенно не сохранившихся в подлинниках. Продолжение серии «Письма и бумаги Петра» как советского издания имеет свои отличия сравнительно с дореволюционным. Его задача — воссоздать прошлое истории народа. Поэтому в «Письмах и бумагах» публикуются материалы о героической борьбе русского, украинского и белорусского народов против захватнической войны Швеции, о крестьянской войне, возглавленной К. Булавиным, и др.

Советское издание «Писем и бумаг» уделяет тщательное внимание разделу «примечаний»-комментариев, в которых печатаются ответы корреспондентов и другие материалы. Благодаря этому внешняя политика первой четверти XVIII в. представлена письмами и донесениями блестящей плеяды дипломатов, талантливых гражданских и военных деятелей — корреспондентов Петра I.

Советские историки широко используют материалы «Писем и бумаг», так же как и зарубежные, которые высоко ценят наше издание, как свидетельствуют и многочисленные рецензии (см. ниже), и частые ссылки на него в зарубежных монографиях и статьях.

В каждом выходящем томе серии (который совпадает хронологически с годом существования Русского государства) публикуются грамоты, договоры, письма, указы, записки и другие материалы, вышедшие из-под пера Петра I, причем далеко не все они были известны до того в печати. В среднем на том приходится 50—60% неизвестных документов Петра I, а сопутствующая переписка деятелей эпохи преобразования, раскрывающая жизнь страны, международную обстановку и военные события, целиком печатается впервые. В томах VIII и IX, отразивших яркие страницы военной истории России 1708—1709 гг., несмотря на изученность этого периода, оказалось много неизвестного, и эти тома дали в руки историков новый документальный материал по Северной войне в Полтавский период.

Том X, включающий документацию 1710 г., оказался своего рода откровением, как и последующие, XII и XIII, тома. Военная и дипломатическая история России первой четверти XVIII в. изучалась «пятнами» по таким вехам, как крупные сражения или важные международные договоры. Указанные тома восполняют пробел в изучении внешнеполитической и внутренней жизни страны. 1710 г. был не только годом крупных побед над шведскими крепостями, но и первым годом после Полтавской победы, явившейся рубежом для роста военных и дипломатических успехов России. В т. X публикуются прежде неизвестные ценные документы

[89] «Correspondance de Napoléon I», vol. 1—32. Paris, 1858—1877.

inslav

по военной истории России, о деятельности русской дипломатии в поисках новых союзников против Швеции и по укреплению связей с союзными государствами.

Деятельность русской дипломатии отразилась в документах, помещенных также в т. XI и особенно в томах XII и XIII.

1711 г. вызывает обычно ассоциацию с Прутским походом, известным в военно-исторической литературе. Но в т. XI, где собрана документация 1711 г., только первый выпуск посвящен этой теме (причем отыскано много новых, неизвестных документов). В 1711 г. продолжается и ширится дипломатическая переписка с союзниками России, с державами Великого Союза, со славянскими странами; международные связи крепнут благодаря поездке Петра I в Западную Европу, его личным встречам и переговорам с государственными деятелями и коронованными особами. Второй выпуск т. XI включает эти материалы.

Тома XII и XIII, еще не увидевшие свет, представляются особенно важными благодаря новым, неизвестным в исторической литературе, значительным документам 1712 и 1713 гг., которые они охватывают. Победы русских войск в Финляндии и Померании, успехи русской дипломатии в Западной Европе (союзный договор с Пруссией) и в Турции (Адрианопольский мир 1713 г.), создание мощного флота, рост международного престижа России — вот вкратце стержневые вехи этих двух томов. И не случайно Готфрид Лейбниц, великий философ XVII в., на склоне своих лет заинтересовался Россией, искал встречи с Петром I, предложил ему свои услуги в области политики и науки и с 1712 г. стал числиться в русской службе. Прозорливый мыслитель трезво оценил выход России на международную арену.

Многочисленные рецензии в советской печати и за рубежом на выходящие тома серии свидетельствуют также о ее научном значении.

Из рецензентов советской печати назову Б. Б. Кафенгауза, В. Д. Королюка, В. Е. Шутого, С. А. Фейгину, Л. А. Никифорова, Н. А. Смирнова[90] и др., а также отзывы С. Н. Валка и Л. В. Черепнина[91]. Из зарубежных рецензентов следует отметить И. Гировского, Эд. Винтера, И. Тетцнера, Х. Яблоновского, К. Шербана, А. В. Флоровского[92].

Наряду с международным значением серии, отмечу научное значение ее по археографическим приемам. В инструкции по изданию документов в «Письмах и бумагах Петра Великого»[93] Т. С. Майкова подвела итог археографическому опыту научных сотрудников, участвовавших в издании серии.

Укажу еще одно важное практическое значение издания. Оно является своего рода школой для научных кадров советских историков.

---

[90] *Б. Б. Кафенгауз.*— «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 115–118; *В. Д. Королюк.*— «Записки Института славяноведения», т. I. М.– Л., 1948, стр. 374–381; *Л. А. Никифоров.*– «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 134–139; *В. Е. Шутой.*– «Вопросы истории», 1952, № 10, стр. 122–126; *С. А. Фейгина.*– «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, № 3, 1952, стр. 304–307; *Л. А. Никифоров.* «История СССР», 1957, № 5, стр. 239–246; «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 207; «История СССР», 1963, № 3, стр. 181–182 (аннотация); *Н. А. Смирнов.*– «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 153–157; *А. Л. Шапиро.*– «История СССР», 1968, № 1, стр. 231–233.

[91] *С. Н. Валк.* Советская археография. М.— Л., 1948, стр. 169—170; *Л. В. Черепнин.* Русская палеография. М., 1956, стр. 443.

[92] *J. Gierowski.*— «Kwartalnik Historyczny», 1954, z. 61, N 1, s. 227—284; *H. Jablonowsky.*— «Historische Zeitchrift», 1955, Bd. 180, Hf. 2, S. 346; Ed. Winter.— «Deutsche Literaturzeitung Akademien der Wissenschaften zu Berlin», 1955, Jg. 76, Hf. 7/8, S. 441—444. *J. Tetzner.*— «Zeitschrift für Slavistik», 1957, Bd. II, Hf. 4, S. 641; *Ed. Winter.*— «Deutsche Literaturzeitung Akademien der Wissenschaften zu Berlin», 1957, Jg. 78, Hf. 5, S. 427—429; *C. Ş[erban].*— «Studii Revistă de Istorie», Bucureşti, 1963, N 3, p. 755. Отзывы А. В. Флоровского сохранились в переписке с сотрудниками Института истории СССР АН СССР.

[93] «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 439—463.

inslav

З. Г. Самодурова

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В СССР (1945—1971 гг.) [1]

Собрания греческих рукописей СССР изобилуют памятниками палеографии, разнообразными образцами средневекового греческого письма, которые предоставляют ценный и важный материал для палеографических и кодикологических исследований.

В области теории греческой палеографии много сделано Е. Э. Гранстрем. Ею разрабатывались такие сложные проблемы греческой средневековой письменности, как возникновение византийского минускула, унциальный период греческого письма, связь славянского устава с греческим унциалом, а также происхождение глаголической азбуки.

Изучение 150 унциальных рукописей из отечественных коллекций (цельных кодексов, фрагментов разной величины и смытых текстов), т. е. более трети всех сохранившихся до нашего времени памятников этого типа, позволило Е. Э. Гранстрем нарисовать историю развития византийского унциала. Она охарактеризовала три этапа в его развитии (период древнейшего или старшего унциала, период младшего или наклонного унциала и период литургического унциала). Е. Э. Гранстрем отвергла широко распространенную точку зрения о существовании так называемых «национальных типов» или «дуктов» письма. По ее мнению, «национальные типы» византийского унциала представляют собой случайное явление в истории греческого письма, число образцов этих «национальных типов» невелико и они не оказали какого-либо влияния на дальнейшее развитие унциального письма в Византии. Е. Э. Гранстрем отмечает большое историко-культурное значение данного периода византийской письменности, так как именно в это время — IV—VIII вв.— были выработаны и окончательно сложились главные приемы оформления византийской рукописной книги [2].

Всесторонне изучена Е. Э. Гранстрем и проблема происхождения византийского минускула. Она детально охарактеризовала этот вид греческого письма, его отличия от унциала и изложила историю его развития. Согласно с общепринятой точкой зрения Е. Э. Гранстрем связывает выработку этого типа письма с деятельностью игуменов столичного Студийского монастыря: Платона и Феодора Студита (конец VIII — начало IX в.), а его появление объясняет удорожанием и нехваткой писчего материала, наступившими вследствие прекращения ввоза в Византию папируса из Египта, завоеванного арабами в середине VII в. Рассмотрев три

---

[1] Окончание. Начало см. в «Археографическом ежегоднике за 1971 год». М., 1972, стр. 50—57. В статью включены и некоторые издания 1972 г.

[2] *Е. Э. Гранстрем.* Унциальный период византийской письменности.– «Тезисы докладов. Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси». Тбилиси, 1965, стр. 124—125; *она же.* Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1969, стр. 14—16 (далее — *Е. Э. Гранстрем.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ); *она же.* Унциальный период византийской письменности.– «Византийский временник» (далее – ВВ), XXIX, 1969, стр. 232–243.

inslav

этапа в развитии византийского минускула: период древнего или чистого минускула (IX — середина X в.), период среднего или смешанного минускула (середина X—XII в.) и период нового минускула или книжного курсива (XIII—XV вв.),— Е. Э. Гранстрем отмечает формальный характер данной периодизации, лишь отчасти соответствующей материалу. Она предлагает новую методику исследования средневековых минускульных рукописей. При анализе письма необходимо принимать во внимание как формы букв и надстрочных знаков, число лигатур и сокращений (как это делалось в работах по греческой палеографии), так и изучать рукопись в целом, рассматривать особенности ее внешнего оформления в тесной связи с содержанием и назначением каждого кодекса. Такое углубленное исследование манускриптов, по мнению Е. Э. Гранстрем, сделает возможной более точную датировку их и даст ценные сведения о производстве книги в Византии [3].

Вопрос о необходимости кодикологического изучения рукописи как единого целого, отдельные особенности которого тесно связаны между собой, поставлен в работе Е. Э. Гранстрем «О некоторых приемах оформления византийских рукописей». По мнению автора, всестороннее исследование не только текста и письма рукописи, но и всех прочих приемов ее оформления, т. е. всей ее структуры, расширяет сведения по истории византийской образованности и позволяет выяснить требования, предъявлявшиеся разными слоями общества к труду писца. Одной из первых Е. Э. Гранстрем обратила внимание на применение различных типов письма для текстов разного назначения и содержания и охарактеризовала специальные значки и знаки, употреблявшиеся в рукописях для выделения различных частей текста. Анализ состава и оформления манускриптов позволил Е. Э. Гранстрем выявить отличия рукописной книги, переписанной на заказ скриптором-профессионалом, от сборника, составленного самим владельцем по своему усмотрению и служившего учебным пособием или тетрадью [4].

Одной из самых запутанных проблем в истории славяно-русской письменности, проблеме возникновения и происхождения глаголической азбуки, посвящен ряд работ Е. Э. Гранстрем. На основании изучения греческих и глаголических манускриптов Е. Э. Гранстрем пришла к выводу, что изобретенная Кириллом азбука, несомненно, связана со средневековым греческим письмом, но не тем, которое обычно встречается в византийских кодексах. Ее источником, по мнению Е. Э. Гранстрем, был не византийский минускул, как думали раньше многие исследователи, а специфические системы греческой письменности, употреблявшиеся для тахиграфии, криптографии, для обозначения специальных терминов в медицинских, астрологических, алхимических сочинениях, в комментариях к поэмам Гомера и доступные лишь высокообразованным византийцам. Эта азбука, построенная на совершенно искусственном основании, была чужда и непонятна как славянским народам, так и низшему греческому духовенству. Именно искусственностью источника Е. Э. Гранстрем объясняет нежизненность глаголицы. Искусственно созданная Кириллом Философом, глаголическая азбука не могла конкурировать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое проникало в славянские земли постепенно по мере расширения связей с Византией и ознакомления с ее культурой. На конкретном материале славянских и греческих рукописей из отечественных хранилищ Е. Э. Гранстрем проследила связь кирилловского устава с византийским унциалом. Она убедительно доказала, что последний был творчески пе-

[3] *Е. Э. Гранстрем.* К вопросу о византийском минускуле.– ВВ, XIII, 1958, стр. 222–245. Автореферат статьи напечатан в «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1962, N 3, S. 326; *она же.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ, стр. 16–19.

[4] *Е. Э. Гранстрем.* О некоторых приемах оформления византийских рукописей.— «XXV Международный конгресс востоковедов». М., 1960.

inslav

реработан самими славянскими народами в процессе развития славянского письма [5].

Большая работа проведена Е. Э. Гранстрем в области изучения греческих палимпсестов. Е. Э. Гранстрем, одна из немногих специалистов-палеографов, подвергла греческие палимпсесты широкому обследованию с помощью новейших методов выявления текста. Она обнаружила значительное количество их среди греческих рукописей ленинградских собраний (58 кодексов с общим числом листов около трех тысяч). Ею выработана методика их описания. Она первая высказала мнение о необходимости описания каждого фрагмента смытого текста как самостоятельной единицы средневековой письменности. Е. Э. Гранстрем доказала, что вследствие дороговизны и нехватки писчего материала скрипторы использовали не только заново выделанный пергамен, но и уже бывший в употреблении. Одним из крупных центров, где обрабатывали старый пергамен и выделывали новый, был Синай. Анализ палимпсестов подтвердил мысль об использовании для их подготовки ветхих кодексов, так как нередко палимпсесты были составлены из обрывков нескольких древнейших рукописей. Изучение содержания смытых текстов опровергает широко распространенную точку зрения о намеренном уничтожении благочестивыми монахами еретических сочинений и произведений классической литературы. Подавляющее большинство существующих палимпсестов содержит библейские, житийные, патристические и тому подобные сочинения [6].

Ею тщательно изучена греческая рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), греч. 115, являющаяся палимпсестом, верхний текст которого она датирует XIV в., а нижний — X—XI вв. Выявленный текст, представляющий собой отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды, византийского врача VI в., Е. Э. Гранстрем обстоятельно проанализировала, опубликовала и частично перевела. По ее мнению, эти листки являются частью тетради, в которой текст был записан вслед за лектором в аудитории слушателем, изучавшим медицину и достаточно сведущим в медицинской терминологии [7].

Один из наименее изученных вопросов в истории византийской культуры — история византийских библиотек — рассматривается в работах Е. Э. Гранстрем и Б. Л. Фонкича.

Е. Э. Гранстрем опубликовала два неизвестных до сих пор каталога монастырских библиотек Византии, обнаруженных в рукописях, хранящихся в Ленинграде и Москве: один из них составлен писцом Иоанникием в Лавре Саввы Освященного в 1352 г., второй, представляющий собой простой перечень книг, извлечен из манускрипта XV в., принадлежавшего Филофееву монастырю на Афоне. Как указывает автор, каталог библиотеки Саввы Освященного дает некоторые сведения о методах ка-

---

[5] *Е. Э. Гранстрем.* О связи кирилловского устава с византийским унциалом.— ВВ, III, 1950, стр. 218–229; *она же.* К вопросу о происхождении глаголической азбуки.– «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее – ТОДРЛ), IX, 1953, стр. 427–442; *она же.* О происхождении глаголической азбуки.– Там же, XI, 1955, стр. 300–313; *она же.* О происхождении кириллицы и глаголицы.– «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (К IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 316—318; *она же.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ, стр. 15, 19.

[6] *Е. Э. Гранстрем.* Палимпсесты Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.– ВВ, XVII, 1960, стр. 78–84; *она же.* Славяно-русские палимпсесты.– «Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1963 г.». М., 1964, стр. 218–222; *она же.* Палимпсесты в греческих рукописях Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— «Actes du XII-e Congrès International des Études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 545—549; *она же.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ, стр. 19–23.

[7] *Е. Э. Гранстрем.* Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X–XI вв.– ВВ, IX, 1956, стр. 159–169. Автореферат напечатан в «Bibliotheca classica orientalis», Berlin, 1958, N 3, S. 187–188.

inslav

талогизаций книг в Византии. Каталог Филофеева монастыря, по мнению Е. Э. Гранстрем, является охранной описью. Среди ленинградских рукописей Е. Э. Гранстрем выявила кодексы, происходящие из библиотеки византийских императоров [8].

Вопросы о составе библиотек Византии и методах их пополнения исследуются Б. Л. Фонкичем. Анализ ряда рукописей Государственного исторического музея (далее — ГИМ), привезенных Арсением Сухановым из Лавры св. Афанасия, и кодексов Парижской Национальной библиотеки, приобретенных в том же Афонолаврском монастыре, показал, что пометы, имеющиеся в них, являются шифром, определяющим абсолютно точное место каждой книги на полках древнего книгохранилища. Б. Л. Фонкич привел новые доказательства, подтверждающие мнение Б. Монфокона, который считал эти пометы шифром библиотеки Лавры св. Афанасия. Б. Л. Фонкич датирует шифр началом XIII в. и пытается выяснить количественный состав и пути пополнения Лаврской библиотеки. По его мнению, в ней в начале XIII в. насчитывалось около 1000 рукописных книг, которые были либо подарены, либо переписаны в самом монастыре [9].

Изучение рукописей XI в. Ватикана, Лондона, Парижа и особенно Москвы, вышедших из-под пера каллиграфа Феофана, сподвижника игумена Иверского монастыря Евфимия Святогорца, дало возможность Б. Л. Фонкичу наметить пути восстановления древнейшего ядра библиотеки Иверского монастыря [10].

О работе по реставрации и систематизации рукописей Иверского монастыря, которая была проведена на грани XV—XVI вв., идет речь в статье Б. Л. Фонкича «Библиотека Иверского монастыря на Афоне в конце XV — начале XVI в.» [11]

Значительное место в работах Б. Л. Фонкича отведено разработке истории отдельных мастерских письма. Изучая рукописи советских собраний, он пришел к выводу о существовании скрипториев в Иверском монастыре на Афоне и в пределах Трапезундской империи [12].

На основании исследования присланных в Москву в 1692 г. иерусалимским патриархом Досифеем кодексов XIV—XVII вв. из фонда ГИМ Б. Л. Фонкич установил, что они являются частью коллекции греческих рукописей, собранных Досифеем и его племянником Хрисанфом на протяжении второй половины XVII в. и хранившихся в библиотеке Святогробского подворья в Константинополе. Анализ почерков манускриптов и грамот Досифея показал, что некоторые из них вышли из одного скриптория. Это позволило Б. Л. Фонкичу высказать предположение о существовании мастерской письма в Константинопольском Святогробском монастыре [13].

Будучи сторонником все более завоевывающего признание специали-

---

[8] *Е. Э. Гранстрем.* Два неопубликованных средневековых каталога (Материалы для истории библиотек в Византии).— Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 88–96; *она же.* Греческие рукописи ленинградских хранилищ, стр. 10–11; *она же.* Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии. II).— «Палестинский сборник» (далее — ПС), 23 (86), 1971, стр. 17—25.
1967, стр. 167–175.

[9] *Б. Л. Фонкич.* Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв.— ПС, 17 (80), 1967, стр. 167—175.

[10] *Б. Л. Фонкич.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в.– ПС, 19(82), 1969, стр. 165–170 (далее – *Б. Л. Фонкич.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца).

[11] *Б. Л. Фонкич.* Материалы для истории греческих средневековых библиотек. Библиотека Иверского монастыря на Афоне в конце XV — начале XVI в.— «Мацне» (Вестник АН ГССР), 1970, № 1(52), стр. 193–194; ПС, 23(86), 1971, стр. 26–27.

[12] *Б. Л. Фонкич.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца, стр. 165–170; *он же.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена.– ВВ, 31, 1971, стр. 108–120.

[13] *Б. Л. Фонкич.* Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве.– ВВ, XXIX, 1969, стр. 275–299 (далее – *Б. Л. Фонкич.* Иерусалимский патриарх Досифей).

inslav

стов метода отождествления писцов по почерку, Б. Л. Фонкич разыскал среди рукописей Москвы и Ленинграда множество неизвестных до сих пор автографов XI в., XV—XVII вв. Он определил еще один автограф Феофана, переписчика книг для Евфимия Святогорца (XI в.), и автографы греческих книгописцев XV в.: Георгия Хрисококка (1 автограф), Антония Пиропулоса (1 автограф), Иоанна Ласкариса (1 автограф), Михаила Лигизоса (1 автограф), Фомы Вициманоса (1 автограф), Иоанна Фессалийца Скутариота (2 автографа). Им были найдены автографы выдающихся деятелей позднегреческой культуры XVI в.: Максима Грека (один — греческий, один — русский), Максима Маргуния (12 автографов), знаменитого книгописца и библиотекаря французских королей Ангелоса Вергикиоса (1 автограф); греческих писцов эпохи Возрождения: Мануила Малаксоса (1 автограф) и Аристобула Апостолидиса (1 автограф). Б. Л. Фонкичем были выявлены также неизвестные автографы иерусалимских патриархов XVII — начала XVIII в.: Досифея (10 автографов) и Хрисанфа (26 автографов) [14]. Данные Б. Л. Фонкича существенно дополняют труд М. Фогель и В. Гардтхаузена, а также работы Х. Патринелиса и П. Канара о греческих писцах средневековья и Возрождения. Определение указанных автографов дало Б. Л. Фонкичу богатый фактический материал для освещения деятельности выдающихся представителей греческой культуры XI в., XV—XVII вв., некоторых неизвестных ранее событий политической и культурной жизни православного Востока, а также для ознакомления с работой целого ряда переписчиков греческих рукописей.

Г. М. Прохоровым был определен автограф Мануила Цикандилиса (XIV в.), известного писца сочинений Иоанна Кантакузина, Григория Паламы и античных авторов [15].

Ранней истории книгопечатания и выяснению приемов подготовки манускриптов к печати была посвящена работа Б. Л. Фонкича «О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла». Изучение ранее исследованного В. Н. Бенешевичем ленинградского кодекса XV в. ГПБ, греч. 731, содержащего трагедии Софокла, и сравнение его с венским списком творений афинского драматурга (Cod. Vindob. phil. gr. 48) и первым печатным изданием софокловских трагедий (1502 г.) показало, что именно рукопись ГПБ, греч. 731 была тем кодексом, с которого осуществлялся набор текста. Одновременно Б. Л. Фонкич установил, что текст нашего манускрипта был исправлен по венскому списку [16].

Многое сделано советскими византинистами в области изучения и публикации имеющихся в СССР архивных материалов, содержащих ценные сведения по аграрной, политической и культурной истории Византии.

Так, А. П. Каждан издал два византийских акта монастыря св. Павла на Афоне (сгоревшего в конце XIX в.) из хранящегося в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ) собрания П. И. Се-

---

[14] *Б. Л. Фонкич.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца, стр. 165–170; *он же.* Греческие писцы эпохи Возрождения, I–II.– ВВ, XXVI, 1965, стр. 266–271; XXVIII, 1968, стр. 283–285; *он же.* Греческие рукописи Библиотеки Московского университета.— «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1967, № 4, стр. 101; *он же.* Московская рукопись Фукидида.— Там же, 1969, № 3, стр. 151; *он же.* Московские списки поэм Гесиода.— Там же, 1970, № 3, стр. 169; *он же.* Новый автограф Максима Грека.— «Byzantinoslavica» (далее — BS), 1969, № 1, p. 77—82; *он же.* Русский автограф Максима Грека.– «История СССР», 1971, № 3, стр. 153–158; *он же.* Иерусалимский патриарх Досифей, стр. 297–299; *он же.* Греческая кодикология (на материале рукописей X–XVII вв. собраний Москвы и Ленинграда). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969, стр. 11–13.

[15] *Г. М. Прохоров.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367–1371 гг.– ВВ, XXIX, 1969, стр. 318–321 (далее – *Г. М. Прохоров.* Публицистика Иоанна Кантакузина).

[16] *Б. Л. Фонкич.* О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 109—120.

inslav

вастьянова, свидетельствующих о развитии феодальных отношений в Византии в XIV—XV вв.[17]

Уникальный документ из греческой рукописи ГПБ, греч. 122 был опубликован Е. Э. Гранстрем и И. П. Медведевым. По мнению издателей, этот памятник представляет собой фрагмент практика Афинской митрополии [18].

Интересный рукописный сборник F № 3 XVIII в. из коллекции Библиотеки Академии наук (далее — БАН), подаренный Академии наук известным русским историком-славистом В. И. Григоровичем и содержащий копии десяти византийских документов, непосредственно касающихся поземельных отношений в Византии XIV в., изучен И. П. Медведевым. Одновременно автор подготовил публикацию одной из десяти копий, а именно: подложного хрисовула Иоанна Кантакузина Монемвасийской митрополии [19].

Хранящаяся в Историческом музее в Москве греческая рукопись XVI в. (№ 315), содержащая большей частью неизданные сочинения, преимущественно письма кесарийского архиепископа Арефы, проливающие новый свет на политические события 30-х годов X в. в Византии, изучена М. А. Шангиным. Ученый опубликовал три произведения Арефы Кесарийского: полемическое сочинение, направленное против Хиросфакта, послание к Григорию, митрополиту Эфесскому, об избрании на патриаршество Феофилакта, сына Романа Лакапина, и апологетик, в котором Арефа стремится оправдаться от возводимого на него обвинения в участии в тайном заговоре, организованном в Пелопоннесе с целью свержения царствующего императора. Публикация сопровождается переводом, филологическим и реальным комментарием [20].

Перечень детей императора Алексея I Комнина, написанный на защитном листе греческого манускрипта ГИМ, греч. 53/147, издан А. П. Кажданом, который доказал достоверность его данных. По мнению А. П. Каждана, при написании истории династии Комнинов необходимо использовать содержащиеся в нем сведения [21].

Несколько ранее А. П. Каждан опубликовал содержащееся в греческой рукописи XV в. ГИМ, греч. 445/322 синодальное постановление 1166 г. о запрещении браков между родственниками седьмой ступени. По его мнению, это постановление было издано императором Мануилом I Комнином с целью поставить под контроль брачные союзы знати [22].

Фрагмент первой гомилии Григория Паламы из греческого кодекса ГИМ, греч. 69 (212/LXX), содержащей неизвестные материалы по истории движения зилотов в Фессалонике (1342—1349 гг.), опубликовал, перевел и прокомментировал Б. Т. Горянов [23].

Греческий текст и перевод предисловия Иоанна Кантакузина к «Опровержениям», направленным против Прохора Кидониса, опубликовал

---

[17] *А. П. Каждан.* Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова.— ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 313–321.

[18] *Е. Э. Гранстрем, И. П. Медведев.* Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда.– АЕ за 1968 г. М., 1970, стр. 337–348.

[19] *И. П. Медведев.* О подделке византийских документов в XVI в.– «Вспомогательные исторические дисциплины», II. Л., 1969, стр. 277–286; *он же.* Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР.– ВВ, 32, 1971, стр. 223–231.

[20] *М. А. Шангин.* Византийские политические деятели первой половины X в.– «Византийский сборник». М.– Л., 1945, стр. 228–248; *он же.* Письма Арефы – новый источник о политических событиях в Византии 931–934 гг.– ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 235–260.

[21] *A. Každan.* Die Liste der Kinder des Kaiser Alexios I. in einer Moskauer Handschrift (ГИМ, 53/147).— «Beiträge zur alten Geschichte und deren Nachleben», II. Berlin, 1970, S. 233–237.

[22] *А. П. Каждан.* Два новых византийских памятника XII столетия. 2. Синодальное постановление 1166 г.– ВВ, XXIV, 1964, стр. 84–90.

[23] *Б. Т. Горянов.* Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов.— ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 261—266.

inslav

Г. М. Прохоров по рукописи XIV в. ГИМ, греч. 233 (143/CXLIV). Одновременно Г. М. Прохоров издал переводы других сочинений экс-императора, выполненные с опубликованных текстов: «Беседы» с легатом Павлом, предисловия к переписке с последним и письма к епископу Иоанну на Кипре. Во введении к публикациям обрисована политическая ситуация в Византии накануне подписания Иоанном V Палеологом 18 октября 1369 г. символа унии и охарактеризована роль Иоанна Кантакузина в этих событиях [24].

Отдельные византийские литературные произведения из кодексов, хранящихся в отечественных архивах и библиотеках, были изучены и изданы А. П. Кажданом, В. С. Шандровской, Н. С. Гринбаумом, Б. Л. Фонкичем.

Неопубликованные политические стихи византийского поэта XII в. Феодора Продрома на рождение Алексея Комнина, сына севастократора Андроника, из рукописи ГИМ, греч. 458/437 (XV в.) изданы А. П. Кажданом. В предисловии к публикации стихов дана краткая биография поэта и охарактеризована социально-политическая направленность его творчества. А. П. Каждан доказал, что Феодор Продром, принадлежавший к низшим слоям феодалов, родился около 1100 г. и уже в 1118 г. стал придворным поэтом Ирины Дукени, а с 1130 г.— императора Иоанна II, при преемнике последнего, Мануиле I, его карьера придворного поэта оборвалась. Умер он около 1170 г. в монастырском приюте в Константинополе. Все его произведения, по мнению А. П. Каждана, проникнуты феодальной идеологией [25].

Помимо этого, А. П. Кажданом были опубликованы два небольших произведения: одно неизданное стихотворение Евстафия Солунского «На св. Димитрия» из кодекса ГПБ, греч. CCL и анонимный географический трактат из рукописи XV в. ГИМ, греч. 415/509 [26].

Ленинградский и московский кодексы (ГПБ, греч. 699—XIV в. и ГИМ, греч. 501/480 — XVI в.), содержащие «Олимпийские оды» Пиндара, изучены Н. С. Гринбаумом. Он уточнил их место в рукописной традиции од Пиндара. По его предположению, оба наших манускрипта принадлежат к группе рукописей редакции Димитрия Триклиния, предназначенных для учебных целей и переписывавшихся в «серийном» порядке в определенных целях [27].

Эпиграмма в честь Иоанна Ивера из рукописи ГИМ, греч. 442 (260/CCXLVIII) (XVI в.) опубликована Б. Л. Фонкичем [28].

Г. Г. Литаврин подготовил и издал ценнейший византийский источник X—XI вв. «Стратегикон» Кекавмена по греческой рукописи ГИМ, греч. 436 (298/CCLXXXV) [28a].

Исследованию важнейшего источника для изучения социальных отношений, классовой борьбы и культуры Византии XIII—XIV вв., памятника народной сатирической литературы Византии, написанного на среднегреческом языке, басни «Рассказ о четвероногих», содержащейся в рукописи ГПБ, греч. 202 (XIV в.), посвящен ряд работ В. С. Шандровской.

---

[24] *Г. М. Прохоров.* Публицистика Иоанна Кантакузина, стр. 318–341.

[25] *А. П. Каждан.* Два новых византийских памятника XII столетия. I. Продром и его стихи на рождение Алексея Комнина.– ВВ, XXIV, 1964, стр. 58–83.

[26] *А. П. Каждан.* Анн. на кн.: Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Testo critico introduzione annotazioni di S. Kyriakidis, proemio di B. Lavagnini, versione italiano di V. Rotulo. Palermo, 1961.— Там же, XXIV, 1964, стр. 255; *он же.* Рец. на кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I: Die byzantinische Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage. Berlin, 1958.— Там же, XVI, 1959, стр. 286—287.

[27] *Н. С. Гринбаум.* Ленинградская рукопись Пиндара.– «Вопросы античной литературы и классической филологии». М.— Л., 1966, стр. 80—98; *он же.* Московская рукопись Пиндара (Ω).— ВДИ, 1966, № 2, стр. 116—132.

[28] *Б. Л. Фонкич.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена.— ВВ, 31, 1971, стр. 120.

[28a] «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в.» М., 1972.

inslav

Анализ рукописной традиции басни привел автора к мысли о существовании двух определенных групп рукописей. В первую группу, по мнению В. С. Шандровской, наряду с венским и лесбосским списками, входит и ленинградский, дающий в ряде случаев лучшее чтение, во вторую — парижский. Изучение содержания «Рассказа о четвероногих» и сопоставление его с другими баснями (рассказами о фруктах, рыбах, птицах) позволило В. С. Шандровской сделать вывод о том, что он является самобытным произведением, возникшим во второй половине XIV в. в Византии, а не на Крите (как считал С. Ксантудидис). Как установила В. С. Шандровская, анонимный автор его принадлежал к ремесленным кругам городского населения поздней Византии. По ее предположению, басня «Рассказ о четвероногих» не могла быть достоянием узкого литературного круга, а была широко распространена в Византии. В. С. Шандровская опубликовала первый русский перевод сводного греческого текста «Рассказа о четвероногих», в основе которого лежит чтение первой группы рукописей: ленинградской, венской и лесбосской, и сопроводила его комментарием [29].

В собраниях Советского Союза хранится большое число византийских хронографических сочинений в отрывках или довольно полных списках. Некоторые из них были изучены и изданы.

Б. Т. Горянов подготовил публикацию и перевод так называемой «новой» хроники, содержащей краткое изложение событий политической истории Византии 1218—1352 гг., из рукописи ГИМ, греч. 439 (426/ /CCXCIX) [30].

Принадлежащий к тому же типу «новых» хроник краткий компендий, освещающий завоевание турками-османами территорий на побережье Черного моря, Балканском полуострове, в Пелопоннесе и Египте в 1450—1537 гг., опубликован Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской по рукописи ГПБ, греч. 744 (XVI в.). Публикация сопровождается переводом и комментарием [31].

Краткая хронографическая заметка из греческого кодекса БАН, Собрание А. А. Дмитриевского, № 19 (XIII—XIV вв.) издана Е. Э. Гранстрем в ее описании греческих рукописей Библиотеки Академии наук [32].

Другой тип кратких компендиев, широко распространенных в Византии, так называемые «древние» малые хроники, представляющие собой перечни имен и дат с лаконичным описанием отдельных наиболее достопримечательных, по мнению их авторов, событий, был предметом исследования З. Г. Самодуровой. В собраниях греческих рукописей Москвы ею были выявлены и впервые введены в научный оборот девять кратких компендиев: восемь из коллекции ГИМ и одна — наиболее ценная и со-

---

[29] *В. С. Шандровская.* Византийский басенный эпос XIV в. и его значение для истории культуры Византии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954; *она же.* Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.).— ВВ, IX, 1956, стр. 211—249; *она же.* Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника.— Там же, X, 1956; стр. 181—194; *она же.* Сведения о ремесле в византийском басенном эпосе XIII–XIV вв.– Сб. «Исследования по истории культуры народов Востока». М.— Л., 1960, стр. 504—510; *она же.* Die Byzantinischen Fabeln in den Leningrader Handschriftensammlungen.— «Berliner Byzantinische Arbeiten», Bd. III, 1960, S. 10—12; *она же.* Рец. на кн.: S. Krawczynski. Ὁ. Πουλολόγος. Kritische Textausgabe mit Übers. sowie sprachlichen und sachlichen Erläuterungen. Berlin, 1960, XIX.—«Deutsche Literaturzeitung», Jg. 84, H. 3, März, 1963, S. 210—212.

[30] *Б. Т. Горянов.* Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в.– ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 276–293.

[31] *Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровская.* Краткая неопубликованная хроника о турках из собрания Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.– ПС, 17(80), 1967, стр. 148–159.

[32] *Е. Э. Гранстрем.* Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР.– «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II, XIX–XX века. М.– Л., 1958, стр. 279.

inslav

хранившаяся в единственном списке хроника Петра Александрийского — из греческого кодекса Научной библиотеки МГУ.

Наряду с малыми византийскими хрониками из советских собраний ею был изучен ряд изданных, а также учтено свыше 100 компендиев, содержащихся в рукописных сборниках крупнейших книгохранилищ Европы. Она провела их классификацию, установила источники и выяснила их назначение и роль в истории византийской образованности. По ее мнению, малые «древние» хроники являются важным историческим источником, содержащим новые сведения о состоянии просвещения, рукописной традиции и по истории как отрасли знания. Эти хроники помогают понять характер византийской образованности, определить ее уровень, выявить изменения культурно-исторических интересов, воззрений, литературных вкусов общества Византии, выяснить те новые запросы и требования, которые предъявлялись к малым «древним» хроникам и приводили к пересмотру их состава и содержания.

На основании текстологического анализа автор показал генетические связи малых «древних» хроник с позднеантичными хронографическими трудами и установил три этапа в развитии византийской хронографии (VI в., конец VIII в., середина X в.). Поразительное сходство рассматриваемых произведений привело З. Г. Самодурову к выводу о наличии у них общего источника, написанного, по ее предположению, в начале VI в. при Анастасии I и состоявшего из трех частей. Широкое распространение кратких «древних» хроник З. Г. Самодурова объясняет использованием их в качестве учебного пособия по истории и хронологии.

Два наиболее интересных по содержанию компендия: хроника Петра Александрийского и анонимная хроника в списке XV в. из собрания ГИМ — были ею изданы. Публикации сопровождаются подробным текстологическим исследованием их, а также палеографическим и кодикологическим анализом рукописей, в состав которых они входят [33].

Изучению проблем послевизантийской хронистики посвящены работы И. Н. Лебедевой. Предметом ее исследования являются широко распространенная греческая всемирная хроника XVI в., известная в настоящее время как хроника Псевдо-Дорофея, и связанная с ней всемирная хроника Матфея Кигалы и их переводы на русский, румынский, арабский и грузинский языки. По каталогам рукописных собраний ей удалось выявить свыше 50 списков хроники Псевдо-Дорофея. Впервые к изучению привлечены четыре греческих рукописи из книгохранилищ СССР (2 — из БАН, 1 — из ГБЛ, 1 — из Матенадарана) [34], из них 3 списка

[33] *З. Г. Самодурова.* Хроника Петра Александрийского.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 150—197; *она же.* К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний).— Там же, XXI, 1962, стр. 127—147; *она же.* Zur Frage der kleinen byzantinischen Chroniken (Auf Grund der Handschriften in Moskauer Sammlungen).— «Bibliotheca classica orientalis», 1965, H. 1, S. 29—30; *она же.* Малые византийские хроники и их источники (классификация).— ВВ, XXVII, 1967, стр. 153—161; *она же.* Краткая анонимная хроника в списке XV в. из рукописи ГИМ, греч. 331 (447/ t. II, XLI, qu).— «Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях» (Текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967, стр. 21—22; *она же.* Источники Хроники Петра Александрийского из греческой рукописи Московского университета.— АЕ за 1967 г. М., 1969, стр. 3—12; *она же.* Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1968 (далее — *З. Г. Самодурова.* Малые византийские хроники); *она же.* Анонимная византийская хроника в списке XV в. из греческой рукописи собрания ГИМ.— ВВ, 31, 1971, стр. 226—237.

[34] Предварительное сообщение об ереванской рукописи было сделано Б. Т. Горяновым, однако он не определил автора хронографического сочинения, содержащегося в ней (*Б. Т. Горянов.* Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана.— «Вестник Матенадарана», 1960, № 5, стр. 317—323; *он же.* Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана (Государ-

inslav

были отождествлены И. Н. Лебедевой. Ею было найдено более 30 рукописей русского перевода хроники Псевдо-Дорофея и 4 списка русского перевода хроники Кигалы, а также учтены списки арабского и грузинского переводов из рукописей, хранящихся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В результате текстологического анализа хроники Псевдо-Дорофея И. Н. Лебедева выделила три основные редакции ее. На основании характеристики списков она смогла выяснить историю текста хроники, последовательность редакций и историю составления той рукописи, которая была издана впервые Апостолом Цигарой. По ее предположению, в основу самой полной редакции хроники Псевдо-Дорофея, изданной Цигарой, положена народная обработка хроники Манассия, хронологические перечни императоров и патриархов, «Комментарии» итальянского историка Паоло Джовио. Вопрос об авторе хроники И. Н. Лебедева оставляет открытым. По ее мнению, необходимо сначала установить текст хроники, историю его складывания и его источники. Весьма детально в работах И. Н. Лебедевой обследованы русский, румынский, грузинский и арабский переводы рассматриваемых хроник [35].

Вопросы истории византийской образованности на материалах рукописных собраний Советского Союза разрабатываются И. С. Чичуровым, З. Г. Самодуровой и М. М. Копыленко.

Работа И. С. Чичурова посвящена истории патриаршей школы Константинополя в конце XI — начале XII в. Он подготовил публикацию двух списков должностей константинопольского патриаршества по рукописям ГИМ, греч. 147/53 и Cod. Vat. gr. 1455. В этих списках упоминается новелла императора Алексея I Комнина, которая вводит три учительские должности. До сих пор было известно, что они уже существовали при Мануиле I. Изданные списки дают возможность датировать время их введения правлением Алексея I Комнина [36].

З. Г. Самодурова занимается изучением состава греческих рукописных кодексов, содержащих малые византийские хроники, выяснением их назначения и тех функций, которые они выполняли. Исследование состава сборников и истории их создания, по ее мнению, открывает новый дополнительный источник по истории культуры и образованности Византии, помогает понять ее характер и определить ее уровень. Анализ содержания и внешнего вида манускриптов, весьма скромно оформленных, приводит З. Г. Самодурову к выводу о справочно-образовательном назначении их [37].

В статье М. М. Копыленко исследуются пять списков краткой греческой грамматики братьев Лихудов, хранящихся в ГБЛ (2 списка), ГПБ (2 списка) и Одесской государственной научной библиотеке им. А. М. Горького (1 список). Подробный анализ содержания греческой грамматики

ственное хранилище древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР).— ВВ, XVII, 1960, стр. 354–356).

[35] *И. Н. Лебедева.* Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 100–109; *она же.* Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод.— ТОДРЛ, XXI, 1965, стр. 298–308; *она же.* Греческий оригинал русского переводного хронографа.— «Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению (К 400-летию русского книгопечатания)». Л., 1965, стр. 333—335; *она же.* Греческие и русские списки хроники Псевдо-Дорофея в собрании БАН СССР.— «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР». Л., 1966, стр. 28–37; *она же.* Поздние греческие хроники (историко-культурное значение и переводы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1967; *она же.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы.— ПС, 18(81), 1968.

[36] *И. С. Чичуров.* Новые рукописные сведения о византийском образовании.— ВВ, 31, 1971, стр. 238–242.

[37] *З. Г. Самодурова.* Малые византийские хроники, стр. 30—35; *она же.* Греческие рукописи, содержащие малые византийские хроники.— «Тезисы докладов. Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей». Тбилиси, 1969, стр. 55–57.

inslav

показал, что Лихуды не просто сократили греческую грамматику Константина Ласкариса, но и довольно искусно ее переработали в соответствии с задачами обучения греческому языку в России. Автор полагает, что переводчиками греческой грамматики Лихудов на русский язык были их ученики. По мнению М. М. Копыленко, грамматика Лихудов не только послужила делу распространения греческой образованности в России, но и оказала определенное влияние на формирование грамматических понятий и терминов [38].

Иллюминованные рукописи, хранящиеся в собраниях Советского Союза, изучаются византинистами-искусствоведами [39]: В. Н. Лазаревым [40], В. Д. Лихачевой [41], В. Г. Пуцко [42], Т. А. Измайловой [43]. Подробный анализ миниатюр знаменитой Хлудовской псалтыри IX в. дан в работах Е. Э. Липшиц и М. В. Щепкиной [44]. Миниатюры рукописи ГПБ, греч. 101 детально обследованы И. П. Мокрецовой [45].

Итак, в области изучения византийского рукописного наследия советскими палеографами достигнуты значительные успехи. Однако сделано еще недостаточно, осталось немало слабо разработанных вопросов. Предстоит большая работа по учету всех греческих рукописей, хранящихся в СССР, и составлению полноценных научных описаний этих рукописей. Назрела необходимость создать сводный обобщающий труд, который содержал бы характеристику основных этапов развития греческого средневекового письма и анализ кардинальных проблем греческой палеографии. Наряду с этим следует систематически публиковать наиболее ценные материалы наших собраний.

[38] *М. М. Копыленко.* Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов.– ВВ, XVII, 1960, стр. 85–92.

[39] Не являясь специалистом-искусствоведом, автор обзора вынужден ограничиться простым перечислением доступных ему работ.

[40] *В. Н. Лазарев.* История византийской живописи, т. I–II. М., 1947; *он же.* Царьградская лицевая псалтирь XI в.– ВВ, III, 1950, стр. 211–217; *он же.* Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в.– Там же, V, 1952, стр. 178–190.

[41] *В. Д. Лихачева.* Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской публичной библиотеки.– Там же, XIX, 1961, стр. 144–153; *она же.* Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа (К вопросу о развитии элементов реализма в византийской живописи).– Там же, XXVI, 1965, стр. 239–247; *она же.* Два листа с сирийскими и грузинскими миниатюрами.– BS, XXVI, 1965, № 2, p. 365–374; *она же.* Иконографический канон и стиль палеологовской живописи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Л., 1965; *она же.* Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной публичной библиотеки гр. № 243.– ВВ, XXVII, 1967, стр. 229–242; *она же.* Две иконы архангелов из Верхней Сванетии.– ПС, 17(80), 1967, стр. 160–166; *она же.* К вопросу об иконографии Рождества Иоанна Предтечи.– «Известия на Института за изкуствознание», т. XIII, 1969, стр. 191–198; *она же.* Судьба одной византийской книги. (Рукопись Государственной публичной библиотеки греч. № 118).– «Книга. Исследования и материалы», XVIII, 1969, стр. 201–209; *она же.* Миниатюры Киевской Псалтыри и их византийские источники.– «Тезисы докладов. Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей». Тбилиси, 1969, стр. 27—28; *она же.* Взаимодействие иконографического канона и художественного стиля в палеологовской живописи Византии.– ВВ, 31, 1971, стр. 162–174; *она же.* Некоторые особенности перспективной системы византийской живописи и икона «Сошествие св. Духа на апостолов» Эрмитажа.– ПС, 23(86), 1971, стр. 75–83; *она же.* Миниатюры Киевской Псалтири и их византийские источники.– «Книга и графика». М., 1972, стр. 38–47.

[42] *В. Г. Пуцко.* Два фрагмента константинопольских лицевых рукописей третьей четверти XI века из собрания ГПБ (греч. 334 и 373).— ВВ, 31, 1971, стр. 121—127.

[43] *Т. А. Измайлова.* К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— ВВ, XXX, 1969, стр. 190—194.

[44] *Е. Э. Липшиц.* Очерки истории византийского общества и культуры VIII – первая половина IX в. М.– Л., 1961, стр. 390–408; *М. В. Щепкина.* Происхождение и история греческого иллюстрированного кодекса из собрания Хлудова № 129/д.– «Тезисы докладов. Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси». Тбилиси, 1965, стр. 87.

[45] *И. П. Мокрецова.* Новые данные о миниатюрах Евангелия греч. 101 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— ВВ, 33, 1972, стр. 203–215.

inslav

СИСТЕМА ИНФОРМАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О СОДЕРЖАНИИ ФОНДОВ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА [1]

В. А. Черных

Проблема создания единой общегосударственной системы информации исследователей о содержании личных архивных фондов деятелей науки, литературы и искусства является чрезвычайно актуальной. Необходимость создания такой системы, единой для всей страны, теперь уже ясно осознана и архивистами, и исследователями.

Говоря о задачах создания единой системы информации о содержании архивных фондов, мы выделяем именно личные фонды потому, что работа исследователей над ними сопряжена с рядом специфических трудностей, с которыми, как правило, не приходится сталкиваться исследователю, работающему над архивными фондами официального, учрежденческого происхождения. Первой и едва ли не самой серьезной трудностью является трудность разыскания необходимых архивных материалов.

Готовясь к работе над документами официального происхождения, исследователь, как правило, легко определяет, в каком именно хранилище находятся интересующие его материалы. Он может быть уверен, что найдет в этом хранилище весь фонд интересующего его учреждения или, по крайней мере, все, что от этого фонда сохранилось. В отношении учрежденческих материалов в нашей стране строго и неуклонно соблюдается принцип недробимости архивного фонда, а также принципы распределения фондов между государственными архивами в соответствии с их установленным профилем.

По-иному обстоит дело с личными фондами. Они не только рассредоточены между многочисленными архивами, рукописными отделами библиотек, музеев, институтов, но и, что еще больше усложняет эту проблему, нередко материалы одного личного фонда оказываются распыленными самым причудливым образом между несколькими хранилищами. Например, архивы Н. В. Гоголя, И. Е. Репина находятся в семи разных хранилищах. Иногда в нескольких хранилищах оказываются части рукописей одного произведения. Например, из черновых тетрадей Достоевского к роману «Бесы» первая и последняя находятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, а две средние — в ЦГАЛИ СССР; начало письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу от 1 марта 1858 г. хранится в Библиотеке им. В. И. Ленина, а конец — в ЦГАЛИ СССР.

Вопрос о ликвидации такой раздробленности, хотя бы в наиболее крайних ее проявлениях, рано или поздно должен быть решен. Однако трудно рассчитывать на его быстрое решение — слишком этот вопрос сложен. В этих условиях хорошо поставленная единая общегосударственная система информации о содержании архивных фондов деятелей науки, литературы и искусства, находящихся в разных государственных хранилищах, становится насущно необходимой. Эти условия определяют и особые трудности создания такой единой системы информации.

---

[1] Статьи В. А. Черных, С. В. Житомирской, А. С. Мыльникова, Б. В. Левшина написаны на основе сообщений, прочитанных на пленарном заседании Археографической комиссии 23 декабря 1971 г. О заседании см. настоящий том, стр. 353—354.

inslav

Второй существенной особенностью документальных материалов личного происхождения, вызывающей настоятельную необходимость полноценного научно-справочного аппарата к ним и вместе с тем крайне затрудняющей создание такого аппарата, является неопределенность, непредугадываемость их содержания. Если содержание фонда государственного учреждения, как правило, определяется кругом его официально установленной компетенции, то содержание материалов фонда личного происхождения и особенно частных коллекций никак не регламентировано. Эта особенность документальных материалов личного происхождения также предъявляет свои специфические требования к организации системы научно-справочного аппарата к ним.

Наконец, еще одной трудностью, которую приходится преодолевать исследователям, работающим над личными архивными фондами в разных хранилищах, является отсутствие единообразия в принципах и методах их описания. В результате этого исследователь бывает вынужден в какой-то мере «переучиваться», прежде чем он сможет легко ориентироваться в справочных пособиях, составленных по разным принципам.

В большинстве крупных архивохранилищ параллельно существует несколько видов справочных пособий — описи, каталоги, обзоры фондов,— раскрывающих содержание документальных материалов в разных аспектах, под различными углами зрения. Все они в значительной степени традиционны, складывались на протяжении многих десятилетий. Каждый из этих видов пособий имеет внутренне присущие ему достоинства и недостатки.

И лишь сравнительно недавно у архивистов возникла осознанная потребность осмыслить существующие в наших хранилищах справочные пособия как определенную единую систему, элементы которой должны в конечном счете, в своей совокупности предоставлять исследователям возможно более полную и многоаспектную информацию о содержании документальных материалов, хранящихся как в каждом отдельном архиве или отделе рукописей, так и в целом по стране.

Пока мы не располагаем такой системой информации. Все, что мы имеем и создаем в наших хранилищах,— это лишь элементы будущей единой системы, элементы очень разнородные, которые надо тем не менее увязать между собой, чтобы они могли занять свое место в системе, не дублируя, а взаимно дополняя друг друга.

Обычно, когда говорят об организации информации исследователей о содержании архивных фондов, в первую очередь имеют в виду печатные описи, справочники, путеводители, сообщения о новых поступлениях, публикуемые нашими архивами, библиотеками, музеями.

Однако при этом нельзя упускать из вида, что в действительности первичным, определяющим элементом информации о содержании документов является отнюдь не печатный справочник, а описание документов на обложке архивной единицы хранения. Именно на основе этого первичного описания составляются потом и описи, и каталоги, и разнообразные печатные справочники. И если в ходе первичного описания допущена какая-нибудь ошибка, неверно определен автор документа, документ неправильно датирован или просто не все необходимые данные вынесены на обложку, то эта ошибка, неточность или неполнота с почти фатальной неизбежностью переходит потом и в опись, и на каталожную карточку, и в печатный справочник.

Ни о какой единой системе информации не может быть и речи, если не будет сформулирован и соблюден обязательный минимум требований, предъявляемых к этому первичному описанию, и не будет устранен разнобой в методах описания, существующий в различных хранилищах.

Важным шагом к установлению такого минимума требований и введению необходимого единообразия в описание призваны явиться издан-

inslav

ные по решению Межведомственного совета при Главном архивном управлении «Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения» (М., 1971). Подобного рода инструкции издавались ранее отдельными хранилищами. Известны «Методические указания», изданные ЦГАЛИ, Государственной библиотекой им. В. И. Ленина и рядом других хранилищ. Но эти инструкции нередко противоречили друг другу, предусматривали различные методы описаний.

Новые рекомендации впервые ставят своей целью привести существующие в архивах методы описания личных фондов к единой системе. В подготовке этих рекомендаций приняли участие сотрудники ЦГАЛИ СССР, ЦГАОР СССР, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Архива АН СССР, Литературного музея, Исторического музея. В них нашел отражение богатый практический опыт описания личных фондов, накопленный этими учреждениями. Может быть, было бы целесообразно эти «Методические рекомендации» обсудить на специальном заседании.

Некоторые насущные проблемы организации научно-справочного аппарата к документальным материалам личного происхождения могут быть рассмотрены на примере ЦГАЛИ СССР. Для этого необходимо кратко напомнить историю его формирования.

Центральный государственный литературный архив (позднее — ЦГАЛИ СССР) был создан в марте 1941 г. на основе рукописных собраний Государственного литературного и некоторых других музеев. Вскоре после войны в ЦГАЛИ СССР были переданы фонды литераторов и деятелей искусства из центральных государственных архивов. В большинстве случаев эти фонды передавались в ЦГАЛИ СССР вместе с описями. Систематизация материалов в фондах нередко была совершенно произвольной, не соблюдались ни хронология, на алфавит, рукописи шли вперемешку с письмами и фотографиями. Качество описей было крайне неравноценно. Некоторые из них подробно, подокументно раскрывали содержание фондов, другие, напротив, были настолько суммарны, что могли играть роль лишь учетных документов, но не научно-справочных пособий. Иногда в одном фонде имелось до десятка и более описей — по числу отдельных поступлений. Как правило, описи были составлены от руки в единственном экземпляре.

С первых же лет существования ЦГАЛИ СССР развернул активную собирательскую деятельность. Документы поступали от самих деятелей литературы и искусства, от их наследников и коллекционеров неразобранными и неописанными. Все силы архива уходили на научно-техническую обработку, описание, каталогизацию этих материалов. С низким качеством описей на документы, полученные из других хранилищ, приходилось мириться. Да и описи, составлявшиеся в ЦГАЛИ в первые послевоенные годы, немногим отличались по своему качеству от описей, составлявшихся в Государственном литературном музее и других хранилищах накануне войны. Методика научно-технической обработки, описания, каталогизации личных фондов деятелей литературы и искусства разрабатывалась и совершенствовалась постепенно и сложилась, по сути дела, лишь к середине 50-х годов.

Каким же справочным аппаратом, какими средствами информации исследователей о содержании хранящихся фондов располагает ЦГАЛИ сегодня?

Всего в ЦГАЛИ СССР хранится около 2500 фондов. Из них обработаны, имеют описи и доступны для научного использования 2320 фондов общим объемом 688 740 единиц хранения (по состоянию на 1 января 1972 г.). Находятся в процессе обработки или ждут своей очереди еще 138 фондов, которые после обработки составят примерно 45—50 тыс. единиц хранения.

inslav

Все это — поступления 4—5 последних лет. Материалы, ранее поступившие в ЦГАЛИ, описаны полностью.

Таким образом, в настоящее время обработка документов отстает от их поступления в архив в среднем на 4—4,5 года. Разумеется, наиболее ценные поступления обрабатываются в первую очередь. Поскольку темпы комплектования архива значительно обгоняют темпы обработки документов, количество россыпи в архиве не уменьшается, а растет. Это, конечно, не может не вызывать тревогу.

С конца 50-х годов каталогизация вновь поступающих в ЦГАЛИ СССР документальных материалов производится одновременно с их научно-технической обработкой и описанием. Таким образом, содержание всех фондов, обработанных за последние 12—15 лет, отражено не только в описях, но и в генеральном именном каталоге архива. Хуже обстоит дело с раскрытием содержания фондов, поступивших в ЦГАЛИ в 40-х и начале 50-х годов. Все они описаны, но качество их описей, как уже говорилось, далеко не равноценно, а в именном каталоге содержание большинства этих фондов пока не отражено. Лишь в самые последние годы появилась возможность взяться, во-первых, за усовершенствование научно-технической обработки наиболее ценных фондов, которые были неудовлетворительно описаны в 40-е и 50-е годы, и, во-вторых, за каталогизацию тех фондов, которые были описаны в целом удовлетворительно.

За истекшую пятилетку было заново обработано 17 крупных фондов, в том числе такие, как заграничный архив А. И. Герцена и Н. П. Огарева, фонд А. С. Суворина. В настоящее время совершенствуется обработка Остафьевского архива князей Вяземских, фонда В. Э. Мейерхольда и некоторых других. В 1966—1970 гг. каталогизировано 144 ранее описанных фонда общим объемом 69 917 единиц хранения. Таким образом, отставание в каталогизации документальных материалов начинает постепенно сокращаться. Изданы три тома «Путеводителя» по ЦГАЛИ СССР. Завершается трехтомное научное описание документальных материалов В. В. Маяковского.

В соответствии с перспективным планом работы по созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата ЦГАЛИ СССР на 1971—1975 гг. предстоит прежде всего обработать и каталогизировать все документы личного происхождения, которые поступили в архив по 1970 г. включительно. Должны быть каталогизированы также 190 ранее описанных фондов общим объемом около 45 тыс. единиц хранения. Архив намерен и впредь регулярно раз в пять лет издавать последующие тома «Путеводителя» по ЦГАЛИ СССР, чтобы систематически информировать исследователей о новых поступлениях. Подготовленный к печати четвертый том «Путеводителя» охватывает все новые поступления, обработанные и описанные в течение 1967—1971 гг.

Совместно с Пушкинским Домом и Государственной библиотекой им. В. И. Ленина, ЦГАЛИ СССР готовит к изданию научное описание рукописей и писем А. А. Блока.

ЦГАЛИ СССР разрабатывает ряд сложных методических проблем описания личных фондов деятелей литературы и искусства, от правильного решения которых в значительной степени зависит успех практической работы по созданию единой системы информации исследователей о содержании этих фондов. Это прежде всего проблема дифференциации научно-технической обработки и каталогизации документальных материалов фондов личного происхождения в зависимости от научной значимости материалов того или иного фонда и, во-вторых, проблема соотношения описей и карточных каталогов как двух основных видов внутриархивного справочного аппарата к документальным материалам. Обе эти проблемы для архива не новы. Еще в 1965 г. их обсуждению было посвящено специальное заседание Научного совета ЦГАЛИ СССР. Тогда же были разработаны и утверждены действующие ныне инструкции по со-

inslav

ставлению именного каталога и по дифференциации научно-технической обработки фондов личного происхождения.

Однако и теперь нельзя сказать, что все здесь уже ясно. Подход к описям и каталогам не как к самостоятельным, независимым друг от друга видам научно-справочного аппарата, а как к взаимосвязанным элементам единой системы информации заставляет по-новому взглянуть на некоторые, казалось бы, уже устоявшиеся положения, многие из которых освящены к тому же долголетней традицией.

Существенную помощь исследователям оказывают сводные справочники о содержании документальных материалов отдельных выдающихся деятелей нашей культуры, издаваемые совместно архивами, хранящими их рукописное наследие,— такие, как описания рукописей Достоевского, Маяковского, как подготавливаемое в настоящее время описание рукописей и писем Блока. Однако создание подобных справочников оказывается чрезвычайно трудоемким делом и ведется поэтому очень медленно, охватывая 4—5, а иногда и больше лет.

Представляется целесообразным организовать совместное изучение и разработку методики подготовки таких изданий, подумав об ее упрощении и совершенствовании. Настало время подумать о совместной разработке рекомендаций, направленных к известной унификации различных типов печатной информации о содержании архивных фондов личного происхождения — путеводителей по архивохранилищам и периодической информации о новых поступлениях.

Широко известен двухтомный справочник «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1962—1963), изданный Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, Государственной библиотекой им. В. И. Ленина и Архивом АН СССР. Он сильно устарел. Необходимо активизировать работу по подготовке к изданию дополнений к нему, и здесь определенную координирующую роль может сыграть Археографическая комиссия. Было бы также очень желательно и целесообразно охватить новым справочником большую и разветвленную сеть хранилищ, которые находятся в системе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

С. В. Житомирская

Отдел рукописей крупной библиотеки, в особенности Национальной библиотеки,— это особый вид архивохранилища, традиции которого сложились в большинстве стран мира в XVIII — первой половине XIX в. Это своеобразное явление в мире архивов, гибрид библиотеки и архива. Различные варианты его, определяемые национальными особенностями и традициями библиотеки, не меняют общих черт, присущих этому виду архивохранилища.

Исторически оно складывается сперва как часть библиотеки, концентрирующая книги рукописные, в отличие от книг печатных. Постепенно к ним присоединяются отдельные автографы, авторские рукописи литературных произведений, потом письма и, наконец, личные архивы деятелей литературы, науки, искусства. Дальнейшее расширение или сужение круга рукописных материалов целиком определяется местными условиями, соотношением Отдела рукописей Национальной или университетской библиотеки с другими хранилищами страны или региона.

Подобным же образом во второй половине XIX в. начал складываться Отдел рукописей в московском Публичном и Румянцевском музее, соединявшем в себе в то время для Москвы библиотеку, исторический музей, картинную галерею и рукописное хранилище. История собирания его фондов, определявшаяся этой традицией, привела к тому сложному конгломерату материалов, который хранится в Отделе рукописей теперь и продолжает из года в год пополняться материалами столь же универсального характера.

inslav

В Отделе рукописей ГБЛ хранятся: 1) рукописные книги XI—XVII вв.— литература, предшествующая книгопечатанию и его широкому распространению; 2) рукописные книги XVIII—XX вв.— старообрядческие; бытовавшие в рукописном виде (особенно поэтические сборники и альбомы); вольная рукописная литература; 3) древние акты и другие историко-юридические документы; 4) отдельные автографы широкого круга исторических деятелей, представителей науки, литературы, искусства; 5) личные архивы таких же лиц.

Система информации о фондах Отдела рукописей должна быть построена, следовательно, с таким расчетом, чтобы охватить все виды хранящихся материалов. Казалось бы, рукописные книги не должны рассматриваться, когда речь идет о личных архивных фондах или отдельных принадлежащих к ним документах. Памятники древнерусской письменности и более поздние рукописные книги древней традиции составляют особую группу материалов и изучаются другими исследователями. Однако изучение древнерусской рукописной книги достигло в настоящее время такого уровня, при котором она не может более восприниматься только как книга с присущими ей функциями. Двойственный характер рукописной книги — книги и документа одновременно — становится особенно очевиден, едва исследователю удается установить имя ее переписчика, часто являющегося в то же время ее составителем или редактором. И тогда сразу из книги с ее нейтральной неличной функцией распространения текста, равно присущей и произведению печати, и книге, переписанной от руки, памятник письменности превращается для нас в творческую рукопись средневекового писателя, факт его деятельности, источник изучения его творческой лаборатории [2].

Таким образом, граница между рукописной книгой и документом личного происхождения очень условна: это граница нашего незнания. Чем ближе к современности, тем более размывается эта граница: так, широко распространенная рукописная переводная литература второй половины XVIII в. выступала как анонимная рукописная книга лишь до тех пор, пока не был исследован круг переводчиков и многие книги оказались их автографами, а следовательно, их творческими рукописями. Так же открывается творческая сущность или архивная принадлежность многих стихотворных сборников, едва обнаруживается переписчик или составитель. Достаточно вспомнить тетрадь стихов Пушкина, переписанных И. И. Пущиным в Сибири,— тетрадь, внешне ничем не отличающуюся от массы подобных сборников. Еще ближе к документу личного архива альбомы, где часто рядом с переписанными стихами разных авторов владелец альбома вписывает собственные произведения или просит своих друзей-поэтов вписать в альбом стихи. К альбомам примыкают такие же авторские рукописи стихов, написанные на отдельных листках, а за ними следуют и отдельные, купленные или подаренные, или просто сохраненные адресатом письма, а там и целые коллекции таких автографов. И только за ними, наконец, надо поставить личные архивы в обычном понимании этого термина.

Мы выстроили этот ряд, на крайних точках которого находятся такие, например, несхожие предметы, как Архангельское евангелие XI в. и служебная переписка военного министра Д. А. Милютина, чтобы пока-

[2] Примерами могут служить: Пискаревский список Еллинского летописца, где книгописец Иван Черный, участник московского еретического кружка 1480-х годов, выступает как составитель и отчасти как автор текста (*Б. М. Клосс.* Книги, писанные и редактированные Иваном Черным.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971), рукописный сборник из собрания Барсова (ГБЛ), содержащий тексты из литературного наследия протопопа Аввакума и скрепленный подлинными подписями четырех пустозерских узников (*И. М. Кудрявцев.* Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников.— Там же, вып. 33. М., 1972), или другой Пустозерский сборник из собрания Дружинина (БАН) с автографами житий Аввакума и Епифания.

inslav

зать, во-первых, непрерывность этого ряда и, во-вторых, то место, которое занимают в информации о фондах подобного хранилища сведения об отдельном документе.

В самом деле, когда речь идет об обычном архиве, где хранятся личные архивные фонды, уже самая краткая справка о фонде, включающая характеристику фондообразователя, крайние даты материалов фонда и их объем, дает опытному исследователю достаточно верное общее представление о том, что именно он может надеяться найти в этом фонде. Архивный фонд обладает внутренними логическими и историческими связями. Иное дело коллекция, где каждый документ единичен, ничем не связан с другими документами, кроме превратностей их исторической судьбы, объединивших их в конце концов в одних руках. Поэтому главная задача при описании коллекции — не установление внутренних связей и соподчинение материалов, как в архивном фонде, а точнейшее определение и атрибуция каждого документа и лишь затем — расположение их в каком-либо простом и удобном для просмотра едином ряду (алфавит или хронология). Опись коллекции как комплекса имеет значение лишь для изучения жизни и деятельности собирателя, если это значительное лицо, или для истории самой коллекции. Чаще же всего изучаются отдельные документы — по темам, которым они служат. Поэтому для коллекционных материалов важнее каталог, где сливаются документы из всех коллекций, чем опись.

Описание единичных и коллекционных материалов должно быть очень тщательным еще и потому, что коллекционеры часто ошибаются в атрибуции своих материалов. Именно в коллекциях чаще всего обнаруживаются подделки. Даже очень опытные и квалифицированные коллекционеры не могут избежать приобретения мнимых автографов великих людей. Установление этих ошибок — задача архива. Так, например, в недавно приобретенной нами коллекции автографов, принадлежавшей Н. П. Смирнову-Сокольскому, значилось как стихотворение Н. А. Некрасова и его автограф стихотворение М. П. Розенгейма «Последняя элегия», переписанное неизвестной рукой с подписью «Некрасов» (ошибочные подписи очень часты в стихотворных сборниках XIX в.).

Значение каталога, наряду с описью, нельзя преуменьшить и для отражения материалов личных архивных фондов. Каталог экономит большие усилия ученых, затрачиваемые на разыскание материалов одного лица или по одной теме по описям разных фондов. Особенно важен в этом случае каталог для обнаружения материалов, логически не предсказуемых в составе данного фонда. Можно ли предположить, например, что автограф пьесы Островского «Не в свои сани не садись» следует искать в фонде иеромонаха Оптиной пустыни Климента, в миру Константина Карловича Зедергольма, или что утерянный во второй половине XIX в. автограф неоконченной повести Гоголя «Гетьман» следует искать в переписке поздних, отдаленных потомков А. П. Елагиной? В этих случаях без каталога исследователь беспомощен. Таким образом, задача хранилища,— определение, описание, отражение в описи и каталоге, а если возможно, и в обзоре, каждого хранящегося документа, каждой рукописной книги во всем ее составе, без бытующих до сих пор туманных определений типа «Сборник исторический», «Сборник слов и поучений».

Но все это, о чем шла до сих пор речь, еще не информация, а лишь необходимая база для нее, создающаяся неизбежно в каждом хранилище. На этой базе должна создаваться система информации, ведущая исследователя от общих справочников, дополняющих друг друга, к каждому отдельному документу [3].

---

[3] См. об этом мои статьи: «Информация в печати о рукописных фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина».— «Советские архивы», 1968, № 2;

inslav

Разнообразные и разрозненные информационные издания отдельных хранилищ, необходимые и полезные при нынешнем состоянии информации, пока еще далеки не только от системы, но и от продуманной ее идеи. Системой эти разрозненные усилия могут стать лишь на пути сводной информации и только в случае сочетания информации ретроспективной и текущей.

Первый камень этой системы был заложен изданием справочника «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (т. I—II. М., 1962—1963), и надо приветствовать намерение участников этой работы приступить к подготовке третьего тома, который охватит поступления по 1971 г. Издание дополнительного тома каждые десять лет будет достаточно для первичной информации исследователей об этом виде фондов. Наряду со справочником о личных архивах необходим подобный же сводный справочник о рукописных собраниях и коллекциях, подготовка которого пока не начата.

Следующий этап информации, тоже общего характера, хотя включающий и более подробные сведения,— это путеводители, эталоном которых в данное время является «Путеводитель» по ЦГАЛИ СССР. Лучшие из них дают исследователям ясное представление о составе архивных фондов данного хранилища. Но путеводителями обладают далеко не все хранилища; лишь узкий круг их дополняет раз изданные путеводители последующей текущей информацией (в виде ли дополнительного тома, как ЦГАЛИ СССР, в виде ли ежегодного описания новых поступлений, как ГБЛ — в ежегоднике «Записки Отдела рукописей»). Поэтому второй этап информации далеко еще не приведен в систему, не говоря уже о третьем, для исследователей самом важном этапе, ведущем их к отдельному документу. Здесь проблема сводной информации не решена, а по существу и не поставлена,— даже для материалов выдающихся деятелей науки и культуры.

На этом пути сделаны лишь первые шаги: сводный каталог «Описание рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957) и выходящий в ближайшее время в свет сводный каталог «Описание рукописей А. А. Блока». Но даже Лермонтов, Гоголь, Чехов, Ломоносов и Менделеев не отражены еще в сводном каталоге — так велика трудоемкость и сложность этой работы.

Разработанная в Отделе рукописей ГБЛ методика, позволяющая совместить составление описи и каталогизацию в едином процессе (опись печатается на бланках, расчерченных по форме карточек, и с листов потом копируется на «Ксероксе» любое нужное количество карточек), дает возможность создания сводного карточного каталога на документы личных фондов и коллекций для основных крупных хранилищ (ЦГАЛИ СССР, Архив АН СССР, ИРЛИ, ГБЛ, ГПБ, ОПИ ГИМ), который можно было бы сдублировать для Москвы и Ленинграда.

Однако и это все же вчерашний день архивной техники и возможностей информации. В век научно-технической революции имеет смысл перешагнуть через этап традиционных приемов сводной информации, не завершив его, и переходить прямо к закладыванию основ машинного поиска.

Теоретическая мысль архивистов и за рубежом, и в Советском Союзе работает в этом направлении, но практически достигнуто еще весьма немногое. Трудности, стоящие на пути аналитического отражения содержания документальных материалов в системе, приспособленной для машинного поиска, очень велики. Главная из них — многоаспектность содержания документов и сложность необходимого для введения его в ЭВМ машинного языка.

«Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников».— «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971.

inslav

Однако материалы личных архивных фондов и коллекций, состоящих из аналогичных материалов, сравнительно легко раскрываются через простой алфавитный ряд имен или названий. Разумеется, при этом раскрывается не их многообразное содержание, а лишь дается сигнал исследователю. Опыт показывает, что подобный именной сигнал в карточном каталоге с последующим кратким описанием документа (вид его, дата, язык, способ написания, особенности) практически удовлетворяет значительную часть исследователей. Таким образом, дилемма — использовать ли ЭВМ сейчас, ограничившись именным рядом, или отложить ее использование на неопределенный срок, дожидаясь решения общих проблем машинного поиска документальных материалов,— с нашей точки зрения, должна решаться в пользу первого варианта.

Для осуществления его необходима кооперация упомянутых выше крупнейших хранилищ документальных материалов личного происхождения, которая решила бы задачу программы для машины. Техническую базу — машину — могла бы предоставить Государственная библиотека им. В. И. Ленина, где машина находится сейчас на стадии экспериментальных работ. Основой для разработки программы могли бы стать единые приемы описания, заложенные в «Методических рекомендациях по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения» (М., 1971), и с другой стороны, уже разработанная в ГБЛ программа для введения в машину описания произведений печати (алфавитный ряд).

Это дало бы возможность в обозримые сроки начать вводить в машину новые поступления хотя бы этих крупнейших хранилищ и получать с любой периодичностью сводный алфавитный печатный каталог. Освоение такой формы сводного каталога и машинного поиска на новые поступления позволило бы впоследствии составить план постепенного введения в машину ретроспекции, что явится одним из необходимых условий для дальнейшего развития советской исторической науки.

А. С. Мыльников

Проблемы информации исследователей о фондах деятелей науки, литературы и искусства, хранящихся в архивах, библиотеках и музеях, с каждым годом приобретают все более актуальное значение. Каждое хранилище имеет свои традиции в данной области. Творческий обмен опытом является непременным условием для выработки рекомендаций по дальнейшему совершенствованию службы научной информации о документальных материалах.

Определенный опыт накоплен и Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, чей рукописный фонд начал складываться еще с конца XVIII в. Однако прочную основу он получил в 1805 г., когда с поступлением богатейшего собрания русского коллекционера П. П. Дубровского было учреждено так называемое «Депо манускриптов» [4]. Для более точного понимания характера сложившейся здесь к настоящему времени системы информации о рукописных материалах следует учитывать некоторые, наиболее общие особенности, которыми отличается рукописный фонд ГПБ в ряду аналогичных учреждений как по своему содержанию, так и по организации.

Прежде всего рукописный фонд Публичной библиотеки универсален по содержанию и многоязычен, поскольку, как известно, Библиотека собирает и хранит документальные материалы по истории отечественной и мировой культуры из всех отраслей знания. К настоящему вре-

[4] Подробнее см.: «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Л., 1963, стр. 18—20, 45—48, 120—124, 153—156, 225—229, 285—289, 387—393.

inslav

мени в Публичной библиотеке хранится свыше 1100 фондов (архивов и собраний) на более чем 50 языках народов мира общим объемом около 300 тыс. единиц хранения. Некоторая, весьма небольшая часть рукописей хранится в составе книжных фондов. Так, вместе с личной библиотекой Вольтера помещен и его архив — крупнейшее вне Франции собрание бумаг великого просветителя. Небольшая часть рукописных материалов, главным образом работы по экономике России конца XVIII — начала XIX в., находятся в библиотеке Вольно-Экономического общества, переданной после Великой Октябрьской социалистической революции в Публичную библиотеку. Любопытна коллекция печатных и рукописных материалов, так называемая «Флорентийская елка», собранная русским коллекционером И. Бецким во второй половине XIX в. в Италии и других странах, и ныне находящаяся в составе иностранного книжного фонда [5].

Ниже речь пойдет о фондах личного происхождения, сосредоточенных в Отделе рукописей и редких книг Публичной библиотеки.

Система информации о них стала исторически складываться в форме печатных отчетов о новых поступлениях с 1814 г. В печатных отчетах за 1815—1817 гг. уже была сделана попытка систематического оповещения ученых о новых поступлениях. Впрочем, информация эта во многом несовершенна, отрывочна. После 1817 г. она вообще прекратилась. С 1851 г. выпуск печатных отчетов был возобновлен, и вот уже более века Публичная библиотека информирует в печати научную общественность о своих рукописных материалах. Большую роль в налаживании этой работы сыграли директоры ГПБ А. Н. Оленин и М. А. Корф, такие ее выдающиеся сотрудники, как В. В. Стасов, академик А. Ф. Бычков, его сын член-корреспондент Академии наук СССР И. А. Бычков и др.

Одновременно, уже в середине XIX в., Публичная библиотека стала, правда, робко практиковать издание каталогов личных фондов.

После Октябрьской революции произошла коренная перестройка всей деятельности Библиотеки. Интересы социалистической науки и культуры вызвали к жизни необходимость дальнейшего улучшения информации о рукописях. В середине 1930-х годов была начата работа над созданием ретроспективного обзора рукописей, поступивших в Библиотеку в основном в послереволюционный период. Итогом явился изданный в 1940 г. «Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг.»

Выход в свет этой книги имел, помимо всего прочего, и важное методическое значение,— было положено начало новой, ранее неизвестной форме ретроспективного оповещения о новых поступлениях. Существенное изменение в содержании и систематизации поступавших материалов претерпели и текущие, годичные или двухгодичные отчеты. Были выделены разделы «Личные фонды», «Собрания», сведения о единичных поступлениях были расположены по схеме систематической классификации. В наиболее четком виде это получило отражение и методическое обоснование в кратком отчете о новых поступлениях за минувшие 15 лет [6].

До 1917 г. печатные каталоги личных фондов были для Публичной библиотеки редким, можно сказать исключительным явлением. В предвоенные годы, а особенно в послевоенный период и в этом наступили разительные перемены. Одно за другим выпускались печатные описания личных фондов или собраний рукописей В. Г. Белинского, Н. Л. Бенуа, А. А. Блока, А. И. Герцена, А. К. Глазунова, М. И. Глинки, С. Н. Глинки, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Г. Р. Державина, В. А. Десницкого, Ф. М. Достоевского, С. А. Есенина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некра-

---

[5] *A. Khomentovskaja.* Firense illustrata o Enciclopedia fiorentina di G. Betsky. (Un bibliophile russe de la seconde moitié de XIXe siecle a Florence).— «La Bibliophilia diretta da Leo S. Olscki». Anno 29, 1927, p. 1–13.

[6] «Новые поступления в Отдел рукописей. 1952–1966. Краткий отчет». Ред. Р. Б. Заборова и А. С. Мыльников. М., 1968.

inslav

сова, А. Н. Островского, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Сперанского, В. В. Стасова, И. С. Тургенева и др.[7] Небезынтересным опытом региональной межведомственной информации о рукописных материалах, находящихся в библиотеках, музеях, научно-исследовательских и других учреждениях, явился путеводитель, подготовленный учреждениями — участниками Комиссии по рукописным фондам при Ленинградском межведомственном библиотечном совете. Достаточно сказать, что были учтены сведения, в том числе и о личных фондах деятелей науки, литературы и искусства, представленных в 35 ленинградских хранилищах (и это, не считая разветвленной системы государственных архивов)[8].

Все эти описания, каталоги и обзоры получили положительную оценку[9]. К сожалению, весьма скромные издательские возможности Публичной библиотеки вели и ведут к тому, что описания опубликованы по большей части незначительными тиражами, чаще всего — на множительном аппарате, и поэтому с момента своего появления становятся библиографической редкостью. Существенным недостатком следует считать также отсутствие такой широко распространенной формы первичной информации исследователей, как путеводитель по личным фондам. В настоящее время начата работа по его созданию с учетом богатого опыта, накопленного рядом хранилищ, прежде всего системы Главного архивного управления СССР (ЦГАЛИ) и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Если в области подготовки печатных каталогов и обзоров фондов Публичная библиотека имеет опыт нескольких поколений археографов, то карточные каталоги стали создаваться сравнительно недавно, на рубеже 1940—1950-х годов. В настоящее время успешно идет работа над алфавитным каталогом архивных фондов, включающим более 270 тысяч карточек. Каталог этот строится на основе библиотечных правил с внесением необходимых корректив для лучшего отражения материалов рукописного фонда. В каталог включаются выполненные согласно разработанной инструкции описания рукописных и печатных материалов, входящих в состав архивных фондов и собраний. Карточки (международного формата) каталога делятся на несколько параллельных разделов: тексты русских и тексты западноевропейских авторов, независимо от фонда и собрания; нотные рукописи, изобразительные материалы, карты и планы. Каталог строится на основе русского и латинского алфавитов (два ряда). Наполнение, структура и организация алфавитного каталога регулируется специальным Положением о нем. По своему замыслу и выполнению алфавитный каталог теснейшим образом связан с описями фондов, так как в основе их лежат единые описания, составленные в процессе научной обработки (каталогизации) рукописных фондов. К настоящему времени около 800 фондов имеют описи (и соответственно — описания в каталоге), отвечающие требованиям действующей инструкции.

Алфавитный каталог играет важную роль в системе информации читателей. Он отвечает на вопросы, какие есть материалы того или иного лица или учреждения, а также адресованные данному лицу или в данное учреждение, и, наконец, материалы о данном лице или учрежде-

---

[7] Подробнее см.: *А. С. Мыльников.* Печатные каталоги и обзоры рукописных фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 455–457; *Н. А. Зубкова.* Рукописные фонды Публичной библиотеки. Печатные каталоги и обзоры. Л., 1971, стр. 11–24.

[8] «Рукописные фонды ленинградских хранилищ. Краткий справочник по фондам библиотек, музеев, научно-исследовательских и других учреждений». Сост. А. С. Мыльников. Л., 1970 (ротапринт).

[9] *Э.С. Паина.* Новые поступления в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.– «История СССР», 1971, № 4, стр. 251–252.

inslav

нии. Алфавитный каталог не отвечает, да и не в состоянии по своему смыслу ответить на вопросы, касающиеся содержания рукописных материалов. Это входило бы в задачу так называемых реальных, т. е. систематического или предметного, каталогов. В порядке эксперимента с 1963—1964 гг. в Отделе велся систематический каталог на древнерусские фонды. Среди вспомогательных указателей к нему имеется картотека лиц, упоминаемых в рукописных книгах (авторы, переписчики, владельцы и т. п.). Впрочем, вопрос о реальных каталогах рукописных материалов необычайно сложен и требует особого суждения.

Таким образом, система информации о фондах личного происхождения, хранящихся в ГПБ, представляется в следующем виде: печатные каталоги (текущие и ретроспективные отчеты о новых поступлениях, описания отдельных фондов) и карточные каталоги и картотеки, тесно связанные с инвентарными описями фондов.

Потребности науки и культуры, порожденные бурным процессом научно-технической революции, свидетельствуют о необходимости поисков принципиально новых путей информационной деятельности. Вот почему следует всемерно поддержать предложение Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, выдвинутое С. В. Житомирской, о переходе к машинной обработке информации о новых поступлениях в крупнейшие архивы и библиотеки Москвы и Ленинграда.

В этой связи нельзя не сказать еще раз о необходимости усилить научно-методическую помощь местным библиотекам и музеям в работе с имеющимися в их фондах рукописями. То, что положение в этой области далеко не благополучно,— хорошо известно. Еще в 1969 г. Приказом по Министерству культуры РСФСР за № 209 на ГПБ была возложена работа по проверке организации и использования рукописных и старопечатных книг, находящихся на местах. В 1971 г. по инициативе Публичной библиотеки Управление библиотек и Управление музеев Министерства культуры РСФСР направили органам культуры письмо по вопросу о централизованном микрофильмировании и реставрации, в том числе — рукописей, хранящихся в республиканских (АССР), краевых, областных, районных и других библиотеках и музеях Российской Федерации. Речь идет о длительной и планомерной работе по налаживанию дела собирания, хранения, использования рукописей в интересах советской науки и культуры. Очевидно, что работа эта станет тем более продуктивной, чем полнее будет налажена информация о наиболее ценных собраниях, представленных в российских библиотеках и музеях.

Б. В. Левшин

В условиях бурной научно-технической революции XX в. особое значение приобретает «более полное, творческое и критическое использование предшествующего опыта» [10] и в том числе изучение рукописных источников по истории науки и техники [11], крупнейшим хранилищем которых является Архив АН СССР.

В связи с быстрым пополнением государственного архивного фонда в последнее десятилетие материалами личных фондов, в том числе представителей советской науки, и все возрастающими затратами времени научных работников на поиски необходимых источников представляется своевременным обобщить опыт по созданию информационных систем как по отдельным фондам и архивохранилищам, так и сводного характера.

---

[10] *Г. М. Добров.* Информационная основа истории научно-технического развития.— «Прикладная документалистика». М., 1968, стр. 5.
[11] Там же, стр. 16.

inslav

Такая система должна включать сведения о документальных материалах личного происхождения, не только уже хранящихся в государственных архивах, но и находящихся у частных лиц при наличии их согласия. Подобные обзоры по отношению к рукописным и старопечатным книгам имеют уже определенную традицию. В самих архивах картотеки (или справочники иного рода), составленные с целью учета фондов и коллекций, еще не поступивших в архивохранилища, несомненно полезны. В Архиве АН СССР подобная картотека создается в настоящее время с целью учета материалов академиков и членов-корреспондентов, еще не поступивших в Архив.

Для создания полноценной источниковедческой базы по истории науки первостепенное значение имеет комплектование всех видов документации личного фонда, а в случае невозможности получить их сразу — внесение в дело фонда или в другую учетную документацию сведений о возможностях докомплектования.

Чрезвычайно важно, особенно в настоящее время, когда одним и тем же личным фондом могут интересоваться различные хранилища и учреждения, избежать его распыления, что сильно затруднит его дальнейшее научное использование и включение сведений о нем в информационные системы различных порядков. В тех же целях желательно объединение различных частей одного личного фонда, если они по каким-то причинам оказались в нескольких архивохранилищах. Успешное комплектование и докомплектование фондов историков акад. М. Н. Тихомирова и проф. Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР позволило очень быстро и полно познакомить с их научным наследием широкую общественность.

Первичной ячейкой, из которой в дальнейшем вырастает информационная система, является, по нашему мнению, описательная карточка (если описание документальных материалов проводится на карточках). Поэтому от правильного составления этой карточки зависит очень многое — никакие информационные системы не смогут устранить неточности, вкравшиеся в описание с самого начала. Именно от научного сотрудника, проводящего описание, зависит, будет ли документ открыт для исследователей или надолго скрыт от них.

Требования, предъявляемые к обработке материалов личных фондов в Архиве АН СССР, достаточно полно изложены в соответствующем издании [12]. Отметим здесь только, что каждая описательная карточка — это своеобразный источниковедческий этюд: от архивиста требуется правильно подобрать и датировать рукопись, сравнить ее с опубликованным текстом и т. д. Это особенно трудно еще и потому, что вспомогательные исторические дисциплины для советского времени разработаны недостаточно (например, не систематизированы сведения по истории бумажного дела), а источниковедение истории техники еще не создано [13].

Следующим шагом на пути к введению материалов в научное использование является систематизация описательных карточек и создание описи фонда. Практика работы в Архиве АН СССР показала, что наиболее удобной в поисковом отношении для небольших фондов является систематизация материалов в одной описи по разделам, соответствующим видам документации, составляющей фонд (научные труды и материалы к ним, биографические материалы, материалы по научно-организационной деятельности), а внутри разделов — по хронологии. Систематизация значительных по объему фондов может быть и более сложной; например, внутри одного раздела материалы могут группироваться в соответствии с основными направлениями научной деятельности фондообразова-

---

[12] *Ю. А. Виноградов* и *З. Н. Нагорова.* Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве Академии наук СССР. М.– Л., 1960.

[13] *С. В. Шухардин.* Основы истории техники. М., 1961, стр. 45.

inslav

теля. При составлении описей сотрудники Архива широко используют консультации ученых-специалистов. Опись фонда с необходимым аппаратом (предисловием, исторической справкой, указателями) — главный помощник исследователя, ведущего поиск в архиве. Система научно-справочного аппарата Архива АН СССР, как и всех других архивов, состоит из нескольких звеньев — справочников по учету документальных материалов, справочников по их содержанию, научно-справочной библиотеки, методических пособий и т. д.

В Архиве АН СССР исторически стали складываться сразу три вида каталога — систематический, предметный и именной. Работа по их созданию началась еще в первые годы XX в., когда на карточки были разнесены материалы за XVIII в. Карточки были расставлены по алфавиту предметов, и для облегчения работы с ними был разработан предметно-алфавитный указатель. По мере разрастания этой смешанной алфавитной картотеки пользование ею затруднялось, и после 1924 г. она была переработана, образовав две новые картотеки — персональную и тематическую. В первые же годы существования Московского отделения Архива АН СССР было положено начало тематической и алфавитной картотекам, причем уже с 1936 г. стали составляться карточки для этих картотек.

Персональная картотека Архива АН СССР помогает исследователям определить, какие материалы того или другого ученого хранятся в нем. Она дает отсылки ко всем фондам Архива, где имеются материалы данного лица. В Архиве АН СССР ведется также и смешанный каталог, выросший из тематической картотеки. В основу его систематизации положены определенные классы, соответствующие отраслям науки, что является признаком систематического каталога, или определенные конкретные предметы и темы, являющиеся признаком предметно-тематического каталога. Наиболее верный, хотя и трудоемкий, путь разработки фонда для каталога — полистный просмотр единиц хранения, когда на карточки берутся все без исключения темы и вопросы. Применение общеакадемического классификатора для индексации карточек в каталоге облегчает работу по тематическому выявлению и дальнейшему использованию карточек.

Наиболее оперативной формой ознакомления научной общественности с богатствами наших архивов являются краткие сообщения о новых поступлениях и обзоры фондов в периодических изданиях. В обзорах принято групповое описание материалов фонда по тем же разделам, на которые делится опись (или описи) фонда. В тех случаях, когда труды фондообразователя не опубликованы, целесообразно давать в обзорах краткие аннотации содержания неопубликованных рукописей. Важную инициативу в этом отношении проявила Археографическая комиссия, регулярно помещающая на страницах «Археографического ежегодника» обзоры фондов видных советских историков: С. Б. Веселовского[14], М. Н. Тихомирова[15], Н. В. Устюгова[16], В. И. Шункова[17], А. Н. Сперанского[18] и др. Вероятно, другие отделения АН СССР могли бы также помещать в своих изданиях представляющую для них интерес информацию о фондах.

Другая традиционная форма изданий Архива АН СССР — путеводитель «Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов», содержащий сведения как о старых фондах архива, так и о новых поступлениях. С 1933 по 1971 г. было выпущено шесть томов «Обозрений», которые включают сведения более чем о 470 личных фондах, в том

---

[14] «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 257–266.
[15] «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 304–314.
[16] Там же, стр. 395–400.
[17] «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 284–289.
[18] «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 318–321.

inslav

числе таких выдающихся ученых, как А. М. Бутлеров, С. Б. Веселовский, А. П. Карпинский, А. Н. Крылов, М. В. Ломоносов, И. П. Павлов, В. А. Стеклов, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, А. А. Шахматов, В. Г. Шухов, К. Э. Циолковский, Л. Эйлер и др. Обозрение каждого фонда сопровождается краткими биографическими справками о фондообразователях, сведениями об объеме, истории фонда, местонахождении различных его частей и библиографией [19]. В обозрениях принята более краткая (по тем же разделам) характеристика документальных материалов по сравнению с обзорами фондов. В последнем, шестом томе обозрения группируются по шести разделам науки, а внутри каждого раздела — по хронологии. К каждому тому «Обозрений» приложены именной, предметный и географический указатели, а в пятом томе опубликован также «Указатель обозрений личных фондов и разрядов (коллекций), напечатанных в «Трудах» Архива АН СССР».

Помимо «Обозрений», был опубликован «Список фондов личного происхождения, хранящихся в Архиве АН СССР на 1 января 1959 г.» [20]

Архив АН СССР принял участие в составлении двухтомного справочника «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1962—1963), появление которого, по словам С. С. Дмитриева, «открыло новую полосу в истории собирания и изучения личных архивных фондов» [21]. В настоящее время назрела необходимость в продолжении этой столь успешно начатой работы.

Другим способом ознакомления научной общественности с материалами Архива АН СССР является выпуск «Трудов», посвященных описанию фондов выдающихся представителей русской и советской науки. К настоящему времени опубликовано 11 томов описаний документов. Среди них описание фондов М. В. Ломоносова, И. П. Павлова, Л. Эйлера, Б. Б. Голицына, Е. С. Федорова, И. И. Мечникова, В. Ф. Шишмарева, И. П. Кулибина, Ф. П. Моисеенко, К. Э. Циолковского, А. Н. Крылова [22]. В процессе создания таких описаний сотрудниками архива было выявлено много новых неизвестных исследователям документов. Некоторые из них были найдены в фондах различных академических учреждений.

---

[19] Подробнее см.: *Н. М. Раскин.* Издания Архива Академии наук СССР.— «Академические архивы СССР за 50 лет советской власти». М., 1968, стр. 68—69.

[20] *Ю. А. Виноградов.* Личные фонды ученых в Архиве АН СССР. М.– Л., 1959.

[21] *С. С. Дмитриев.* Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников.– «Вопросы архивоведения», 1965, № 3, стр. 37.

[22] «Рукописи М. В. Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание». Сост. Л. Б. Модзалевский. Под ред. Г. А. Князева. М.– Л., 1937; «Рукописные материалы И. П. Павлова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание». Сост. Г. П. Блок и Е. С. Кулябко. М.– Л., 1949; «Рукописные материалы Л. Эйлера в Архиве Академии наук СССР. Научное описание», т. I. Сост. Ю. Х. Копелевич, М. В. Крутикова, Г. К. Михайлов, Н. М. Раскин, Ред. колл.: Г. А. Князев и др. М.– Л., 1962; «Рукописи Б. Б. Голицына в Архиве Академии наук СССР». Сост. Г. П. Блок и М. В. Крутикова. Под ред. В. Ф. Бончковского и Г. П. Горшкова. М.– Л., 1952; «Рукописные материалы Е. С. Федорова в Архиве АН СССР. Научное описание. Тексты». Сост. И. И. Шафрановский, Н. М. Раскин. Под ред. Г. А. Князева и В. А. Николаева. М.– Л., 1957; «Рукописные материалы И. И. Мечникова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание. Тексты». Сост. Л. К. Куванова, М. С. Бастракова. Под ред. Г. А. Князева и Б. Е. Райкова. М.– Л., 1960; «Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации». Сост. М. А. Бородина, Б. А. Малькевич. Отв. ред. Б. В. Левшин. М.– Л., 1965; «Рукописные материалы И. П. Кулибина в Архиве Академии наук СССР. Научное описание с приложением текстов и чертежей». Сост. Н. М. Раскин и Б. А. Малькевич. М.– Л., 1953; «Материалы Ф. П. Моисеенко в Архиве Академии наук СССР. Описание научных работ, личных и служебных документов. Тексты минералогических работ». Сост. И. И. Шафрановский, Н. М. Раскин. Под ред. Г. А. Князева, Е. К. Лазаренко. М.— Л., 1955; «Рукописные материалы К. Э. Циолковского в Архиве АН СССР. Научное описание». Сост. М. Я. Ржезникова, И. П. Староверова и Л. Г. Самохвалова. Под ред. Б. Н. Воробьева и Б. В. Левшина. М., 1966; «Рукописное наследие академика А. Н. Крылова. Научное описание». Сост. М. Н. Глаголева, Н. М. Раскин, Н. Г. Скрынский, Л. М. Столин. Под ред. акад. В. И. Смирнова. Л., 1969.

inslav

В качестве примера остановимся подробнее на описании рукописных материалов К. Э. Циолковского[23]. Личный фонд К. Э. Циолковского, по справедливому мнению составителей, представляет «исключительную научную и историческую ценность» — в нем хранятся рукописи, чертежи, переписка, фотографии и личные документы замечательного ученого. За основу составители приняли подокументное описание источников, более подробное, чем в описи фонда; в частности, они приводят сведения не только о всех работах, но и о всех вариантах и набросках работ К. Э. Циолковского, сохранившихся в фонде.

Каждая описательная статья этого издания включает «название работы, дату ее написания, указание на вид документа (статья, лекция), сведения о способе его написания, ссылку на первое издание, поисковые данные»[24]. Все материалы в книге расположены по трем разделам: 1. Научные и научно-популярные работы. 2. Биографические материалы. 3. Письма ученого. В Приложениях опубликован «Альбом космических путешествий» с рисунками К. Э. Циолковского.

Подобные описания представляются нам наиболее совершенным способом информации исследователей. В некоторых случаях, когда материалы личных фондов не носят столь уникального характера, целесообразна публикация не описаний, а обычных описей фондов.

Публикации научного наследия ученых посвящены как Приложения к многим изданиям архива, так и отдельные тома его «Трудов». Так, Архив АН СССР ведет подготовку многотомного издания работ крупнейшего советского историка акад. С. Б. Веселовского, сохранившихся в его фонде. При жизни ученый успел опубликовать лишь немногие из своих работ. Между тем его труды по истории, генеалогии и исторической географии составляют одну из самых ярких страниц в историографии истории русского феодализма. При их подготовке к печати работники архива провели громадную работу по отбору материалов и унификации весьма сложного справочного аппарата. Первые два тома трудов С. Б. Веселовского[25], изданные архивом, вызвали отклики научной общественности. В некоторых случаях при подготовке к изданию научного наследия ученых проводится их сверка с теми источниками (опубликованными и неопубликованными), которыми эти ученые пользовались.

Отдельные материалы архива публикуются также в периодических научных и научно-популярных изданиях.

Одной из форм информации о документах архива являются доклады, сообщения и документальные выставки, посвященные отдельным представителям науки или иллюстрирующие состав архива в целом. Такие доклады и выставки находят обычно живой отклик и нередко имеют результатом поступление в Архив АН СССР новых материалов.

В 1971 г. организованные архивом выставки демонстрировались в институтах микробиологии, металлургии и истории Академии наук. На «Тихомировских чтениях» 1968 г. сотрудником архива И. П. Староверовой был прочитан доклад о фонде первого председателя Археографической комиссии акад. М. Н. Тихомирова[26].

Наконец, для удобства исследователей в 1967 г. Архивом АН СССР и Советом по организации комплектования и использования документальных материалов был осуществлен первый выпуск справочника «Тематика исследований по документальным материалам Архива Академии наук СССР».

---

[23] «Рукописные материалы К. Э. Циолковского в Архиве АН СССР. Научное описание». Сост. М. Я. Ржезникова, И. П. Староверова и Л. Г. Самохвалова. Под ред. Б. Н. Воробьева и Б. В. Левшина. М., 1966 («Труды Архива АН СССР», т. 22).

[24] Там же, стр. 6.

[25] *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[26] «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 304–314.

inslav

В. А. Дьяков

О ПОДГОТОВКЕ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ»[1]

Придавая большое значение разработке проблем истории славяноведения в СССР, Институт славяноведения и балканистики АН СССР начал подготовку биобиблиографического словаря славистов дореволюционной России, который в дальнейшем предполагается дополнить аналогичным трудом, посвященным советскому периоду. Словарь будет включать персоналии тех лиц, которые так или иначе связаны с изучением истории (в том числе истории культуры), языков и литератур. Территориально он охватывает только зарубежные славянские страны. Такой подход обусловлен давней традицией, согласно которой в славянских странах к славяноведению не принято относить отечественную проблематику. Необходимость этого по существу условного ограничения вызывается и чисто практическими соображениями, ибо, сняв его, пришлось бы включить в словарь фамилии весьма многочисленных русистов, а также специалистов по Украине и Белоруссии. Это в корне изменило бы объем и облик издания, лишило бы его точного адреса, привело бы к ненужному дублированию уже имеющихся или готовящихся справочных изданий. Естественно, в словарь войдут персоналии специалистов по общеславянской проблематике, а также тех, кто занимался изучением связей русских, украинцев и белорусов с одним или несколькими из зарубежных славянских народов.

Правомерность такого подхода подтверждает вышедший в Праге в 1972 г. словарь чехословацких славистов, подготовленный коллективом авторов под руководством доцента Милана Куделки и доктора Зденека Шимечека[2]. В это издание не вошли статьи о богемистах как таковых, хотя совершенно очевидно, что они не исключаются из числа специалистов по славяноведению. Для зарубежного читателя, вероятно, было бы удобнее получить единый справочник об ученых-славистах Чехословакии и любой другой славянской страны. Но практически такое пожелание едва ли осуществимо. Поэтому представляются вполне обоснованными те рекомендации специальной Международной комиссии по истории славяноведения Международного комитета славистов, на основе которых был подготовлен вышедший в Праге словарь.

Издание, планируемое Институтом славяноведения и балканистики, будет начинаться с М. В. Ломоносова, т. е. со времени возникновения русского славяноведения как науки в современном понимании этого слова. В качестве конечной хронологической грани принят 1917 г. Грань эта не абсолютизируется. Предполагается дать материал обо всех сложившихся деятелях дореволюционного славяноведения, независимо от даты их смерти. Сведения же о тех, чья научная деятельность на поприще славяноведения началась до 1917 г., но развернулась в основном после

---

[1] В основу статьи положено выступление на заседании научной сессии Международной комиссии по истории славяноведения (Москва, июнь 1972 г.) Международного комитета славистов. Хроникальную заметку Н. Прокофьевой о нем см.: «Советское славяноведение», 1972, № 6, стр. 120—121.

[2] «Česko-slovenské práce o jazyce, dějinach a kultuře slovanských národu od roku 1760. Biograficko-bibliografický slovník». Praha, 1972.

inslav

Великой Октябрьской социалистической революции, читатель найдет в специальном издании, где будут имена Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты и других корифеев советской славистики.

Кроме славистов-ученых, в словарь признано необходимым включить имена некоторых писателей, публицистов, путешественников, деятельность которых близка к славистической науке и неотделима от ее истории. В качестве примера можно назвать И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина как писателей и публицистов, П. И. Бартенева как переводчика и редактора «Русского архива», Ф. В. Чижова как автора многочисленных путевых очерков о путешествиях по славянским странам. Хотя они и не были славистами-профессионалами в современном понимании, едва ли можно отрицать, что они внесли определенный вклад в развитие славистики.

Предполагается также включить в словарь персоналии ученых, не занимавшихся в основном славистической проблематикой, но оставивших некоторое число работ по славяноведению; при этом характеристика главных направлений научной деятельности и библиография даются в сокращенном виде. Так, историк С. М. Соловьев будет фигурировать в словаре как автор нескольких работ по истории Польши, а о его многочисленных трудах по отечественной истории будет лишь самое общее упоминание.

Название словаря «Славяноведение в дореволюционной России» предусматривает информацию не только о русских славистах, но и об украинских ученых (например, А. А. Потебне, М. П. Драгоманове), уроженцах зарубежных славянских стран, работавших в России (С. Н. Палаузове, А. Я. Чарноцком, И. В. Ягиче), а также славистах, находившихся более или менее длительное время в Праге, Царстве Польском или Великом княжестве Финляндском. Конечно, этот формальный критерий в некоторых случаях может оказаться недостаточным; тогда, наверное, следует исходить из того, насколько тесно связан данный ученый с развитием славяноведения в общероссийском масштабе. Какие-то издержки при этом, вероятно, неизбежны, но другой путь едва ли возможен.

Предполагается, что словарь будет открываться вводной статьей, содержащей краткий очерк истории славяноведения в дореволюционной России и излагающей те принципы, которыми руководствовался авторский коллектив при отборе персоналий и подготовке соответствующих текстов. Объем отдельных биобиблиографических статей, по нашим расчетам, составит от 1 до 8—9 страниц машинописи, т. е. от $1^1/_2$ до 15 тыс. печатных знаков. Это будет зависеть прежде всего от места данного лица в истории науки, от объема и значимости его научных трудов. Все статьи будут подписными (т. е. будет обозначен автор включаемого в словарь текста).

В указанном выше издании словаря чехословацких славистов каждая словарная статья состоит из трех основных частей: биографических сведений, краткой научной характеристики и библиографии. В нашем издании общая схема словарной статьи будет такой же, однако содержание каждой составной части и соотношение между ними предполагается сделать несколько иным.

В начале каждой статьи после фамилии, имени и отчества будет даваться краткая дефиниция, характеризующая ученое звание и научную специализацию, например: профессор Московского университета, языковед и историк; действительный член Российской академии наук, специалист по древнеславянской литературе и византиноведению; публицист и общественный деятель, интересовавшийся историческими памятниками и фольклором южных славян.

Первая составная часть статьи включит в себя общебиографические сведения: точные даты и место рождения, смерти (датировка по ново-

inslav

му стилю, населенные пункты — в современном звучании с указанием, в случае необходимости, прежних наименований), сословное происхождение, имущественное положение и род занятий родителей; сведения об образовании, в том числе о прослушанных специальных курсах, семинарах и т. п., темах магистерских (кандидатских) диссертаций; краткое описание научной карьеры и изменений в служебном положении, характеристика политических позиций и участия в общественной жизни. При всей важности общебиографических сведений они ни по объему, ни по содержанию не занимают главенствующего положения в словарной статье.

Второй составной частью статьи будет характеристика научной деятельности, лаконичная, но по возможности исчерпывающая. Главное здесь не в деталях, а в определении научного вклада, внесенного данным славистом в разработку той или иной проблематики, в накопление фактического материала, в публикацию источников, подготовку научных кадров и т. д. При характеристике мировоззрения и методологии ученого авторам статей рекомендовано не останавливаться на общих определениях, а указывать конкретные идейные направления или школы, к которым он был близок, а также отмечать специфические черты, присущие его взглядам. Излагая важнейшие концепции, гипотезы и иные результаты исследовательской деятельности слависта, нужно не ограничиваться констатацией их соответствия или несоответствия современным представлениям, но указывать, когда и кем опровергнуты или подтверждены соответствующие научные выводы. Именно характеристики научной деятельности, сохраняя и справочное значение, должны нести в словарной статье максимальную исследовательскую нагрузку, с тем чтобы в совокупности создать глубокое и цельное представление о развитии славяноведения в России на дореволюционном этапе.

Завершающей частью словарной статьи будет библиографическая справка, которая должна дать представление о работах, посвященных данному слависту, и о его собственном научном наследии. Перечень литературы о слависте может не претендовать на исчерпывающую полноту, но он должен включать наиболее полные, содержательные работы, дающие ученому более или менее всесторонние и правильные оценки. Библиография научных трудов самого слависта должна быть исчерпывающей. Однако для экономии места полнота будет достигаться двумя путями: во-первых, перечислением уже публиковавшихся библиографий, во-вторых, полным библиографическим описанием всех тех работ, которые в них не попали. Как произведения, учтенные в прежних библиографиях, так и другие работы слависта должны быть автором статьи просмотрены заново, а их названия и выходные данные — тщательно проверены. Отсылка к уже имеющимся библиографиям, разумеется, снизит справочную выразительность словаря, но эта мера необходима для экономии места.

Таким образом, специфика нашего замысла заключается в относительно большей (по сравнению со словарем, который подготовили чехословацкие коллеги) насыщенности статей биографическими сведениями, а также в попытке выдвинуть на первый план анализ идейно-научного наследия каждого ученого, в стремлении определить его место в истории науки. Представляется, что, поскольку в советской литературе нет обобщающих трудов по истории славяноведения, этот путь целесообразен: будущий словарь призван в какой-то мере заменить подобное обобщение, а не просто играть роль справочника.

Составление отправного варианта словника закончено. И хотя он будет еще не раз дополняться и уточняться, можно предполагать, что в словарь войдут около 300 персоналий. В их числе будут все сколько-нибудь значительные специалисты по зарубежным славянским странам, жившие и работавшие на территории дореволюционной России. Общий объем словаря достигнет, по нашим предположениям, 40—50 печатных листов.

inslav

Работа организована следующим образом. Редколлегия словаря с помощью отдельных сотрудников Института осуществляет подготовительные мероприятия: составление словника и памятки авторам, написание нескольких пробных биобиблиографических статей. Эти материалы размножаются на ротапринте и рассылаются специалистам с целью получения отзывов. Помимо упомянутого выше заседания Международной комиссии по истории славяноведения, для более широкой апробации основных принципов издания редколлегия воспользовалась Международным съездом славистов в Варшаве (август 1973 г.) и Всесоюзной межвузовской конференцией славистов во Львове (октябрь 1973 г.).

После учета замечаний предварительные материалы превращаются в исходный рубеж для широкого развертывания работы. Биобиблиографические статьи будут подготавливаться, как правило, специалистами, изучающими деятельность определенного слависта: не только сотрудниками Института славяноведения и балканистики, но и, по возможности, специалистами из научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа и других городов. Систематизацией подготовленных текстов, их редактированием и унификацией, наряду с редколлегией, возглавляемой чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марковым, будет заниматься специальная творческая группа.

Объем предстоящей работы велик. Однако авторский коллектив надеется, что первый вариант текста всего словаря будет завершен к концу 1975 г. Затем предстоит рецензирование рукописи и обсуждение, которое должно быть очень серьезным, учитывая сложность издания и огромное разнообразие его материалов. Лишь после внесения необходимых изменений и тщательной проверки всех сведений мы решимся вынести эту работу на суд взыскательного читателя в нашей стране и за рубежом.

inslav

М. Б. Свердлов

ИЗВЕСТИЯ ШВЕДСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ О СКАНДИНАВАХ НА РУСИ И В ВИЗАНТИИ

Упоминания о Руси, Византии и «сарацинской земле» в шведских рунических надписях в русской и советской историографии значительно реже привлекались как исторический источник, чем известия скандинавских саг. Объясняется это, видимо, двумя причинами: незначительностью нарративного материала, содержащегося в данных эпиграфических памятниках, и отсутствием в течение долгого времени свода шведских рунических надписей. Именно вторая причина побудила Ф. А. Брауна самостоятельно заняться по неопубликованным материалам сбором рунических надписей, в которых сообщалось о Руси, Византии и «земле сарацин». Им было собрано 80 надписей [1], которые легли в основу обширного труда (около 20 листов). Эта работа была подготовлена к печати и даже были набраны первые три листа, но по ряду причин печатание было приостановлено [2]. В издании публиковались репродукция надписи, сама надпись, набранная печатью, перевод и обширный лингвистический комментарий. В процессе работы над книгой Ф. А. Браун написал две статьи, в которых интерпретировались сообщения шведских рунических надписей о походе Ингвара с дружиной «на восток» и об их гибели в «земле сарацин» [3], а также толковалась надпись, упоминавшая, по его мнению, название днепровского порога [4]. Позднее, уже находясь в эмиграции в Германии, Ф. А. Браун опубликовал большую статью, посвященную анализу известий скандинавских источников о древней Руси [5]. Часть ее содержит краткий обзор рунических надписей. Из этого обзора становится ясным материал, которым располагал Ф. А. Браун. Всего автор насчитал 82 надписи, упоминающие о поездках на восток. Из них 9 называют прибалтийские земли (Финланд, Эстланд, Лифланд, Курланд), 24 надписи содержат упоминания о поездках «на восток» вообще, под которыми следует понимать путешествия на Русь и далее в мусульманские страны, 26 указывают на Византию и Русь (включая соседние страны) как на цель путешествий, наконец, 23 надписи сообщают о походе Ингвара и его дружины в «землю сарацин» [6]. К сожалению, собранные Ф. А. Брауном материалы так и не были опубликованы.

В советской историографии к руническим надписям как к источнику по истории древней Руси обращался В. А. Брим, давая сводку из-

---

[1] «Известия Академии наук», VI серия, № 1. СПб., 1911, стр. 26.

[2] Пока удалось обнаружить только первые две страницы первой корректуры (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 134, оп. 1, № 446/9, л. 83).

[3] *Ф. А. Браун.* Кто был Ингвар-путешественник?— «Записки Неофилологического общества», вып. IV. СПб., 1910, стр. 131–153; *он же.* Hvem var Ingvarr enn viðfǫrli? — «Fornvännen», Årgången 5. Stockholm, 1910, s. 99—117. Критические замечания по этой работе были сделаны крупнейшим рунологом Отто фон Фризеном (*O. v. Friesen.* Hvem var Ingvarr enn viðfǫrli? — Ibid., s. 199—209).

[4] *Ф. А. Браун.* Днепровский порог в рунической надписи.— «Сборник археологических статей, поднесенных А. Бобринскому». СПб., 1911, стр. 270–276.

[5] *F. Braun.* Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.— XIV. Jahrhunderts.— «Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag». Halle a. S., 1924, S. 150–196.

[6] Ibid., S. 161–165.

inslav

вестий скандинавских источников о «пути из варяг в греки»[7]. Как он пишет, в его распоряжении находилось 105 рунических надписей о Восточной Европе (включая Византию и Восток? — *М. С.*), причем 95 из них были обнаружены в Швеции[8]. Однако специальное исследование, посвященное изучению этих рунических надписей, им не было опубликовано. Упоминаниями рунических надписей о Восточной Европе интересовалась и Е. А. Рыдзевская[9]. Преждевременная смерть Е. А. Рыдзевской в осажденном Ленинграде не дала завершить начатую работу.

В советской послевоенной историографии большое внимание уделялось изучению рунических надписей, найденных на территории СССР, начало исследования которых было положено еще Ф. А. Брауном в связи с находкой рунической надписи на острове Березань[10]. Однако изучение рунических надписей, найденных на территории скандинавских стран, где упоминается о поездках викингов в Восточную Европу и далее в Византию и на мусульманский Восток, не было продолжено.

Между тем в западноевропейской историографии появились многочисленные работы, в которых было много сделано для изучения рунических надписей. Были опубликованы своды рунических надписей по странам (Дания и Норвегия) и областям (Швеция). Эти публикации и исследования делают возможным продолжение изучения известий рунических надписей, упоминающих о Восточной Европе, Византии и Востоке. Цель настоящей работы — привлечь внимание историков и лингвистов к этому виду источников по истории древней Руси[11].

Камни с руническими надписями относятся в подавляющем большинстве к концу X—XI в. Это был последний период так называемой «эпохи викингов», поэтому на данном материале нельзя проследить процесс становления связей между Скандинавией и близкими и отдаленными от нее районами Европы и других континентов. Рунические надписи свидетельствуют о сложившихся контактах, проторенных путях, по которым скандинавы отправлялись с торговыми и военными целями. Особенно благоприятный материал для изучения путешествий викингов конца X—XI в. представляют многочисленные шведские рунические надписи. Они тем более ценны, что, как справедливо заметил Ф. А. Браун в записке о подготовке к изданию скандинавских источников по истории древней Руси, только эти рунические надписи (за исключением Гута-саги) являются историческим источником, сохранившимся в Швеции, способным пролить свет на варяго-русские отношения X—XI вв.[12] Несмотря на лаконичность этих надписей в память о людях, погибших на чужбине, они содержат ряд интересных сведений.

В шведских рунических надписях неоднократно встречаются указания на путешествия в восточную часть Балтийского моря: в Эстланд и Вир-

---

[7] *В. А. Брим.* Путь из варяг в греки.— «Известия АН СССР», VII серия. Отделение общественных наук, № 2. Л., 1931, стр. 201–217.

[8] Там же, стр. 209.

[9] Сохранились многочисленные выписки Е. А. Рыдзевской из изданий рунических надписей по большому кругу вопросов (Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 39, № 18, 24).

[10] *Ф. А. Браун.* Шведская руническая надпись, найденная на о. Березань.– «Известия Археологической комиссии», вып. 23. СПб., 1907, стр. 66—75; *T. J. Arne.* Den svenska runstenen från ön Berezanj utanför Dnjeprmynningen.— «Fornvännen», Årgången 9. Stockholm, 1914, s. 44—48 (изложение статьи Ф. А. Брауна); *В. А. Адмони, Т. Сильман.* Предварительное сообщение о рунической надписи из Старой Ладоги.— «Сообщения Государственного Эрмитажа», XI. Л., 1957, стр. 40—43; *В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 году.– «Скандинавский сборник», IV. Таллин, 1959, стр. 19–22; *Н. В. Энговатов.* Находки рунических надписей на территории СССР.— Там же, VI. Таллин, 1963, стр. 229–255; и другие работы.

[11] Мы глубоко признательны И. П. Шаскольскому, В. П. Беркову и М. И. Стеблин-Каменскому, которые ознакомились с этой статьей и высказали свои замечания.

[12] «Известия Академии наук», VI серия, № 1. СПб., 1911, стр. 26–27.

inslav

ланд, в Земгалле, Виндаву, Курланд, Самланд и, наконец, в Финланд [13]. Но значительно чаще упоминаются поездки на восток — austr, austaria, i austruiki. Сложилось даже название пути — «восточный путь» (austrvegr), аналогичное «северному пути» (norðvegr), которое стало позднее названием государства Норвегия. Иногда составитель надписей пояснял: «Торгерд поставил этот камень по Ассуру, брату своей матери. Он погиб на востоке в Греции (austr i krikum)» [14]. В других случаях сообщения о гибели «на востоке» поясняются иначе, например: «Альви приказал поставить этот камень по Арнфасту, своему сыну. Он отправился на Восток на Русь (austr i karþa)» [15]. Понятие «на восток» означало плавание на Русь и далее не только через Русь в Византию, но и в Средиземное море, в Италию. Это наглядно видно из следующей надписи: «Инга поставила этот камень по Олафу, своему наследнику. Он восточный путь пахал форштевнем (своего корабля) [16], и он умер в земле лангобардов (lakbarþi lanti)» [17]. Об этом же свидетельствует Гута-сага, которая в тех же словах разъясняет значение понятия путешествия «на восток»: «До того, как Гутланд принял постоянного епископа, в Гутланд приезжали епископы-пилигримы, ходившие в Иерусалим в святой земле, и оттуда они возвращались домой. В это время дорога, чтобы поехать в Иерусалим, шла на восток по Руси и Греции» [18]. Совершенно очевидно, что здесь идет речь о «пути из варяг в греки», о котором в XI в. писали Адам Бременский и автор географического вступления к Повести временных лет [19]. Таким образом, понятие плавания «на восток» могло означать или путешествие на Русь, или плавание еще дальше — в Грецию и даже в Средиземное море. Через земли русского государства направлялись норманны и на мусульманский Восток — «serkland» [20] — «сарацинскую землю».

К сожалению, в рунических надписях не указывалось конкретное место гибели поминаемого лица, а называлась только страна: Серкланд — «сарацинская земля», Греция (даже Константинополь не упомянут). Русь находилась в несколько лучшем положении. Помимо общих указаний — «на восток», «восточный путь», Гарды (Гардарики исландских саг), трижды упомянут Новгород — Хольмгард, а также указано скандинавское название днепровского порога — Айфур [21]. Киев в рунических надписях не назван. Ненамного дополняет наши знания численный анализ рунических надписей. Подавляющее количество надписей, сообщающих о поездках на восток, Русь, в Византию и Серкланд, находятся в Уппланде и Сёдерманланде (по нашим подсчетам, соответственно 29 и 18). Остальные понемногу разбросаны в областях Вестманланде, Эланде, Готланде, Вестерьётланде, Смоланде, Эстерьётланде. Всего мы насчитали 64 такие надписи (сюда не входят сведения о паломничестве в Иерусалим). К этому числу

---

[13] *В. А. Брим.* Указ. соч., стр. 213—216; *S. B. F. Jansson.* The runes of Sweden. London, 1962, p. 30–35.

[14] *E. Brate.* Östergötlands runinskrifter. Stockholm, 1911, N 81.

[15] *A. Ruprecht.* Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften.— «Palaestra. Untersuchungen aus der deutschen und englischen Philologie und Literaturgeschichte», Bd. 224. Göttingen, 1958, N 145.

[16] Распространенное в рунических надписях выражение для обозначения путешествия водным путем (*S. B. F. Jansson.* The runes of Sweden, p. 130–131).

[17] *E. Brate.* Södermanlands runinskrifter. Stockholm, 1924, N 65.

[18] Перевод В. А. Брима (*В. А. Брим.* Указ. соч., стр. 208).

[19] «Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters», Bd. XI. Berlin, 1961, S. 452; ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 7; *М. Б. Свердлов.* Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв.– «Известия Всесоюзного географического общества», № 6. Л., 1969, стр. 543–544.

[20] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 165, 196.

[21] *Ф. А. Браун.* Днепровский порог в рунической надписи, стр. 271, 273. Если правильно предположение Б. Клейбера, в норвежской рунической надписи названы Витичев и Гард, под которым следует понимать Киев (*B. Kleiber.* Alstadsteinen i lyset av nye utgravninger ved Kiev.— «Viking». Oslo, 1965, s. 61—72), но это слишком гипотетично, чтобы считать его наравне с установленными фактами.

inslav

следует добавить 25 надписей о погибших в походе Ингвара, причем 22 из них также находятся в Уппланде и Сёдерманланде [21a]. Большое количество надписей, посвященных поездкам на восток, в этих областях приводит к мнению, что именно отсюда отправлялась на Русь основная часть варягов [22]. Впрочем, следует иметь в виду, что Уппланд и Сёдерманланд были центром формирующегося шведского государства. Здесь была бо́льшая плотность населения, чем в других областях, и, соответственно, больше обнаружено памятников с руническими надписями. Поэтому сравнительно частые в Уппланде и Сёдерманланде упоминания надписей о путешествиях «на восток», Русь и Византию могут быть объяснены именно указанными выше факторами.

Из шведских рунических надписей можно извлечь определенные сведения о том, кто и с какой целью отправлялся в путешествие на восток. Прежде всего рассмотрим те свидетельства, которые сообщают о Руси.

Некоторые из этих надписей незамысловаты. Они сообщают о смерти поминаемых лиц на Руси или конкретно в Новгороде. На руническом камне из Иннберги (Сёдерманланд) записано: «Тьюдульв, Буи (bui), они воздвигли этот камень по Фарульву, своему отцу. Он умер на востоке в Гардах (han uas antaþ austr i karþum)» [23]. Этот текст аналогичен приведенной выше рунической надписи из Лоддерсты (Уппланд), согласно которой Арнфаст отправился на восток в Гарды (austr i karþa) и его отцу Альви пришлось воздвигать по нему камень. Надпись на камне, найденном в больших руинах церкви в Рюттерне (Ryttern) в Вестманланде, сложнее для понимания, чем предыдущие: «Гудлев поставил шест и эти камни по Слагве, своему сыну. Он умер на востоке в Гардах (?) (austr i karusm)» [24]. Сложность заключается в том, что́ понимать под выражением «i karusm». Т. Арне предположил, что здесь имеется в виду Хорезм [25], однако издатель вестманландских рунических надписей Свен Янссон все же склоняется к прочтению традиционной формулы (austr i Garðum) — «на востоке в Гардах» [26]. Не исключая полностью прочтения «Хорезм» в этой надписи, на наш взгляд, более убедительно мнение Свена Янссона.

Точно указывает место смерти готландца (имя его не сохранилось полностью «... gæir») руническая надпись из Халлфреды (Готланд): «он умер в Хольмгарде (Новгороде)» [27].

Помимо указаний на Русь или Новгород как на место смерти поминаемых лиц, встречаются свидетельства о пребывании на Руси родственников тех, в честь кого сделаны рунические надписи. В этих случаях указания на Русь являются случайными, и поэтому видна особая гордость составителей текста надписи за людей, побывавших в далекой Руси. Так, в надписи на готландском камне (Andre kyrka 4), поставленном в честь Айликны, «доброй женщины», указывается, что ее муж был «i karþum» — «в Гардах» [28]. Еще более показательна в этом отношении надпись из церкви в Гордбю (Эланд): «Хертруд поставила этот камень по своему сыну Смиту (smiþ), добром витязе (drœng goðan). Его брат находится в Гардах (на Руси) (буквально — сидит в Гардах — sitr karþum)» [29]. Как можно заметить, связи между первой и второй частями надписи нет, кроме стремления ее автора увеличить славу умершего «доброго витязя» тем, что его

21a *E. Wessén.* Historiska runinskrifter. Stockholm, 1960, s. 30.
22 *В. А. Брим.* Указ. соч., стр. 209.
23 *E. Brate.* Södermanlands runinskrifter, N 148.
24 *S. B. F. Jansson.* Västmanlands runinskrifter. Stockholm, 1964, N 1–2.
25 *T. J. Arne.* «Austr i karusm» och särklandnamnet.– «Fornvännen», Årgången 42. Stockholm, 1947, s. 290—304.
26 *S. B. F. Jansson.* Västmanlands runinskrifter, s. 8—9.
27 *A. Ruprecht.* Op. cit., N 197.
28 *S. B. F. Jansson, E. Wessén.* Gotlands runinskrifter, I. D. Stockholm, 1962, N 114.
29 *A. Ruprecht.* Op. cit., N 190.

inslav

брат находится на Руси. К сожалению, в надписи не пояснено, с какой целью он там «сидит» — торгует, владеет землей или является дружинником.

В других надписях, если и не названа цель путешествия, то указаны хотя бы обстоятельства гибели. Камень из Эсты (Сёдерманланд) сообщает: «Ингефаст приказал выбить камень по Сигвиду, своему отцу. Он пал в Хольмгарде, капитан корабля, со своим экипажем (han fial i hulmkarþi skaiþaR uisi miþ skibara)» [30]. Погиб ли корабль Сигвида в результате грабительского нападения или вследствие столкновения новгородцев и варягов, надпись не сообщает. Более обстоятельно говорит о гибели капитана корабля шведов надпись из Валлентуны (Уппланд): «Он утонул в море Хольма. Его корабль ушел в глубь, спаслось только трое» [31]. Интерпретацию надписи затрудняет необычное название «море Хольма». Оно ассоциируется с широко распространенным в сагах названием Хольмгард — Новгород и словом «Хольмгардсфари», человек, совершивший путешествие в Новгород. Это позволяет отождествить столь необычное название с озером Ильмень или одним из водоемов (Ладога, например), по которым скандинавские корабли плавали в Новгород. Но не исключены и другие толкования этого названия, которые могут локализовать «море Хольма» вдали от Новгорода и Руси [32].

Новгород упоминается также в надписи на камне, воздвигнутом в честь Спьяльбуда: «Он умер в Хольмгарде в церкви Олафа (an uar tauþr i hulmkarþi i Olafs kriki)» [33]. На эту надпись давно обратили внимание. Она свидетельствует о том, что в последнем десятилетии XI в. (этим временем датируется текст) в Новгороде существовала церковь в честь святого Олафа, родственника Ярослава Мудрого (они были женаты на родных сестрах). В 1029—1030 гг. Олаф находился в Новгороде и перед отправлением обратно в Норвегию оставил у Ярослава своего сына Магнуса на воспитание. После смерти при Стиклястадире в 1030 г. он был канонизирован. Смерть упландца Спьяльбуда (убит или похоронен?) в церкви святого Олафа показывает, что культ этого святого поддерживался скорее всего не русскими, а варягами. Видимо, прав В. А. Брим, который считал эту церковь тесно связанной с варяжским торговым двором [34]. Не ясно только, при каких обстоятельствах умер Спьяльбуд: защищал ли он торговый двор и церковь от нападения извне, пал ли в результате кровавого столкновения между самими скандинавами, или мирно умер и был похоронен в церкви, воздвигнутой в честь норманнского святого.

Из обширной эпитафии на камне из церкви в Туринге (Сёдерманланд) становится ясным общественное положение Торстейна на Руси и обстоятельства его гибели: «Он пал в битве на востоке в Гардах, предводитель войска, лучший из людей на земле» [35]. При отсутствии точной датировки надписи (XI в.) невозможно точно определить, в каком сражении погиб Торстейн, так как скандинавы участвовали в значительной части сражений на Руси в XI в., особенно в первой его половине. Важно также указание на то, что Торстейн был предводителем войска. Может быть, он был предводителем дружины, варяжской или русской, или всего войска вместе с русским ополчением. Во всяком случае, имя Торстейна должно быть поставлено в один ряд с именами таких норманнских предводителей на Руси, как Эймунд, Якун, Рогнвальд, Эйлиф, Харальд и другие (которые мечом служили русским великим князьям и подчас погибали на этой службе).

---

[30] *E. Brate.* Södermanlands runinskrifter, N 171.
[31] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 129.
[32] Ibid., s. 150.
[33] Ibid.. N 131.
[34] *В. А. Брим.* Указ. соч., стр. 228.
[35] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 79.

inslav

Совершенно очевидно, что торговые предприятия и наемная служба скандинавов на Руси преследовали одну цель — личное обогащение. Возможно, кое-кто из норманнов оставался в восточнославянском государстве, но многие стремились вернуться домой и там использовать приобретенные богатства. Об одном из таких разбогатевших на Руси скандинавов сообщает руническая надпись камня из Веды (Уппланд): «Торстейн сделал (этот памятник) по Эринмунду, своему сыну, и он купил этот двор и приобрел (богатство) на востоке в Гардах» [36].

Довольно многочисленны в шведских рунических надписях указания на гибель поминаемых лиц «на востоке». Однако содержание текстов не позволяет уточнить, где именно они были: на Руси или через русские земли они отправлялись дальше в Византию или на мусульманский Восток. Поэтому лица, упомянутые в надписях, можно считать теми, кто побывал на Руси хотя бы и недолго. Как правило, надписи в честь тех, кто погиб «на востоке», не содержат никаких подробностей о поминаемых лицах или обстоятельств их гибели. Лишь некоторые в этом отношении могут представить определенный интерес.

Руническая надпись на камне в Смуле (Вестерьётланд) сообщает об Эсбьёрне и Йоле, которые погибли «в войске на востоке» (если правильно предположение о прочтении неясного «i iþi ustr» как «i liði austr») [37]. Более определенна надпись на камне в Скоенге (Сёдерманланд): «Гнупа приказал поставить этот камень по Гуллеву, своему брату. Он умер на востоке на военной службе (han antaþis austr at þikum)» [38]. В надписи из Фагерлёта сообщается о гибели предводителя дружины в сражении: «Он сражался в битве на востоке до тех пор, пока предводитель должен был пасть (han trau i orustu i austru[i]hi apaa fulks krumr fala orþi)» [39]. Таким образом, когда положение поминаемых лиц проясняется, оказывается, что они были воинами. Сюда же относятся упомянутые выше участники похода Ингвара, которые отправились «на восток» в Серкланд — «сарацинскую землю».

Среди надписей о поминаемых лицах, побывавших на востоке, встречаются упоминания о поездках на запад. На Далюмском камне (Вестерьётланд) записано: «Токи и его братья воздвигли этот камень по своим братьям. Один умер на западе, а другой на востоке (en anar austr)» [40]. Руническая надпись из Уббю (Уппланд) сообщает о человеке, который побывал и на Западе, и на Востоке и, видимо, отовсюду благополучно возвращался под родной кров: «Кэтильфаст воздвиг этот камень по Асгауту, своему отцу, который был на Западе и Востоке (uistr ok ustr)» [41].

Многочисленные упоминания шведских рунических надписей о путешествиях в Грецию также содержат мало сведений о поминаемых лицах. Большей частью в надписях сообщается, что они умерли «austr i grikum» — «на востоке в греках» по аналогии «на востоке в Гардах». Лишь немногие надписи разъясняют цель пребывания норманнов в Византии.

Надпись на камне в Эде (Уппланд) сообщает следующее: «Рогнвальд приказал выбить руны по Фастви, своей матери, дочери Онема. Она умерла в Эде. Бог, помоги ее душе. Рогнвальд приказал выбить руны. Он был в Греции, он был предводителем войска» [42]. Как явствует из текста, основной причиной составления надписи послужила смерть Фастви. Однако гордый Рогнвальд (С. Янссон не без основания считает его представителем

---

[36] Ibid., N 136: þurtsain kiarþif tiR irenmunt sun sin aukaubtiþinsa bu auk aflaþi austr i karþum.
[37] Ibid., N 39.
[38] *E. Brate.* Södermanlands runinskrifter, N 33.
[39] Ibid., N 126.
[40] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 43.
[41] Ibid., N 161.
[42] Ibid., N 174.

inslav

знати) [43] воспользовался случаем прославить свое имя в веках, чтобы все знали о том, что он был в Греции и занимал там видное положение предводителя варяжской гвардии при дворе византийского императора. О большой роли варяжской дружины в XI в. не только в византийском войске, но и при дворе императора много сообщают исландские саги и византийские письменные источники [44]. О тех, кому приходилось сражаться в составе этой дружины, сообщает надпись из Харстада (Эстерьётланд): «Асгёта и Гудмунд воздвигли этот памятник (kuml) по Оддлёге, который жил в Хаддестаде. Он был добрый бонд, умер в Греции (?) (an uar bunti kuþr taþr i kirkium)» [45]. Написание «i kirkium» необычно по сравнению с часто встречающимся «i krikum». Поэтому, оставив некоторую долю сомнений, вслед за издателем эстерьётландских надписей Эриком Брате примем его прочтение «в Греции». И шведская знать, и бонды гибли на греческой службе не только в собственно византийских пределах. В составе войска они отправлялись на завоевание новых земель для императора. Помимо свидетельств византийских и западноевропейских источников, об этом сообщают рунические надписи. Так, упомянутый выше Олаф, который «восточный путь пахал» форштевнем своего корабля, умер в земле лангобардов. О смерти другого викинга, Хольми, в земле лангобардов сообщает камень из Фитьи (Уппланд) [46]. Видимо, в составе варяжской дружины находился и Родфос, которого «предательски убили валахи» [47].

Кроме варягов, находившихся в Византии на военной службе, в рунических надписях упоминаются мореходы, которые отправлялись «в Грецию», вероятно, с торговыми целями. Таким был, видимо, Ингифаст, из заслуг которого в надписи на камне в Уппсале указано только, что он был капитаном корабля и отплыл в Грецию [48]. Более определенна надпись из Ведюксы (Vedyxa) (Уппланд), где Видбьёрн назван путешественником в Грецию (Grikklandsfarir) [49]. В этой связи следует вспомнить, что Рафна из Вика, например, называли путешественником в Новгород (Holmgardsfari), «потому что он постоянно ездил в Хольмгард» [50]. Может быть, и Видбьёрн не ограничился одной торговой поездкой в Константинополь. О таком путешествии сообщается в надписи на камне из Фьюкбю (Fjuckby) (Уппланд), где отец Лют, бывалый мореход, «капитан», сообщает о своем сыне Аки: «Он правил боевым кораблем, он ходил в греческие гавани, умер на родине» [51].

Путешествия в Византию были довольно обычным явлением для Скандинавии, и поскольку они продолжались довольно долго, их приходилось учитывать в местной судебной практике. В этой связи Свен Янссон совершенно справедливо отмечает следующее постановление местного шведского законодательства: «он не может получить никакого наследства, пока остается в Греции» [52]. В то время как некоторых счастливцев по возвращении домой ожидало наследство, многочисленные искатели богатств, воины и купцы своими руками приобретали значительные состояния в Византии.

---

[43] *S. B. F. Jansson.* The runes of Sweden, p. 21, 83.

[44] *В. Г. Василевский.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе.– Труды, т. I. СПб., 1908.

[45] *E. Brate.* Östergötlands runinskrifter, N 94.

[46] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 135.

[47] *S. B. F. Jansson, E. Wessén.* Gotlands runinskrifter, I. D. Stockholm, 1962, N 134. Впрочем, довольно традиционное толкование «blǫkumen» как «валахов» далеко не бесспорно. Например, в саге об Эймунде «blǫkumen» были названы вместе с «тюрками» – печенегами, которых Святополк-Бурислаф готовился повести на Ярослава («Flateyjarbók», Bd. II. Christiania, 1862, s. 126).

[48] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 126: ...maþr sum for til girkha hut sun...

[49] Ibid., N 133: Stniltr (Стейнхильд) lit rita stain þino abtiR uiþbiurn kriþfara.

[50] «Flateyjarbók», Bd. I. Christiania, 1860, s. 130.

[51] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 149: liutr sturimaþr riti stain þinsa aftir sunu sina sa hit akisims uti furs sturþi-nari kuam hn krik hafnir haima tu...

[52] *S. B. F. Jansson.* The runes of Sweden, p. 21.

inslav

Они не только сами становились богатыми людьми, но и могли осчастливить своих наследников. Об этом свидетельствует руническая надпись из Улунды (Уппланд): «Кар велел поставить этот камень по Хорси (?), своему отцу, и Кабби (?), своему родственнику. Он смело ездил, он приобрел богатство в чужих землях в Греции для своего наследника (for hœfila fear aflaði ut i Grikkium arfa sinum») [53]. Видимо, таким путешественникам в Грецию принадлежали довольно крупные клады византийских монет, особенно конца X — первой четверти XI в., которые в большом количестве найдены в Швеции.

Среди надписей о путешествиях скандинавов в Византию также находятся сведения о братьях, которые в поисках счастья и богатства разбрелись по всему свету, где их настигала смерть [54].

Таким образом, шведские рунические надписи конца X — XI в. содержат многочисленные известия о плаваниях скандинавов из различных областей Швеции, прежде всего из Сёдерманланда и Уппланда, на Русь, в Византию и на мусульманский Восток. Социальный состав путешественников не выясняется из надписей с достаточной полнотой. Главным образом упоминаются представители знати или богатые бонды, но это объясняется тем обстоятельством, что именно с данной средой прежде всего связаны рунические надписи [55]. Составители текстов надписей лишь изредка указывали цель путешествий и не всегда ясно в каждом конкретном случае. Вероятно, путешественников манила военная добыча, плата за военную службу и прибыль, полученная в результате торговли. Эти сведения полностью соответствуют данным исландских саг.

Рунические надписи сообщают имена тех шведов, которые отправлялись на Русь в конце X—XI в. или по русским землям отправлялись дальше в Византию и на мусульманский Восток. Вследствие характера источника в надписях содержится минимальное количество известий об исторических событиях, однако их объективность является гарантией того факта, что связи Швеции и прежде всего Руси и Византии в конце X — XI в. были оживленные и прочные.

---

[53] *A. Ruprecht.* Op. cit., N 166.
[54] Ibid., N 60, 130.
[55] *H. A. Koefoed.* The heroic Age in Scandinavia in Light of the danish Inscriptions in the younger Runes.— «Scandinavian Studies», vol. 35, N 2. Allen Press. Lawrence, Kansas, 1963, p. 121.

inslav

О. П. Лихачева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИНОДАЛЬНОГО СПИСКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПОВЕСТИ «СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ»

Синодальный список «Стефанита и Ихнилата» был введен в научный оборот в 1881 г. А. Е. Викторовым [1]. В 1969 г. было осуществлено новое издание памятника [2], в котором этот список также рассматривался как основной. Он является древнейшим списком болгаро-русской редакции и содержит характеристические черты ее. Главные из них: отсутствие конца памятника и притчи о пификах. Эти особенности, в отличие от сербской редакции, представлены во всех русских списках, их 43, и они составляют три группы — Синодальную (в нее входят четыре рукописи: Синодальная XV в., Рогожская XV в., Тихонравовская XVII в. и примыкающая к ним Троицкая XV в. [3]), Гранковскую и Толстовскую [4]. В Синодальном списке, в отличие от сербской редакции и большинства русских рукописей, имеются интерполяции, которые, по-видимому, были внесены в протограф его редактором в виде маргиналий. В Синодальную рукопись они внесены не соответственно основному тексту памятника: часто они прерывают повествование на середине фразы, иногда их смысл не вяжется с повествованием. Они отмечены на полях глоссами «иногосущее». Здесь же мы видим работу второго редактора — интерполяции вычеркнуты. Сличая Синодальный список с другими рукописями этой группы, мы установили, что интерполяции Синодального списка (или следы их) свойственны всей группе, редактирование же — особенность Синодальной рукописи.

Синодальный список (в отличие от других рукописей этой группы) оканчивается припиской: «Некоторым списателем мудраа сия притча не дописана. И уже время, възлюбленне, и ме сладкую отеческих сократити беседу. Бог человеколюбивый да покрыет нас своею благодатию, молитвами святых своих, яко благословен еси в веки. Аминь. А писана сия притча последняго сего ста седмыя тысяща 87-го, октомврия. Триас и агиа, докса си. 3 греческих книг на русский переведено». Приписка распадается на две части (можно считать, что это две приписки): первая (своеобразная концовка оборвавшегося на полуслове текста — «некоторым списателем...») есть во всех рукописях Гранковской и Толстовской групп, вторая — содержащая дату 6987 (1479) г.— в других рукописях отсутствует. Приписка написана другим почерком. Датировать этот почерк очень трудно из-за малого объема текста. По-видимому, надо склониться к началу XVI или самому концу XV в. Несмотря на то что первая часть приписки сделана полууставом, вторая близка к скорописи, некоторые общие начертания букв позволяют допустить, что писал ее один человек.

---

[1] «Стефанит и Ихнилат». Предисловие А. Е. Викторова. Изд. ОЛДП, вып. I, XIV, XXVIII. СПб., 1880, 1881.

[2] «Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII веков». Л., 1969. Серия «Литературные памятники» (далее — «Стефанит и Ихнилат». Л., 1969).

[3] Эта рукопись представляет особую переработку, но ее протограф, несомненно, относился к Синодальной группе. См. об этом в статье Я. С. Лурье ««Стефанит и Ихнилат» в русской литературе XV в.» («Стефанит и Ихнилат». Л., 1969, стр. 182–184).

[4] См. стемму «Стефанит и Ихнилат». Л., 1969, стр. 192.

inslav

Приписка помещена в Синодальном списке на обороте последнего (548) листа. Это последний лист сборника. Текст памятника кончается на лицевой стороне этого листа, причем лист дописан полностью, последние слова приходятся на конец полностью дописанной последней строки[5]. Можно думать, что л. 548 об. был чистым, приписка на нем появилась позднее. Но когда и с какой целью?

Некоторый свет на это проливает Гранковский список XVII в., который в нашей стемме стоит во главе Гранковской версии. В нем содержится обширная приписка с датой 6990 (1482) г.[6] Приписка Гранковской рукописи распадается на пять частей: концовка, приписка с датой, интерполяция о конце света, приписка инока Евсевия и последняя, содержащая зашифрованное цифровой тайнописью имя «Тимофей». Запись эта может принадлежать писцу Гранковского списка, а может быть, составителю Гранковской версии, т. е. была переписана писцом Гранковского списка вместе с памятником и другими приписками. Что касается приписки инока Евсевия, то она противоречит дате 1482 г.— Евсевий сообщает о себе, что он был слугой султана Илдрим Баязита, правившего в 1388—1402 гг. Вероятнее всего, эта приписка была списана писцом протографа Гранковского списка с другого источника — известна, например, приписка Евсевия такого же содержания на Диоптре XIV в.[7]

Обратимся теперь к той части приписки, которая содержит дату.

Приписка Синодальной рукописи	Приписка Гранковской рукописи
«А писана сия притча последняго сего ста седмыя тысяща 87-го, октомврия».	«А писах последняго ста 7 тысяща девятдесятого лета, марта...»

Дата в обеих приписках выражена в своеобразной форме: 6900 — последняя сотня седьмой тысячи. Несомненно, так выразить дату мог человек, живший в последней трети XV в., для которого «седьмая тысяча лет» существенно отличалась от всех других, и переживаемое им последнее столетие этой тысячи, в которое ожидалось светопреставление, должно было быть отмечено. Он «осмысляет» дату, подчеркивает значительность этого времени. По-видимому, найденная им форма показалась очень удачной другим писцам, переписывавшим памятник в это время. Они вос-

---

[5] Было бы соблазнительно думать, что именно в Синодальном списке текст оборвался на словах «венец вземши», и этим объясняется такой конец текста в других русских рукописях. Однако анализ других русских списков показывает, что Синодальный список не является их протографом. Значит, такое окончание листа случайно.

[6] Приводим эту приписку: «Некоторым списателем мудрая сия притча не дописана, но уже время, возлюблене, и мне сладкую отчьских словес сократити беседу. Бог человеколюбивый да покрыет нас своею благодатию, молитвами всех святых, аминь.

А писах последнего ста 7 тысяща девятдесятого лета, марта, со слов.

Поеже седми дньми совръшил мир, и поеж седмьтысущными леты будет кончина, понеже свойственно квасу (так! — ср. Евангелие. Мф. 13.33.— *О. Л.*). В начале бог сы слово во отцы с духом – се есть глава; ноги же (яко и бог сый, паки приидет судия, конец совершая) — еже по нас совершения: на конець бо всего тела суть ноги. И убо главы ради сказовати се – еже бяше, ног же ради – еже будет, а внутренних ради – еже есть присно. О нем же Иванна непщюю рещи: «Сый еже бяше, и грядый, и начало, и среда, и конец» (ср. Откровение Иоанна 8.1 – *О. Л.*).

Се писах аз, последний во иноцех грешный Евсевие, родом сербин, от племени по отцу Николина, по матери же Растисала, и отца имя Борша, а матери Елена, внук юнака севастократора. Во юностех же бех слуга царя турскаго Ильдрим Баазита, бежав же от царя того в Святую гору постригохся.

Аще хощеши уведати имя писавшего се, и то написую ти: пятьдесят равными шестерицами, осморечным да исполни, единощи четыредесятное, седмицею совершеною десятириц почти, к сим же девятое число с пятым присовокупи, четверосу[гу]бъными конец приемлет».

Эта приписка была опубликована владельцем рукописи А. П. Гранковым («Русская литература», 1966, № 1, стр. 200) и рассмотрена в указанной статье Я. С. Лурье («Стефанит и Ихнилат». Л., 1969, стр. 171–177).

[7] Эта приписка опубликована Л. Стояновичем («Стари српски записи и натписи», IV. Београд, 1923, стр. 21). См. о ней в указанной статье Я. С. Лурье «Стефанит и Ихнилат». Л., 1969, стр. 176.

inslav

пользовались ею как образцом, но поставили свои даты — даты своей работы — и внесли свои дополнения. Например, в Гранковской приписке отмечено, что писец писал «со слов». Далее добавлено рассуждение о конце света [8]. По-видимому, приписка протографа не совпадала ни с Синодальной, ни с Гранковской приписками. Так как ни в одной из известных нам рукописей, кроме этих двух, подобной приписки нет, мы можем считать, что она была свойственна или протографу Гранковской рукописи, или какому-то списку, расположенному между протографом Гранковской версии и Гранковским списком. Что касается первой части приписки, концовки «некоторым списателем», которая есть во всех русских списках, то она, по-видимому, была в протографе Гранковской и Толстовской версий (и ее не было в протографе Синодальной), и она, несомненно, была в рукописи, существование которой мы сейчас предположили, содержавшей приписку с датой. Этот список был знаком одному из редакторов (третьему) Синодальной рукописи, который внес из нее в Синодальную рукопись обе приписки. Доказательством работы этого редактора может быть замеченная нами в Синодальном списке правка — сверка по другому списку, а именно, по списку, относящемуся к Гранковской или Толстовской версии [9].

Итак, мы уточняем соотношения рукописей на начальном отрезке стеммы. Гранковская рукопись XVII в. была списана с рукописи XV в., в которой была дана приписка с датой 6990 (1482) г. Эта приписка была составлена по образцу другой, которая была в протографе протографа Гранковского списка. Там была дата не позднее 1479 г. — приписка Синодального списка с датой 6987 (1479) г. была сделана с этой уже существовавшей записи. В протографе же Гранковской и Толстовской версий приписки с датой вообще не было. Ни одна из известных нам дат не является датой составления русских версий. Можно только говорить, что они были составлены не позднее 1479 г., даты третьего редактирования Синодального списка.

---

[8] Эта часть приписки «поеже седми дьми...» и по содержанию, и по стилю подобна некоторым интерполяциям Синодального списка.

[9] См. об этом: «Стефанит и Ихнилат». Л., 1969, стр. 199.

inslav

А. С. Хорошев

«РУЖНАЯ РОСПИСЬ» НОВГОРОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ И ВРЕМЯ ЕЕ СОСТАВЛЕНИЯ

Вопросы экономического положения различных социальных групп Великого Новгорода все чаще освещаются в последнее время в исторической литературе, приводя к обоснованию значительных для истории выводов. Однако еще многие, и иногда коренные, проблемы пока далеки от окончательного своего разрешения. Одним из подобных вопросов, на наш взгляд, является выяснение характера финансирования приходских церквей в республиканском Новгороде. Связь приходских церквей с боярством общеизвестна. Она зафиксирована на страницах летописей, актов и писцовых книг. Однако обращение к источникам позволяет определить существование в Новгороде в республиканский период двух типов финансирования приходских церквей. Данные писцовых книг позволяют установить размер землевладения значительной части приходских церквей. Количество новгородских церквей-землевладельцев — 27 [1]. Причем строителями всех новгородских церквей-землевладельцев являются бояре, земельные пожалования которых отражали заинтересованность строителей в финансовом обеспечении своего «строения». Многочисленные подтверждения земельных пожалований приходским церквам мы можем найти в актовых материалах [2]. Однако в списке новгородских церквей-землевладельцев отсутствует ряд церквей, известных нам по той значительной роли, которую они играли в церковной и политической истории Новгорода. В их числе соборные церкви Успения Богородицы, Иоанна Предтечи на Опоках, Николы на Дворище, строителями которых летописец называет новгородских князей [3]. Разница в социальном составе строителей церквей определяет отличие в материальном обеспечении. Если новгородское боярство предпочитало земельные пожалования постоянной финансовой поддержке церквей, то князь как строитель церкви мог положить этим церквам ругу. Свидетельство подобного материального обеспечения княжеских церквей мы находим в летописном сообщении о размерах контрибуций и конфискаций, наложенных князем на Новгород в печальный для боярской республики 1478 г.: «Да и о попех Ивановских говорили..., чтобы попом ругу отдали, задние годы, что им не дали, да и впредь бы давали ругу» [4].

О том, что это была руга, заслуживавшая специального пункта договора между князем и Новгородом, говорит нам ее размер, известный по «Ружной росписи». Среди руг, жалованных великим князем различным церквам и монастырям, резко выделяется своей величиной руга Иоанно-Предтеченского собора. Церковь ежегодно получала 60 рублей 32 алтына и 4 деньги. Дополнительно в придел Захария на полатех собора шло

---

[1] Рассмотрению церковно-приходского землевладения мы посвящаем специальную статью.

[2] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949, № 250, стр. 262; № 256, стр. 265–266; № 257, стр. 266–267; № 138, стр. 192; № 253, стр. 263–264; № 259, стр. 267; № 323, стр. 309.

[3] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.–Л., 1950, стр. 208: «Полное собрание русских летописей» (далее – ПСРЛ), т. III. СПб., 1841, стр. 122, 214.

[4] ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 186.

inslav

5 рублей 28 алтын и 2 деньги[5]. Для сравнения можно сообщить, что большинство церквей получали ругу, редко превышавшую 4—5 рублей.

Отражение в составе «Ружной росписи» реалий республиканского времени повышает ценность этого источника финансирования церквей и монастырей и объясняет необходимость более точной источниковедческой характеристики памятника.

Издатель «Ружной росписи» считал временем ее составления период между 1577—1589 гг. Эти крайние даты связаны с упоминанием в ее тексте новгородского архиепископа Александра, который был хиротонисан в новгородские святители в 1577 г. В 1589 г. новгородская архиепископия при том же владыке была преобразована в митрополию[6].

Нам представляется возможным датировать документ более точно в пределах периода, указанного Макарием, что осуществляется сопоставлением дат настоятельства игуменов ряда ружных монастырей.

Обращение к спискам иерархов и игуменов, составленным П. М. Строевым, позволяет предположить использование автором данных «Ружной росписи» при составлении настоятельских списков. В игуменских списках П. М. Строева имеется целый ряд лиц, упоминаемых в «Ружной росписи». Устанавливаемое автором время настоятельской деятельности этих игуменов с 1582 г. наводит на мысль об ограничении П. М. Строевым, сравнительно с Макарием, даты «Ружной росписи». Так, время игуменства Маремьяны в Ильинском женском монастыре он определяет временем архиепископства Александра: «Маремиана (при архиеп[ископе] Александре, между 1582—89)»[7]. Еще больше нас убеждает в этом вставка, почти полностью воспроизводящая текст «Ружной росписи» в месте, посвященном Беседному Николаевскому монастырю близ Тихвина. В списке настоятелей этого монастыря после Ионы Мухи, игумена, известного нам по летописи, П. М. Строев помещает следующую вставку: «Между 1582—89: Николаевской старые пустыни, от Тихвина 3 версты, игум[ен] Феодотий. Николаевской новые пустыни, от Тихвина 3 версты, игум[ен] Иона»[8]. Кроме «Ружной росписи», ни один документ ни до его публикации, ни после не сообщает о разделении Беседного Николаевского монастыря на две пустыни и управлении ими отдельными настоятелями. Это подтверждает и список игуменов этого монастыря в последующее время[9].

Подобная вставка сделана и среди настоятелей Александро-Свирско-Троицкой пустыни для игумена Иоасафа, причем время его настоятельства П. М. Строевым не указано, а отнесено просто к периоду святительства Александра 1577—89 гг.[10] Однако игуменство Иоасафа не могло длиться столь долго, так как следующий за ним игумен — Дионисий — впервые упомянут под 1583 г.[11], что свидетельствует об окончании настоятельской деятельности Иоасафа не позже 1583 г. Следовательно, «Ружная роспись», адресующая княжескую ругу Александро-Свирско-Троицкой пустыни игумену Иоасафу, не могла быть составлена позже 1583 г. Предшественник Иоасафа по игуменству — Вениамин — упомянут под 1572 г.[12]; следовательно, около этого времени могла начаться настоятель-

---

[5] *Макарий.* Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при новгородском архиепископе Александре (1577–1589 гг.).– «Временник Общества истории и древностей российских», кн. XXIV, 1856, стр. 32.

[6] Там же; *П. М. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб., 1877, стр. 36.

[7] *П. М. Строев.* Указ. соч., стлб. 110.

[8] Там же, стлб. 94.

[9] Там же.

[10] Там же, стлб. 992.

[11] Там же.

[12] Там же.

inslav

ская деятельность Иоасафа, тем самым оставляя пока неизменным начальный год составления «Ружной росписи», предложенный Макарием,— 1577 г.

Упоминание в «Ружной росписи» игумена Хутынского монастыря Селивестра дает возможность установить начальный год составления памятника. Селивестр не мог быть игуменом ранее 1581 г., так как его предшественник — Дионисий — был в этом году хиротонисан в митрополиты всероссийские [13]. Тем самым и составление «Ружной росписи» не могло быть ранее указанной даты. Следовательно, составление интересующего нас памятника состоялось между 1581 и 1583 гг.

Предложенное нами изменение времени составления «Ружной росписи» дает возможность более точно датировать настоятельство игуменов ряда монастырей и пополнить списки новыми именами. Совершенно очевидно, что этими годами мы должны определять игуменство Варлама в Палеостровском монастыре и Мисаила в Отенском. Если имя Варлам вообще отсутствует в списках П. М. Строева, то Мисаил фигурирует в списках игуменов Отенского монастыря. Он упомянут среди настоятелей 11 февраля 1560 г.[14] Крайняя дата его игуменства не может быть позже августа 1572 г., когда началась настоятельская деятельность Дионисия [15]. Дионисия сменяет Никандр, упомянутый только в 1580 г. [16] Далее в списках П. М. Строева фигурирует Корнилий, игуменство которого началось в 1592 г. [17] Вполне возможно, что между 1580—1592 гг. игуменом Отенского монастыря мог быть неизвестный нам ранее Мисаил, которому адресована великокняжеская руга.

Следует обратить внимание, что «Ружная роспись» адресует великокняжескую ругу конкретным лицам (игуменам, попам, дьякам, дьячкам, проскурницам), названным в документе по именам. Это обстоятельство позволяет предполагать, что «Ружная роспись» являлась не постоянным, а периодически обновлявшимся документом.

---

[13] Там же, стлб. 50.
[14] Там же, стлб. 74.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.

inslav

Э. Тарвел

О ПРИМЕНЕНИИ ЕДИНИЦ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(по материалам истории Эстонии)

В исторической литературе неоднократно указывалось, что земельные меры феодального периода требуют особого специфического подхода в исследовательской работе. В. В. Дорошенко трактует прибалтийскую земельную единицу гак (соху) как некий целый общественно-экономический институт, содержание которого невозможно сколько-нибудь адекватно выразить в метрических единицах [1]. Польский историк-аграрник С. Сренёвский также выступает против узкого метрологического подхода к польскому лану как к строго определенной и единообразной мере земельной площади [2]. А. Я. Гуревич рассматривает земельные меры с точки зрения социальной психологии и подчеркивает (как и В. В. Дорошенко) необходимость различать общественную функцию единиц — прежде всего, является ли мера земельной или фискальной [3].

Подобные наблюдения и указания вполне обоснованны. При изучении каких-либо земельных единиц надо стараться определить все их функции, взаимосвязи и удельный вес каждой в отдельности. Так, по-нашему, главной функцией прибалтийской земельной единицы гака (за исключением податных единиц XVIII—XIX вв. под тем же названием) является именно функция землепользования, а не функция феодального обложения [4]. Изменения номинального гакового числа хозяйства не влекли за собой, как правило, изменений в обложении феодальными повинностями, если не изменился реальный экономический потенциал. Мотивом изменения служило обычно стремление к унификации в масштабе деревни или имения.

Но как объяснить отсутствие прямой функциональной связи между гаком и феодальной рентой? Гак ведь был основой обложения феодальными повинностями. Дело, по-видимому, в том, что определяющей была типология не гака, а конкретного крестьянского хозяйства. Во многих странах понятия земельной единицы и хозяйства более совпадали. В польской исторической литературе, например, когда речь идет о лане, подразумеваются идентичными лан как единица землепользования и обмера, так и как крестьянское хозяйство, надел. Только таким образом, приняв во внимание различную инфраструктуру понятий [5], можно в подобном аспекте гака толковать, например, теорию С. Сренёвского о зависимости величины лана от почвенных условий [6]. Гак ведь не зависит от качества земли, но вполне естественно, что величина сошного хозяйства

---

[1] *А. К. Бирон, В. В. Дорошенко.* Советская историография Латвии. Рига, 1970, стр. 147.

[2] *S. Sreniowski.* Uwagi o lanach w ustroju folwarczno-pańszczyźnianym wsi Polskiej.— «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», 1955, № 2, стр. 302 и сл.

[3] *А. Я. Гуревич.* Социальная психология и история. Источниковедческий аспект.- В кн.: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 408.

[4] *E. Tarvel.* Taluadramaa XVII sajandi teisel poolel.— «Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки», 1969, № 3, стр. 223 и сл.

[5] Ср. *А. Дюпрон.* Язык и история (XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г.). М., 1970, стр. 22.

[6] *S. Sreniowski.* Указ. соч., стр. 317 и сл.

inslav

диспропорциональна качеству земли, так как средняя величина хозяйства, в конце концов, зависела от потребностей воспроизводства крестьянской семьи. Таким же образом можно понять гипотетические теории В. Кулы, что ланы (т. е. наделы) должны быть больше там, где производительные силы развиты слабее, или что в условиях денежной ренты наделы в среднем должны быть больше, а в условиях барщины могут быть меньше [7]. Применять же эти теории в отношении гака как единицы обмера или оценки земли было бы более чем сомнительно. Поэтому следует всегда четко себе представлять, когда мы имеем дело с земельной единицей гаком, когда же с сошным хозяйством, величина которого выражена в гаках. Хозяйство (надел) представляет собой содержание, поземельная единица — форму, органически с ним связанную. Функция обложения была более связана с содержанием, объектом обложения было конкретное хозяйство (надел) и, хотя определение уровня обложения произошло через форму, изменение масштабов формы не повлияло прямо на уровень феодальной эксплуатации.

Весьма уместны и предупреждения избегать узкометрологического подхода к единицам землепользования и обложения. Геометрически-метрологический подход к поземельным единицам, стремление найти в них во что бы то ни стало абстрактные единицы определенной величины и ограничиться определением этой теоретической средней величины было бы неверно с точки зрения методики. В таком случае мы отключились бы от исторической действительности прошлого и применяли бы анахронистические понятия, свойственные более позднему времени, ставя себя под угрозу получить малодостоверные, не совпадающие с реальной экономической жизнью или даже абсурдные результаты. Основы землепользования и обложения надо трактовать как реальные условия землепользования и обложения, исходя из структуры деревни, системы землепользования, из действительной величины и экономического состояния конкретного крестьянского хозяйства, из производительности труда и т. д. При этом нельзя обращать внимание только на абстрактные средние меры, но и на местные колебания и особенности, которые выявляются при изучении аграрной микроструктуры.

Но, с другой стороны, не надо отказываться от определения средней метрологической величины земельных единиц. Названные единицы представляют нам широкие возможности для методического анализа источников аграрной истории. При изучении единиц землепользования большое значение имеет вопрос о так называемых познавательных возможностях этих единиц. Далеко не безразлично, являются ли самоцелью попытки определения принципов учета поземельных единиц, их метрологического определения, связывание их с другими экономическими показателями, или же существуют возможности использовать эти единицы в качестве ключа при осмыслении источников по аграрной истории, например при определении степени эксплуатации или степени обеспеченности землей. В последнем случае единицы землепользования, весьма часто встречаемые в источниках,— разные сохи, рала, гуфы, и т. д.— оказались бы ценным индексом крестьянского хозяйства и надежной основой для сравнения.

В эстонской историографии вплоть до 1960-х годов доминировала тенденция трактовать гак как почти устойчивую во времени и пространстве величину, не принимая во внимание изменения в реальном содержании и величине гака. Так, например, при сравнении крестьянских повинностей в разные времена за основу неоднократно брали лишь гак [8]. Против такой

---

[7] *W. Kula.* Miary i ludzie. Warszawa, 1970, стр. 71 и сл.

[8] См., например: «Eesti majandusajalugu», I. Tartu, 1937, стр. 201, 315 и сл.; «Eesti ajalugu», III. Tartu, 1940, стр. 168 и сл.; «Eesti NSV ajalugu. Kolmes köites», I kd. Tallinn, 1955, стр. 329.

inslav

абсолютизации гака выступили Х. Лиги и И. Сильдмяэ[9]. Такая же тенденция абсолютизации земельной единицы лана, против которой выступил С. Сренёвский, господствует в польской исторической литературе и в советской полонистической литературе[10].

В дальнейшем в эстонской исторической литературе проявилась тенденция отрицать вообще применимость гака в качестве основы сравнения. И. Сильдмяэ вычислил все средние экономические показатели на одного трудоспособного мужчину[11]. Я. Конкс в своих вычислениях тяжести феодальной ренты брал за основу просто человека[12]. Х. Лиги выработал понятие среднего нормального крестьянского хозяйства, которое в последнем своем варианте базируется на повинностях хозяйства[13]. Он подчеркнул, что объектом обложения в Эстонии были не человек или работоспособный мужчина, а крестьянское хозяйство; поэтому и динамику крестьянских повинностей он изучает исходя именно из среднего крестьянского хозяйства.

Тем не менее далеко не решен вопрос о границах применимости гака в аграрно-исторических исследованиях. Весьма трудно при реконструкции экономики XIII—XVI вв. выключить или заменить гак как возникшую в экономической практике основу учета хозяйственных единиц. При оценке применяемости каких-либо единиц в качестве основ сравнения в первую очередь следует иметь в виду общее состояние источников.

В вакенбухах и инвентарях по аграрной истории Эстонии XIV—XVI вв. встречаются два основных показателя — количество гаков крестьянских хозяйств и повинности. Другие данные (высев, количество людей и скота), как правило, отсутствуют. Так как и землепользование, и повинности крестьянских хозяйств распределялись по гакам, то в таких случаях целесообразнее всего исходить из гака, попытавшись сначала определить его количественно — найти по прямым или косвенным данным примерную среднюю величину данной категории гака. По названной причине нет возможности исходить из понятия крестьянского хозяйства (надела), для определения которого никаких данных нет. Если определить среднюю посевную площадь гака, получим абстракцию, которая, с одной стороны, не учитывает колебаний в реальной величине или в экономическом потенциале крестьянского хозяйства, но, с другой стороны, все-таки связана с реально существующими поземельными единицами. Таким образом, эта абстракция в качестве основы сравнения достовернее, чем номинально сравниваемые гаки.

В практике такой метод мной испытан при обработке польских инвентарей из южноэстонских государственных имений конца XVI в. В этих инвентарях подробно описаны повинности, но для экономической характеристики хозяйства они дают только количество гаков, редко и количество рабочего скота. Все калькуляции о сравнительной тяжести крестьянских повинностей можно провести лишь исходя из скон-

---

[9] *H. Ligi.* Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558—1561). Tallinn, 1961, стр. 41 и сл.; *I. Sildmäe.* Feodaalrendi arengu küsimusi Eestimaa põllumajanduses XVIII sajandil.— «Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiuurimisi». Tallinn, 1960, стр. 186.

[10] *S. Sreniowski.* Указ. соч., стр. 300 и сл., 330 и сл.; *W. Kula.* Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, стр. 587, 625 и сл.; ср., например, *Л. В. Разумовская.* Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV века. М.—Л., 1958, стр. 290; *Ю. М. Гроссман.* Сокращение крестьянского землепользования и рост числа малоземельных в западноукраинской деревне второй половины XVII в.– «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 год». Минск, 1964, стр. 172 и сл.

[11] *I. Sildmäe.* Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil. Tartu, 1962, стр. 76 и сл.

[12] *J. Konks.* Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajandus ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. l. aastakümnel. Tartu, 1960, стр. 72 и сл.

[13] *H. Ligi.* Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968, стр. 247 и сл.

inslav

струированной величины гака: 1 польский гак=120 пур высева в трех полях, т. е. примерно 40 га пашни[14]. Иногда в литературе приписывают встречаемым в инвентарях гакам неопределенной категории и без названия посевную площадь величиной около 20 га или величиной около 80 га (т. е. или 30 или 120 бочек высева в трех полях). Если бы авторы, исходя из такой предпосылки, попытались поставить вопрос об относительной тяжести повинностей, степени эксплуатации и общем экономическом положении, то выяснилось бы, что результаты разнятся в несовместимой мере.

Проблема об основах сравнения осложняется начиная с XVII в., когда в источниках регулярно встречаются данные о количестве скота и людей и о высеве. Материалы шведского кадастра конца XVII в.[15] разделяются на картографические материалы и инквизиционные книги, последние в свою очередь — на инвентари и вакенбухи. В вакенбухах, как и прежде, дается количество гаков и повинности. Зато в инвентарях конца XVII в. данных гораздо больше, чем в предыдущих ревизионных протоколах XVI—XVII вв. Отмечено количество заселенных и пустующих гаков, количество людей и всех видов скота (классифицировано по детальной схеме по полу, трудоспособности и возрасту, а люди и по социальному положению — хозяева, их дети, батраки и т. п.), данные о высеве.

Данные инквизиций о количестве скота и людей можно комбинировать с данными карт или описательных книг о площади пашни в квадратных мерах (вместо приблизительных и суммарных данных о высеве в инквизиционных книгах). Названные материалы дают гораздо более полное представление о крестьянском хозяйстве и его экономическом потенциале, чем вакенбухи и инвентари типа XIV—XVI вв. Обнаруживается, насколько разными по своему экономическому потенциалу и величине были гаки в действительности. В связи с этим следует отказаться от гака и найти более гибкую и многообещающую основу сравнения.

В качестве такой основы представляется нам какая-либо модель, типовое хозяйство, все или, возможно, многие экономические показатели которого были бы равными или близкими к средним показателям хозяйств соответствующей гаковой категории, и при этом между собой гармонически связанные. При определении такого типового хозяйства недостаточно сгруппировать крестьянские хозяйства по одному лишь показателю (например, количество гаков, количество барщинных дней, количество упряжек). Обычно такими группировками пользуются в исторической литературе[16].

Следует сгруппировать хозяйства одновременно по нескольким показателям (гаки, упряжки, трудоспособные люди, высев и т. д.), и в каждой группировке избрать количественно доминирующую подгруппу. При соединении этих доминирующих подгрупп получим типовое крестьянское хозяйство данного района. Так как основные экономические показатели крестьянского хозяйства связаны между собой, то полученное типовое хозяйство хотя и абстракция, но недалеко от реальности, совпадает с частью реально существующих в источнике крестьянских хозяйств.

В практике можно упростить поставленную задачу. Не всегда нужно группировать хозяйства по всем показателям. Достаточно сгруппировать их только по одному, главному показателю, т. е. по количеству гаков. Потом лишь в количественно доминирующей группе производим группи-

[14] *Э. Тарвел.* Фольварк, пан и подданный. Таллин, 1964, стр. 266 и сл.

[15] ЦГИА ЭССР, ф. 1 (Эстляндский генерал-губернатор шведского периода); ЦГАДА, ф. 274 (Камер-контора Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел), д. 1614.

[16] Так и Х. Лиги при группировке хозяйств по повинностям исходит в действительности лишь из числа гаков, так как повинности были пропорциональны количеству гаков. Других экономических показателей он не учитывает (*H. Ligi.* Talupoegade koormised, стр. 249 и сл.; *Х. М. Лиги.* Феодальные повинности эстонских крестьян (до начала XIX в.) (ротапринт). Таллин, 1968, стр. 152 и сл.).

inslav

ровку по всем другим показателям (высев, количество скота и др.) и соединяем данные доминирующих подгрупп в типовое хозяйство.

Полученное таким образом типовое хозяйство вполне пригодно для сопоставления с типовым хозяйством другого периода и другой территории, сконструированным таким же способом. Следует только предварительно проверить, являются ли оба типовых хозяйства равными друг другу. В противном случае мы должны количественно доминирующую гаковую группу заменить другой группой, более близкой по своим показателям другому сравниваемому хозяйству.

Объясним сказанное при помощи конкретного примера. На территории Вастселийнаского староства в юго-восточной Эстонии в 1638 г. было 113 сошных хозяйств, среди которых доминировали полугаковые хозяйства — 68 (60,2%) [17]. Экономические показатели этих полугаковых хозяйств приведены в табл. 1.

Таблица 1

Экономические показатели полугаковых хозяйств Вастселийнаского староства в 1638 г.

	Высев в бочках			Упряжек	Коров	Трудоспособных мужчин
	ржи	ячменя	овса			
Наибольшее число	5	4	5	3	6	3
Наименьшее число	$1^1/_2$	1	$1^1/_2$	1	1	1
Среднее арифметическое	2,60	1,83	2,35	1,91	2,69	2,07
Мода	3	$1^1/_2$	2	2	3	2
Частота моды (в %)	45,5	35,3	52,9	88,2	50,0	60,3
За среднее считаем	$2^1/_2$—3	$1^1/_2$—2	2—$2^1/_2$	2	3	2

За типовое хозяйство Вастселийнаского староства считаем, следовательно, крестьянское хозяйство в $^1/_2$ гака с 2 упряжками, 3 коровами и 2 работоспособными мужчинами, в котором высевалось $2^1/_2$—3 бочки ржи, $1^1/_2$ — 2 бочки ячменя и 2 — $2^1/_2$ бочки овса. Реально существовало 7 таких хозяйств (6,2% от общего количества). Однако, если облегчить требование — исходя из факта, что упряжки и высев были главными экономическими показателями,— получим типовое хозяйство в $^1/_2$ гака с 2 упряжками, с 2—3 трудоспособными мужчинами и 2—4 коровами, с высевом $2^1/_2$ — 3 ржи и $3^1/_2$ — 4 бочки яровых. Таких хозяйств было уже 21 (18,6%).

Предположим, что нас интересует сравнение повинностей вастселийнаских крестьян с повинностями крестьян имения Ягала из северной Эстонии в 1686 г. [18] Сконструируем и в Ягала типовое хозяйство — в 1 гак. Хозяйства такой величины (всего 28) доминировали в 50%. В типовом хозяйстве в 1 гак было (см. табл. 2) 4—5 упряжек, 2—3 коровы, 3—4 мужчины и 15—20 тоннштелей запашки. Таких конкретных хозяйств было 6 (10,7%), если не учесть количества мужчин, среди которых нельзя различать трудоспособных, получим 10 типовых хозяйств — уже 17,9% от общего количества.

1 тоннштель равняется примерно 0,8 бочки высева, 15—20 тоннштелей, следовательно, равняется 12—16 бочкам высева. Сопоставляя вастселийнаское и ягалаское типовые хозяйства (см. табл. 3), видим, что последнее было значительно больше по основным экономическим показателям. Следовательно, вастселийнаское и ягалаское типовые хозяйства не применяемы как основа сравнения тяжести феодальной ренты.

[17] «Liivimaa 1638. a. maarevisjon. Eesti asustusala I. Kaguosa».– «ENSV Riigi Keskarhiivi Tartu osakonna Toimetised», № 1 (7). Tartu, 1941, стр. 162.
[18] ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 940, л. 170 и сл.; д. С III-8, С V-24.

inslav

Таблица 2

Экономические показатели гаковых хозяйств в имении Ягала в 1686 г.

	Запашки в тонштелях	Упряжек	Коров	Мужчин
Наибольшее число	30	7	4	6
Наименьшее число	10	0	0	1
Среднее арифметическое	18,53	3,67	2,52	3,22
Мода	15—20	5	3 и 2	4
Частота моды (в %)	60,7	25,0	28,6	32,1
За среднее считаем	15—20	4—5	2—3	3—4

Таблица 3

Экономические показатели типовых хозяйств

Показатели	Вастселийна в 1638 г.	Ягала в 1686 г.
Гаки	1/2	2
Высев (на двух полях) в бочках	5 1/2—7	8—11
Упряжки	2	4—5
Коровы	3	2—3
Трудоспособные мужчины	2	1—3

Таблица 4

Экономические показатели полугаковых хозяйств в имении Ягала в 1686 г.

	Запашки в тонштелях	Упряжек	Коров	Мужчин
Наибольшее число	15	3	3	4
Наименьшее число	6 1/2	1	0	2
Среднее арифметическое	11,45	1,7	1,5	2,5
Мода	10—15	2	2	2
Частота моды (в %)	70,0	60,0	40,0	60,0
За среднее считаем	10—15	2	2	2

Мы можем выделять не только одну, но две-три группы хозяйств. В положении крайней пестроты категорий наделов это вполне возможно и желательно [19]. Выбираем какие-либо иные категории хозяйств — из Ягала 10 полугаковых хозяйств (см. табл. 4), которые имеют в среднем по 2 упряжки, 2 коровы и двое мужчин и 10—15 тонштелей запашки. Эти хозяйства по всем показателям (за исключением, пожалуй, коров) прекрасно совпадают с вастселийнаским типовым хозяйством (см. табл. 5), и они, без сомнения, между собой сравнимы.

[19] В практике, как правило, доминировали две категории крестьянских хозяйств — полные наделы и полунаделы, первые в два раза крупнее вторых (*H. Ligi.* Talupoegade koormised, стр. 141).

inslav

Так как в Ягала в 1686 г. держатель полугакового хозяйства отрабатывал в неделю 6 дней с упряжкой и 3 пеших дня и платил 2 бочки ржи, 2 бочки ячменя и $^1/_2$ бочки овса, а в Вастселийна в 1638 г. отрабатывал 3 дня в неделю и платил соответственно 2, 2 и 2 бочки, можем заключить, что феодальные повинности ягаласких крестьян за счет барщины были значительно тяжелее.

Таблица 5

Экономические показатели сравниваемых хозяйств

Показатели	Вастселийна в 1638 г.	Ягала в 1686 г.
Гаки	$^1/_2$	$^1/_2$
Высев (на двух полях) в бочках	$5^1/_2$—7	$5^1/_2$—8
Упряжки	2	2
Коровы	3	2
Трудоспособные мужчины	2	1—2

Таблица 6

Экономические показатели 47 крестьянских хозяйств имения Ягала

Показатели	Знак	Встречается в границах	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
Гаки	y	0,25—2	0,95	0,41
Старопахотные поля (в тоннштелях)	x_1	.0—36	17,70	7,07
«Бушланд» (в тоннштелях)	x_2	0—24	0,80	3,60
Пустоши (в тоннштелях)	x_7	0—20	1,72	4,09
Сенокосы (в возах сена)	x_3	10—90	29,72	14,15
Мужчины	x_4	1—6	3,26	1,29
Упряжки	x_5	0—7	3,18	1,69
Коровы	x_6	0—4	2,17	1,32

По такому элементарному, но надежному способу производим сравнение. Подобное сравнение вполне применимо не только на узкой географически ограниченной территории, но и при сопоставлении повинностей и степени эксплуатации крестьян разных стран. Такие вопросы ставятся часто и представляют определенный теоретический интерес. Необходимой предпосылкой для решения такой задачи является то, чтобы в источниках (в вакенбухах, инвентарях, урбариях, ревизиях, люстрациях и т. п.) встречались сравниваемые данные в расчете на одно крестьянское хозяйство: количество трудоспособных людей, рабочего скота, коров, высева (выраженное в мерах сыпучих тел, редуцируемых на современные единицы измерения) — или хотя бы на некоторые из них.

Однако статистические методы позволяют идти значительно глубже в изучении связей между экономическими показателями крестьянского хозяйства. При изучении этих связей можем использовать корреляционный и регрессивный анализ.

Мы производили 5 опытов (по 358 крестьянским хозяйствам) по материалам инквизиции 1686 г. и ревизии 1627 г. Для обработки данных мы применили электронную вычислительную машину «Минск-22» Вычислительного центра Института кибернетики АН ЭССР. Приводим в качестве примера только один опыт — снова Ягала с 1686 г. Экономические по-

inslav

Таблица 7

Корреляционная матрица экономических показателей крестьянских хозяйств имения Ягала

x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	y	
−0,33	0,33	0,08	0,45	0,45	−0,25	0,64	x_1
	0,21	−0,16	−0,06	−0,04	−0,02	−0,21	x_2
		0,15	0,33	0,33	0,55	0,24	x_3
			0,23	0,28	0,22	0,20	x_4
				0,84	−0,06	0,66	x_5
					−0,04	0,56	x_6
						0,01	x_7

Оптимальное регрессивное уравнение по имению Ягала

Уравнение 1

$$y = 0{,}083 + 0{,}044x_1 + 0{,}022x_2 - 0{,}014x_3 + 0{,}129x_5 + 0{,}051x_7$$

Уравнение 2

$$y = 0{,}083 + (0{,}044 \pm 0{,}017)x_1 + (0{,}022 \pm 0{,}027)x_2 - (0{,}014 \pm \pm 0{,}010)x_3 + (0{,}129 \pm 0{,}049)x_5 + (0{,}051 \pm 0{,}030)x_7$$

казатели приведены в табл. 6, корреляционная матрица для характеристики корреляционных связей между показателями — в табл. 7.

Приняв за уровень достоверности 0,95, найдем, что существенными являются корреляционные связи, начиная с 0,25 [20], т. е. почти все найденные связи, за исключением связей между бушландом, количеством мужчин, пустошей и всеми остальными показателями, также и между гаком и сенокосами. Сильные корреляционные связи между количеством мужчин и коров ($r=0{,}28$) и между размером пустошей и сенокосов ($r=0{,}55$) необъяснимы. Слабые корреляционные связи между количеством мужчин и всеми другими показателями объясняются тем, что в источнике среди мужчин учтены и мальчики. Однако в целом большинство корреляционных связей весьма сильно.

В дальнейшем ЭВМ вычислила линеарные регрессивные уравнения для характеристики крестьянского хозяйства данного имения. Выбрали среди них оптимальное по остаточной варьированности (см. уравнение 1). Остаточная варьированность была 0,2474 и коэффициент множественной корреляции (R) 0,82. R^2 равнялся, следовательно, 0,68, и можно сказать, что колебаниями основных экономических показателей крестьянского хозяйства ($x_{1...7}$) объясняется 68% от колебаний величины гака. Полученное уравнение можно считать удовлетворительным.

Такое регрессивное уравнение можно назвать математической моделью среднего крестьянского хозяйства данного имения. Такие уравнения характеризуют лишь один определенный момент, содержат мало показателей, но тем не менее являются между собой сравнимыми и дают хорошее количественное представление о крестьянском хозяйстве [21]. Оно характеризует количественные связи, существующие между отдельными показателями и всегда учитываемые в хозяйственной практике. Например, в 1346 г. в северной Эстонии гак должен был быть обеспечен по меньшей мере двумя упряжками [22], по крестьянскому закону 1816 г. там же в так называемый железный инвентарь полугакового хозяйства входило не менее трех упряжек [23].

---

[20] *Д. Б. Оуэн.* Сборник статистических таблиц. М., 1966, стр. 510.

[21] Ср. *C. B. H. Slicher van Bath.* Theorie en praktijk is de economische en sociale geschiedenis.— «A. A. G. Bijdragen 14». Wageningen, 1967, стр. 151.

[22] «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten». Hrsg. von Fr. G. v. Bunge, Bd. II. Reval, 1855, № 846.

[23] «Eestimaa Tallorahva Seadmissed». Tallinn, 1816, § 232.

inslav

ЭВМ выбирает из всех вводных факторов существеннейшие, которые больше всего влияют на величину выбранного выхода. В данном опыте, например, в оптимальном уравнении не учтены мужчины и коровы, но вполне возможно, что они косвенным образом учтены в коэффициенте упряжек, который значительно изменяется в разных вариантах уравнения, причем все остальные коэффициенты остаются практически неизменными.

Полученное оптимальное уравнение, разумеется, не характеризует явление в точности. Используя t — критерий Стьюдента, найдем доверительные интервалы для коэффициентов уравнения при уровне достоверности 0,95. Уравнение принимает новую форму (см. уравнение 2). В удовлетворяющих нас границах (стандартное отклонение не выше 50% от коэффициента) остаются самые основные показатели — гаки и упряжки. Эксперименты показывают, что в практике мы можем довольствоваться средним приближением уравнения, не принимая в учет отклонений.

Теперь мы подошли к любопытнейшему из вопросов, связанных с полученными уравнениями. Недостаточно получить общую характеристику хозяйства и поземельной единицы данной области, надо узнать, применимы ли эти уравнения в отдельных случаях, можно ли решить уравнение, например, для получения величины одного конкретного хозяйства в гаках, если все другие показатели известны. Конечно, можно считать это уже лишним. От статистики нельзя требовать точных до единичного факта чисел, забывать, что степень достигаемой точности определена уже самым объектом исследования[24]. Тем не менее можно попробовать (см. табл. 8).

В таблице приведены 12 решений. В нижней группе выбраны такие хозяйства, в которых число гаков, вычисленное по уравнению, наиболее

Таблица 8

Количество гаков некоторых крестьянских хозяйств имения Ягала, вычисленное по уравнению

Экономические показатели												y
старопахотных полей		бушланда		пустошей		сенокосов		упряжек		гаков		
a	M	a	M	a	M	a	M	a	M	a	M	
9	17,7	0	0,8	0,5	1,7	10	29,7	1	3,2	0,5	0,9	0,49
19,5	17,7	0	0,8	0	1,7	30	29,7	1,5	3,2	0,75	0,9	0,72
18	17,7	0	0,8	0	1,7	24	29,7	4	3,2	1	0,9	1,10
20	17,7	0	0,8	0	1,7	45	29,7	5	3,2	1	0,9	0,98
27	17,7	0	0,8	1,5	1,7	30	29,7	5	3,2	1,5	0,9	1,57
36	17,7	0	0,8	2	1,7	40	29,7	5	3,2	2	0,9	1,85
15	17,7	0	0,8	0	1,7	16	29,7	2	3,2	0,5	0,9	0,78
19	17,7	1	0,8	2,5	1,7	45	29,7	2	3,2	0,5	0,9	0,70
15,5	17,7	0	0,8	0	1,7	24	29,7	1,5	3,2	1	0,9	0,62
13	17,7	0	0,8	2,5	1,7	24	29,7	2	3,2	1	0,9	0,71
20	17,7	2,5	0,8	4	1,7	40	29,7	6	3,2	2	0,9	1,40
36	17,7	0	0,8	0	1,7	48	29,7	5	3,2	2	0,9	1,64

a — в данном конкретном крестьянском хозяйстве.
M — среднее арифметическое с расчета на 1 крестьянское хозяйство (в масштабе имения).
y — число гаков данного хозяйства, вычисленное по уравнению 1.

[24] *W. Kula.* Problemy i metody historii gospodarczej, стр. 404.

inslav

отклоняется от действительных величин. Можно ошибаться уже на $^1/_4$ гака при определении количества гаков данного единичного хозяйства. Действует вполне ожидаемая закономерность — чем ближе экономические показатели данного хозяйства к средним показателям всего имения, тем ближе оказывается вычисленное по уравнению число гаков к действительному числу. В большинстве случаев можем узнать и определить по уравнению действительную гаковую величину.

Если средние показатели каких-либо территорий близки между собой, можно регрессивное уравнение одной территории применять даже для определения действительных величин по другой территории.

При помощи регрессивных уравнений можно даже корригировать число гаков хозяйства, т. е. можно найти такое уравнение, определенное по которому количество гаков лучше гармонирует со всеми экономическими показателями, чем число гаков, в свое время практически применяемое и определенное весьма приблизительно.

Следует сказать, что полученные уравнения нельзя путем преобразования решить в отношении всех других неизвестных, кроме выхода. Так как мы имеем дело не с действительными функциями, а с приближениями, где для всех коэффициентов поданы интервалы достоверности, то преобразование теоретически недопустимо и практически невозможно.

Ни корреляционный, ни регрессивный анализ не представляют новости для математической статистики или для практического применения, хотя бы в экономических науках. И в советской исторической науке оба неоднократно находили успешное применение — упомянем труды И. Д. Ковальченко[25]. Однако в таком плане, для создания математической модели крестьянского хозяйства и для характеристики поземельных единиц, их не использовали. Лишь Ю. Ю. Кахк указал на применимость регрессивных уравнений для вычисления неизвестных величин на базе известных[26].

Аналогична методика корреляционного и регрессивного анализа, применяемая, очевидно, при изучении единиц землепользования и обложения всех стран, если только в источниках приведены соответствующие данные.

Регрессивный анализ и моделирование представляют историкам, несомненно, дальнейшие возможности для углубления исторических исследований. Модель крестьянского хозяйства мы можем через феодальную ренту (прежде всего барщину) и мызные поля связать с моделью мызного хозяйства, если такую сконструировать; мызное хозяйство, в свою очередь — с рыночными отношениями, как на внутреннем, так и на международном рынке и т. д. В конце концов мы могли бы построить функционирующую математическую модель феодальной хозяйственной системы. Разумеется, мысли эти утопичны из-за скудости количественно измеряемых показателей в источниках. Тем не менее попытки в этом направлении заслуживают внимания.

---

[25] *И. Д. Ковальченко.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, стр. 309 и сл.; *он же.* О применении математических методов при анализе историко-статистических данных.– «История СССР», 1964, № 1, стр. 14 и сл.

[26] *Ю. Кахк.* Применение электронных вычислительных машин в исследованиях историков Эстонской ССР.– «История СССР», 1964, № 4, стр. 27.

inslav

М. Ф. Прохоров

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СВОДНЫХ ТАБЛИЦ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН РОССИИ 1760—1773 ГГ.

(по материалам фондов местных учреждений Московской губернии)

В современной советской исторической науке все большее внимание уделяется вопросам методики статистического анализа крестьянского движения[1]. Наряду со скрупулезным и тщательным сбором документальных материалов не менее важную роль играет вопрос о путях обработки сведений, извлеченных из архивных фондов. Как показал опыт историков, изучающих крестьянское движение XIX в., наиболее удобным является составление «хроник» и сводных таблиц, дающих оптимальную информацию, с кратким изложением фактического материала о том или ином крестьянском выступлении. В отличие от «хроник» описательные статьи сводных таблиц более полно раскрывают содержание крестьянских выступлений.

Автор данной статьи попытался суммировать имеющийся в некоторых фондах ЦГАДА материал о выступлениях помещичьих крестьян за 1760 — начало 70-х годов в виде такой сводной таблицы.

В настоящей работе объектом нашего рассмотрения явились фонды местных учреждений (губернской, воеводских и провинциальных канцелярий) Московской губернии, хранящиеся в ЦГАДА. Источники из указанных фондов почти не привлекались в исследованиях. В свою очередь борьба помещичьих крестьян Московской губернии также не послужила предметом специального изучения. В исторической литературе имеются далеко не полные, фрагментарные сведения о классовой борьбе крепостного крестьянства указанного района[2]. Что касается научно-справочного аппарата исследуемых фондов, то он представлен описями, составленными еще в XIX в. Самым серьезным недостатком дореволюционных описей по этим фондам является то, что в них нередко замалчивается или завуалированно отражено основное содержание дел, особенно связанных с борьбой народных масс. Это обстоятельство требует пристального внимания исследователя. В так называемых «сборных описях» содержится материал из различных фондов, что затрудняет также поиск необходимых сведений. Поскольку фонды местных учреждений представлены ценнейшими источниками по социально-экономической истории России XVIII в., необходимость улучшения справочного аппарата давно назрела. В настоящее время в ЦГАДА проводится значительная работа по усовершенствованию научно-справочного аппарата. Видимо, одним из доступных путей для улучшения качества описей фондов местных учреждений является не только снятие с них машинописных копий, но и предварительная их переработка.

---

[1] См., например: *Б. Г. Литвак.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967; «Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М., 1971 (в частности, Н. Н. Лещенко и др.).

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. XIII. М., 1965, стр. 22; кн. XIV. М., 1965, стр. 56; *В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, изд. 1. СПб., 1881, стр. 351–359, 365, 367, 371–373; *В. В. Мавродин.* Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева, т. I. Л., 1961, стр. 380—384; и др.

inslav

Материалы по истории классовой борьбы помещичьих крестьян в указанных фондах представлены разнообразными документами: челобитными помещиков, инструкциями командам, посланным на подавление волнений, рапортами офицеров о ходе событий, «допросными речами» арестованных крестьян, доношениями местных властей в центральные органы о происходящих волнениях, указами о наказании и пр. Материалы исследуемых фондов содержат более конкретные сведения по сравнению с документами из фондов высших учреждений (Сенат, Юстиц-коллегия и пр.), так как при прохождении судебно-следственных дел по инстанциям масса подробностей и фактов «поглощается» и бесследно исчезает.

Сведения, извлеченные нами из указанных фондов, были суммированы и сгруппированы по описательным статьям в сводной таблице (см. Приложение), где в краткой форме излагается содержание крестьянских выступлений в Московской губернии за 1760—1773 гг. В основу составления этой таблицы положены принципы, нашедшие впервые применение в указанной выше работе Б. Г. Литвака, естественно, с некоторыми изменениями и уточнениями [3].

Так, в понятие «выступление» в таблице не включались такие отдельные формы борьбы крестьянства, как подача челобитных, единичные факты убийства помещиков и представителей вотчинной администрации, поджоги имений, потравы, покосы и пр. В перечне приводятся более сложные выступления (сочетающие несколько форм борьбы), связанные с отказом от исполнения помещичьих и государственных повинностей, неподчинение владельцам и властям, сопротивление военным командам и т. д. Причем в таблице фиксировались лишь те выступления, в которых принимало участие не менее 10 человек [4].

Описательные статьи таблицы по их содержанию следует подразделить на три группы:

I. Географические и хронологические данные (уезд, селение и фамилия помещика, а также крайние даты волнений). Особая трудность возникала при определении крайних дат события. В ряде случаев в документах точно указывались начальный и завершающий этапы волнения. Однако нередко материал не давал возможности уточнить дату, в связи с чем за основу бралась дата документа.

II. Описание выступления (изложение фактов, конкретный повод, признаки организованности и исход). Эти описательные статьи являются основными, так как здесь излагается непосредственный ход выступлений. Причем главное внимание уделялось наиболее существенным фактам, связанным с действиями крестьян (их требования, «неповиновение» владельцу или властям и пр.) и антикрестьянских сил (ввод военных команд, жалобы помещиков и пр.).

III. Поисковые данные (место хранения, номер фонда, название фонда, номер описи и дел).

К сожалению, материалы исследуемых источников не всегда давали возможность определить все перипетии того или иного выступления. В связи с этим в анализируемых фондах, например, не были обнаружены сведения об известных в литературе волнениях крестьян в имениях помещиков В. Ф. Шереметева, В. Ф. Мещерского, И. М. Кольцова-Масальского и др. [5] Тем не менее это не умаляет ценности сведений,

---

[3] *Б. Г. Литвак.* Указ. соч., стр. 30–33, 41–42, 81–113.

[4] Учет крестьянских выступлений с количеством не менее 10 человек был положен в основу составителями многотомного издания документов «Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в.» (см., например, «Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.» М., 1959, стр. 29).

[5] Более подробно см.: *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 380–381, 384; *М. Ф. Прохоров.* Документальные материалы фондов московских департаментов Сената по истории классовой борьбы в 1760—1773 гг.— «Советские архивы», 1971, № 6, стр. 59—61; и др.

inslav

Приложение

Сводная таблица

*выступлений помещичьих крестьян Московской губернии в 1760—1773 гг.**

№№ п/п	Уезд, селение, фамилия помещика	Крайние даты	Описание выступления				Место хранения и шифр дел
			изложение фактов	конкретный повод	признаки организованности	исход	
1	У. Пошехонский. дд. Павлово, Хвощевика (Г. И. Рахманинов)	Апрель 1761 — февраль 1763 г.	Неповиновение крестьян (115) помещику: отказались платить оброк и подавать ревизские сказки, написали челобитную о «приписке» их к казенному ведомству, оказали упорное сопротивление военной команде	Крестьяне «считали себя» дворцовыми	«Единогласие» всех крестьян	4 крестьянина наказаны плетьми	ф. 557, Пошехонская воеводская канцелярия, оп. 1, № 1873
2	У. Пошехонский, дд. Поддубная. Шаховка (Г. Ф. Андреев)	Весна 1761 — (15 октября) 1761 г.	Отказ крестьян (29) признавать своего помещика: «на всякие работы не ходят и оброк не платят». Сельский мир самовольно сменил старосту. Крестьяне неоднократно сопротивлялись посланным для их «усмирения» военным командам	Передача имения новому владельцу	«Всеобще собой чинили ослушание»	Имение продано помещице А. Г. Сояновой	ф. 557, оп. 1, № 1765
3—4	У. Пошехонский, с. Муравьево, дд. Старое Замошье, Шипово и др. (А. П. Чертовицын и С. Т. Поляков)	Май 1761 — (октябрь) 1761 г.	Неповиновение крестьян помещикам: отказались обрабатывать землю помещиков. Неповинующимся оказали помощь крестьяне помещиков А. В. Ермолаева, П. А. Шаркова, И. Красильникова, Д. Овчинникова. Написали челобитную с требованием об «отписке» их от владельцев	Обременение крестьян непосильными поборами	—	Введена военная команда	ф. 400. Московская губ. канцелярия, оп. 2, № 12431
5	У. Пошехонский, д. Исаково (М. П. Телякова)	26 ноября — 29 ноября 1762 г.	Неповиновение крестьян (12) помещице, ими оказано сопротивление военной команде	«Подстрекательство» помещика Г. Я. Травина, претендующего на это имение	—	5 крестьян наказаны плетьми	ф. 557, оп. 1. № 1897
6	У. Пошехонский, дд. Луковница, Княжино (Д. Балашова)	26 июля 1763 г. — (22 августа) 1763 г.	Крестьяне (29) требовали «отписку» в казенное ведомство	Обременение крестьян непосильными поборами	Крестьяне «упрямством своим взять себя не дали» военной команде	Введена военная команда	ф. 557, оп. 1, № 2056
7	У. Пошехонский, д. Музге (Игренев)	1763 — начало 1766 г.	Отказ крестьян (10) исполнять повинности и находиться в подчинении у нового помещика, требовали перевода в казенное ведомство. Для «увещания» и уговоров крестьян выезжал пошехонский воевода	Слух о том, что «якобы они помещику не крепки, а будут государевы»	—	Крестьяне обязались «быть в послушании»	ф. 557, оп. 1. № 2088

8	У. Пошехонский, с. Ильинское (А. К. Жигарев)	Июль 1765 — август 1768 г.	Отказ крестьян (30) исполнять повинности новому помещику, требовали своего возвращения к прежнему владельцу. Крепостные помещиков И. Чичагова, М. П. Ушакова и др. отказались предоставлять понятых, «укрывали» неповинующихся. Неоднократно посылались военные команды	Обременение крестьян непосильными поборами и работами	—	Несколько крестьян наказаны плетьми, двое сосланы в Сибирь	ф. 557, оп. 1, № 1929, 3324
9	У. Пошехонский, д. Кергуя (Рейцештейн)	8 ноября 1768 — (июнь) 1769 г.	Непослушание крестьян помещице: отказались платить оброк и выполнять барщину, убили ее мужа; часть находилась «в бегах»	Жестокие наказания и издевательства над крестьянами	—	—	ф. 455, Ярославская провинц. канцелярия, оп. 2, № 56
10	У. Пошехонский, д. Савино (Т. М. Попова)	Февраль 1769 г.	Непослушание крестьян помещице; отказались предоставить рекрутов, избили ее и «разбежались»	—	—	Послана военная команда	ф. 557, оп. 1, № 2456
11	У. Каширский, с. Колтово (М. Г. Извольская)	5 сентября 1760 — (март) 1761 г.	Непослушание крестьян и дворовых людей (300) помещице. Вооружившись, они напали на помещичий дом, «разорили» скотный двор и ткацкие избы. На «усмирение» их неоднократно посылались военные команды	—	—	—	ф. 502, Каширская воеводская канцелярия, оп. 2. № 217
12	У. Каширский, с. Ивановское, дд. Сидоровка, Восемская и др. (Ф. П. Барк-Полев)	1761 г. — ноябрь 1762 г.	Волнение крестьян (953) против помещика: отказались исполнять владельческие повинности, арестовали приказчика, написали челобитную с требованием перевода в казенное ведомство. Послана военная команда	Обременение крестьян непосильными поборами, а также слух «об отписке» крепостных от помещиков	«Единогласие» всех крестьян	Крестьяне обязались «быть в повиновении» у помещика	ф. 502, оп. 2, № 800
13	У. Каширский, с. Глубокое (У. А. Маслова)	Февраль 1765 г.	Неповиновение крестьян помещице: отказались исполнять повинности и платить оброк	—	—	—	ф. 502, оп. 2, № 3463
14	У. Каширский, с. Крутое (А. В. Чаадаев)	Август 1767 г.	«Непослушания и противности» крестьян помещику	—	—	Послана военная команда	ф. 502, оп. 2, № 797
15	У. Каширский, с. Глубокое (Н. Н. Маслов)	Апрель 1769 г. — (ноябрь) 1769 г.	Отказ крестьян и дворовых людей повиноваться помещику: «разграбили» помещичий дом, самовольно «захватили господское стадо», избили служителей	—	—	—	ф. 502, оп. 2, № 3463, лл. 1 об.—2
16	У. Каширский, с. Теляково, дд. Петрищево, Картинная (Ф. Д. Колтовский)	(Октябрь) 1769 г.	Неповиновение крестьян помещику: отказались подчиняться приказаниям приказчика и выгнали «его из села вон», изъяли подушные и и оброчные деньги	«Подстрекательство» помещика Т. К. Павлова, претендующего на имение	—	—	ф. 502, оп. 2, № 3965

* Условные обозначения:
1. Дата, взятая в скобки, определялась по дате документа.
2. В пункте 2 в скобках указана фамилия помещика.
3. В пункте 4 в скобках за словом «крестьян» указано число участников или жителей.
4. Тире означает отсутствие сведений.

inslav

Приложение (продолжение)

№№ п/п	Уезд, селение, фамилия помещика	Крайние даты	Описание выступления				Место хранения и шифр дел
			изложение фактов	конкретный повод	признаки организованности	исход	
17	У. Каширский, имение А. А. Епишковой	Январь 1770 г.	Неповиновение крестьян и дворовых людей помещице, отказались исполнять повинности, избили ее мужа	—	—	—	ф. 502, оп. 2, № 3870
18	У. Кашинский, слобода Задубровская, сельцо Мелченово (А. С. Левашев)	Май 1761 — (июль) 1761 г.	Неповиновение крестьян и дворовых людей (10) помещику: захват владельческих земель, засеяли их «хлебом своим», угрожали убить помещика	—	—	—	ф. 400, оп. 3, № 8804
19	У. Кашинский, сельцо Пустомазово (Е. Л. Пестриков)	Июнь 1765 — июнь 1766 г.	Неповиновение крестьян помещику; отказ исполнять помещичьи повинности, «все разбежались»	—	«с общаго согласия все скрылись»	Двое наказаны кнутом, двое — плетьми	ф. 501, Кашинская воеводская канцелярия, оп. 1, № 1571
20	У. Кашинский, сс. Гориц, Дубравы; сельцо Тазиково, дд. Кривоногово, Лугино и др. (Олсуфьевы)	Февраль 16 июля 1767 г.	Волнение крестьян и дворовых людей (1762) против помещика: отказались исполнять повинности и платить оброки, неоднократно посылали челобитчиков с требованием перевода в казенное ведомство. Послана военная команда	Неправильное «толкование» Манифеста от 14 декабря 1766 г. о порядке выборов депутатов в Уложенную комиссию	«Единогласно объявили, что они помещикам в послушании быть не хотят». Всем «миром» собирали деньги для подачи челобитной, организовали оборону сел от военной команды, собирали оружие	Арестовано 130 крестьян: 10 из них наказаны кнутом и сосланы в Нерчинск, 25 — кнутом, остальные — плетьми	ф. 400, оп. 2, № 15064
21	У. Кашинский, сельцо Ефилново, дд. Андреево, Симаново (А. А. Гелдезина)	Февраль 1768 г.	Непослушание крестьян (13) помещице: «Работ не работают и оброку не платят»	—	—	—	ф. 501, оп. 1, № 1610
22	У. Московский, с. Козмодемьянское (Н. В. Квашин)	Август 1764 г.	Возмущение крестьян и дворовых людей (27) помещику; «выгнали вон» из села владельца	—	—	—	ф. 400, оп. 3, № 9812
23	У. Московский, с. Никольское, дд. Левкино, Перхурово и др. (Н. М. Леонтьев)	8 июля — 22 июля 1767 г.	Волнение крестьян (1004) против помещика, отказались платить оброк и государственные подати, избили старосту и бурмистров, «изъяли вотчинные письма и книги», послали челобитчиков с жалобой на притеснения владельца	Обременение крестьян непосильными поборами	Организация сходок, сбор денег для посылки ходоков с челобитными	Введена военная команда, 4 крестьянина наказаны плетьми, 4 — сосланы в Сибирь	ф. 400, оп. 2, № 14848; оп. 9, № 251
24	У. Московский, д. Устьяново (Авраам Лопухин)	Июль 1767 г.	Волнение крестьян против помещика, отказались исполнять повинности, написали челобитную с требо-	Обременение крестьян непосильными поборами	—	Введена военная команда, 6 крестьян сосланы в	ф. 400, оп. 2, № 14848, л. 28 об.

			ванием перевода в казенное ведомство			Сибирь, 2 — наказаны плетьми	
25	У. Московский, д. Ивашево (А. А. Долгоруков)	Октябрь 1770 г.	Неповиновение крестьян помещику: отказ поставлять рекрутов и платить оброки	Передача имения новому владельцу	—	—	ф. 400, оп. 3, № 10594
26	У. Муромский, с. Ватрениц (С. Ф. Наумов)	21 апреля 1762 — 17 мая 1762 г.	Непослушание крестьян (13) помещику, отказывались платить оброки	—	—	Часть крестьян арестована, но была освобождена без наказания	ф. 534; Муромская воеводская канцелярия, оп. 1, № 5356
27	У. Муромский, с. Саваслейко (П. Б. Шереметев)	Май 1762 г.	Отказ крестьян (30) предоставить людей и подводы для «сопровождения государственной денежной казны»	—	—	—	ф. 534, оп. 1, № 5358
28	У. Муромский, с. Машку, д. Першино (А. С. Ивлева)	1763 — сентябрь 1766 г.	Непослушание крестьян (38) помещице, отказались платить оброк, «разбежались» из имения, помощь со стороны крестьян помещика А. Т. Раевского: давали «покормежные паспорта», укрывали беглых	—	«Согласясь всеобще оной госпоже своей ...оброку никакого не платить»	Несколько крестьян сослано в Сибирь, один наказан кнутом, два — плетьми	ф. 534, оп. 2, № 80, 81, 86
29	У. Коломенский, с. Ротмиры (А. С. Далматов)	Июнь — (июль) 1762 г.	Непослушание крестьян (10) помещику; написали челобитную с требованием об освобождении их от владельца	Передача имения новому помещику	—	—	ф. 509, оп. 1, Коломенская воеводская канцелярия, № 3515
30	У. Коломенский, с. Андреевское (Н. А. Колтовский)	1765 г.	Непослушание крестьян (48) помещику: отказались исполнять повинности, убегали из вотчины	—	—	Имение продано секунд-майору И. М. Писареву	ф. 509, оп. 1, № 4223
31	У. Коломенский, с. Степановское, дд. Аргуново. Высцово, и др. (А. А. Толстая)	24 июня — конец июля 1767 г.	Волнение крестьян (1300) против помещицы: отказались исполнять повинности и платить оброк, «изъяли» из господской житницы хлеб, написали челобитную с жалобой на издевательства помещицы, требовали перевода в казенное ведомство, оказали сопротивление посланной для их «усмирения» военной команде	Обременение крестьян непосильными оброками и поборами, а также распространение среди крепостных слуха об «отписке их от помещиков на государя»	Сельский мир организовал сбор средств на отправку ходоков. Крестьяне умело организовали оборону села, разделившись на три отряда	5 крестьян сосланы на каторгу, несколько — наказаны плетьми	ф. 400, оп. 2, № 12848; ф. 509, оп. 3, № 408
32	У. Ярославский, дд. Фарафаневская, Константиново (М. В. Карпов)	Декабрь 1768 — (январь) 1771 г.	Непослушание крестьян (20) помещику: отказались платить оброк, угрожали убить владельца, избили поверенных	«Подстрекательство» помещика Д. В. Юрасовского, претендующего на имение	—	—	ф. 455, оп. 2, № 55
33	У. Ярославский, дд. Лаптево, Скрыпино (В. О. Толбучина)	Июль 1770 г.	Неповиновение крестьян (10) помещице: отказались исполнять повинности, убегали из имения; «под видом разбойников» напали на господский дом, убили помещицу, «изъяли» вотчинную документацию	—	—	Несколько крестьян сослано	ф. 455, оп. 1, № 605780
34	У. Дмитровский, сельцо Сафоново, дд. Поповское, Бартниново и др. (И. И. Спицына)	Июнь — (июль) 1767 г.	Неповиновение крестьян (240) помещице	Передача имения новому владельцу	—	Послана военная команда	ф. 400, оп. 9, № 230; ф. 482, Дмитровская воеводская канцелярия, оп. 1, № 7763

Приложение (окончание)

№№ п/п	Уезд, селение, фамилия помещика	Крайние даты	Описание выступления				Место хранения и шифр дел
			изложение фактов	конкретный повод	признаки организованности	исход	
35	У. Дмитровский, с. Шокурово, д. Гаврилково (П. Н. Шокурова)	Апрель — май 1773 г.	Крестьяне отказались подчиняться помещице и исполнять повинности, избили ее поверенных	Передача имения новому владельцу	—	—	ф. 482, оп. 1, № 10433
36	У. Суздальский, сельцо Юришко, д. Пурышево (Д. А. Русинова)	Июнь — октябрь 1762 г.	Отказ крестьян (10) повиноваться помещице	—	—	Крестьяне обязались «быть в послушании»	ф. 445, Суздальская провинц. канцелярия, оп. 1, № 1048
37	У. Суздальский, сельцо Юришко, д. Пурышево (Д. А. Русинова)	(Январь) 1763 г.	Крестьяне и дворовые люди «многолюдством» напали на господское имение и избили помещицу и «все разбежались»	—	—	—	ф. 445, оп. 1, № 1048, л. 18 об.
38	У. Суздальский, с. Кощеево (Д. П. Танеева)	Август 1765 — (январь) 1766 г.	Отказ крестьян подчиняться и исполнять повинности помещице	Передача имения новому владельцу	—	—	ф. 445, оп. 1, № 1156
39	У. Кинешемский, д. Голубцово (А. И. Харламов)	Июль 1767 — (январь) 1768 г.	Отказ крестьян платить оброк помещику; побеги из вотчины	—	—	—	ф. 504, Кинешемская воеводская канцелярия, оп. 1, № 1106
40—41	У. Кинешемский и Луховский, имения Н. И. Хованской	Февраль — (октябрь) 1768 г.	Неповиновение крестьян помещице, отказывались подчиняться и платить оброк	«Подстрекательство» помещика И. Н. Павлова, претендующего на имения	—	—	ф. 400, оп. 4, ч. 2, № 16248
42	У. Алексинский, с. Успенское, сельцо Колонтаево (М. Ф. Рахманова)	21 февраля — апрель 1761 г.	Отказ крестьян повиноваться помещице, оказали вооруженное сопротивление военной команде	«Подстрекательство» помещиц С. Никитиной и Касаткиной, претендующих на имение	—	Арестованные крестьяне освобождены без наказания	ф. 400, оп. 3, № 8691
43	У. Клинский, пустоши Матюшино, Павлово и Клетки (Е. В. Татищев)	27 апреля — осень 1762 г.	Волнение крестьян (50) против помещика: отказались исполнять повинности, избили приказчика, совместно с крестьянами Тверской вотчины помещика подали челобитную «об отписке» от владельца	Обременение крестьян непосильными поборами	—	Военная команда привела крестьян в «усмирение»	ф. 505, Клинская воеводская канцелярия, оп. 1, № 2538
44—45	У. Епифанский, с. Гранки; у. Тульский, с. Толубеево (А. А. Афросимов)	Июль — август 1762 г.	Волнение крестьян (650) против помещика: отказ исполнять повинности, били поверенных	—	—	Послана военная команда	ф. 400 оп. 2, № 12431

46	У. Серпуховской, сельцо Сходы (М. Григорьев)	Весна 1762 — январь 1763 г.	Отказ крестьян (19) повиноваться помещику, оказали сопротивление военной команде	Передача имения новому владельцу	—	—	ф. 571, Серпуховская воеводская канцелярия, оп. 2, № 999
47	У. Тарусский, с. Никольское, дд. Лошкино, Слоботка (Н. И. Маслова)	Январь 1763 г.	Неповиновение крестьян помещице: отказ платить оброк и нести повинности; избили выборного, «изъяли» деньги и «по себе все разделили»	—	«Учинили присягу, чтоб быть им единодушными»	Послана военная команда	ф. 400, оп. 3, № 9486
48	У. Можайский, сельцо Орлово (А. Б. Борзов)	Июнь — июль 1763 г.	Отказ крестьян платить оброк и исполнять повинности помещику	«Подстрекательство» сержанта С. В. Борзова, претендующего на имение	—	Послана военная команда. Часть крестьян была освобождена из-под ареста, без наказания	ф. 533, Можайская воеводская канцелярия, оп. 1, № 271
49	У. Крапивенский, имение К. Военковой	Конец 1764 г.	Непослушание крестьян помещице	«Подстрекательство» канцеляриста Гостева	—	—	ф. 400, оп. 11, № 5512
50	У. Воротынский, сс. Богородское, Козлово (П. Унковский)	Декабрь 1767 г. — (март) 1773 г.	Волнение крестья против помещика: отказались исполнять повинности, оказали вооруженное сопротивление военной команде	Передача имения новому владельцу	—	—	ф. 400, оп. 11, кн. 51, № 7990
51	У. Владимирский, сельцо Чадилево, дд. Василево, Павловское (Н. И. Дубровская)	Август — ноябрь 1769 г.	Неповиновение крестьян и дворовых людей (100) помещице: отказались платить оброк и исполнять повинности, били ее поверенных	«Подстрекательство» помещицы У. А. Соколовой, претендующей на имение	—	Введена военная команда. Арестованные крестьяне были освобождены без наказания	ф. 423, Владимирская провинц. канцелярия, оп. 3, № 667
52	У. Ростовский, с. Воскресенское (Ф. В. Чушаков)	Октябрь 1771 г.	Отказ крестьян (10) исполнять повинности помещику	Обременение крестьян непосильными поборами и издевательство	Крестьяне заявили: «Полно-де тебе мужиков разорять. Мы-де сами за себя встанем»	Часть крестьян передана помещице А. Н. Ушаковой	ф. 563, Ростовская воеводская канцелярия, оп. 1, № 1160
53	У. Переславль-Залесский, с. Андреевское (А. П. Пятова)	Март 1772 г.	Непослушание крестьян и отказ подчиняться помещице	—	—	8 крестьян наказаны кнутом	ф. 437, Переславль-Залесская провинц. канцелярия, оп. 1, № 768
54	У. Угличский, с. Юрьевское, дд. Марьино, Киево, Левцово, Исаково (А. С. Давыдов)	(30 декабря) 1771 г. — 21 января 1772 г.	Непослушание крестьян помещику, отказались исполнять распоряжения владельца и поставлять рекрутов	—	—	Введена военная команда. Крестьяне обязались «быть в повиновении»	ф. 450, Угличская провинц. канцелярия, оп. 2, № 708

содержащихся в указанных источниках. Так, в таблице приводится перечень 54 выступлений помещичьих крестьян, причем из фондов был выявлен материал о 46 малоизвестных или неизвестных волнениях. Сведения, извлеченные из анализируемых источников, позволили в значительной степени дополнить или уточнить фактический материал об известных в литературе выступлениях крестьян (в имениях Ф. П. Барк-Полева, Олсуфьевых, Н. М. Леонтьева, А. С. Ивлевой и др.).

В целом фонды местных учреждений Московской губернии дают возможность более полно представить причины, характер, направленность и последствия крестьянских выступлений накануне восстания под предводительством Е. И. Пугачева 1773—1775 гг.

inslav

П. Г. Козловский

ТАРИФЫ ПОДЫМНОГО НАЛОГА БЕЛОРУССКИХ ПОВЕТОВ 1775 И 1790 ГГ.

Тарифы подымного налога — это списки земельных владений и городских поселений с указанием количества находившихся в них населенных дворов («дымов») и размера налога, причитавшегося государству. Начиная с середины XVII в., тарифы периодически составлялись в Речи Посполитой в фискальных целях путем общих переписей, так называемых «люстраций» дымов, являвшихся единицей обложения. В последней четверти XVIII в. на территории, остававшейся после 1772 г. в составе Великого княжества Литовского, такая люстрация проводилась трижды: в 1775, 1789 и 1790 гг. Дымы, т. е. их количество в каждом владении, переписывались по отдельным поветам [1], а полученный таким путем документ представлял собой поветовый тариф. Кроме того, в 1790 г. составлен был сводный, так называемый «генеральный» тариф всего Великого княжества Литовского, состоящий из суммарных итогов поветовых тарифов.

До недавнего времени из документов 1775 и 1790 гг. только сводный тариф привлекал внимание историков [2]. Что же касается поветовых тарифов этих лет, то, несмотря на очевидный интерес, который должны были вызвать содержащиеся в них данные, почти все они оставались вне поля зрения исследователей [3].

Поветовые тарифы Белоруссии 1775 и 1790 гг. не рассматривались советской археографической и источниковедческой наукой. Краткую характеристику тарифов 1789 г. и историографию их изучения дают Р. Ясас и Л. Труска [4]. Мною изучено 25 поветовых тарифов (не считая дубликатов), в том числе 12 тарифов 1775 г. (Брестский, Пинский, Волковыский, Слонимский, Гродненский, Лидский, Новогрудский, Ошмянский, Браславский, Полоцкий, Оршанский, Мозырский), один — 1789 г. (Новогрудский)

[1] Повет — территориально-административная единица в Великом княжестве Литовском. Повет представлял собой часть воеводства, но в Полоцком и Мстиславском воеводствах деления на поветы не было, и поэтому там воеводства равнялись поветам.

[2] Генеральный тариф использовался историками для определения численности населения, подсчетов категорий крестьян и отчасти для группировки дымов по видам феодального землевладения (государственное, церковное, частное) (*O. Hedemann.* Historia powiatu brasławskiego. Wilno, 1930, s. 89, 94; *H. Łowmiański.* Rys historyczny województwa nowogródzkiego. Wilno, 1935, s. 40, 47—48; *W. Conze.* Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland. Leipzig, 1940, S. 2—4, 184, 202, 203; *J. Morzy.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII w. Poznań, 1965, s. 215; *А. М. Карпачев, П. Г. Козловский.* Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г.» Л., 1972, стр. 81—94; *А. М. Карпачев.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. Автореферат докторской диссертации. Минск, 1970, стр. 10—20.

Для исследований по структуре землевладения «генеральный» тариф совершенно непригоден ввиду отсутствия в нем данных по отдельным поместьям.

[3] Два поветовых тарифа 1775 г.— Браславский и Полоцкий — были введены в научный оборот другими авторами, почерпнувшими из них отдельные сведения (*O. Hedemann.* Op. cit., s. 45, 61; *Я. Н. Мараш.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии 1569—1795 гг. Минск, 1971, стр. 144).

[4] *R. Jasas, L. Truska.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės gyventojų surašymas 1790 m. Vilnius, 1972, l. 7—10.

inslav

и 12 тарифов 1790 г. (Брестский, Пинский, Слонимский, Лидский, Ошмянский, Завилейский, Полоцкий, Витебский, Оршанский, Минский, Речицкий, Мозырский). Общее число белорусских поветов составляло в 1775 г. 15, а в 1790 г.— 16. Из названных документов 22 хранятся в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР (ЦГИА ЛитССР) в г. Вильнюсе, 2 — в Центральном государственном историческом архиве Белорусской ССР (ЦГИА БССР) в г. Гродно и один — в Рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета (РО БВУ)[5]. Документы представляют собой книги, переплетенные при их составлении, различного формата. Тариф Волковыского повета 1775 г., реставрированный архивистами, имеет некоторые невосполнимые потери. Остальные документы сохранились в основном хорошо и удовлетворительно, хотя встречается местами угасающий текст. Все тарифы написаны на польском языке.

Об обстоятельствах составления поветовых тарифов — люстрациях дымов 1775 и 1790 гг.— мы находим краткие сведения в работе польского историка Т. Корзона и более обстоятельные — непосредственно в законодательных материалах. Первая перепись производилась во исполнение постановления сейма 1775 г. о введении «генерального» подымного налога, взимавшегося со всех видов владений: королевских, духовных и «земских» (частновладельческих), как сельских, так и городских[6]. Она осуществлялась в Великом княжестве Литовском по поветам «люстраторами» на основании списков, представлявшихся землевладельцами. Люстраторы обязаны были проверить достоверность этих списков на месте, составить на их основании реестры в двух экземплярах по форме, предписанной Литовской Скарбовой комиссией, и сдать один экземпляр в актовые книги своего повета (воеводства), а другой — в Скарбовую комиссию. Лица, уполномоченные для проведения «люстрации» (переписи), были поименованы в постановлении сейма[7].

Хотя тарифы основывались на показаниях заинтересованных лиц, Т. Корзон считает, что контроль со стороны Скарбовых комиссий (соответственно — Коронной и Литовской) гарантировал их полноту[8]. С этим мнением нельзя безоговорочно согласиться прежде всего потому, что, как мы увидим ниже, люстрация 1775 г. уже по своим условиям включала не все дымы, оставляя вне учета некоторые их категории; во-вторых, потому, что феодалы, являвшиеся сборщиками подымного налога в своих владениях, были заинтересованы в сокрытии от учета какой-то части дымов, чтобы положить в свой карман разницу между суммой, фактически поступавшей от крестьян, и той, которая причиталась государственной казне по тарифу. Особенно это относится к магнатам, которые в силу своего общественного положения могли себе позволить меньше считаться с люстраторами, проверявшими списки. Сопоставляя записи тарифов с инвентарями имений, нетрудно убедиться, что некоторая утайка дымов имела место. Однако не следует этого обстоятельства переоценивать. Надо учесть, что как более ранние, так и более поздние переписи грешили этим недостатком. И порой трудно определить, когда больше дворов или душ утаивалось от обложения.

Принятый сеймом закон 1775 г. грозил землевладельцам за утайку дымов взысканием налога в двойном размере и предусматривал в этом случае лишение нерадивых люстраторов положенного им жалования и

[5] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3309, 3323, 3327, 3367, 3368, 3372, 3373, 3374, 3378, 3379, 11585, 11587, 11588, 11592, 11631, 11635, 11636, 11637, 18584; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 451; ф. 1312, оп. 1, д. 55; РО БВУ, ф. 57, В 54, д. 51. В некоторых делах имеется несколько тарифов.

[6] *T. Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Kraków — Warszawa, 1897, t. I, s. 63—64; t. III, s. 160; «Volumina Legum», t. VIII. Petersburg, 1860, s. 396—400.

[7] «Volumina Legum», t. VIII, s. 399.

[8] *T. Korzon.* Op. cit., t. I, s. 64—65.

inslav

отстранение от должности на три года. Строгие кары устанавливались за взяточничество[9]. Совокупность всех приведенных данных позволяет считать поветовые тарифы 1775 г. в целом достоверным источником, пригодным для научных исследований.

Единицей учета в тарифах 1775 г. был населенный двор, именуемый дымом. Согласно постановлению сейма, одним дымом считалась любая помещичья усадьба, независимо от количества построек, любой дом шляхтича, как имеющего крепостных, так и обрабатывающего землю собственным трудом. Дымом именовался также крестьянский двор, в котором проживал дворохозяин, если кроме огорода он обладал пахотной землей и возделывал ее во время составления переписи[10]. Такая формулировка закона означала, что крестьяне-«огородники», имевшие только огородный приусадебный участок, и подавляющее большинство «халупников», чьи дома стояли на чужих усадьбах и у которых обычно также не было пахотного надела, исключались из переписи. Не охватывались ею и обедневшие крестьяне, забросившие обработку своей пашни. Наконец, полностью исключались из переписи безземельные «кутники» и «коморники», не имевшие своего дома и проживавшие в нанимаемых помещениях в чужих домах. Иной принцип применялся в городах и местечках. В них «огородники» и «халупники» учитывались. Так, например, в местечках Сморгонь и Воложин Ошмянского повета учтены «халупы без земли», в Мстибове Волковыского повета — «огородники»[11].

Исключение из переписи нескольких категорий сельского населения снижает источниковедческую ценность рассматриваемых тарифов.

Разработанные Скарбовой комиссией формы, которые соблюдены в ряде тарифов (Брестский, Гродненский, Волковыский, Слонимский, Ошмянский), предусматривали раздельный учет дымов «земских» (частновладельческих), церковных и «гиберновых» (т. е. платившихранее «гиберну» — государственных). Внутри этих трех основных категорий выделялись еще группы. Так, земские и гиберновые дымы подразделялись на два вида: «дворные» (помещичьи) и «земледельческие» (крестьянские), учитывавшиеся в одной графе, но выделявшиеся в тексте строки, и «шляхетские», которые заносились в отдельную графу. В особой графе учитывались дымы городов, имевших магдебургское право. Королевские экономии записывались отдельно, с выделением дымов, находившихся в залоговом или пожизненном держании отдельных лиц. Запись в строке тарифов содержит наименование земельного владения (имения, фольварка, города, местечка, деревни), обозначение собственника и фактического временного владельца, если им было другое лицо, указание на характер временного владения (залог, аренда и т. п.). В тарифах фигурирует также шкала ставок подымного налога, различных для разного вида владений и разных территорий, и сумма налога, подлежащего уплате данным владельцем, занесенная в особую графу. К сожалению, в отдельных тарифах (Браславском, Пинском) форма не соблюдена. Они составлены упрощенно, без детализации граф, что несколько обедняет эти источники. Однако основные, интересующие нас показатели имеются и в этих тарифах. Все тарифы составлены с разбивкой на территориально-административные единицы: приходы («парафии») или «тракты». Но внутри этих единиц группировка различная: иногда в алфавитном порядке по названиям местностей (Брест, Пинск, Мозырь), иногда по географическому их расположению, либо произвольная.

Не все тарифы точно датированы. Тариф Пинского повета датирован в тексте 1775 годом, без указания месяца и числа составления. В тарифах Волковыского, Слонимского, Ошмянского поветов приведена одина-

---

[9] «Volumina Legum», t. VIII, s. 399.
[10] Ibid., s. 396.
[11] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11585, л. 15; д. 18584, лл. 81, 82, 83.

inslav

ковая формула, гласящая, что люстрация производилась «во исполнение постановления сейма от 1775 г.» Кроме того, в них имеется одинакового содержания резолюция подскарбия Великого княжества Литовского Михаила Бжостовского с датой «7 октября 1780 г.» К какой из этих граничных дат ближе фактическое составление тарифов? Ответ на этот вопрос можно получить на основании подробной записи в тарифе Браславского повета, в которой сказано, что «люстрация поместий, городов и деревень произведена на местах, начиная с 1 июля 1775 г. по 16 августа 1775 г.» [12] Если в одном повете люстраторы справились со своей задачей в течение полутора месяцев, нет основания считать, что в других поветах аналогичное мероприятие затянулось на несколько лет. Далее, если мы обратимся к тексту исследуемых тарифов, то найдем в одном из них, Ошмянском, в числе землевладельцев виленского кастеляна Огинского [13]. Эту должность занимал в XVIII в. лишь один Огинский, именно князь Игнатий, умерший в 1775 г. [14] Стало быть, тариф этого повета составлен был еще при его жизни, т. е. в течение 1775 г. Ошмянский повет значительно превышал по площади Волковыский и Слонимский поветы. Поэтому производство переписи в этих меньших двух поветах не должно было занять больше времени, чем в Ошмянском.

Все сказанное выше дает достаточно оснований для определения, что три не имеющие точной датировки тарифа составлялись одновременно со всеми остальными, в том же 1775 г. Отсюда следует, что и вся перепись, которую Т. Корзон по Речи Посполитой в целом относит к 1775—1776 гг., должна рассматриваться по Белоруссии как перепись 1775 г.

Особо следует остановиться на тарифе Пинского повета. Обнаруженный нами документ по этому повету является неполным, т. е. охватывает не всю его территорию, а только часть. В него включены те приходы, перепись которых была возложена на пинского гродского судью Мартина Волунского. Куда девалась вторая часть переписи, составленная, как нас заверяет Волунский, его «коллегой вельможным паном Сущинским, конюшим пинским», пока не известно [15].

Перейдем к тарифам 1790 г. Их появлению предшествовала «люстрация дымов с указанием населения», произведенная согласно постановлению сейма в 1789 г. Она представляла собой одновременно первую в Речи Посполитой перепись населения, поскольку учитывались не только дымы, но и население городов и деревень с подразделением по полу и по возрастным группам [16]. Весьма ценные для изучения внутренней структуры населения поветовые переписи 1789 г. сохранились, к сожалению, лишь по четырем из числа интересующих нас поветов [17]. Более того, они были выполнены не на должном уровне. Когда материалы переписи 1789 г. поступили в Коронную и Литовскую Скарбовые комиссии, последние не были удовлетворены ими, так как обнаружили существенные неточности, пропуски деревень и местечек и их частей. Поэтому 22 апреля 1790 г. сейм принял новое постановление «О дополнении люстрации дымов», возложив ответственность за ее проведение на воеводские и поветовые гражданско-военные порядковые комиссии. Число люстраторов было, по сравнению с прежними переписями, увеличено, контроль и ответственность за утайку усилены [18].

Существенное влияние на добросовестность новой люстрации оказывало изменение политической обстановки в Речи Посполитой. Перепись

[12] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3309, л. 1.
[13] Там же, д. 18584, л. 92.
[14] *J. Wolff.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków, 1885, s. 80, 84; *W. Dworzaczek.* Genealogia. Warszawa, 1959, Tablica 179.
[15] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 451, л. 1.
[16] «Volumina Legum», t. IX. Kraków, 1889, s. 101, 102.
[17] *R. Jasas, L. Truska.* Op. cit., p. 9.
[18] «Volumina Legum», s. 171—172.

inslav

производилась в годы, когда Четырехлетний сейм осуществлял серьезные преобразования государственного строя, а бушевавшая во Франции буржуазная революция оказывала сильнейшее воздействие на умы. Политический сдвиг в стране от всевластия магнатской олигархии к руководству шляхетско-буржуазного блока оставлял магнатам значительно меньше простора для злоупотреблений при составлении списков. Перепись производилась в обстановке широкого общественного движения, развертывавшегося под лозунгами укрепления государства и его финансов. Она велась не изолированно, а вслед за большой работой по определению доходности имений для исчисления десятипроцентного налога на оборону, введенного сеймом в 1789 г. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали обеспечению достоверности люстрации 1790 г., хотя, разумеется, не гарантировали ее полной непогрешимости. Поветовые тарифы 1790 г. во многом отличаются от люстраций 1775 г. Прежде всего изменилась система учета. Единицей учета оставался дым, или, как прямо сказано в постановлении сейма, «труба». Однако термин этот приобретал несколько иное значение. Если в одном доме проживало более одного хозяина, из которых каждый имел особый надел и отдельно выполнял повинности, то теперь, начиная с переписи 1789 г., каждый такой хозяин рассматривался как самостоятельная единица и его хозяйство учитывалось как отдельный дым. Таким образом, большие семьи, состоявшие из отца и женатых сыновей, если они экономически разделились, но проживали под одной крышей, в 1775 г. учитывались как один дым, а в 1790 г. уже как несколько дымов. Далее, если ранее «кутники» и «коморники» совершенно не учитывались, независимо от того, имели они землю или нет, то теперь «кутник» с наделом, если бы такой обнаружился, подлежал учету. Изменилось и само понятие надела. Постановление от 22 июня 1789 г. требовало регистрировать в качестве дымов не только хозяйства пашенных крестьян, но и «огородников» и «халупников», отдельно записывая эти категории. При такой системе учета «кутник», имевший огород (фактическое наличие «кутников» с пашенным наделом маловероятно), попадал в перепись. Наконец, в новой переписи учитывались корчмы, которые в тарифах 1775 г. упоминались спорадически в тексте, но не включались в цифровые показатели [19].

Таким образом, новые тарифы охватывали переписью такие категории населения, которые ранее оставались неучтенными. Только беднота и лица, работавшие по найму, если у них не было ни дома, хотя бы на чужой усадьбе, ни огорода, если они притом жили в чужом помещении, по-прежнему оказывались вне учета.

Ознакомившись с системой учета тарифов 1790 г., мы можем вернуться к вопросу об их полноте и удостовериться в ней на основе текстов самих документов. Так, например, в тарифе Лидского повета имеются такие записи: «В этой деревне Савичи один дым огородника, числящийся по абъюрате, сгорел, а житель сбежал»; или в той же деревне, принадлежавшей лидскому ротмистру Гжимале: «один тяглый дым является общим со Стоцкими». Далее, в дер. Боцевичи «на выгоне построена избушка, в которой проживают евреи, арендующие шинок (в данном случае субаренда питейного торга.— *П. К.*) у арендатора из Ужева» [20]. Конечно, детализация записей не исключает пропусков, особенно умышленных, но характеризует степень внимания, которое оказывалось при составлении тарифов.

При всех этих достоинствах поветовые тарифы 1790 г. имеют и недостатки. В них нет такого наглядного деления дымов по видам владений, какое предусматривалось формулярами люстраций 1775 г. Принадлежность владений указана в тексте, а не в рубриках. Правда, иногда

---

[19] «Volumina Legum», t. IX, s. 101, 102.
[20] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11635, лл. 45, 46, 52.

inslav

в этих тарифах дымы церковные и старостинские вынесены в отдельные списки, но при этом случаются и повторения их в списке частновладельческих. Это затрудняет работу исследователя, хотя и не влияет в конечном счете на достоверность ее результатов.

Все поветовые тарифы 1790 г. точно датированы, подписаны и скреплены печатями их составителей. Как видно из дат, работа гражданско-военных комиссий над выверкой тарифов затянулась позже установленного сеймом двухмесячного срока [21]. Если Мозырский тариф был закончен к 13 октября 1790 г., то Минский подписан только 11 марта 1791 г.

Поветовые тарифы 1775 и 1790 гг. могут быть источником для разнообразных научных исследований. Назовем лишь несколько. С помощью тарифов можно проследить демографические процессы в целом и по отдельным районам Белоруссии. При этом вспомогательным источником могут служить сохранившиеся люстрации населения 1789 г. Тарифы содержат прямые сведения, характеризующие налоговую систему и финансы Великого княжества Литовского. Наконец, что нам представляется особо ценным, поветовые тарифы являются единственным источником по изучению имущественной структуры господствующего класса, его землевладения. Как известно, отсутствие поземельного кадастра, охватывающего всю территорию края, вынуждает историков Белоруссии эпохи феодализма обращаться к косвенным данным, характеризующим размеры феодальных владений. Такими данными являются сведения о численности населения, проживающего на территории владения и платившего феодальную ренту. Этот путь был избран историками, изучавшими первую половину XIX столетия, использовавшими в своих исследованиях структуры землевладения данные ревизий о численности «душ» у помещиков [22]. Аналогичный метод применен автором настоящей статьи для изучения структуры землевладения западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. При этом автор не обращался к данным V ревизии, поскольку она была проведена в самые последние годы XVIII в. и показатели ее на территории Белоруссии несопоставимы с более ранними. Они основаны на единице учета («душа»), не применявшейся в Речи Посполитой, и группируются совершенно по иному территориально-административному делению. Этих недостатков лишены поветовые тарифы 1775 и 1790 гг.

Использование поветовых тарифов для такого исследования потребовало разработки специальной методики. Так, стремясь получить данные, наиболее соответствующие земельным площадям (о которых в тарифах непосредственно ничего не сказано), автор подсчитывал как сельские дымы, так и дымы местечек, поскольку к последним были приписаны значительные пахотные угодья. По аналогичным мотивам включались дымы, представлявшие господские замки и фольварки. Исключались же городские дымы. В тех случаях, когда по данному повету (например Волковыский) отсутствовал поветовый тариф за 1790 г., использовались данные тарифа 1775 г., увеличенные на соответствующий коэффициент. Для установления личности владельца, зачастую фигурирующего в тарифах без указания имени, иногда означаемого не по фамилии, а по занимаемой должности, привлекались многочисленные генеалогические данные, опубликованные и архивные, списки должностных лиц Великого княжества Литовского и другие вспомогательные материалы. Обработка тарифов велась в двух планах: по земельным собственникам и по фактическим владельцам, что привело к составлению двойной картотеки по

---

[21] «Volumina Legum», t. IX, s. 171.

[22] *К. Кернажыцкі.* Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII — першай палавіне XIX ст. Менск, 1935, стар. 106; *Н. Н. Улащик.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии в первой половине XIX в. М., 1966, стр. 115, 116.

inslav

всей изучаемой территории, в каждой из которых были объединены владения одного и того же лица во всех поветах.

Результаты исследования структуры землевладения были доложены автором на IV конференции историков-славистов в Минске (1968 г.) и XI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Одессе (1969 г.) и частично опубликованы [23]. Составлена на основе тарифов и инвентарей карта землевладения Белоруссии во второй половине XVIII в. [24]

Научная ценность поветовых тарифов как источников очевидна. На наш взгляд, настало время их опубликования, с тем чтобы предоставить возможность использования этих материалов более широкому кругу историков. Кстати сказать, более ранний (1690 г.) реестр подымного Волковыского повета еще в 1938 г. был опубликован Вильнюсским университетом [25], а в настоящее время аналогичная публикаторская работа ведется в Польской Народной Республике.

---

[23] *П. Г. Козловский.* К вопросу об аграрном строе Речи Посполитой в XVIII в. (по материалам Побужья).— «Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов». Минск, 1969, стр. 502—509; *он же.* Виды и структура землевладения в западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в.— «Тезисы докладов и сообщений XI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М., 1969, стр. 112—118; *он же.* Struktura własności ziemskiej i faktycznego posiadania ziemi w Zachodniej i Środkowej Białorusi w drugiej połowie XVIII w.— «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. XXXIII. Poznań, 1972, str. 61—88.

[24] «Гісторыя Беларускай ССР», т. I. Мінск, 1972, карта 8.

[25] *S. Krakowski.* Wykaz podatku podymnego powiatu wołkowyskiego z r. 1690.— «Wiadomości Studium Historii Prawa Litewskiego USB», z. I. Wilno, 1938, s. 205—272.

inslav

И. С. Калантырская

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТОВ Н. Н. МУРАВЬЕВУ-КАРСКОМУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СВЯЩЕННОЙ АРТЕЛИ

Эпистолярное наследство декабристов значительно, но почти две трети его относятся ко времени после восстания 1825 г., в основном к сибирскому периоду.

Рассматриваемые здесь письма большой группы декабристов к Н. Н. Муравьеву-Карскому относятся преимущественно к раннему периоду декабристского движения и являются новым важным источником для изучения внутренней жизни одной из основных преддекабристских организаций — Священной артели, а также деятельности ее членов в первых тайных организациях — Союзе Спасения и Союзе Благоденствия.

Ценность этих писем заключается в том, что они представляют собой источник о периоде движения, наименее обеспеченном материалами; они в большой мере содержат сведения, которые отсутствуют в показаниях на следствии. Письма позволяют выявить некоторые вопросы формирования мировоззрения этой группы декабристов.

Цель статьи — дать общий обзор этих писем, не публиковавшихся и не использованных еще в научных исследованиях [1].

Письма декабристов являются частью переписки из личного архива известного военачальника XIX в., наместника Кавказа и главнокомандующего Отдельного кавказского корпуса Н. Н. Муравьева-Карского (1794—1866) [2]. Группа личной переписки включает письма, полученные Н. Н. Муравьевым в течение всей его жизни: 8357 писем 450 авторов, из них 120 постоянных корреспондентов. Она охватывает более полувека — с 1803 по 1866 гг.[3] Особый интерес среди них представляют письма 18 декабристов (581 письмо и 27 приписок) за 1810—1863 гг.

В течение длительного времени корреспондентами Н. Н. Муравьева были молодые офицеры Гвардейского генерального штаба и отдельных полков, основатели и члены преддекабристской организации Священная артель и первых тайных обществ — Союза Спасения и Союза Благоденствия, члены Южного Общества: Александр Николаевич Муравьев (302 п., 1810, 1815—1863 гг.) [4], Никита Михайлович Муравьев (1 п., 1817 г.), Матвей Иванович Муравьев-Апостол (5 п., 1816, 1817, 1819, 1863 гг.),

[1] И. С. Калантырская, Т. П. Мазур, Е. И. Самгина, Е. Н. Советова подготовили к печати первый том «Из эпистолярного наследства декабристов», куда вошли письма членов Священной артели 1810—1834 гг. Вступительная статья и комментарии И. С. Калантырской. Под ред. акад. М. В. Нечкиной. По нашей рекомендации воронежский писатель Н. А. Задонский использовал 25 писем декабристов (в виде цитат) в романе о Н. Н. Муравьеве-Карском [«Горы и звезды» (М., 1965)] и написал ряд этюдов и сообщений [«Тайны времен минувших». Воронеж, 1964; «Новое о Священной артели и ее основателе» («Вопросы истории славян», вып. 1. Воронеж, 1963, стр. 165—177); «Судьба декабриста Бурцова» («Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 204—210) и др.] с повторением этих же цитат. Неумелое прочтение текста, вольное с ним обращение, а также ряд неверных выводов вызывают серьезные возражения.

[2] ГИМ, ОПИ, ф. 254. Фонд поступил в ГИМ в 1917 г. (как часть Чертковской коллекции) от внука Н. Н. Муравьева-Карского — Г. Г. Черткова.

[3] В фонде почти не сохранилось писем Н. Н. Муравьева своим корреспондентам, кроме его семейной переписки и некоторых черновиков ответов, написанных на обороте писем. Письма переплетены по годам и хранятся в фонде в виде 76 довольно объемных книг.

[4] В этом перечне мы указываем не только письма, но и приписки, так как они самостоятельны по содержанию и значительны по размеру.

inslav

Михаил Николаевич Муравьев (38 п., 1814—1827 гг.)[5], Иван Григорьевич Бурцов (102 п., 1815—1829 гг.), Петр Иванович (16 п., 1816—1821 гг.) и Павел Иванович (5 п., 1816—1817 гг.) Колошины, Артамон Захарович Муравьев (1 п., [1812 г.]), Иван Павлович (8 п., 1829—1835 гг.) и Сергей Павлович (2 п., 1831—1832 гг.) Шиповы, Владимир Дмитриевич Вольховский (5 п., 1833, 1836 гг.), Алексей Алексеевич Оленин (1 п., 1816 г.), Алексей Алексеевич Тучков (8 п., 1820—1821 гг.), Петр Александрович Муханов (4 п., 1821, 1824, 1825 гг.), Александр Андреевич Авенариус (14 п., 1823—1827 гг.), Евдоким Емельянович Лачинов (26 п., 1818—1826 гг.), Захар Григорьевич Чернышев (52 п., 1839—1861 гг.), Александр Иванович Якубович (18 п., 1818—1821 гг.). Кроме этого, в переписке есть два письма Александра Сергеевича Грибоедова (1823 г.)[6] и письма также привлекавшихся по делу декабристов адъютанта А. П. Ермолова — Николая Павловича Воейкова (155 п., 1818—1848 гг.) и Феопемпта Степановича Лутковского (19 п., 1834—1844 гг.).

С декабристами — авторами писем Н. Н. Муравьев был связан поразному. Наиболее прочная и длительная дружеская связь, основанная на рано проявившемся единстве общественно-политических взглядов, была у Муравьева с его братьями и родственниками Александром и Михаилом Николаевичами Муравьевыми, Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, Никитой Михайловичем и Артамоном Захаровичем Муравьевыми, а также с Петром и Павлом Колошиными и И. Г. Бурцовым. Она сложилась еще до Отечественной войны 1812 г. в доме его отца Николая Николаевича Муравьева-старшего, известного ученого математика и военного деятеля, в его Математическом обществе. В дальнейшем их дружба окрепла в ранних преддекабристских организациях: с одними — в юношеской «Чоке» в 1811 г., с другими — в Священной артели в 1814—1818 гг. и продолжалась со многими из них всю жизнь. Как известно, Н. Н. Муравьев был одним из основателей и деятельных членов этих ранних организаций. Впоследствии все члены этих идейных кружков, кроме самого Н. Н. Муравьева, объединились в первых тайных обществах. Муравьев же никогда не был членом декабристских организаций.

С другой группой своих корреспондентов, младших по возрасту — Е. Е. Лачиновым, П. А. Мухановым, А. А. Тучковым и Н. П. Воейковым — Н. Н. Муравьев познакомился в Московском училище для колонновожатых, созданном его отцом, учениками которого они были. Затем с некоторыми из них он был на совместной службе, упрочившей их дружбу.

С третьей группой — А. А. Олениным, А. А. Авенариусом, А. И. Якубовичем, братьями Шиповыми — Иваном и Сергеем, В. Д. Вольховским, З. Г. Чернышевым[7], а также с А. С. Грибоедовым и Ф. С. Лутковским — он был знаком по службе в Гвардейском генеральном штабе в Петербурге (до июня 1816 г.), на Кавказе (1816—1830 гг.), а с последним был в командировке в Турции и Египте (1832—1833 гг.).

Изучение переписки декабристов — ее содержания, связи и последовательности писем отдельных авторов, а также вопросов, связанных с пересылкой и получением корреспонденции,— дает право говорить, что Н. Н. Муравьев сохранил основную массу полученных писем. Содержа-

---

[5] Переписка с М. Н. Муравьевым продолжалась в течение всей жизни. С 1814 по 1866 г. им было написано 172 письма. В перечне названо количество писем, написанных во время его пребывания в Священной артели, Союзе Спасения и Союзе Благоденствия — до 1820 г. (писем 1821 г. нет), и семь писем, написанных до восстания и вскоре после освобождения из-под следствия.

[6] Письма опубликованы (*О. И. Попова.* Письма Грибоедова и его адресаты.— В кн.: «Звенья», т. 1. М.— Л., 1932, стр. 33—34).

[7] З. Г. Чернышев был короткое время воспитанником Муравьевского училища для колонновожатых, но знакомство и дружба его с Муравьевым началась на Кавказе в 1829—1830 гг. К тому же З. Г. Чернышев был братом второй жены Муравьева — Н. Г. Муравьевой.

inslav

ние позволяет выяснить ряд пропусков среди писем И. Г. Бурцова, А. Н. Муравьева, братьев Колошиных, Е. Е. Лачинова, отсутствует одно письмо И. П. Шипова 1831 г. Можно считать, что из переписки декабристов с Н. Н. Муравьевым утрачено не менее 20 писем 1815—1831 гг., часть из которых не доходила до адресата. Среди отсутствующих могли быть также письма, о которых авторы не упоминали в переписке. В нашем распоряжении нет сведений об уничтожении какой-либо части этой переписки декабристов до или после восстания 14 декабря 1825 г.[8] Может быть, утраченные письма были лишь обычной потерей, наблюдаемой в любой переписке.

Из сохранившихся писем наибольший интерес в исследовательском отношении представляют написанные до восстания 1825 г. Основная часть этих писем — 106 писем (с приписками — 113 текстов) А. Н. и М. Н. Муравьевых, Петра и Павла Колошиных, И. Г. Бурцова, М. И. Муравьева-Апостола и Н. М. Муравьева за 1815—1818 гг. и неизвестное до сих пор стихотворение Петра Колошина «Артельная песнь» (автограф, помещенный в его письме от 15 июня 1817 г.) — представляют собой новый круг источников для изучения преддекабристской организации Священная артель.

Впервые вопрос о Священной артели был поставлен и исследован М. В. Нечкиной[9], хотя она и подчеркивала, что источниковая база этой темы крайне скудна, что немногочисленных источников было достаточно лишь «для бесспорного установления самого факта [ее] существования и [ее] первоначальной характеристики»[10]. Со времени опубликования первой работы М. В. Нечкиной дополнительно в научный оборот были введены два документа по истории Священной артели[11].

Круг источников о Священной артели до настоящего времени состоял из нескольких документов и мемуарных свидетельств: Памятка (или Лист) Священной артели «Постоянство», выданная Н. Н. Муравьеву в июне 1816 г. (текст находится в «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского), стихотворение Петра Колошина «К артельным друзьям» ([1817 г.], списки), два документа из канцелярии начальника Генерального штаба Н. М. Сипягина, связанные с задуманным членами артели изданием «Военно-математических записок» (1816 г.); записки И. И. Пущина,

---

[8] Единственным известным нам письмом, действительно полученным и уничтоженным из-за острого политического содержания, является письмо А. Н. Муравьева 1818 г. [конец марта — 1 апреля]. Оно было доставлено из Москвы на Кавказ Н. П. Воейковым. В «Записках» Н. Н. Муравьев так передает его содержание: «...Он [А. Н. Муравьев.— *И. К.*] изображает мне несчастное положение, в котором находится Отечество наше, и представляет мне те беды, которые оному предстоят» («Русский архив», 1886, № 11, стр. 311). Предположительно полученным и уничтоженным можно считать его же письмо об испанском революционере Хуане Ван-Галене. Содержание письма А. Н. Муравьев кратко передает 7 августа 1819 г.: «Последнее письмо мое написано с уехавшим отсюда майором Нижегородского драгунского полка *Фан-Галленом*, которого я тебе рекомендовал как прекрасного человека и просил дружески принять» (ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 10, л. 24). Известно, что Н. Н. Муравьев 18 июня 1819 г. выехал из Тифлиса в Хивинскую экспедицию. Ван-Гален, привезший письмо в июле — августе, уже его не застал, а впоследствии, по возвращении Муравьева 24 февраля 1820 г. в Тифлис, мог не передать его как утерявшее первоначальное значение. 23 апреля 1820 г. Н. Н. Муравьев выехал в Петербург и вернулся обратно в начале декабря 1820 г. («Русский архив», 1886, № 12, стр. 451; 1887, № 11, стр. 402, 406, 414). Х. Ван-Гален в 1820 г. покинул Кавказ. Взаимоотношения Х. Ван-Галена с Н. Н. Муравьевым неизвестны. Вопрос о получении письма остается неясным.

[9] *М. В. Нечкина.* Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814—1817 гг. (Материалы к предыстории декабризма и изучению формирования мировоззрения молодого Пушкина).— В сб.: «Декабристы и их время». М.— Л., 1951, стр. 156—188.

[10] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 124.

[11] *В. Н. Молодший.* Несостоявшееся издание «Военно-математических записок». Проект членов Священной артели.— «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. М., 1956, стр. 555—558; *А. Ю. Вейс.* Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям».— Там же, стр. 541—554.

inslav

В. К. Кюхельбекера (дневник 1835 г.), А. Е. Розена, Н. Н. Муравьева-Карского[12]. Мемуарные свидетельства трех первых авторов ограничивались упоминаниями о составе артели. И. И. Пущин давал очень ценную характеристику ее идеологии. У В. К. Кюхельбекера также есть намек на ее идеологический характер (но его запись остается малодоступной, так как он из-за боязни открыть имена в тюремном дневнике или по каким-то иным причинам густо вымарал ее основную часть). Только «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского говорят конкретно о времени создания Священной артели — во второй половине 1814 г., о ее основателях, среди которых был и он сам, о характере и составе этой организации, ее организационных началах и «правилах» жизни и о такой организационной и идейной особенности, как вечевой колокол. Он довел свои записи об артели до июня 1816 г.— до дня своего отъезда из Петербурга. Все мемуары, кроме «Записок» Н. Н. Муравьева, являются источниками позднего происхождения, созданными в 1835 и 1850-х годах. Н. Н. Муравьев эту часть записей делал через два-три года после событий[13]. Это способствовало большей точности сведений, почти полному отсутствию ошибок в датах. Указанные источники давали возможность характеризовать начало деятельности артели в 1814 г., причины ее создания, отметить организационные начала артели, установить два этапа ее существования и предполагаемый состав членов, учесть темы бесед в артели, в которых участвовал И. И. Пущин в середине 1817 г., и их политический характер; определить конечную дату существования артели августом 1817 г. (так как после ухода гвардии в Москву сведений об артели не было). Сосуществование Священной артели с 1816 г. с Союзом Спасения давало исследователям право изучать идейную жизнь артели не только на основании названных мемуаров, но и привлекать следственные дела декабристов, которые входили в артель. «На следствии нередко шла речь об истоках декабристского вольномыслия. Ответы на этот вопрос дают драгоценный материал для суждения об идейной жизни изучаемого кружка»[14]. Источники позволяли определить общий характер идейного направления артели. Но ее внутреннее развитие, реальная жизнь и деятельность этого объединения и его членов оставались недоступными исследователям.

Новые источники представляют собой письма пяти членов Священной артели к шестому, Н. Н. Муравьеву. Это автобиографические свидетельства их пребывания в артели в 1815—1818 гг. Письма охватывают все периоды существования артели, начиная с раннего — с февраля 1815 г.— до ее полного распада как преддекабристской организации в середине 1818 г. и создания новой артели с иным составом в конце 1818 — начале 1819 г. За этот длительный промежуток времени по данным писем можно наметить еще один этап в ее существовании, кроме известных ранее.

«Записки» Н. Н. Муравьева и письма членов артели к нему, которые стали регулярными со времени его отъезда на Кавказ, воссоздают непрерывную историю артели с момента ее создания до полного распадения в 1818 г.

---

[12] *Н. Н. Муравьев-Карский.* Записки.— «Русский архив», 1885, № 9—12; 1886, № 1, 2, 4, 5 (подлинники — в ф. 254); *В. К. Кюхельбекер.* Дневник Свеаборгской крепости [текст об артели — запись 11 января 1835 г., зачеркнутая часть текста была прочитана Ю. Н. Тыняновым и опубликована в статье «Пушкин и Кюхельбекер» («Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, стр. 329—330); в этом же прочтении цитата приведена в работе М. В. Нечкиной «Священная артель» и в ее монографии «Движение декабристов»]; *И. И. Пущин.* Записки о Пушкине. Письма. Под ред. С. Я. Штрайха. М., 1956, стр. 68—69; *А. Е. Розен.* Записки декабристов. [Под ред. П. Е. Щеголева]. СПб., 1907, стр. 241. В каждом из этих воспоминаний, кроме Н. Н. Муравьева, артели посвящено лишь несколько строк.

[13] Он начал свои «Записки» в 1815 г., а затем продолжал их на Кавказе с октября 1817 г., вернувшись из посольства в Персию. Записи об артели он делал не позже 1818—1819 гг.

[14] *М. В. Нечкина.* Священная артель, стр. 174.

inslav

Сопоставление новых источников с известными доказывает следующее:

1) «Записки» Н. Н. Муравьева и рассматриваемые письма остальных членов артели к нему являются источниками, вышедшими из недр Священной артели. Причем «Записки» освещают создание, первый (с октября 1814 до мая 1815 г.) и второй (с конца 1815 до июня 1816 г.) этапы жизни артели, межой между которыми был второй заграничный поход; определяют, что основателями артели являются А. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев и И. Г. Бурцов [15], что во главе артели стояло выборное лицо — артельщик (Н. Н. Муравьев). Письма подтверждают вечевую форму внутренней жизни артели, выборного главу (после Н. Н. Муравьева, артельщиками последовательно были: М. Н. Муравьев и Петр Колошин), распределение обязанностей между ее членами, существование идейных правил артели (в «Записках» о «Правилах» лишь упоминается в связи с организационными моментами жизни, в письмах они даны значительно конкретнее, причем выделяется их идеологическая сторона).

2) Если «Записки» говорили о начале этой организации, то установить конечную дату существования артели позволяют только письма ее членов. Они намечают конец второго и устанавливают третий период — период ее распада, доводя таким образом артель до середины 1818 г.

3) «Записки» устанавливали состав членов по мере их вступления в артель и довели эти сведения до середины 1816 г. Письма подтвердили правильность именно этого состава. Но письма также установили последовавшее в 1817 г. изменение состава артели и принятие нового члена, доведя эти сведения до 1818 г.

На этом заканчивается общая и продолжающая друг друга линия.

Первые вопросы, которые встают перед исследователем писем как нового источника, касаются определения сроков существования артели, отдельных этапов ее развития, ее состава. «Записки» Н. Н. Муравьева пока являются единственным источником о времени основания, начальных периодах жизни и характере вновь основанной организации, так как до отъезда Н. Н. Муравьева на Кавказ писем из артели очень мало. К первому периоду ее существования относятся только письма И. Г. Бурцова и М. Н. Муравьева от февраля — 1 марта 1815 г., вслед уехавшему в Москву Н. Н. Муравьеву. Авторы еще не называют свой общий дом артелью, но в письмах И. Г. Бурцова есть некоторые черты их совместной жизни с А. Н. и М. Н. Муравьевыми.

После возвращения гвардии из Вильно (начало второго периода) первые указания на возобновление артели и ее состав находим также в письмах И. Г. Бурцова середины ноября 1815 — начала января 1816 г.— в артели живут уже братья Колошины (17 ноября 1815 г. впервые упоминается Павел) [16]. При сопоставлении сведений, полученных из писем И. Г. Бурцова, Колошиных и А. Н. и М. Н. Муравьевых (особенно первых, как наиболее частых и подробных), можно прийти к следующим выводам: артель в полном составе пребывала со второй половины октября 1815 г. до 21 июня 1816 г., когда Н. Н. Муравьев уехал в Москву, а затем на Кавказ. Это был самый длительный период совместной жизни и деятельности членов артели [17] и наиболее плодотворный для артели как ранней идейной организации. Вскоре после отъезда

---

[15] Этот вопрос был неправильно освещен писателем Н. А. Задонским в сообщении «Новое о Священной артели и ее основателе» (стр. 168), но его вывод о том, что Н. Н. Муравьев — единственный организатор артели, попал в «Историческую энциклопедию» (статья о Н. Н. Муравьеве-Карском).— СИЭ, т. 9. М., 1966, стр. 811—812.

[16] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 2, л. 40: кн. 3, л. 3.

[17] За это время были только кратковременные отъезды членов артели: с октября 1815 до середины января 1816 г. И. Г. Бурцов был в имении в с. Пронск, в марте 1816 г. Н. Н. и М. Н. Муравьевы были в отпуске в Москве (там же, кн. 2, лл. 38—41; кн. 3, лл. 2—3, 32—34 об.).

inslav

Н. Н. Муравьева наступил длительный летне-осенний перерыв, когда члены артели были на топографических съемках и в отпуске. Они опять собрались в Петербурге только в январе 1817 г. Артель возобновила свою деятельность. М. Н. Муравьев 18 января сообщал брату: «Из недр Священной артели я к тебе пишу... Вот уже две недели как мы живем по-прежнему, семьей, члены все те же и в той же братской связи,... образ жизни тот же, устав свято хранится и исполняется». В приписанном к нему письме И. Г. Бурцова есть оценка состояния артели: «Артель в самом порядочном и цветущем состоянии, и до сих пор никогда не было в ней такой пышности и великолепия» [18]. Павел и Петр Колошины в письмах от 23 февраля и 1 марта характеризуют членов артели и их индивидуальные качества. Названный ими состав артели из пяти человек соответствует корреспондентам Н. Н. Муравьева. В это время активная деятельность некоторых членов артели переносится в первую тайную организацию — Союз Спасения, так как с конца 1816 г. до августа 1817 г. все члены артели вступили во вновь образованное тайное общество [19].

В апреле 1817 г. в Москву уехал М. Н. Муравьев для съемок Московской губернии и преподавания в Училище для колонновожатых. Он навсегда выбыл из артели, и на его место был принят 3 или 4 мая новый член — А. В. Семенов. Об этом пишет Павел Колошин 10 мая 1817 г.: «... на место отсутствующего члена ее (Миши) принят с неделю Семенов в действительные члены. Хотя сие общество и сохранило то же название, но далеко от того, как оно было в цветущем состоянии своем,— в управлении Вашем» [20]. Как видно из письма, Павел Колошин считал, что артель утратила прежние качества. По ряду писем Петра и Павла Колошиных за март—май 1817 г. можно проследить, что А. Н. Муравьев все больше отходит от артели как замкнутого кружка. А в цитированном выше письме Павел сообщает об особых собраниях у него: «Александр редко бывает дома; когда же дома, то беспрестанно гости наполняют чертоги его, и Петр разделяет с ним сию участь...» Павел Колошин и А. В. Семенов «в особой половине» и не допускаются на эти собрания. Речь совершенно очевидно идет о собраниях членов Союза Спасения. Мы считаем, что с мая наступает **третий период существования артели** — ее распад. Этот период характерен тем, что артель разделилась на две части — петербургскую и московскую, фактически она перестала существовать как форма замкнутой организации.

С середины июня по **август 1817 г. артель еще была в полном составе** (5 членов, в числе них был и А. В. Семенов). Петр Колошин 15 июня 1817 г. сообщает об этом Н. Н. Муравьеву: «Александр, ездивший в Москву для приготовления всего нужного для похода части гвардии в оную столицу, возвратился, Бурцов приехал из отпуска, и мы опять пятеро сошлись вместе. Ты, я думаю, уже знаешь, что Семенов вошел в сие число. Он отличный юноша и совершенно оправдывает то мнение, которое о нем имели, приняв его в недра Священной артели» [21].

К середине 1817 г. Священную артель покинули три ее основных члена. Состав артели стал меняться постепенно. Очевидно, побудительной причиной этого были хозяйственные начала артели, так как с отъездом Н. Н. Муравьева, а затем М. Н. Муравьева и Петра Колошина в Москву на постоянную службу артель уменьшалась вдвое. Прием нового члена был необычным для артели шагом, ибо А. В. Семенов не был связан тесной дружбой со всеми членами артели, а был, вероятно, рекомендован И. Г. Бурцовым. О том, что он был близок по духу членам

---

[18] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, лл. 5, 6 об.
[19] О сроках вступления членов артели в Союз Спасения см.: *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. I, стр. 167—169.
[20] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 66.
[21] Там же, л. 85.

inslav

артели, свидетельствует, кроме вышеприведенного, письмо Петра Колошина 15 мая 1817 г.: «По долгу хозяина, честь имею донести почтенному предместнику моему, что к артели прибыл новый член, лейб-гвардии егерского полка прапорщик Алек[сей] Василь[евич] Семенов, воспитанник Бурцова, малый умный, честный, рассудительный, светским образованием равен Бурцову, но ниже его во всех отличных качествах; заниматься охотник до такой степени, что всех нас выучил ранее вставать и читать Кондильякову историю почти наизусть» [22].

После ухода А. Н. Муравьева с гвардией в Москву в августе 1817 г. и отъезда Петра Колошина в Муравьевское училище для колонновожатых, в Петербурге Священная артель продолжала существовать «только нравственно... физическое бытие ее чуть не навсегда ли прекратилось» (И. Бурцов, 8 октября 1817 г.) [23]. В своей работе М. В. Нечкина делала правильный вывод, что переход гвардии в Москву оказал на существование артели решающее воздействие. Тем не менее письма доказывают, что артель не закончила свое существование в августе 1817 г. Фактически она продолжала жить до весны 1818 г. (так считали ее члены в Москве), а может быть несколько позже [24].

Артель как бы разделилась на две — в Москву уехала половина ее старых членов и один из основателей. Как форма замкнутой организации, артель в Москве не существовала и была только кружком друзей и единомышленников внутри Союза Спасения. Организационно, в обычной форме, Священная артель продолжала существовать только в Петербурге. Основной состав членов артели в Петербурге представляли И. Г. Бурцов и Павел Колошин, которые продолжали сохранять артельные правила и традиции [25]. В течение второй половины 1817—1818 г. Бурцов дважды сообщает в письмах, что продолжает жить вместе с Павлом Колошиным. О А. В. Семенове в его письмах нет никаких сведений.

Очевидно, и в Петербурге артель оставалась (должна была оставаться) для ее членов только дружеским и хозяйственным объединением, так как с ней сосуществовало тайное общество, в которое входили и И. Г. Бурцов и Павел Колошин, хотя с гвардейским походом передвинулось в Москву его основное ядро. Ее идейное направление в это время не было потеряно, об этом свидетельствуют И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер. В этот период она становится, благодаря деятельности И. Г. Бурцова, местом для проверки молодых людей, которых он принимал в Союз Спасения. Но по сравнению с тайными обществами она утратила свое первоначальное значение — единственной идейной организации. Роль Священной артели на подготовительной стадии, когда выкристаллизовывалась идеология декабристов, была первостепенной (но все-таки для узкого кружка лиц). Теперь же артель стала только ступенькой при входе в тайное общество (но также для отдельных лиц, как, например, И. И. Пущин, В. Д. Вольховский).

В Москве во второй половине 1817 — начале 1818 г. шла очень напряженная жизнь декабристской организации. Но действуя в ней, члены артели все же продолжают чувствовать себя членами единого братства

---

[22] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 68 об.

[23] Там же, л. 119.

[24] Там же, лл. 104—105, 119—120; кн. 7, лл. 5—6, 15—16; кн. 8, л. 58 — письма И. Г. Бурцова от 6 и 8 сентября 1817 г., 16 августа 1818 г.; Петра Колошина от 31 марта 1818 г.; М. Н. Муравьева от 1 апреля 1818 г.

[25] Судя по письмам, в течение года — с июня 1817 по август 1818 г.— И. Г. Бурцов в Москве не был (по его письмам с 10 августа 1817 по 16 августа 1818 г.). Он до ноября 1817 г. был на топографических съемках. И поехал в Москву только 17 августа 1818 г. на свадьбу М. Н. Муравьева (была 26 августа) и в длительный отпуск в с. Пронск (по письмам 16 августа и 15 сентября 1818 г.). Павел Колошин был в Москве два месяца с января 1818 г. и приехал в Петербург в середине марта 1818 г. (письма Бурцова от 12 и 23 марта 1818 г.).

inslav

и по-прежнему считали Священную артель существующей. В противном случае Петр Колошин не мог бы писать 31 марта 1818 г. из Москвы: «Вся артель пребывает в том же, как и прежде, состоянии,— главная мысль и причина действий — общая польза: лучшее свойство — взаимная дружба. Отлученный от нас майор [Н. Н. Муравьев.— *И. К.*] всегда должен быть уверен в непременной дружбе артели». (Такое же единство с артелью в июне 1816 г. было выражено в листе «Постоянство», данном Н. Н. Муравьеву.) Обращаясь к удаленному от артели сочлену, Петр Колошин писал: «Желал бы знать твой теперешний образ мыслей — нельзя всего написать — артель весьма, кажется, в истинном образовании усовершенствовалась, а твое письмо к Александру показывает, что и в отдалении от артели ты с ней идешь равным, а может быть, и скорейшим ходом» [26]. При указании сроков существования артели мы учитываем отношение ее членов к этому вопросу [27].

В сентябре 1817 г. Бурцов и другие члены артели уже предвидели окончательный распад артели [28]: «Уже месяц тому назад как артель рассыпалась и не так, как прошлые годы — только до генваря, нет, ныне на всю зиму, да и на будущее лето, бог знает, все ли увидимся, ибо Миша и Петр находятся постоянно при Отчевом заведении, Александр же, может быть, перейдет куда-нибудь в полк: тогда останемся мы с Павлом горевать на развалинах огромного здания...» (6 сентября 1817 г.) [29]; «Общественные обязанности, коим каждый из членов посвятил себя, неминуемо навлекли сие разрушение, и будут всегда расторгать нас. Священный, но тяжкий долг!» (30 ноября 1817 г.) [30]. Понятие «общественные обязанности» для декабристов было шире служебных обязанностей, оно включало и долг перед обществом, т. е. общую пользу. Поэтому, очевидно, у нас есть основание считать, что Бурцов, как и А. Н. Муравьев, понимал, что артель как замкнутая форма изжила себя, она узка и не вмещала всей программы, которую имел в это время Союз Спасения. Артель выработала свои правила, свою идеологию, которая была принята Союзом. Центр деятельности Бурцова — по выработанным артелью правилам — перенесся также в Союз. Члены Священной артели заняли в первых тайных обществах руководящее положение. Как известно, они были очень деятельны в приеме новых членов, участвовали в разработке программных документов.

На рубеже 1818—1819 гг. члены бывшей Священной артели, оставшиеся в Петербурге, приняли нового члена — В. Д. Вольховского. В письмах начала 1819 г. И. Г. Бурцов и Петр Колошин говорят об образовании новой артели: с 30 декабря 1818 г. по 22 января 1819 г. Петр Колошин был в Петербурге и застал уже новую артель: «Вчера оставил нас Петр Колошин. Три недели пожили мы вместе и вспоминали часто прежнюю артель нашу. Видно, никогда не жить нам всем вместе: московские члены смотрят, как бы жениться. По древнему артельному обы-

---

[26] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 7, лл. 15 об.—16.

[27] Но следует сказать, что артель сохранилась также и потому, что у ее членов еще не было твердого убеждения, что они разъехались навсегда. Эта уверенность появилась только в середине 1818 г., особенно после твердого решения А. Н. Муравьева выйти в отставку, а затем в связи с женитьбой братьев М. Н. и А. Н. Муравьевых. В письме от 1 апреля 1818 г. М. Н. Муравьев, приглашая Н. Н. Муравьева на свадьбу, сообщал, что в августе у него соберется вся Священная артель (И. Г. Бурцов в августе присутствовал на свадьбе М. Н. Муравьева). Это можно считать последним сбором основной части Священной артели, так как в сентябре на свадьбе А. Н. Муравьева И. Г. Бурцов не был. Присутствовал ли в августе Павел Колошин — неизвестно.

[28] Как видно из писем Бурцова и Колошина, временный характер такого объединения, как Священная артель, был ясен ее членам еще в середине 1816 г. (письма 11 июля, 17 июля, 3 августа 1816 г. и др.— ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 4, лл. 7—8, 11—12, 37).

[29] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 104.

[30] Там же, кн. 6, л. 3.

inslav

чаю, мы провожали друга нашего до Средней Рогатки, где, напившись чаю вместе, простились...» (Бурцов, 23 января 1819 г.). В письме Петра Колошина 12 февраля 1819 г. из Москвы впервые упоминается состав этой артели: «Бурцов, Павел [Колошин.— *И. К.*], Семенов и один из наших офицеров Вольховский живут теперь вместе по образу и подобию артели». В письме 21 февраля [1819 г.] И. Г. Бурцов писал, что с ними вместе (но он не указывал тогда, с кем именно он жил в это время) живет А. В. Шереметев. Находясь уже в Тульчине, он назвал и других членов: «Одна вновь образовавшаяся в Питере артель — Павел, Семенов и Вольховский — наделяют меня их приятными письмами» (25 сентября 1819 г.) [31].

Создание и состав этой новой артели были, очевидно, тесно связаны с деятельностью И. Г. Бурцова, Павла Колошина и А. В. Семенова в Союзе Благоденствия. Судя по показаниям С. М. Семенова, управы Союза собирались, особенно в 1819 г., по личным связям. Из следственного дела Е. П. Оболенского известно, что в управу И. Г. Бурцова в 1818 г. входили, кроме указанных двух членов бывшей Священной артели, принятые им еще в Союз Спасения И. И. Пущин и Е. П. Оболенский, и М. М. Нарышкин [32]. В 1819 г. С. М. Семенов, по приезде в Петербург, указывает иной состав, называя ее управой Алексея Семенова: Павел Колошин, В. Д. Вольховский и А. В. Шереметев. Как видно, речь идет о составе новой артели, но, очевидно, уже после отъезда И. Г. Бурцова, когда во главе управы стоял П. И. Колошин (а не А. В. Семенов) [33].

Письма из артели позволяют уточнить место мемуарных свидетельств И. И. Пущина, А. Е. Розена и В. К. Кюхельбекера. Состав артели, который называет в своих «Записках» И. И. Пущин (Александр и Михаил Муравьевы, Бурцов, Павел Колошин и Семенов) [34], нельзя отнести к определенному времени, так как Семенов был принят в мае, но в это время И. Г. Бурцова и М. Н. Муравьева не было в Петербурге: первый был в отпуске в Пронске, второй — на службе в Москве, а в Петербурге был еще Петр Колошин. Вероятнее всего предположить, что Пущин, посещая артель длительное время, меньшую часть времени — до мая 1817 г. [35], а затем после июля 1817, точнее уже во второй половине августа, когда не было Петра Колошина, запомнил два состава артели, которые затем соединились в его памяти. Очевидно, беседы с ним «о зле существующего у нас порядка вещей» [36] следует отнести ко времени перед приемом его в члены Союза Спасения (после окончания Лицея, между 10 июля и концом августа) [37].

Запись из дневника В. К. Кюхельбекера, приведенная М. В. Нечкиной: «Где то время, когда у Бурцова собирался кружок молодых людей, из которых каждый подавал самые лестные надежды? Сам Бурцов, братья Колошины, Василий [Алексей Васильевич.— *И. К.*] Семенов, молодой Пущин (конно-артиллерийский), Жанно Пущин [?..], Александр Рачинский, Дельвиг, Кюхельбекер. Многие ли из них уцелели?» [38],— позволяет датировать описываемые сборы начиная со второй половины июля — начала августа 1817 г. А. Н. Муравьев мог не запомниться В. К. Кюхель-

---

[31] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 9, лл. 29 об., 53, 71 об.; кн. 10, л. 25 об.

[32] «Восстание декабристов. Материалы», т. I. М.— Л., 1925, стр. 252.

[33] Ср. *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. I, стр. 214; *С. Н. Чернов.* Несколько справок о Союзе Благоденствия перед Московским съездом 1821 г.— В кн.: «У истоков русского освободительного движения». Саратов, 1960, стр. 7; *он же.* Из работ над «Зеленой книгой».— Там же, стр. 267.

[34] *И. И. Пущин.* Указ. соч., стр. 68—69.

[35] М. В. Нечкина указывает, что Пущин мог быть гостем артели на Пасху 1817 г., т. е. в конце марта.— *И. К.* (*М. В. Нечкина.* Священная артель, стр. 171).

[36] *И. И. Пущин.* Указ. соч., стр. 69.

[37] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. I, стр. 167.

[38] *М. В. Нечкина.* Священная артель, стр. 157.

inslav

бекеру, так как, по свидетельству Павла Колошина от 10 мая 1817 г., он в последнее время бывал мало в артели.

В «Записках» декабриста А. Е. Розена запись посвящена В. Д. Вольховскому: «Не имея никакой помощи из родительского дома, жил он чрезвычайно умеренно и расчетливо в артели с Бурцовым, Семеновым, Искрицким и Колошиным...» [39] Как видно из приведенных писем, эта запись может относиться уже к новообразовавшейся артели, а не к Священной, и может быть датирована 1819 г. (январь — апрель). Хотя Искрицкий нигде в письмах не упоминается, можно предположить, что речь идет об апреле-мае 1819 г. В мае 1819 г. Бурцов был уже в Тульчине, а на его место в артели мог поселиться Искрицкий.

Итак, письма четко определяют состав действительных членов Священной артели в течение всех лет ее существования: три брата Муравьевы, Петр и Павел Колошины, И. Г. Бурцов; после отъезда Н. Н. Муравьева — 5 человек (его корреспонденты) [40]. В мае 1817 г. был принят А. В. Семенов. Как видно из записей И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера, лицеисты и названные ими молодые офицеры посещали артель не ранее середины 1817 г., когда расширился круг деятельности ее членов в тайном обществе. И. Г. Бурцов присматривался к молодым посетителям и искал среди них пополнение для Союза Спасения. Тогда он принял И. И. Пущина и В. Д. Вольховского. Записи А. Е. Розена относятся к управе И. Г. Бурцова в Союзе Благоденствия.

Следующий важный вопрос исследования — выяснить посетителей артели и степень их близости к ней. В данном вопросе письма являются хоть и очень скупым, но убедительным источником. Они называют посетителей артели, несомненно принимавших участие в ее жизни.

Письма устанавливают близость к артели И. Д. Якушкина, М. И. Муравьева-Апостола и Никиты Муравьева в 1815—1817 гг. Близость последнего была таковой, что по существующим материалам его можно считать участником всех начинаний артели.

В своих «Записках» И. Д. Якушкин к началу 1816 г. относит частые встречи членов Священной артели с группой офицеров Семеновского полка: «В это время Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем. Никита Муравьев также часто встречался с нами. В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России» [41]. По определению Якушкина, это было время, близкое к основанию первого тайного общества — Союза Спасения. А. Н. Муравьев и названные в «Записках» посетители братьев Муравьевых стали основателями этого общества. Среди писем есть небольшая записка М. Н. Муравьева, написанная 1 августа 1816 г. в связи с отъездом И. Д. Якушкина в Москву, с припиской М. И. Муравьева-Апостола: «Мы окончательно теряем Якушкина». Записка свидетельствует, что И. Д. Якушкин продолжал встречаться с членами артели вплоть до самого переезда в Москву.

Письма М. И. Муравьева-Апостола 1816—1817 гг. также говорят о близких связях его в этот период с артелью и общих общественно-политических идеалах. По «Запискам» Н. Н. Муравьева и А. Н. Муравьева известна родственная и дружеская связь М. И. Муравьева-Апостола с братьями Муравьевыми. Письма подтверждают эту связь и углубляют наше представление о ней. В 1811 г. М. И. Муравьев-Апостол

---

[39] *А. Е. Розен.* Указ. соч., стр. 241.

[40] Н. Н. Муравьев в «Записках» дважды именно так определял ее состав («Русский архив», 1886, № 2, стр. 131, 132, 142). Это уточнение основного состава артели отметил и Н. А. Задонский в сообщении «Новое о Священной артели и ее основателе» (стр. 168—169), хотя он не обратил внимания на ряд писем, точно датирующих изменение в ее составе 1817 г.

[41] *И. Д. Якушкин.* Записки, статьи, письма. Под ред. С. Я. Штрайха. М., 1951, стр. 10.

inslav

входил в юношескую идейную организацию «Чока», созданную Н. Н. Муравьевым[42]. В письме 16 марта 1817 г. он критикует нежизненность идеалов этого раннего объединения молодежи, сравнивая, очевидно, с идеалами зародившегося революционного движения: «Что сталось с планами 1811 г., с какой радостью мы их осуществляли, с каким усердием обещали каждый научиться своему ремеслу: мы порождали детей с тем, чтобы воспитывать их по Эмилю, Элоизе, Ометри, Иевтаму. У нас был огромный недостаток в приемах нашего европейского воспитания, нам набивают головы поэзией больше, чем рассудочностью, сколько потрясений приходится испытывать, пока не обретешь самого себя»[43]. В этом же письме он сообщает Н. Н. Муравьеву, что часто встречается с артелью[44]: «Я часто вижу твоих братьев, артель видит нас[45] в своем кругу, но я не вижу там больше артельщика в сюртуке с боковыми карманами, мы часто говорим о нем, стараемся представить себе, что он делает». Идеалы его близки идеалам артели: «Счастлив тот, кто в состоянии принести жертву своей Родине; он имеет право на уважение и почет своих сограждан». К этому письму сделана приписка Никиты Муравьева, которая подтверждает и его тесную связь с артелью: «...мы все почти каждый день о тебе вспоминаем или говорим, собираемся читать твои письма и воображением переносимся на крутизны Кавказские вслед за тобой. Александр опять прихварывает. Я почти каждый день с ним вижусь... Все наши тебя любят и тебе кланяются»[46]. О том, что эти встречи Никиты Муравьева с артелью были не только родственными и не ограничивались А. Н. Муравьевым — основателем тайного общества, говорит и документ о деятельности артели в 1816 г.: «Обращение 6-ти оберофицеров об издании «Военно-математических записок»», подписанное вместе с пятью членами артели и Н. М. Муравьевым. На предполагаемую близость Н. М. Муравьева к артели указывала в своей работе М. В. Нечкина[47], а позже и публикатор этого документа В. Н. Молодший: «...если Никита Муравьев и не был полностью осведомлен о ее деятельности, то все же идеи и замыслы ее членов не составляли для него тайны»[48]. Письмо М. Н. Муравьева 24 августа 1817 г. из Москвы прямо говорит о принадлежности Никиты Муравьева к артели: «Петруша [Колошин.— *И. К.*] теперь прикомандирован к батюшке, мы теперь вдвоем трудимся и часто вспоминаем себе артель. К 1-м числам сентября и Александр [Муравьев.— *И. К.*] будет в Москву, где он и проведет всю зиму, ты, конечно, уже знаешь, что [он] назначен находиться в должности начальника Главного штаба при отряде Гвардейском, идущем на зиму в Москву, Никита Муравьев с ним же будет, итак артель наша опять частью соберется в Москве»[49]. В «Записках» И. Д. Якушкин называет более широкий круг лиц — близких друзей артели, собравшейся в Москве[50]. Но в письме М. Н. Муравьева важно отметить, что, перечисляя приехавших из Петербурга членов арте-

---

[42] «Русский архив», 1885, № 9, стр. 25.

[43] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 26. Это письмо является редким — вторым — свидетельством о юношеском кружке и его идеалах. Письмо на французском языке, имена героев произведения Руссо написаны по-русски в необычной транскрипции.

[44] О встречах с М. И. Муравьевым-Апостолом есть также беглые указания в письмах И. Г. Бурцова от 9 ноября 1816 г. и 12 марта 1817 г.

[45] Очевидно, в артели бывали не только автор письма и Н. М. Муравьев, но и С. Муравьев-Апостол, от которого М. И. Муравьев-Апостол в дальнейшем передает ему привет.

[46] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, лл. 25 об., 26 об.

[47] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. I, стр. 128.

[48] «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 555.

[49] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 102. Здесь и далее разрядка наша.— *И. К.*

[50] «Командовал этим отрядом генерал Розен, а начальником штаба был Александр Муравьев. Вместе с отрядом прибыли Никита, Матвей и Сергей Муравьевы. Михайло Муравьев, вступивший уже в общество, приехал также в Москву» (*И. Д. Якушкин.* Указ. соч., стр. 12).

inslav

ли, автор включает в их число и Никиту Муравьева, вероятно, считая его органически связанным с деятельностью артели.

Члены Священной артели, очевидно, с самого начала рассматривали свою артель как замкнутую дружескую организацию единомышленников, не ставившую перед собой цели расширять количество своих действительных членов (по письмам И. Г. Бурцова от 6 ноября 1816 г. и особенно от 30 ноября 1817 г.).

Основную задачу Священной артели сформулировал один из ее основателей — А. Н. Муравьев. Через несколько месяцев после основания Союза Спасения, 20 июля 1816 г., А. Н. Муравьев, уезжая надолго в Крым лечиться, написал Н. Н. Муравьеву в Москву нечто вроде своего пожелания членам Священной артели. Оно написано в шутливом тоне макароническим стилем — смесью итальянских, польских, немецких и русских слов:

«A que machi la nostri раззорени Артели? — Погорели brulati, по mondi хóди шатáи! — Счасти chérchi, ниц не нахóди, но tempi, время, не теряй, а lérui прилежни, и дрýги учи; — ô Артели, Артели! — ûni, inseporabili! Italiani, Antonoletti, amanti, filletti, жолоти платоки, amaranti Burtzoviÿ, продáи a créati brillanti и Артели набогащаи! — о члени, membri, chéri, драгоценни!» [51] Здесь все выглядит некоторым набором незначащих слов, дружеской шуткой, но общий смысл этого наставления совершенно ясен: члены артели должны основной своей задачей считать передачу своих мыслей и правил другим. Даже в том случае, если артель распадалась [52], отдельные ее члены должны были выполнять ту же задачу, поиски собственного «счастья» не должны им мешать, не теряя времени учиться самим (присматриваться к явлениям жизни России и учиться гражданским наукам) и учить этому других. В листе «Постоянство», который подписала вся Священная артель, направляя его 30 июня 1816 г. Н. Н. Муравьеву, любовь к Отечеству названа руководителем члена артели во всех «трудах и начинаниях» [53].

Жизнь артели в первой половине 1817 г. проходит под тем же девизом: «Что же касается до артели, то она все в том же пребывает положении; всякой, занимаясь различно, старается содействовать или готовится к содействию к предположенной цели, к пользе общей» (Петр Колошин, 1 марта 1817 г.); «Живучи в артели, необходимо должно переменить свой образ мыслей и принять артельное мнение: быть полезным Отечеству своими занятиями...» (Павел Колошин, 23 марта 1817 г.); «Главная мысль и причина действий — общая польза; лучшее свойство — взаимная дружба» (Петр Колошин, 31 марта 1818 г.) [54]. Этот девиз в таком виде, как он сформулирован в письме П. Колошина 1 марта 1817 г., близок к формулировке цели Союза Спасения, данной С. П. Трубецким: «подвизаться на пользу общую всеми силами...» Следует сказать, что со времени вступления членов Священной артели в Союз Спасения, а затем и в Союз Благоденствия идеалы артели и цель ее, близкие по своему происхождению к целям и идеалам тайных обществ, сливаются в их

---

[51] Этот текст, вероятно, может быть переведен следующим образом: «Что делает наша разоренная артель? Погорели жестоко, разошлись по миру! — Ищи счастья, ничего не находя, но время, время не теряй, а учись прилежно, и других учи. О Артель, Артель! — единая, неделимая!... Желтый платок, любезный Бурцов, продай и создай блестящим образом Артели на обогащение! О члены, члены, дорогие, драгоценные!» В письме этот текст не связан по смыслу ни с предшествующей, ни с последующей фразой (ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 4, л. 25 об.).

[52] В нашем распоряжении нет материалов о том, что артель подвергалась каким-либо репрессиям со стороны правительства, следовательно, «разоренной артелью» А. Н. Муравьев мог называть ее только потому, что из нее уже выбыл надолго Н. Н. Муравьев, остальные члены почти одновременно покинули артель. Он считал, очевидно, что артель распалась окончательно.

[53] «Русский архив», 1886, № 4, стр. 448.

[54] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, лл. 15 об., 27; кн. 7, л. 15 об.

inslav

письмах, и, говоря о цели артели, они выражают идеи новых политических обществ.

В переписке 1816—1821 гг. вопрос о трудах на благо Отечества занимает основное место как один из главных вопросов идеологии декабристов. Особенно часто этот вопрос поднимается в письмах 1816—1818 гг. в связи со служебной деятельностью членов артели [55], но главным образом в связи с отъездом Н. Н. Муравьева на Кавказ.

На протяжении этого времени в письмах расширяется и конкретизируется их представление о пользе Отечеству, выявляются определенные позиции в этом вопросе у А. Н. Муравьева и И. Г. Бурцова. И хотя по свойству этой переписки авторы не раскрывают широко совершенно понятную им формулу о «деятельности на благо Отечества», письма довольно отчетливо говорят о политической идеологии их авторов — членов Союза Спасения и Союза Благоденствия. В постановке этого вопроса в связи с отъездом Н. Н. Муравьева можно наметить два периода: первый — связанный с участием Н. Н. Муравьева в посольстве в Персию, возглавлявшемся А. П. Ермоловым (1816—1817 гг.); второй — когда Н. Н. Муравьев принял решение остаться служить в Кавказском корпусе у А. П. Ермолова (с октября-ноября 1817 г.).

Дипломатическую миссию А. П. Ермолова в Персию члены Священной артели рассматривали как подвиг А. П. Ермолова во славу родины, поэтому службу Н. Н. Муравьева на Кавказе во время подготовки посольства артель также считала важнейшей деятельностью на благо Отечества. «Завидую тебе, любезный друг, касательно пользы, которую ты приносишь»,— писал Павел Колошин 18 января 1817 г. [56]

С позиции Союза Спасения расценил службу брата на Кавказе А. Н. Муравьев. Он считал полезным для Отечества изучение всех явлений жизни России издали, очевидно, имея в виду дальнейшее переустройство: «...чем далее от столицы, от суетностей житейских, от подлого и низкого подражания иностранцам, от непрерывной перемены в модах, от ...и протчих, и протчих истинной добродетельной муж, тем более начинает себя чувствовать, тем более видит всю ничтожность блестящих сборищ столичных и питает некое презрение к тому, что не к прямой пользе Отечества его клонится. Способности его развертываются, усиливается любовь к родине, и он ищет всех средств, [как] быть истинным сыном Отечества... Живучи в столице под бременем многих начальников, которые мелочами убивают способности ума, никогда душа наша не может вылететь из тесного своего обиталища, она беспрерывно призываема искусительными чертами безделия, которые часто губят все наше политическое бытие; ...н[е] постигает нравы тьмы народов, не видит разно[о]бразия отечества своего, не видит взаимных влияний сограждан и правительства и многое тому подобное совершенно не понимает. И потому истинный русской несравненно полезнее бывает России в такой отдаленности, нежели в самом источнике; ибо хотя в источнике если и должны бы пролиться все сведения о государстве, но известно тебе, что воды принимают цвет тех земель, в которых протекают. ... Советую тебе — не оставляй без внимания никакой отрасли познаний, до России относящейся, углубляйся в размышлениях на самой даже бездельный предмет, ибо оный непременную имеет связь с общим» (16 января 1817 г.) [57]. Это замечательное письмо содержит программу действия для молодой России и характернейшие идеи времени.

---

[55] Так, Петр Колошин рассматривал свой переход на службу в Училище для колонновожатых как труд на пользу общую.

[56] Но летом 1816 г. решение Н. Н. Муравьева уехать служить на Кавказ Священная артель считала направленным против «бедного нашего Отечества» и жалела, что не могла призвать его на вече к ответу (по письмам И. Г. Бурцова от 24 июля 1816 г. и Петра Колошина от 3 августа 1816 г.).

[57] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, лл. 3—4.

inslav

Но наибольшее развитие эта тема получила в письмах И. Г. Бурцова. Основная их часть относится уже ко времени постоянной службы Н. Н. Муравьева на Кавказе. На протяжении почти всей переписки — с отъезда Н. Н. Муравьева из Петербурга на Кавказ до 1821 г.— два коренных члена артели (И. Г. Бурцов и его адресат) ведут спор по основным вопросам (не только для Священной артели, но и для более зрелых организаций — тайных обществ декабристов): об отношении гражданина и общества, об отношении к Отечеству, к общей пользе, к политическому строю, самодержавию. Письма об отношении к Отечеству представляют особый интерес как материал спора в Священной артели и потому, что он ведется от имени артели, с позиции принятой ею категории добродетельного гражданина: «Вот...те истины непременные, кои тебе не менее, как и всякому члену Артели, известны...» (далее в этом же письме он называет их «общими великими истинами» и «правилами истинно добродетельного человека») (25 июня 1817 г.). В другом письме он обращается к Н. Н. Муравьеву с предложением «рассуждать по принятым издавна артелью правилам» (4 декабря 1817 г.), всячески подчеркивая, что подходит к вопросу об Отечестве и общем благе не с позиции официального патриотизма. Вопрос об отношении к Отечеству в переписке Бурцова с Н. Н. Муравьевым решается в связи с другим не менее важным вопросом декабристской идеологии — является ли служба в Грузии службой на благо Отечества, или о бесполезности службы в нерусской провинции для Отечества и необходимости возвращения в Отечество для его блага. Этому посвящены письма 1817—1818 гг. «Ты размышляешь о своих поступках и поэтому известны тебе обязанности, связывающие каждого с Обществом и родиной... Каждый обязан всем Обществу, а благо сего последнего от пожертвований каждого зависит... Ежели сии непременные связи расторгнутся, то единство исчезнет и политический состав Общества неминуемо обрушится. Из сего ясно видно, что человек, желающий быть добродетельным, непременно должен поставить себе целию принести обществу самую величайшую пользу [58], какую только он может: без того все поступки его суть противны справедливости... Добродетельный человек в полной силе должен знать важность обязанностей, на него при вступлении в свет налагаемых; он должен быть несомненен в том, что имущество, способности и самая жизнь его не столько ему самому, сколько непосредственно принадлежат обществу; а посему он не волен никаким образом отказываться от оных, или пожертвовать ими иначе, как для умножения блага своего Отечества» (25 июня 1817 г.) [59]. И в следующих письмах он продолжает излагать свою концепцию: «Ты отвечаешь, что добровольною поездкою в Грузию, добровольным перенесением великих трудов ты исполнил сей священный долг. Согласен — ты исполнил его как нельзя лучше в два прошедшие года. Но целую жизнь свою ты должен действовать с равной пользой... Сравни только две крайности: в Грузии все, что ты можешь быть по прошествии долгого времени,— Командующим генералом и поведением своим благоразумным и беспристрастным можешь составить благо иноплеменных народов, совершенно бесполезных для Отечества нашего. С другой стороны, служа в столице, в предварительных чинах ты имеешь случай учиться гражданским наукам, наблюдать характер соотечественников и, достигнув высших должностей, можешь говорить царю правду, можешь советами и действиями своими всему Отечеству приносить неизъяснимую пользу. ... Великие добродетелями люди должны принадлежать не одной провинции, а всему вообще Отечеству: они благотворители его. Николай!

---

[58] Это идеологическое кредо «единой цели жизни» добродетельного гражданина как формула повторяется у Бурцова в нескольких письмах.— *И. К.*

[59] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 5, л. 94—94 об.

inslav

Согласись, что это правда и что не следовать сему правилу — значит не быть истинно добродетельным» (4 декабря 1817 г.) [60]. Далее в этом письме И. Г. Бурцов доказывал Н. Н. Муравьеву необходимость быть в Отечестве и в случае нападения на него внешнего врага, как это было в 1812 г., и для разоблачения внутреннего. «Не столько опасен явный враг государства, сколько тайный... Тебе известны испорченные соотечественников нравы. Что может спасти государство от следствий, производимых такими соотечественниками? Пожертвование собою добродетельных граждан. Итак, судя строго, в сем случае ты не менее обязан быть с соотечественниками своими... Свидание наше, уверяю тебя, открыло бы глаза твои на многие вещи». В этом последнем письме с очевидностью выясняется позиция Бурцова в отношении России и Грузии. Не Грузия как край (в дальнейшем в письмах он часто и с сочувствием отзывается о Грузии), а служба в нерусской отдаленной провинции вызывает отрицательное его отношение, поэтому, с его точки зрения, и служба в Грузии не приносит пользы России — Отечеству. Отсюда появляется тезис о том, что великие добродетелями мужи не должны принадлежать одной провинции, а «всему вообще Отечеству». Впоследствии И. Г. Бурцов допускает и объясняет ошибочность своего взгляда на службу в Грузии: «Если я вызывал тебя служить в России, а не в Грузии, то я, может быть, ошибался в той пользе, которую ты принести мог общему государственному составу» (24 апреля 1822 г.) [61]. Главными вопросами политического мировоззрения Бурцова в этих письмах являются вопросы о роли гражданина в обществе, о связях и единстве общества, особенно революционной является постановка вопроса о разрушении «политического состава общества» в случае нарушения (или «исчезновения») единства понимания обязанностей граждан («добродетельных людей») в обществе.

Свое понимание путей служения Отечеству Бурцов излагает в ряде писем, причем основная мысль автора направлена на то, чтобы привлечь Н. Н. Муравьева в уже существующее тайное общество. В приведенном выше письме 4 декабря 1817 г. И. Г. Бурцов, говоря о свидании, которое открыло бы Муравьеву нечто неизвестное, имел в виду, очевидно, именно тайное общество. Это письмо заключает целую программу служения Отечеству: 1) борьба с врагом тайным — злоупотреблениями, 2) учиться гражданским наукам, будучи в небольших чинах, и изучать характер соотечественников, 3) достигнув высших чинов, занять положение, которое давало бы возможность влиять на решения правительства. Кроме этого, борьба с врагами родины, если они начнут войну. Эта программа, несомненно, близка в основном к целям и задачам тайного общества в его, И. Г. Бурцова, понимании, т. е. программа медленного воздействия на общественное мнение. Доказывая необходимость выполнения каждым гражданином «тех обязанностей, коими едиными добродетельный человек связан бывает» не в Грузии, а в России, он призывает Н. Н. Муравьева возвратиться в Отечество и присоединить «труды свои к нашим занятиям, благу сограждан посвященным» [62]. Но особенно явственно выражает Бурцов свою политическую декабристскую программу в период становления Союза Благоденствия в двух письмах. «Ты скажешь, что добродетельный человек должен жить для утешения своей совести. Так, но для утешения совести не нужно жить, как ты, а как много честных людей: исполнять строго гражданские обязанности. Твои правила суть века рыцарского, в коем не было законов и обязанности гражданина никому известны не были. Любовь и честь управляли несколькими отборными людьми, а тысячи прочих стенали под тяжелым игом неволи. Н ы н е к благу человеческого рода, отборные упражняют-

[60] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 6, лл. 5—6.
[61] Там же, кн. 13, л. 35.
[62] Там же, кн. 5, л. 119 об.; кн. 6, л. 16.

inslav

ся в изучении лучшего гражданского *составосложения*, а тысячи ожидают от трудов их объяснение прав их и обязанностей. Переселись из-за тридевять веков... в столицу и тогда с большею пользой проведешь [тв]ое время» (26 апреля 1818 г.) [63]. Таким образом, политические идеалы Бурцова состоят в изменении существующего строя (самодержавия) на «лучшее гражданское составосложение». Борьба «отборных» за благо тысяч — именно так представляли себе свою миссию первые русские дворянские революционеры. Бурцов выражал их идеологию. Представления его об обязанностях гражданина исходят из той же позиции преобразования в самодержавном государстве, которое он характеризует в письме так: «В благоустроенных государствах граждане должны нести *некоторые* обязанности, налагаемые обществом, а в государствах возникающих, преисполненных зла и невежества, обыкновенные обязанности недостаточны — потребны *доблести*, потребно *отречение от собственных выгод* и стремление к общему всеобъемлющему благу целого». С этих позиций он судит о делах Н. Н. Муравьева, отдавая должное его личному мужеству, но считая его бесполезным для Отечества (с позиций того дела, которое обсуждалось в тайных обществах). «Существование твое в воображаемом мире... доказывает твердость духа твоего, необыкновенно[го] в нынечнем [64] свете, но не менее того есть эгоизм, не простительный для гражданина вообще, а еще более для россиянина. Что будет с Отечеством, когда сыны его устремятся каждый за любимой мечтою, слабо или вовсе не будут исполнять гражданских обязанностей и дело общее предадут хищению порока? Что будет с нашей Родиною, когда мужественные россиянине не обрекут себя на жертву общественной пользе?... *Благодетелен* тот гражданин, коего самолюбие находит пищу в доставлении Отечеству блага. *Бесполезен* тот, коего цель мечтания!» (21 мая 1818 г.) [65].

Для того чтобы отчетливее представить себе отношение членов Священной артели к политическому строю и самодержавию, обратимся к показаниям А. Н. Муравьева на следствии, относящимся к свидетельствам о раннем периоде его революционной деятельности: «Я тогда еще не верил, что цари от бога поставляются, что царства и правления богом учреждаются, а не людьми, что подданные обязаны повиноваться государю и учрежденным властям и правлению, каково бы оно ни было» [66], т. е. людьми изменяются правления. Это высказывание, действительно, подтверждается письмами И. Г. Бурцова. Очевидно, у И. Г. Бурцова не было последовательной позиции по отношению к царю. При его программе «медленного действия на мнения» он не мог не предполагать существования сильного монарха. Как видно из письма от 4 декабря 1817 г., он считает возможным оказывать воздействие на него советами и добиваться легальным путем каких-то улучшений, в 1818 г. он был готов ждать от царя обещанной конституции. Однако, как видно из приведенных выше писем, Бурцов нигде не упоминает фигуру царя как основную и неколебимую в жизни государства, когда говорит о политическом единстве общества и государства, наоборот, он считает это результатом деятельности граждан, которые («отборные» из них) могут утвердить «лучшее гражданское составосложение», т. е. людьми учреждается правление. «Тысячи» ожидают от них «объяснение прав их и обязанностей» — можно предположить, очевидно, что автор имеет в виду изменение прав и обязанностей, т. е. не царями, а людьми-гражданами изменяется правление, если оно не удовлетворяет «отборных» и «тысячи». Кроме прямого политического значения этого высказывания, важно под-

---

[63] Там же, кн. 7, лл. 27 об.— 28. Курсив автора.— *И. К.*
[64] Так в подлиннике.— *И. К.*
[65] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 7, лл. 48—49.
[66] «Восстание декабристов», т. III. М.— Л., 1929, стр. 17.

inslav

черкнуть развитие исторического взгляда Бурцова на роль человека в истории государства.

Письма Бурцова облекают в конкретную форму наше представление о его взглядах на «возможности изменения, желаемого многими втайне» (И. Пущин), и обязанности гражданина России, именно России... С этими требованиями он должен был подходить к каждому члену артели и к принимаемому им в тайное общество в эту пору. Становится ясным, что именно имел в виду Бурцов, говоря, что И. И. Пущин по мнениям и убеждениям своим, вынесенным из Лицея, «готов для дела» [67].

Отставка А. Н. Муравьева и женитьба членов артели были восприняты Бурцовым как ущерб для общего дела. «Я настоятельно требовал от Александра, чтоб он остался в сл[у]жбе, но он неотменно хочет выйти в сентябре в отставку, если не получит от самого государя пр[иглашения] остаться» (21 мая 1818 г.) [68].

Из «Записок» Н. Н. Муравьева известно, что основной формой идейной жизни артели и «проверкой» ее политического роста были ежевечерние беседы. Но конкретных вопросов, обсуждаемых в артели, нет ни в «Записках», ни в рассматриваемых письмах. Только в «Записках» И. Д. Якушкина и И. И. Пущина названы жгучие общественно-политические вопросы, которые обсуждались в 1816 и 1817 гг. членами артели. Приводимые выше письма представляют огромный интерес именно как беседа или спор между членами артели, показывающий идейные тенденции. Но письма, естественно, на первый план выдвигали лишь один из идеологических вопросов — воплощение в жизнь их основного девиза — деятельности на пользу Отечества.

Рамки статьи ограничивают возможность затронуть материал писем по чрезвычайно важным вопросам для понимания истоков идейных устремлений некоторых членов артели в дальнейшей их революционной и практической деятельности. К ним относятся вопросы, связанные с их служебной деятельностью и научно-теоретическими работами, созданием проекта издания «Военно-математических записок» и руководством ланкастерскими школами в гвардии. Сюда же относится вопрос о самообразовании членов артели и посещении «курсов политических наук» проф. Германа, Куницына, Галича.

Из сохранившихся архивов членов Священной артели (даже более узко — членов семьи Муравьевых, так как архивы И. Г. Бурцова и братьев Колошиных не сохранились), где могли бы храниться документы и письма артельцев, известен пока только архив Н. Н. Муравьева-Карского. Архивы А. Н. Муравьева (в составе фонда Шаховских) [69] и М. Н. Муравьева [70] хронологически относятся к более позднему времени. Таким образом, фонд Н. Н. Муравьева-Карского является не только единственным архивом одного из действительных членов этой организации, но и архивом, сосредоточившим в себе документальные автобиографические свидетельства всех членов этой организации. Материалы И. Г. Бурцова и о Бурцове, входящие в состав этого фонда, являются пока самым значительным документальным комплексом личного происхождения об этом декабристе [71].

---

[67] *И. И. Пущин.* Указ. соч., стр. 69.
[68] ГИМ, ОПИ, ф. 254, кн. 7, л. 49.
[69] ГБЛ, ОР, 336/II.
[70] ЦГАОР СССР, ф. 811-И, 130 ед. хр., 1825—1897 гг.
[71] Документы в ЦГВИА и ЦГИА, а также письма И. Г. Бурцова к П. Д. Киселеву и Н. Н. Раевскому в ИРЛИ (Пушкинский Дом) не составляют крупных комплексов. Мы не рассматриваем здесь его следственное дело, так как оно занимает особое место в ряду архивных материалов (ЦГАОР СССР, ф. 48-И, д. 95).

inslav

Н. Я. Эйдельман

ЖУРНАЛЫ И ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛУ ДЕКАБРИСТОВ

«Журналы заседаний Высочайше утвержденного комитета о злоумышленных обществах» и во многом сходный с ними документ «Докладные записки» являются частью сложного делопроизводственного комплекса, связанного со следствием над декабристами[1]. «Журналы» и «Записки» еще не опубликованы и далеко не достаточно используются историками. После осуждения декабристов их следственные дела и другие материалы процесса долго хранились «за семью печатями» в Государственном архиве. К ним допускались отдельные историки, пользовавшиеся доверием власти (М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, Н. К. Шильдер). Первые значительные извлечения из этих бумаг появились только после 1905 г.[2] Главное внимание первых публикаторов было обращено на следственные дела отдельных декабристов, содержащие их собственноручные показания.

С первых лет Советской власти началась подготовка к изданию следственных дел и других документов. С 1925 г. по настоящее время вышло 12 томов документов «Восстание декабристов», где представлены 66 следственных дел (из общего числа более 300) и, сверх того, дела участников восстания Черниговского полка. Это издание — продолжающееся, имеющее большой перспективный план,— без сомнения, является основным событием в истории разработки «Журналов» и «Докладных записок». В статье «Следствие над декабристами», помещенной в первом томе этого издания, А. А. Покровский охарактеризовал «Журналы» Комитета и «Записки» (последние названы «Отчетами о заседаниях»), которые представлялись Николаю I[3], использовав эти источники для краткого анализа деятельности Следственного комитета. Он привел ряд фактов из «Журналов», дополняющих следственные дела Трубецкого, Никиты Муравьева и некоторых других декабристов[4]; однако систематической выборки из «Журналов» относительно восьми декабристов (чьи дела публиковались в томе), в первой книге «Восстания декабристов» не было проведено. Этот пробел лишь отчасти компенсирован последующими публикациями[5]. Со второго тома сборника помещаются очень важные до-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 48 (Декабристов), д. 25 (Ежедневные докладные записки), 506 лл. и д. 26 (Журналы заседаний), 553 лл. (далее — «Записки» и «Журналы»). Архивную нумерацию дал в 1900—1903 гг. Н. П. Павлов-Сильванский (*С. Н. Чернов.* К истории фонда Следственной комиссии и Верховного уголовного суда над декабристами.— «Архивное дело», 1925, вып. III—IV, стр. 108—113). Названия «Журналы», «Докладные записки» несколько условны: на корешке переплета дела № 26 напечатано одно слово — «Журналы». Обычной бумажной обложки с писанным от руки заглавием в делах № 25—26 не сохранилось. В то же время, согласно описи, составленной к 1 сентября 1903 г. Н. П. Павловым-Сильванским, оба рассматриваемых дела входили в ч. 1 «Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах». Автор благодарен А. Г. Тартаковскому за ценные советы по этому и другим вопросам.

[2] *М. В. Довнар-Запольский.* Мемуары декабристов. Киев, 1906; *В. И. Семевский.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

[3] «Восстание декабристов», т. I. М.— Л., 1925, стр. XIV—XV.

[4] Там же, стр. XVI—XVIII. Далее ссылки на сборник «Восстание декабристов» (ВД) даются в тексте с указанием тома и страницы.

[5] В частности, дополнения к следственному делу Рылеева см. в работе Т. Г. Снытко «Рылеев на следствии. Из неопубликованных следственных дел о декабристах» («Литературное наследство», т. 59, кн. 1. М., 1954, стр. 176—236).

inslav

полнения из «Журналов» к каждому делу, что значительно обогащает публикации следственных дел, но, разумеется, не отменяет необходимого изучения этого источника в целом.

В дальнейшем «Журналы» и «Записки» использовались, во-первых, в обобщающих работах советских историков при характеристике следствия над декабристами и следственных материалов; во-вторых, в исследованиях, посвященных отдельным декабристам (материалы о которых выборочно извлекались из «Журналов», как это практиковалось и при издании следственных дел). В работе М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» отмечено большое значение подлинных «Журналов». Кроме уже известных, в основном из статьи А. А. Покровского, выкладок о Следственном комитете, Гернет нашел в «Журналах» дополнительные подтверждения активной роли Николая I в следствии (указание, полученное Комитетом 28 мая 1826 г.,— не заниматься разделением декабристов «по разрядам» и др.) [6].

В капитальном труде М. В. Нечкиной «Движение дкабристов», в главе «Следствие, суд, приговор» содержится ряд сведений, заимствованных из «Журналов» [7]. Однако подробная история следствия не входила в задачу М. В. Нечкиной, другие же работы, посвященные истории декабристского процесса в целом, отсутствуют. О следствии и суде над отдельными декабристами написано немало, но одно, несколько, даже множество дел — это еще не процесс с его сложнейшими связями и взаимодействиями.

Краткая характеристика «Журналов» как исторических источников дана в работе И. А. Мироновой [8]. Автор использует «Журналы» и как подспорье для анализа следствия над И. Д. Якушкиным [9].

Многосторонне использованы «Журналы» М. В. Нечкиной при изучении следствия над А. С. Грибоедовым [10]. Анализ «Журнала» 10-го заседания Комитета (26 декабря 1825 г.), где было принято решение об аресте Грибоедова, позволил автору указать на недоговоренность в этом документе, где в спешке представлялся к аресту ряд лиц и не слишком точно сообщалось о том, чьи показания вызывают это представление (отчего оставалась неясной связь показаний С. П. Трубецкого и ареста Грибоедова). Сопоставляя почти одинаковые формулировки двух обращений Следственного комитета к царю по поводу дела Грибоедова (25 февраля и 31 мая 1826 г.), размышляя над тем, отчего первое обращение было отвергнуто, а второе принято, сопоставляя утверждения Комитета, будто против Грибоедова существует всего одно показание, в то время как их было не менее четырех, М. В. Нечкина угадывает за этим хлопоты в пользу Грибоедова влиятельных лиц (И. Ф. Паскевича и др.).

Примеры обращения к «Журналам» исследователей, работающих над биографиями отдельных декабристов, можно было бы увеличить. Однако «резервы» возможного использования источника еще далеко не исчерпаны. По-прежнему сохраняет актуальность та проблема, о которой удачно сказал Ю. М. Лотман: «Основным документальным фондом для историка декабризма являются материалы Следственной комиссии. Когда-то недоступные и манившие историков, они теперь хорошо изучены, частично опубликованы и широко привлекаются в работах различных авторов. К сожалению, не всегда при этом проявляется достаточное понимание исследовательских приемов, которые необходимы всякому, обращающемуся к столь своеобразному документарию.

---

[6] *М. Н. Гернет.* История царской тюрьмы, т. 2, изд. 3. М., 1961, стр. 137.
[7] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. 2. М., 1955, стр. 392—426.
[8] *И. А. Миронова.* Судебно-следственные материалы первой половины XIX века. М., 1958, стр. 10—11, 26.
[9] Там же, стр. 10.
[10] *М. В. Нечкина.* Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 460, 461, 475, 476, 490, 491.

inslav

Упомянутый фонд исключает частичное, цитатное использование отдельных показаний или вырывание лишь каких-то дел и требует от изучающего знания всего материала и понимания всего хода работ Следственного комитета, учета ежедневных поворотов событий и конкретных изменений в тактике судей и их жертв — каждой в отдельности. В этом смысле исследование, в котором рассматривался бы весь ход следствия день за днем, принесло бы не только большую научную, но и методическую пользу. Огромные результаты сулит кропотливый труд по обзору материалов, проведенному не в порядке лиц и дел, а хронологически — день за днем, а где возможно — и час за часом. Такого рода работа даст в руки исследователя необходимые коэффициенты поправок точности тех или иных документальных свидетельств» [11].

Можно добавить, что без глубокого изучения «Журналов» Следственного комитета и ежедневных «Докладных записок» подобные задачи неразрешимы.

* * *

В уже упомянутой статье А. А. Покровского «Следствие над декабристами» определено «делопроизводственное происхождение» «Журналов» Следственного комитета: «По принятому тогда во всех учреждениях порядку, и в Комитете ежедневно велся журнал, причем в начале каждого заседания аккуратно записывалось, кто из членов Комитета был на заседании; во сколько оно началось, что происходило в нем, а в конце отмечали имена отсутствующих и время окончания заседания» (ВД, I, стр. XIV) [12].

Действительно, описанная форма «Журналов» широко распространяется в государственных учреждениях после петровских реформ. Такого типа журналы велись еще, например, в Верховном тайном совете (1726—1730) [13]. По форме чрезвычайно похожи на «Журналы» Следственного комитета журналы других комитетов, работавших при Александре I и Николае I. Типичный пример — «Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г.» [14]

Спустя четверть века, в 1849 г., специальный Комитет вел следствие по делу петрашевцев. (К сожалению, журналы этого Комитета также не опубликованы и слабо изучены [15].)

История работы секретных комитетов, понятно, была окружена тайной, отчего исключительное значение получают немногие сохранившиеся свидетельства самих следователей или чиновников, участвовавших в работе этих учреждений. Для истории Следственного комитета 1825—1826 гг. особенно важны воспоминания А. Д. Боровкова, правителя дел этого Комитета [16]. Сохранилась рукопись этих воспоминаний [17]. Там, как и в печатном тексте, имеются пояснения А. Д. Боровкова, из которых видно, что записки его были начаты на сороковом году жизни, т. е.

---

[11] *Ю. М. Лотман.* Рецензия на книгу С. Н. Чернова «У истоков русского освободительного движения».— «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 139.

[12] А. А. Покровский, как видно, считает, что «Журналы» велись непосредственно во время заседаний. Ниже будет показано, что в Следственном комитете порядок был иным.

[13] «Протоколы, Журналы и Указы Верховного тайного совета».— «Сборник Русского исторического общества», т. 55. СПб., 1881; т. 56. СПб., 1887; и др.

[14] Там же, т. 74. СПб., 1891.

[15] См. о них в сб.: «Дело петрашевцев», т. I. М., 1937, стр. XVII—XVIII.

[16] *А. Д. Боровков.* Автобиографические записки.— «Русская старина», 1898, № 9—12.

[17] ЦГАОР СССР, ф. 1068 (А. А. Сиверса), оп. 1, д. 726 («Автобиографические записки» А. Д. Боровкова на 141 лл.); приложения к запискам («Русская старина», 1898, № 11, стр. 337—342 и 352—362) почти полностью сохранились в другом деле того же фонда (д. 744, лл. 1—18). Начальные главы записок, подробно повествующие о детстве и юности Боровкова, опубликованы в «Русской старине» с большими купюрами (ср. ЦГАОР СССР, ф. 1068, оп. 1, д. 726, лл. 1—71 и «Русская старина», 1898, № 9).

inslav

в 1828 г. Встречаются указания и на 1 января 1834 г. как время завершения какой-то части работы, которая была закончена в декабре 1852 г. Однако наиболее интересные главы, описывающие следствие над декабристами, сопровождаются примечанием: «Сентябрь 1849 г., слобода Александровка-Донская Павловского уезда Воронежской губернии».

Противоречие в датах разрешается следующим замечанием автора в приложениях к его запискам («Свод о внутреннем состоянии государства в царствование Александра I» и «Характеристики замечательнейших злоумышленников»): «Составлено в апреле 1828 г., С.-Петербург. Пересмотрено в апреле 1849 г., С.-Петербург» [18]. Таким образом, «Автобиографические записки» Боровкова начали составляться вскоре после завершения процесса декабристов, причем автор использовал подлинные следственные материалы и, вероятно, какие-то свои заметки или дневниковые записи. В то же время многие его воспоминания отделены от событий более чем 20 годами и, естественно, содержат ошибки и неточности. Вот пример: Боровков справедливо отмечает, что на первых заседаниях Следственного комитета рассматривались только бумаги арестованных, но затем утверждает, будто «21 декабря были спрошены князь Трубецкой, Рылеев и Якубович» [19]. Действительно, именно эти декабристы были допрошены первыми, но не в один день, а, как видно из «Журналов» Следственного комитета, последовательно 23, 24 и 25 декабря [20].

Боровков, между прочим, сообщает важные сведения и об интересующих нас документах следствия над декабристами. «О всех допросах и ответах,— писал правитель дел Комитета,— тотчас после присутствия составлял я ежедневно краткие мемории для государя императора, они подносились его величеству на следующий день поутру, как только он изволит проснуться. Конечно, эти мемории, написанные наскоро, поздно ночью, после тяжкого утомительного дня, без сомнения, не обработаны, но они должны быть чрезвычайно верны, как отражение живых, свежих впечатлений» [21]. Впоследствии совокупность ежедневных «Докладных записок» царю составила рукописную книгу на 506 листах (в том числе 84 чистых), а «Журналы» 146 заседаний Следственного комитета — несколько бо́льшую книгу в 553 листа (в их числе 47 чистых) — «Журналы Следственного комитета». Оба документа заполнены рукою Боровкова и нескольких писарей, а в ежедневных «Записках» много помет царя, начальника Главного штаба И. И. Дибича и председателя Следственного комитета А. И. Татищева. «Журнал» и «Записка» о каждом заседании помещались обычно на двух-трех листах, но к концу следствия попадаются и более объемистые документы: 113-е заседание — 7 листов, 114-е и 117-е — 6 листов, 127-е заседание — 10 листов, наконец, последнее, 146-е заседание (17 июня 1826 г.) — 13 листов.

Обращение к «Журналам» показывает, что приведенное описание Боровкова требует известных уточнений: оно, безусловно, верно только для первого месяца работы Комитета. «Журнал» 1-го заседания Комите-

---

[18] ЦГАОР СССР, ф. 1068, оп. 1, д. 744, л. 18 об. Характеристики «злоумышленников» напечатаны в «Русской старине» с купюрами, которые легко восстанавливаются по рукописи (там же, лл. 12—18). Купюры относятся в основном к описаниям цареубийственных планов Пестеля, Каховского и других декабристов. Так, опущены следующие строки: «Каховский при допросах с дерзостью говорил, что если бы к их каре подъехал сам государь, то он выстрелил бы в него» (там же, л. 15). О Батенькове: «По получении известия о кончине императора он провозглашал, что постыдно этот день пропустить, *не дав заметить, что и в России желают свободы!*» (выделенные курсивом слова в печатном тексте отсутствуют и восстанавливаются по рукописи А. Д. Боровкова.— Там же, л. 18).

[19] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 336.

[20] См. «Журналы» 7-го, 8-го и 9-го заседаний. На 6-м же заседании (22 декабря) были составлены проекты вопросов Трубецкому, Рылееву и Якубовичу.

[21] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 343.

inslav

та (17 декабря 1825 г.) написан рукою Боровкова [22]. Им же составлена и «Докладная записка» № 1[23]. Последний документ действительно является «краткой меморией» (т. е. памятной запиской) даже по сравнению с первым. Видно, что «Записка» составлена для царя и представляет только самое существенное из того, что произошло на 1-м заседании. В «Журнале», в отличие от «Записки», помещен список присутствующих членов (а в конце — их подписи), отмечено время заседания («началось в $6^1/_2$ часов пополудни, кончилось в 12-м часу»); внесены два пункта: во-первых, рассмотрение доклада Дибича от 4 декабря 1825 г., на основании которого Комитет постановил «испросить через председателя высочайшее соизволение» на арест 20 лиц и доставку в Петербург еще ряда подозреваемых; во-вторых, «приведение в порядок и рассмотрение бумаг», взятых у ряда арестованных. В «Записке» же, составленной Боровковым для царя, второй пункт опущен, а первый отредактирован в виде прямого обращения председателя Комитета Татищева к Николаю I с просьбой «взять под стражу поименованных в том донесении лиц».

На следующем, 2-м заседании Комитета, состоявшемся вечером 18 декабря, уже были приняты к сведению царские резолюции на поднесенной ему «Записке», а в «Журнале» 1-го заседания в графе, предназначенной для заметок, появилась запись (рукою Боровкова): «Исполнено 18 декабря». Очевидно, рано утром 18 декабря Николай I прочитал меморию Боровкова о вечернем заседании и сделал свои распоряжения: в эти первые дни после восстания правительство все еще было охвачено тревогой, ему было не до строгих делопроизводственных форм, царь и Комитет торопились, боясь упустить заговорщиков, опасаясь новых вспышек мятежа. Карандашные резолюции Николая I на «Записке» о 1-м заседании (как и в других случаях) были «проявлены» чернилами рукою начальника Главного штаба Дибича. Некоторые резолюции царя обнаруживают спешку и тревогу власти. Фамилии Крюкова, Шишкова, Лихарева царь обвел общей скобкой и написал: «Снестись с Г. Витгенштейном, буде еще не взяты, то чтоб сейчас сие исполнил». В «Записке» отмечалось, между прочим: «Граф Бобринский (не означено какой именно)». Николай I написал: «Если в Москве — то взять и прислать». В ответ на просьбу Комитета об аресте «юнкера Скарятина неизвестно какого полка» последовала резолюция: «Взять, где попадется» [24].

События торопили, и в тот же день, 18 декабря, очевидно еще до начала 2-го заседания Комитета, рукою Боровкова и за подписью Татищева была изготовлена «Докладная записка» № 2[25], где от имени Татищева обращалось внимание царя, что «в записке, при рапорте барона Дибича приложенной, оказываются еще злоумышленники, не бывшие прежде в виду» (Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Граббе, Толстой, Барятинский). В «Докладной записке» № 2 даже специально оговаривалась причина ее слишком быстрой подачи (не дожидаясь очередного заседания Комитета): «Предположения сии для выиграния времени я осмелился представить на благоусмотрение вашего императорского величества» [26].

В первые дни многие важные для истории следствия события не отражались или слабо отражались в исследуемых материалах. Важнейшие события с 14 по 17 декабря (т. е. происшедшие до открытия Комитета) почти не освещены в «Журналах». Первые шесть заседаний, с 17 по 23 декабря, были посвящены разбору бумаг, взятых при арестах, и распоряжениям о новых арестах. Главные допросы в эти дни,

---

[22] «Журналы», лл. 1—3.
[23] «Записки», лл. 1—2.
[24] Там же, л. 1 об.
[25] Там же, л. 3—3 об.
[26] Там же, л. 4.

inslav

как видно из следственных дел декабристов, еще ведут вне Комитета царь, А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашев, К. Ф. Толь. Только на 7-м заседании, 23 декабря, в «Журнале» отмечено, что «в присутствии Комитета допрашиван князь Трубецкой, который на данные ему вопросы, при всем настоянии членов, дал ответы неудовлетворительные». В последующие дни все еще сохраняется несоответствие между «Журналами» и реальным следствием: 24 декабря, например, в «Журнал» почему-то не попал второй допрос Трубецкого (о чем см. ВД, I).

«Записки» для царя вплоть до 41-го заседания Комитета от 26 января 1826 г. по-прежнему написаны рукою Боровкова. Все последующие «Докладные записки» написаны уже другими, писарскими почерками (очевидно, их перебеляли особо выделенные чиновники). Исключение — «Записка» о 45-м заседании (30 января), снова написанная Боровковым. Очевидно, 26 января 1826 г. произошло перераспределение обязанностей в Комитете, так как отсутствие почерка Боровкова в «Докладных записках» точно совпадает со временем исчезновения его подписи в «Журналах»: начиная с «Журнала» 42-го заседания от 27 января, на месте прежней подписи «правитель дел Боровков» появляется другая: «флигель-адъютант Адлерберг». Боровков играл видную роль в Комитете до самого конца следствия, но, очевидно, его освободили от «писарских» обязанностей ввиду нарастающего количества сложных вопросов, требовавших участия этого опытного чиновника (29 января Комитет, между прочим, решил начать составление итоговых записок о делах декабристов; как известно, эти записки составлял именно Боровков). Что же касается «Журналов» Следственного комитета, то здесь рука Боровкова сменяется писарской, уже начиная со 2-го заседания (18 декабря).

Таким образом, большая часть «Записок» и почти все «Журналы» заполнены писарским почерком: в обоих документах чередуются четыре разных почерка. В первые дни следствия «Журналы» и «Записки», очевидно, еще не рассматриваются как «документы-близнецы»: их текст немало разнится, как уже было показано выше; отличается даже формат бумаги: в «Журналах» постоянно употребляются листы размером 35×22 см, а в «Докладных записках» подобные листы начинают постоянно использоваться с 3 января 1826 г..

Точную последовательность работы над составлением «Журналов» и ежедневных «Записок» в этот период представить нелегко; какие-либо черновые или подготовительные материалы к «Журналам» не сохранились, хотя они, несомненно, были. Прежде чем отдать текст для переписки доверенному чиновнику, должен был, конечно, составляться черновой вариант: поскольку «Журнал» заседания состоял зачастую из многих пунктов, то, очевидно, их «не припоминали» задним числом, а, вероятно, пользовались записями, которые вел в ходе заседания какой-либо участник (может быть, и Боровков?). На очередной «Записке» всегда выставлялась дата, на день более поздняя, чем дата заседания: так, «Записка» о заседании Комитета от 12 апреля 1826 г. сопровождается датой «13 апреля». Это естественно, ибо из самого «Журнала» видно, что заседание кончилось, как обычно, поздно ночью (в тот день — «в 12 часов пополуночи») и записи, составлявшиеся после этого, уже должны были помечаться завтрашним числом. Столь важный документ, как отчет о заседании, прежде чем быть представленным царю, конечно, просматривался Татищевым. Его единственная подпись скрепляет каждую «Докладную записку».

В первые дни работы Комитета отдельные «Записки» зачастую посвящались не изложению всего, что было на последнем заседании, а только отдельным вопросам. О некоторых заседаниях «Докладные записки» вообще не составлялись. Если в «Журналах» тщательно зафиксированы события каждого рабочего дня Комитета, то одна хроно-

inslav

логия первых «Докладных записок» говорит об особом их происхождении: «Записка» № 1 датируется, как и 1-е заседание Комитета, 17 декабря 1825 г., затем следуют «Записки» № 2 (18.XII), № 3 (19.XII), № 4 (20.XII), № 5 (21.XII), № 6 (22.XII), № 7 (25.XII), № 8 (27.XII), потом ненумерованные записки от 28.XII, 29.XII (о М. Ф. Орлове) и 31.XII (о Ф. Н. Глинке и Комарове).

Если «Журналы» в эти и следующие дни представлены четкими писарскими записями, с редкими карандашными заметками на полях и пометами Боровкова об исполнении того или иного пункта, то «Докладные записки» выглядят совсем иначе. Это рабочие документы, где форма — на втором плане. Такова, например, «Записка» (29 декабря) о важных для следствия показаниях Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, С. П. Трубецкого. На полях ее — записи несколькими почерками: карандашные резолюции царя, воспроизведенные чернилами Дибича (большей частью пометы вроде «взять», «привезти», «доставить сюда» и т. п.). Здесь же пометы Татищева, Дибича и других ответственных лиц. Так, против фамилии одного из подозреваемых, «генерал-майор Пущин в отставке», отмечено карандашом (видимо, Николай I): «NB» и «?». Тут же другим почерком ответ на царский вопрос: «Об нем можно узнать от двоюродного брата его, Пущина, который служил в Московском полку, а теперь должен быть в каком-либо другом полковником. Пок[азания] Трубецкого по справке — лейб-гвардии егерского» [27]. До 2 января 1826 г. на полях «Записок» много помет Татищева о том, когда они докладывались, что приказано царем и что исполнено. Создается впечатление, что Татищев лично вручал ежедневные «Записки» царю, и тут же при участии Дибича и других лиц принимались и записывались важные решения, которые затем четко фиксировались в «Журналах» Комитета.

Таким образом, нужно отметить особо важную, деловую функцию ежедневных «Докладных записок» Николаю I, игравших тогда в общем ходе дел иную роль, нежели «Журналы», остававшиеся в Комитете.

Как уже отмечалось, после быстрых, тревожных, иногда панических действий власти в первые недели следствия, наступил период, когда правительство укрепило свои позиции, уверилось в своей победе. Эти события сказались на делопроизводстве Комитета. Начиная с 1 января 1826 г. «Записки» подаются уже один раз в сутки, в основном сообщая о ходе прошедшего заседания Комитета. Однако и на этой стадии разница между двумя документами порою еще значительна. Сопоставим, например, описание одного и того же 30-го заседания Комитета от 15 января 1826 г. в «Журнале» и «Записке».

Два документа (один — изготовленный писарским почерком, другой — написанный Боровковым), понятно, очень близки: основные пункты те же и расположены в одной и той же последовательности, многие формулировки совпадают почти дословно (например, об исполнении царского повеления насчет «неназывания Комитета тайным»). Однако есть и не мало отличий. По сути, ни один из пунктов не скопирован слово в слово. Если в «Журналах», например, сказано, что «читаны» ответы Аврамова, Крюкова и Титова, и сообщается, что после этого чтения в комитете «положили ответы сии приобщить к прочим», то в «Записке» Боровков пишет — «читали ответы», и не считает нужным обременять царя тем, что «положил» Комитет. Также не попадают в «Записку» первые два пункта «Журналов» — об утверждении протокола прошедшего 29-го заседания и о царской резолюции «повременить» в ответ на ходатайство Комитета об освобождении Зубкова. Характерна резолюция Николая I на представленной «Записке», требующая доставки (т. е. в сущ-

---

[27] «Записки», л. 19.

inslav

лости ареста) Норова[28], в то время как Комитет только намеревается спросить о Норове «Пестеля и других главных членов».

Однако главное отличие «Журнала» 30-го заседания от соответствующей «Записки» состоит в том, что последняя выделяет в особый пункт показания полковника Бурцова и сообщает важные подробности, которые в «Журнале» отсутствуют (история списка заговорщиков, попавшего в 1821 г. в штаб 2-й армии). Понятно, деликатная ситуация, когда сам начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев выступает в роли «пособника заговорщиков», не описывалась в «Журнале», дабы не было чрезмерного разглашения (о подобных ситуациях, связанных с другими важными сановниками, см. ниже).

Среди авторов, занимавшихся историей декабристских следственных документов, явно преобладает мнение об одновременности заседаний Следственного комитета и ведения их «Журналов»: выше приводилось высказывание по этому поводу А. А. Покровского; И. А. Миронова и М. Н. Гернет называют «Журналы» заседаний «протоколами»[29]. Это мнение документами следствия не подтверждается. Данные о том, что в ходе самих заседаний составлялся официальный протокол, отсутствуют. Вместе с тем не исключено, что во время заседаний, как уже отмечалось, велись членами Комитета или его чиновниками какие-либо черновые записи.

Сравнивая сходство и отличие «Журнала» и «Записки», можно предположить четыре возможных типа их взаимосвязи (речь идет о периоде до конца января 1826 г., хотя этот анализ важен для истории следствия в целом):

1) сначала составлялся «Журнал», по «Журналу» составлялась «Записка»;

2) «Записка» — первична, «Журнал» — вторичен;

3) оба документа восходят к одному (черновому) источнику, который использован чиновником для написания «Журнала» очередного заседания по принятой форме, а Боровковым — для создания более свободной по форме «Записки» для царя;

4) оба документа созданы совершенно независимо друг от друга.

Против последней версии говорит немалое сходство обеих записей. Наиболее вероятными для этого периода следствия представляются версии вторая и третья, из которых следует, что «Записки» независимы от текста «Журнала» (хотя не исключается, что и Боровков и составитель «Журнала» пользовались одним и тем же черновым источником — записями, которые велись по ходу заседаний). В пользу этих версий говорят следующие соображения: во-первых, уже отмеченная явная независимость «Записок» от «Журналов» в первые дни следствия, что, вероятно, должно было сохраниться и в январе 1826 г.; во-вторых, свидетельство Боровкова, рассказывающего о живых впечатлениях, которые он тут же после заседания вносил в «Записку» для государя.

Повторяем, однако, что всего сложного характера взаимозависимости этих документов понять невозможно из-за отсутствия подготовительных материалов. Можно лишь предположить, например, что решение о непомещении в «Журнале» рассказа Бурцова и внесении его именно в «Записку» принималось на «высшем уровне» (Татищев и др.).

С 27 января 1826 г., как отмечалось, «Журналы» и «Записки» становятся «близнецами», хотя и на этом этапе сохранились кое-какие различия (см. ниже). Очевидно, по-прежнему, это документы, составляемые после окончания каждого заседания на основе каких-то черновых запи-

---

[28] Николай I мстил декабристу за столкновение, которое произошло между ними, когда царь был еще великим князем. Согласно воспоминаниям Завалишина, царь сказал арестованному Норову: «Я знал наперед, что ты, разбойник, тут будешь»,— и осыпал декабриста бранью (*Дм. Завалишин.* Записки декабриста, т. 2. Мюнхен, 1904, стр. 44).

[29] *М. Н. Гернет.* Указ. соч., т. 2, стр. 125; *И. А. Миронова.* Указ. соч., стр. 7, 10.

inslav

сей, до нас не дошедших. По-прежнему «Докладные записки» представляются более важным документом по его месту в следственном делопроизводстве. К этому времени формуляр «Журнала» и «Записки» был уже окончательно выработан. Обычный тип «Журнала», как это было показано,— краткое, последовательное изложение событий дня. Первый пункт — всегда утверждение членами Комитета «Журналов» вчерашнего заседания. Вслед за тем — сведения о «высочайших резолюциях», если таковые имелись, и потом — главные события прошедшего заседания: перечисление допросов, снятых накануне, свод читанных и обсужденных ответов декабристов, очных ставок, решений о перемещении заключенных, новых арестах, необходимости составления новых документов и т. п.

В первые дни в «Журналах» — три, четыре пункта, затем обычно 8—10, но в дни, особенно напряженные, число пунктов много больше (6 мая — 26, в последнем заседании — 27).

После окончания «Журнала» следуют подписи членов Следственного комитета [30].

В «Журналах» отражено в основном петербургское следствие. Следствия над черниговцами, «Обществом военных друзей» и др. представлены лишь в виде суммарных сводок. Зато в «Журналах» сравнительно много сведений о польских заговорщиках: хотя их дело велось в Варшавском комитете, но часть обвиняемых предварительно допрашивалась в столице.

Несколько последних заседаний Комитета, с 141 по 144, в «Записках» не отражены (№ 145 и 146 имеются). Следствие уже кончилось, шла закулисная работа по подготовке суда и приговора. Царь, находившийся в непрерывных контактах со следователями, уже не нуждался в «Записках» о заседаниях Комитета. Однако в конце следствия Комитет (как и в начале работы) представил царю несколько записок, посвященных не истории отдельных заседаний, а некоторым особым вопросам: «О прапорщике Вятского пехотного полка Ледоховском» [31] (без даты), заключения Комитета об офицерах лейб-гвардии Московского полка Корнилове, Волкове, Броке, Кушелеве, князе Кудашеве и Бекетове [32] (9 мая 1826 г.; возвращено царем с его заключением 22 мая); выписки с резолюциями царя об офицерах лейб-гвардии Финляндского полка Базине, Бурнашеве, Насакиных 1-м и 2-м, Богданове, Мореншельде 1-м и 2-м, Гольтгоере и Нуммерсе [33]; выписки о полковнике Финляндского полка фон-Моллере [34].

Таково краткое внешнее описание рассматриваемого источника. «Журналы» являются своеобразным дневником следствия над декабристами, документом, целиком вышедшим из лагеря победителей — самодержавия, аристократии и высшей бюрократии. Документ этот был столь же засекречен, сколь и само следствие, и предназначался для следователей и царя.

* * *

Возможные аспекты использования этого источника весьма обширны. В «Журналах» найдет немало важного историк декабризма и специалист по внутренней политике России, историки государственных учреждений, правоведы и многие другие — вплоть до исследователей быта, психологов и лингвистов (анализ языка правительственных документов, «логические системы» следователей и подследственных, и даже почерки членов Комитета, где разительно выделяется древнее «екатерининское

[30] Подписи, очевидно, шли по старшинству.
[31] «Записки», лл. 466—468.
[32] Там же, лл. 472—493.
[33] Там же, лл. 496—500.
[34] Там же, л. 502.

inslav

письмо» престарелого Татищева). Однако особенно важное значение эти документы имеют для еще не разработанной в ряде отношений истории следствия над декабристами. Именно вопрос о том, что дают «Журналы» для истории политического процесса, длившегося семь месяцев, мы и рассмотрим далее.

Прежде всего «Журналы» характеризуют сам орган следствия — Комитет. Один порядок подписей членов Комитета может помочь проникновению историка в механизм правительственной машины, пониманию значения того или иного сановника в этой машине. Так, по «Журналам» (хотя, конечно, не только из этого источника) видна особая роль трех членов, составлявших как бы «ударную группу» следствия и часто отделявшихся от Комитета для самостоятельных допросов,— это Бенкендорф, Чернышев и Левашев. Очевидна также особая роль дежурного генерала Главного штаба Потапова, осуществлявшего связь Комитета, начальника Главного штаба Дибича и царя [35].

В то же время средний и низовой аппарат Комитета представлен в «Журналах» довольно бедно [36]: только 9 января сообщалось о назначениях чиновников Попова, Вахрушева, Ивановского, Хлусовича, Карасевского и Григорьева, а 22 апреля «Журнал» сообщал о прикомандировании к Комитету «журналиста Департамента народного просвещения титулярного советника Сербиновича... для переводов с польского» [37].

«Журналы» не содержат почти никаких сведений о прениях, столкновении мнений (или их оттенков) между членами Комитета. В то же время, согласно мемуарам многих декабристов (Якушкин, А. Поджио и др.), эти оттенки были. Так, Розен сообщает, что Татищев значительно меньше входил в дела, чем, например, Чернышев: «Он лишь иногда замечал слишком ретивым ответчикам: «Вы, господа, читали все, и Детю-де Траси, и Бенжамена Констана, и Бентама, и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только Священное писание и смотрите, что заслужил» — показывая на два ряда звезд, освещавших грудь его» [38]. Если же верить Завалишину, то Татищев на одном из допросов отвел его в сторону и уговаривал не сердить дерзким запирательством самых строгих членов Комитета (Чернышева и Бенкендорфа).

Давно известно, что Боровков пытался кое-что сделать для облегчения участи декабристов [39]. В его «Автобиографических записках» имеются некоторые подробности заседаний Следственного комитета, не сохраненные «Журналами».

Сопоставим сведения о первом допросе А. И. Якубовича в «Журналах», следственном деле декабриста и мемуарах Боровкова. Первый допрос А. И. Якубовича Следственным комитетом состоялся на 9-м заседании, 25 декабря 1825 г. (Боровков, как отмечалось, в своих записках ошибочно отнес этот допрос к 21 декабря).

«Журнал» кратко сообщает только о самом факте допроса Якубовича, которого, очевидно, держали в комиссии долго (упомянуты «многие

---

[35] Дибич был также введен в Комитет, но в «Журнале» не расписывался. Некоторые пункты начинались со слов: «Внесено дежурным генералом Главного штаба е. и. в. по поручению начальника оного штаба».

[36] Дополнением к истории следственного аппарата, прослеживаемой по «Журналам», могут послужить различные дела, сохранившиеся в фонде декабристов: «О прикомандировании к Комитету о злоумышленных обществах чиновников и прочих чинов» (ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 282), «О назначении комнат в крепости для присутствия Следственной о злоумышленном обществе комиссии...» (там же, д. 285), «Об отпуске из придворной конторы казенных припасов и мебели» (там же, д. 286) и др.

[37] В будущем — цензор, знакомый А. С. Пушкина.

[38] *А. Е. Розен.* Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 85.

[39] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 347. Боровков утверждает, что серьезно облегчил участь 10 человек.

inslav

вопросы членов Комитета») [40]. Конкретный характер допроса мы можем лишь приближенно восстановить по письменным ответам декабриста, поступившим в Комитет (ВД, II, стр. 282—287).

В деле Якубовича первый его вызов в Комитет не датирован. Дату помогают установить «Журналы». Среди письменных ответов Якубовича находим: «Обелять себя от преступлений не намерен ..., не боюсь теперь никакой казни, потеряв доброе мнение и любовь сограждан» (ВД, II, стр. 285). В конце показывает: «Если нужно для примера жертву, то добровольно обрекаю себя» (ВД, II, стр. 287).

Воспоминания Боровкова позволяют восстановить некоторые немаловажные обстоятельства устного допроса, который все же отличался от последующего письменного диалога Комитета с декабристом: «Ответы Якубовича ... были многословны, но не объясняли дела, он старался увлечь более красноречием, нежели откровенностью. Так, стоя посреди зала в драгунском мундире, с черною повязкою на лбу, прикрывавшую рану, нанесенную ему горцем на Кавказе, он импровизировал довольно длинную речь и в заключение сказал: цель наша была благо отечества; нам не удалось — мы пали; но для устрашения грядущих смельчаков нужна жертва. Я молод, виден собою, известен в армии храбростью; так пусть меня расстреляют на площади, подле памятника Петра Великого, *где посрамились в нерешительности. О! Если бы я принял предложенное мне тогда начальство над собравшимся отрядом, то не так бы легко досталась победа противной стороне*» [41].

Это, несомненно, интересная подробность в истории следствия над декабристами. Боровков, рассказывая о разногласиях в Комитете, вероятно, преувеличивает милосердие некоторых членов (не скрывая, впрочем, зафиксированной по многим источникам особенной жестокости А. И. Чернышева). Между прочим, он приводит своеобразный «монолог» великого князя Михаила Павловича, ярко представляющий атмосферу страха, паники, в которой жили тогда многие дворянские семьи. Достоверность картины не меняется от того, насколько она отражает истинные слова Михаила (хотя, очевидно, что-то в этом роде великий князь говорил). Важно то, что так представлялось дело самому Боровкову: «Тяжела обязанность,— говорит великий князь,— вырвать из семейства и виновного; но запереть в крепость невинного — это убийство» [42]. Продолжения речи Михаила в печатном тексте нет, в рукописи же находим о «невинном арестанте». «Чем мы вознаградим его? Скажем: «Ступайте, вы свободны!» Радостно бедняк переступит порог своего жилища; но вдруг останавливается; он видит посреди комнаты гроб. Там лежит труп престарелой его матери, скоропостижно умершей в ту минуту, как сына ее потащили в крепость. Он робко спрашивает: «Где жена моя?» — «В постели, при последнем издыхании»,— отвечают ему; она преждевременно разрешилась мертвым ребенком, также в тот момент, когда потащили несчастного из дому» [43].

Целые сцены, происходившие на заседаниях Комитета и известные нам по запискам декабристов, в «Журналах» обычно представлены одной-двумя строками. Вот пример: в «Журнале» 48-го заседания, 2 февраля 1826 г., довольно лаконично сообщается о допросе «32-го егерского полка майора Раевского». В то же время сохранилось, хотя и записанное много лет спустя, и не во всем точное, но уникальное воспоминание об этом же заседании самого В. Ф. Раевского [44]. Никак не отрази-

[40] «Журналы», 9-е заседание.

[41] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 336. Выделенные курсивом слова в печатном тексте отсутствуют и восстанавливаются по рукописи А. Д. Боровкова (ЦГАОР СССР, ф. 1068, оп. 1, д. 726, л. 108 об.).

[42] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 343.

[43] ЦГАОР СССР, ф. 1068, оп. 1, д. 726, л. 109.

[44] «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. М., 1956, стр. 93—96. См. также комментарии М. К. Азадовского к этому эпизоду (там же, стр. 124).

inslav

лись в «Журналах» и других следственных документах обрисованная декабристом обстановка допроса, взаимоотношения следователей, участие в заседании А. Ф. Орлова и Д. Н. Блудова, смелые ответы самого Раевского, его конфликт с Дибичем и т. п.

Воспоминания Раевского и других декабристов показывают, что в «Журналах» отражался лишь результат обсуждения, но не дискуссия. Единственное исключение — в «Журнале» 74-го заседания, когда «впали в разногласие относительно судьбы членов Союза Благоденствия, не участвовавших в более поздних Обществах» (№ 74, 5 марта) [45]. «Журналы» важны также обилием содержащихся в них «формальных» сведений о ритме работы Комитета. Остановимся на этом несколько подробнее.

Напряженнейший ритм следствия отразился в разнообразных сведениях о делопроизводственных трудностях, накоплении бумаг и т. п. (№ 61, 16 февраля; № 62, 17 февраля). По «Журналам» можно условно разделить следствие на два крупных периода. Первый период — приблизительно до середины марта (примерный рубеж — мартовские пропуски в заседаниях из-за похорон Александра I). Он охватывает около 80 заседаний, когда, при всем разнообразии «сюжетов», явно преобладает стремление власти выявить всех замешанных. Выяснение подробностей восстания и истории тайных обществ, хотя и ведется, но пока еще — на втором плане, ибо многих крупных деятелей движения еще не доставили (с конца января, например, только начали привозить членов общества Соединенных славян).

Второй период — приблизительно с 20-х чисел марта до конца следствия: поток арестованных ослабевает, из важных деятелей в этот период доставлены только А. Борисов (10 апреля)и Лунин (16 апреля). В то же время к середине марта уже было оформлено решение о прекращении дальнейших дел для нескольких членов Союза Благоденствия. Часть второстепенных, по мнению власти, заговорщиков уже отправляется в административную ссылку. 26 марта Дибич «объявил высочайшую волю, чтобы Комитет при открытии новых лиц... представлял бы о взятии тех только, кои окажутся сильно участвовавшими в преступных намерениях и покушениях общества...» (№ 87, 26 марта). Вскоре чиновники Комитета приступили к составлению итоговых записок о вине различных заключенных (начиная с № 89, 28 марта). Новая ситуация отразилась и в новом ритме следствия, что видно из «Журналов». 84-е заседание (22 марта) началось в 11 часов утра в Петропавловской крепости. После четырех очных ставок и двух допросов заседание было продолжено в 8 часов вечера в Зимнем дворце и длилось до $12^1/_2$ часов ночи: здесь заключенных не допрашивали, но изучали полученные материалы и показания. Отныне Комитет почти ежедневно собирался утром в крепости для допросов и очных ставок, а вечером — во дворце для чтения материалов. Иногда «Журналы» сообщают об отдельных допросах, которые ведут с утра Бенкендорф или Чернышев (№ 103, 11 апреля — допрос Чернышевым Борисова 1-го; № 124, 3 мая, когда в крепости с 11 до 5 часов допросы и очные ставки вели всего два члена Комитета — Татищев и Чернышев). «Журналы» позволяют представить картину «массированного» давления на декабристов, осуществляемого властью на основе многих уже известных ей сведений. Так, на 113-м заседании (22 апреля) на Пестеля обрушилось 11 очных ставок (а всего за 7 часов этого заседания было 3 допроса и 14 очных ставок).

По «Журналам» неплохо видно, как на завершающей стадии процесса подготавливались будущие документы для обнародования: первое чте-

---

[45] Здесь и далее ссылки на «Журналы» (и одновременно — «Записки») — в тексте, с указанием номера заседания и даты.

inslav

ние «Донесения Следственной комиссии» Блудова — 4 мая на 125-м заседании, затем 27 мая — на 142-м заседании; первое «рассуждение о разрядах», на которые должны разделить обвиняемых (16 мая на 137-м заседании), наконец, 19 мая «Журнал» 140-го заседания завершается следующими словами: «По причине, что действия Комитета по производимому исследованию окончены и что более ни допросов, ни очных ставок в виду не имеется, положили: несколько дней заседаний не иметь, дабы дать время канцелярии привести дела в надлежащий порядок, приготовить к прочтению и окончательному заключению записки о каждом находящемся под следствием и переписать доклад для государя императора». После этого было еще 6 заседаний — 24, 27—29, 31 мая и последнее 17 июня.

Итак, «Журналы» Следственного комитета содержат разнообразные материалы по истории процесса над декабристами, позволяют лучше представить лагерь самодержавия, действия противной декабристам партии. В Следственном комитете можно увидеть, между прочим, зародыш будущего постоянного карательного учреждения — III Отделения, образовавшегося сразу после прекращения его работ. Не случайно это учреждение возглавил один из активнейших деятелей Комитета, А. Х. Бенкендорф.

* * *

Кроме фиксирования событий, происшедших на очередном заседании, в «Журналы» регулярно вносились и оценки происходившего. Для анализа «комитетской», правительственной точки зрения на отдельных декабристов, на различные эпизоды процесса «Журналы» дают немало. Понятно, что, формулируя отношение к происходящему, Комитет все время, в сущности, имел в виду читателя — царя; в ежедневных «Записках» мнения Комитета каждый день представлялись на рассмотрение Николая I. Характерно в этой связи резюме «Журналов» о том, например, что Александр Муравьев «был искренен», Михаил Фонвизин «оказал неискренность», Мошинский «подал сомнение» и т. д. 5 февраля царю специально сообщалось, что Давыдов и Бестужев-Рюмин «не во всем сознались и никаких внимания достойных показаний не сделали» (№ 51, 5 февраля). Относительно Батенькова Комитет однажды резюмировал, что тот «или хотел продолжать упорное запирательство, или из непостижимых видов принимает на себя звание главного начинщика возмущения 14 декабря, не быв таковым» (№ 81, 18 марта). «Журнал» 122-го заседания сохранил отношение следователей к показаниям Завалишина, которые «чрезмерно пространны и подробны, но для оправдания его недостаточны, ибо заключают много противоречий и весьма запутаны» (№ 122, 1 мая).

Материалы «Журналов» неплохо иллюстрируют острую ненависть победителей к побежденным и фиксируют почти все случаи особых наказаний, назначенных отдельным узникам. Факты эти из литературы известны, но рассматриваемые в общей системе событий на процессе, среди других, «сопутствующих», явлений, они особенно рельефны (закование Якушкина, Якубовича, А. Поджио, Бестужева-Рюмина и др., разрешение переписки «только тем, кто менее виновный и оказал чистосердечие и раскаяние»).

Учитывая все сказанное о происхождении и характере «Журналов», нужно обратить особое внимание на отмеченные там эпизоды борьбы, героического сопротивления отдельных декабристов. Признание этих фактов в таком документе имеет, понятно, свое значение (при этом, конечно, следует учитывать тайное сочувствие А. Д. Боровкова некоторым декабристам, возможно, повлиявшее на отдельные журнальные записи).

inslav

На фоне торжествующих «Журналов» первых дней, куда заносятся десятки новых имен и сведений, добытых на первых допросах,— явным диссонансом звучит следующая запись: «Введен был статский советник Горский, которого Сутгоф уличал, что он во время происшествия 14 декабря был на Сенатской площади с шпагой в руках; однако Горский в держании шпаги в руках не признался. Положили: как Горский в ответах своих оказывает всегда упорство, а притом употребляет дерзость в выражениях, то для обуздания того и другого заковать его в железа, на что испросить высочайшего соизволения» [46] (№ 13, 29 декабря 1825 г.).

8 января 1826 г. «поручик Финляндского полка Цебриков ...не только оказал явное упорство в признании, но еще в выражениях употреблял дерзость, забыв должное уважение к месту и лицам, составляющим присутствие. Положили: для обуздания Цебрикова от подобных поступков и возбуждения его к раскаянию испросить высочайшего соизволения на закование его в ручные железа» (№ 23, 8 января). Царь на полях соответствующей «Докладной записки» написал «заковать», а «Журнал» 10 января констатировал, что распоряжение «исполнено».

Через несколько дней Комитет был разъярен поведением Крюкова 2-го, который, как видно из его следственного дела, намекнул, что Комитет фальсифицирует предъявленные ему показания Пестеля (ВД, XI, стр. 356). В «Журнале» сказано: «Допрашиван поручик квартирмейстерской части Крюков 2-й, который, несмотря на явные против него улики, не только от всего отказывался незнанием, но еще в выражениях употреблял дерзость даже тоном некоторого презрения...» (№ 28, 13 января). Крюкова заковали, а через месяц «Журнал» отметил «чрезвычайнейшее упорство и закоснелость» Борисова 2-го (№ 58, 13 февраля). Еще через день отмечались показания Андреевича 2-го, «который, не раскрывая никаких новых обстоятельств, оправдывает свои и сообщников действия, восхваляет действия Сергея Муравьева, почитает его и себя жертвами праведного дела, и в заключение обнаруживает преступнейшие мысли и чувства» (№ 60, 15 февраля). Царь пишет «заковать»; зато через два с лишним месяца Комитет с удовольствием констатирует успех тюремщиков: «Андреевич 2-й умоляет о снятии с него оков, оказывая величайшее раскаяние, и признает действия свои пагубными и преступными» (№ 116, 25 апреля). Почти в самом конце следствия «Журнал» отмечает, что ответы Борисова 1-го «раскрывают, что нимало не раскаивается в своем преступлении и почитает намерение, его к тому побудившее, благим и добродетельным» (№ 120, 29 апреля).

5 апреля в «Журнале» внесена запись, в свете которой ярко вырисовывается величие и благородство Сергея Муравьева-Апостола. Она производит особенно сильное впечатление при сплошном чтении «Журнала», так как именно на этом этапе следствия власть сломила многих узников: «Сергей Муравьев-Апостол ... вообще более оказал искренности в собственных своих показаниях, нежели в подтверждении прочих, и, очевидно, принимал на себя все то, в чем его обвиняют другие, не желая оправдаться опровержением их показания. В заключение изъявил, что раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем бог его один судить может и что составляет единственное его утешение в теперешнем его положении» (№ 97, 5 апреля; ВД, IV, стр. 458).

Наконец, типичная история с С. Семеновым, «который во всем совершенно отперся ... Комитет, удивленный таким неслыханным запирательством, подозревает, что Семенов хочет скрыть какую-либо другую тайну,

---

[46] Царь «не соизволил», вероятно, ввиду высокого, почти генеральского чина Горского. Зато в «Журнал» 41-го заседания (26 января) было внесено прошение Горского о том, чтобы его отпустили домой для лечения «на честное слово».

inslav

которую опасается как-нибудь обнаружить при сознании в том, в чем его обвиняют». Комитет просит «повелеть о заковании Семенова с содержанием на хлебе и воде, почитая сию меру столь же необходимою для его наказания, сколь и могущую привести его в раскаяние...» (№ 84, 22 марта).

7 апреля, однако, Комитет просил (и получил согласие царя) о прекращении режима «хлеба и воды» для Семенова, который «оказал откровенность» (№ 99, 7 апреля).

В «Журнале» регулярно подчеркивался успех репрессивных методов следствия. Однако именно в этом секретном документе видно стремление власти тщательно замаскировать, глубоко скрыть ряд важных и опасных для нее обстоятельств. Так, когда С. Г. Волконский был доставлен в Петербург, то его велено было именовать во всех бумагах «арестантом № 4»: царь и Комитет боялись открыть нижним чинам и канцеляристам, что на стороне восставших был генерал и князь, принадлежавший к одной из влиятельнейших фамилий. В «Журналах» много раз упоминается «арестант № 4». Сам Николай I, «соблюдая дисциплину», также долгое время маскировал эту фамилию. На «Записке» 26 января имеется следующая его резолюция: «От арестанта № 4 требовать, чтоб непременно все ныне же показал, иначе будет закован». Впоследствии все же Волконского стали называть в «Журналах» «своим именем», хотя время от времени снова появлялся «арестант № 4».

Еще более явственно тактика власти обнаруживается при выработке главных формулировок обвинения. Хорошо известно, что следствие и суд старались затушевать, исказить главные цели декабристов — стремление к отмене крепостного права, введение конституции и т. д. Позже, в опубликованном «Донесении Следственной комиссии» были выпячены цареубийственные планы революционеров и в то же время совершенно скрыта их социально-политическая программа [47]. По «Журналам» хорошо виден процесс формирования этой правительственной концепции, которая отчетливо созрела примерно в феврале-марте 1826 г. Комитет занимался подробнейшими изысканиями по каждому намеку на цареубийство, недавними и давно забытыми проектами покушений на императора. Характерно царское NB, четырежды подчеркнутое, на полях против первого показания А. Поджио о проекте так называемого «обреченного отряда» цареубийц, формально стоящего вне общества (№ 64, 19 февраля). Даже в «Журналах», составлявшихся «pro domo suo», чрезвычайно опасались, хотя бы мельком, раскрыть главные декабристские проекты. Только как о документах, отправленных государю, сообщается в «Журналах» о знаменитых записках А. Бестужева, Штейнгеля и др., излагавших те «внутренние неустройства», которые вызвали восстание. Едва ли не единственным исключением является случайная запись в «Журнале»: «Гангеблов говорит, что 14 декабря в городе не был, но притом излагает причины, побудившие его вступить в тайное общество, как-то: бедственное состояние крестьян, злоупотребление помещиков, лихоимство гражданских чиновников, безнравственность белого духовенства и тому подобное» (№ 64, 19 февраля).

В «Журналах» содержится богатый материал о разысканиях, касающихся заграничных связей декабристов. Возможно, этот мотив также предполагалось усилить при подведении итогов следствия, но не накопилось достаточно «убедительных» данных [48].

---

[47] *М. В. Нечкина.* Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 7—8.

[48] Таковы расследования по истории связей тайных обществ с графом Полиньяком, английским дипломатом Стратфордом-Каннингом, карбонарием Жили, сицилийскими заговорщиками и др. («Журналы заседаний», № 73, 77, 121, 133 и т. д.).

inslav

* * *

Николай I читал представленные ему документы весьма внимательно, многое отчеркивал, комментировал, менял формулировки или решения (как видно, например, из стертой резолюции на «Записке» о 107-м заседании [49]), входил во все подробности. На «Записке» о существовании тайных обществ в 1-й армии он пишет: «Здесь ли Шишков, адъютант генерала Рудзевича?» (№ 8, 24 декабря). После этого, как известно, А. А. Шишков был взят, но улик не нашлось. Равным образом при представлении царю списка лиц, подлежащих аресту, царь дополнил его лично: «И отставного гвардейского егерского полка поручика Горсткина! Послать за ним» (№ 28, 13 января). Когда среди подозреваемых был упомянут генерал-майор фон Менгден, царь сделал на полях следующую надпись: «Этот дурак мне знаком; из меня [из-за меня?] не удержался». На предложение Комитета отпустить с оправдательным аттестатом штаб-лекаря Смирнова, в доме которого арестовали Оболенского и Цебрикова, царь реагирует следующим образом: «Смирнова перевести в Оренбург или куда далее» (№ 67, 22 февраля). После показания Дивова о том, что свободный дух в морском кадетском корпусе «может быть уже поселен Бестужевым 5-м», Николай тут же распорядился перевести младшего брата декабристов Бестужевых юнкером в пехотный полк (№ 88, 27 марта). Некоторые подробности, как уже отмечалось, имеются только в ежедневных «Записках» — главном рабочем документе следствия, и не помещены в «Журналах заседаний». Такова запись: «... по вызову князя Одоевского показать истину введен был он в присутствие; но исполнение не соответствовало его намерению. Он уверял только, что Рылеев — главный начинщик всего, и по скверному характеру, вероятно, покажет многие клеветы. Причем Комитет заметил некоторое расстройство в уме князя Одоевского и приказал послать к нему врача» (10 января). На другой день только в «Записках» есть строки, отчеркнутые карандашом Николая и сопровожденные «NB»: «Князь Трубецкой показал, что катехизис в духе испанского писан Никитой Муравьевым и что об отделении польских провинций от России слышал он от генерал-майора князя Лопухина...»

В «Записке» о 51-м заседании излагается деликатное обстоятельство, не внесенное в соответствующий «Журнал»: «[И.] Поджио признался, что был принят Давыдовым и Бестужевым-Рюминым против воли, потому единственно, что боялся отказом навлечь неприязнь Давыдова, в племянницу которого (теперешняя его жена) он был влюблен» (№ 51, 5 февраля).

О многом не решались писать даже в «Записках» для царя. Так, очевидно, обстояло дело с подозрениями насчет сочувствия заговорщикам адмирала Мордвинова, Сперанского и других сановников. В «Записке» о 68-м заседании первоначальный текст, по-видимому, содержал подробности о Мордвинове, но затем этот текст стерли и написали: «Сверх того [Дивов] показал одно обстоятельство относительно одного члена Государственного совета» (№ 68, 23 февраля). А. Д. Боровков писал: «Некоторые злоумышленники показывали, что надежды их на успех основывали они на содействии членов Государственного совета графа Мордвинова, Сперанского и Киселева, бывшего тогда начальником штаба 2-й армии, и сенатора Баранова. Изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с такою тайною, что даже чиновники Комитета не знали; я сам собственноручно писал производство и хранил у себя отдельно, не вводя в общее дело» [50].

---

[49] Теме отношения царя к заключенным декабристам посвящены многие страницы книги П. Е. Щеголева «Декабристы» (М.— Л., 1926).

[50] «Русская старина», 1898, № 11, стр. 348.

inslav

Мы привели далеко не все оттенки и различия «Записок» — «Журналов». Детальное сопоставление их может дать интересные результаты, особенно насчет роли Николая I в следствии.

«Журналы» и «Записки» Следственного комитета, рассмотренные в сочетании со следственными делами, мемуарами и другими декабристскими документами, могут помочь углублению в существенные детали и проблемы. Именно в этом сочетании с другими материалами выявляется особенная ценность рассматриваемого источника.

12 томов напечатанных следственных дел, так же как воспоминания декабристов,— конечно, исключительно ценный материал. В то же время для подробного освещения истории следствия необходимо привлечение к этим документам и ряда еще неопубликованных, в том числе «Журналов» и «Докладных записок».

Историкам, изучающим следствие над декабристами, необходимо обращение к не напечатанным еще полностью делам Штейнгеля, Батенькова и других виднейших революционеров. К тому же для истории процесса «второстепенные дела» порою важны не меньше самых главных. Вот один из множества возможных примеров.

На следствии переплелись допросы Ивана Пущина, Бориса Данзаса и Василия Зубкова. Первый — друг Пушкина — был осужден, его дело опубликовано. Два других пушкинских знакомца были освобождены, а их дела до сих пор не напечатаны. Это, безусловно, сужает в какой-то степени наши сведения как о Пущине, так и о Пушкине. Именно от Данзаса и Зубкова поэт, вероятно, узнал многие подробности следствия, в частности о допросах и очных ставках друзей-лицеистов, и нам не безразлично, что он мог от них узнать. Не напечатано до сих пор и дело А. А. Тучкова, будущего родственника и друга А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Не приходится сомневаться, что это дело интересно для изучения вопроса о декабристских традициях издателей «Колокола». Даже при беглом чтении «Журналов» привлекают внимание и другие ситуации, еще не полностью использованные исследователями. Таковы, например, допросы Гудимова и Львовых в связи с подозрениями на Мордвинова[51]. Таков вопрос о роли Ф. В. Булгарина в первые дни николаевского царствования: в «Журнале» 117-го заседания Комитета записано показание Искрицкого, «что дядя его, Булгарин, знал о существовании общества» (№ 117, 26 апреля). На полях соответствующей «Записки» по поводу этого показания — ни слова, нет имени Булгарина и в «Алфавите декабристов», куда попадали все мало-мальски подозреваемые лица.

Невозможно привести громадное число людей и эпизодов, которые не упомянуты в опубликованных следственных материалах и оттого недостаточно еще изучены. Но мало этого. Всякое дело находилось в многообразной системе взаимодействий с другими делами. Составители и редакторы сборников «Восстание декабристов» сделали очень многое для того, чтобы сопроводить текст каждого следственного дела извлечениями из других дел, а также «Журналов» Следственного комитета. Однако исключительно сложное сцепление разных документов следствия немыслимо и представить при рассмотрении отдельных дел. «Журналы» сами по себе не могут ликвидировать эту трудность, но могут явиться как бы путеводителем по всему комплексу декабристских следственных материалов. Пользуясь «Журналами», исследователь установит, какие именно опубликованные или неопубликованные показания разных декабристов (и за какие именно дни) ему необходимы для решения интересующей его проблемы. По «Журналам» отчетливо прослеживаются различные линии процесса, причем каждая представляет переплетение нескольких, иногда многих следственных дел. Такова линия моряков-декабристов (Завалишин,

[51] Ср. «Журналы» (№ 69, 24 февраля) и дело о поручике Гудимове (ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 80).

inslav

Арбузов, Беляевы, Дивов), линия Каховского (группа показаний и допросов, направленных на изобличение Каховского как убийцы Милорадовича), линия «москвичей» (Муханов, Митьков, Якушкин и др.), комплекс показаний И. Поджио, Ентальцева, Давыдова, Волконского, А. Поджио, Пестеля и других о так называемом «обреченном отряде», линия выяснения вопроса о совещаниях тайного общества в 1820 г. и др. Во всех этих и других случаях «Журналы» позволяют лучше представить последовательность событий на процессе, место того или иного показания в общей системе следствия [52].

«Журналы» вместе с другими материалами могут, таким образом, стать важнейшим подспорьем для составления хроники декабристского движения в целом, декабристского процесса в особенности. Иногда только установление простой последовательности событий позволяет заметить важные вещи: как отмечалось, при публикации следственного дела Рылеева «Журналы» еще не привлекались. В деле Рылеева приводятся обширные его ответы на вопросные пункты, предложенные 24 апреля 1826 г. (ВД, I, стр. 167—189). Показание это довольно откровенное, как будто в духе прежних признаний поэта-декабриста, сделанных им Комитету еще в декабре. Однако в конце этих показаний Рылеев винится в некотором упорстве, им прежде проявленном (ВД, I, стр. 189). Следственное дело не дает ясного ответа, о чем тут идет речь. Между тем обращение к «Журналам» позволяет увидеть краткий трагический эпизод в борьбе Рылеева со своими тюремщиками. 24 апреля, прежде чем дать Рылееву вопросные пункты, его допрашивали в Комитете (в основном о планах цареубийства). «Журнал» сообщает, что Рылеев «на все отвечал не совершенно откровенно, и большую часть показаний, сделанных на него Торсоном, Арбузовым, Матвеем Муравьевым-Апостолом и другими, не признает справедливыми» (№ 115, 24 апреля). «Журнал» следующего заседания свидетельствует, что послано в Свеаборг за Торсоном (там находящимся в заключении) — для уличения Рылеева, а «Журнал» 118-го заседания уже констатирует, что Рылеев «совершенно и без малейшего запирательства сознается во всех своих замыслах, намерениях, предложениях и действиях...» (№ 118, 27 апреля). Краткий порыв поэта-революционера к сопротивлению был сломлен, но порыв был,— и это не безразлично для нас [53].

«Журналы» Следственного комитета по делу декабристов и ежедневные «Докладные записки» для императора — еще далеко не исчерпанные исследователями источники по истории декабристского движения вообще, истории следствия в особенности. Ежедневные «Докладные записки» Комитета царю были важнейшими документами, одной из форм фактического участия Николая I в следствии над декабристами.

«Журналы» и «Записки» содержат ряд важных дополнений к следственным делам декабристов. Они облегчают систематизацию, установление последовательности и взаимосвязи разных следственных дел, являются существенным подспорьем для ориентации во множестве еще неопубликованных декабристских материалов. «Журналы» и «Записки» помогают установлению периодизации основных этапов семимесячного процесса над деятелями 14 декабря. Эти документы характеризуют идеологию победителей, влияние происшедших событий на внутреннюю политику правительства, государственное устройство, предысторию III Отделения и т. п.

Научная публикация «Журналов» и «Записок» была бы очень полезна для исследователей истории России первой половины XIX в.

---

[52] О месте показаний М. С. Лунина, П. И. Пестеля и некоторых других декабристов в общей системе политического процесса см.: *Н. Эйдельман.* Лунин. М., 1970, стр. 104—214.

[53] О показаниях К. Ф. Рылеева см. соображения Т. Г. Снытко (Указ. соч.— «Литературное наследство», т. 59, кн. 1, стр. 176).

inslav

Г. М. Дейч

О НЕКОТОРЫХ ВНЕШНИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПИСЕМ В. И. ЛЕНИНА РОДНЫМ

В последние годы появился ряд специальных работ, посвященных источниковедческому анализу эпистолярного наследия В. И. Ленина [1]. Хуже обстоит дело с нео(палео)графическим исследованием ленинских писем. Можно лишь указать на очень ценные замечания такого рода в архивных справках к ряду документов, опубликованных в «Ленинских сборниках» и «Собраниях сочинений» В. И. Ленина. Отдельные наблюдения имеются в работах С. А. Рейсера и А. Б. Бермана [2]. Назрела необходимость подвергнуть эпистолярное наследие В. И. Ленина нео(палео)графическому исследованию, что даст возможность еще глубже проникнуть в его творческую лабораторию.

В настоящей статье делается попытка дать нео(палео)графический анализ некоторых писем В. И. Ленина родным. В «Полном собрании сочинений» В. И. Ленина опубликовано 288 писем родным [3]. Если учесть, что в ряде случаев В. И. Ленин вкладывал в один и тот же конверт по 2 и 3 письма разным членам семьи, то это число увеличится до 326 писем.

Мы имели возможность ознакомиться с 250 фотокопиями подлинников этих писем. За исключением одного [4] все они написаны черными чернилами. Этими же чернилами, как правило, вносились всевозможные исправления и добавления, в отдельных случаях исправления делались черным карандашом [5].

Интересно, что большинство ленинских писем родным, написанных в России, представляют листки почтовой бумаги размером 13 × 20, 13 × × 21 см. В период жизни Ленина в Германии в 1900—1902 гг. он писал большей частью на бумаге размером 11 × 17, 11 × 18 см. С переездом в 1902 г. в Лондон опять начинает преобладать бумага размером 13 × 21 см, а вот в период жизни в Швейцарии в 1908 г. письма писались, за редким исключением, на бумаге размером 14 × 22 см. В период жизни Владимира Ильича во Франции в 1908—1912 гг. он предпочитал бумагу размером 11 × 17 см. С переездом же в Польшу, где В. И. Ленин жил с семьей в 1912—1914 гг., появляется бумага размером 17 × 20, 17 × 21 см.

Приведенные факты, как нам кажется, дают основание сказать, что общеизвестная аккуратность Владимира Ильича нашла свое выражение и в такой мелочи, как употребление одинаковых чернил, бумаги и даже

---

[1] *Г. Д. Обичкин, М. Я. Панкратова.* Письма Владимира Ильича Ленина. М., 1968; *Г. Дейч.* К вопросу о письмах В. И. Ленина родным как историческом источнике.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2; *он же.* Читая ленинские строки. Л., 1967; *он же.* Твой В. Ульянов. Л., 1971.

[2] *С. А. Рейсер.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970, стр. 30; *А. Б. Берман.* Техника письма В. И. Ленина и ленинские сокращения слов.— «Известия АН СССР, Отд. литературы и языка», т. XVI, вып. 6, 1957, стр. 535—539.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 34—37, 199—200, 279—280, 411—413; т. 48, стр. 263—264; т. 49, стр. 434; т. 52, стр. 23—24, 47, 131; т. 55, стр. 1—382.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 8; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 60.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 185—187, 188—189 и др.; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 322, 327 и др.

inslav

перьев. Относительно последних он, например, писал 20 февраля 1901 г. матери из Мюнхена в Москву: «Вот что попросил бы Маняшу прислать мне с ней (речь идет о Н. К. Крупской.— *Г. Д.*): коробочку «моих» перьев. Представь себе: здесь не нашел нигде. ... Английских перьев нет, только «своего» изделия, дрянь страшная» [6]. Все эти мелкие детали имеют еще и то значение, что иногда могут быть полезны при источниковедческом анализе ленинских писем.

Примерно одна четверть писем дошла до нас вместе с конвертами. Первое из них относится к самому концу 1898 г. и адресовано в Брюссель М. И. Ульяновой. Конверты писем, направленных В. И. Лениным родным в России, имеются только с января 1899 г. Последние из сохранившихся дореволюционных конвертов ленинских писем датируются 1917 годом. Значение сохранившихся конвертов весьма велико. Они дают в некоторых случаях возможность установить дату отправки или получения письма; именно штемпель на конверте помогал иногда исследователям уточнить или установить необходимую дату. Далее, конверты дают возможность установить адреса тех мест, где жили родные В. И. Ленина в то или иное время. Конверты, наконец, помогают иногда выяснить, кто из детей жил в то или иное время у Марии Александровны.

Хотелось бы сказать несколько слов об одном, не вполне ясном моменте. Как правило, Владимир Ильич писал на конверте только имя, отчество и фамилию адресата, но в редких случаях он добавлял еще титул адресата, помечая: «ЕВБ Марии Ильиничне Ульяновой», «ЕВБ Марии Александровне Ульяновой», «ЕВБ Марку Тимофеевичу Елизарову» и т. д.[7] Известно, что титул «Ее высокоблагородие», «Его высокоблагородие» употреблялся в дореволюционной официальной терминологии для обозначения гражданских чиновников от восьмого до шестого классов и офицеров в ранге от капитана до полковника или их жен. В каких случаях и для чего употреблял изредка В. И. Ленин эту титулатуру на конвертах своих писем родным, мы пока сказать не можем.

В. И. Ленин не очень любил писать открытки: за весь сибирский период им было послано несколько открыток, из которых до нас дошло только три [8]. Во все последующие годы он тоже редко писал открытки: почти за два десятилетия — немногим более двух десятков. Нелюбовь его к открытым письмам, помимо всего прочего, можно объяснить еще и соображениями конспирации. Следует добавить, что большая часть открытых писем представляет собой виды красивых мест, где бывал В. И. Ленин (виды Пскова, Франции, Италии, Швейцарии и т. д.). Нужно, наконец, отметить, что из двадцати с лишним открыток восемь написаны в годы первой мировой войны, когда это было необходимо в связи с требованиями военной цензуры [9].

Характерной особенностью писем родным является частое употребление сокращений в именах, фамилиях, названиях книг, журналов и т. д. Большинство писем Ленина родным написаны не только аккуратно, но и чрезвычайно «экономно». Как правило, написаны они мелким почерком, довольно густо, занимая часто полностью весь лист и не оставляя почти никакого чистого поля. «Экономность» эта проявляется также и в том, что в ряде случаев Владимир Ильич густо исписывал сверху, снизу и сбоку даже те немногие чистые места, которые можно было как-то заполнить.

Бывали, однако, исключения, когда Владимир Ильич писал с не свойственной ему размашистостью. Так написано, например, письмо матери

---

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 204. Об этом см.: *С. А. Рейсер.* Указ. соч., стр. 30.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 242, 297, 322, 364 и др.

[8] См. там же, стр. 153—154, 167, 170; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 272, 285, 288.

[9] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 355—356, 358—363, 364—365, 365—367, 368—369; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3444, 3525, 3770, 3933, 4223, 4257, 4301, 4426.

inslav

от 17 мая 1898 г.[10] Возможно, это объясняется спешкой или какими-нибудь другими обстоятельствами.

Подавляющее большинство писем родным написано на русском языке. Однако в них постоянно встречаются слова, названия и целые фразы на немецком, французском, английском и других иностранных языках[11]. Полностью на иностранном языке письма родным писались В. И. Лениным очень редко[12].

На некоторых письмах Ленина сохранились пометки других лиц, которые представляют большой интерес, так как помогают иногда определить ту или иную деталь, связанную с перепиской. На письме без обозначения даты, посланном из Кракова в Саратов в 1912 г., имеется надпись о том, что оно переслано из Вологды в Саратов, и указана дата: конец ноября 1912 г.[13]

На конверте письма[14] к М. И. Ульяновой в Вологду от 24 или 25 декабря этого же года кем-то перечеркнуто «До востребования», написанное рукой Владимира Ильича, и указан адрес: «Казанская площадь, д[ом] Муромцева, кв[артира] Гороховой». Интересно, что уже в следующем письме к младшей сестре 28 декабря 1912 г. фигурирует этот последний адрес[15]. На письме без даты, посланном из Кракова в Саратов М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, сделана пометка: «В Вологде 23/II—13»[16]. Эти и другие надписи иногда помогают сотрудникам Института марксизма-ленинизма определить дату письма, место отправки и другие детали переписки.

Известно, что ряд писем, написанных В. И. Лениным кому-либо из членов семьи, пересылался затем этим лицом другим членам семьи. Об этом мы узнаем из писем самого Владимира Ильича, из предисловия сестер к изданным письмам родным, наконец, об этом имеются интересные сведения в письмах М. А. Ульяновой[17]. В свою очередь родные пересылали ему письма, которые они получали от кого-либо из членов семьи.

Наглядным примером этого обычая может служить письмо В. И. Ленина М. А. Ульяновой от 19 мая 1901 г. Есть в этом письме такие строки: «Получил сейчас твое письмо с приложением письма Марка и отправил оба тотчас же Анюте, которая уже уехала в Берлин»[18]. Создается впечатление, что письмо В. И. Ленина от 19 мая 1901 г. было послано не прямо матери в Подольск, а первоначально было направлено в Берлин к А. И. Ульяновой-Елизаровой, которая уже и переслала его М. А. Ульяновой. Это впечатление основывается на том, что на листке ленинского письма матери имеется также начало письма к ней же и Анны Ильиничны (неопубликованное).

Можно думать, что Владимир Ильич переслал старшей сестре не только письмо матери и Марка Тимофеевича Елизарова, о которых он пишет, но и свое письмо М. А. Ульяновой. Анна Ильинична же сделала приписку к письму брата и только потом отправила его матери.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. На многих фотокопиях его писем сибирского, псковского и начального периода первой эмиграции (до февраля 1901 г.), а также на конвертах, в кото-

---

[10] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 89—90; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 215.
[11] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 7, 11, 59, 63 и др.
[12] См. там же, стр. 332—333.
[13] См. там же, стр. 329; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2921.
[14] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 331—332; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2931.
[15] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 332.
[16] См. там же, стр. 334—336; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, хр. 2994.
[17] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 46, 340 и др.; см. там же, стр. XXXVI и 511—512.
[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 207; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 487.

inslav

рых они посылались Лениным, встречаются подчеркивания и перечеркивания, сделанные чьей-то рукой, очевидно, толстым карандашом. На конвертах большей частью крестообразно перечеркнут адрес, а в письмах отчеркнуты, в ряде случаев, инициалы, а также фразы, в которых речь идет о лицах, живущих в каком-либо месте, например «тесинцы», и др. [19] Можно предполагать, что перечеркивание это сделано было полицией или охранкой при обыске или проверке содержания писем. Хронологические рамки этих перечеркиваний даже дают основание думать, что полиция это могла сделать в связи с обыском и арестом М. И. Ульяновой в ночь на 1 марта 1901 г., когда из шести писем были сделаны соответствующие выписки.

Если эти предположения будут подтверждены, то у исследователей появится возможность сказать, какие из ленинских писем родным были в руках полиции.

Анализируя внешний вид и содержание ленинских писем родным, следует отметить, что довольно большая их часть не имеет точной и полной датировки, а небольшая часть вообще не датирована. Последнее, правда, иногда объясняется тем, что дошедшее до нас письмо является частью пропавшего письма. Так, например, письмо М. А. Ульяновой, отправленное В. И. Лениным из Женевы на станцию Михнево летом 1908 г.[20], представляет собой лишь постскриптум к письму, которое до нас не дошло. Однако в ряде случаев В. И. Ленин умышленно или неумышленно не указывал даты [21]. В этих случаях сотрудникам Института марксизма-ленинизма и другим исследователям приходится проводить большую и кропотливую работу, чтобы определить если не точную, то хотя бы приблизительную дату.

Иногда в письмах указаны число и месяц, но не указан год [22]. Большей же частью указывался и год, но не полностью, а лишь двумя последними цифрами. Случаев, когда в письмах родным фигурируют полные число, месяц и полное обозначение года, крайне мало. Еще реже указывал Владимир Ильич дни недели [23].

Отметим еще, что при датировке писем из-за границы в Россию Владимир Ильич указывал даты нового стиля, а в письмах, написанных в России,— даты старого стиля. В очень редких случаях указывалась дата нового и старого стиля [24].

Еще реже нумеровал Владимир Ильич страницы своих писем.

Большинство ленинских писем родным написано чисто, без особых помарок, вставок или зачеркиваний. Имеются, однако, и такие письма, которые Владимир Ильич правил.

В ряде писем Ленина имеются вставки. Если они не помещались в тексте и их приходилось выносить под строку или в другое свободное место письма, то он помечал их, в зависимости от числа вставок, одной или двумя звездочками «*». Например, в письме к М. И. Ульяновой из Польши от 12 или 13 мая 1913 г. есть такая фраза: «Это около гор Татр, в 6—8 часах железной дороги от Кракова к югу ...» Около слова «Татр» Владимир Ильич поставил звездочку и внизу дописал: «Татры — горы прикарпатские, высотой до 2600 метров. Швейцария да и только!» В этом же письме ему пришлось сделать еще одну вставку к фразе: «Население — польские крестьяне, «гурали» (горные жители), с которыми я объясняюсь на невероятно ломаном языке...». Возле слова

---

[19] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 52—54, 102—103, 130—133, 161—163, 168—169, 181—182, 201—202; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 179, 232, 256, 281, 287, 312, 399.

[20] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 254.

[21] См. там же, стр. 236, 250, 268—273 и др.

[22] См. там же, стр. 342, 346 и др.

[23] См. там же, стр. 343.

[24] См. там же, стр. 334.

inslav

«объясняюсь» поставлены две звездочки и сделано примечание: «(предпочитаю с евреями — по-немецки)» [25].

К такому приему он прибегает неоднократно. Подстрочные примечания часто отмечал двумя короткими чертами [26]. Свои вставки и примечания Владимир Ильич писал не только под строкой, но сверху, сбоку и даже в середине письма, если там оказывалось свободное место. При этом можно заметить, что подавляющее количество вставок вписано под строкой [27]. Реже вставки сделаны сбоку текста [28]. Еще реже в середине текста [29].

Изредка в письмах встречаются вставки, обозначенные иначе. Так, например, в письме матери от 22 января 1908 г. Владимир Ильич написал: «Всем привет. Твой В. Ульянов». Затем приписал: «и от меня и от Нади», обвел эти слова кружком и указал стрелкой, что их надо читать после слов «Всем привет» [30].

Характер самих исправлений крайне разнообразен. В некоторых случаях они представляли собой простое исправление описок. В письме матери от 7 сентября 1900 г. есть такие строки: «Получил Манины письма — открытое и закрытое...». В первоначальном же варианте вместо «Манины» было написано «твои», затем это слово было зачеркнуто и сверху написано «Манины» [31].

В другом письме от 27 октября 1908 г. к А. И. Ульяновой первоначально было написано: «...Гранат, продав «историю» меньшевиков», а затем слово «продав» было зачеркнуто и заменено словом «купил» [32].

В некоторых случаях можно даже объяснить причину такого рода описок. 26 июля 1913 г. Владимир Ильич написал матери взволнованное письмо об операции Н. К. Крупской. В письме этом есть такие слова: «В четверг была очень плоха...». Первоначально, видимо, под влиянием волнения, Владимир Ильич написал «в пятницу», которое затем зачеркнул и заменил словом «четверг» [33]. Иногда Владимир Ильич зачеркивал написанное слово, заменяя его лучшим, более точным, соответствующим. В письме к М. И. Ульяновой от 17 февраля 1908 г. есть такая фраза: «Если есть подобное издание...». Первоначально вместо «подобное» было написано «такое» [34].

Большей частью исправления эти носят характер дополнительных вставок, вписанных Владимиром Ильичем, вероятно, при прочтении уже написанного письма. Так, например, в письме к матери от 4 января 1898 г. есть такая фраза: «Гулять же и в ней (речь идет о шубе.— *Г. Д.*) слишком жарко, и я хожу в ватном пальто,— за исключением немногих холодных дней...» Слова «и я хожу в ватном пальто» написаны над строкой. Исправлена в этом письме и другая фраза: «Здоровье Глеба (т. е. Г. М. Кржижановского.— *Г. Д.*) у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам...» Первоначально эта фраза была написана так: «благодаря строгой диете и обильным прогулкам», но затем Владимир Ильич вычеркнул слова «строгой диете»

---

[25] Там же, стр. 339.

[26] См. там же, стр. 196—197, 239—240, 244—246; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 383, 2292, 2349.

[27] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 215—216, 220—221, 225—227, 230—231, 244—246, 246—247, 261—262, 263—264, 334—336; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 611, 745, 885, 2349, 2353, 2420, 2422, 2994, 3005.

[28] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 192—193, 369—370; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 366, 4432 и др.

[29] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 262—263, 317—318; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2422, 2700.

[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 244; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2344.

[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 190; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 339.

[32] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 256; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2413.

[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 344; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3090.

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 248; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2353.

inslav

и над строкой написал «правильному режиму» [35]. Эти и подобные вставки дают основание утверждать, что Владимир Ильич большей частью перечитывал и исправлял свои письма перед отправкой родным.

Наблюдение над характером исправлений в разных письмах позволяет думать, что иногда отдельные слова исправлялись и в самом процессе писания. В письме к матери от 26 августа 1898 г. есть такая фраза: «Что наш дом будет зимой негоден,— этого мы не думаем и не боимся». Первоначально Владимир Ильич написал начало фразы так: «За то, что», но потом вычеркнул первые два слова, а слово «что» начал с прописной буквы, придав всей фразе ее окончательный вид [36]. Можно думать, что это исправление было сделано в самом процессе писания.

В ряде случаев вставки дают возможность проследить процесс написания письма во времени.

В одних случаях совершенно очевидно, что вставка сделана в тот же день, когда писалось все письмо. Наглядно это прослеживается в письме к М. А. Ульяновой из Пскова от 5 мая 1900 г. [37], в котором сбоку черным карандашом (все письмо написано черными чернилами) сделана приписка о том, что «сейчас» он навел справку о своем прошении о поездке к Н. К. Крупской в Уфу и оказалось, что ему в этом отказано.

В других случаях, наоборот, совершенно очевидно, что вставка сделана не в день написания письма, а позже. Изредка вставка даже датирована самим Лениным. Так было, в частности, в письме к А. И. Ульяновой-Елизаровой. 21 марта 1909 г. Владимир Ильич писал ей из Парижа: «Дорогая Анюта! Здесь, как ты знаешь, вероятно, из газет, почтовая забастовка». В конце же письма есть такая приписка: «22.III.09 — сегодня известие, что почтовая стачка кончилась» [38]. Такой же случай был и в письме к М. И. Ульяновой от 6 ноября 1900 г. [39]

В письме М. Т. Елизарову от 3 января 1911 г. на обороте первого листа имеется такая приписка: «Вчера получил № 1 «Звезды» из России, а сегодня № 1 «Мысли»» [40]. И по расположению, и по содержанию приписки можно думать, что сделана она не 3 января, а позже. За это, в частности, говорит то обстоятельство, что первый номер газеты «Звезда» вышел в Петербурге 16(29) декабря 1910 г., и маловероятно, чтобы уже 2 января 1911 г. газета оказалась в руках у Владимира Ильича в Париже.

Не всегда, к сожалению, удается установить более или менее точное время написания вставок, но зато почти безошибочно прослеживается процесс написания письма.

Для иллюстрации мы позволим себе привести полностью одно письмо к М. А. Ульяновой.

«10. XII. 08.

Дорогая мамочка! Сегодня мы сдали, наконец, квартиру. Часть вещей отправляется сегодня малой скоростью. Сами едем в субботу или в понедельник самое позднее. Квартира нам уже найдена, Avenue d'Orléans, 69 или 67 — я пришлю более точно из Парижа. Писать нам надо теперь на Маняшу. Квартира нам снята в 1-м этаже, 3 комнаты, т. е. 1 для Маняши.

Сейчас получил письмо от Анюты и отправил ей телеграмму: accertez immédiatement seconde condition *. Я очень рад, что удалось устроить-

---

[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 66, 67; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 195.
[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 100; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 227.
[37] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 185—187; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 322.
[38] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 282.
[39] См. там же, стр. 192—194.
[40] Там же, стр. 318; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2700.
* принимайте немедленно второе условие.— *Ред.*

inslav

ся помимо «Знания» и думаю, что надо как можно скорее подписать договор на втором условии. Самое важное теперь не терять времени, закрепить за собой как можно скорее издателя формальным договором и торопить издание. Если можно, то в договор надо бы внести *немедленное* издание. (Если можно, выговори побольше даровых экземпляров автору, но из-за этого, конечно, не упираться.) Кстати. При подписи договора советую Ане быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего; об этом надо посоветоваться с знающими людьми). Нельзя ли договор на мое имя написать, а Анюту обойти вовсе, т. е. не упоминать совсем?

Я послал вам два письма на неверный адрес. Вероятно, эти письма тебе не доставлены, ибо ты о них ни слова. Может быть, целесообразно подать заявление на почту, приложить конверт настоящего письма, указать, что почерк тот же, что письма посланы из того же города, адресованы М. А. Ульяновой или А. И. Елизаровой, что ошибка только в наименовании переулка. Писал: Хамовники, *Сокольничий* переулок вместо: Оболенский. Получили ли эти письма? Если нет, то я *повторю* посланное в одном из них дополнение.

Посылаю еще несколько маленьких поправок к 5-ой главе. Корректуры очень прошу высылать мне полистно (все на адрес: M-lle M. Oulianoff. Boulevard St.-Marcel. 27. Paris), чтобы я мог просмотреть. В крайнем случае я бы пошел, entre nous *, и на 1-ое условие; но 2-ое так выгодно и возможность издать сразу и в Москве так завлекательна, что надо эту возможность ловить обеими руками. Насчет фамилии автора я не стою: какую угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и Анюте шлю большой привет. Наши все тоже.

Твой В. Ульянов» [41].

В оригинале письмо это выглядит так.

Две фразы, начиная от слов «Вероятно, эти письма тебе не доставлены» и до «... наименовании переулка» написаны не в тексте, а над датой и обращением, т. е. вставлены позже. Позже сделана вставка, взятая в печатном тексте в скобки: «Если можно, выговори побольше даровых экземпляров... не упираться». Эта часть вписана мелким почерком в середине письма. Сбоку этой же страницы писана фраза: «Нельзя ли договор... совсем?»

На обороте первого листа в фразе «Я очень рад, что удалось устроиться помимо «Знания»» слово «удалось» переправлено из слова «удавалось».

Наконец, на обороте второго листа вместо фразы «Посылаю еще несколько маленьких поправок к 5-ой главе» первоначально было написано «На днях пошлю», которое Владимир Ильич после переделал [42].

Из всего сказанного совершенно очевидно, что письмо это писалось не сразу начисто, а правилось и дополнялось. Может быть, даже не 10 декабря, а позднее. За это, в частности, говорит переделка слова «на днях пошлю» на «посылаю».

Говоря о характерных особенностях ленинских писем родным, следует обратить внимание еще на одну деталь. Если разные вставки, добавления и примечания писались часто самым мелким почерком и не всегда разборчиво, то все его исправления к корректурам своих работ писались особенно четко и аккуратно.

Даже самое общее знакомство с внешним видом ленинских писем родным и анализом особенностей всевозможных вставок, перечеркиваний, зачеркиваний говорит о том, что глубокий нео(палео)графический анализ этой части бесценного наследия — одна из задач исследователей.

---

* между нами.— *Ред.*

[41] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 262—263.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2422.

inslav

Б. С. Илизаров

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПУБЛИКАЦИИ ДЕКРЕТА «О МИРЕ» В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПЕТРОГРАДСКИХ ГАЗЕТАХ (27—28 октября 1917 г.)

Ленинский декрет «О мире», принятый II Всероссийским съездом Советов, неизменно привлекает внимание историков. Однако до настоящего времени источниковедческих работ, посвященных декрету, не было. В ряде исследований по истории внешней политики Советского государства в первые годы Советской власти документ рассматривается в основном с точки зрения его политического содержания [1].

При издании декрета «О мире» в 1933 г. С. Н. Валком была проделана большая источниковедческая и археографическая работа [2]. Общие принципы выбора текста разных видов документов показаны во введении к сборнику и в специальной статье [3]. В основу издания декрета «О мире» положена публикация «Известий Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 27 октября 1917 г. (далее — «Известия ЦИК»). При сравнении с другими публикациями декрета С. Н. Валком было отмечено 11 разночтений. В частности, указывалось на пропуски союзов и отдельных слов (в абзацах 1, 9, 10) [4], отмечались различия в окончаниях, замена одного слова другим, близким по смыслу (в абзацах 4, 5, 10, 11).

Научное издание документа было вновь осуществлено в 1957 г.[5] К сожалению, составители сборника не расширили круг источников и не в полной мере использовали опыт публикации 1933 г. Так, из 11 разночтений, указанных С. Н. Валком, в сборнике отмечено всего четыре (в абзацах 9 и 11).

В рассмотренных сборниках были привлечены только три первые публикации декрета в большевистских газетах: «Правда», «Известия ЦИК», «Газета Временного рабоче-крестьянского правительства» (далее — «Газета») и «Собрание Узаконений и Распоряжений Временного рабочего и крестьянского правительства» № 1 (далее — «Собрание Узаконений»). Но при отсутствии автографа или какой-либо официально заверенной копии любая первая публикация документа имеет большое значение. Как писал С. Н. Валк: «Историку приходится и придется в будущем привлекать для изучения деятельности правительства не только «Газету», но и другие издания...» [6]

В настоящей работе рассматриваются все первые издания декрета в центральных петроградских газетах, т. е., помимо указанных, в газетах Военной организации при ЦК РСДРП(б), «Солдатская правда», «Деревенская беднота», органе группы меньшевиков-«интернационалистов»

---

[1] *С. Ю. Выгодский.* Ленинский декрет о мире. Л., 1958; *Д. В. Ознобишин.* От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти. 1917—1918 гг. М., 1960; *М. П. Ирошников, А. О. Чубарьян.* Тайное становится явным. Об издании секретных договоров царского и временного правительств. М., 1970, и др.

[2] «Декреты Октябрьской революции», ч. 1. М., 1933, стр. 3—7.

[3] Там же, стр. III—XI; *С. Валк.* О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания.— «Архивное дело», 1939, № 3 (51), стр. 1—22.

[4] Нумерация абзацев моя.— *Б. И.*

[5] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 12—16.

[6] *С. Валк.* Указ. соч., стр. 19.

inslav

«Новая жизнь» и газете Петроградского комитета партии левых эсеров «Знамя труда».

Привлечение всех первых изданий декрета «О мире» необходимо не только для обоснования выбора наиболее близкого к протографу текста. Возможно, анализ разночтений поможет лучше понять историю подготовки документа и ту борьбу, которая развернулась на II съезде Советов между большевиками и соглашателями по вопросу о мире.

Второй Всероссийский съезд Советов принял декрет около 11 час. вечера 26 октября 1917 г. К сожалению, подлинник стенографического отчета заседаний съезда Советов не сохранился. Но на основании анализа газетных отчетов и в особенности анализа доклада В. И. Ленина о мире можно понять, что декрет был принят в том виде, как его огласил автор [7]. Однако первые публикации, появившиеся в центральных петроградских газетах 27—28 октября 1917 г., содержат ряд разночтений, два из которых изменяют смысл отдельных положений документа.

Впервые декрет «О мире» был напечатан в петроградских большевистских газетах 27 октября 1917 г. в «Правде», «Известиях ЦИК» и «Солдатской правде» [8]. В тот же день его опубликовали газеты «Новая жизнь» и «Знамя труда». На следующий день, 28 октября, декрет поместили «Газета» и «Деревенская беднота». 27 или 28 октября 1917 г. была распространена большевистская «Листовка» с текстом декрета [9]. Почти через месяц, 25 ноября, декрет «О мире» был вновь опубликован в «Газете».

Текст декрета, помещенный в «Известиях ЦИК», нами взят за основу, так как он был воспроизведен среди ленинских документов в четвертом и пятом (полном) «Собраниях сочинений» именно с этой газеты [10]. Кроме того, известно, что текст декрета в редакции газеты был сверен с оригиналом. На следующий день после опубликования декрета «О мире» в «Известиях ЦИК» было помещено объявление о том, что в абзаце 11 вместо: «Германии. Все ...» следует читать: «Германии — все ...» [11]

Текст декрета состоит из 11 абзацев, четкое разделение которых прослеживается во всех публикациях. Ни одна из газет под текстом не поместила подписи автора. Возможно, подпись отсутствовала и в протографе, так как постановление об образовании Совета Народных Комиссаров было принято перед самым закрытием съезда, который закончился в 5 час. 15 мин. утра 27 октября 1917 г. К этому времени большевистские газеты, публиковавшие декрет, уже поступили в продажу.

Все большевистские газеты напечатали декрет отдельно от отчета о заседании II Всероссийского съезда Советов. Большевистские газеты и «Листовка» дали ему единое заглавие — «Декрет о мире». При передаче текста декрета в газетах «Знамя труда», «Новая жизнь» и в книге Джона Рида [12] документ озаглавлен «Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран». В отчетах II съезда Советов документ также фигурирует как обращение. В своих выступлениях В. И. Ленин называет его декларацией.

---

[7] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13, 16—18, 19—22; см. также «Протоколы II Всероссийского съезда Советов». М.— Л., 1928.

[8] Кроме названных центральных петроградских газет, декрет был опубликован в вечернем выпуске органа Кронштадтского комитета РСДРП(б) «Пролетарское дело» 27 октября 1917 г.

[9] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 12—15, фотокопия. «Листовка» отпечатана в той же типографии (Акционерное общество «Копейка»), где печатались «Известия ЦИК».

[10] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—16.

[11] Эта поправка была учтена в «Декретах Октябрьской революции», ч. 1, стр. 6 и в «Декретах Советской власти», т. I, стр. 16. В «Полном собрании сочинений» В. И. Ленина ее не учли (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 16).

[12] Имеется в виду не фотокопия декрета из газеты «Известия ЦИК», которая также помещена в книге, а текст, записанный самим Джоном Ридом (*Дж. Рид.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, стр. 117—119).

inslav

Хотя заголовок декрета в большевистских газетах был одинаков, но подзаголовок, который помещался сразу после слов «Декрет о мире», передан по-разному. Так, «Известия ЦИК», «Газета», «Правда» и «Деревенская беднота» сформулировали его следующим образом: «Декрет о мире, принятый единогласно на заседании Всероссийского съезда Советов Р.С. и Кр.деп. 26 октября». В «Солдатской правде» опущены слова: «Всероссийского» и «Р.С. и Кр.деп.». В декрете, опубликованном «Листовкой», подзаголовок передан так же, как в «Известиях ЦИК», но с раскрытием сокращений, а дата принятия декрета включает и год. Можно предположить, что подзаголовок не был написан В. И. Лениным. Возможно, он был внесен перед сдачей документа в редакции газет, так же как в декрет «О земле» [13].

В книге Джона Рида, в газетах «Знамя труда» и «Новая жизнь» подзаголовок вообще не передается. В газетах, видимо, это было сделано сознательно, так как в подзаголовке указывалось, что декрет принят на заседании съезда единогласно, в то время как часть соглашательских фракций покинула съезд.

Структура текста декрета везде сохраняется, кроме публикаций в «Правде» и «Газете», где абзац 11 отделен тремя звездочками. При публикации декрета «Листовкой» последний абзац выделен более крупным шрифтом. В абзаце 11 содержалась оценка международного революционного движения и вклада в него рабочего класса каждой из воюющих стран.

При сравнении текста декрета видно, что ни одна из газетных публикаций не является точной копией любой другой из-за опечаток. Однако можно выделить группы большевистских газет, в которых текст документа имеет близкие разночтения. Так, в первую группу входят: «Известия ЦИК» и близкий к ней текст «Листовки». Во вторую группу — «Правда», «Газета» (в двух публикациях) [14] и «Деревенская беднота». Особняком стоит «Солдатская правда», близок к ней текст декрета, помещенный в газетах «Знамя труда» и «Новая жизнь». Виды разночтений, встречающиеся в этих группах газет, следующие: опущены отдельные слова; изменены окончания слов; переставлены слова в середине фразы без изменения смысла; совершенно по-разному передается часть фразы; явные опечатки. Проследим это на примерах.

В начале фразы первого абзаца в газетах «Правда», «Газета» и «Деревенская беднота» опущен союз «и» между словами «октября... опирающееся». Во всех других газетах он есть, и фраза звучит так: «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам...». В. И. Ленин в докладе о мире, который он прочитал сразу после оглашения декрета, почти дословно повторяет первые строчки декрета в последней формулировке [15]. То же наблюдается в абзаце 9. В «Правде», «Газете», «Деревенской бедноте» пропущено слово «немедленно», которое есть во всех других публикациях: «Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира...» Пропуск слова «немедленно» лишал весь декрет определенности, так как суть была в том, чтобы начать переговоры сейчас же. К тому же в абза-

---

[13] *Е. А. Луцкий.* Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях.— «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, стр. 43.

[14] «Газета» публиковала декрет дважды. Сличение текстов первой и второй публикаций показывает, что по существу второй раз текст без изменений был набран с первого номера «Газеты», вплоть до отделения абзаца 11 тремя звездочками и сохранения пунктуации, кроме нескольких случаев в абзаце 9, где были проставлены знаки препинания. Поэтому во всех остальных случаях будем подразумевать сразу две публикации.

[15] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 16.

inslav

це 10 во всех публикациях читаем: «Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие....», т. е. подтверждается мысль о немедленном начале переговоров о заключении перемирия.

Помимо пропусков слов, в некоторых публикациях изменены их окончания. Так, в абзаце 4 во всех газетах, кроме «Правды» и «Газеты», напечатано: «...насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая ... нация». В «Правде» вкралась опечатка: «присоединяемые». «Газета» изменила весь конец фразы: «присоединяемые ... удерживаемые ... нации», оставив без изменения окончания прилагательных предшествующей части предложения.

Наиболее существенные разночтения наблюдаются в абзацах 9 и 10. В «Известиях ЦИК» и «Листовке» напечатано: «... правительство выражает с своей стороны готовность вести ... переговоры...», а в газетах «Правда», «Газета», «Деревенская беднота» и «Солдатская правда» произошла перестановка слов: «... правительство с своей стороны выражает готовность...»; в газетах «Знамя труда» и «Новая жизнь» слова «с своей стороны» опущены, а порядок слов сохранен тот же, что и в «Известиях ЦИК».

Как видно, пропуски слов, перестановка их, изменения окончаний у определенных газет носят устойчивый характер. Между тем большинство публикаций (кроме «Деревенской бедноты» и «Газеты») было осуществлено в один день — 27 октября. Систематическое повторение одних и тех же разночтений в разных газетах дает возможность прийти к выводу, что эти разночтения возникли не только в результате ошибок при наборе и просмотре корректуры, но и при перепечатывании текста с протографа. Видимо, при переписывании на пишущей машинке текста декрета на двух или трех закладках произошли опечатки. Газеты, получившие копию декрета с одной закладки, повторили ошибки, как это произошло и при публикации декрета «О земле» [16].

Однако совершенно другой характер имеют разночтения в абзаце 10, где в ряде газет — «Солдатская правда», «Знамя труда» и «Новая жизнь» — совершенно иначе передается текст. В публикациях «Известий ЦИК», «Правды», «Газеты», «Деревенской бедноты» и «Листовке» читаем: «... причем со своей стороны считаем желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше, как на 3 месяца, т. е. на такой срок...» А в группе газет — «Солдатская правда», «Знамя труда» и «Новая жизнь» — эта часть фразы напечатана так: «... причем со своей стороны, ставя на обсуждение назначение сроком перемирия 3 месяца, как такой срок ... »

Рассмотрим, насколько это обстоятельство могло быть случайным. В тексте, опубликованном в газете «Известия ЦИК», в абзаце 10 говорится о том, что Советское правительство предлагает немедленно заключить перемирие, в то же время не ставя ультимативно вопрос о сроках перемирия. Возможно, вопрос о сроках перемирия затрагивался на заседании ЦК днем 26 октября 1917 г.[17] В докладе о мире, с которым В. И. Ленин выступил на съезде еще до обсуждения декрета, говорилось: «Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия...» [18] В заключительном слове, возражая меньшевику-«интернационалисту» А. Д. Еремееву, который требовал в ультимативном порядке предложить условия мира, В. И. Ленин вновь выступает против категоричной формулировки о сроках перемирия, так как

[16] *Е. А. Луцкий.* Указ. соч., стр. 15.

[17] Днем 26 октября в Смольном, на заседании ЦК В. И. Ленин представил проекты декретов «О мире» и «О земле» («Ленин и революция. 1917 год». [Л.], 1970, стр. 398).

[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 17.

inslav

эти два вопроса были тесно связаны между собой. «Мы должны понимать,— сказал он,— что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах..., но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным...» [19]

Таким образом, видно, что Ленин настаивал на не ультимативной формулировке в вопросе о сроках перемирия. Привело ли это к каким-либо изменениям в принятом II съездом Советов тексте декрета «О мире» по сравнению с текстом, представленным съезду, или редакции газет «Солдатская правда», «Знамя труда» и «Новая жизнь» сами их внесли, остается неясным. Изменения могли быть внесены и после принятия декрета съездом, так как В. И. Ленин оговорил право будущего Советского правительства изменить отдельные формулировки декрета. «Правительство, которое ваш съезд создаст,— сказал в заключительном слове Ленин,— сможет внести и изменение несущественных пунктов» [20]. Об этом же Ленин говорил 4 ноября 1917 г., т. е. через несколько дней после описываемых событий, на заседании ВЦИК [21].

Представляется маловероятным, чтобы редакции разных по политическому направлению газет одновременно и по своему почину изменили формулировку абзаца [10].

Можно предположить, что редакция «Известий ЦИК» получила текст, наиболее близкий к первоначальному варианту. Возможно, что В. И. Ленин передал фактическому редактору «Известий ЦИК» В. Д. Бонч-Бруевичу автограф декрета «О мире» так же, как декрета «О земле». В. Д. Бонч-Бруевич еще в 1922 г. указывал, что черновые автографы этих документов находятся у него [22].

Текст, близкий к публикации «Известий ЦИК», был помещен в «Правде». Другие большевистские издания, повторившие редакцию абзаца 10 по «Известиям ЦИК», перепечатали декрет из этих газет 28 октября 1917 г. По-видимому, в типографию «Известий ЦИК» документ попал раньше, чем в другие издания, или же ее работники освободили первую полосу специально для декрета «О мире» днем или вечером 26 октября [23]. Скорее всего газеты, опубликовавшие декрет 27 октября, получили текст уже в процессе верстки очередного номера. Только этим можно объяснить то, что 27 октября все петроградские газеты опубликовали декрет на второй или даже на третьей страницах среди менее важного материала, а «Известия ЦИК» — на первой полосе. Не останавливаясь подробно на многочисленных разночтениях, которые уверенно можно отнести к опечаткам, следует сказать, что наиболее исправный текст был опубликован в «Известиях ЦИК». Как уже отмечалось, в пользу этого говорит и объявление об опечатке, помещенное в следующем номере.

В заключение кратко рассмотрим, как передавался декрет «О мире» в «Собрании Узаконений», поскольку оно учитывалось в научных пуб-

---

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.
[20] Там же, стр. 19.
[21] См. там же, стр. 56.
[22] «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 71.
[23] В связи с этим уместно вспомнить, что другой ленинский документ — декрет «О земле» — был заранее набран днем 26 октября на первой полосе «Известия ЦИК». Однако по ряду причин декрет «О земле» был опубликован не 27, а 28 октября 1917 г., и, видимо, вместо него был помещен декрет «О мире» (*Б. С. Илизаров.* Публикация ленинских декретов «О мире» и «О земле» в петроградских большевистских газетах (27—28 октября 1917 г.).— «Научная студенческая конференция [Московского гос. историко-архивного института]». М., 1969, стр. 10—17 (ротапринт); *Е. А. Луцкий.* Указ. соч., стр. 13—14.

inslav

ликациях. Это тем более важно, что в сборниках «Декреты Октябрьской революции» и «Декреты Советской власти» не указывается, какое издание «Собрания Узаконений» № 1 было использовано. Дело в том, что с конца 1917 по 1918 г. вышло три издания первого номера «Собрания Узаконений» [24].

В первом издании «Собрания Узаконений» декрет был напечатан по старой орфографии, а в двух последующих — по новой. Однако этим не исчерпываются различия в публикациях, несмотря на то что во всех трех изданиях было указано, что документ передается по «Газете». Выбор текста объясняется тем, что по декрету от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов» постановления Советской власти получали силу закона только после опубликования в «Газете» [25]. Однако составители «Собрания Узаконений» при публикации декретов Советской власти довольно часто вносили свои поправки [26].

В «Собрании Узаконений» № 1 первого издания декрет «О мире» был напечатан как статья вторая под общим заголовком: «Постановления II-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов с участием депутатов крестьянских Советов». В «Собрании Узаконений» второго и третьего изданий заголовок, предшествовавший декретам, был иной: «Декреты II-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Наибольшее количество разночтений между первым, вторым и третьим изданиями «Собрания Узаконений» № 1 наблюдается в абзаце 11. После слова «государств» в первом издании и большинстве газет проставлена запятая, а во втором и третьем изданиях — двоеточие. Изменены также окончания слов: «...длительной, упорной и дисциплинированной работе создания...», а в последних изданиях «Собрания Узаконений» № 1: «...длительная, упорная, дисциплинированная работа по созданию...» и т. д. Следует отметить, что в отличие от газетных публикаций в «Собрании Узаконений» есть указание: «Подписал: Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов-Ленин».

Таким образом, анализ первых публикаций в центральных петроградских газетах позволяет в какой-то мере представить ту борьбу, которая развернулась по вопросу о мире на II съезде Советов, и привести дополнительные аргументы в пользу наиболее близкого к ленинскому автографу текста декрета, опубликованного в «Известиях ЦИК». Рассмотренные публикации декрета свидетельствуют о наличии двух редакций абзаца 10. Однако необходимо продолжить изучение вопроса о причинах разночтений, особенно в абзаце 10.

При дальнейшем исследовании декрета необходимо также рассмотреть источники, которые легли в его основу, проследить историю подготовки декрета, опираясь на тщательное изучение взглядов В. И. Ленина по вопросу о мире.

---

[24] Первое издание было отпечатано в типографии — Галерная, 1 (Петроград); второе и третье — во Второй государственной типографии, Трехпрудный, 9 (т. е. в Москве).

[25] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 29—30.

[26] Это было отмечено еще С. Н. Валком (*С. Валк.* Указ. соч., стр. 18).

inslav

А. С. Покровский

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ СНК РСФСР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(«Период Смольного»)

Начальный период строительства центрального государственного аппарата Советов привлекал и будет привлекать к себе внимание отечественных историков, юристов, экономистов, философов [1]. Однако источниковедческая разработка данной проблемы, как и других аспектов истории Советского общества, широко развернулась лишь после XX съезда КПСС [2]. В кругу разнообразных источников, ставших объектами специального изучения, протоколы занимают относительно скромное место [3], что отнюдь не соответствует их действительной научной и практической значимости. Известно, как относился В. И. Ленин к составлению и использованию протоколов (на примере протоколов II съезда РСДРП и, после Октября 1917 г.,— протоколов Политбюро ЦК РКП(б)) [4].

Цель настоящей статьи — раскрыть происхождение и значение протоколов заседаний Совета Народных Комиссаров для изучения законодательно-распорядительной деятельности Советского правительства во главе с В. И. Лениным в «период Смольного». Названная группа документов широко использована в историко-правовой литературе, при комментировании отдельных законодательных актов в сборниках «Декреты Октябрьской революции», «Декреты Советской власти» [5], однако без источниковедческого анализа.

Прежде чем определять полноту протоколов, раскрывать их значе-

---

[1] Историографию см.: *М. П. Ирошников.* Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г.— январь 1918 г., изд. 2. Л., 1967, стр. 9—24.

[2] Библиографию источниковедческих работ по истории Советского общества, вышедших в 1917—1967 гг., см.: «Источниковедение истории Советского общества», [вып. I]. М., 1964, стр. 343—374; вып. II. М., 1968, стр. 454—501.

[3] *Я. З. Лившиц.* Протоколы профсоюзных органов Москвы и Московской области как источник по истории социалистического соревнования в годы первой пятилетки.— «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 17, 1963, стр. 137—155; *А. С. Покровский.* Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917 — июль 1918 г.).— «Источниковедение истории Советского общества», [вып. I], стр. 64—97; *Г. Е. Рейхберг.* Протоколы Петроградского ВРК как исторический источник.— Там же, стр. 36—63; *он же.* Значение протоколов краевых съездов Советов Дальнего Востока (1917—1918 гг.) как исторического источника.— «Тезисы сообщений научного совещания ленинградских историков, посвященного источниковедению истории Великой Октябрьской социалистической революции (15—16 июня 1967 г.)». Л., 1967, стр. 21—27; *В. А. Цыбульский.* О протоколах Сестрорецкого ревкома (март — август 1917 г.).— «История СССР», 1966, № 4, стр. 234—236; *Г. П. Присенко.* Протоколы заседаний ВЦИК II созыва как исторический источник.— «Материалы научной студенческой конференции [Московского государственного историко-архивного института]. Май, 1970 г.», вып. I. М., 1970, стр. 16—19 (ротапринт); *В. А. Шишкин.* Протоколы СНК РСФСР 1918—1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики.— «Исторические записки», т. 88. М., 1971, стр. 336—361; и др.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 394; т. 8, стр. 188—190; т. 46, стр. 327; «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 411.

[5] «Декреты Октябрьской революции». М., 1933 (далее — «ДОР»); «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957 (далее — «ДСВ-I»).

inslav

ние как исторического источника, необходимо выяснить характер происхождения их. Как известно, протоколы состоят из двух частей («Слушали» и «Постановили»), отражающих постановку и решение возникающих вопросов. Обеим частям соответствуют свои первоисточники.

Важнейшим источником для изучения постановки вопросов в СНК (и раздела протоколов «Слушали») являются повестки дня СНК, к рассмотрению которых мы и обратимся вначале.

Повестки дня — сравнительно небольшая часть материалов СНК [6], несущая в то же время значительную информацию.

Повестки дня и протоколы СНК (раздел «Слушали») взаимосвязаны: они повторяют, дополняют, уточняют, иногда исправляют формулировки и смысл содержащихся в них вопросов.

Вопросы повестки дня, как правило, не поглощаются целиком содержанием одного или нескольких протоколов. И, наоборот, разделу протокола «Слушали» не обязательно предшествуют соответствующие пункты повестки. Повестки дня не только включают в себя *постановку* вопросов, но и в известной степени дают материал для решения их, что выражено весьма своеобразно — пометками на полях повесток (большинство из них принадлежит В. И. Ленину) или зачеркиваниями отдельных пунктов. В этих случаях повестка как бы выполняет в какой-то мере функции протокола.

Особую ценность представляют в повестках дня вопросы, не отраженные в протоколах СНК. Поэтому прежде всего следует сказать о сохранности повесток. Ответ как будто ясен: с 3 ноября 1917 г. по 9 марта 1918 г. состоялось, судя по сохранившимся *номерным* протоколам, 77 заседаний СНК [7]; повесток же налицо — лишь 55 [8].

Однако следует отличать *формальную* повестку (с заголовком и датой, прямо указывающей на ее принадлежность к определенному заседанию СНК, например: «Повестка заседания СНК на 30 декабря 1917 г.») от фактической.

В этом смысле можно говорить, что всего имеется 55 формальных повесток. Но дело в том, что формальная повестка к одному заседанию иногда служила *фактически* таковой к двум-трем заседаниям, так как обсуждение ряда вопросов переносилось. Неудивительно поэтому, что формальных повесток в целом меньше, чем фактических, т. е. меньше общего числа заседаний СНК.

Итак, требуется установить, сколько сохранилось и утрачено *фактических* повесток дня. Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить порядок и «технику» оформления повесток дня.

Обычно все новые вопросы, включавшиеся в повестку, вносились извне — от наркоматов и других учреждений и организаций — по запискам или устным просьбам соответствующих докладчиков [9]. Но иногда новые вопросы поступали в повестку как бы «изнутри», т. е. они возникали в ходе заседаний СНК, о чем свидетельствуют протоколы. Так же

---

[6] ЦГАОР СССР, ф. 130; ЦПА ИМЛ, ф. 19.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 1—76. Протоколы имеют порядковые номера с 1 по 76 и один литерный (№ 1а от 15 ноября). В связи с тем, что номера протоколов 1—76 совпадают с номерами единиц хранения, далее указаны только номера протоколов и пунктов.

[8] Там же, ед. хр. 5, 7, 9—11, 13, 15—20, 22—25, 28—31, 33—37, 41—45, 48, 52, 54, 55, 57—64, 66—76.

[9] 18 декабря 1917 г. СНК утвердил инструкцию В. И. Ленина (см. «Ленинский сборник», XXI, стр. 96) и предложение Н. П. Горбунова о закрытии повестки за $^1/_2$ часа до начала заседания СНК (пр. № 29, п. 8). В приложениях к протоколам СНК немало записок с просьбой о включении того или иного вопроса в повестку дня. Следует отметить, что формулировки вопросов в записках и в соответствующих пунктах повесток дня и протоколов зачастую текстуально совпадают — полностью или частично. Это в какой-то мере объясняет происхождение текстов протоколов (в разделе «Слушали»).

inslav

включались в повестку «старые» вопросы — отложенные или неокончательно решенные на предыдущих заседаниях СНК.

Порядок и «техника» составления повесток не отличались строгим единообразием [10]. Какая-то часть составлялась, возможно, по определенному плану, о котором сейчас судить трудно. Часть же повесток оформлялась чисто «автоматически»: пункты, не решенные ранее, перепечатывались или переписывались от руки в новую повестку *в той же последовательности*, что и в предыдущей повестке. Таковы повестки к заседаниям СНК 24 декабря; 7, 8, 9, 11, 22, 24, 27 января; 18, 21, 22 февраля; 2, 4 марта.

Отметим и другую особенность «техники» оформления повесток. Так, повестка на 31 декабря 1917 г. представляет собой один из экземпляров повестки на 30 декабря, дополненный новыми пунктами. Об этом свидетельствуют: 1) точная повторяемость формулировок и нумерации пунктов 1—33 обеих повесток; 2) то, что часть вопросов была, судя по протоколу, *окончательно* решена СНК 30 декабря (и потому, в случае *перепечатки заново* эти пункты были бы опущены); 3) оформление повестки на 31 декабря на бланке СНК с датой: «30 декабря» [11].

Как известно, 31 декабря СНК не заседал. Заново составлять повестку на 1 января не имело смысла, и повестка на 31 декабря стала (без перепечатки) повесткой на 1 января. В ней было 35 пунктов, требовавших решения. Из них, судя по протоколу СНК, 1 января было решено лишь два. Оформлять новую повестку, на 2 января, перепечатывая заново 33 (из 35) пункта, также не было необходимости.

В итоге получилось, что *формальных* повесток на 1 и 2 января не было, а была (и сохранилась) лишь формальная повестка на 31 декабря (= дополнительный экземпляр повестки на 30 декабря), ставшая фактически повесткой к двум первым заседаниям СНК нового, 1918 г.

Подобным же образом установлено, что и в ряде других случаев формальная повестка к одному заседанию СНК использовалась как фактическая повестка и к последующему заседанию.

В результате можно считать «общими» фактические повестки к заседаниям СНК: 30 декабря, 1 и 2 января; 4 и 6 января; 11 и 14 января; 15 и 16 января; 20 и 21 января, 18 и 19 февраля. Отсюда следует, что фактически мы имеем повестки не к 55, а к 62 заседаниям СНК (из 77).

Таким образом, реально отсутствует 15 повесток: к заседаниям СНК от 3, 15, 16, 18, 19, 22, 27, 29 ноября; 7, 15, 16, 21 декабря; 17, 18, 19 января. Поскольку тексты некоторых из них могли служить (с соответствующими дополнениями) последовательно для двух и даже трех заседаний СНК, число отсутствующих формальных повесток, возможно, было меньше пятнадцати.

Не исключено, что часть вопросов утраченных повесток дня была сформулирована В. И. Лениным и снабжена его пометками, и можно лишь догадываться о них, изучая другие источники.

Несмотря на относительную немногочисленность и компактность, повестки дня и протоколы СНК «периода Смольного» обладают большой источниковедческой емкостью. Для максимального использования заложенной в них информации требуется предварительно установить: 1) сколько пунктов повесток повторяется и сколько, таким образом, остается в

---

[10] Мы не располагаем какими-либо инструкциями или мемуарными свидетельствами о составлении повесток дня СНК. Воспоминания Е. К. Кокшаровой о том, что В. И. Ленин «учил нас, молодых работников, как вести протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров, составлять повестки заседаний...», показывают, что сложившейся системы делопроизводства в СНК в это время еще не было (*Е. К. Кокшарова.* В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 г.— В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах», т. 3. М., 1969, стр. 64).

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 37, л. 25.

inslav

них «вопросов»; 2) то же самое — относительно протоколов СНК; 3) вопросы повесток, повторяющиеся (поглощающиеся) протоколами; 4) вопросы, отраженные только в повестках; 5) вопросы, отраженные только в протоколах.

В результате расписывания на отдельные карточки всех пунктов сохранившихся повесток дня (их 1182) и всех пунктов протоколов (781) и объединения повторяющихся по содержанию пунктов установлено, что в повестках насчитывается свыше 400, а в протоколах — свыше 500 различных «вопросов».

Систематизировав карточки с вопросами повесток дня и карточки с вопросами протоколов по произвольной тематической схеме и расположив их в два параллельных ряда, можно получить следующие группы вопросов:

I. Вопросы повесток дня

1) Отраженные в протоколах СНК: а) безусловно; б) под сомнением.
2) Не отраженные в протоколах СНК, но судьба их известна по: а) опубликованным законодательным актам; б) пометкам против соответствующих пунктов; в) зачеркиваниям соответствующих пунктов.
3) Не отраженные в протоколах СНК, и их судьба неизвестна.
4) На основании формулировки неясно, о чем шла речь.

II. Вопросы протоколов

1) Отраженные в повестках дня.
2) Не отраженные в повестках дня.
3) На основании формулировки неясно, о чем шла речь.

Как видим, пункты I(1) и II(1) говорят об одних и тех же, *общих*, вопросах повесток дня и протоколов (их приблизительно около 300).

Сопоставляя формулировки этих общих вопросов повесток дня и протоколов СНК, нетрудно заметить, что значительная часть из них (приблизительно $^3/_4$) *текстуально совпадает* (полностью — в меньшей степени; частично — в бо́льшей). Если взять частично совпадающие формулировки, то приблизительно $^3/_4$ из них полнее в протоколах, зато $^1/_4$ полнее в повестках. Полнота выражается в упоминании фамилии докладчика, в более четкой или конкретной формулировке вопроса и т. д.

Повестки дня	Протоколы
20.XI.17 г., п. 6: «О роспуске канцелярий в Мариинском дворце (Лунач[арск]ий)» [12].	**20.XI.17 г., п. 8:** «О роспуске канцелярии в Мариинском дворце. Сообщение А. В. Луначарского о деятельности там комиссара Данилевского».
2.XII.17 г., п. 8: «Доклад т. Зитта, представителя Президиума Московского Совета. Ходатайство Московского Совета об утверждении передачи всей Московской области в ведение Московского Совета. Т. Зитт просит рассмотреть этот вопрос первым, так как он должен уехать в Москву».	**2.XII.17 г., п. 1:** «Доклад Зитта о передаче всей Московской области в ведение Моссовета».
18.XII.17 г., п. 7: «Декрет об упразднении Канцелярии Государственной думы (Урицкий)».	**18.XII.17 г., п. 3:** «Об упразднении Канцелярии Государственной думы».
29.I.18 г., п. 13: «О переводе Николая Романова в Петроград для перевода в Кронштадт (Урицкий)».	**29.I.18 г., п. 21:** «О переводе Николая Романова в Петроград для предания его суду (Н. Алексеев)».

Выше отмечалось, что приблизительно $^1/_4$ часть формулировок общих вопросов повесток дня и протоколов не совпадает текстуально. Потребовалась некоторая предварительная работа, чтобы убедиться в том, что за внешне несхожими формулировками скрывается одинаковое содержание. В таких случаях иногда помогает близость дат повесток дня

[12] Пункт написан В. И. Лениным («Ленинский сборник», XXI, стр. 93).

inslav

и протоколов СНК. Так, в повестке на 17 декабря В. И. Ленин написал: «Финская делегация». В протоколе того же дня есть пункт: «Об обращении Финляндского правительства к Российскому правительству с требованием признания независимости Финляндии Россией». Хотя формулировки, как видим, не совпадают, нетрудно догадаться, что речь шла об одном и том же.

В приведенных выше примерах показаны вопросы повесток, *безусловно* получившие отражение в протоколах СНК. Но есть и такие (их, правда, немного), которые лишь с сомнением могут быть отнесены к соответствующим пунктам протоколов. Так, в повестке на 20 ноября В. И. Ленин написал: «Выдача 100 000 руб. (Кр[естьянскому] с[ъезду] + Петр[оградскому] Сов[ету] для Гор[одской] Д[умы])» [13]. При просмотре протоколов СНК за ближайшие числа обнаруживается лишь один «подходящий» пункт: «Ходатайство Финансовой комиссии о выдаче авансом 100 000 руб. для частичной уплаты по сметам, еще не одобренным Сметным отделом, по требующим безотлагательной уплаты (внесено В. Бонч-Бруевичем)» (пр. СНК от 21 ноября, вечернее заседание, п. 5).

Сопоставление формулировок общих вопросов повесток дня и протоколов СНК, их текстологическая близость, свидетельствуют в известной степени о «технике» ведения записей протоколов — в разделе «Слушали»: многие пункты брались почти в неизменном виде из повесток дня.

С другой стороны, наличие текстуальных и даже смысловых расхождений формулировок некоторых общих вопросов повесток и протоколов обязывает непременно сравнивать обе разновидности источников.

Сравнительное изучение общих вопросов повесток дня и протоколов позволяет судить о степени подготовленности и скорости «прохождения» вопросов в СНК и дает дополнительный материал для характеристики работы Советского правительства в этот период [14].

А какова «судьба» остальных (свыше 100) вопросов повесток дня, *не отраженных* в протоколах? Решение некоторых из них известно по опубликованным декретам и другим нормативным актам [15]. К значительной части вопросов повесток, не отраженных в протоколах СНК, есть пометки (большей частью В. И. Ленина), помогающие проследить их дальнейший путь: о направлении в Малый СНК [16], по другим адресам,

---

[13] «Ленинский сборник», XXI, стр. 94.

[14] По приблизительным подсчетам около $^4/_5$ всех общих вопросов повесток дня и протоколов фигурируют в протоколах СНК по одному разу, и только $^1/_5$ — по два, три и более раза. В повестки дня около $^2/_3$ таких вопросов включались до двух раз, и только $^1/_3$ — не менее трех, четырех и более раз.

[15] См. декрет СНК о приостановлении выдачи ценностей по приказу ВЦИК I созыва, от 23 ноября; сообщение Председателя СНК о сроке открытия Учредительного собрания (датировано — «Не позднее 5 декабря»); постановления: СНК — о назначениях Г. Д. Закса и Д. И. Лещенко, от 9 декабря; Президиума ВЦИК — о реквизиции типографии «Биржевые ведомости» (датировано — «Не позднее 13 декабря») («ДСВ-I», раздел I, № 88, 127, 153; Приложение 1, № 36); ср. повестки СНК от 23 ноября (п. 12), 9 декабря (пп. 2, 3), 11 декабря (п. 14).

На основании повесток на 5 и 11 декабря можно прокомментировать и уточнить даты упомянутых выше сообщения Председателя СНК и постановления Президиума ВЦИК. Поскольку вопрос об Учредительном собрании был внесен в повестку 5 декабря, очевидно, что сообщение о нем было принято в тот же день (так как опубликовано 6 декабря). Вопрос о реквизиции типографии «Биржевые ведомости», внесенный в повестку на 11 декабря, по-видимому, в СНК не обсуждался, был передан во ВЦИК и, судя по протоколу Президиума, утвержден 13 декабря.

[16] Переадресованные в Малый СНК, они лишь частично отражены в его документах (в том числе — опубликованных), в повестках дня и протоколах. С другой стороны, некоторые вопросы повесток дня СНК, хотя и не имеют пометок о направлении их в Малый СНК, отражены в материалах последнего. Следует отметить, что повестки и протоколы Малого СНК «периода Смольного» плохо сохранились. Ненайденные протоколы Малого СНК можно частично восстановить по его материалам, на которых есть пометки — номера протоколов и пунктов Малого СНК (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 917—922, 1061—1065).

inslav

о том, что вопрос решен положительно[17], снят, отложен, «устарел»[18]. Приблизительно о 20 выпросах повесток, не отраженных в протоколах, еще можно предположить, что они были как-то решены (судя по *зачеркиваниям* соответствующих пунктов). К ряду вопросов повесток, не отраженных в материалах Большого и Малого СНК, нет ни пометок, ни даже зачеркиваний. Кроме того, формулировки некоторых пунктов весьма кратки и отрывочны («Доклад Глебова», «Доклад тов. Шляпникова», «О командировке членов»)[19]. Наличие всех этих вопросов побуждает к дальнейшим разысканиям в других комплексах источников. Возможно, поиски были бы значительно легче, если бы сохранились *все* повестки дня за данный период (со всеми пометками и зачеркиваниями).

Вместе с тем вопросы повесток дня, не отраженные в протоколах СНК, позволяют сделать вывод, что заседания, на которых велись протоколы, не были единственной формой решения поступавших в СНК вопросов; многие из них проводились в жизнь «в рабочем порядке».

Важнейшей частью повесток дня СНК являются ленинские тексты (автографы), это — один из источников, раскрывающих разносторонность направлений деятельности главы Советского правительства.

В. И. Ленину принадлежит свыше 100 формулировок всех вопросов сохранившихся повесток дня. Большинство из них не требует особых комментариев, так как ясны либо сами по себе, либо благодаря наличию соответствующих «разъясняющих» пунктов протоколов СНК за ближайшие числа.

Кроме формулировок многих вопросов, В. И. Лениным написана бóльшая часть пометок — на полях против отдельных пунктов повесток дня: о направлении решения вопросов в Малый СНК и по другим адресам; о принятии, отклонении, откладывании вопросов; о необходимости излагать некоторые из них в письменном виде и т. д.

Подводя итог характеристике повесток дня СНК, можно сказать, что они являются ценным источником для изучения происхождения протоколов СНК (раздела «Слушали»), их полноты (так как дают сведения о не отраженных в них фактах); помогают изучить (при помощи сравнения с теми же протоколами) ритм, интенсивность, объем работы СНК в целом. Конечно, повесткам также свойственна известная неполнота — с точки зрения отражения вопросов, *ставившихся на обсуждение* СНК. Этот пробел восполняется изучением всей совокупности протоколов СНК, декретов Советской власти, мемуаров.

Выше речь шла о происхождении раздела протоколов СНК «Слушали», об их связи с повестками дня, т. е., в основном, о *постановке* вопросов на обсуждение СНК (хотя элементы *решения* их имеются и в повестках). Теперь же разговор пойдет только о резолютивной части протоколов — разделе «Постановили».

Как мы знаем, сохранилось 77 номерных протоколов СНК «периода Смольного». Особенно ценно, что до нас дошли *все рукописи* этих протоколов, кроме № 11 от 25 ноября.

Протоколы в этот период вели Н. П. Горбунов, М. Н. Скрыпник и Е. К. Кокшарова[20]. Горбунов и Кокшарова оставили беглые упоминания

---

[17] Против п. 8 повестки на 23 ноября (просьба ВЦИК об ассигновании специальной суммы для оказания помощи политическим эмигрантам) помечено: «Выдать аванс в 2000 руб.».

[18] См. повестки на 13, 18 декабря; 23, 29 января; 9 марта.

[19] См. повестки на 8, 11 декабря; 6 января.

[20] Н. П. Горбунов фактически стал секретарем Управления делами СНК уже 30 октября; официально — 2 ноября (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 45, лл. 135, 157); М. Н. Скрыпник назначили вторым секретарем 14 декабря («ДСВ-I», стр. 586), но, судя по ее воспоминаниям, она приступила к работе в СНК намного раньше (*М. Скрыпник.* Ильич в Смольном.— «Летопись революции», 1925, № 1(10), стр. XIX); время назначения Е. К. Кокшаровой в секретариат СНК точно не известно; по ее воспоминаниям — ноябрь 1917 г. (*Е. К. Кокшарова.* Указ. соч., стр. 61). Воспоминания Е. К. Кокшаровой — самые поздние из мемуаров людей,

inslav

о создании протоколов СНК. Благодаря Горбунову сохранился написанный им лично протокол СНК от 3 ноября. Правда, это не совсем обычный протокол, скорее — краткий конспект доклада В. П. Ногина о положении в Москве. Горбунов вспоминал, что вначале он не умел вести протокол, но к следующему заседанию дело пошло на лад: «Один из наркомов, кажется т. Глебов (Авилов), научил меня вести протокол, так что я справлялся с этой работой на этот раз уже без особых затруднений» [21].

Несколько подробнее о создании протоколов СНК упоминает Е. К. Кокшарова, но ее мемуары в этой части вызывают сомнения. «Владимир Ильич,— вспоминает Е. К. Кокшарова,— *сам* (курсив здесь и далее в цитатах мой.— *А. П.*) формулировал решения и *диктовал* их секретарю. Стенографисток и юристов тогда в Управлении делами Совнаркома еще не было, а секретари часто не успевали в точности записывать решение, и на следующий день Владимиру Ильичу приходилось *самому редактировать* протокол. Как бы поздно ни кончались заседания, протокол *представлялся на подпись В. И. Ленину* в 10 часов утра» [22].

Следует сразу же отметить, что: 1) *не только* В. И. Ленин формулировал протокольные решения, 2) протокольные решения *не только* писались под диктовку, но и переписывались секретарями; 3) в данный период В. И. Ленин *не* подписал ни одного протокола СНК, и, по-видимому, не редактировал их.

Неопубликованные воспоминания Е. К. Кокшаровой также содержат ряд спорных положений: «Владимир Ильич требовал,— писала Е. К. Кокшарова,— чтобы протоколы *сразу* оформлялись, и сразу давал формулировки. Оригиналом считался тот самый, который был составлен на самом заседании. Владимир Ильич *не любил никаких черновиков* и никаких дополнительных записей. Он просил записывать только то, что он формулировал...» И далее: «[Когда] ... Ленин председательствовал, то, хотя бы и не он подписывал протокол, все равно *все решения сформулированы им обязательно*; *так что авторство его несомненно*» [23]. Исходя из воспоминаний Е. К. Кокшаровой, М. П. Ирошников делает вывод, что принадлежавшие В. И. Ленину решения «сохранились *только* в протокольной записи заседаний Совета Народных Комиссаров, так как В. И. Ленин *не писал их сам, а диктовал* секретарям СНК» [24].

Прежде чем доказать односторонность и ошибочность приведенных суждений мемуариста и сделанного из них историком вывода, приведу еще два высказывания — Л. А. Фотиевой и А. З. Гольцмана. Последние, правда, приступили к работе в СНК после переезда Советского правительства в Москву, но тем не менее они могли отразить выработавшуюся к тому времени практику ведения протоколов СНК.

«Протокольные постановления СНК,— вспоминает Л. А. Фотиева,— *чаще всего диктовал* В. И. Ленин. Обычно он очень быстро проговаривал сложившуюся у него формулировку и, закончив, спрашивал: «Записали?» или «Успели записать?» и тотчас же требовал материалы по следующему вопросу. Записывать было трудно, стенографистки не было [25]. Внимание и память напрягались до последней степени, но я ни разу не решилась сказать Владимиру Ильичу, что своим вопросом он сбивает меня. *Обычно я успевала записать только начальные буквы каждого*

близко работавших с В. И. Лениным. В них в значительной степени использованы сведения, упомянутые в воспоминаниях Н. П. Горбунова. Уже одно это обстоятельство заставляет относиться к ним более внимательно.

[21] *Н. П. Горбунов.* Как работал Владимир Ильич. М., 1933, стр. 11, 17.

[22] *Е. К. Кокшарова.* Указ. соч., стр. 65.

[23] Цит. по указ. соч. М. П. Ирошникова (стр. 30, 125).

[24] *М. П. Ирошников.* Указ. соч., стр. 125—126.

[25] Впервые вопрос о стенографистке, судя по протоколам, встал на заседании от 28 февраля 1918 г. (пр. № 72, п. 7). Единственная стенограмма велась на заседании СНК, очевидно, 4 марта (*Э. В. Клопов.* В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров (ноябрь 1917 — март 1918 г.).— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4, стр. 13).

inslav

слова скороговорки Владимира Ильича. «Расшифровку» этой записи приходилось откладывать до конца заседаний» [26].

А. З. Гольцман [27] писал: «Можно безошибочно сказать, что именно Владимир Ильич выучил своих секретарей вести протоколы заседаний, требовал упоминания имени каждого докладчика. Он был решительным противником того, чтобы, не вынося никаких решений, по обсуждении вопроса ограничиваться только тем, что, дескать, все поняли друг друга и вопрос будет урегулирован. Он требовал точной и окончательной записи решений по каждому вопросу, с упоминанием того, кто, когда и что именно должен сделать. В этом смысле многим тогда казалось, что Владимир Ильич требует некоторого излишнего формализма и что записывается то, что само собой кажется ясным, а следовательно, не требует никакой записи. Практика, однако, неизменно показывала, что Владимир Ильич был прав в своих требованиях, так как именно такая запись давала возможность всегда найти нужную справку, узнать, кто должен выполнить то или иное поручение, точно установить, кто и за что отвечает» [28].

Подведем итоги высказываниям мемуаристов. Н. П. Горбунов, к сожалению, ни словом не обмолвился об участии В. И. Ленина в создании протоколов СНК. Воспоминания А. З. Гольцмана свидетельствуют о высоких требованиях, предъявлявшихся В. И. Лениным к их составителям [29]. Мемуары Е. К. Кокшаровой и Л. А. Фотиевой подводят нас непосредственно к «технике» ведения протоколов, но, как видим, трактуют ее по-разному.

Судя по воспоминаниям Е. К. Кокшаровой, *все* протокольные решения формулировались В. И. Лениным и *диктовались* им тут же, на заседании СНК. В воспоминаниях же Л. А. Фотиевой отмечалось, что решения «чаще всего» (но не всегда!) диктовал В. И. Ленин, но, поскольку секретарь успевал записать лишь «начальные буквы», оформление протокола откладывалось.

Я склонен более доверять Л. А. Фотиевой, хотя она и неполно освещает данный вопрос.

Изучение черновых материалов к протоколам СНК, сопоставление их с рукописями протоколов свидетельствует, во-первых, о том, что В. И. Ленин не был и не мог быть единственным автором бесчисленного количества протокольных решений; во-вторых, рукописные протоколы создавались двояким путем: часть текста образовалась, действительно, в результате записи *под диктовку*, а часть — вследствие *переписывания* проектов отдельных пунктов, набросанных на отдельных листках В. И. Лениным (чаще всего) и участниками заседаний СНК.

О двойственном происхождении рукописных протоколов СНК можно догадаться, даже не обращаясь к их первоисточникам: стоит только взглянуть на внешний вид рукописей. Некоторые из них изобилуют исп-

---

[26] *Л. Фотиева.* Из жизни Ленина. М., 1959, стр. 84.

[27] В годы гражданской войны — член ЦК профессионального союза металлистов.

[28] *А. З. Гольцман.* Ленин в вопросах заработной платы и организации труда.— В кн.: «Ленин на хозяйственном фронте. Сборник воспоминаний». М., 1934, стр. 45—46.

[29] Следует отметить, что такая образцовая постановка оформления протоколов была исключительной для того времени. Л. Р. Менжинская невысоко оценивала протоколы первых заседаний коллегии Наркомпроса: «Не было времени следить за протоколами Комиссии, и когда через некоторое время понадобилось навести справки по протоколу, мы увидели, что это не запись того, что говорилось на заседаниях, а какое-то искаженное отображение» (*Л. Менжинская.* Первые шаги Наркомпроса.— «На путях к новой школе», 1927, № 10, стр. 32). О неразберихе в делопроизводстве ВСНХ начального периода упоминал первый его председатель — В. В. Оболенский (*В. Оболенский.* (*Н. Осинский*). Из первых дней Высшего совета народного хозяйства.— «Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 12—13). О недостатках протоколов Президиума ВЦИК II и III созывов см.: *А. С. Покровский.* Указ. соч., стр. 83—86.

inslav

равлениями, сделанными, очевидно, в момент заседания [30]. Особенно много исправлений в протоколах от 15, 16, 30 ноября, 2, 6, 9, 11 декабря, т. е. в первые два месяца работы СНК. Подавляющее большинство протоколов имеет незначительные исправления (причем в период с января по 9 марта 1918 г. их значительно меньше, чем в ноябре-декабре 1917 г.). И наконец, в 23 протоколах вовсе нет правки (из них — 18 относятся к периоду с января по 9 марта 1918 г.). Из 444 пунктов рукописных протоколов СНК за ноябрь-декабрь 1917 г. имеют исправления 137 пунктов (более 30%); из 286 пунктов рукописных протоколов за январь — 9 марта 1918 г. правку имеют лишь 33 пункта (11,5%). Как видим, со временем рукописи протоколов стали заметно «чище». На это нельзя не обратить внимания. Известно, как трудно вести «на слух» точную и в то же время без помарок запись формулировок больших, развернутых решений (иногда с цифровыми данными). В то же время следует иметь в виду, что протокольная запись нередко была единственным источником для публикации и ее точность приобретала первостепенное значение.

В рукописях протоколов, не имеющих правки, бросается в глаза и такая деталь: текст пункта в графе «Постановили» записан более мелко и убористо, по сравнению с текстом того же пункта в графе «Слушали», и несмотря на это, он зачастую вторгается на «территорию», где уже записан текст другого пункта. Ясно, что такой текст мог быть либо вписан под диктовку, либо переписан с другого текста — в момент или после заседания СНК.

Таким образом, некоторые пункты рукописей протоколов имеют свои первоисточники — черновые наброски (проекты), большинство из них принадлежит В. И. Ленину, и они, как правило, опубликованы [31], меньшая часть — наркомам и членам коллегий наркоматов [32]. Авторство ряда проектов не установлено [33].

---

[30] В этот период В. И. Ленин еще не подписывал протоколы. Первая его подпись появляется под протоколом СНК от 18 марта 1918 г. (см. картотеку протоколов СНК в ЦПА ИМЛ; в ней отмечены многие данные о внешнем виде и содержании каждого из протоколов СНК 1917—1922 гг.; при этом подпись В. И. Ленина (автограф) каждый раз оговорена особо). В работе И. В. Загоскиной и Ю. А. Ахапкина «В. И. Ленин — глава первого Советского правительства» (М., 1960, стр. 42) отмечено: «В. И. Ленин после составления протокола секретарями обязательно проверял правильность записей, а с марта 1918 г. стал их после этого регулярно подписывать». К сожалению, авторы не приводят источников, подтверждающих факт проверки В. И. Лениным правильности протокольных записей. Сопоставление ленинских набросков протокольных решений (см. ниже) с самими протоколами показывает массу разночтений и не согласуется с этим утверждением авторов. Протоколы не всегда подписывались даже секретарем: подпись Н. П. Горбунова имеется под протоколами от 15, 16, 18, 20, 29 ноября 1917 г., М. Н. Скрыпник — 25 января 1918 г. В этой связи представляется необоснованным утверждение М. П. Ирошникова, со ссылкой на стенограмму беседы с группой бывших сотрудников секретариата В. И. Ленина от 5 июля 1946 г. и на воспоминания Е. К. Кокшаровой, о том, что подготовленный протокол заседания СНК «на следующий день обязательно представлялся управляющим делами... на подпись В. И. Ленину» (*М. П. Ирошников*. Указ. соч., стр. 30).

[31] «ДСВ-I», раздел I, № 76, 91, 157, 208, 221, 262, 268, 269, 293, 299; раздел II, № 28, 36; «Ленинские сборники»: XI, стр. 30; XXI, стр. 95, 98, 107—108, 116, 118—119, 158—159, 184, 194, 244, 244—245; XXXV, стр. 9, 11. Следует отметить, что в «Ленинских сборниках» крайне редко, к сожалению, приводятся разночтения между ленинскими набросками протокольных решений и самими протоколами (см., например, «Ленинский сборник», XI, стр. 30), но указания на протоколы СНК довольно часты.

[32] Некоторые проекты написаны А. Е. Аксельродом (членом коллегии Наркомата финансов), Я. М. Свердловым, Г. И. Петровским и В. В. Оболенским, М. Т. Елизаровым и др. (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 5, л. 10; ед. хр. 28, л. 6; ед. хр. 61, л. 12; ед. хр. 54, лл. 46, 47; ед. хр. 75, л. 20).

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 5, л. 11; ед. хр. 15, л. 25; ед. хр. 16, л. 5; ед. хр. 25, л. 30; ед. хр. 31, л. 14; ед. хр. 49, лл. 4, 6; ед. хр. 55, лл. 19, 20, 22; ед. хр. 57, л. 10;

inslav

Отличаются ли черновые наброски (проекты) пунктов протоколов от их воспроизведения в самих протоколах (рукописных и машинописных)? Приведем несколько характерных примеров, показывающих, как отражены ленинские проекты пунктов протоколов в самих протоколах.

1) Постановление СНК о размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалованья высшим служащим и чиновникам, от 18 ноября 1917 г.

Сравним часть этого постановления (п. 1) по трем текстам: *а* — проекту пункта протокола, написанному В. И. Лениным[34], *б* — записи этого проекта Н. П. Горбуновым в рукописном протоколе[35], *в* — публикации в газете «Правда» от 20 ноября 1917 г.[36] (курсив везде мой).

а	*б*	*в*
«...1) назначить предельное жалованье... *бездетным* и прибавку... на каждого ребенка...»	«...1) назначить предельное жалованье... ⟨*бездетным*⟩ *бессемейным* и прибавку... на каждого ⟨*ребенка*⟩ *неработоспособного члена семьи*...»	«..1) назначить предельное жалованье... *бессемейным* и прибавку... на каждого *неработоспособного члена семьи*...»

В данном случае публикация (текст *в*) сделана по рукописи протокола (текст *б*), а не по проекту. Правка в тексте *б* вряд ли была сделана самим В. И. Лениным. Происхождение ее, на мой взгляд, таково: на заседании СНК В. И. Ленин предложил свой проект. Здесь же возникла мысль — частично изменить редакцию п. 1 постановления, что и отразилось в рукописи протокола.

2) Постановление СНК об условиях предоставления заместителям народных комиссаров прав решающего голоса в СНК при отсутствии народных комиссаров, от 23 января 1918 г.

Текст *а* — проект пункта протокола, автограф В. И. Ленина[37], *б* — запись проекта в рукописи протокола[38], *в* — копия, на бланке СНК, предназначавшаяся для рассылки по адресам[39].

а	*б*	*в*
«На заседаниях С[ове]та Н[ародных] К[омиссаров] могут участвовать заместители отсутствующих нар[одных] к[омисса]ров с решающим голосом при том только условии, ⟨что⟩ если эти заместители назначены постановлением С[ове]та Н[ародных] К[омисса]ров из состава членов коллегий соответственных к[омисса]риатов».	«На заседании Совета Нар[одных] Ком[иссаров] с правом решающего голоса могут присутствовать их заместители при условии, если они назначены постановлением Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] из состава членов коллегии соотв[етствующего] комиссариата при отсутствии нар[одного] комиссара».	«Довожу до Вашего сведения, что на заседании Совета Народных Комиссаров с правом решающего голоса могут присутствовать их заместители при условии, если они назначены постановлением Совета Народных Комиссаров из состава членов коллегии соответствующего комиссариата, при отсутствии народного комиссара».

И в этом случае текст официальный (*в*) почти полностью совпадает с протоколом (*б*) — близким к оригиналу *изложением* проекта (*а*), записанным, очевидно, в момент заседания СНК (поскольку *после* заседания проще было бы *переписать* оригинал в протокол).

ед. хр. 60, л. 54; ед. хр. 62, лл. 47, 49; ед. хр. 64, л. 5; ед. хр. 67, л. 4; ед. хр. 69, л. 2; ед. хр. 70, л. 5; ед. хр. 75, л. 8.

[34] «ДСВ-I», раздел I, № 76-а (стр. 107—108).

[35] Пр. № 3, п. 5.

[36] «ДСВ-I», раздел I, № 76-б (стр. 108).

[37] Там же, раздел II, № 36-а (стр. 566).

[38] Пр. № 54, п. 6.

[39] «ДСВ-I», раздел II, № 36-б (стр. 566).

inslav

3) Постановление СНК об улучшении продовольствия в петроградских тюрьмах, от 23 января 1918 г.

Текст *а* — проект пункта протокола, автограф В. И. Ленина[40], *б* — запись проекта в рукописи протокола[41].

а	*б*
«С[овет] Н[ародных] К[омиссаров] постановляет	
1) принять экстренные меры для немедленного улучшения продовольствия в петр[оградских] тюрьмах.	«1) Принять экстренные меры для немедленного улучшения продовольствия в петр[оградских] тюрьмах.
Поручить к[омисса]рам юст[иции] и прод[овольствия].	Поручить к[омисса]рам юстиции и продовольствия:
Выдать безоговорочно по расписанию тюрем.	Выдать безоговорочно по расписанию тюрем.
2) вывезти спешно от 1/3 до 1/2 заключенных в провинц[иальные] ⟨местности в⟩ тюрьмы вполне благополучных по продовольствию местностей».	2) вывезти спешно от 1/3 до 1/2 заключенных в провинцию тюрьмы, вполне благополучных по продовольствию местностей».

Сопоставление текстов убеждает в том, что текст *б* почти автоматически *переписан* с текста *а*: повторяются в точности сокращения («петр.», «к-рам»), расположение абзацев, написание цифр и чисел; в последнем абзаце переписчик неправильно раскрыл сокращение «провинц.», получилось не совсем ясное выражение. Конечно, при *диктовке* этого бы не произошло.

4) Постановление СНК по докладу В. Д. Бонч-Бруевича об ассигновании 100 тыс. руб. «для Северной экспедиции СНК по охране достояния Российской Федеративной Республики, находящегося в Архангельской губ.», от 16 февраля 1918 г.

Текст *а* — проект пункта протокола, автограф В. И. Ленина[42], *б* — запись постановления в рукописи протокола[43].

а	*б*
«Назначить тотчас ревиз[ионную] к[омис]сию из 2—3 лиц для проверки действий К[омисса]риата В[оенного] и Т[орговли] и Пр[омышленности] и для осведомления Совнаркома о положении дел в Арх[ангельском] порте. [5] { Правд[ин] Ал[е]к[сее]в от ВСНХ от Отд[ела] по Дем[обилизации] } *В понед[ельник]*».	«Назначить тотчас ревизионную комиссию из 4-х лиц для проверки действий Комиссариата военного и торговли и промышленности и для осведомления СНК о положении дел в Архангельском порту (в составе Правдина, Алексеева, от Отдела по демобилизации, от ВСНХ). Созыв Комиссии поручить Алексееву. Обязать Комиссию представить доклад в СНК в понедельник 18 февраля. Поручить Комиссариату торговли и промышленности к среде представить в СНК доклад о состоянии грузов во всех портах Российской Республики».

В приложении к протоколу есть черновики решений по тому же докладу В. Д. Бонч-Бруевича, принадлежащие: а) И. Э. Гуковскому — 1) о передаче всего дела разгрузки Архангельского порта в руки какого-либо одного учреждения; 2) послать уполномоченного от СНК для выяснения положения дел в Архангельском порту; б) *неизвестным авторам* — 1) предложить Демобилизационному отделу Народного комиссариата по военным делам сделать доклад в СНК о разгрузке Архангельского порта в понедельник, 18 февраля; 2) снять вопрос с очереди до представления доклада комиссии, организованной ВСНХ и Демобилизационным отделом Народного комиссариата по военным делам[44].

[40] «ДСВ-I», раздел I, № 269-а (стр. 401).
[41] Пр. № 54, п. 11.
[42] «Ленинский сборник», XXI, стр. 158—159.
[43] Пр. № 63, п. 3.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 63, лл. 7, 8, 9, 10.

inslav

Сопоставление проектов В. И. Ленина и других авторов свидетельствует о несомненной близости их по содержанию. Очевидно, В. И. Ленин использовал кое-что из предложений *б* (1 и 2), видоизменил предложение *а* (2); другими словами — обобщил и отредактировал их.

Сопоставление черновых набросков (проектов) пунктов протоколов с текстами протоколов (рукописными и машинописными) убеждает в том, что в СНК в этот период протоколы велись различными способами. Протокольные решения нередко предварительно записывались (В. И. Лениным или кем-либо из участников заседаний СНК) на отдельном листке бумаги или в виде пометки на проекте декрета, обсуждались и в случае принятия либо тут же диктовались секретарю [45], либо (для экономии времени) передавались ему для последующей переписки «набело» или перепечатки в протокол.

Иногда решения излагались секретарем «на слух» в более произвольной редакции, в момент заседания СНК. Краткие формулировки, типа: «принять», «утвердить», «назначить», «отклонить», «ассигновать», «передать туда-то» и т. п., разумеется, также не представляло секретарю большого труда записать в момент заседания.

Примеры значительных расхождений (текстуальных и по содержанию) проектов пунктов протоколов с самими протоколами наводят на предположение о существовании и иных проектов, с учетом которых принимались единые, согласованные решения, тексты которых (также ненайденные) записывались или перепечатывались в протокол.

Следует, однако, отметить, что именно «протокольная» направленность черновых набросков В. И. Ленина и других авторов спасла их от уничтожения. Из воспоминаний людей, работавших с В. И. Лениным, известно, как много написанных в ходе заседаний СНК записок пропало бесследно: тогда они казались «временными», не предназначавшимися к фиксированию в протоколе [46]. Черновые же наброски протокольных решений, как правило, имеют секретарскую пометку (номер протокола и пункта, дату и т. п.).

Изучение происхождения текстов решений отдельных вопросов, поступавших в Совнарком, убеждает в том, что протоколы СНК — квинтэссенция творчества большого коллектива во главе с В. И. Лениным. Уместно привести высказывание А. В. Луначарского об обстановке работы на заседаниях Совнаркома: «Хотя в Совнаркоме было много первоклассных светлых голов, но Ленин обыкновенно быстрее других прорабатывал все вопросы и приходил к законченному решению. Однако в этом не было ни малейшего стремления, так сказать, искусственно проявить свое первенство. Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин быстро схва-

---

[45] Любопытно в этой связи отметить запись В. И. Ленина в известных заметках об организации нового аппарата управления, от 25 октября 1917 г.: «2 стенографистки для диктовок *и диктов[альная]машина*» («Ленинский сборник», XXI, стр. 92). Однако стенографисток и диктофон в тот период в СНК не использовали. Н. Л. Мещеряков вспоминал: «Была сделана колоссальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина» (*Н. Л. Мещеряков.* Из воспоминаний о Ленине.— «Печать и революция», кн. 2, 1924, стр. 13). Следует отметить, что Ленин принципиально возражал против записи выступлений (не только своих, но и всех других), считая, что решение снимает вопрос о разногласиях и не следует их (разногласия) фиксировать.

[46] Я. С. Ганецкий писал в своих мемуарах: «Мы не только постоянно тревожили и дергали его (Ленина.— *А. П.*) по всяким мелочам, но, получая от него целый ряд записок, телефонограмм и письменных инструкций, в большинстве случаев уничтожали или забрасывали их... Многие инструкции получались в письменной форме. Но в большинстве случаев это не были «казенные» бумаги, написанные на машинке с тремя подписями, с номером, регистрированные в канцелярии, а маленькие записки, лично Ильичем написанные... Где они теперь?...» (*Я. Ганецкий.* Ленин и национализация частных банков.— «Пролетарская революция», 1926, № 6 (53), стр. 5). О судьбе совнаркомовских записок В. И. Ленина см. также: *Н. Л. Мещеряков.* Указ. соч., стр. 13.

inslav

тывал его целесообразность и говорил: «Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось»»[47].

Перейдем к вопросу о значении протоколов для изучения опубликованных декретов Советской власти и для дальнейшего поиска документов СНК. Протоколы СНК получили значительное отражение в упомянутых выше сборниках «ДОР» и «ДСВ-I», главным образом в комментариях: при датировке утверждения законодательных актов, воззваний и т. д., при раскрытии их происхождения и «прохождения» в комиссиях и на заседаниях СНК; в меньшей степени — при выявлении и отборе архивных текстов.

Известно, что законодательные акты «периода Смольного» страдают определенной скудостью архивной базы. Из 345, опубликованных в то время, 80 не имеют подлинников или копий[48]. Поэтому нам далеко не безразлично, как эти документы, известные лишь по изданиям, отразились в протоколах СНК. Приведу несколько примеров. Сравним газетные сообщения от 10 декабря 1917 г. о достигнутом соглашении между СНК и ЦК партии левых эсеров о вхождении представителей партии левых эсеров в состав СНК (*а*) с протоколом СНК от 9 декабря (*б*)[49]:

а	*б*
«В ночь с 9 на 10 декабря достигнуто полное соглашение между Советом Народных Комиссаров и Центральным комитетом партии левых социалистов-революционеров о конструкции Правительства. В состав Совета Народных Комиссаров входят представители партии левых социалистов-революционеров в количестве семи человек».	«Достигнуто полное соглашение о составе власти между большевиками и левыми эсерами. В состав Правительства входят 7 социалистов-революционеров. Социалисты-революционеры обязуются проводить советскую политику. Подробности подлежат опубликованию после утверждения ЦИК».

Как видим, расхождения между текстами *а* и *б* — существенные (в газетах не сказано, что эсеры «обязуются проводить советскую политику»). По-видимому, в «ДСВ-I» имело смысл указать (в легенде) и на протокол как на единственно сохранившийся архивный источник, и привести разночтения.

Другой пример — постановление о финансировании Уральского района[50]. В комментарии к нему, в частности, отмечено: «23 декабря... вопрос обсуждался на заседании СНК, и было принято настоящее постановление». Обратимся к протоколам. 22 декабря представители рабочих Урала подали в СНК, вместе с заявлением, проект соглашения с Государственным банком о финансировании заводов Урала. 23 декабря СНК утвердил соглашение[51]. Сравнение текстов соглашения и опубликованного в «ДСВ-I» постановления показывает, что это — разные документы. Как и когда возникло постановление? В протоколе от 24 декабря сказано, что СНК, обсудив вопрос о переводе 30 млн. руб. на текущий счет заводского совещания Уральского района, постановил: «Принципиально вопрос утвердить. Техническую сторону вопроса, а также *редактирование принятой резолюции* поручить... управляющему Государственным банком»[52]. По-видимому, «отредактированная резолюция», источником для составления которой было, скорее всего, упомянутое выше соглашение от 23 декабря, и появилась в печати в виде постановления о финансировании Уральского района. Если это так, то ее следует датировать:

---

[47] *А. В. Луначарский.* Ленин в Совнаркоме.— В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. II. М., 1957, стр. 352.
[48] Подсчитано по «ДСВ-I», I раздел, и «ДСВ-II». Приложение 3.
[49] «ДСВ-I», раздел I, № 139; пр. № 23, п. 10.
[50] «ДСВ-I», раздел I, № 193.
[51] Пр. № 33, п. 13.
[52] Пр. № 34, п. 3.

inslav

«Не ранее 24 декабря». Таким образом, протоколы от 23 и 24 декабря помогают установить архивный источник постановления, его авторов и редактора, уточняют дату.

Далее. Только по газетам опубликованы сообщение о постановлении СНК от 29 декабря по вопросу о выяснении обстоятельств разоружения 1-го польского революционного полка и постановление СНК от 4 января о конфискации сумм, находящихся в банках на текущих счетах А. Ф. Керенского. Между тем имеются архивные тексты — протоколы СНК за те же числа, частично и полностью совпадающие с опубликованными [53].

И последний пример. Протокол от 23 января помогает объяснить появление в газетах странного «постановления» — из трех пунктов, трех не связанных между собой вопросов (эвакуация учреждений, ассигнование Отделу военнопленных, переименование Малого СНК в Комиссию при СНК) [54]. В протоколе действительно имеются три разобщенных решения, принятые по докладам разных лиц (пр. № 54, пп. 2, 7-б, 8-б), текстуально совпадающие с пунктами указанного «постановления». Почему же они попали в печать в виде единого документа? Дело в том, что в СНК, как, по-видимому, и в других центральных учреждениях, существовала практика рассылать заинтересованным адресатам копии протокольных решений. Очевидно, одна из них по ошибке попала в печать. Случайность этой публикации в газетах становится более заметной при сравнении первого пункта «постановления» с декретом СНК «о ликвидации эвакуированных... учреждений всех ведомств» [55] и обоих документов с протоколом СНК № 54 (п. 2): видно, что этот пункт, вместе с примечанием, является всего лишь протокольным решением по поводу указанного выше декрета. Об этом же свидетельствует и пометка на подлиннике декрета: «№ 54/2» (т. е. протокол № 54, пункт 2).

Приведенные примеры показывают ценность протоколов СНК при поиске архивных текстов декретов, известных только по изданиям.

Значение протоколов СНК при изучении текстов декретов выражается и в том, что в них, как правило, имеются ссылки на лицо или учреждение, вносящее проект или выступающее с докладом, служащим исходным моментом для разработки проекта; указывается состав комиссий, назначаемых для его обсуждения и редактирования. В ряде случаев протоколы помогают установить *источники ленинских текстов* в проектах декретов.

Нельзя отвергать в принципе возможность того, что В. И. Ленин, председательствуя на заседаниях СНК, мог записывать, развивая, формулируя, идеи, высказанные кем-либо из присутствовавших. Но это предположение подтверждается и материалами протоколов. Так, например, мысль о создании Комиссии практиков при ВСНХ принадлежала, очевидно, И. В. Сталину и П. А. Козьмину [56] (см. черновик протокола от 15 декабря: «т. Козьмин предлагает [как и] Сталин создание ‹деловой› комиссии практиков при СНХ»), в то время как известно, что проект постановления об организации Комиссии был *написан* В. И. Лениным [57].

15 февраля СНК, обсудив доклад Г. И. Ломова, Д. З. Мануильского и инженера Санина о национализации зернохранилищ, постановил: «Предложенный Мануильским декрет утвердить *с поправками Ломова*». Известно, что проект декрета правлен В. И. Лениным [58]. Конечно, возможна и ошибка секретаря, записавшего «Ломова» вместо «Ленина», но не исключено, что В. И. Ленин внес в проект (может быть, редактируя) поправки, предложенные Г. И. Ломовым.

---

[53] Ср. «ДСВ-I», раздел I, № 205, 220; пр. № 36, п. 12; пр. № 40, п. 5.
[54] «ДСВ-I», раздел I, № 267.
[55] Там же, № 268.
[56] П. А. Козьмин — заместитель председателя Особого совещания по обороне.
[57] Ср. «ДСВ-I», раздел I, № 157-а; пр. № 26, п. 5.
[58] Ср. «ДСВ-I», раздел I, № 304-а; пр. № 62, п. 2.

inslav

В качестве примера такого же рода можно указать на декрет «Социалистическое отечество в опасности!» [59]. 20 февраля СНК, обсудив доклад Н. В. Крыленко и В. М. Альтфатера о положении на фронте, выделил из своего состава Временный Исполнительный Комитет из пяти человек, поручив ему «вести всю текущую работу в промежутки между заседаниями Совета Нар[одных] Комиссаров и на началах ответственности перед ним» [60]. 21 февраля СНК заслушал доклад члена Комитета В. А. Карелина. Примечательно, что в черновике протокола доклад изложен по пунктам, сходным по содержанию с отдельными положениями декрета «Социалистическое отечество в опасности!» (уничтожение запасов продовольствия, путей сообщения; закрытие буржуазных газет и отправка их сотрудников на окопные работы; расстрел хулиганствующих элементов — «громил») [61], написанного после этого заседания В. И. Лениным.

В ряде случаев протоколы упоминают об имевших место поправках — в ходе окончательного утверждения того или иного документа,— без раскрытия существа поправок [62].

Наряду с повестками дня и протоколами, свидетельствующими о постановке и решении в СНК отдельных вопросов, существуют также (в приложении к протоколам) «листки исполнения», дающие некоторое представление о реализации этих вопросов, т. е. когда и куда (в какое ведомство, какому лицу, в печать) было направлено то или иное решение СНК.

«Листки» появляются не сразу. Вначале на полях протоколов ставятся пометки об исполнении. Вот два примера. 18 декабря СНК постановил: «Напомнить Подвойскому о необходимости принятия экстренных мер по оказанию военной помощи Самаре. Обязать тов. Подвойского ежедневно давать письменный рапорт в Совет о принятых им мерах». В тот же день СНК утвердил проект декрета об открытии кредита в 200 млн. руб. и об образовании междуведомственного совещания для выдачи ссуд городам и земствам [63]. На полях против соответствующих пунктов отмечено: «Послана записочка Подвойскому», «Не опубликовано согласно распоряжению Ленина. Опубликовать 20 декабря согласно разъяснению Трутовского. Сдано в печать 20 декабря» [64].

Подчас только благодаря «листкам исполнения» становится известно о принятом решении *не публиковать* тот или иной документ СНК [65], и, таким образом, снимается вопрос о поисках печатного текста. Иногда в «листках исполнения» отмечалось о сообщении решения СНК кому-либо *устно* (ввиду присутствия данного лица на заседании) или *по телефону*. Так, о декрете о свободе совести там сказано, что он был сдан в печать «20 января... ночью, по телефону» [66]. Подобное указание частично объясняет, почему не сохранились ни официальный («беловой») подлинник, ни соответствующе оформленная копия для печати [67]. Анало-

---

[59] «ДСВ-I», раздел I, № 314.

[60] «Ленинский сборник», XXI, стр. 98; пр. № 66, п. 7.

[61] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 67, л. 2 об.

[62] В «ДСВ-I» такие поправки иногда оговорены в комментариях (см. раздел I, № 179, 229, 292, 303), но нет отсылок на них в примечаниях к обращениям «К трудящимся мусульманам России и Востока», «Ко всему трудовому казачеству»; к декретам — о свободе совести, национализации зернохранилищ, об упразднении Центрального врачебно-санитарного совета (ср. раздел I, №№ 80, 138, 248, 304, 306; пр. № 5, п. 20; пр. № 20, п. 4; пр. № 52, п. 2; пр. № 62, пп. 1, 2).

[63] «ДСВ-I», раздел I, № 176.

[64] Пр. № 29, пп. 11, 13.

[65] Например, декрет об аннулировании договоров и контрактов, заключенных военным и морским ведомствами на поставку боевого снаряжения армии и флоту («ДСВ-I», раздел II, № 23; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 31, л. 30).

[66] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 52.

[67] В легенде к декрету в «ДСВ-I» (раздел I, № 248) сохранившийся архивный текст назван «подлинником». В действительности это проект с правкой В. И. Ленина и

inslav

гичные случаи — с постановлениями СНК от 31 января о порядке приема на службу саботажников и об образовании Чрезвычайной комиссии по продовольствию. Из архивных текстов налицо лишь проекты В. И. Ленина и совпадающие с ними соответствующие пункты рукописи протокола СНК [68]; нет ни официально оформленных подлинников, ни копий для печати. Из «листка исполнения» к протоколу СНК от 31 января узнаем, что постановления были переданы по телефону в редакции «Правды» и «Известий» в ночь на 14 (1) февраля (первое — в 1 ч. 46 м., второе — в 0 ч. 45 м.).

Говоря о значении протоколов заседаний СНК для изучения декретов Советской власти, следует обратить внимание на многоплановость этой темы.

Весьма важна роль протоколов в вопросах поиска текстов. За период с 15 ноября 1917 г. по 9 марта 1918 г. в них отразилось большинство принятых СНК (или совместно СНК и ВЦИК) документов, причем протоколы не просто упоминают об этих документах, но и приводят некоторые из них полностью или в изложении, предоставляя, таким образом, возможность текстологического сравнения их с другими архивными текстами и изданиями того времени [69]. Более того, рукописи некоторых пунктов протоколов являются *единственными* архивными источниками к документам, известным лишь по опубликованным текстам.

Эвристическая роль протоколов не ограничивается упоминанием или воспроизведением текстов, известных по изданиям. Протоколы — ключ к поиску малоизвестных, неопубликованных документов. В ряде пунктов они воспроизведены полностью, либо в изложении, иногда даны лишь глухие указания, ведущие к дальнейшим поискам. Особо следует отметить, что постановлений о назначениях и ассигнованиях в протоколах СНК больше, чем в любой из известных публикаций («ДОР», «ДСВ-I»).

Протоколы СНК представляют интерес и по другим археографическим и источниковедческим проблемам (установления авторов и редакторов текстов проектов декретов, датировки утверждения их в СНК, исторического комментирования).

Особая роль принадлежит протоколам СНК при изучении государственной деятельности В. И. Ленина.

Несмотря на значительный объем информации, заключенной в протоколах СНК, они не являются «всеобъемлющим» источником по истории деятельности Советского правительства. В них не получило отражения много вопросов и документов, прошедших через СНК, например, в период между 27 октября и 15 ноября 1917 г. (когда протоколы, по-видимому, еще не велись), в промежутках *между* заседаниями и др. Поэтому работу СНК и В. И. Ленина нельзя изучать, не привлекая, наряду с протоколами, повестки дня СНК, научные публикации декретов Советской власти («ДОР», «ДСВ»), воспоминания и другие источники.

В заключение хотелось бы еще раз поставить вопрос о необходимости *научного* издания протоколов СНК — вместе с повестками дня и «листками исполнения», используя большой положительный опыт, накопленный при публикациях декретов Советской власти («ДОР» и «ДСВ»).

его подписью после утверждения в СНК. Об этом свидетельствует, в частности, и пометка на нем: «Утверждено в заседании коллегии Народного комиссариата юстиции 19 января 1918 г. Подписал: М. Рейснер. Верно: за сотрудника отдела (*подпись неразборчива*)».

[68] «ДСВ-I», раздел I, № 298, 299; ср. пр. № 61, пп. 5, 6.

[69] Ср., например, документы I раздела «ДСВ-I», № 64, 76, 98, 116, 119, 122, 123, 128, 139, 142, 147, 157, 161, 181, 186, 194, 205, 211, 220, 221, 226, 262, 267, 269, 293, 298, 299, 322, 324 и, соответственно, протоколы № 1-а (п. 6), 3(5), 9(8), 15(5), 15(23), 16(6), 16 (приложения), 20(1), 23(10), 24(1), 24(4), 26(5), 26(8), 31(6), 32(2), 33(12), 36(12), 37(2), 40(5), 41(1), 45(2), 53(1), 54(2, 7, 8-б), 54(11), 60(1), 61(6), 61(5), 70(3), 71(3); документы II раздела «ДСВ-I», № 8, 9, 11, 35, 36, и, соответственно, протоколы № 4 (п. 12-а), 4(21), 4 (приложения) 49(2), 54(6).

inslav

Л. В. Черепнин

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БОГОЯВЛЕНСКИЙ КАК ИСТОРИК (1872[1] — 1947)

О С. К. Богоявленском написано мало[2]. Наиболее полный очерк о нем принадлежит С. В. Бахрушину. Он появился в журнале «Вопросы истории» через год после смерти С. К. Богоявленского[3]. Содержательный некролог был опубликован в журнале «Славяне»[4]. В «Советской исторической энциклопедии» о С. К. Богоявленском писал И. У. Будовниц[5]. Даже печатной библиографии трудов С. К. Богоявленского после 1929 г.[6] не было.

Настала пора сказать о Сергее Константиновиче как историке то, что еще о нем не сказано или сказано недостаточно. Ведь из 75 лет, отведенных ему судьбой, 50 с лишним он посвятил исторической науке, а последние годы своей жизни отдал Институту истории. И у многих, вероятно, до сих пор сохранился в памяти его облик — облик человека уже очень пожилого, убеленного сединой, но всегда подтянутого, корректного, с мягким юмором и благожелательной улыбкой.

С. К. Богоявленский родился в 1872 г.[7] в семье священника. Среднее образование он получил в 3-й московской гимназии, а затем в 1891—1895 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Личные воспоминания Сергея Константиновича об университетском периоде его жизни отразились в какой-то мере в его некрологе о Ю. В. Готье, его университетском товарище, учившемся в те же годы, что и он. Среди профессоров, производивших особенно сильное впечатление на студентов, Сергей Константинович в первую очередь называет В. О. Ключевского. «Ключевский,— пишет Сергей Константинович,— это настоящий артист слова, создатель еще не превзойденного по своей цельности и стройности курса лекций, он не вводил слушателя в подробности своей исследовательской работы, но лекции Ключевского были важны с другой стороны; силой своего исключительного таланта Ключевский умел внушить слушателю, что русская история не менее интересна, чем история стран Западной Европы, что имеется увлекательный материал для древнейших периодов, что процесс развития русской

---

[1] В личном деле С. К. Богоявленского (ОРФ Института истории СССР Академии наук СССР, «Ю», р. 350, оп. 1, ед. хр. 4) указаны разные даты рождения: 1871 г. и 1872 г.

[2] При жизни С. К. Богоявленского краткие биографические сведения о нем были даны в книге: «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)»; т. II. Биографический словарь членов Общества. Под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915, стр. 35—36.

[3] *С. В. Бахрушин.* С. К. Богоявленский как историк.— «Вопросы истории», 1948, № 8, стр. 87—88.

[4] «С. К. Богоявленский [Некролог]».— «Славяне», 1947, № 9, стр. 63.

[5] *И. У. Будовниц.* Богоявленский Сергей Константинович.— «Советская историческая энциклопедия», т. 2. М., 1962, стб. 510—511. См. также «Список научных трудов С. К. Богоявленского» (настоящее издание, стр. 286—290).

[6] К 1929 г. относится «Записка об ученых трудах С. К. Богоявленского» в связи с избранием его членом-корреспондентом Академии наук СССР («Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.» Л., 1930, стр. 9—12).

[7] Биографические данные о С. К. Богоявленском взяты из его личного дела, хранящегося в ОРФ Института истории СССР Академии наук СССР. См. сн. 1.

inslav

истории протекал строго закономерно и нить этого закономерного развития можно открыть и проследить. Такие разговоры велись между студентами, и большая группа... решила на первом же курсе специализироваться на изучении русской истории. Надо сказать еще об одном результате лекций Ключевского: большинство его слушателей на всю жизнь сохранило стремление к ясному и образному выражению своих мыслей...» [8].

Итак, основываясь на личных заявлениях С. К. Богоявленского, можно думать, что лекции Ключевского определили его интерес к русской истории, понимание ее важности, породили увлеченность ею, которую он пронес через всю жизнь и которая чувствуется во всех его работах. Отпечаток таланта Ключевского можно уловить и в литературном оформлении Сергеем Константиновичем своих произведений: яркости, красочности, художественности. Конечно, С. К. Богоявленский воспринял в университете концепцию русского исторического процесса в той трактовке, которая была принята тогда в буржуазной историографии. Но, мне думается, что прав С. В. Бахрушин, когда он говорит, что наибольшая ценность изысканий С. К. Богоявленского — не в теоретических построениях. Сергей Константинович, указывает Бахрушин, «выступал в первую очередь как глубокий и всесторонний исследователь исторического факта. Он избегал обобщений», и «в этом слабая сторона его трудов» [9].

В области источниковедческой методики С. К. Богоявленский отмечает значение университетских семинаров П. Г. Виноградова. Он считает, что «Виноградов счастливо дополнял Ключевского. По внешнему виду надутый и неприступный, он отдавал много сил на то, чтобы из студента, пассивного слушателя лекций, сделать активного исследователя. На семинарских занятиях, которые надо назвать образцовыми, он учил, как надо работать над источниками, критически анализировать их, сопоставлять одни с другими, извлекать обоснованные выводы и формулировать их. Он был очень требователен к студентам, настаивал на знании двух древних и трех новых языков. Но если студент показывал желание и способность работать, то Виноградов внимательно следил за его занятиями, приглашал к себе на дом для указаний, давал книги из своей библиотеки» [10].

Внимание к источниковедческой основе исторического исследования всегда характеризовало и Сергея Константиновича как ученого. Конечно, трудно сказать, в какой мере здесь сказывалось влияние подготовки, полученной в Московском университете, и в какой — многолетняя работа в архивах. Вероятно, было и то, и другое.

В 1895 г. С. К. Богоявленский окончил университет. Его дальнейший путь в науку отличался от того пути, которым шли некоторые его современники и сверстники: оставление при университете для подготовки к профессорскому званию — сдача магистерских экзаменов — защита магистерской и докторской диссертаций. Его судьба сложилась иначе. Он миновал ряд ступеней этой ученой лестницы. Характерно, что членом-корреспондентом Академии наук СССР он стал раньше (1929 г.), чем доктором исторических наук (1943 г.).

Свою научную жизнь С. К. Богоявленский начал с участия в археологических экспедициях и с работы в архиве, т. е. отдался практической деятельности по выявлению исторических материалов. Характерно (причем не только для Сергея Константиновича, но и для некоторых других историков его поколения) проявление интереса одновременно и к памятникам письменности, и к памятникам материальной культуры.

---

[8] *С. К. Богоявленский.* Академик Юрий Владимирович Готье.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1944, т. 1, № 3, стр. 109.
[9] *С. В. Бахрушин.* С. К. Богоявленский как историк, стр. 88.
[10] *С. К. Богоявленский.* Академик Юрий Владимирович Готье, стр. 109.

inslav

В ряде своих трудов Сергей Константинович основывается на комбинированном анализе этих двух групп источников. В течение двух лет (1895—1896) он производил раскопки в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, результатом которых были его статьи в «Трудах Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге» [11] и в «Трудах» самого Рижского съезда [12], в которых сделана попытка определения национальности людей, захороненных в могильниках Прибалтики, по данным археологии, языка, этнографии, письменных памятников.

Затем С. К. Богоявленский перенес арену своих археологических изысканий в Московскую губернию, в 1900 г. производил вместе с Ю. В. Готье раскопки в Волоколамском уезде, результаты их сопоставил с данными летописей и сделал некоторые наблюдения относительно хода славянской колонизации [13]. Обследование московских археологических памятников Сергей Константинович продолжал в течение ряда лет и в дальнейшем; он составил археологическую карту бывшей Московской губернии с пояснительным к ней текстом. Лишь частично, причем очень нескоро, плоды его трудов увидели свет. В 1947 г., когда праздновалось 800-летие Москвы, были опубликованы собранные С. К. Богоявленским «Материалы к археологической карте Московского края» [14].

Архивные изыскания С. К. Богоявленский начал еще студентом. В 1898 г. он поступил в качестве сверхштатного чиновника в Московский главный архив Министерства иностранных дел и прослужил на разных должностях в архивных органах свыше 30 лет, до 1930 г. Небольшие воспоминания об архиве Министерства иностранных дел дореволюционного времени имеются в некрологе, посвященном С. К. Богоявленским С. А. Белокурову. Богоявленский пишет, что директор Архива барон Ф. А. Бюлер (его Сергей Константинович уже не застал) был «человек не чуждый науке, но считавший, что главными достоинствами подчиненных ему чиновников должна быть знатность происхождения, безукоризненность светских манер и хорошее знание французского языка...». По словам С. К. Богоявленского, свежую струю в деятельность архивистов, придав ей научный характер, внес С. А. Белокуров. Под его влиянием Архив «из убежища родовитых молодых людей, стремившихся к дипломатической карьере, сделался приютом для тех, кто интересовался наукой и видел в чтении и изучении архивных документов не скучную, безжизненную работу, а смысл и содержание своей жизни» [15].

Одним из видов научной деятельности была для С. К. Богоявленского публикация архивных документов. В качестве печатного органа он в большой мере использовал страницы «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». И в этом отношении Сергей Константинович шел по стопам Белокурова, о котором писал: Сергей Алексеевич «твердым и уверенным шагом, без колебаний и сомнений вошел в те святилища научной мысли, с которыми он связал всю свою жизнь: в Архив, где нетронутыми лежали сокровища рус-

---

[11] *С. К. Богоявленский.* Отчет об археологической экспедиции летом 1895 года.— В кн.: «Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге», вып. II. М., 1896, стр. 19—35). (Статья написана совместно с Р. Р. Штакелбергом.)

[12] *С. К. Богоявленский.* Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 года.— В кн.: «Труды X Археологического съезда в Риге. 1896 г.», т. III. М., 1900, стр. 92—116.

[13] *С. К. Богоявленский* и *Ю. В. Готье.* Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда, Московской губернии 1900 г. М., 1901.

[14] *С. К. Богоявленский.* Материалы к археологической карте Московского края.— В кн.: «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. 1. М.— Л., 1947 («Материалы и исследования по археологии СССР», № 7), стр. 168—178.

[15] *С. К. Богоявленский.* С. А. Белокуров [1862—1918 гг. Некролог].— «Исторический архив», Пг. 1919, кн. 1, стр. 425, 435.

inslav

ской истории, и в общество, где любовь к этим сокровищам служила невидимой, но крепкой связью между избранными исследователями родной старины». И в другом месте: «Поставленный к самому источнику, С[ергей] А[лексеевич] с каким-то упоением спешит черпать полными руками и печатать любопытные материалы самого разнообразного содержания из неразобранных столбцов XVII века, книжки «Чтений» заполнились длинным рядом напечатанных С[ергеем] А[лексеевичем] документов» [16].

Книжки «Чтений» заполнялись и документами, представляемыми С. К. Богоявленским, причем материалы по преимуществу также XVII в.— по его выражению, «периода переходного от древней истории к новой» [17]. Помещал обычно свои публикации Сергей Константинович в последнем разделе «Чтений», носившем название «Смесь». Их более 20. И первое впечатление от них — это, действительно, что-то пестрое, случайное, любопытное не в смысле «интересное», а в смысле «занимательное». Когда присмотришься ко всему их комплексу, видишь, что это далеко не так. Выделяются группы памятников, выявляются принципы их подбора, становится ясной их ценность.

Вот несколько сравнительно редких источников раннего времени: жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде, 1435 г. [18]; сотница с можайских писцовых книг 1544 г. на слободки Лужковского монастыря [19]; дело князя Василия Микулинского с Иваном Рудным Колычевым около 1523—1525 гг., дающее новые данные о словоупотреблении «смерд» [20]; допрос Иваном IV русских пленников, вышедших из Крыма [21]. Каждый источник в своем роде уникален.

Из памятников XVII в. С. К. Богоявленский выбирал для помещения в «Чтениях», во-первых, материалы приказного делопроизводства, сведения о структуре административных органов, что интересовало его и как архивиста (с точки зрения происхождения архивных фондов), и как историка государственных учреждений. Таковы публикации «Опись дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г.» [22]; «Распределение между гостями царских служб в 1675 г.» [23]; «Распределение городов по повытьям приказа Устюжской четверти в 1677 г.» [24]; «Письмо дьяков Посольского приказа князьям Василию Васильевичу и Алексею Васильевичу Голицыным о посещении царем Петром Алексеевичем Посольского приказа» [25]; «Книги издержечные тотемского земского старосты Андрея Выдрина 1691—1692 гг.» [26]

Другую группу источников, изданных С. К. Богоявленским в «Смеси», составляют памятники истории быта: приготовление в 1674 г. для царевича Петра Алексеевича трех рейтарских знамен [27]; пожалование в 1687 г. князю В. В. Голицыну резной кровати с позолотой и расписанием красками [28]; дело 1697 г. об отдаче тяглеца Мещанской слободы Якушки Никифорова «за заемные деньги в зажив головою» А. Д. Меншикову [29]; недатированная опись имущества старицы Ирины Ивановны Мстислав-

---

[16] Там же, стр. 425.
[17] Там же, стр. 423.
[18] ЧОИДР, 1913, кн. 3, Смесь, стр. 47—48.
[19] Там же, 1908, кн. 4, Смесь, стр. 19—20.
[20] Там же, 1910, кн. 4, Смесь, стр. 18—20.
[21] Там же, 1912, кн. 2, Смесь, стр. 26—33.
[22] Там же, 1905, кн. 1, Смесь, стр. 12—40.
[23] Там же, 1913, кн. 3, Смесь, стр. 44—47.
[24] Там же, стр. 27—29.
[25] Там же, 1911, кн. 4, Смесь, стр. 51—52.
[26] Там же, 1908, кн. 4, Смесь, стр. 21—40.
[27] Там же, 1913, кн. 2, Смесь, стр. 38.
[28] Там же, 1902, кн. 2, Смесь, стр. 41—42.
[29] Там же, 1913, кн. 4, Смесь, стр. 40.

inslav

ской[30]; опись имущества умершего дьяка Ивана Олферьева 1700 г.[31] Третья группа документов рисует социально-политические конфликты, выступления против существующих порядков, против церкви. Это анонимная и недатированная изветная челобитная дьяка Петра Микулина, который «обронил грамотку», а в ней «писано... к... государьскому величеству многое изменное неистовство»[32]; приговор 1689 г. по делу иноземцев Квирина Кульмана и Кондратия Нордермана, которых велено «за их богомерские и противные еретические и чернокнижные дела казнить смертью, сжечь»[33]; расследование о надписях, сделанных в 1708 г. на заборе и на воротах в Нижнем Новгороде: «быть бунту, что и в Астрахани»[34].

Таким образом, извлекши из раздела «Смесь» «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» архивные материалы, в течение многих лет сдававшиеся туда С. К. Богоявленским и появлявшиеся постепенно в печати, а затем сгруппировав их, мы можем воочию убедиться в том, насколько трудами Сергея Константиновича была пополнена, пусть по крупицам, источниковедческая база отечественной истории.

Но ему принадлежат и более крупные архивные находки. Это прежде всего древнейшие писцовые книги Новгородских пятин: Шелонской 1498—1576 гг. и Бежецкой 1501—1564 гг.[35] Вряд ли есть необходимость говорить о ценности этого открытия, на основе которого уже написано большое число исследовательских работ и последняя из них — коллективный труд ленинградских историков под руководством А. Л. Шапиро[36].

Другим, не менее важным, открытием С. К. Богоявленского является Судебник 1589 г., обнаруженный им в собрании Мазурина[37]. Сергей Константинович издал текст памятника, предпослав ему палеографическое описание и дав анализ его правовых норм в сравнении с Судебником 1550 г. Исследователь считал, что найденный им текст является проектом нового Судебника, заслушанным царем Федором Иоанновичем и его советниками, но не введенным в действие. Наряду с Богоявленским, в том же издании высказался по поводу памятника В. О. Ключевский, расценивший его как черновик, не получивший законодательного утверждения.

Сейчас, когда известно уже несколько списков Судебника 1589 г., причем разных редакций, когда продвинулось вперед его изучение, появилось новое его издание[38], мы уже не так часто обращаемся к публикации Богоявленского, но его заслуга перед наукой от этого не становится меньше.

Вместе с И. С. Рябининым С. К. Богоявленский подготовил к изданию «Акты времени междуцарствия» (1610—1613 гг.), составившие третий выпуск серии «Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг.» (М., 1915). Рябинин осуществил подбор и редактирование польских актов, Богоявленский — русских документов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел.

---

[30] ЧОИДР, 1915, кн. 3, Смесь, стр. 1—6.
[31] Там же, 1908, кн. 1, Смесь, стр. 27—32.
[32] Там же, стр. 27.
[33] Там же, 1909, кн. 3, Смесь, стр. 22—24.
[34] Там же, 1908, кн. 3, Смесь, стр. 45—46.
[35] «Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографическою комиссиею», т. 5—6. СПб., 1905—1910.
[36] «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.». Л., 1971.
[37] «Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г.». По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 1900.
[38] «Судебники XV—XVI веков». Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.— Л., 1952 (стр. 341—562 — Судебник 1589 г.).

inslav

Наконец, необходимо упомянуть еще одну публикацию Сергея Константиновича: «Московский театр при царях Алексее и Петре» (М., 1914). Архивные материалы 1672—1676 и 1699—1708 гг., выбранные из фондов Посольского приказа и Владимирской и Галицкой четвертей, а также предпосланный им очерк С. К. Богоявленского дают возможность воссоздать яркие картины культурной жизни Москвы на рубеже XVII и XVIII вв. и значительно углубить историю театра в России.

Переходя к исследовательским трудам С. К. Богоявленского, надо сказать, что они тесно связаны с его публикаторской деятельностью. Центром внимания ученого является XVII век. Но круг вопросов, поднимаемых применительно к этой эпохе, разнообразен. Историк-архивист, он пытается воссоздать историю и структуру тех государственных учреждений, от которых сохранились фонды документальных материалов или остатки этих фондов. Этой тематике посвящена первая печатная статья С. К. Богоявленского «К вопросу о столах Разрядного приказа» [39]. За ней последовали и другие сходные работы: «Расправная палата при Боярской думе» [40], «О Пушкарском приказе» [41]. Статьи эти — специальные, и, на первый взгляд, как будто не вызывающие особенно живого интереса. Но в них чрезвычайно важна (по-моему, на это никто еще не обращал внимания) тонкая и точная методика реконструкции делопроизводства отдельных административных органов. Так, обнаружив книгу дел, внесенных в 1689—1694 гг. в Расправную палату из Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской, Устюжской четвертей, приказа княжества Смоленского, автор при помощи данных этой книги нашел затем в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, в разных фондах, более 30 подлинных делопроизводств. Результаты своего исследования С. К. Богоявленский назвал выполнением «скромной задачи легкими чертами заполнить детали» в том контуре деятельности Расправной палаты, который до него очерчен другими «талантливыми и опытными руками» [42]. Поистине скромность, только не задания, а его исполнителя.

А какая кропотливая работа проделана Сергеем Константиновичем для того, чтобы представить круг деятельности Пушкарского приказа на основе анализа делопроизводства Разряда, четвертей и других приказов, которые имели с ним сношения! Это решение сложного источниковедческого вопроса надежными методическими приемами.

Особый интерес представляет работа С. К. Богоявленского «Некоторые статистические данные по истории русского города XVII ст.» (М., 1898) [43]. Здесь прежде всего привлекает постановка проблемы в сравнительно-историческом плане. «Со второй половины настоящего столетия,— пишет С. К. Богоявленский,— при разработке вопросов по истории экономического быта Западной Европы внесен новый материал, который до того времени не обращал на себя внимания. Это статистический материал» [44]. И, приводя данные о движении населения в русских городах, автор сопоставляет их с соответствующими цифрами, относящимися к городам Западной Европы.

Один город привлекал особое внимание Сергея Константиновича на протяжении всей его научной деятельности — это его родной город и русская столица Москва. История Москвы — тема, которая сопутствовала С. К. Богоявленскому всю его жизнь, чем бы он ни занимался еще. А тема «Богоявленский — историк Москвы» в свою очередь требует осо-

---

[39] «Журнал Министерства народного просвещения», 1894, № 6, стр .401—413.
[40] «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., 1909, стр. 409—426.
[41] «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского». Пг., 1917, стр. 361—385.
[42] «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому», стр. 410.
[43] См. также «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. 1, вып. 3. М., 1899, стр. 381—394.
[44] *С. К. Богоявленский.* Некоторые статистические данные..., стр. 4.

inslav

бого исследования, ибо многое из того, что им сделано, не напечатано, и надо датировать его рукописи, сопоставить их между собой и воссоздать творческий процесс работы автора над любимой темой. Сергей Константинович изучал топографию города и его внутреннюю жизнь. Он принял активное участие в создании коллективного многотомного иллюстрированного труда «Москва в ее прошлом и настоящем», поместив в нем статьи: «Управление Москвой в XVI—XVII вв.» [45], «Войско в Москве в XVI и XVII вв.» [46], «Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче» [47] и «Московские смуты в XVII в.» [48]. Общие исторические представления автора не выходят за пределы буржуазно-либеральной историографии, но статьи свежи по материалу, написаны живо, доходчиво, в них есть что-то от И. Е. Забелина, историка и археолога, умевшего восстановить прошлое в его наглядно зримых формах.

Участвовал Богоявленский и в других сборниках буржуазно-либерального направления, выходивших в связи с официально отмечаемыми юбилейными датами: «Освобождение крестьян. Деятели реформы», «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Для первого издания С. К. Богоявленский дал очерк «Яков Александрович Соловьев» [49], для второго — статью «Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна» [50]. Эти работы производят сложное впечатление. Чувствуется, что автор ушел из той эпохи, где он мог выступать как историк, опирающийся на источники. Здесь он пишет скорее не как историк-исследователь, а как очеркист публицистического толка. Так, характеристику Якова Соловьева он дает на фоне политически предвзятой схемы: «...самодержавный государь, решившийся провести крестьянскую реформу, поставлен в тяжелые условия, но он все-таки же найдет себе поддержку если не в преданном сословии и послушном чиновничестве, то в общественном мнении Европы и в интеллигентских кружках, которые небольшими светлыми пятнами вырисовываются на темном фоне как столичного, так и провинциального общества» [51]. Но при неприемлемости концепции в обоих очерках привлекает мастерство психологического анализа автора, его стремление дать живой портрет каждого из изображаемых лиц, разглядеть их чисто человеческие черты. И хотя это не искупает предвзятости основной идеи, но отвлекает от нее внимание в сторону жизненных исторических портретов.

* * *

С чем же пришел Сергей Константинович к Октябрю 1917 г.? Я думаю, можно сказать, что к этому времени он был уже видным представителем московской ученой интеллигенции, одним из сложившихся историков «школы Ключевского». У него не было таких фолиантов, как «Сошное письмо» у С. Б. Веселовского или «Земское самоуправление на русском севере» у М. М. Богословского. Вообще у него не было трудов, в которых поднимались бы большие концепционные проблемы. Но он зарекомендовал себя как серьезный знаток архивных документов, как археограф и источниковед, на счету у которого значились важные находки, как археолог, знаток старинного быта, материальной и духовной культуры.

Конечно, он был далек от марксизма. И требовалось время, для того чтобы полностью осознать задачи развивающейся марксистско-ленинской науки и принять активное участие в их решении. Но большие знания,

---

[45] «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 3. М., 1910, стр. 81—96.
[46] Там же, вып. 4. М., 1910, стр. 62—84.
[47] Там же, вып. 6. М., 1910, стр. 97—104.
[48] Там же, стр. 123—140.
[49] «Освобождение крестьян. Деятели реформы». М., 1911, стр. 317—342.
[50] «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», т. 5. М., 1913, стр. 171—179.
[51] «Освобождение крестьян. Деятели реформы», стр. 323.

inslav

широкие интересы, хорошая профессиональная подготовка и честность исследователя помогли Сергею Константиновичу преодолеть трудности.

Мне кажется, что в послеоктябрьский период жизни Сергея Константиновича можно выделить два научных этапа. Гранью между ними являются известные постановления партии и правительства по вопросам истории, вскоре после которых он стал старшим научным сотрудником Института истории Академии наук СССР. На первом этапе С. К. Богоявленский включился в социалистическое строительство прежде всего как историк-архивист. Октябрьская революция застала его чиновником Главного архива Министерства иностранных дел, он продолжал работать в архивных органах и стал участником проведенной советским правительством архивной реформы. В журнале «Архивное дело» Сергей Константинович выступил со статьями, посвященными актуальным задачам архивной практики. Он работал в разборочных и поверочной комиссиях по выделению документов для хранения — с одной стороны, и для уничтожения — с другой, сознавал всю государственную важность этого дела и пропагандировал свой опыт в печати. «Не надо забывать,— писал Богоявленский,— что каждый архивный документ есть уникум, который легко уничтожить, но невозможно восстановить. Тут вполне уместна поговорка, что надо семь раз примеривать и один раз отрезывать. Трудность и ответственность работы настоятельно требует, чтобы суд над документом проходил несколько инстанций. Сообразно с этим наше законодательство предусматривает три инстанции: на месте Разборочные комиссии выделяют материал, подлежащий, по их мнению, уничтожению; Поверочная комиссия в центре проверяет правильность заключений Разборочных комиссий; Коллегия Центрархива утверждает или отвергает заключения Поверочной комиссии» [52]. Разбирая часть фонда Ярославского окружного суда по гражданскому отделению, С. К. Богоявленский отмечал, что «к судебным делам гражданских отделений нельзя относиться с тем пренебрежением, которого склонны держаться многие архивисты, что дела эти требуют внимательной разборки; только продолжительный и утомительный труд по разборке даст надлежащие результаты. Особенную осторожность надо проявлять относительно дел, касающихся национальных меньшинств, чтобы не уничтожить такие дела, в которых можно найти отражение обычного права» [53].

Я думаю, мы вправе сказать, что Сергей Константинович стоял на страже государственных архивных ценностей. Не только от гибели, но и от порчи, от тлетворного влияния времени и условий среды стремился он предохранить документы. Так, в одном из номеров «Архивного дела» он поделился с читателями результатами своего «опыта с экранами на выцветание» (речь шла о выцветании под воздействием солнечных лучей) [54].

С. К. Богоявленский занимался и историей архивного дела. В 1925 г. он опубликовал содержательный очерк «200-летие бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел» [55]. Под его редакцией вышла первая часть путеводителя по Центральному государственному

---

[52] *С. К. Богоявленский.* Работа поверочной и разборочных комиссий.— «Архивное дело», 1926, вып. 5—6, стр. 70.

[53] *С. К. Богоявленский.* О разборке фондов окружных судов по гражданскому отделению.— «Архивное дело», 1928, вып. 1 (14), стр. 42.

[54] *С. К. Богоявленский.* Опыт с экранами на выцветание.— «Архивное дело», 1926, вып. 8—9, стр. 139—141. Неопубликованные работы: «Архивный фонд»; «О составлении тематических карточек»; «Сибирские архивы и социалистическое строительство».

[55] *С. К. Богоявленский.* 200-летие бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел.— «Архивное дело», 1925, вып. 2, стр. 72—77. В «Архивном деле» опубликованы также рецензия С. К. Богоявленского на труд Н. Ф. Бельчикова «Теория археографии» (1929, вып. 3(20), стр. 71—74) и некролог «Н. В. Рождественский» (1923, вып. 1, стр. 154—155).

inslav

архиву древних актов[56]. В 1922—1924 гг. Сергей Константинович был профессором Московского государственного университета по кафедре архивоведения.

Благодаря большому опыту и знаниям С. К. Богоявленского в области архивного дела, его привлекали к выполнению серьезных правительственных заданий. В 1922—1926 гг. он являлся экспертом Народного комиссариата иностранных дел, в частности по осуществлению Рижского мирного договора. В 1945 г. Сергей Константинович выполнял ответственное поручение в качестве члена советской делегации, ездившей в Прагу для приема русского заграничного исторического архива, переданного чехословацким правительством в дар Академии наук СССР[57].

В области исторических исследований С. К. Богоявленский продолжал свои прежние изыскания по документам и вещественным памятникам XVII в., по истории Москвы, по истории материальной культуры и быта, по исторической географии и картографии, выступал с докладами в Обществе истории и древностей российских (до его закрытия), в Академии истории материальной культуры, в Государственном историческом музее, в комиссии по изучению старой Москвы. Сергей Константинович сделал ряд сообщений о московских слободах и сотнях, о планировке Москвы, о столовой посуде и деревянных постройках, о вооружении, о московском доме князя В. В. Голицына, о новом Английском денежном дворе и др.[58] Он составил карту торговых путей XVII в. Он продолжал изучение и приказного аппарата XVII в. Лишь некоторые его статьи того времени увидели свет: «Состав московского слободского схода»[59], «Приказные дьяки XVII века»[60], «Вооружение русских войск в XVI—XVII веках»[61], «Московские слободы и сотни в XVII веке»[62].

Что можно сказать о названных трудах? По тематике это продолжение изысканий, начатых автором уже давно. По источниковедческой методике — это показатель умения ученого использовать для разработки поставленной темы материалы, казалось бы, непосредственного отношения к ней не имеющие. Так, в статье о вооружении русских войск в XVI—XVII вв. мы читаем: «...среди архивных материалов, напечатанных и не напечатанных, нет такого собрания, которое прямо относилось бы к поставленному вопросу, и исследователю приходится извлекать сведения из архивных документов, прямо не относящихся к военному делу»[63]. В статье «Состав московского слободского схода» автор пытается восполнить отсутствие материала съезжих изб делами приказов, ведавших Мещанскую и Кадашевскую слободы.

В плане методологическом мне представляется особенно важным подчеркнуть растущее внимание С. К. Богоявленского к социальному аспекту исследования. Я отнюдь не хочу сказать, что этот аспект был для него совершенно новым. Вовсе нет. Но он проявлялся все более отчетливо, и в этом было веяние времени. Так, подвергнув анализу 17 протоколов «мирского схода» или «мирского совета» Мещанской слободы, автор дает по существу ее классовую характеристику: «Только немногие имели пра-

---

[56] «Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель». Под ред. С. К. Богоявленского, ч. 1. М., 1946.

[57] *С. К. Богоявленский.* Русский заграничный исторический архив.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1946, т. 3, № 2, стр. 194—195.

[58] Эти доклады перечислены в «Записке об ученых трудах С. К. Богоявленского», составленной в связи с избранием его членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1929 г.

[59] «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 322—329.

[60] «Исторические записки», т. 1. М., 1937, стр. 220—239.

[61] Там же, т. 4. М., 1938, стр. 258—283.

[62] «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 115—131 («Труды Общества изучения Московской области», вып. 6).

[63] *С. К. Богоявленский.* Вооружение русских войск..., стр. 258.

inslav

во собираться на сход, говорить и действовать от лица всего мира. На сходах 183, 184 и 185 гг. принимали участие только выборные люди, сходы имели аристократический характер, что доказывается тем, что почти половина выборных этих годов были взяты в Гостиную и Суконную сотни»[64]. Представляет интерес социальная характеристика, данная С. К. Богоявленским дьячеству: «Дьяки немногим пережили XVII век, который был для них веком упадка. Они обладали всеми данными, чтобы упрочить свое положение в качестве высшего бюрократического слоя, но они связали свои интересы с интересами дворянства и растворились в нем. Из судей и правителей дьяки сделались секретарями, простыми исполнителями начальственных распоряжений»[65].

Я уже говорил, что, по-моему, вступление Сергея Константиновича в число сотрудников Института истории Академии наук СССР означало новый этап в его творческой биографии, непродолжительный по времени, но весьма насыщенный по содержанию. Все же до сих пор он был оторван от столбовой дороги исторической науки. Теперь он вошел в научный коллектив, в котором решались большие теоретические и конкретно-исторические проблемы, где создавались обобщающие труды, где готовились новые кадры историков. И Сергей Константинович очень ценил свою связь с Институтом. Он был самым аккуратным сотрудником, добросовестно посещал все заседания и выполнял все поручения. В Институте значительно шире, чем раньше, развернулась его научная деятельность, стала многообразнее исследовательская тематика, шедшая навстречу запросам, выдвигавшимся общественным развитием.

Сергей Константинович завершил ряд работ, начатых раньше. Большим научным достижением было опубликование труда Богоявленского «Приказные судьи XVII века» (М.— Л., 1946), создававшегося в течение многих лет. Это справочное издание является настольным пособием для каждого историка, занимающегося XVII веком. Его ценность прежде всего в том, что оно основано на первоисточниках. «В настоящем списке даются только те сведения, которые почерпнуты из документов. Составитель не поддавался искушению помещать в списке вполне очевидные дополнения, но не подтвержденные актовым материалом, и оставлял досадные пробелы»,— писал С. К. Богоявленский[66].

Сергей Константинович завершил монографию о Мещанской слободе и стал заниматься Немецкой слободой. Он пришел к выводу, что «культурное влияние Немецкой слободы слишком переоценивается. Это влияние не могло быть значительным и по малочисленности жителей слободы, и по характеру занятий основной части населения слободы, и по моральному уровню, и, наконец, по тем недоброжелательным отношениям, которые упорно держались между москвичами и иностранцами». Подчеркивая, что в XVII в. Москва «обогатилась множеством предметов западноевропейского производства и русскими подражаниями», Богоявленский считает, что «они шли не через Немецкую слободу, жившую обособленной жизнью, а иными путями»[67].

Большой интерес представляет статья С. К. Богоявленского, посвященная стрелецкому движению в Москве в 1682 г., основанная на изучении значительного архивного приказного материала, давшего возможность по-новому взглянуть на сведения повествовательных памятников. Автор, давно работавший над этой темой, дал подробную фактическую канву событий и предложил их оценку. По его мнению, «стрельцы начали свое выступление как мстители за преступления со стороны полков-

---

[64] *С. К. Богоявленский.* Состав московского слободского схода, стр. 323—324.
[65] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII века, стр. 225.
[66] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII века, стр. 4.
[67] *С. К. Богоявленский.* Московская Немецкая слобода.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1947, т. 4, № 3, стр. 229.

inslav

ников и продолжали его как защитники трона...». «Интересы стрельцов не шли дальше приобретения материальных благ и потому не только не связывали их с теми группами населения, которые искали выхода из тяжелого экономического положения, но даже вызывали раздражение во всех слоях общества» [68]. Надо сказать, что эта оценка некоторыми исследователями оспаривается (по-моему, не без основания); на определенных этапах восстания стрельцов в нем усматриваются проявления народного протеста [69]. Однако и точка зрения С. К. Богоявленского находит приверженцев.

Большой знаток истории Москвы, никогда не прекращавший работы над ней, Сергей Константинович принял самое живое участие в подготовке к празднованию 800-летнего юбилея столицы нашей родины. С. В. Бахрушин указывает, что Сергеем Константиновичем написан для юбилейного издания «История Москвы» весь раздел, посвященный XVII веку, причем это «самые яркие и живые страницы» [70]. Возможно, так первоначально и предполагалось. В опубликованном же первом томе этого труда, вышедшем в 1952 г., уже после смерти С. К. Богоявленского (он скончался в юбилейном 1947 г.), ему принадлежит лишь часть текста, касающегося XVII в.: главы о территории и населении Москвы и соавторство в написании параграфов о торговле, народных движениях, литературе, театре [71].

Ряд текстов Сергея Константиновича вошел в состав коллективного труда «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век»: разделы параграфов «Стрелецкое восстание 1682 г.», «Царская власть и Боярская дума», «Местное управление», «Театр» [72].

Участвовал Сергей Константинович и в других коллективных трудах. Он поместил исторический очерк «Киевская и Московская Русь» в сборнике «Русский исторический костюм для сцены», составленном Н. В. Гиляровской (М.— Л., 1945). Уже после смерти Богоявленского, в 1954 г. вышел редактированный им вместе с Г. А. Новицким сборник статей «Государственная Оружейная палата Московского Кремля».

Заглянул С. К. Богоявленский из своего любимого XVII века и в XVIII столетие, причем в его переломный период — эпоху Великой Французской революции, и привлек чрезвычайно ценные материалы для характеристики ее воздействия на русское общество — перлюстрации (копии) перехваченных донесений французского поверенного в делах в России Э. Жене [73].

Большую работу по проблематике XVIII и первой половины XIX в. провел Сергей Константинович, подготавливая комментарии к переизданию пятой части «Курса русской истории» В. О. Ключевского (М., 1937).

Исследовательская тематика С. К. Богоявленского не ограничивалась историей русского народа. Он внес определенный вклад и в изучение истории народов СССР. В фонде Посольского приказа он собрал материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. и написал исследование на эту тему, которое напечатано с сокращениями [74].

---

[68] *С. К. Богоявленский.* Хованщина.— «Исторические записки», т. 10. М., 1941, стр. 197, 207.

[69] *В. И. Буганов.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

[70] *С. В. Бахрушин.* С. К. Богоявленский, стр. 87.

[71] «История Москвы», т. I. Период феодализма. XII—XVII вв. М., 1952, стр. 423—533, 595—597, 603—637, 677—684.

[72] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 325—336, 344—360, 384—394, 658—662.

[73] *С. К. Богоявленский.* Россия и Франция в 1789—1792 гг. По материалам перлюстрации донесений французского поверенного в делах в России Эдмона Жене.— «Литературное наследство», т. 33—34. М., 1939, стр. 25—48. Истории России в XVIII в. посвящена также рецензия Богоявленского на книгу Г. Саке [G. Sacke. Die Pressepolitik Katharinas II von Russland («Zeitungswissenschaft», Leipzig, 1938, Heft 9).— «Историк-марксист», 1941, № 6, стр. 123].

[74] *С. К. Богоявленский.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века.— «Исторические записки», т. 5. М., 1939, стр. 48—101.

inslav

В источниковедческом введении к своей работе автор отмечает два недостатка привлеченных им документов. Во-первых, это их недостаточная достоверность: «При использовании указанного источника приходится относиться в известной степени осторожно и к официальным донесениям воевод, стремившихся представить свою деятельность в более выгодном свете, и к приводимым в этих донесениях показаниям подчиненных агентов, а особенно побывавших в калмыцких улусах казахов и татар, которые могли выдавать свои догадки за факты, слухи — за действительные происшествия, а иногда и сознательно вводить власть в заблуждение». Во-вторых, их односторонность: «...эти документы могут помочь главным образом установлению фактов внешней истории калмыков и очень мало дают по вопросу о структуре общества и производственных отношениях» [75]. Эта ограниченность источника наложила известный отпечаток и на результаты исследования.

Некоторые калмыцкие материалы Богоявленского были использованы в комментариях ко второму тому «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера (М.—Л., 1941). Говоря о других трудах С. К. Богоявленского, связанных с историей народов СССР, надо упомянуть, что, находясь во время Великой Отечественной войны в эвакуации, он работал над историей Ташкента во второй половине XIX в. [76]

Вопрос об исторической роли славянства, приобретший большое политическое значение во время Великой Отечественной войны, направил внимание Сергея Константиновича к этой проблематике. Он подготовил труды, посвященные истории Сербии, борьбе сербов с немецкой агрессией, взаимоотношениям России с Сербией и Черногорией. Лишь часть написанного С. К. Богоявленским о южных славянах увидела свет. В статье «Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.» [77] автор так формулирует итоги исследования: «В XVII—XVIII вв. связь между русскими и сербами имела чисто культурный характер и основывалась на общности религии, сходстве языка и племенном родстве. В конце века прибавилась еще связь политическая: Россия превратилась в защитницу интересов сербского населения Турции и Австро-Венгрии. Общие интересы совместной борьбы с турками сблизили русских с сербами... В условиях зависимости от Турции сербы не могли оказать значительную военную помощь России, но оставалось единство религии, племенное родство, сходство языка, взаимное влияние в области литературы, словом, культурная близость» [78]. Эту данную широкими мазками картину автор заполняет конкретными подробностями. В статье «Из русско-сербских отношений при Петре Первом» [79] Богоявленский рассказывает, как в Россию в начале XVIII в. приезжали сербские политические деятели, обращаясь к царю с просьбой взять под защиту южных славян.

Откликом на Великую Отечественную войну явилась и неопубликованная брошюра Сергея Константиновича «Две отечественные войны».

Сергей Константинович прожил большую творческую плодотворную жизнь. Его заслуги получили общественное признание, и он был удостоен высоких правительственных наград: в 1944 г.— ордена Трудового Красного Знамени, в 1945 г.— ордена Знак Почета. В Московском историко-архивном институте были учреждены две стипендии его имени.

После С. К. Богоявленского осталось литературное наследие, переданное в Архив АН СССР [80]. С этим наследием надо ознакомиться прежде всего историкам феодальной эпохи и опубликовать то, что сохраняет интерес и сейчас.

---

[75] Там же, стр. 50.
[76] Работа эта опубликована не была.
[77] «Славянский сборник». М., 1947, стр. 241—261.
[78] Там же, стр. 241.
[79] «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 19—41.
[80] См. настоящее издание, стр. 283—285.

inslav

В. Л. Романова

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ — АРХИВИСТ И ПАЛЕОГРАФ

(к 70-летию со дня рождения)

14 мая 1972 г. исполнилось 70 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Александры Дмитриевны Люблинской, видного советского историка и архивиста, крупнейшего специалиста по истории средневековой Европы, источниковедению истории средних веков, латинской и французской палеографии, выдающегося педагога-воспитателя.

Научная деятельность А. Д. Люблинской чрезвычайно разнообразна. Счастливо соединяя таланты историка-исследователя и палеографа-архивиста, А. Д. Люблинская одинаково плодотворно работает в различных областях исторической науки. Она является автором множества статей и двух монографий, ряда глав в учебниках и коллективных трудах по истории Франции, генезису капитализма в Европе, истории крестьянства; ею написаны два учебных пособия для вузов, изданы несколько томов ценнейших французских документов.

Среди трудов А. Д. Люблинской видное место занимают архивоведческие и палеографические исследования, явившиеся результатом многолетней работы с рукописями. Интерес к рукописям проявился у А. Д. Люблинской уже в самом начале ее творческого пути. Будучи студенткой Петроградского университета, она обратила на себя внимание О. А. Добиаш-Рождественской, основательницы отечественной школы латинской палеографии. В семинаре, который О. А. Добиаш-Рождественская вела в 1920-е годы в Петроградском университете, а затем в процессе совместной работы в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина А. Д. Люблинская получила блестящую подготовку в области специальных исторических дисциплин. Еще в студенческие годы Александра Дмитриевна была привлечена О. А. Добиаш-Рождественской к публикации актов Кремоны из собрания Н. П. Лихачева. Начавшееся сотрудничество перерастает в тесные дружеские отношения ученицы и учителя, основанные на глубокой преданности науке, взаимном уважении и любви.

После окончания университета в 1922 г. А. Д. Люблинская пришла на работу в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С 1934 по 1949 г. (с перерывом в 1941—1943 гг.) она являлась сотрудником Отдела рукописей, с 1944 г. ученым хранителем западноевропейских фондов [1].

К тому времени, когда А. Д. Люблинская начала работать в Отделе рукописей ГПБ, богатейшее в СССР собрание западноевропейских рукописей V—XVIII вв. было еще мало обследовано и изучено. Перед молодой советской палеографической школой стояли поистине грандиозные задачи: составление каталога рукописей, их научное описание, детальное палеографическое исследование как комплексов, так и отдельных рукописных памятников, публикация текстов.

---

[1] Подробно о работе А. Д. Люблинской в Отделе рукописей ГПБ см.: *Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова.* А. Д. Люблинская и Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— В сб.: «Средние века», вып. 35. М., 1973, стр. 16—20.

inslav

Александра Дмитриевна
ЛЮБЛИНСКАЯ

А. Д. Люблинская становится активной участницей всех начинаний О. А. Добиаш-Рождественской: она занимается описанием латинских и французских пергаменных рукописей, участвует в издании переводов источников [2], пишет ряд этюдов, посвященных отдельным выдающимся кодексам ГПБ. Уже первые статьи молодого автора обнаруживают зоркий глаз палеографа, пытливый ум исследователя, хорошее знание источников и литературы. Изучая латинскую рукопись XII в., содержащую «Хронику первого крестового похода» Роберта Монаха, А. Д. Люблинская обратила внимание на историческое стихотворение, написанное на последней странице кодекса. Детальный анализ текста стихотворения позволил А. Д. Люблинской высказать интересные предположения о его авторе и уточнить время и место создания кодекса [3].

В двух статьях, написанных в соавторстве с О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинская избрала предметом своего исследования средневековую миниатюру [4].

К довоенным и военным годам относится ряд статей А. Д. Люблинской, посвященных общей характеристике собрания западноевропейских

---

[2] «Английские сельскохозяйственные трактаты XIII века» (перевод и комментарии А. Д. Люблинской).— В кн.: «Агрикультура в памятниках западного средневековья». Под ред. проф. О. А. Добиаш-Рождественской и проф. М. И. Бурского. М.— Л., 1936 (Академия наук СССР. Труды Института истории науки и техники, серия V, вып. 1), стр. 185—218.

[3] *А. Д. Стефанович* [*Люблинская*]. Историческое стихотворение XII в. и рукопись Публичной библиотеки.— В кн.: «Analecta Medii Aevi», fasc. II. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки, вып. II. Л., 1927, стр. 89—94.

[4] *О. А. Добиаш-Рождественская, А. Д. Люблинская.* Французские миниатюры из семи кодексов Публичной библиотеки.— В кн.: «Русская культура и Франция». Литературное наследство, № 33—34. М., 1939, стр. 861—869; *они же.* Об одной испанской рукописи.— В кн.: «Культура Испании». Сборник. М.— Л., 1940, стр. 266—296 (А. Д. Люблинской написана глава «Бытовой жанр в миниатюрах»).

inslav

рукописей ГПБ [5] и отдельных его частей [6]. Эти статьи сыграли большую роль в популяризации рукописных сокровищ ГПБ, в привлечении к ним внимания ученых в нашей стране и за рубежом. Научная информация о западных фондах ГПБ была в то время крайне необходимой и актуальной, так как современные печатные каталоги (особенно для материалов позднего, средневековья) почти полностью отсутствовали, а изданные еще в XIX в. содержали много неточностей и стали библиографической редкостью. За годы работы в ГПБ А. Д. Люблинской была описана бо́льшая часть документального собрания П. П. Дубровского, включающего около 14 тысяч единиц хранения, составлены описания французских документов из коллекции П. К. Сухтелена и некоторых рукописей из коллекции П. Л. Вакселя.

Обзор деятельности А. Д. Люблинской в Отделе рукописей ГПБ показывает, насколько широки и разносторонни были ее интересы. Однако особое внимание Александры Дмитриевны привлекла наименее обследованная и изученная часть рукописного собрания — документы по истории Франции XVI—XVIII вв. из коллекции П. П. Дубровского [7].

Несмотря на то что многие французские и русские ученые обращались к этим рукописям и некоторые документы были опубликованы, большинство материалов оставалось не только неизученным, но фактически неизвестным исторической науке. Особенно это касалось документов по истории позднего средневековья, которые по-прежнему ждали своих исследователей; одной из первых среди них стала А. Д. Люблинская. В многолетней планомерной работе над этой частью коллекции П. П. Дубровского, работе, которая продолжается и сейчас, особенно ярко проявилось столь присущее А. Д. Люблинской сочетание качеств ученого-архивиста и историка-исследователя: описание документа, установление его подлинности, определение его значимости она всегда сопровождает детальным анализом содержания рукописи. Каждый документ рассматривается в широком культурно-историческом плане.

Показательна в этом отношении работа А. Д. Люблинской над каталогом документов из архива Бастилии [8]. Собрание бастильских документов поступило в ГПБ в начале XIX в. в составе коллекции П. П. Дубровского. Оно включает бумаги, исчезнувшие из Бастилии после взятия тюрьмы 14 июля 1789 г., и содержит около 600 документов и 25 рукописных книг. Этот обширный комплекс документов лишь частично использовался французскими исследователями; русские ученые до революции бастильским архивом не занимались. Составитель коллекции П. П. Дубровский систематизировал документы по формальному признаку, собрав по томам протоколы допросов, письма и т. п. Таким образом, материалы, относящиеся к одному делу, оказались разрозненными, что затрудняло работу исследователей над архивом.

В результате скрупулезного труда, итогом которого явился каталог,

---

[5] *А. Д. Люблинская.* Рукописи времен западного средневековья и эпохи французской революции XVIII в. в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Исторический журнал», 1939, № 6, стр. 109—115; *она же.* Западные рукописи в Ленинградской Публичной библиотеке.— «Советская наука», 1940, № 9, стр. 96—107; *она же.* Обзор западных материалов.— В кн.: «Краткий отчет Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг.» Л., 1940, стр. 241—258.

[6] *A. Lublinskaja.* Les documents littéraires de la Bastille.— In: «La Littérature internationale», Moscou, 1939, N 6, p. 79—86; *она же.* Иностранные исторические фонды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Исторический журнал», 1944, № 12, стр. 88—89.

[7] О коллекции П. П. Дубровского см.: *А. Д. Люблинская.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 355—357; *Т. В. Луизова.* Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154.

[8] «Документы из бастильского архива. Аннотированный каталог». Составила А. Д. Люблинская. Л., 1960 (ротапринт).

inslav

А. Д. Люблинская выделила и объединила документы, относящиеся к отдельным делам заключенных; в описание каждого документа ею были включены аннотация, подробные комментарии и библиография. Во введении и специальной статье А. Д. Люблинская остановилась на истории Бастилии, охарактеризовала ее архив в целом, определила значение и место в нем бастильских документов ГПБ [9]. Изданный каталог открывает широкие возможности для использования исследователями интереснейших материалов по истории французского абсолютизма.

Несомненный интерес представляет подготовленное Александрой Дмитриевной к печати дополнение к каталогу, включающее описание запрещенных правительством рукописей, отобранных при аресте или написанных узниками во время пребывания в Бастилии. Среди описанных материалов — исторические и литературные произведения, философские и богословские трактаты, антирелигиозные сочинения.

Если бастильский архив был для А. Д. Люблинской объектом преимущественно архивоведческого и источниковедческого изучения, французские документы XVI—XVII вв. привлекли ее внимание как историка-исследователя. Результатом их глубокого и всестороннего анализа явились монографии А. Д. Люблинской «Франция в начале XVII в. (1610—1620 гг.)» (Л., 1959) и «Французский абсолютизм в первой трети XVII в.» (М.— Л., 1965). Посвященные проблемам становления и развития французского абсолютизма, его классовой природе, социально-экономической и политической сущности, эти книги базируются в основном на исследовании неопубликованных рукописей ГПБ. Среди них личные архивы и дипломатическая переписка государственных деятелей XVI—XVII вв. (канцлера Сегье, государственных секретарей Вильруа и Пюизье, Людовика XIII и Марии Медичи и др.); рукописные материалы, относящиеся к Генеральным штатам 1614 г. и собраниям нотаблей 1617, 1626 гг.— протоколы, политические памфлеты, экономические трактаты и т. п. Лишь при написании своей первой монографии «Франция в начале XVII в. (1610—1620 гг.)» А. Д. Люблинская использовала свыше 700 неопубликованных документов.

Историческим трудам А. Д. Люблинской посвящена особая статья [10]. Отметим, что ее монографии по истории Франции и статьи по проблемам генезиса капитализма в Европе выдвинули А. Д. Люблинскую в число ведущих специалистов по истории западноевропейского позднего средневековья. Ее работы широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом: монография о французском абсолютизме вышла в английском переводе [11]; осуществляется перевод на английский язык другой монографии.

Исследовательская работа А. Д. Люблинской над французскими рукописями XVI—XVIII вв. неразрывно связана с ее публикаторской деятельностью. В России первое издание документального материала по истории Франции XVI в. из собрания ГПБ было осуществлено сто лет назад И. В. Лучицким [12]. Предпринимавшиеся с этого времени публикации носили случайный характер и лишь в малой степени удовлетворяли научным требованиям.

Развивая традиции русской дореволюционной и советской медиевисти-

---

[9] *А. Д. Люблинская.* Бастилия и ее архив.— В сб.: «Французский ежегодник. 1958». М., 1959, стр. 104—126.

[10] *Ю. Л. Бессмертный, В. Н. Малов.* А. Д. Люблинская — историк-медиевист.— В сб.: «Средние века», вып. 35. М., 1973, стр. 3—15.

[11] *A. D. Lublinskaya.* French absolutism; the crucial phase: 1620—1629. Transl. by Brian Pearce. Cambridge, University Press, 1968.

[12] И. В. Лучицкий опубликовал 35 документов в приложениях к своему исследованию по истории религиозных войн XVI в. («Documents inédits pour servir à l'histoire de la Réforme et de la Ligue. Par J. Loutchizky».— «Университетские известия», Киев, 1874, вып. 9—12).

inslav

ки, А. Д. Люблинская подняла дело издания западноевропейских документов на новую высоту: ей принадлежит заслуга впервые предпринятой в СССР систематической публикации французских материалов из советских архивов. Начатая с писем 1559—1560 гг. из собрания ГПБ, помещенных в сборниках «Средние века» [13], публикация была продолжена в специальных изданиях. В настоящее время под редакцией А. Д. Люблинской вышли два тома документов из коллекции П. П. Дубровского в Ленинграде: «Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561—1563 гг.» М.— Л., 1962; «Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649 гг.» М.— Л., 1966. Издан том документов из Центрального государственного архива древних актов в Москве: «Документы по истории внешней политики Франции. 1547—1548 гг.» М.— Л., 1963.

О последней публикации следует сказать особо. Если ленинградские рукописи были известны специалистам, то честь открытия и введения в научный оборот московского собрания документов всецело принадлежит А. Д. Люблинской. 66 томов, включающих около 8200 писем французских дипломатов, военачальников, итальянских правителей к Генриху II и коннетаблю Франции герцогу Монморанси, происходят из знаменитой коллекции первого президента Парижского парламента Гийома Ламуаньона. Они были куплены в 1791 г. в Париже П. А. Строгановым и в 1929 г. в составе фонда графов Строгановых поступили в Древлехранилище (ныне — ЦГАДА). На многие годы уникальное собрание рукописей выпало из поля зрения ученых, пока в результате тщательных научных изысканий и сопоставлений данных источников и литературы А. Д. Люблинская не показала высокую научную ценность коллекции.

Всего под редакцией А. Д. Люблинской опубликовано более 600 документов [14]. Подготовлен к печати третий том документов из ГПБ (из архива канцлера Сегье), готовится второй том документов из ЦГАДА, посвященный французской дипломатии в Италии в год восстания в Сиене (1552). Таким образом, можно говорить об издании серии документов. Эта серия предоставит в руки исследователей обширный по объему и первоклассный по значению материал, без привлечения которого невозможно решение многих проблем истории Франции XVI—XVII вв.

Высокая ценность предпринятого А. Д. Люблинской издания определяется не только количеством, уникальностью и разносторонним характером публикуемых документов, но и последовательно осуществляемыми современными научными принципами публикации. А. Д. Люблинская стремится использовать новейшие достижения как отечественной, так и зарубежной публикаторской практики [15]. Каждую ее публикацию отличает научно обоснованный отбор документов, точность и полнота передачи текстов; при этом успешно преодолены значительные трудности прочтения документов, многие из которых являются неразборчивыми черновиками или зашифрованными письмами. Подробные предисловия к изданным томам содержат ценные сведения о происхождении документов, их содержании и палеографических особенностях. Прекрасное знание литературы и источников позволяет Александре Дмитриевне очертить круг вопросов, которые могут и должны быть пересмотрены, опираясь на вводимые в научный оборот материалы, выдвинуть новые, малоизученные проблемы.

Характеристика деятельности А. Д. Люблинской в области изучения

---

[13] Публикация Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари под ред. А. Д. Люблинской.— В сб.: «Средние века», вып. XII—XV, XIX. М., 1958—1959, 1961.

[14] В публикациях принимали участие ученики А. Д. Люблинской: Л. Л. Альбина, Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова, Е. Г. Гурари, Л. И. Киселева, В. Н. Малов, В. Л. Романова, Н. В. Ревуненкова, И. С. Шаркова.

[15] *А. Д. Люблинская.* О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов.— «Вспомогательные исторические дисциплины», I. Л., 1968, стр. 277—289.

inslav

рукописей не будет полной, если не отметить ряд обзоров и публикаций не французских документов: писем деятелей науки и культуры академику Ф. И. Шуберту [16], обзор архива И. Я. Берцелиуса [17] и описание датских автографов и шведских материалов в собрании П. К. Сухтелена в ГПБ [18].

Деятельность А. Д. Люблинской не ограничивается Отделом рукописей ГПБ. С 1959 г. она является членом Археографической комиссии, по поручению которой, в плане подготовки Сводного каталога рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР, возглавляет работу по выявлению и описанию рукописей и обсуждению принципов описания и составлению инструкции. Предложенная Александрой Дмитриевной схема описания рукописей основана на всестороннем учете их кодикологических и палеографических особенностей, применении научной классификации письма и четкой единой терминологии.

На конференциях Археографической комиссии А. Д. Люблинская сделала несколько докладов и сообщений о достижениях советских и зарубежных ученых в области археографии и палеографии [19]. Она постоянно выступает за широкое распространение передовых методов изучения рукописей: использование современной методики палеографического исследования, применение электронно-вычислительной техники, употребление ультрафиолетовых и инфракрасных ламп для прочтения стертых помет. Специальная статья А. Д. Люблинской посвящена задачам и результатам исследования латинских палимпсестов [20].

Большое место в научной деятельности А. Д. Люблинской занимают палеографические исследования. Интерес к палеографии у ученого, посвятившего жизнь изучению рукописей, закономерен: палеографические знания необходимы для безошибочного чтения и датировки рукописей. Однако для трудов А. Д. Люблинской в области палеографии характерно сочетание практического и теоретического аспектов исследования, исследовательской и педагогической работы.

С 1935 г. А. Д. Люблинская начала преподавать западную палеографию в Ленинградском институте философии, литературы и истории, а затем на историческом факультете Ленинградского университета. Практические занятия проводились на базе Отдела рукописей ГПБ, где после смерти в 1939 г. О. А. Добиаш-Рождественской Александра Дмитриевна фактически возглавила работы по изучению западноевропейских рукописей. Под руководством А. Д. Люблинской ее аспиранткой Т. В. Луизовой была подготовлена и защищена в 1950 г. первая в СССР кандидатская

---

[16] *А. Д. Люблинская.* Письма П. С. Лапласа, К. Ф. Гаусса, Ф. В. Бесселя и других к академику Ф. И. Шуберту.— «Научное наследство», т. I. М.— Л., 1948, стр. 801—822.

[17] *А. Д. Люблинская.* Архив И. Я. Берцелиуса в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 5. М., 1957, стр. 177—182.

[18] *А. Д. Люблинская, И. С. Шаркова.* Шведские материалы в собрании П. К. Сухтелена в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (краткий обзор).— В сб.: «Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.» Л., 1970, стр. 356—366; *они же.* Датские автографы коллекции П. К. Сухтелена в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— «Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии», ч. I. М., 1971, стр. 79—80 (ротапринт); *A. D. Lublinskaja.* Archives de I. J. Berzelius se trouvant à la Bibliothèque Publique Saltykov-Chtchedrine de Léningrad.— In: «K. Svenska Vetenskapsakademiens Årsbok för år 1958». Stockholm, 1958, s. 303—324.

[19] *А. Д. Люблинская.* Западноевропейские рукописи, хранящиеся в СССР.— «Вестник Матенадарана», вып. 6. Ереван, 1962, стр. 533—546; *она же.* Современное состояние и задачи вспомогательных дисциплин медиевистики во Франции.— В кн.: «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. II. М., 1965, стр. 148—160; *она же.* Современное состояние и задачи латинской палеографии.— В кн.: «Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3—5 ноября 1969 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1969, стр. 29 (ротапринт).

[20] *А. Д. Люблинская.* Латинские палимпсесты V—VIII веков.— В кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 41—46.

inslav

диссертация по латинской палеографии, посвященная проблеме происхождения готического письма, составлено описание раннеготических рукописей XI—XII вв. из собрания ГПБ.

А. Д. Люблинская никогда не ограничивала задачи палеографии лишь вспомогательными функциями. Палеография, история письма, рассматривается ею как особая отрасль истории национальной культуры, входящая составной частью в историю мировой письменности и культуры. Наряду с советскими учеными, специалистами в области отечественной истории (академиком М. Н. Тихомировым, А. А. Зиминым, С. О. Шмидтом и др.), А. Д. Люблинская решительно выступила против применения термина «вспомогательная» в приложении к палеографии, предлагая считать и называть ее основной исторической дисциплиной [21].

Последовательно защищая и отстаивая новый подход к изучению латинской палеографии, А. Д. Люблинская способствовала расширению проблематики палеографических исследований, выдвинув на первый план задачу изучения эволюции письма и ее причины. При этом были раздвинуты хронологические рамки исследований: если раньше латинская палеография изучала лишь средневековые рукописи V—XV вв., то сейчас она охватывает период с I до XVIII вв. Следует отметить, что новые хронологические границы латинской палеографии являются результатом достижений в развитии этой науки за последние три десятилетия; эти границы признаются в настоящее время советскими и многими зарубежными палеографами. Однако именно А. Д. Люблинской принадлежит заслуга создания первого в мировой палеографической литературе учебного пособия [22], в котором история латинского письма [23] рассматривается с I по XVIII вв., причем характеристика каждого периода в развитии письма дается с позиций современных научных открытий, явившихся результатом применения новейшей методики палеографического исследования.

Основанная на тщательном анализе технических приемов работы писца, эта методика была создана Жаном Маллоном и другими французскими палеографами в 40—50-х годах нашего века и применена при исследовании позднеримского письма [24]. Высоко оценив прогрессивный и перспективный характер новой методики, А. Д. Люблинская стала ее горячим пропагандистом. В статье, посвященной теории Ж. Маллона, она выступила за применение новой методики не только к римскому, но и к другим разделам и периодам латинской палеографии [25], предсказывая, что проверка новой методики на разнообразном рукописном материале обнаружит как ее сильные стороны, так и недостатки [26]. Минувшие после выхода статьи годы полностью подтвердили точность научного предвидения А. Д. Люблинской.

Творческое применение новых методов палеографического исследования хранящихся в СССР западноевропейских рукописей способствовало усовершенствованию этих методов и дало в настоящее время значительные результаты: защищены три кандидатские диссертации по истории латинского письма в XIII—XVIII вв., написанные учениками А. Д. Люблинской [27]; итоги палеографических исследований в СССР суммированы

---

[21] *А. Д. Люблинская, Л. И. Киселева.* О современном состоянии зарубежной латинской палеографии.— «Вспомогательные исторические дисциплины», III. Л., 1970, стр. 322—334.

[22] *А. Д. Люблинская.* Латинская палеография. М., 1969. Отдельные главы написаны учениками А. Д. Люблинской — Л. И. Киселевой, В. Н. Маловым, В. Л. Романовой.

[23] Понятие «латинское письмо» включает письмо всех западноевропейских народов, применявших и применяющих латинский алфавит.

[24] *J. Mallon.* Paléographie romaine. Madrid, 1952.

[25] *А. Д. Люблинская.* Новая теория развития позднеримского письма.— В сб.: «Средние века», вып. XI. М., 1958, стр. 145—155.

[26] Там же, стр. 155.

[27] *В. Н. Малов.* Палеографическое исследование документов по истории Франции конца XV—XVIII вв. (по материалам собраний СССР). Автореферат канд. дисс. М., 1965; *Л. И. Киселева.* Курсивное письмо во Франции в XIII—XV вв. (по мате-

inslav

и обобщены А. Д. Люблинской в упомянутом выше учебном пособии и в статье, опубликованной в бельгийском ежегоднике «Scriptorium» [28].

Учебник А. Д. Люблинской по истории латинского письма является большим вкладом в изучение латинской палеографии в нашей стране. В нем четко определены современные задачи и методы палеографии, дана научная классификация латинского письма и выделены основные периоды его развития. Отказываясь от традиционной схемы, А. Д. Люблинская по-новому ставит и решает ряд важнейших вопросов истории латинского письма, таких, как роль и характер письма раннего средневековья, проблемы происхождения каролингского минускула, готического письма и др.; ею намечены пути дальнейшего исследования этих вопросов.

Высокие научные достоинства учебника отмечены в многочисленных откликах на него советских [29] и зарубежных [30] ученых, отметивших, что учебник «делает честь советской исторической школе и позволяет надеяться на новый подъем в СССР исследований по истории Франции и Западной Европы» [31].

А. Д. Люблинская неоднократно представляла нашу науку за рубежом; она является членом Международного палеографического комитета от СССР.

Постоянная забота о пополнении исторической науки новыми высококвалифицированными кадрами — еще одна характерная черта многосторонней научной деятельности А. Д. Люблинской. Она — талантливый педагог, отдающий много труда и внимания воспитанию молодых историков: медиевистов, публикаторов, палеографов.

Особенно велики заслуги Александры Дмитриевны Люблинской в подготовке палеографов. В годы войны и первые послевоенные годы остро ощущался недостаток специалистов в этой области, что затрудняло работу по освоению богатейших западноевропейских фондов, хранящихся в СССР. Тем, что традиции русской медиевистики в изучении западных рукописей не угасли, а были сохранены молодому поколению ученых, советская историческая наука обязана прежде всего А. Д. Люблинской. Благодаря ее неутомимой энергии и самоотверженной преданности интересам науки в нашей стране была возрождена школа латинской палеографии. А. Д. Люблинская — признанная глава этой школы. Среди учеников А. Д. Люблинской, работающих во многих городах Советского Союза,— кандидаты и доктора наук, преподаватели вузов, работники архивов и библиотек.

Александре Дмитриевне Люблинской исполнилось семьдесят лет. Но все, кто имел счастье учиться у нее, работать с ней, встречаться не только на работе, но и в жизни, знают, как мало соответствует эта дата молодому облику Александры Дмитриевны, как молод ее талант, сколько в нем свежего, творческого, новаторского. Всякий, кто знаком с Александрой Дмитриевной, постоянно ощущает обаяние ее незаурядной личности, ее неистовую увлеченность наукой и самоотверженное служение ей, обширные, энциклопедические знания и готовность поделиться ими.

риалам ленинградских собраний). Автореферат канд. дисс., Л., 1969; *В. Л. Романова.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. (по материалам собрания рукописных книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Автореферат канд. дисс. М., 1970.

[28] *A. Lublinskaya.* Les travaux des savants soviétiques en paléographie Latine (1960—1966).— «Scriptorium». Bruxelles, 1967, t. XXI, fasc. 1, p. 100—103.

[29] *Е. Э. Гранстрем.* Новая книга по палеографии.— В сб.: «Средние века», вып. 35. М., 1973, стр. 281—283.

[30] См. рецензии М. Авриль (M. Ayril — In: «Bulletin des bibliothèques de France», 1971, N 5, p. 437) и В. Водова (V. Vodoff — In: «Le Moyen Age», 1973, t. LXXIX, N 1, p. 181—184).

[31] *V. Vodoff.* Op. cit., p. 184.

inslav

А. Д. Горский

А. В. АРЦИХОВСКИЙ КАК ИСТОЧНИКОВЕД

(к 70-летию со дня рождения)

С развитием исторической науки все более актуальным становится совершенствование методов исторического исследования и, в частности. источниковедения. Один из путей к этому — изучение, обобщение, оценка и распространение положительного опыта методики исследовательской работы выдающихся мастеров источниковедческого анализа. К их числу бесспорно принадлежит Артемий Владимирович Арциховский. Попытаемся охарактеризовать вклад этого ученого в историческое источниковедение, в изучение русских средневековых письменных (а также изобразительных) источников [1].

Возможности расширения круга источников до XV в. включительно путем их выявления в архивах очень ограниченны, накопление и введение в науку таких новооткрытых материалов идет довольно медленно. Поэтому для источниковедения истории Древней Руси в равной степени важны и расширение круга исторических источников, и совершенствование методов их исследования. Заслуги археолога А. В. Арциховского в обоих этих направлениях весьма значительны и представляют большой научный интерес.

Знание письменных источников, относящихся к той или иной археологической специализации (древневосточная, античная, скифо-сарматская, средневековая, славяно-русская и другие области археологии), умение использовать их в исследовательской работе являются нормой для любого современного крупного археолога, однако лишь немногим удается внести самостоятельный весомый вклад в исследование письменных источников, а тем более открыть и изучить новые памятники письменности. Именно к таким археологам, являющимся одновременно и собственно историками, причем историками первой величины, относится и А. В. Арциховский. Его достижения в историческом источниковедении — результат обширных познаний и многолетнего упорного труда по изучению самых различных видов исторических источников — вещественных, письменных, изобразительных, по совершенствованию методики их комплексного интенсивного использования в историческом исследовании с учетом данных других наук, не только гуманитарных, но также точных и естественных.

Уже в ранних работах А. В. Арциховский уделял много внимания письменным источникам, как древнерусским, так и иностранным (восточным и западным), черпая в них материал для обоснования историко-археологических, исторических и социологических наблюдений и выводов, для постановки новых проблем перед археологической и исторической наукой [2].

---

[1] Рассмотрение и оценка деятельности А. В. Арциховского — одного из крупнейших археологов мира, в области методики археологического исследования (археологического источниковедения) — задача специалистов-археологов.

[2] А. В. Арциховскому, который всегда рассматривал археологию как неотъемлемую, органическую часть исторической науки, чуждо противопоставление археологии как лишь «вещеведения», коллекционирования вещественных памятников (хотя и осмысленного, систематизирующего) исторической науке. Нами термины «археология», «археологическая наука» употребляются в статье наряду с терминами

inslav

Артемий Владимирович
АРЦИХОВСКИЙ

В статье «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» (1934 г.) [3], кроме археологического материала, использованы летописные известия, данные древнерусских миниатюр, сообщения иностранцев о славянах и русских. Наряду с собственно археологическими исследованиями, основанными главным образом на вещевом (музейном и добытом при раскопках) материале, А. В. Арциховский готовил работы, в значительной степени базирующиеся на текстах и миниатюрах письменных источников. К 1933 г. относится заметка «К истории восстания смердов 1071 г.» [4] — одна из первых специальных работ по истории классовой борьбы в Древней Руси. В качестве источников в ней использованы сообщения Повести временных лет и миниатюры Кенигсбергской летописи, которые конкретизируют и дополняют летописные известия о восстании. Обильным материалом письменных источников (летописей, актов, известий иностранцев и т. п.) А. В. Арциховский аргументировал понимание социально-политического строя Новгорода Великого как феодальной, боярской республики («К истории Новгорода», 1938 г.) [5].

Небольшая, но очень важная в историческом и методическом плане статья «Новгородские ремесла» [6] написана почти исключительно по письменным источникам. Это прежде всего новгородские писцовые и лавочная книги 80-х годов XVI в. Подвергнув их статистической обработке, автор установил общее число ремесленников (5465) и их профессий (237), выяснил сравнительный удельный вес разных видов ремесел в Новгороде конца XVI в., а также сопоставил степень дифференциации

«история», «историческая наука» и помимо них, чтобы подчеркнуть специфику трудов А. В. Арциховского-археолога в области истории.

[3] «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 35—60.

[4] «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8, стр. 53—54. (Совместно с С. В. Киселевым.)

[5] «Исторические записки», т. 2, 1938, стр. 108—131.

[6] «Новгородский исторический сборник», вып. 6. Новгород, 1939, стр. 3—15.

inslav

ремесел и специализации внутри отдельных ремесел в Новгороде и ряде других русских городов. В статье использованы также писцовые материалы по г. Казани, летописные известия, данные актов, эпиграфики (надписи на предметах прикладного искусства), памятников живописи (икон XVI в.).

Еще более насыщена материалом разнообразных письменных источников статья «Городские концы в древней Руси» [7]. Простой перечень видов источников говорит о размахе проделанной работы: различные летописи, хронограф, актовый материал, новгородские и другие писцовые книги, Новгородская Судная грамота, жития святых, свидетельства иностранцев, данные сфрагистики и геральдики. Известия, почерпнутые из этих памятников, позволили автору установить деление на концы многих русских городов (Новгород Великий с пригородами, Псков, Киев, Ростов, Смоленск, Серпухов, Москва, Устюг, Тверь, Нижний Новгород, Тула), определить основы, характер, значение и судьбы такого деления, функции кончанских организаций и их особенности в разных городах. Ученый уделил самое пристальное внимание, казалось бы, незначительным деталям, сообщаемым источниками, проведя подсчет всех упоминаний летописями городских концов (например, новгородских). Все это не только способствует созданию ясного представления о ряде сторон жизни средневековых русских городов, но и четко определяет круг использованных исследователем материалов, что, в свою очередь, придает убедительность его выводам.

Широта круга источников, стремление с максимальной полнотой привлечь все возможные свидетельства при изучении какой-либо проблемы — эти принципы научной работы реализуются А. В. Арциховским последовательно, целенаправленно и продуманно. Не случайно в своих историографических трудах и рецензиях он специально останавливается на вопросе о круге источников и степени их использования. В статье, посвященной столетию со дня рождения А. В. Орешникова [8], характеризуя его заслуги в развитии античной и русской нумизматики, А. В. Арциховский отмечал привлечение им, кроме самих монет, широкого круга источников: изображения на печатях, перстнях, оружии, скульптурах, в рукописных книгах, многочисленные письменные памятники — произведения античных авторов, летописи, родословные книги (в том числе неопубликованные) и др. В рецензии на книгу М. Н. Тихомирова «Древнерусские города» [9] А. В. Арциховский указывал, как на одну из сильных сторон этой монографии, на ее широкую источниковую базу, включающую летописные известия, данные Русской Правды, древнерусской церковной литературы, сообщения иностранцев, а также археологический материал. Рецензируя монографию Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» [10], А. В. Арциховский подчеркивал, что для раскрытия темы автор полностью использовал и письменные источники.

А. В. Арциховский живо откликается на новые издания письменных источников. Специальную рецензию он посвятил публикации Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, т. XXVI) [11], уделив особое внимание новым сведениям этого источника, относящимся к истории материальной культуры, монетного дела, к исторической топографии.

Масштабы и характер использования письменных источников в исследованиях А. В. Арциховского наглядно прослеживаются по работам, посвященным «сквозным» темам, к которым ученый обращался неоднократно. Это темы, связанные с историей материальной культуры Древней

---

[7] «Исторические записки», т. 16, 1945, стр. 3—13.
[8] «Труды Государственного исторического музея», вып. 25 («Нумизматический сборник», ч. 1). М., 1955, стр. 7—13.
[9] «Вопросы истории», 1947, № 1, стр. 122—125.
[10] Там же, 1949, № 1, стр. 127—130.
[11] «Советская археология», 1961, № 2, стр. 313—314.

inslav

Руси. Одна из них — история древнерусской одежды — отражена в трех специальных работах (в двух рассмотрена русская одежда домонгольского периода [12], в третьей — одежда XIII—XV вв. [13]). Здесь для исследования привлечены вещественные памятники, изображения на миниатюрах и инициалах русских (и иностранных) рукописей XV—XVI вв., фресках, иконах и скульптурах, а также множество известий, почерпнутых из письменных источников: летописей, Русской Правды, разнообразных актов, берестяных грамот, произведений древнерусской литературы («Изборник Святослава» 1073 г., «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Слово о богатом и убогом», «Киево-Печерский патерик», житие Сергия Радонежского и др.), сообщений арабских и византийских авторов. Примерно таков же состав источников, привлекаемых А. В. Арциховским в его работах по истории русского оружия домонгольского времени и XIII—XV вв. [14]

Широта источниковедческого кругозора сочетается у А. В. Арциховского с весьма интенсивным использованием материала источников, что позволяет ему детально освещать рассматриваемую тему. Например, изучая виды древнерусского наступательного оружия, ученый не только провел археологические наблюдения и сопоставления, но и разыскал множество упоминаний об этих видах оружия в письменных источниках (особенно в летописях), учел контекст всех упоминаний. Анализ употребления летописцами терминов о функциях тех или иных видов оружия (глаголы «сечь», «рубить», «колоть» и т. п.) позволил определить их конструктивные особенности, что в свою очередь дало возможность сопоставить известия письменных источников о видах оружия с реальными экземплярами, дошедшими в составе музейных коллекций или добытыми при археологических раскопках.

К работам о древнерусских одежде и оружии тесно примыкают написанные А. В. Арциховским главы «Пища и утварь» и «Средства передвижения» в «Очерках русской культуры XIII—XV вв.» [15] В них также применен метод комплексного использования разнообразных источников, в том числе письменных (летописи, Русская Правда, Псковская Судная грамота, новгородские берестяные грамоты, эпиграфические материалы, памятники древнерусской литературы и искусства, свидетельства иностранцев). Таким образом, для творческого метода А. В. Арциховского типично комплексное использование многих видов источников в сочетании с интенсивным привлечением весьма широкого круга письменных памятников.

Особенно весом вклад А. В. Арциховского в изучение малоисследованных исторических источников, открытие и анализ совершенно новых их видов. Это относится прежде всего к древнерусским миниатюрам, занимающим как бы промежуточное место между письменными и вещественными памятниками. С одной стороны, они являются органической частью рукописи, в которой помещены, с другой — обладают наглядностью, сближающей их с реальными вещественными источниками, поскольку историческая информация, заключенная в них, выражена не словесно (как в письменных источниках), а, так сказать, пластически, в виде

[12] *А. В. Арциховский.* Русская одежда X—XIII вв.— «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 3, 1945, стр. 3—9; *он же.* Одежда.— «История культуры древней Руси», т. I. Домонгольский период. Материальная культура. М.— Л., 1948, стр. 234—262.

[13] *А. В. Арциховский.* Одежда.— «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. 1. «Материальная культура». М., 1969, стр. 277—296.

[14] *А. В. Арциховский.* Русское оружие X—XIII вв.— «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 4, 1946, стр. 3—17; *он же.* Оружие.— «История культуры древней Руси», т. 1, стр. 417—438; *он же.* Оружие.— «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. 1, стр. 389—415. В последней работе использованы также «Инока Фомы слово похвальное» о великом князе тверском Борисе Александровиче, житие Стефана Пермского, немецкая Рифмованная хроника.

[15] «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. 1, стр. 297—306; 307—316.

inslav

наглядных образов (изображения предметов, лиц, явлений, событий, о которых идет речь в рукописи). Это своеобразный вид изобразительных источников.

Миниатюры русских «лицевых» рукописей изучались давно. Отдельным памятникам и циклам древнерусских миниатюр были посвящены специальные исследования, где делались интересные и полезные историко-искусствоведческие наблюдения. Однако до фундаментальной работы А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (1944 г.) не была раскрыта и обоснована степень их достоверности и научной ценности, не проводился развернутый и всесторонний источниковедческий анализ этого важного вида источников по истории русского средневековья.

Сложность такого анализа трудно переоценить. Требовалось прежде всего понять и истолковать изображение, а затем проверить, определить степень достоверности содержания миниатюр. Подобная проверка включала в себя необходимость решить проблемы авторства, датировки и локализации дошедших до нас лицевых рукописей и их протографов (если таковые были), определить степень соответствия изображений на миниатюрах той исторической действительности, которая ими иллюстрируется. Исследовательский метод А. В. Арциховского состоял из самостоятельного анализа текстов лицевых рукописей, сопоставлений изображенного на миниатюрах с иллюстрируемым текстом, количественных наблюдений для выяснения степени типичности тех или иных изображаемых реалий, сопоставлений самых различных предметов, представленных на миниатюрах, с дошедшими до нас древними предметами (русскими и иностранными) соответствующего времени, с данными других письменных и изобразительных памятников, лингвистическим и этнографическим материалом и т. д., и т. п. А. В. Арциховский здесь, как и в других работах, мобилизовал обширный материал разнообразных вещественных, письменных и изобразительных источников.

Все эти приемы, очевидные теперь благодаря работе А. В. Арциховского, в период исследования им миниатюр нужно было опробовать, а некоторые открыть.

Для такого во многом экспериментального исследования, призванного обосновать возможность использования миниатюр как источника по истории Древней Руси, особую проблему составлял отбор памятников. Такие древнерусские лицевые рукописи, как «Псалтыри», «Апокалипсисы», «Индикопловы», «Евангелия» и подобные им памятники, посвященные нерусским сюжетам, самим своим содержанием как бы обязывали миниатюристов избегать изображения русских реалий и предполагали заимствования из иностранных иллюстрированных книг. Поэтому А. В. Арциховский совершенно правомерно избрал для анализа лицевые рукописи, рассказывавшие о событиях на Руси, причем разновременные, различные по содержанию и по художественному оформлению: Кенигсбергскую (или Радзивилловскую) летопись, тома Лицевого летописного свода XVI в., посвященные русской истории, «Сказания о Борисе и Глебе», жития Сергия Радонежского и Антония Сийского.

А. В. Ариховский провел анализ миниатюр по существу, выявил, что они дают для освещения истории хозяйства, производительных сил, социальных отношений, внутриклассовой и классовой борьбы, политического строя, внутренней и внешней политики, определил их значение для выяснения феодальной символики, древних обычаев, для истории духовной культуры и быта. В научный оборот введены изображения, дополняющие, конкретизирующие наши представления о различных предметах, событиях и явлениях; многие сюжеты были ранее совсем не известны по другим источникам (изображения новгородской вечевой «степени», вечевых собраний, рисунки географического и топографического характера, пейзажей и природных явлений, уличных «решеток», сцен принесения клятвы —

inslav

«шерти», инвеституры и других обрядов, производственных сцен, социальных и классовых движений и др.).

Подобное исследование требовало колоссальной «предметной» эрудиции — в смысле знания не только множества различных древних предметов (топоров, сох, плугов, серпов, орудий ремесла, оружия, одежды, утвари и т. д.), но и всего многообразия явлений, в которых воплотилась материальная и духовная культура Древней Руси. Знания в области естественных наук имели большое значение для научного комментирования изображенных на миниатюрах природных явлений, животных. И, конечно, в изучении такого сложного и трудоемкого вида исторических источников, как миниатюры лицевых рукописей, требовался опыт. Он был накоплен А. В. Арциховским при изучении трудов своих предшественников и подготовке еще в начале 30-х годов специальных работ о миниатюрах русских летописей [16], а также благодаря использованию миниатюр в ряде других своих исследований.

Открытия, большие и малые, которыми насыщена почти каждая страница этой небольшой по объему книги, трудно даже перечислить. Добавим несколько слов о характерных чертах метода А. В. Арциховского в исследовании древнерусских миниатюр. Это прежде всего научная осторожность, учет возможности и выявление случаев условных и символических изображений, заимствований, анахронизмов, учет политической и церковной тенденциозности авторов текстов и иллюстраторов лицевых рукописей. Ученый осмотрителен в подсчетах, стремясь опираться в своих выводах на возможно более массовый материал самих исследуемых миниатюр, а также на данные, полученные при изучении других массовых источников (например, вещевых).

Своими исследованиями, обобщающими и новаторскими, разносторонними и глубокими, творческими и скрупулезными, А. В. Арциховский не только включил в научный оборот материал 11 509 (!) рисунков лицевых рукописей, непосредственно подвергнутых анализу, но и разработал методику исторического исследования древнерусских миниатюр, создав прочную базу для дальнейшего изучения этих своеобразных и ценных источников по истории древней и средневековой Руси.

Достаточно давно известной, но, пожалуй, еще менее, чем древнерусские миниатюры, изученной разновидностью исторических памятников являются древнерусские областные гербы. Они использовались в исторических работах в сугубо иллюстративном плане, их рисунки помещались, как правило, без каких-либо комментариев, а тем более без научного анализа заключенных в них изображений. Необходимость использования гербов как исторических источников, правда, была провозглашена еще в начале XX в. (В. К. Лукомским) [17], но дальше этого дело, в сущности, не пошло. Следовательно, их нужно было еще научно «освоить», доказать возможность привлечения их в качестве исторических источников, оценить научное значение этих своеобразных памятников прошлого. Конкретная задача состояла в попытке определить время и причины возникновения данного гербового изображения, вскрыть его значение, найти «прообразы» предметов и символов, проследить их динамику во времени, выяснить причины изменений, а для всего этого — найти и исследовать соответствующие источники. Статье А. В. Арциховского о древнерусских областных (городских) гербах [18] присуще комплексное использование разных источников. Число их по данной теме невелико, но они очень разнообразны и важны. Это и древние печати и завеса спинки трона Михаи-

[16] *А. В. Арциховский.* Миниатюры Кенигсбергской летописи.— «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 2. Л., 1932; *он же.* Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи.— «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 117—125.

[17] См. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 634.

[18] *А. В. Арциховский.* Древнерусские областные гербы.— «Ученые записки МГУ», вып. 93. История, кн. 1. М., 1946, стр. 43—67.

inslav

ла Федоровича, и знамя Алексея Михайловича с вышитыми на них изображениями гербов, и золотая тарелка Алексея Михайловича с наведенными на ней финифтью 16 гербами, и указ 1666 г. с описанием гербов, и их изображения в Титулярнике — рукописи 1672 г. и дневнике австрийского дипломата Корба 1698—1699 гг., и актовый материал, и «Слово похвальное» инока Фомы (XV в.), и этнографические данные, и археологический материал. Автору удалось проследить пути возникновения ряда областных гербов, доказать значительную древность изображений, имеющихся на них, и вскрыть причины их изменений.

Исследования А. В. Арциховским древнерусских миниатюр и гербов как исторических источников приобщили к «миру вещей» (вещественные памятники) и «миру слов» (памятники письменности) своеобразный «мир изображений». Но исследователю предстояло открыть давно предвиденный им, едва ли не еще более своеобразный вид исторических источников. 26 июля 1951 г. при раскопках в Новгороде, проводившихся археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского, была обнаружена первая берестяная грамота. Так был открыт новый вид источников по истории Древней Руси. Новгородские берестяные грамоты — синтетический источник, объединяющий в себе качества вещественных и письменных, а некоторые — и изобразительных источников. Как вещь и археологическая находка, берестяная грамота (если она добыта в ходе планомерных раскопок, а не найдена случайно в выбросах земли) связана с определенными археологическими координатами: раскопом, квадратом, пластом, строительным ярусом, с сопровождающим вещевым материалом, остатками строений — конкретной «археологической средой». Как памятник письменности, каждая берестяная грамота имеет свои палеографические признаки, «почерк», свое содержание и отражает материальную и духовную деятельность, занятия, знания, мышление, взаимоотношения людей, «писавших» и читавших тексты на бересте. Некоторые грамоты сохранили различные изображения, рисунки (например, грамоты мальчика Онфима), что сближает их с изобразительными источниками.

Такой характер новгородских берестяных грамот требовал от ученого, которому предстояло первому исследовать берестяные лоскуты с нанесенными на них письменами и ввести их в научный оборот в качестве исторических источников, сочетания знаний и опыта археолога высшей квалификации и эрудированнейшего историка, а также исследователя памятников средневекового изобразительного искусства. И, наверное, никто не обладал всеми этими качествами в той мере, как сам первооткрыватель берестяных грамот А. В. Арциховский.

Более двадцати лет назад началась новая грандиозная источниковедческая работа, которая продолжается по сей день. Перед А. В. Арциховским, первым исследователем, истолкователем и комментатором новгородских берестяных грамот, встали сложные источниковедческие задачи, новые, подчас совершенно непредвиденные проблемы [19]. Нужно было датировать грамоты, прочесть тексты, разделив их на слова и фразы, предложить обоснованные конъектуры недостающих мест текста (от многих грамот сохранились лишь обрывки, часто незначительные), разобраться в терминологии, употреблявшейся древними новгородцами и далеко не всегда имеющей аналогии в других источниках, распознать географические и топографические наименования, а также собственные имена и прозвища, нередко впервые встреченные лишь в берестяных грамотах. Надо было произвести научную классификацию обнаруженных

[19] Не забудем, что как археолог-раскопщик и начальник археологической экспедиции, нашедшей берестяные грамоты, А. В. Арциховский должен был обеспечить обработку уникальных находок, найти способы их консервации, организовать их долговременное хранение, высококачественное фотографирование, изготовление прорисей и т. п.

inslav

берестяных документов, определить их типы. Наконец, необходимо было дать историческую интерпретацию их содержания, оценить их значение — каждого порознь и всей их совокупности — как источников по истории феодальной формации. В связи с этим стало особой, специфической проблемой определение перспектив, возможностей пополнения фонда берестяных грамот в будущем, при раскопках в Новгороде и других древних городах. Результаты исследования берестяных текстов отражены в шести томах академического издания «Новгородские грамоты на бересте» (1953—1963), в десятках статей ученого.

Пристальное внимание А. В. Арциховский уделил датировке берестяных грамот путем применения разных методов: стратиграфического, палеографического, а также дендрохронологического, рожденного в ходе работ новгородской экспедиции. В некоторых случаях датировку удалось проверить по упоминаниям исторических лиц.

Для интерпретации текстов берестяных грамот А. В. Арциховским, на основе богатого опыта предшествующей исследовательской работы, был привлечен материал самых различных источников и специальной литературы. Это летописи, акты (не только древнерусские, но и иностранные, например, польские), законодательные памятники (Новгородская и Псковская Судные грамоты, Судебники), писцовые книги, дипломатические документы, записки иностранцев, памятники истории церкви, жития святых, произведения древнерусской литературы и искусства (в том числе миниатюры), данные эпиграфики, этнографии, труды по палеографии, дипломатике, исторической лингвистике, исторической географии, топонимике, ономастике (русской и иноязычной), генеалогии, исторической метрологии, нумизматике, сфрагистике и, конечно, археологический, вещевой материал. Добавим еще сведения, полученные путем консультации у лингвистов, биологов и других специалистов.

А. В. Арциховский, изучая берестяные грамоты, остается верен своим методическим принципам. Максимальная полнота привлечения материала для сравнений, тщательность наблюдений (вплоть до использования микроскопа при чтении особо сложных и спорных мест текста), основательность, точность, научная осторожность и сдержанность в выводах, творческий учет критики, наращивание аргументации, совершенствование методики (например, все большее применение сравнений грамот между собой по мере их накопления) в сочетании с трактовкой содержания текстов с позиций исторического материализма привели к крупным открытиям.

Талант и опыт историка-марксиста, упорный многолетний труд позволили А. В. Арциховскому раскрыть многообразное содержание берестяных грамот, повествующих о хозяйственном, социально-экономическом и политическом развитии, о материальной и духовной культуре, о классовой и внутриклассовой борьбе в Новгородской феодальной республике, об идеологии, психологии, обычаях, быте жителей древнего Новгорода. Очень важны и собственно источниковедческие выводы А. В. Арциховского относительно большого разнообразия типов (среди них имеются и ранее не известные) документов, представленных берестяными грамотами, о большем, чем ранее считалось, уровне грамотности в Древней Руси, о том, что обнаруженные грамоты не являются остатком какого-то единого архива, а сравнительно равномерно насыщают культурный слой древнего Новгорода. Поэтому их находки при последующих раскопках не только вероятны, но и неизбежны, причем не только в Новгороде, но и в других древних городах нашей страны и за рубежом. Следовательно, справедливо полагает А. В. Арциховский, в будущем науке обеспечено пополнение фонда не только вещественных, но и письменных источников по одному из важных периодов истории человечества — периоду средневековья.

Отмечая славный юбилей Артемия Владимировича, пожелаем ему новых открытий, новых археологических находок, новых берестяных грамот — писем к нам древних новгородцев.

inslav

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1972 ГОДА

Тихомировские чтения 1972 г. проходили 5 июня. Их темой была «Методика описания древних рукописей». Были заслушаны доклады академика Д. С. Лихачева, Л. П. Жуковской, А. Д. Люблинской и совместный доклад Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедевой, Б. Л. Фонкича.

Д. С. Лихачев

ЗАДАЧИ СОСТАВЛЕНИЯ МЕТОДИК ОПИСАНИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ

Прежде всего я хотел бы сказать, что мне очень приятно выступать в Археографической комиссии. Долгие годы наша археография страдала от разобщенности, от того, что мы все работали порознь, мало делились опытом. И вот, наконец, мы имеем энергично работающий центр, объединяющий наши усилия и руководящий археографической работой. Это чрезвычайно важно, и я думаю, что мы все должны всячески поддерживать Археографическую комиссию в деле руководства описанием рукописей, потому что до сих пор и описанием рукописей все занимались порознь и в какой-то мере, к сожалению, кустарно.

Мне хотелось бы обратить внимание на необходимость строго различать типы описания рукописей. Это, во-первых, охранное описание рукописей; во-вторых, путеводитель по тому или иному собранию или фондам; в-третьих, описание фондов, описание собрания или ряда собраний (в частности, история фондов — об этом я скажу дальше); в-четвертых, полное научное постатейное описание рукописей.

До сих пор между этими типами не установлено строгих различий. Больше всего распространен тип путеводителя,— может быть, потому, что составление путеводителя значительно легче составления строго научного постатейного описания и не требует исчерпывающих характеристик рукописей. Между тем исчерпанность описания — это самое трудное, что требуется от занимающегося описанием. От необходимости давать исчерпывающие данные составитель путеводителя свободен. Он может произвольно выбирать то, что полегче, что ему кажется «поинформативнее». Но, возможно, путеводители так популярны сейчас потому, что они больше всего нужны самим учреждениям как рекомендации ценности рукописных собраний, а иногда и прямо как реклама этих собраний. О недостатках формы путеводителей или вернее об их бесформенности я уже писал в «Текстологии на материале русской литературы X—XVII вв.» и не буду повторять то, что мною было высказано [1]. Однако должен сказать, что сейчас я несколько изменил отношение к путеводителям. Я считаю, что путеводители могут быть лишены импрессионизма и произвола, если договориться точно, что мы должны включить в путеводитель и, главное, какую цель должны преследовать путеводители.

Что касается до совершенно не принятого у нас сейчас описания

[1] *Д. С. Лихачев.* Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.— Л., 1962, стр. 104—107.

inslav

фондов рукописных собраний, то на этом вопросе стоит остановиться несколько подробнее. Фонды рукописей постоянно перекочевывали из одного собрания в другое, вливались в другие фонды, сливались, разъединялись, на каком-то этапе получали свое описание. Поэтому история фондов чрезвычайно важна для того, чтобы хотя бы разобраться в имеющейся литературе о рукописях, в имеющихся шифрах, которые также менялись, и т. д. Особенно много таких перемещений фондов произошло у нас после Октябрьской революции в результате централизации архивного материала, а также на Западе во время второй мировой войны, во всех славянских странах; даже местонахождение отдельных фондов оказалось неизвестным. Некоторые рукописи как будто исчезли, потом неожиданно находятся в местах, где их никто не искал, и т. д. В связи с путаницей и неразберихой со славянскими рукописями, создавшейся после второй мировой войны, Текстологическая комиссия Международного комитета славистов обратилась в 1965 г. с призывом ко всем центрам хранения древнеславянских рукописей с просьбой составлять описания фондов славянских рукописей; имелось в виду, что в этих описаниях будет указана история этих фондов и их происхождение по странам.

Инструкция по составлению описей фондов древнеславянских рукописей была составлена Текстологической комиссией и опубликована в журнале «Славия» в 1965 г.[2], но, к сожалению, не получила в нашей стране никакого отклика. Но это — требование славистов всех стран, и мы обязаны с этим требованием считаться. Если нельзя составить опись фондов того или иного хранилища, то сведения по истории и происхождению фондов должны включаться в путеводители. Одной из главных задач создания путеводителей могла бы быть задача показа истории фондов. Но дело не должно этим ограничиваться. Полное научное постатейное описание рукописей, которое, конечно, должно проводиться по фондам, нужно начинать с указания на происхождение фонда, с изложения истории фонда. История фонда должна предварять описание отдельных его рукописей.

Разумеется, при описании рукописи история ее также должна обязательно отмечаться. Это чрезвычайно важно во многих отношениях. У нас, к сожалению, в научных описаниях очень часто рукопись описывается так, как будто бы сама по себе она не имела никакой истории, т. е. дается формальное описание рукописи в ее наличном виде. Поэтому мне кажется, что в научное описание той или иной рукописи должны непременно включаться данные об ее истории, об ее происхождении. И, следовательно, история фонда, в который входит рукопись, непременно должна разрабатываться.

Мы знаем о многих недоразумениях, вызванных тем, что история фонда у нас изучалась недостаточно. Л. А. Творогов указал на ошибку даже такого «безошибочного» ученого, как А. Н. Насонов, объявившего в своем издании «Псковские летописи» (вып. I. М.— Л., 1941, стр. LIV) о потере Холмогорского списка Псковской летописи[3].

Литература по рукописи должна включаться в описания под знаком истории данной рукописи и истории фонда. Очень часто в литературе о рукописи сообщаются неточные, ошибочные сведения, и это обязательно должно отмечаться в описании рукописи (само собой разумеется, с указанием на ошибки), так как это часть истории рукописи.

Насколько важно и интересно изучать историю фонда, показал недавний доклад американского ученого Д. К. Уо в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН

---

[2] «Slavia», Praha, 1965, š. 2, s. 260—262.

[3] *Л. А. Творогов.* Холмогорский список Псковской летописи.— «Псковская правда», 2 декабря 1945 г.

inslav

СССР. Он анализировал в своей работе историю Строевского собрания, вошедшего в Погодинское Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и дал очень много выводов по тем или иным строевским сборникам. Я не буду сейчас излагать содержание доклада. Думаю, что он будет напечатан и все смогут с ним ознакомиться.

Но Даниэль Уо, разумеется, не пионер в исследовании истории фондов. Дело в том, что этому придавалось и придается чрезвычайно большое значение Л. А. Твороговым. Он выпустил в Пскове в 1957 г. брошюру «Сокровищница старой русской книжности». В брошюре ясно указано на необходимость собирать рукописи по старым собраниям и изучать историю фондов [4]. К сожалению, сам Л. А. Творогов не продолжил это начинание. Он собрал фонды рукописных и старопечатных книг в Древлехранилище Псковского краеведческого музея, и они стоят в красивых шкафах, но заниматься детально историей собранных им фондов, а главное, публиковать по этому вопросу исследования он, к сожалению, не имеет возможности.

Отмечу, что В. И. Малышев также указывал на необходимость сохранения фондов и изучения их в связи с необходимостью изучать традиции того или иного края [5]. Это делал Л. А. Дмитриев для карельских фондов Древлехранилища Пушкинского Дома [6]. Можно привести еще ряд примеров, что до Даниэля Уо комплексным изучением занимались многие люди, но все это делалось разрозненно, разобщенно; не создавались традиции изучения фондов, не создавались методики изучения фондов, инструкции по изучению фондов, кроме той инструкции, которая была составлена Международным комитетом славистов.

Комплексное изучение истории рукописей и рукописных собраний становится все более насущным и результативным. Комплексность входит в изучение рукописей, следуя в этом отношении за развитием принципа комплексности в текстологии. Изучение рукописей в составе собраний аналогично изучению текстов в окружении других текстов. Мы должны заниматься «конвоем» рукописей так же, как «конвоем» текстов, и историей рукописей — как историей текстов.

Отмечу, что принцип комплексности изучения рукописей совершенно исключает возможность избирательности в изучении и описании рукописей. Скажем, исключение из научных описаний так называемых церковных произведений, преимущественное внимание к так называемым светским произведениям не должно иметь места. Рукописи во всем своем составе должны пользоваться одинаковым вниманием составителей научного описания, если перед нами действительно научное описание. Стремление избежать описания церковных материалов приводит к крупным ошибкам [7], ибо отличить церковные материалы от так называемых светских очень трудно. В средние века нельзя оторвать церковные материалы от светских. Так или иначе церковные сочинения связаны со светской историей, а светские памятники в той или иной мере церковны, отражают религиозные основы средневекового мировоззрения. Рукопись должна изучаться целиком, во всем ее объеме, во всем составе, так же как и в составе всего собрания, а не выхваченная из этого собрания.

---

[4] См. рецензию Д. С. Лихачева на это издание («Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1957, т. 16, вып. 4, стр. 378—379).

[5] *В. И. Малышев.* Усть-Цылемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; *он же.* Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.— Л., 1965.

[6] *Л. А. Дмитриев.* Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья.— В сб.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 330—337.

[7] В церковных сочинениях очень часто погребены ценнейшие исторические материалы (*Д. С. Лихачев.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного).— В сб.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 10—27).

inslav

Таким образом, изучение рукописей и рукописных собраний становится сейчас все более сложным. К этому изучению предъявляются все бо́льшие требования, и с ним связываются все бо́льшие научные ожидания, умножаются, усложняются типы изучения и типы, в которые может вылиться результат этого изучения.

Надо сказать, что этот процесс только начался. Мы еще стоим у самого начала развития и усложнения изучения рукописей. Это усложнение происходит и с неславянскими рукописями,— скажем, на Западе, где очень развита кодикология и дают хорошие результаты кодикологические исследования. Но этот же процесс происходит и со славянскими рукописями.

Развитие и углубление изучения рукописей со всей остротой ставит вопрос о методе и методике изучения, приведении этого изучения к строго определенным типам и стандартам, к известной унификации и самих результатов изучения.

Я хочу обратиться к самой важной проблеме, которая, мне кажется, стоит в связи с описанием рукописей,— это *проблема надежности* сообщаемых в описании сведений. Как известно, в технических и в точных науках проблема надежности сейчас — одна из самых важных. Иногда она становится даже определенной отраслью разработки. Надежность наших научных описаний или форм работы с рукописями мне кажется одной из самых важных, на которую следует обратить особое внимание.

Дело в том, что все виды обработки рукописей, которые я перечислил, могут помочь исследователю только в том случае, когда они дают совершенно надежные сведения. Если они дают ненадежные сведения, они мешают развитию науки, мешают исследователю, создают иллюзию изученности рукописи, иллюзию, которая рассыпается при обращении к конкретной рукописи. Очень много интереснейших памятников похоронено в описаниях рукописей из-за неправильных определений, которым исследователь верит, в результате чего проходит мимо этого памятника, не заглядывает в рукопись. Ошибки в описаниях рукописей задерживают их изучение иногда на многие годы и десятилетия.

Я хотел бы выделить четыре принципа надежности в области работы с рукописями. Сведения, помещаемые в научных описаниях, тем надежнее, во-первых, чем они более расчленены, во-вторых, чем они больше формализованы, в-третьих, чем точнее указываются их основания, т. е. на основе чего сделаны те или иные определения, в-четвертых, чем определеннее и точнее указание степени их вероятности, степени точности.

Так, например, можно сообщить о рукописи, что она первой половины XVI в. Но можно это сообщение расчленить — отдельно сообщить о времени бумаги, отдельно о времени почерка, отдельно о времени переплета и т. д.— и возможность ошибки будет менее вероятна. Тогда как сообщению просто о том, что рукопись первой половины XVI в., мы вообще не обязаны верить. Мы можем этому заключению верить только в том случае, если оно принадлежит очень авторитетному исследователю рукописей. Поэтому описание рукописи должно быть дано в такой форме, чтобы и работнику средней квалификации мы могли бы доверять.

Затем, каждое из сообщений следует формализовать, т. е. сведения необходимо сообщать в формуле, которая равнялась бы термину и о которой не приходилось бы гадать, что означает то или иное выражение исследователя. Исследователь не должен быть волен в своих выражениях. Описание рукописи должно быть формализовано, даваться в формальных выражениях и в определенной, точной формальной последовательности.

Далее, все основания для тех или иных датировок или определений должны быть подкреплены отсылками к соответствующим руководствам.

inslav

В дальнейшем я скажу о необходимости создания таких руководств. Только тогда, когда даны основания заключений, мы можем видеть, в связи с чем определяется дата той или иной филиграни,— ссылками на какие руководства, на какие альбомы пользовался описывающий, в связи с чем устанавливается дата почерка, переплета и пр.

Далее, выводя то или иное заключение, мы должны указывать степень приближенности, степень предположительности этого заключения. Гипотеза это, догадка ли или мы делаем заключение с абсолютной уверенностью. Допустим, перед нами ссылка на филигрань,— что она означает: означает ли это, что филигрань абсолютно точно соответствует времени и знаку в альбоме или лишь приближается к тому, что указано в альбоме?

Как я сказал, расчленение и формализация ответа предохраняют от ошибок. Хочу показать это на следующем примере — на примере с языком рукописи. Вопрос о языке, о языковом изводе чрезвычайно важен. Тут иногда даже вмешивается политика: скажем, определить ли язык рукописи как болгарский или македонский, усмотреть ли в языке рукописи болгаро-сербские наслоения или извод молдаво-влахийский, и т. д.

Вопрос о языке рукописей важен во всех случаях. Относя рукописи к тому или иному языковому изводу, описывающий рукописи, даже если он лингвист, может сделать очень крупные ошибки. Настоящий лингвист не всегда берется точно утверждать, к какому языку относится рукопись. Скорее это будет безапелляционно утверждать не лингвист. И здесь расчлененность и формализация сведений могут значительно повысить надежность сведений по языку. Как определить извод рукописей болгаро-сербских или изменивших происхождение, когда в своей истории тексты пережили столько «переездов» из страны в страну — болгаро-сербские, болгаро-сербо-белорусские или русско-украинские? Что первичное, что на что наложилось и т. д.?

Ответ должен быть возможно более расчлененным и формализованным. Не следует в описании прямо и однозначно отвечать на вопрос о языке рукописи, а следует отметить наличие в тексте рукописи тех или иных языковых форм, которые могут дать основание для отнесения рукописи к тому или иному изводу. Следует отметить употребление «юсов», орфографию, употребление «ятей», соотношение «ц» и «ч» и т. д. Все это важно, например, для новгородско-псковских рукописей. Следует искать антирусизмы, антисербизмы и т. д.

Это ответы на элементарные вопросы, и большего нельзя требовать от составителя описания рукописей, особенно если он не лингвист. Надо поручить специальной комиссии выработать инструкцию по описанию языка рукописей. Такая инструкция должна быть составлена как можно скорее. Требовать от описаний прямого, однозначного и безапелляционного ответа о языке рукописей преждевременно и опасно.

Самая важная часть описания рукописи — это, конечно, описание по содержанию. Разумеется, описание должно быть постатейным. И здесь определения должны обладать очень большой надежностью. Что значит «надежность» в гуманитарных науках? Поскольку выводы гуманитарных наук не перерабатываются немедленно в какие-то результаты, как в технике, как в конструировании действующих машин или аппаратов, приборов, постольку выводы эти не должны претендовать на жесткое выражение истины. В гуманитарных науках понятие «истина» — это по большей части цель, как и в науках точных, но это понятие должно носить более гибкий характер. И вот, как мне представляется, основное правило, которое следует принимать во внимание при описании научных рукописей: в гуманитарных науках вывод должен быть признан точным при условии точного определения его неточности, т. е. его вероятно-

inslav

сти[8]. Вывод обязательно должен сопровождаться объективным определением: является ли он 1) *безусловным*, абсолютно точным или мы имеем дело с 2) *гипотезой*, с 3) *догадкой* или с 4) *предположением*. Начинающий ученый или просто плохой ученый обычно свои гипотезы и догадки выдает за абсолютно точные выводы. Это не только наивно, но и очень опасно; это не должно иметь места. Ученый, особенно описывающий рукопись, должен строго различать, о чем он только догадывается и в чем он абсолютно уверен, и отмечать основания своей уверенности. Как мне кажется, следует ввести в научные описания особый знак — «знак сомнения», или «знак предположительности». Дело в том, что оговорки нельзя делать очень многословными: описание должно быть формализовано, и оно должно быть кратко. Поэтому ставить после того или иного неточного утверждения «знак предположительности», мне кажется, было бы удобно. Наконец, наличие такого знака заставило бы исследователей употреблять его и задумываться над степенью достоверности вывода.

Может быть, можно воспользоваться знаком вопроса? Но вопросительный знак — это не знак предположительности, не знак степени вероятности. Чтобы не создавать типографских затруднений, я бы предложил пользоваться в качестве «знака сомнения», «знака гипотетичности утверждения» опрокинутым вопросительным знаком. Скажем, если филигрань рукописи не точно соответствует, но близко подходит номеру такому-то в альбоме Н. П. Лихачева, то после ссылки на этот номер можно было бы поставить опрокинутый знак вопроса. Нельзя требовать от составителя научного описания, чтобы он дал исчерпывающие сведения о рукописи, особенно в тех областях, в которых он не является специалистом. «Знак сомнения» предупреждал бы, что данное описание нельзя принять как окончательно установленное, что его нужно проверить самому в той или иной мере.

Но этого мало. Следует указывать, на основании чего сделан тот или иной вывод — по какому признаку и на основании каких предшествующих исследований. Так, например, если мы имеем дело с более или менее изученным памятником, в котором определены его редакции, то в описании, конечно, следует отмечать и редакцию данного памятника, но с обязательным указанием, кому принадлежит и в какой работе сделана классификация редакций, которой воспользовался автор описания. Например, указание на название летописи с отсылкой: А. Н. Насонов, работа такая-то, страница такая-то, или А. А. Шахматов, работа такая-то, страница такая-то. Если редакция памятника не соответствует сделанным научным классификациям, это тоже следует непременно отмечать, чтобы дать наводящий материал, наводящие указания для исследователя.

И затем, самое главное,— необходимо давать и начальные, и заключительные строки памятника. Это давно уже было принято в научных описаниях, но, к сожалению, часто сейчас игнорируется.

Инструкция для составления каталогов древнеславянских рукописей международной Текстологической комиссии[9] (это другая инструкция,— не по описанию фондов) предлагает помещать первые фразы сочинения и последние. Эта хорошая традиция не должна забываться потому, что это один из принципов, увеличивающих надежность определения памятника. Первые и последние строки очень важны для определения редакции. Кроме того, надо иметь в виду, что под одним названием иногда фигурируют совершенно разные памятники, так же как один и тот же па-

---

[8] Точность определений, данных измерений, хронологических отнесений и т. д. не должна превышать известных, каждый раз своих, пределов (ср.: *Д. П. Горский*, О соотношении точного и неточного в точных науках.— В сб.: «Логика и методология науки». М., 1967, стр. 106; *А. Н. Колмогоров*. Предисловие к кн.: А. Лебег. Об изменении величин. М., 1960).

[9] «Slavia», Praha, 1963, š. 2, s. 240—250.

inslav

мятник иногда фигурирует под несколькими названиями. Первые и последние строки памятника помогают читателю ориентироваться в том, какое перед ним произведение.

Эксплицит (последние строки, конец текста) необходим еще и тогда, когда памятник обрывается или имеет другое продолжение, скажем, в житии святых, где рукопись останавливается на описании какого-либо чуда. Помещение в описании инципита (начала текста) и эксплицита — это старая гарантия надежности, старый способ, от которого мы не должны отказываться.

Еще вопрос, на котором я хочу остановиться: не задерживая начала работы над научным описанием рукописей, надо было бы продолжать исследования по отдельным вопросам, которые насущно необходимы: по истории письма, по филиграноведению, усилить работы по определению редакции известных произведений. Изучение вопросов, необходимых для описания рукописей, должно быть доведено до такого состояния, чтобы описывающий имел возможность ссылаться не на свои впечатления, а на совершенно точные номера в справочниках. Справочник по почеркам отсутствует. Имеющиеся руководства по палеографии не дают возможности ссылаться на них для определения почерка. Должны быть составлены справочники для описывающих рукописи, руководства. Только тогда описание рукописей сможет быть строже формализовано. Можно будет делать ссылки на определенные руководства и альбомы, и это повысит коэффициент надежности сообщаемых сведений.

Прежде всего для научного изучения рукописей надо широко организовать изучение истории письма,— именно истории письма, а не палеографии вообще. В палеографию входят и сведения об истории письма, и сведения по истории орнамента, и филиграноведение, и сведения по истории языка. Это все разные специальности, и они не могут развиваться в недрах одной палеографии. Поэтому историю письма, эту важнейшую часть палеографии, надо выделить в самостоятельную дисциплину и не объединять с теми разделами палеографии, которые должны развиваться в недрах искусствоведения или языкознания.

История кирилловского письма за последнее десятилетие не изучается совершенно. Издаются учебники и руководства по палеографии, но глубоких исследований по истории письма не ведется. Думаю, что постановка этого изучения не под силу одному лицу. Это должно делаться учреждением: здесь нужны крупные мероприятия. История письма должна развиваться на основе массового фотографирования всех датированных, строго локализованных и именных, т. е. имеющих известных по имени писцов, рукописей. Это фотографирование должно производиться в натуральную величину рукописи и по возможности в цвете. Уменьшение или увеличение при фотографировании совершенно искажает представление о почерке и делает непригодными большинство альбомов и справочных таблиц по почеркам. Только на основе обширнейшей фототеки датированных и локализованных рукописей можно продвинуть вперед изучение истории письма. Каждая датированная и локализованная рукопись должна сниматься в нескольких экземплярах, чтобы можно было создать различные фототеки: по датам, в хронологическом порядке, по месту создания, по писцам, по скрипториям — в различных комбинациях.

В последнее время приходилось встречаться в описаниях с такого рода отметками по письму: «почерк первой четверти XV в.» или «почерк второй четверти XV в.» Такого рода «точность» ни на чем не основана, кроме впечатления, а впечатление может быть крайне ложное. Человеческая деятельность не ограничивается четвертью века, она может продолжаться полвека и больше, и за это время почерк не меняется. Почерк одного писца испытывает физиологические, а не палеографические изменения. Признаки старческого почерка тоже важны, но они датируют не рукопись, а только возраст писца. Неверно думать, что можно определить

inslav

почерк с точностью до четверти века, тем более что почерки меняются по-разному: в центре они могут меняться быстрее, а в провинции медленнее. Вдали от городов даже в XIX в. писали почерком XVIII в., особенно старики. Датирование почерков с точностью до четверти века не должно допускаться, пока не создана настоящая история письма. Задача истории письма заключается в том, чтобы создать такие же альбомы, какие созданы по филиграням, с нумерацией почерков, чтобы мы могли действовать при описании почерка не по впечатлению, а ссылаться на номер почерка, как мы ссылаемся на номер водяного знака.

Отмечу кстати, что в Югославии недавно вышла «История сербской кириллицы» П. Джорджича [10]. Джорджич не рассматривает орнамент рукописей, так как это должен делать искусствовед,— а занимается только историей письма, что, конечно, правильно. Но тем не менее альбом, приложенный к этому пособию (несколько сотен снимков), не может считаться составленным правильно, потому что там большинство почерков воспроизведено с уменьшением.

В изучении филиграней делается, конечно, гораздо больше, чем в изучении истории почерков, но и в этой области делается не все, что необходимо для научных описаний рукописей. Прежде всего необходимо дальнейшее изучение вопроса о залежности бумаги, т. е. о разрыве, который существует между датой выпуска бумаги и датой ее использования в различных местностях. Здесь должны быть собраны статистические сведения, и эти сведения должны быть сведены в таблицы, чтобы можно было на них ссылаться.

И затем — вопрос, который поднял уже упомянутый мною американский исследователь Д. К. Уо,— это создание сводного каталога филиграней. В научных описаниях мы имеем обычно много ссылок на альбомы филиграней. Но в чем недостаточность этих ссылок обычно? Мы не знаем, были ли доступны для описывающего все или только некоторые альбомы. Может быть, составитель описания не имел доступа к отдельным альбомам. Не во всех научных собраниях рукописей имеются все альбомы. Поэтому ссылки на филиграни должны иметь «ключ»: какие пособия были использованы составителем описания. Работа по розыску филиграней могла быть значительно упрощена, если бы мы воспользовались копировальной машиной, пропустили через нее все имеющиеся альбомы и расположили полученные оттиски в едином нужном порядке. Ссылки должны были бы, конечно, делаться на альбомы, а не на полученный в результате копировки свод, но розыск филиграней составителем научного описания рукописей был бы значительно облегчен. Свою полезную идею Д. К. Уо хочет осуществить сам и передать экземпляры составленного им свода в главные хранилища Советского Союза. Это было бы очень нужно, и мы были бы ему очень благодарны за ее осуществление.

В заключение я бы хотел сказать следующее. В настоящее время научный работник, создающий научное описание рукописи, имеет перед собой один документ: это своего рода анкета, на которую он должен давать ответы в определенном по этой анкете порядке. Я думаю, что этих документов в руках описывающего должно быть больше. Прежде всего анкета должна быть, но с более расчлененными вопросами, чем, как я уже говорил, это принято сейчас. Во-вторых, должна быть создана подробная инструкция — как на эти вопросы отвечать, даны формулы ответов. В-третьих, должны существовать руководства, созданные специалистами для описывающих рукописи.

В библиографии есть понятие ключа к библиографии. Библиография обесценивается, если к ней нет ключа. Ключ должен быть и к описаниям рукописей. Он должен быть такого рода: что знает описывающий; какая у него в руках справочная литература; на основании чего он делает

[10] *Петар Ђорђић.* Историја српске ћирилице. Београд, [1971].

inslav

определения — на основе собственного опыта, на основе случайно попавшихся материалов или на основе всей справочной литературы по данному вопросу. Научное описание — это такого рода работа, которая легко может быть сделана очень плохо и которая может быть даже вредна, потому что определить, что она сделана плохо, напротив, очень нелегко. Но она может быть такова, что ее можно представить в качестве кандидатской и даже докторской диссертации.

Кстати, настоящая научная работа по описанию рукописей иногда более сложна, более квалифицированна, более рекомендует описывающего как ученого, чем статьи, которые печатаются в наших сборниках, или работы, которые подаются в качестве кандидатских диссертаций. И может быть, следовало бы подумать, чтобы поставить перед ВАКом вопрос о разрешении допускать к защите хорошо сделанные научные описания рукописей. Добросовестная работа по описанию рукописей — это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации. Хорошие научные описания, при наличии достаточно надежных оппонентов, должны были бы представляться в качестве диссертаций, если, конечно, эти описания будут иметь введения с описанием истории фонда или введения, ставящие принципиальные вопросы, связанные с описанием фондов. Полное постатейное описание рукописей — серьезный научный труд, требующий своего признания как научного труда и детальной разработки своей методики. Это научная база, основание так называемых «базисных наук» в области исторической, лингвистической и литературоведческой [11].

---

[11] См. также *Д. Лихачев, С. Шмидт, Н. Покровский.* Уважение к древности.— «Правда», 14 августа 1973 г.

inslav

Л. П. Жуковская

РАБОТА НАД СВОДНЫМ КАТАЛОГОМ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИХ ОПИСАНИЯ

Каталог славяно-русских рукописей является составной частью общего Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, задуманного акад. М. Н. Тихомировым. Как известно, при его жизни был подготовлен только «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» [1]. Трудоемкую организационную работу по составлению Предварительного списка (далее — ПС) проводила научный сотрудник Археографической комиссии Н. Б. Шеламанова. Путем переписки с сотнями книгохранилищ, архивов и музеев самого разного подчинения было выявлено, что в 38 из них содержатся 1494 рукописные книги (или их фрагменты), датируемые от XI в. (если не X в., как, например, Саввина книга) до рубежа XIV—XV вв. Присланные в Археографическую комиссию краткие сведения об этих рукописях были систематизированы Н. Б. Шеламановой для ПС. В настоящее время ПС уже помогает ученым разных областей гуманитарных наук ориентироваться среди древних рукописных сокровищ, находящихся в разных городах от Вологды до Одессы и от Львова до Новосибирска. Отметим попутно, что уже после выхода в свет ПС выявилось, что славянские рукописи XIV в. есть даже в Казахстане.

Вместе с тем ПС обнажил изъяны в археографической работе в наших древлехранилищах. И до этого была ясна слабая компетентность хранителей в большинстве архивов и библиотек, имеющих небольшие собрания древних рукописей. Но после публикации ПС выяснилось, что даже в пяти крупнейших хранилищах (ГПБ, ГИМ, БАН, ГБЛ, ЦГАДА) нет единого подхода к датировке пергаменных рукописей: части одной и той же рукописи, хранящиеся в разных учреждениях, были датированы с расхождением до двух веков. Выявилось, что одни и те же памятники (произведения) письменности описываются иногда под разными названиями. Встречаются ошибки в определении языка или извода рукописи. В разной степени в хранилищах ведется текущая библиографическая работа. При составлении новых описаний содержание рукописей иногда указывается по старым картотекам или по заголовкам, имеющимся в рукописи, без внимательного ознакомления с действительным содержанием рукописи. С разной степенью детализации сообщались сведения о списках одних и тех же памятников письменности [2]. Но все же, несмотря на многие недочеты, ПС и в настоящем его виде служит великую службу отечественной науке. Он способствует и сохранности рукописей: до сих пор, хотя и редко, те или иные древние рукописи (особенно фрагменты) то «появляются», то «пропадают» из-за небрежного хранения в некоторых местных архивах и музеях.

ПС сейчас является единственной сводкой, в которой можно найти

---

[1] «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272.

[2] Подробнее об этом см.: *Л. П. Жуковская.* Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей.— «Вопросы языкознания», 1969, № 1; *она же.* Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР.— «Советское славяноведение», 1969, № 1.

inslav

сведения о древних рукописях в хранилищах СССР, в том числе: а) известных в археографической, филологической и исторической литературе под разными собственными названиями; б) которые были неоднократно перешифрованы в отдельных хранилищах (например, в Одесской научной библиотеке, в БАН, ГБЛ); в) переданных из одних хранилищ в другие (таковы, например, рукописи, находящиеся теперь в Третьяковской галерее).

Забегая несколько вперед, скажу, что и сейчас, после выхода в свет ПС, мы неоднократно сталкиваемся с употреблением самых разных собственных наименований рукописей и обозначением их шифров у ученых, составляющих по нашей просьбе методические указания[3] к описанию рукописей для Сводного каталога.

ПС позволил выявить и обозреть сокровища глаголической и кириллической письменности, находящиеся в нашей стране, обозреть состав наследия Древней Руси, а в какой-то мере и южнославянских стран, получить количественные, хронологические и отчасти территориальные характеристики как для единиц хранения[4], так и для многих памятников письменности[5]. ПС показал, что в нашей стране возможно провести огромную безвозмездную работу силами многих десятков специалистов, работающих вдали друг от друга; он показал способность Археографической комиссии организовать и возглавить эту работу.

Недочеты ПС, о которых говорилось выше, побудили председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта иначе строить работу по составлению ПС рукописей XV в. Если при составлении ПС рукописей до XIV в. в основу клались сведения, присылаемые из книгохранилищ, то для подготовляемого списка рукописей XV в. научный сотрудник Комиссии М. Б. Булгаков сам проверял датировки рукописей некоторых хранилищ[6]. Такая организация работы представляется правильной и своевременной. Приходится лишь пожалеть, что до сих пор ее ведет только один штатный работник Археографической комиссии.

С моей точки зрения, работу по составлению Сводного каталога следовало бы вести узкому кругу наиболее подготовленных и сработавшихся археографов разного профиля, подобному, например, коллективу ученых, созданному и подготовленному И. М. Кудрявцевым в процессе описания древних рукописей ГБЛ, или учеников Е. Э. Гранстрем, описывающих греческие рукописи. Только единство подхода к рукописям во всех хранилищах могло бы обеспечить адекватные данные и тем самым высокое качество Сводного каталога. К сожалению, это невозможно.

Славяно-русских рукописей очень много: 1500 рукописей до XV в. и примерно 3500 от XV в. Они находятся во многих десятках хранилищ. Как уже говорилось, крупные хранилища не имеют одинаковых традиций описания, в мелких — нет ни кадров, ни традиций.

За истекший период (с 1970 по 1972 г.) работа над славяно-русским выпуском проводилась следующим образом. Председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт и руководитель славяно-русского выпуска Сводного каталога Л. П. Жуковская в октябре 1970 г. обратились к руководителям библиотек, музеев, архивов, в которых имеются руко-

---

[3] «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. I. М., 1973 (ротапринт).

[4] См. написанную Н. Б. Шеламановой вводную статью к «Предварительному списку славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР».— «Археографический ежегодник за 1965 год», стр. 180—182.

[5] См. содержащийся в названной выше нашей статье «Указатель памятников древней славяно-русской письменности по нарицательным названиям их и по именам их авторов (или по другим именам собственным)».— «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 60—71.

[6] «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 392; «Советские архивы», 1972, № 4, стр. 59—64.

inslav

писные книги и их фрагменты, с просьбой запланировать на 1971—1973 гг.: 1) окончательное выявление в своих фондах славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога и рукописей XV в. для Предварительного списка, 2) углубленное описание: а) рукописей XI—XIV вв., не вошедших по каким-то причинам в ПС; б) сборников разного типа и содержания с развернутой характеристикой их содержания; в) отрывков, с раскрытием их содержания (поскольку раскрытия содержания сборников и отрывков в ПС нет).

Главной задачей при составлении будущего славяно-русского выпуска Сводного каталога является высококвалифицированное, идентичное описание рукописей при участии в работе многих десятков археографов. Дело это осложняется не только недостатком времени у работников хранилищ, но главное — недостатком квалифицированных кадров. Работники архивов, музеев и даже библиотек имеют разную подготовку, неодинаков и их опыт. Как правило, в небольших хранилищах они слабо владеют специальными науками, относящимися к отдельным сторонам археографической деятельности: датировке рукописей, определению характера письма, установлению территориальной и языковой принадлежности рукописи, квалификации миниатюр, орнамента и других украшений рукописи, определению содержания памятников, квалификации рукописей с древней нотацией и старыми акцентными знаками и т. д., и т. п. К тому же в разных хранилищах неодинаковы возможности для сопоставительного изучения рукописей, для получения консультаций у работников вузов и искусствоведческих учреждений. Неодинаковы даже возможности пользоваться разнообразными археографическими пособиями: палеографическими альбомами и исследованиями, альбомами филиграней, наиболее подробными описаниями прошлых лет (во многих нет классических описаний А. Х. Востокова, А. В. Горского и К. И. Невоструева и др.). Как правило, в хранилищах, имеющих слабые археографические кадры и плохие описания фондов, положение хуже, чем в хранилищах, имеющих длительные собственные традиции в изучении и описании древних рукописей. Работники архивов очень слабо подготовлены по истории русского языка и древнерусской литературе, а о литературе христианской, которая хорошо сохранилась в славяно-русских рукописях XI—XIV вв., имеют самые превратные представления.

Осложняет дело также слабая текстологическая изученность многих памятников письменности, дошедших иногда в довольно большом числе списков.

Наверстать упущенное за десятилетия в изучении памятников письменности не удастся за короткое время. Нужны десятки монографий, которые при современном разделении наук создавались бы лингвистами, историками, литературоведами и искусствоведами, не замыкающимися в рамках своих наук.

Однако поднять общий уровень археографической подготовки работников хранилищ, в которых имеются рукописи до XVI в., все-таки, видимо, можно. Попытки в этом направлении необходимы.

Как известно, основные сотрудники рукописных отделов БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ благодаря многолетней археографической работе становятся всесторонне образованными в области изучения древностей и наук гуманитарного цикла. Они могут организовать помощь не имеющим опыта и подготовки работникам небольших хранилищ и определить пути к повышению научной ценности будущего Сводного каталога славяно-русских рукописей.

В феврале 1971 г. в БАН состоялось совещание по подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв., созванное Археографической комиссией и БАН. В совещании приняли участие занимающиеся изучением древнего рукописного наследия с позиций своих наук и областей культуры лингвисты, литературоведы, историки, искусствоведы и музыковеды.

inslav

Для того чтобы совещание прошло в максимально деловой обстановке, Археографической комиссией к нему были заранее подготовлены разнообразные материалы для обсуждения, концентрированно обобщавшие практику археографической работы крупнейших книгохранилищ: таблицы, отражающие состав и последовательность элементов описания, последовательность элементов в наименованиях памятников письменности безымянных и имеющих действительного или гипотетического автора, практику книгохранилищ в показе даты рукописей, описании филиграней, обозначении формата и размера рукописей, количества листов, сохранности текста, передачи шифров, определении типов письма и количества писцов, указаний на писчий материал, сведений о переплетах, описании украшений, приведении записей и библиографии рукописей. При составлении и редактировании этих таблиц отчетливо выявилось, что в описаниях, составлявшихся в основных древлехранилищах СССР, нет единства. Выяснилось также, что нет особенно серьезных оснований для того, чтобы какую-то практику предпочесть иной.

Особо был предложен проект списка названий древних памятников с рекомендуемыми названиями и с названиями, встречающимися, но не рекомендуемыми. В подготовке его принял активное участие Н. Б. Тихомиров — главный библиотекарь Отдела рукописей ГБЛ.

Совещание активно обсуждало как задачи и принципы составления Каталога, так и составные элементы описания рукописей и их последовательность. Принявший участие в совещании акад. Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что ошибки или пропуски в Каталоге могут закрыть рукопись для будущих исследователей, а это более опасно, чем отсутствие Каталога. Он предложил ввести «знак сомнения» для не вполне ясных случаев при разных элементах описания. Вместе с тем Д. С. Лихачев выразил уверенность, что работа над составлением Сводного каталога явится «лучшим университетом» для специалистов по изучению рукописей.

И вот «университет» начал понемногу развертываться.

Главным и направляющим всю дальнейшую работу было решение о необходимости составления квалифицированными кадрами ученых, работающих в книгохранилищах и других научных учреждениях, методических указаний по описанию рукописей. При этом основное внимание уделялось наиболее трудным для архивистов элементам археографического описания (украшения, язык, музыкальные и акцентные знаки), а также отдельным особенностям описаний памятников письменности, сохранившихся у нас в списках до XVI в. Методические указания должны быть рассчитаны не только на специалиста, а прежде всего на книгохранителя, работающего в рядовом архиве или библиотеке. Они будут содержать установки к определению памятников письменности как по их фрагментам, так и, при отсутствии самоназвания, в больших, хорошо сохранившихся рукописях и даже для проверки сведений, заключенных в самоназваниях и заголовках частей той или иной рукописи. Типичная последовательность составных частей того или иного памятника, типичные киноварные заголовки, киноварные включения, типичные сокращения и т. п. помогут описателям в хранилищах ориентироваться в случаях, когда для ПС они писали только «богослужебный» и даже «религиозный текст» или «отрывок».

Однако в конце мая 1972 г. на семинаре в ГБЛ, проводимом для заведующих отделами редких книг и рукописей республиканских и областных библиотек по разным вопросам библиотечной работы, выяснилось, что работники этих библиотек подчас не могут отличить пергамен от бумаги; некоторым работникам неясно даже, как обмерить сантиметровой линейкой лист пергамена или бумаги. Поэтому в дальнейшем, видимо, придется расширить проблематику методических указаний по сравнению с тем, как это предполагалось осуществить ранее. Возможно, придется

inslav

не только в будущей инструкции, но и в методических указаниях дать рекомендации по описанию каждого элемента структуры каталога.

В связи с этим несколько слов о самом каталоге: Сводный каталог славяно-русских рукописей XI—XIV вв. будет представлять собой общий для всех книгохранилищ и фондов краткий каталог, построенный по хронологически-алфавитному принципу, как и Предварительный список, опубликованный в «Археографическом ежегоднике за 1965 год».

Каталог будет содержать следующие элементы описания: название рукописи, дата (и филиграни), место хранения (учреждение), шифр собрания и номер рукописи; старые шифры и элементы истории рукописи; отсылка к частям рукописи, находящимся в других хранилищах; язык (извод, правописание); материал письма (пергамен, бумага; палимпсест); количество листов; формат, размеры листа в см; столбцы, строки; сохранность рукописного текста памятника (указание на утраты в начале, конце, середине рукописной книги, на содержание отрывка); сохранность самих листов и письма; письмо; акцентные знаки, нотные знаки; почерки (суммарно); художественные украшения (орнамент, миниатюры, инициалы); переплет (наличие, время); записи (наличие, характер: датирующая, владельческая, вкладная и т. п.); библиография (публикации, описания по принципу их полноты, монографии и статьи о рукописи; может быть, основные исследования о памятнике); история рукописи.

После совещания в Ленинграде (февраль 1971 г.) в работу по составлению методических указаний включились специалисты разных гуманитарных наук: лингвисты, литературоведы, историки, искусствоведы и музыковед М. В. Бражников — доктора и кандидаты наук, сотрудники академических институтов, университетов, библиотек, консерваторий.

В настоящее время готовится первый выпуск «Методического пособия» [7]. В нем будут представлены статьи по общим разделам гуманитарных наук, которые так или иначе должны использоваться в составляющемся каталоге, и методические указания к описанию разных типов памятников.

При отборе материалов для «Методического пособия» мы считаем возможным включать не только сведения, актуальные для имеющихся в нашей стране древнерусских и южнославянских рукописей XI—XV вв., но частично и более поздних, так как в помощи нуждаются работники многих книгохранилищ, не имеющих древних пергаменных рукописей, но имеющих рукописи XV—XVI вв. Лучшими из присланных для «Методического пособия» статьями оказываются те, авторы которых одновременно работники архивохранилищ и исследователи определенного памятника письменности, а также статьи тех ученых из университетов и институтов Академии наук СССР, которые свои исследования основывали именно на древних рукописных источниках, а не на их изданиях.

При отборе статей для «Методического пособия» мы широко практикуем рецензирование их специалистами, в том числе непременно работниками книгохранилищ.

Работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописей, таким образом, идет пока по линии методических рекомендаций составителям, по линии «университета» для составителей и нас — руководителей.

---

[7] См. сн. 3.

inslav

А. Д. Люблинская

О СОСТАВЛЕНИИ СВОДНОГО КАТАЛОГА РУКОПИСЕЙ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА, ХРАНЯЩИХСЯ В СССР

При составлении Сводного каталога латинских рукописей в СССР встали немалые трудности. В первую очередь они связаны с обилием материала, его разбросанностью и недостатком квалифицированных специалистов. Немалую роль играет также состояние мирового фонда латинских рукописей и степень его обработки.

В плане соотношения количества рукописей и палеографов латинисты могут позавидовать своим коллегам-византинистам (не говоря уже о русистах). В среде византинистов насчитывается сейчас около 10 молодых специалистов, которые работают или могли бы работать в наших архивах, книгохранилищах и научных учреждениях. А ведь речь идет об одной лишь средневековой стране — Византии (и Греции XVI—XVIII вв.) и об одном языке! Между тем наши латинские фонды охватывают все страны Европы и фактически все европейские языки плюс латинский, который до XIV в. превалирует в рукописях. Эти собрания — всемирно известные, огромные по количеству и великолепные по ценности — находятся преимущественно в Ленинграде и в Москве. Специалистов же можно перечислить на пальцах одной руки. В Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде Л. И. Киселева описывает замечательную и доселе малоизвестную коллекцию рукописей латинского алфавита. Ленинградское отделение Института истории СССР обладает большим фондом латинских рукописей и грамот; над их каталогизацией там работает тоже лишь один сотрудник — А. М. Кононенко. В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина есть два высококвалифицированных специалиста-медиевиста, давно работающих в этой области: Т. П. Воронова и Е. В. Бернадская, в Москве — два молодых исследователя-палеографа — В. Н. Малов и В. Л. Романова. К сожалению, мне самой удается заниматься этими вопросами лишь в малой степени.

Самое большое наше собрание и, конечно, самое интересное и ценное находится в Публичной библиотеке. Однако упомянутые высококвалифицированные специалисты уже в течение трех лет работают над ними очень мало и еще по крайней мере 7 или 8 лет будут заняты другим делом, в высшей степени интересным и нужным. Это — составляющийся у нас и печатающийся в ГДР полный корпус маргиналий Вольтера на книгах его библиотеки. Но к латинским рукописям и к нашему Сводному каталогу Вольтер никакого отношения не имеет. Кроме этих двух сотрудников, Публичная библиотека пока что не может выделить из своего состава более чем в тысячу человек хотя бы одного специалиста для Рукописного отдела по латинским рукописям.

Для составления Сводного каталога латинских рукописей требуется также особый порядок работ. Археографическая комиссия составила предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР, отчасти на общественных началах: на местах так или иначе выявлялись и описывались рукописи или сообщалось о их наличии. А кто у нас в периферийной университетской библиотеке мог бы

inslav

сказать что-либо, кроме того, что есть рукописи латинского алфавита? Таким образом, составление даже предварительного учетного списка латинских рукописей трудно и связано с большими расходами, так как зачастую приходится командировать на места квалифицированного работника. За последние три года мы смогли сделать только описания латинских рукописей в Матенадаране (Ереван) и в университетской библиотеке Вильнюса, потому что имели предварительные сведения.

Нет нужды особо подчеркивать тот факт, что наши латинские рукописи являются частью огромного мирового фонда. С этим связаны многие обстоятельства и опять-таки немалые трудности.

Еще до войны, в конце 30-х годов, количество рукописей (не рукописей плюс грамот и пр., а именно рукописных книг) было определено примерно в 1 миллион, причем кончалась датировка этого фонда XV веком. Надо учесть, что если все сохранившиеся рукописи и фрагменты до VIII в. включительно составляют около 1800 номеров и каталог имеется (прекрасный каталог Лоу, охватывающий библиотеки всего мира), то каталог рукописей IX в. не может выйти в свет, хотя первоначально предполагавшаяся цифра — 5 тысяч рукописей — давно уже превзойдена. Автор (проф. Б. Бишоф) пока не кончил составление каталога, потому что обнаруживается все больше рукописей, которые теперь на основании своего опыта он имеет возможность датировать IX веком. Рукописей же с X до XV вв. великое множество, и чрезвычайно трудно организовать их полный сводный каталог. Они разбросаны по хранилищам и университетским библиотекам всего мира — латинские рукописи до XVI в. имеются, например, даже в Новозеландском университете, в австралийских университетах, почти во всех университетах Латинской Америки. Порой они обнаруживаются в самых непредвиденных, казалось бы, учреждениях. Эти фонды, рассеянные по всему миру, организованы и обработаны поразному. Хотелось бы подчеркнуть, что следует учесть все предпринятое по части унификации их описания и т. д. Однако сохраняется положение, которое было и в начале XX в.: страна-хранительница определила себе характер описания, и сложившиеся традиции являются своего рода непреходящими ценностями.

Размеры отдельных фондов и их та или иная специфика, большие материальные затраты по составлению каталогов на современном уровне науки и особенно по их печатанию — все эти обстоятельства приводят к тому, что (кроме каталогов на рукописи раннего средневековья) не получается ничего «международного», «всемирного». Получаются своего рода «национальные» описания, несмотря на то что нет таких стран, где бы хранились только свои собственные, родные «по крови» рукописи, ибо везде есть значительная часть «эмигрантов», давно или недавно получивших права гражданства. Таким образом, и наш Сводный каталог латинских рукописей явится таким «национальным» изданием. Лишь сумма подобных каталогов может в настоящее время отразить в той или иной мере мировой фонд.

Причастность наших собраний к этому мировому фонду ставит ряд вопросов методического порядка. Требования акад. Д. С. Лихачева относительно надежности данных в составе описания рукописей следует принять с величайшим сочувствием, ибо каждая из этих проблем действительно является важнейшей в нашей работе. Более того, ведь это не только наша работа как палеографов, но и работа над теми элементами, из которых затем строится в разных комбинациях, при разном использовании, для разных целей множество исследовательских работ других ученых. Иными словами, мы не просто делаем нашу собственную работу, но мы, в гораздо большей степени, чем филологи и историки другого профиля, даем возможность на наших исследованиях строить многие другие. Поэтому вопросы о комплексных исследованиях, о надежности каждого определения, каждой цифры представляют первостепен-

inslav

ный интерес. В сущности это основание всей работы палеографа-каталогизатора.

Именно в связи с этими положениями следует сказать об опыте, который имеется в зарубежной латинской палеографии. Так или иначе, к этому опыту нужно присмотреться.

Каталоги и описания, о которых уже была речь [1], во многом отличаются друг от друга. Вопрос лишь в том — существенны или несущественны эти отличия? Как правило, они несущественны. Палеографы, историки, филологи и другие специалисты очень быстро ориентируются в описаниях независимо от того, где указаны дата и место возникновения рукописи, где помещены инципит и эксплицит и т. д. Традиции и преемственность в описаниях важны еще и потому, что они позволяют сохранять в научном обороте прежние каталоги, ценность которых, если они составлены хорошо, велика. Они составляют органическое целое с тем, что делается сейчас в науке.

Надежность сведений — вопрос кардинальный. Кирпич, который мы делаем, послужит для возведения многих построек. Как сделать, чтобы эти кирпичи были высококачественными по своим свойствам? Как добиться, чтобы работа была равноценной работе И. А. Бычкова, который за 50 лет работы в Отделе рукописей Публичной библиотеки составил массу описаний, где трудно найти дефекты? Его кирпичи безукоризненны.

Но при этом смущают некоторые обстоятельства. Любой палеограф, сотрудник библиотеки или архива, есть дитя своего времени. Он стоит на уровне своей науки и соответственно рукописям любого типа задает вопросы, которые определяются этим уровнем. Нынешние крайне быстрые темпы развития не только научно-технической революции, но и гуманитарных наук изменяют и этот уровень. Требования должны меняться через какие-то сроки, и хорошо, если они изменяются, потому что это показатель жизненности нашей науки палеографии. Поэтому очень сложен вопрос о формализации сведений. Возьмем номенклатуру письма. Дело сейчас дошло до того, что в зарубежных каталогах, стоящих на высоком уровне современной латинской палеографии, авторы сознательно отказываются от краткого наименования типа письма; при этом они зачеркивают чуть ли не самую важную часть своей науки, потому что как раз современный уровень, достигнутый в истории письма, не позволяет дать определение письма в достаточно надежной и, главное, общепринятой форме. Поэтому палеографы не ограничиваются подробным словесным описанием (поскольку это описание не лишено субъективности), а отсылают к фотографическим снимкам, сделанным обязательно в размере оригинала: смотрите и проверяйте, так ли мы описали тип письма. Как его определите вы? Это зависит от того, какую концепцию истории латинского письма вы принимаете. А таких концепций несколько, ибо история письма еще не разработана достаточно отчетливо и достаточно убедительно, и это не позволяет употреблять формализованные сведения, т. е. какой-либо единый общепринятый термин. Можно было бы поставить один термин, но тогда обязательно в скобках или рядом нужны второй, третий — в зависимости от того, как вы определяете с вашей точки зрения то или другое письмо и как его определяют другие. А ведь определение письма — один из важнейших элементов описания.

Как же нам составлять Сводный каталог латинских рукописей? Как это делать при наших кадрах, при наших фондах и при задачах, которые перед нами стоят? Хорошо, когда речь идет о сравнительно небольших коллекциях, но все очень усложняется для фондов Публичной библиотеки.

---

[1] *Л. И. Киселева* и *А. Д. Люблинская*. О современном состоянии зарубежной латинской палеографии.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. III. Л., 1970, стр. 324—325.

inslav

Во-первых, нужно комплексное изучение рукописных фондов. А у нас до сих пор нет не только истории собрания Дубровского, нет даже элементарного его каталога. Есть старый инвентарь, который он сам составил и который уже тогда не отражал истинного положения вещей. При таком условии история любой рукописи из его коллекции всегда будет иметь неизвестные стороны. Эта история может быть раскрыта, когда мы будем знать не только, каким образом рукопись попала к Дубровскому (это можно установить более или менее точно), но и каким путем она была приобщена в свое время к тому или иному большому собранию, из которого затем выпала. Ведь к нам она попала уже в изолированном состоянии. Почти все наши рукописи прибыли в Россию в конце XVIII — начале XIX в., когда Французская революция и наполеоновские войны сыграли немалую роль в распылении многих ценных собраний (остальные более поздние коллекции случайны и не столь многочисленны). Поэтому каждую нашу рукопись нужно обязательно изучить так, чтобы можно было найти ее «сестер». Она будет лучше изучена, если будет определена ее «семья», т. е. тот состав собрания, где она была написана или сохранена до прибытия в Россию.

Однако зачастую сделать это очень трудно, настолько трудно, что по ряду вопросов, вероятно, не придется рассчитывать на какой-то твердый и формализованный результат. Разумеется, сопоставление с каталогами и факсимиле зарубежных собраний необходимо, и в некоторых случаях они подскажут верное решение. Но трудно надеяться на то, что эта помощь будет оказана достаточно часто. Еще не раз придется прибегать к натренированному глазу и особенно — к таланту палеографа. Он не совпадает с другими талантами и заключается, на мой взгляд, в первую очередь в умении схватить глазом графические формы, а затем «заложить в память» огромное их количество. Когда искусствовед смотрит на какую-то картину, у него происходит бурный процесс воспоминания об аналогичных композициях, красках, фонах и т. д. У палеографа при этом мелькают сотни им описанных или виденных, осознанных и полуосознанных комбинаций. Если он ставит какой-то термин, дату и т. п., то зачастую именно на основании этих комбинаторных способностей. И пока не будет у нас достаточного ассортимента строго формализованных данных, придется мириться с тем, что такой глаз остается достаточно важным орудием.

Относительно надежности сведений и относительно степени точности: в сущности автор в конце описания рукописи ставит свою расписку в том, что́ именно он сам знает и чего не знает. Сложная и, можно сказать, деликатная операция. Возьмем, например, историка, автора кандидатской диссертации, который в конце диссертации написал бы: «Из тех выводов, которые я здесь представил, за первый и второй я ручаюсь, третий и четвертый приблизительны, а что касается остальных пяти или шести, я могу их предложить только в гипотетическом порядке». Как на такой защите будут голосовать члены ученого совета? Не исключено, что в итоге будет довольно сомнительное голосование.

А между тем работа, вложенная в описание рукописей, действительно эквивалентна серьезным исследованиям. Можно и нужно присуждать кандидатские и даже докторские ученые степени за такие работы, что и делается. При этом акад. Д. С. Лихачев считает нужным требовать указания степени точности, т. е. от описателя требуется, чтобы он прямо сказал — что́ он знает и что́ использовал для того, чтобы так определить. Однако надо представить себе психическое состояние человека, который какое-то время изучал рукопись, а затем написал: «В этом я уверен, а в этом не уверен». Это идеальный метод решения очень сложного вопроса, но как воспитать в себе и в других такую высокую форму требовательности? Как велико будет искушение что-то немного добавить, особенно если это сопровождается «внутренней» уверенностью! А как поставить свою подпись под такого рода уверенностью, когда каталогизатор,

inslav

имея перед собой прежние описания рукописи, сделанные специалистами (иногда несколькими), оказался под их влиянием? Ведь они в свое время тоже сделали все возможное, чтобы быть уверенными.

Смущает и то, что можно изложить (в виде подробной аннотации) такие соображения: обоснованность даты базируется не только на таких-то данных, но и на таких-то, локализация определена и история рукописи дана на основании таких-то фактов и т. д. Но и дата, и история рукописи, и даже ее текст — это еще далеко не все. Возьмите такой случай: в рукописи имеются три миниатюры, а остальные 55 мест, приготовленных для миниатюр, остались пустыми. В этой же рукописи, несмотря на великолепное оформление, много срезанных листов, масса глосс XI—XVIII вв. Кто ее обрезал, почему миниатюры остались не сделанными? Какие события вырвали ее из научного оборота на 300 лет? Можно дать лишь предположения, под которые сейчас трудно подвести твердые обоснования. Однако если такое описание сопоставить с данными о других рукописях, тоже написанных во Франции примерно в том же городе и в то же время, то не исключено, что наша рукопись окажется как бы вставленной в то место, которое она когда-то занимала. После этого ее описание получит бо́льшую степень надежности, еще больше выиграет.

К сожалению, то, что можно сделать в нашей стране по отношению к нашим родным рукописям, зачастую нельзя или очень трудно сделать в отношении рукописей, которые оказались у нас как бы натурализованными пришельцами.

Недавно на методическом совете Отдела рукописей Библиотеки АН СССР обсуждались принципы описания латинских рукописей Л. И. Киселевой и греческих рукописей И. Н. Лебедевой. После детального обсуждения все же остался ряд сомнительных вопросов, ответить на которые мы в нашем положении (т. е. будучи оторванными от зарубежных фондов) сможем далеко не во всех случаях.

Первые выпуски каталога латинских рукописей, подготовляемые ныне в хранилищах Ленинграда, явятся в какой-то мере пробным камнем. Эта работа совершенно необходима. На нас лежит важный долг: имея большие и ценные коллекции, мы являемся их хранителями и должны ввести их в научный оборот на современном уровне науки. Как правило, к каталогам рукописей всегда бывает много претензий, их не избежать и к ним надо быть готовыми. Наша задача заключается в том, чтобы свести претензии и, следовательно, недочеты к возможному в наших условиях минимуму.

inslav

Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева, Б. Л. Фонкич

ПЕРСПЕКТИВЫ ОПИСАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ СОВЕТСКИХ ХРАНИЛИЩ

В рукописных собраниях СССР хранится более двух с половиной тысяч греческих рукописей IV — начала XX в. От общего числа сохранившихся греческих рукописей (не менее 55 тысяч) фонды отечественных собраний составляют небольшую часть — около 5%. Однако качественная характеристика многих наших отдельных кодексов и целых коллекций позволяет поставить советскую часть мирового греческого фонда в один ряд с собраниями Ватикана, Парижа, Оксфорда, Афонских монастырей.

Греческие рукописи СССР распределяются следующим образом [1]. В наиболее крупных хранилищах Ленинграда находится 1360 рукописей: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) — 1026 ед. хр., Библиотека Академии наук СССР (БАН) — 289 ед. хр., Научная библиотека им. М. Горького Ленинградского государственного университета — 24 ед. хр., Ленинградское отделение Института истории СССР (ЛОИИ СССР) — 21 ед. хр. После Ленинграда нужно назвать Москву, где в Государственном историческом музее (ГИМ) — 551 ед. хр., в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) — 343 ед. хр., в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) — не менее 30 ед. хр. и т. д. Значительные собрания греческих рукописей имеются также в Киеве (Центральная научная библиотека АН УССР — не менее 125 ед. хр.), Ереване (Матенадаран — 78 ед. хр.), Одессе (Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького — 35 ед. хр., Историко-краеведческий музей — 1 ед. хр.), Тбилиси (Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе — около 30 ед. хр.) и Харькове (Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета — 24 ед. хр.). Кроме того, в целом ряде городов находятся отдельные греческие рукописи или небольшие собрания.

Греческие рукописи наиболее крупных хранилищ — таких, как ГПБ и ГИМ — известны уже давно и постоянно привлекают к себе внимание ученых. Рукописи этих хранилищ и описывались чаще и полнее, чем рукописи других собраний. Достаточно упомянуть для Синодального собрания ГИМ — каталоги Х.-Ф. Маттеи и архимандрита Владимира, а при обращении к фондам ГПБ — имена А. И. Пападопуло-Керамевса, Г. Ф. Церетели, В. К. Ернштедта, В. Н. Бенешевича. Работами этих исследователей по описанию московских и ленинградских рукописей специалисты пользуются еще и теперь. Однако прежние каталоги и описания (печатные, а в значительной части — и рукописные) не могут в наши дни считаться удовлетворительными с точки зрения полноты и особенно точности описания отдельного манускрипта, отождествления текста и т. п. Нужны новые каталоги, которые бы могли не просто уточнить и дополнить прежние работы, охватить большее количество рукописей, но которые были бы составлены на основе предварительного исследования как отдельных единиц хранения, так и целых рукописных фондов.

В порядке проведения работ по учету и описанию греческих рукописей СССР нами было предпринято обследование большинства советских

[1] Приводим здесь сведения лишь по основным хранилищам; подробнее см.: *Б. Л. Фонкич.* Греческие рукописи советских хранилищ (печатается в ГДР).

inslav

хранилищ греческих манускриптов с целью получения наиболее полных сведений о количественном составе наших собраний и степени их каталогизации. Вывод, к которому мы пришли в результате этой работы,— следующий. Из всех старых описаний греческих рукописей самым удовлетворительным нужно признать каталог рукописей Синодальной библиотеки архимандрита Владимира: он нуждается в основном лишь в проверке точности отдельных описаний и в дополнениях. Все же остальные каталоги, хотя и будут служить основой при составлении новых описаний, тем не менее должны подвергнуться полной переработке. Часть собраний, не имеющая подробных каталогов (кроме инвентарных описей и карточек), должна быть также описана заново.

В настоящее время мы имеем лишь два новых каталога греческих рукописей: 1) «Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ» Е. Э. Гранстрем [2], включающий в себя описание всех греческих рукописей Ленинграда IV — середины XV в.; в каталоге описаны 634 рукописи византийского периода, причем около 250 рукописей описаны впервые (к сожалению, каталог существует лишь в виде отдельных выпусков, печатавшихся на протяжении многих лет в «Византийском временнике»; это очень затрудняет пользование каталогом и побуждает поставить вопрос о его переиздании — с соответствующими изменениями и дополнениями — в виде отдельной книги); 2) «Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 5 «Греческие рукописи». Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1973; в каталоге содержится описание 289 греческих рукописей V — начала XX в.

Имеются также описания греческих рукописей университетских библиотек Ленинграда и Москвы, которые должны быть, однако, теперь дополнены, так как в обоих этих хранилищах обнаружены греческие рукописи, не учтенные в прежних каталогах.

Итак, необходимо описать: не менее 500 греческих рукописей второй половины XV — начала XX в. ГПБ; проверить и уточнить описание Синодального собрания ГИМ (511 ед. хр.), а также заново описать 40 рукописей других (кроме Синодального собрания) коллекций Исторического музея; 343 ед. хр. ГБЛ (на основе старых описаний коллекций В. И. Григоровича и П. И. Севастьянова, составленных А. Е. Викторовым, а также машинописного каталога всех греческих рукописей ГБЛ, составленного в 1946 г. А. П. Кажданом); не менее 125 ед. хр. Киева (частично описанных Н. И. Петровым и А. Лебедевым); 78 ед. хр. Матенадарана; 36 рукописей Одессы; не менее 30 ед. хр. ЦГАДА; около 30 ед. хр. Тбилиси (на основе краткого описания Е. Э. Гранстрем); 24 ед. хр. Харькова; 21 ед. хр. Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. К этому числу необходимо присоединить подлежащие описанию рукописи всех малых собраний.

В настоящее время готовится к печати описание греческих рукописей Одессы и 8 полных рукописей Матенадарана. В ближайшее время будет завершена каталогизация 40 не входящих в Синодальное собрание рукописей ГИМ, закончено описание рукописей ЛГУ, ЦГАДА, МГУ, Матенадарана и Харькова. Начата работа по описанию рукописей Киева и ГБЛ в Москве (однако эта работа ведется очень медленно и может быть завершена лишь через несколько лет). В недалеком будущем планируется провести описание рукописей ЛОИИ СССР и Тбилиси. Помимо составления каталогов отдельных коллекций, советские исследователи греческих рукописей должны принять участие в большом международном «Каталоге греческих рукописей Иоанна Златоуста» и по принятому в этом труде принципу дать подробное описание многочисленных златоустовских списков в хранилищах СССР.

---

[2] «Византийский временник», т. 16 (1959), 18 (1961), 19 (1961), 23 (1963), 24 (1964), 25 (1964), 27 (1967), 28 (1968), 31 (1971), 32 (1971).

inslav

Как видно из сжатого обзора, в недалеком будущем предстоит провести большую работу по описанию и исследованию греческих рукописей СССР. Эта работа может планироваться потому, что мы располагаем в настоящее время достаточным количеством специалистов по греческой палеографии, способных справиться с такой задачей и осуществить публикацию полноценных каталогов. Однако именно здесь и именно теперь следует особо подчеркнуть, что почти все наши исследователи греческих рукописей — в силу разных обстоятельств — заняты сейчас работой, непосредственно мало связанной с исследованием и описанием наших собраний. Нам кажется, что было бы целесообразно объединить усилия специалистов по греческой палеографии для полного описания греческих рукописных фондов советских хранилищ.

inslav

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

Открывая заседание, *С. О. Шмидт* напомнил о том, что «Тихомировские чтения» стали традиционными. Их тематика, кроме вопросов научного наследия и деятельности академика М. Н. Тихомирова, охватывает широкий круг проблем археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин.

С. О. Шмидт отметил, что для дальнейшего развития этих областей науки большое значение имеет доклад академика Д. С. Лихачева на заседании Президиума АН СССР (23 сентября 1971 г.) «Новые открытия памятников русской письменности и литературы». В постановлении Президиума АН СССР по докладу было указано на необходимость планомерной организации сбора, научного описания и упорядочения хранения рукописей, а также выпуска специального ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия».

Благодаря энергичному содействию академика-секретаря Отделения истории АН СССР ныне покойного В. М. Хвостова было вынесено специальное решение Президиума АН СССР, которым Археографической комиссии вменяется в обязанность обеспечить координирование, перспективное планирование, разработку научных вопросов по описанию памятников древней письменности, организацию археографических экспедиций, помощь архивохранилищам в деле описания древних рукописей. Для осуществления этих ответственных заданий решением была обеспечена возможность пополнения кадров научных сотрудников Археографической комиссии. В. М. Хвостов в докладе «XXIV съезд КПСС и задачи советской исторической науки» на координационном совещании историков (10 ноября 1971 г.), констатировав, что состояние кадров в некоторых областях исторической науки далее нетерпимо, призвал «взять курс на пополнение вымирающих специальностей», включая специальные исторические дисциплины.

Бюро Археографической комиссии разработало программу мероприятий по выполнению этого решения. Можно надеяться, что сегодняшнее заседание будет способствовать ее реализации.

В заключение С. О. Шмидт указал на то, что приближение знаменательной даты — 50-летия образования СССР, должно еще раз напомнить об огромной ответственности ученых по сохранению, изучению и введению в научный оборот документальных материалов всех народов нашей многонациональной страны. Задача эта поставлена перед учеными Партией и Правительством. Основатель и первый председатель Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров постоянно заботился о реализации этой задачи.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств Министерства культуры СССР) отметила необходимость включения в описания рукописей хотя бы кратких сведений об орнаментальных заставках, инициалах, миниатюрах — важных не только для датировки, но и для характеристики типов рукописей; наиболее полного описания рукописей домонгольского периода; публикации в специальных изданиях исследований, написанных в связи с подготовкой Сводного каталога, а также таких монографических работ, как диссертации Е. Э. Гранстрем, Л. М. Костюхиной и других авторов. Не менее важно расширить исследования по истории рукописных собраний (средневековых, собирателей XVIII—XIX вв., создававшихся в первые годы Советской власти); создать альбомы почерков, орнаментов, всех надписей на рукописях.

Д. К. Уо (Гарвард, США) полагает, что при изучении и описании славянских рукописей данные филиграней во многом еще не использованы. Пример изучения рукописей на Западе показывает огромные возможности этих данных для определения не только дат, но и мест написания рукописей. Сведения о филигранях целесообразно давать как в начале описания, так и при изложении содержания рукописей; наряду с известными по альбомам, отмечать вновь обнаруженные филиграни, указывать места, где с изменением почерков меняется и бумага; прилагать кальки филиграней; стремиться изучать и описывать рукописи до их реставрации, ибо часто филиграни исчезают в новом переплете. При большом значении альбомов филиграней они быстро устаревают. Поэтому, может быть, целесообразнее составить каталог (в копиях для всех хранилищ), с тем чтобы его постоянно допол-

inslav

нять и по мере надобности систематизировать эти данные. В заключение Д. К. Уо обратил внимание на важность анализа филиграней (наряду с другими данными) для выявления фрагментов одной и той же рукописи, хранящихся в разных хранилищах; для изучения вопроса о времени и характере использования бумаги в той или иной стране в целом, а также в центрах письменности, например монастырях.

М. В. Кукушкина (ОР БАН) рассказала о работе Отдела по описанию рукописей; о том, что, предваряя их научное описание, созданы охранные описи на каждое собрание, исторический очерк и обзор фондов Отдела в целом. Рукописи описываются не по коллекциям, а в систематическом порядке, ибо существует традиция, с которой нельзя не считаться. Ведется работа по описанию пергаменных рукописей, исторических сочинений, литературных произведений. В пятилетнем плане — три тома описания иностранных рукописей (научный руководитель и редактор А. Д. Люблинская). Существуют сложные проблемы, связанные с принципами описания; не все удается описать так, как предложил Д. С. Лихачев, в частности раскрыть содержание и славянских, и иностранных рукописей (в этих случаях приходится давать начальные слова и пояснительный комментарий, хотя бы в виде пересказа текста). М. В. Кукушкина считает, что полная библиография просмотренных изданий, увеличив листаж, удлинив сроки подготовки описаний, не даст в то же время исследователям уверенности в отсутствии пропусков и ошибок.

О. А. Князевская (Археографическая комиссия) отметила, что при всем одобрении высоких требований к Сводному каталогу, выдвинутых Д. С. Лихачевым, возникает сомнение, смогут ли их выполнить работники ряда периферийных хранилищ. В частности, весьма сложен вопрос определения извода рукописей, особенно рукописей смешанного извода. Здесь требуются специальные исследования с учетом истории текста, без чего возможны различные суждения об изводе конкретных рукописей.

Л. В. Тиганова (ОР ГБЛ) отметила, что научное описание 80 тысяч рукописей при небольшом штате сотрудников Отдела потребует длительного срока. Поэтому пришлось отказаться от него и перейти к другому типу работы. Готовится справочный каталог по всем рукописям (в нескольких томах произведения и рукописи будут расположены в алфавите названий и авторов; отдельные тома объединят имена владельцев, писцов, вкладчиков, лиц, связанных с рукописями; один-два тома займет каталог всех миниатюр и орнамента; дан будет хронологический ряд рукописей; первым выйдет том истории рукописных собраний Отдела, при его подготовке был просмотрен архив Библиотеки). Для достоверности описания важны сведения об использованных справочниках филиграней (в том числе о последнем по времени издании). При подготовке справочных изданий нужно продумывать ряд технических сторон (так, в полезном «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» хронологическая последовательность затрудняет отыскание рукописей того или иного хранилища).

Т. В. Дианова (ОР ГИМ) посвятила выступление теоретическому и прикладному аспектам филиграноведения. Отечественные специалисты внесли огромный вклад в теорию филиграноведения. Однако в наше время подавляющее большинство работ принадлежит ученым старшего и среднего поколений. Даже крупные хранилища не обеспечены молодыми учеными (в вузах нет соответствующей подготовки студентов; проблема почти не представлена в планах научных институтов; существуют трудности с публикацией текстового материала и альбомов). Наряду с изучением филиграней по странам, фабрикам, отдельным типам, следует продолжить их изучение и по эпохам (XV—XVI и особенно XVII—XVIII вв.). Прикладное использование филиграней затруднено недостаточным оснащением хранилищ справочной литературой (особенно из серии трудов, выпускаемых международным центром в Голландии,— «The Paper Publications Society» Amsterdam).

Желательно перевести на русский язык хотя бы часть текста и указателей крупнейшей из работ о филигранях, вышедших за последнее время в Советском Союзе,— «Бумага в Литве в XV—XVIII вв.» Э. Лауцявичюса[1] (это предложение было поддержано другими участниками, выступавшими в прениях).

С. Ф. Нефедова (ЦГАДА) сообщила о том, что по ряду причин архив не имеет возможности вести работу по описанию древнейших рукописей в большом масштабе (незначительный штат сотрудников вообще, отсутствие специалистов по древним рукописям, малое количество нарративных рукописей по сравнению с делопроизводственными документами, используемыми исследователями). В связи с подготовкой Сводного каталога на все выявленные рукописи X—XIV вв. составлена рабочая картотека (названия, даты, количество листов, размер, иногда художественное оформление). Ввиду отсутствия в архиве сложившейся методики описания рукописей большой интерес и значение будут иметь разработанные Археографической комиссией инструкция и «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»

[1] *E. Laucevičius.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a., t. I—II. Vilnius, 1967. Археографическая комиссия уже готовит к изданию перевод части этой монографии.

inslav

(вып. I. М., 1973, ротапринт). Следует также проводить специальные семинары для сотрудников, планируя им время для занятий.

Н. Б. Тихомиров (ОР ГБЛ) напомнил о том, что в деле описания древнерусских и славянских рукописей одно из наиболее «узких мест» — описание сборников «слов» и поучений. Трудно бывает отграничить оригинальные русские и славянские произведения от переводных. Есть «слова», составленные из частей «слов» разных авторов либо еще на византийской почве, либо уже русскими или южнославянскими составителями. Нередко переводные «слова» одних авторов подписываются именами других, обычно более авторитетных. Принцип надежности применительно к описанию сборников в значительной степени отсутствует, так как нет справочников, а сделанное нашими предшественниками (А. Х. Востоковым, А. В. Горским и К. И. Невоструевым, И. Я. Порфирьевым и др.) разбросано в описаниях, и пользоваться этим неудобно.

Для создания обобщающего справочника и продолжения изысканий необходимо образовать специальную группу из славистов-древников и византинистов (лучше всего при ИРЛИ). Целесообразно было бы по возможности соотносить «слова», определенные до этого как переводные или оригинальные, с опубликованными текстами, так как указание только начал «слов» не всегда достаточно для их отграничения; продолжить издание Великих Миней-четьих; предусмотреть в справочнике разнообразные указатели.

По мнению *Т. А. Сумниковой* (Институт русского языка АН СССР), предметом лингвистического описания в Сводном каталоге является именно рукопись. В нем рукопись, а иногда входящие в нее памятники прежде всего должны быть охарактеризованы со стороны их языковой принадлежности и извода. Часто это сопряжено с трудностями, возрастающими по мере приближения рукописи к XIV—XV вв. Лишь специалистам с лингвистическим образованием под силу решить вопрос, является ли рукопись этого времени русской с чертами южнославянского влияния или южнославянской по происхождению. Ознакомление с «Методическим пособием» Археографической комиссии привело Т. А. Сумникову к выводу, что в принципе никакие «рекомендации» не помогут делу, ибо предполагают у составителя описаний специальные знания и опыт: плохо подготовленный составитель и с помощью «рекомендаций» придет к неверным выводам с трудно выправимыми последствиями.

С. В. Житомирская (ОР ГБЛ) отметила, что обсуждение отчасти продемонстрировало разрыв, образовавшийся между теорией научного описания рукописей и реальным состоянием его на практике. При всем значении высокого теоретического уровня Сводного каталога практически создать такой каталог пока невозможно, учитывая степень знаний работников на местах, которые будут выполнять задание Археографической комиссии. В связи с этим С. В. Житомирская призвала поддержать идею создания длительных семинаров работников хранилищ. Как показал семинар, проводившийся в ГБЛ для заведующих отделами редких книг и рукописей республиканских и областных библиотек, интерес к подобным мероприятиям на местах очень велик. Инициатором должна выступить Археографическая комиссия — научный совет более широкого значения, чем каждое ведомство в отдельности, имеющее право проводить семинары лишь по своему профилю.

В выступлениях О. А. Князевской, О. И. Подобедовой, Л. В. Тигановой, Т. А. Сумниковой было высказано мнение о том, что сотрудники хранилищ на местах не в состоянии по ряду причин составить описания рукописей в соответствии с предъявленными требованиями, поэтому целесообразнее пересылать рукописи на временное хранение в Москву или Ленинград для их описания; следует продумать возможности посылки на места специалистов. М. В. Кукушкина, Т. В. Дианова, Л. П. Жуковская поддержали предложение о создании фототеки филиграней. Во всех выступлениях отмечался недостаток кадров специалистов, необходимость подготовки молодых ученых, а также обеспечения им возможности для работы по описанию рукописей.

В заключительном слове *С. О. Шмидт* отметил, что, как показал обмен мнений, работу по описанию рукописей следует проводить, учитывая большой опыт описания разноязычных рукописей и наших хранилищ, где это уже осуществляется, и международный. Ясно, что необходима общность усилий специалистов многих отраслей знаний. Отсюда возрастает роль координации, в том числе и при выявлении студентов вузов, имеющих склонность к научной работе, в проведении разных семинаров и т. д. Пока в мировой практике еще не выработано желательного единства в описании рукописей. Отсюда возникают программы-максимум и программы-минимум. Д. С. Лихачев предложил широкую, но долгосрочную программу. Хочется надеяться, что такая работа начнется в Ленинграде, где организована под его руководством специальная группа по описанию древних рукописей.

Остается не всегда еще унифицированной и научная терминология, которой пользуются специалисты, изучающие древние рукописи. Можно думать, что совместная работа высококвалифицированных специалистов в разных областях гуманитарных знаний будет способствовать осуществлению задачи унификации и систем описаний, и соответствующих терминов.

В. Б. Павлов-Сильванский

inslav

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Н. Розов

ЗАМЕТКИ О РУКОПИСНЫХ КНИГАХ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В достаточно обильной литературе по истории Псково-Печерского монастыря [1] не находится работ, посвященных его библиотеке. Книжники же этого монастыря внесли немалый вклад в литературную и историографическую традицию, причем не только местную. Монастырская библиотека уже в XVI в. была богата разнообразными книгами, как об этом свидетельствуют псковские переписные книги 1586—1587 гг. [2] Но если верить другому источнику, через каких-нибудь 60 лет число книг в ней уменьшилось втрое [3].

К середине же прошлого века монастырь настолько обеднел книгами, что «Памятная книжка Псковской губернии» на 1860 г. сообщала, что «монастырская библиотека представляет мало замечательного» и что в ней находятся «церковные книги старинного славянского письма, из которых некоторые довольно древни — Синодики и Кормовая книга, заведенная со времени Корнилия», а также «писанная славянскими буквами в конце XVII в. книга летописных сказаний о Печерском монастыре» [4]. Эти же книги названы, наряду со старопечатными, в двух изданиях описания монастыря, составленных епископом Аполлосом (Беляевым), бывшим в 1860—1862 гг. настоятелем монастыря, а во втором издании к ним добавлен еще сборник со Словом о погибели Русской земли, обнаруженным в 1891 г. Х. М. Лопаревым [5]. Один

[1] Ее перечень в книге В. В. Зверинского «Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи» (т. 1. СПб., 1890, стр. 213—215) занял 2,5 столбца петита. Ссылки на позднейшую литературу имеются в немногочисленных современных книгах и статьях о Псково-Печерском монастыре (см., например: *В. Синайский.* Псково-Печерский монастырь. Рига, 1929; арх-т *Алипий.* Преподобномученик Корнилий, игумен Печерский.— «Журнал Московской патриархии», 1970 г., № 3, стр. 68—74, примечания).

[2] Отрывок из них, относящийся к Псково-Печерскому монастырю, был опубликован — «Псково-Печерский монастырь в 1586 г.» («Старина и новизна», кн. 7, 1904). Н. Н. Зарубин насчитал в монастырской библиотеке 172 книги (*Н. Н. Зарубин.* Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси.— «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. 2, вып. 1. Пг., 1924, стр. 213). Подсчет этот нельзя считать абсолютно точным из-за неясности многих мест рукописи, переписанной не очень грамотными писцами. Среди книг названы: «Горонограф», «Козма Надикоплод», «Книга Манаконов» (Номоканон?), «Летописец ветчан русский», Палея, две книги Максима Грека.

[3] «Опись книгам в степенных монастырях» 1653 г.— ЧОИДР, 1848, № 6, стр. 31—32. Перечислено 60 книг, в том числе летописцы новгородский и псковский, Хронограф, Козма Индикоплов, «Книга землемерие в десть». Причина резкого сокращения книг в монастырской библиотеке может быть выяснена в результате специального исследования.

[4] Речь идет об изданной впервые в 1807 г. «Повести о начале и основании Печерского монастыря, взятой из древних летописцев, обретающихся в книгохранилищах оного монастыря». Автор очерка в «Памятной книжке» (М. Миротворцев) пишет, что сведения для него были им «собраны на месте по поручению г. начальника губернии».

[5] *Аполлос.* Первоклассный Псково-Печерский монастырь, изд. 2. Остров, 1893, стр. 108—110. Приоритет Х. М. Лопарева в открытии Слова о погибели Русской земли оспаривается Ю. К. Бегуновым («К истории открытия рукописи Слова о погибели Рускыя земли» — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962, стр. 285—288). Однако, если даже согласиться с тем, что К. Г. Евлентьев познакомился с этим памятником на 13 лет раньше Х. М. Лопарева, как утверждает Ю. К. Бегунов, он явно недооценил его значения, раз не опубликовал его (под редакцией Евлентьева вышло

inslav

из участников поездки, во время которой было сделано это открытие, писал, что в библиотеке Псково-Печерского монастыря «в порядке сохраняются остатки прежних богатств, которые расхищались до последнего времени злоумышлением и невежеством» [6].

Оставляя для дальнейшего исследования разгадку намека на расхищение книг из Псково-Печерского монастыря в конце прошлого столетия, я остановлюсь на книгах из этой библиотеки, хранящихся в настоящее время в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Тартуского государственного университета. Они были описаны в конце 1950-х годов двумя ныне известными ленинградскими археографами [7]. Недостаточная еще тогда опытность последних явилась, вероятно, причиной некоторых неточностей и недосмотров, вкравшихся в это описание. Кроме того, в его заглавии не указано, что речь идет почти исключительно о книгах из Псково-Печерского монастыря; поэтому в библиографии и исследования по истории книги и библиотек в Древней Руси это описание не всегда попадает [8].

В настоящее же время наблюдается оживление интереса к истории средневековых русских библиотек. Появились работы, в которых предпринимаются иногда попытки восстановления первоначального состава последних [9]. Надеясь, что вскоре очередь дойдет и до библиотеки Псково-Печерского монастыря, я решаюсь опубликовать некоторые свои наблюдения над ее книгами — в добавление и исправление к их последнему описанию. Наблюдения эти носят отрывочный характер и далеки от каких-нибудь обобщений и выводов, почему я и назвал их «Заметками», но они могут стать стимулом к исследованию библиотеки монастыря, сыгравшего значительную роль в политической и духовной жизни России XVI и XVII вв.

Подавляющее большинство рукописных книг, поступивших в Научную библиотеку ТГУ из Псково-Печерского монастыря,— богослужебные.

Среди них — Минеи XV—XVI вв. всех месяцев, кроме ноября,— по одному (сентябрь, октябрь), двум (декабрь, январь, апрель, июнь, июль, август) и трем (февраль, март, май) экземплярам. В них имеются службы многим славянским и русским святым — Стефану Сурожскому, Савве Сербскому, князьям Владимиру, Борису и Глебу, митрополитам Петру, Алексию и Ионе, Евфимию Новгородскому, Всеволоду и Евфросину Псковским, Леонтию и Игнатию Ростовским, Антонию и Феодосию Печерским, Дмитрию Прилуцкому, Арсению Тверскому, Ефрему Новоторжскому, Кириллу Белозерскому, Пафнутию Боровскому, Владимирской иконе богоматери. В месяцесловах отмечены «памяти» Иоанна Рыльского, Авраамия Ростовского, Дионисия Глушицкого и др. Весь этот материал иллюстрирует факт распространения культа русских и славянских святых — после московских соборов середины XVI в., когда некоторые из них были официально канонизованы, и до этого времени. Особенно наглядную картину появления и распространения служб «новым чудотворцам» являют приписки писцов книг или позднейшие, например: «В то ж день преподобнаго отца нашего Иванна Рыльскаго новаго чудотворца — служба его писана от доски», или «Службы Арсению и Парасковгеи ищи от заднее доски книги» [10]. Иногда попадаются и более существенные пометы, указывающие даже имена авторов вновь написанных служб. Так, например, в Минее-конволюте на февраль и март, где есть службы Всеволоду Псковскому, Алексию, митрополиту и Арсению Тверскому (с отсылкой к «задней доске»), перед каноном последнему написано: «Творение инока Феодосия по благословению священноепископа Тверьскаго Васьяна и его честнаго собора» [11]. Есть пометы, свидетельствующие о внебогослужебных чертах монастырского быта,— например, в Минее первой четверти XVI в. после службы Евфросину Псковскому (она написана также «от доски») сказано: «На трапезе утешение братии

много публикаций Псковского археологического общества). Кроме того, почерк, которым сделана краткая аннотация сборника, содержащего Слово о погибели Русской земли (он хранится в настоящее время в Псковском областном государственном архиве), показался мне отличным от почерка Евлентьева, встречающегося (обычно на обороте переплета) во многих книгах из библиотеки Псково-Печерского монастыря.

[6] *С. Шереметев.* Псково-Печерский монастырь. СПб., 1895, стр. 9—10.

[7] *Ю. К. Бегунов* и *А. М. Панченко.* Описание древнерусских рукописных и старопечатных книг Научной библиотеки Тартуского государственного университета.— «Труды по русской и славянской филологии» Тартуского государственного университета, вып. 3, 1960, стр. 299—307. Здесь же говорится о том, когда, при каких обстоятельствах и в каком количестве рукописные книги Псково-Печерского монастыря попали в Тарту.

[8] За исключением тех, в которых участвовали авторы этого описания (см., например: «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей». М.— Л., 1963; *Ю. К. Бегунов.* Указ. соч.).

[9] Например, в статье М. В. Кукушкиной о библиотеке Антониева-Сийского монастыря («Сборник докладов юбилейной научной конференции Библиотеки Академии наук СССР». М.— Л., 1965, стр. 299—313) и других.

[10] Минея середины XVI в., № 688 (по инвентарю Отдела рукописей и редких книг библиотеки ТГУ).

[11] Минея первой половины XVI в., № 696.

inslav

великое святаго ради памяти»[12]. И все эти пометы в экземплярах «рабочих», ежедневно употреблявшихся, с потрепанными и засаленными грязными пальцами углами, закапанных воском свечей, переплетенных большей частью «в затылок».

«Памяти» славянских и русских святых отмечены также в Служебниках и Требниках, и тоже подчас с любопытными характеристиками. Так, например, в Служебнике середины XVI в. отмечена, среди прочих, «память» Кирилла Белозерского, «процветшаго в постницех Русския земли» (№ 729). А про другого Кирилла — просветителя славянского — сказано следующее: «Память, иже во святых отца нашего Констянтина Философа — перваго наставника словенскому языку и болгарскому»; далее киноварью отмечено: «Сий был чюдин, нарицаемый Чюрил». Это — под 14 октября, а под 14 февраля написано: «Кирилла, епископа Катанского — учителя словеном и болгаром (далее опять киноварью) — иже преложи русскую грамоту с греческой». Надеясь, что эти приписки в Требнике конца XV в. не усложнят еще больше Кирилло-Мефодиевский вопрос, отмечу отражение в них, вероятно, каких-то древних местных преданий или источников[13].

Наконец, важно отметить в богослужебных книгах тексты русских авторов, хотя это и не является специфической чертой книг из Псково-Печерского монастыря.

В Служебниках, Требниках и Евхологиях находятся списки Молитвы митрополита Илариона, Чтений о Борисе и Глебе летописца Нестора, сочинения новгородских архиепископов Иоанна («Правило»), Илии («Исправление»), Геннадия (Правила и наказы ставленникам, каноны), чин «омовения мощей», про который сказано: «списание сему от греческих книг смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном»[14]. Хотя в настоящее время мало кто занимается такого рода памятниками (за исключением сочинений Илариона и Нестора), сообщать об их наличии в богослужебных книгах нужно потому, что все они принадлежат к различным жанрам оригинальной русской письменности и литературы.

К истории русского музыкального искусства относятся пять певческих рукописей из Псково-Печерского монастыря — две крюковых и три нотнолинейных. Материалов же русского изобразительного и прикладного искусства среди рукописных книг из этого монастыря в Научной библиотеке ТГУ почти нет: лишь отдельные книги украшены киноварными заставками. Трудно предположить, что в этом богатом монастыре не было художественно оформленных книг; поэтому их розыски следует предпринять в современных хранилищах рукописной книги — и местных псковских, и центральных[15].

Кроме Миней, Служебников, Требников и Евхологиев, в Научной библиотеке ТГУ имеются из Псково-Печерского монастыря Триоди постные и цветные (каждых по три), Октоихи (первых четырех гласов — шесть, последних — три), по два Часослова, Паремийника и Богородичника, один Апостол и Псалтирь следованная. Малое число экземпляров этих необходимых для богослужения книг, а также полное отсутствие экземпляров Евангелия, опять-таки заставляет обратиться к дальнейшим розыскам книг из этого монастыря. Ведь одних церквей в нем насчитывалось около десятка; и если далеко не в каждой был полный комплект богослужебных книг, то уж напрестольное Евангелие было не только в каждой церкви, но и в каждом приделе[16].

Из четьих книг монастырской библиотеки в Тарту хранятся два стишных Пролога, Измарагд, сочинения Исаака Сирина и Феодора Едеского, а также Житие Николы — в списках XVI в., «Диалогизм духовный» и Повесть о Фроле Скобееве —

---

[12] № 708. В этой же книге есть службы Пафнутию Боровскому (также с любопытной припиской: «Со св. Еремеем поем препод. Пафнутию неоткладно»), Феодосию и Антонию Киево-Печерским, причем первый назван «первоначальником общему житью в Руськой земли», а второй — лишь основателем Печерского монастыря, «иже в Киеве».

[13] № 732. Кирилла Первоучителя нередко путали с Кириллом Катанским (например, в Прологах), но название его «чюдином» встречается едва ли не впервые. Датировка этой и других рукописных книг библиотеки Псково-Печерского монастыря, данная Ю. К. Бегуновым и А. М. Панченко, мною не проверялась, хотя и вызывает в отдельных случаях сомнения.

[14] Один из списков последнего находится в Евхологии второй четверти XVI в., отмеченном К. Г. Евлентьевым как «весьма редкая, замечательная рукопись» и названном им «Служебник-Евхологий-Молитвослов с приспособлениями к Псковской епархии». К ним относится, например, прошение: «Спаси, госпоже, посадников псковских степенных и всех посадников псковских и всех мужей пскович. Спаси, госпоже, помилуй събор св. Троица, събор св. София, сбор св. отца Николы, сбор Всемилостиваго Спаса, сбор св. богородицы».

[15] В Псковском краеведческом музее хранится, например, лицевой Синодик XVII в. из Псково-Печерского монастыря.

[16] Число церквей и приделов во Псково-Печерском монастыре постоянно менялось; при этом из одной в другую переносились не только иконы, но и книги. Изучать эту «внутримонастырскую миграцию» книг можно по припискам и пометам на них.

inslav

XVIII в. В Прологах есть статьи о Борисе и Глебе, об освящении церкви Георгия в Киеве, Слово о Федоре купце и некоторые другие, обычные для таких сборников. В Измарагде есть сочинения Максима Грека — «О птице неясыте», «Об агарянах», «Толкование неудобь познаваемым речем» (№ 746). В Житии Николы есть так называемые «киевские чудеса», а в «Сказании о принесении мощей», наряду с именами византийского императора и патриарха, названы имена русских князей Всеволода и его сына Владимира «в Чернигове».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что могут дать историкам и литературоведам рукописные книги из Псково-Печерского монастыря, как четьи, так и богослужебные. В них не обнаруживаются памятники новые, неизвестные, но изучение новых списков известных памятников — их разночтений и антуража — в настоящее время широко практикуется историками и литературоведами.

Для историка же книги и библиотечного дела в Древней Руси много интересного материала дают приписки писцов, владельцев и вкладчиков, а также пометы библиотекарей и читателей книг из Псково-Печерского монастыря. Они показывают пути миграции и пункты сосредоточения книг в окрестностях монастыря, отражают некоторые черты быта монастырских и «мирских» обитателей.

Список писцов книг XVI в. пока можно пополнить лишь двумя именами — «Ивашки Алексеева сына» — писца уже упоминавшейся Минеи (№ 688) и «Савки Михайлова сынишка», о книге которого — февральской Минее в одном переплете с мартовской — также уже говорилось (№ 696). Приведу приписки обеих этих книг, по-своему варьирующих традиционную формулу.

«Сколь рад заец, от тенета утекши — столь рад яз, многогрешный, сию книгу списавши»,— пишет уже упомянутый Савва Михайлов. Несколько многоречивее оказался писец мартовской Минеи в том же переплете: «И где будет, господие, описаносъ (так!) или неисправлено и вы, господие, зрите своим оком, исправлевате своим домыслом. А меня грешного не клените. Сколь рад заець, от собак утекши и от тенета устрашив, столь рад писець, сию книгу списавши».

Среди владельцев книг в первую очередь следует назвать известного политического деятеля начала XVI в., сыгравшего, наряду с игуменом Корнилием, решающую роль в возвышении Псково-Печерского монастыря, в превращении его в грозную по тем временам крепость, в один из важнейших русских форпостов в Ливонской войне. Имя его было широко известно и среди псковских книжников — к нему адресован, например, целый ряд Посланий знаменитого старца Елеазарова монастыря Филофея. И недаром кто-то — вероятно, из библиотекарей Псково-Печерского монастыря – на Минее XVI в. отметил: «Книга Мисюрева» [17].

Интересные сведения о миграции книг и о людях, причастных к последним, содержатся во многочисленных продажных и вкладных записях.

«Сию книгу Служебник продал Микитка иконник Ермолин сын – продал сий Служебник бывшему диакону Иосифу»,— гласит первая запись. Далее следует две записи-скрепы: «Сия книга Печерского монастыря иконописца Никиты Ермолина сына Ерша»; «Никитка Ермолин иконник продал сию книгу Служебник Иосифу крылошанину, бывшему Четыредесяцкому диакону. Подписал я, Никитка иконник, своею рукою, а взял я за него денег десять алтын».

Я привел эти повторяющие друг друга приписки для того, чтобы показать, какие факты истории книги и эпизоды биографий владельцев за ними скрываются. Ее первый владелец, как бы предвосхищая споры лексикографов о значении слова «иконник», в первой скрепе назвал себя иконописцем, что отвергает другое значение этого же слова – торговец иконами. А его покупатель – бывший диакон церкви Сорока мучеников (она до сих пор находится вне монастыря, у ворот), вероятно за что-то лишенный сана, отбывал в монастыре «послушание» в качестве певчего. Наконец, во второй скрепе указана и цена книги в XVI в., не изменившаяся, кстати, и в следующее столетие, как об этом свидетельствует еще одна, более поздняя запись: «К сей книге яз, диакон Евстафей Павлов, руку приложил — книгу продал, а взял десять алтын» [18].

На Октоихе XVI в. есть такая запись: «Продал сию книгу Терех — Охтаик перваго гласа — холмитин, Терех попов сын Ондреев, Томилу книжнику» (№ 723). Имя последнего как книготорговца встречается на некоторых книгах новгородской Софийской библиотеки. В этой приписке отразилась миграция книги — из города Холма в Новгород и оттуда в Псково-Печерский монастырь, раз книга оказалась в конце концов в последнем.

Далеко от псковских пределов путешествовал Требник конца XVI в., оказавшийся в конце концов также во Псково-Печерском монастыре (№ 733). «194 (1686) году марта в 25 день подан (продан?) старой письмяной Требник Ундозерской волости попа Герасима Евлентьева» — гласит одна запись; «Продал сию книгу двинянин Пиостровец Оска попов каргополцу Ивану Стефанову Иглину». А «Василиса

[17] Минея январская, № 692. Эта помета, как и большинство приводимых мною в предлагаемых «Заметках», не указана в описании Ю. К. Бегунова и А. М. Панченко.

[18] Все эти приписки — на Служебнике № 729. За 10 алтын продал другой Служебник (№ 730) «Михайловский поп из Песков Иван попу Никите Кирилову сыну».

inslav

Денисова дочи» (так!) отдала эту книгу «священнику Алексею Федорову сыну попову», чтобы он «поминал священника Киприана да сына его Галахтиона, Деонисия...» (следует еще ряд имен, но можно остановиться на последнем, вероятно отце дарительницы). И здесь нетрудно предположить, что книга была не только предметом купли-продажи, но и переходила от отца к сыну в поповском роде, последней представительницей которого была, возможно, Василиса.

Аналогичный пример, вероятно, местной, «внутрипсковской» миграции книги, закончившейся также владелицей, находим в приписках на Служебнике конца XV – начала XVI в. На нем – целая цепь продажных записей. «Сию книгу Служебник продал Иван Предотеча поп Конон Галахтионов сын попу... (затерто) и руку приложил»; «Предтеченский поп Данила Моисеев сын продал сию книгу Служебник Тимофеевскому попу из Довмонтовой стены Терентию Иванову сыну»; «Александровский поп Богдан продал Служебник попу Еремею и руку приложил»; «С Молин Никольской поп Иван продал сию книгу Служебник попу Ивану Егорью на болоте и руку приложил»; и наконец: «Продала вдова аръчежиха (так?) сию книгу Служебник зачисто, а буде кто и поимется за сию книгу – мне отчишщати вдове того человека». На этой же книге есть владельческая запись еще какого-то «Григория гречина Стомаровского» (№ 731).

Приведу еще два примера миграции книги в XVIII в. На нотнолинейном сборнике того времени сохранился остаток скрепы: «...Евтифеева сына Володипа и присла мне сию Анисим своею рукою месяца сентеврия 29 сего семъсот К҃ (буквенное обозначение!) пятого года. А куплена в Кронштадте у священника Азовскаго полку Марка Стефанова, а дано денег полтора рубли» (№ 751); «Книга Рассуждение или Диалогизм выставки Сери (?) Григория Артемьева собственная. Подписано своею рукою 1762 года ноября 18 дня, а ныне преименован в монашестве Герман 1792 года августа 23»; «Сия книга, глаголемая о священстве беседы, Новоладожского уезда села Тигоды священника Иоанна Петрова, а доставшийся по наследству мне новгородского архиерейского дому духовника иеромонаха Германа». И так книга, бывшая вначале у жителя какой-то «выставки» (так назывались на севере России приходы, отделившиеся от погостов), переместилась со своим владельцем в Новгород, а оттуда – в Новоладожский уезд, откуда отправилась вновь на юго-запад и очутилась в Псково-Печерском монастыре.

В этот же монастырь попадали книги из соседних монастырей и приходских церквей – в первую очередь из тех, что были связаны с его историей или приписаны к нему. К последним относятся Савво-Пустынский и Верхнеостровский Петровский монастыри. Относительно основания и дальнейшей судьбы их имеются летописные сведения, сообщаемые, среди других, в книге В. В. Зверинского: «Савво-Пустынский мужской монастырь, ныне погост Саввина пустынь... в 17 верстах от Пскова при реке Многе». Псковская летопись сообщает о построении в 1442 г. церкви Саввы в «Микитьеве пустыне» [19]. Петровский монастырь был основан в 1470 г. «на Верхнем острову Александровского посада на Псковском озере» учеником Евфросина Псковского Дорофеем и был в 1584 г. приписан ко Псково-Печерскому [20]. Среди книг этого монастыря, хранящихся в Тарту, из Савво-Пустынского монастыря сохранилась сентябрьская Минея XV в. (№ 687), а из Петровского – упоминавшаяся уже Псалтирь следованная XV в. [21] и крюковой Ирмолой XVII в. Возможно, что в других хранилищах найдутся еще книги из этих монастырей – хоть и давно уже не существующих, но древних.

С начальной историей Псково-Печерского монастыря связан старинный Таиловский погост, откуда в монастырскую библиотеку поступила Триодь постная [22]. Остается пока неясным, где находилась Воскресенская церковь «Жалацкого», или «Желандского» острова, куда в XVI в. «дал сию книгу Дреод архимандрит Серафим з братьею» и велел он, архимандрит, нам братии про себя держать, а нет до еи никому дела» [23]. Второй вариант названия подсказывает поиски ее где-то на территории бывшей Ливонии (не восходит ли это к распространенному немецкому названию Зееланд?), если это – не искаженное старинное название современного острова Залит на Псковском озере.

Интересную картину представляет распределение книг внутри Псково-Печерского монастыря, какую дают приписки на книгах из его библиотеки, ныне хранящихся в Тарту.

---

[19] *В. В. Зверинский.* Указ. соч., т. 3, № 2000, стр. 153.

[20] Там же, № 1875, стр. 126.

[21] В ней есть запись: «7129 (1621) году згорела церковь Успения з трапезою месяца апреля в 23 день на Верхнем острове» (№ 756).

[22] «Того же лета начаша Мисюрь Мунехин, великого князя диак псковской, да его подьячей Ортюша псковитин назирати убогое место незнаемо никим же под немецким рубежом 40 верст ото Пскова, а десять за Изборском, в Таилове погосте», где и был построен монастырь («Псковские летописи», вып. I. М.— Л., 1941, стр. 100—101).

[23] Триодь постная, № 713.

inslav

Как и в каждом большом монастыре, там был основной книжный фонд — «казна» и филиалы – в наиболее популярных церквах и в больнице. Из монастырских церквей, после Успенского собора, больше всех книг было, вероятно, в Никольской надвратной церкви. Записи «От Николы святых с ворот Печерского монастыря» есть на нескольких книгах – как богослужебных, так и четьих[24]. Есть также запись 1665 г.: «Книга Печерского монастыря казенная. Выдана из книгохранительницы в церковь Николы чюдотворца на святыя врата» (Минея февральская, № 695). Выдавались книги и в монастырские церкви во Пскове – там было подворье Печерского монастыря; на них делались пометы: «Книга Печерского двора».

Таким, традиционным, было распределение книжного фонда Псково-Печерского монастыря. Традиционными были, вероятно, и источники его комплектования – путем переписки книг в самом монастыре, вкладов и покупки.

Среди записей и помет на рассматриваемых книгах не нашлось сведений о первом и последнем из этих источников. Не обнаружено пока ни одной выходной записи писца, жившего в данном монастыре, хотя от некоторых приписок и помет создается впечатление непосредственного отражения труда и быта книгописцев. Таковы, например, сделанные руками книгописцев записи: «Попытаю чернилна с тростию писати» (на Апостоле XVI в., № 755); «Попытаю пера – покусаю» (Богослужебный сборник конца XV в., № 770); «А хто сие писмо писал – тот в живых обретаетца» (Измарагд, № 746).

Не найдено пока и записей о покупке книг в монастырь, хотя различные хозяйственные и приходо-расходные записи встречаются на них в достаточном количестве, причем большей частью лиц, не принадлежащих к монастырской братии. Приведу несколько примеров. «Се яз, Иванко Степанов сын, занял есмя три гривны» (Октоих, № 719); «На промен дано свеч Гришки на щетнацет (так!) алтын без копейки» (Служебник, № 731); «Свидетельствую сам своею рукою – оные деньги получил Петр Ершов и росписался» (нотнолинейный сборник начала XIX в., № 749). Встретилась даже запись вроде порядной: «Се яз, Ивашко Артемьев; приговорили есми к церкви страстотерпец Христовых Ивашку Артемьева служити субота и неделя и госпоцки прасники (так!) и всяко дело государево исправляти» (Октоих XVI в., № 724). И уж совсем далека от монастырского быта такая приписка: «Деревни Оглоблина Андрюшка вошол в дом на Оглоблино» (Служебник № 729; продажные записи на нем уже приводились).

Что же касается вкладных записей на книгах Псково-Печерского монастыря, то многие из них сделаны от имени богатых людей, обогащавших монастырь не только книгами. На Паремийнике XVI в. есть, например, такая запись: «Лета 7083 (1574) месяца декабря освящена бысть церковь Ивана Предотечи повелением рабе божии Пелагеи Ондрееве жене Пушкина». Вероятно, за богатые вклады Пелагея Пушкина была и похоронена в знаменитых монастырских пещерах; ее надгробную плиту до сих пор можно видеть среди плит-керамид некоторых других предков великого русского поэта.

В заключение скажу об одном важном недосмотре упомянутого выше описания книг из библиотеки Псково-Печерского монастыря, о котором говорилось в начале этих «Заметок». На просмотренных мною книгах совершенно не оказалось читательских записей. Вероятно, за таковые составители упомянутого описания приняли обычные на полях рукописных книг пометы писцов и справщиков книг, а также их переписчиков (например: «С тех мест почати» – очевидно, списывать текст – помета скорописью в Триоди цветной, № 716). И недаром, конечно, в описании не воспроизведена ни одна из этих «читательских помет» (а они отмечены в № 689, 693, 689, 704 и многих других). Да и странно было бы ожидать их на книгах, почти сплошь богослужебных. Лишь на списке Повести о Фроле Скобееве кто-то в XIX в. отметил: «Во время оно быша сицевое золое (так!) и благо получиша».

Таковы некоторые мои наблюдения над рукописными книгами из Псково-Печерского монастыря, с которыми мне удалось познакомиться летом 1970 г.[25] Они могут послужить началом изучения истории еще одной средневековой русской монастырской библиотеки, которое следует продолжить на более широкой основе, разыскав прежде всего еще книги из нее[26].

---

[24] В числе их — упоминавшееся Житие Николы (№ 753).

[25] За помощь в этой работе благодарю сотрудниц Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки ТГУ.

[26] В Псковском краеведческом музее, кроме упоминавшегося уже лицевого Синодика с вкладной XVII в. во Псково-Печерский монастырь в память диака Федора Торопова, хранится еще один монастырский Синодик XVIII в., а также Евангелие-апракос XVI в. и книга «Рай», написанная сподвижником Корнилия — старцем Вассианом, о которой говорится в переписке кн. Курбского. Сборник со Словом о погибели Русской земли находится в настоящее время в Псковском областном государственном архиве.

inslav

Н. Ю. Бубнов, И. Ф. Мартынов

К ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ БЕЛОКРИНИЦКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ МИТРОПОЛИИ

(По итогам археографических экспедиций Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР 1971—1972 гг.)

Тихое буковинское село Белая Криница в 40-х годах прошлого века неожиданно оказалось в центре внимания духовных и светских властей Петербурга, Вены и Константинополя. Никому до той поры не известный маленький монастырь на окраине этого села стал почти на сто лет идеологическим центром для тысяч русских старообрядцев поповского согласия. События, развернувшиеся здесь, были подготовлены всей предыдущей историей старообрядчества. Уже с конца XVII в., спасаясь от гонений царского правительства, старообрядцы целыми селами бежали из центральных районов России на ее западные и южные рубежи, а оттуда в Молдавию, Турцию и Польшу. Здесь на бесплодных песчаных и болотистых землях выросли русские поселения, жители которых вплоть до наших дней ревниво сохраняют родной язык и традиционные обычаи, Исторически сложились три крупных центра старообрядческой эмиграции: в Подолии (села Пилипоновка, Борское, Круги, Новая Шура – ныне Винницкой области), в Молдавии и Буковине (окрестности Ясс и Черновиц) и в устье Дуная (села Сарыкей на берегу дунайского лимана, известного под именем озера Разелм или Разин, Слава и Журиловка) [1]. Именно здесь в конце XVIII – начале XIX в. были основаны первые свободные от притеснений властей старообрядческие монастыри (Мануйловский и Тисский близ Ясс, Куреневский на юге Подолии, Славский в Добрудже и др.).

Буковинские старообрядцы, предки которых, жившие на берегах Дуная, спасли от турецких разбойников австрийского посла, пользовались особым покровительством местных властей. Император Австрии предоставил им земли в принадлежавшей его короне Буковине и ряд привилегий (освобождение от воинской службы и от налогов, свободу вероисповедания). Дунайские «липоване» (как называли русских старообрядцев филиппова согласия в Молдавии и Австрии) выбрали для поселения красивое урочище Варницу, неподалеку от села Климауцы, в котором жили несколько семей русских беспоповцев. В 1784 г. здесь было основано село Белая Криница [2]. Число его жителей быстро возрастало за счет беглецов из России, на которых долгие годы распространялись привилегии, полученные их единоверцами [3]. Приехавшие вместе с другими дунайскими «липованами» иноки основали на окраине Белой Криницы маленький монастырь. Сюда собирались на молитву жители Белой Криницы и окрестных сел вплоть до 1833 г., когда была открыта сохранившаяся до наших дней приходская церковь во имя бессребреников Космы и Дамиана.

Обретя за государственными рубежами России относительную свободу вероисповедания, старообрядцы-эмигранты поповского согласия столкнулись с новым серьезным затруднением – отсутствием священнослужителей. Старообрядческая духовная иерархия пресеклась еще в первые годы раскола русской церкви. Многочисленные попытки старообрядцев найти мифических «древлеправославных» епископов в странах Востока оказались безуспешными. Только после приезда в Белокриницкий монастырь бежавших из России монахов Павла (сына валдайского писаря Петра Васильевича Великодворского) и Геронтия (крестьянина Серпуховского уезда Московской губернии Герасима Исаевича Колпакова) давняя мечта старообрядцев начала претворяться в явь. Отказавшись от утопических надежд найти епископа-единоверца, они, по испытанному старообрядцами методу, решили переманить к себе на этот раз не простого священника, а одного из высших иерархов православной церкви. Австрийское правительство, рассматривая старообрядческую эмиграцию как одно из средств для политических интриг против России, не препятствовало их планам. Благодаря энергии и настойчивости Павла, его долгие поиски увенчались успехом. Осенью 1846 г. в Белую Криницу прибыл из Константинополя бывший митрополит Боснии Амвросий. 28 октября его «перекрестили» в старую веру,

---

[1] *Н. И. Субботин.* История Белокриницкой иерархии, т. I. М., 1874, стр. 114—128, 319—325.

[2] Там же, стр. 128. Подробнее об истории села Белая Криница см. в кн.: «Історія міст і сіл Української РСР. Чернівецька область». Київ, 1969, стор. 192—202.

[3] *Н. И. Субботин.* Указ. соч., т. I, стр. 143.

inslav

чем было положено начало новой старообрядческой духовной иерархии. По требованию русского правительства австрийские власти вскоре выслали Амвросия «по смерть его» в г. Цилль[4], но в Белой Кринице остались многочисленные посвященные им в духовный сан священнослужители, а главное – первый епископ из старообрядцев, бывший уставщик местной приходской церкви Кирилл (Киприан Тимофеев). С тех пор, вплоть до ликвидации в 1940-х годах, Белокриницкий монастырь был местом паломничества для сотен зарубежных и русских старообрядцев-поповцев белокриницкого согласия. Почти сто лет в резиденции старообрядческих митрополитов концентрировались исторические и художественные ценности. Но самым большим сокровищем в монастыре было его собрание рукописных и старопечатных книг, размещавшееся в покоях митрополита и колокольне Успенского собора. В 1879 г. Белокриницкая митрополия попыталась организовать собственное книгоиздательство, поручив монаху Чернышеву приобрести все необходимое для типографии оборудование. Однако ее деятельность (до перевода в годы первой мировой войны в г. Тульчу) ограничилась выпуском в свет нескольких миссионерских листовок.

Вполне естественно, что эта уникальная по своему происхождению библиотека давно привлекала внимание русских ученых-археографов. Однако ознакомлению с ее фондами и их систематическому изучению и описанию во многом препятствовала государственная граница, отделявшая до 1940 г. Белую Криницу от СССР. В работах дореволюционных исследователей, изучавших историю и быт старообрядческой эмиграции (Н. И. Субботин, Н. И. Надеждин, И. П. Липранди, П. С. Смирнов и др.), можно найти только очень скудные сведения о библиотеке Белокриницкой иерархии. Еще не отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, когда в Белой Кринице и в Климауцах (оставшихся на территории Румынии) побывал советский археограф В. И. Малышев. Он осмотрел рукописные и старопечатные книги, хранившиеся в мужском и женском монастырях, в сельской церкви и у местных жителей, и кратко описал их[5]. В сентябре 1971 г. участники археографической экспедиции Библиотеки Академии наук СССР, посетив несколько старообрядческих сел Подолии (Литин, Новую Шуру, Пилипоновку — ныне пригород г. Бершади), приехали в Белую Криницу. От строений мужского и женского монастырей не осталось и следа, а часть икон, церковной утвари и книг оттуда, по словам очевидцев, была вывезена разными организациями и частными лицами. Рукописные и старопечатные книги сохранились только в действующей приходской церкви, названной во имя бессребреников Космы и Дамиана и в небольшом количестве у местных жителей-старообрядцев. В результате двух посещений Белой Криницы участниками археографических экспедиций Библиотеки АН в 1971 и 1972 гг. в Ленинград удалось привезти почти все рукописи в количестве 75 единиц и несколько старопечатных книг, включая 11 редких изданий, отпечатанных на стеклографе в конце XIX – начале XX в. в Москве и других городах, а также один том Острожской библии Ивана Федорова 1581 г. На многих книгах и рукописях сохранился библиотечный штамп «Митрошлія Било Криница» (с ошибкой в слове «митрополия») и бумажные наклейки на корешках с названием рукописи и ее инвентарным номером.

Привезенные в Ленинград и оставшиеся в Белой Кринице книги и рукописи составляют только часть обширной митрополичьей библиотеки, но ту часть, по которой можно судить о целом. Инвентарные номера белокриницких рукописей возрастают с 17 до 364. Однако это едва ли дает нам представление о количестве рукописей библиотеки старообрядческих митрополитов, так как они, по-видимому, стояли на полках вперемежку с печатными книгами. Кроме того, большие инвентарные номера на рукописях, находившихся, судя по владельческим записям, у частных лиц в конце XIX – начале XX в., косвенно свидетельствуют об инвентарной расстановке библиотечного фонда. Следует еще отметить, что некоторые рукописи, приобретенные Библиотекой Академии наук у белокриницких старообрядцев, поступили в приходскую церковь уже после закрытия местных монастырей и перенесения митрополии в Румынию.

Рукописи Белокриницкой библиотеки можно условно разделить на две основные группы: рукописи XVI–XVIII вв., полученные в дар и приобретенные местным монастырем, и рукописи, переписанные в его стенах и в окрестных старообрядческих общинах. Богатое собрание рукописных и старопечатных книг перешло в собственность монастыря после смерти его первого настоятеля Симеона. К моменту

---

[4] Материалы по истории создания белокриницкой духовной иерархии см. в литографированных брошюрах В. Мельникова «Жизнь Амвросия митрополита Белокриницкого» (1890-е годы) и «О крещении греческой церкви и митрополита Амвросия. Письмо к беглопоповцу от приемлющего христопреданное епископство Белокриницкой митрополии» (1899 г.), поступивших в Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР в собрании В. Г. Дружинина (шифры 1050 и 1068).

[5] *В. И. Малышев.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов.– ТОДРЛ, т. VII. М.– Л., 1949, стр. 464–465.

inslav

приезда в Белую Криницу иноков Павла и Геронтия здесь уже была, по словам очевидцев, «библиотека, какая едва ли где и в большом монастыре есть» [6]. О ее первоначальном фонде косвенно свидетельствует круг источников, привлеченных Павлом при написании им «Устава Белокриницкого староверского монастыря» в 1841 г. и других его сочинений [7]. В них можно найти многочисленные ссылки и цитацию из сочинений отцов церкви, Маргарита, Толковой псалтири Максима Грека, «Просветителя» Иосифа Волоцкого, Хронографа, Кормчей, Уложения царя Алексея Михайловича и «Поморских ответов». Некоторые из этих книг сохранились в Белой Кринице до наших дней.

Готовясь к знаменательному событию в жизни русского старообрядчества — поставлению первого митрополита «древлеправославной» церкви, Павел и Геронтий активно пополняли книжные фонды его будущей резиденции сочинениями, которые должны были оправдать в глазах единоверцев и властей предержащих как этот акт, так и последующую деятельность Белокриницкой иерархии. В начале 1840-х годов настоятель монастыря Геронтий несколько раз ездил в Россию, где, по его словам, «покупал иконы и книги, а иные так [были] пожертвованы» [8]. С богатыми дарами приезжали в Белую Криницу на поклон к митрополиту московские старообрядцы [9]. О миграции многих рукописных книг Белокриницкой библиотеки из центральных и северных районов России убедительно свидетельствуют как лингвистические особенности этих рукописей, так и записи их прежних владельцев. На сборной рукописи XVII в., содержащей «Великое зерцало» и «Валаамскую беседу» (Белокриницкое собрание РО БАН, № 17), в марте 1733 г. сделал владельческую запись крестьянин Уфтюжской волости Архангельской губернии Дмитрий Петров. Северного происхождения и список конца XVIII в. «Винограда Российского» Андрея Денисова с записью известного старообрядца-книголюба кемского мещанина Ивана Иванова (Белокр. 25). Многих владельцев переменила за свою жизнь рукопись XVI в. сочинений Исаака Сирина, купленная в 1761 г. тульским купцом Лукой Сидоровичем Петровым в Астрахани (Белокр. 12). В Москве или в ее окрестностях в середине XVII в. был переписан Чин и Устав поставления на московское патриаршество Иоасафа и Филарета.

Но самую интересную запись мы находим на списке монастырского (иерусалимского) устава (Белокр. 112) из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря: «В лето 7096 (1588) при благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси, и при святейшем митрополите Иеве, и при архиепископе ростовском Варлааме, и при игумене Кирилова монастыря Сергии тщанием и повелением старца Леонида Кирилова монастыря написана бысть книга сия Устав во обители пречистые Богородицы честнаго ея Успения и преподобного чюдотворца Кирила рукою последняго во грешницех и грубие всех человек Тихонца Феодорова сына именованнаго Азатцкого.

Молю ж ся вам и прощения прошу бога ради, государи отцы святии и братья, прочитая книгу сию, аще кто обрящет опись или недопись, или за грубость ума некое погрешение, или леностию не исправил или изнурил, и вы, государи преподобнии отцы святии, яко совершени суще и разумни о сих, да исправите. Аз же, грешный, молю всех вас бога ради, государи отцы святии, игумен и строители церковнии и внешнии икономи, по смерти моей, ими весть богу судьбами свершит жизнь мою, впишите в Сеноник и помя[ни]те душю мою окаянную, дабы молитвами вашими от бога милость некую получил и сподобил десного предстояния. Аз же, грешный, отнудь без дерзновенеи есмь о сих, за средоградие возбраняющее ми, и помяните мя, государи святии, грешнаго и неключимаго раба во святых молитвах».

Характерно, что название монастыря в цитируемой записи подчищено. По-видимому, эта объемистая рукопись (876 листов) проделала сложный путь, прежде чем попала из крупнейшего монастыря Северной Руси к австрийским «липованам».

Заграничные старообрядческие монастыри приобретали рукописные и старопечатные книги не только в России, но и у местного православного населения. Так, в Куреневском монастыре в Подолии хранилось богато орнаментированное рукописное Евангелие тетр молдавского извода первой половины XVI в. (Белокр. 43). От ясского книголюба Логина Богомолова поступил в Белокриницкое собрание «Скитский патерик» в списке XVI в. болгарского извода (Белокр. 2). Значительное количество южнославянских рукописей передали в митрополичью библиотеку дунайские старообрядцы. Уже после ликвидации монастыря священник из Болгарии Маркиан Сафонеевич Злонников, переехавший в 1945 г. на жительство в Белую Криницу, привез с собой книгу, переписанную в 1792–1818 гг. на озере Разелм (Белокр. 34), ста-

---

[6] *Н. И. Субботин.* Указ. соч., т. I, стр. 173.

[7] Там же, Приложение, стр. 11—90. См. также скопированные в конце XIX в. послания иноков Алимпия и Павла к московским старообрядцам поповского согласия с оправданием их действий (1842 г.) из собрания В. Г. Дружинина (шифр 973).

[8] *Н. И. Субботин.* Указ. соч., т. I, стр. 299.

[9] «Поездка в Белокриницкий монастырь». Публикация Н. И. Субботина.— «Русский вестник», 1864, т. 50, стр. 40—78; *В. Ливанов.* Русаков, раскольничий лжеархиерей (Из осторожных). Очерк.— «Отечественные записки», 1865, т. 159, стр. 576.

inslav

ринный рукописный Апостол болгарского извода и ряд других интересных рукописей. Частые поездки должностных лиц Белокриницкой иерархии в губернский центр Львов тоже, вероятно, способствовали пополнению митрополичьей библиотеки. Из окрестностей Львова в Белую Криницу были привезены три рукописные Служебные минеи XVI в. (Белокр. 3, 4 и 5)[10] с записями на полях преподавателей школы при Базилианском греко-униатском монастыре в г. Дрогобыче 20–90-х годов XVIII в. Украинского же происхождения список «Деяний церковных и гражданских» Цезаря Бароция первой четверти XVII в. (Белокр. 7).

Отдельные рукописи и книги, а иногда и целые книжные собрания продолжали поступать в Белокриницкую библиотеку вплоть до ликвидации монастыря. Владелец роскошно орнаментированного рукописного Четьи-минейного сборника начала XVII в. купец-старообрядец из молдавского города Яссы Лука Железняков записал на ней в назидание потомкам: «Сия богодухновенная книга по данной мне от Бога власти в благословение внуку моему Ивану Васильевичу сыну Железникову и его детям в вечное владение, читать давать дядьем и братьем, родителей поминать, из роду в продажу не износить» (Белокр. 6). Однако вскоре она оказалась на полке монастырской библиотеки. У многих старообрядческих начетчиков в Буковине и Молдавии с годами собирались богатые книжные собрания. Так, Анисим Васильевич Швецов в 1878 г. стал обладателем списка «Поморских ответов» конца XVIII в. (Белокр. 27), принадлежавшего с 29 октября 1803 г. Михаилу Лаврентьевичу Мешкову; в 1882 г. он купил у мануйловского монаха Павла за 8 франков «Устав церковный со службами» молдавского извода, переписанный в 1557 г. «иеромонахом и певцом» Феодосием (с вкладной записью 1560 г. и поминальными записями 1852 г.) (Белокр. 10); а 10 мая 1883 г. получил от славского инока Евфросина, «взамен Благовестника казанской печати, в свою собственность» книгу слов и поучений Исаака Сирина в списке XVII в. (Белокр. 22). Впоследствии библиотека Швецова перешла к Белокриницкому монастырю[11].

Многие рукописные книги монастырской библиотеки были переписаны в его стенах. В начале 40-х годов XIX в., когда будущий первый старообрядческий митрополит Амвросий еще жил в Константинополе, белокриницкий монах уже переписывал «Чин на поставление в архиереи» (Белокр. 30), а безвестный инок Онуфрий (Иванов), которому предстояло стать третьим епископом в Белой Кринице, день за днем восемь месяцев (с 22 марта по 18 ноября 1844 г.) усердно работал над списком сочинения сурового ревнителя православной веры Иосифа Волоцкого «Просветитель» (Белокр. 31). Онуфрием переписана, по-видимому, целая библиотечка книг. Любопытна запись на одной из них – «Архиерейской литургии» (Белокр. 84): «Писана сия Литургия архиерейская в Белоколодезном монастыре при митрополите Кирилле в лето 7356-е (1847). Начата писать месяца декабря 15 дня. А писал и подписал многосогрешающий на всяк день, непотребной, худой епископ Ануфрий». В эти годы в монастыре была изготовлена и пергаменная рукопись «Устав на поставление митрополита» редакции 1423 г. (Белокр. 64). Эта искусная подделка, имитирующая рукопись XV в., свидетельствует о серьезных познаниях местных книжников в области палеографии. В митрополичьей библиотеке хранился большой рукописный том сочинений Максима Грека, украшенный его изображением, яркими заставками и инициалами (Белокр. 41). По свидетельству его писца Исидора Филипповича Орлова, этот том скопирован в марте 1859 г. «с рукописной древней книги» в монастыре Иоанна Крестителя на Тиссе. Возможно, этот список был специально сделан по заказу Белокриницкой митрополии. Переписка рукописей в Белой Кринице продолжалась и в конце XIX – начале XX в. Об этом свидетельствуют две небольшие богослужебные рукописи, одна из которых списана в 1882 г. иеромонахом Флавианом (Белокр. 35), а другая – в 1907 г. отроком Порфирием «в честь пресвятой Богородицы для всегдашнего чтения во храме ее» (Белокр. 36).

Кроме библиотеки, в Белокриницком монастыре находился архив митрополии, в котором хранились многие ценные документы по истории старообрядчества. Судьба этого архива после ликвидации монастыря неизвестна[12]. Экспедициям Библиотеки

---

[10] С переплета сентябрьской Служебной минеи (Белокр. 3) при реставрации рукописи был снят пергаменный отрывок от двух листов Паремийника галицко-волынского письма XIV в.

[11] См. материалы о полемике А. В. Швецова (инока Арсения) с архимандритом Московского Никольского единоверческого монастыря Павлом Прусским в защиту старообрядчества белокриницкого согласия (собр. В. Г. Дружинина, шифр 1105).

[12] По любезно сообщенным нам Е. А. Бобковым сведениям, часть архива Белокриницкой иерархии была вывезена в конце XIX в. в Москву в Никольский единоверческий монастырь. Много документов оказалось у Н. И. Субботина, архив которого был передан в ГБЛ (*А. П. Савич.* К истории старообрядчества.— «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 2. М., 1939, стр. 85). При реставрации переплета «Чина на поставление в архиереи» (Белокр. 30), переписанного в Белокриницком монастыре, оттуда был извлечен целый ряд документов: черновые отрывки (в том числе титульный лист) составленного иноком Павлом в 1841 г. «Устава Белокриницкого староверского монастыря» в переводе на немецкий язык консисторского чиновника Андрея Тарновецкого (*Н. И. Субботин.* Указ. соч., т. I, стр. 173—

inslav

Академии наук СССР удалось привезти в Ленинград только комплекс материалов, связанных со знаменитым «Окружным посланием», расколовшим старообрядцев белокриницкого согласия на два враждебных лагеря [13]. Прежде всего это список «Окружного послания» (Белокр. 32), авторы которого шли на смягчение отношений с православной церковью, и грамоты старообрядческих митрополитов в поддержку (грамота Амвросия 1863 г.– Белокр. 39 б) и с осуждением (грамоты Кирилла 1864, 1865 и 1867 гг.– Белокр. 39 в, г и д) «Послания» и его сторонников.

Привезенные в Ленинград рукописные книги разнообразны по тематике. Ценнейшими из них являются рукописи исторического содержания. Назовем прежде всего «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония в списке западнорусского извода первой четверти XVII в. (Белокр. 7). Двенадцать томов сочинения историка римско-католической церкви, библиотекаря Ватикана, кардинала Цезаря Барония (Cesar Baronius) «Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198» были впервые изданы в Риме в 1588–1607 гг. Еще до выхода в свет последних томов этого сочинения, в 1603 г., в Кракове появился его сокращенный польский перевод, выполненный иезуитом Петром Скаргою и одобренный самим Баронием. Издание включало 10 глав, содержащих историю христианской церкви с I по X в. [14] В 1607 г. вышло второе краковское издание, включавшее уже 12 глав (I–XII вв.). Белокриницкий список сочинения Цезаря Барония представляет собой перевод, сделанный на Украине в первой четверти XVII в. с краковского издания 1603 г. [15] Последние главы сочинения итальянского историка включают интересный материал по истории Руси и славянских стран.

События всемирной и русской истории «от сотворения мира» до взятия Константинополя турками в 1453 г. подробно изложены в Хронографе редакции 1512 г. сокращенного вида в списке третьей четверти XVIII в. (Белокр. 8).

Среди привезенных рукописей можно выделить памятники церковного права. К ним относится Кормчая книга, новый список которой датируется XVI в. (Белокр. 1). По типу входящих в него текстов белокриницкий список близок к Новгородской кормчей [16]. В него входит большое количество статей русских авторов, в том числе «Повесть о латинех, когда отлучися от греческыя и от святыя соборныя и апостольскыя церкве» и «Вопрошение князя Изяслава... игумена печерскаго великаго Феодосия о латинех». Отдельной выпиской из Кормчей книги является и «Книга о тайне супружества и законном браке» в списке 1792 г., входящая в состав сборной рукописи, написанной в старообрядческом селе Сарыкей в Добрудже (Белокр. 34). Такой «Книгой о браках» до сих пор пользуются во многих деревнях для выяснения «степеней родства» жениха и невесты перед совершением брачного обряда.

К памятникам юридического характера, имевшимся в Белокриницкой библиотеке, примыкают также церковные и монастырские уставы. Среди них «Устав церковный со службами» молдавского извода в списке 1557 г. (Белокр. 10) – древнейшая точно датированная рукопись из числа привезенных в Ленинград, «Монастырский

---

176), план внутренних помещений монастыря, переписка белокриницких иноков (Геронтия, Алимпия, епископа, а затем митрополита Кирилла), относящаяся к периоду создания и первых лет существования старообрядческой митрополии, 1843—1852 гг. Можно отметить, что в собрании А. И. Яцимирского (Библиотека Академии наук СССР) находится письмо иноков-старообрядцев Нектария и Симеона, посланное ими в начале XIX в. белокриницким жителям в ответ на их приглашение переехать в местный монастырь (шифр 13.7.7 Письмо опубликовано А. И. Яцимирским в ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. V, стр. 15—16).

[13] Подробнее об «Окружном послании» и борьбе вокруг него см.: *Н. И. Субботин.* Летопись происходящих в расколе событий. За 1871 год. М., 1871, стр. 180—237; *П. С. Смирнов.* История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893, стр. 159—165.

[14] «Roczne dźiéi kośćielne od Národzenia Páná y Bogá náczego Jesusa Christusa. Wybráne z rocznych dzieiow, kośćielnych Cesara Baroniusza, kárdynała S.R.K. nazwánych Annales ecclesiastici. Przez X. Piotra Skarge Societatis Jesu. Z dozwoleniem tegož kárdynała y stárszych. Te kšięgi zámykáia w sobie dziešięc tomow, to jest lat tyšiąc». Cum gratia et privilegio S.R.M. w Krakowie w drukárniey Andrzeiá Piotrkowczyká, roku páňskiego 1603. 1016 s.» (во втором издании, напечатанном в той же типографии, 1202 стр.)

[15] В исследованиях, посвященных книге Барония, ее первый перевод с польского на русский язык относят к 1678 г., а ее переводчиком называют инока Игнатия Лаврецкого, переводившего «Деяния» по благословению Иосифа, митрополита рязанского и муромского (*Цезарь Бароний.* Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета, кн. I. Века первый — четвертый. М., 1913, стр. VIII). Еще один список западнорусского перевода «Деяний церковных», относящийся к концу XVII в., хранится в ГБЛ (*А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 18—19, № XVI). Описанная здесь рукопись содержит, по наблюдениям А. Востокова, еще более сокращенный текст 12-томного труда Цезаря Барония, чем в польском переводе Петра Скарги.

[16] *И. И. Срезневский.* Обзор русских списков Кормчей книги.— ИОРЯС, т. 65, № 2. СПб., 1897, стр. 85—112.

inslav

Четьи-линейный сборник (декабрь). Список начала XVII в. Титульный лист (БАН, Белокриницкое собр., № 6)

inslav

Толковая псалтырь в переводе Максима Грека. Список 60—70-х годов XVI в. Титульный лист

(БАН, Белокриницкое собр., № 15)

устав» Саввы Освященного в составе сборника XVI в. (Белокр. 13) и «Пандекты» Антиоха Черноризца (Белокр. 11) в списке, также датируемом XVI в.

Белокриницкие митрополиты, вынужденные вести постоянные религиозные споры со своими противниками, стремились сосредоточить в своей библиотеке возможно большее количество богословско-полемических произведений. Это главным образом сочинения отцов церкви, переведенные на славянский язык и имевшие хождение на Руси. Примечательно, что Книга поучений Исаака Сирина представлена в трех списках, относящихся к XVI, XVII и XVIII вв. (Белокр. 12, 22 и 23), причем список XVIII в. украшен миниатюрой, изображающей автора книги. Тремя миниатюрами на библейские сюжеты украшена Книга слов и поучений аввы Дорофея в списке, изготовленном иноком Иосифом в 1782 г. (Белокр. 9). Из сочинений византийских авторов, живших в IX—XI вв., следует назвать «Стословец» Феодора Эдесского с Житием автора в списке XVI в. и «Диоптру», или «Душезрительное зерцало» Филиппа Пустынника в списке XVII в. (Белокр. 17).

Из сборников нравоучительно-агиографического характера интересен «Скитский

inslav

Толковая псалтырь в переводе Максима Грека. Список 60—70-х годов XVI в. с авторскими глоссами на полях

(БАН, Белокриницкое собр., № 16)

патерик» болгарского извода в списке XVI в. (Белокр. 2). Рукопись содержит слова и поучения отцов церкви, нравоучительные повести, сказания и Жития восточных святых и подвижников [17]. К началу XVII в. относится другой Четьи-минейный сборник за декабрь месяц, содержащий жития византийских святых и подвижников, а также слова и поучения отцов церкви на различные праздники (Белокр. 6). Сборник украшен нарядной заставкой, его заголовок написан золотом. В другом сборнике XVI в. (Белокр. 13) находятся сочинения средневековых болгарских писателей: Климента

[17] Близкий по составу статей «Скитский патерик» описан в статье Кл. Ивановой-Константиновой «Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания» (ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, стр. 294—308).

inslav

Изображение Максима Грека в сборнике его сочинений
(БАН, Белокриницкое собр., № 41)

Охридского «Похвала святому Кирилу учителю словенску языку»[18] и Евфимия Тырновского «[Слово] похвалное святым и равноапостольным царям Коньстянтину и Елене». В этом же сборнике находятся два интереснейших Жития: изобретателя славянской азбуки Кирилла Философа и Авраамия, епископа смоленского, сочиненное в конце XII в. его учеником, иноком Богородицкого Смоленского монастыря Ефремом. Житие Авраамия содержит богатый материал по истории просвещения и быта Руси XII в.[19] В конце сборника помещено Сказание об Иверском Афонском монастыре. Из других древнерусских агиографических памятников можно назвать Житие Зосимы и

[18] По классификации Б. Ст. Ангелова, К. М. Куева и Хр. Кодова, наш список «Похвалы святому Кирилу» принадлежит к вторичной редакции В. (см. в кн.: *Климент Охридски.* Събрани съчинения, т. I. Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970, стр. 428—433).

[19] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 52—58.

inslav

Сборник сочинений Максима Грека. Титульный лист
(БАН, Белокриницкое собр., № 41)

Савватия Соловецких в списке начала XVII в. (Белокр. 19). Отметим также апокрифическое Житие Василия Нового, сочиненное иноком Григорием, в списке, относящемся к первой половине XVIII в. (Белокр. 24).

В 1518 г. в Москву по вызову великого князя Василия III приехал с Афона ученый греческий монах Максим Грек. Свою просветительскую деятельность на Руси Максим Грек начал с перевода на русский язык ряда книг с греческого языка. Первой из таких книг была Толковая псалтырь. Один из ее списков, изготовленный в 60–70-х годах XVI в., удалось привезти из Белой Криницы. Рукопись включает два объемистых тома (564 и 661 лл.) в 4° в современных переплетах, содержащих толкования на 76 псалмов (из 151) – (Белокр. 15–16). Первый том Толковой псалтыри снабжен авторским посвящением от имени «наименьшего во иноцех Максима Святогорского» великому князю Василию Ивановичу. Особенно интересным для исследования переводческой деятельности Максима Грека, в частности его работы над славянским переводом псалтыри, которым он занимался в течение всей своей жизни в России, оказался второй том. Перевод Толковой псалтыри, неоднократно подвер-

inslav

гавшийся обработке и правке, был осуществлен ученым афонцем в 1521—1522 и 1552 гг.[20] Белокриницкий список замечателен тем, что здесь на полях имеются многочисленные глоссы к псалтырному тексту, которые представляют собой лексические и синонимические замены, осуществленные при переводе 1552 г., т. е. здесь отражена определенная текстологическая работа по сличению двух переводов — 1521—1522 и 1552 гг. Мы не знаем, проделали эту работу сами переписчики или текст списан (вместе с маргинальными глоссами) с более раннего протографа (может быть, содержавшего автограф Максима Грека).

Вторая рукопись, относящаяся к творчеству Максима Грека,— это сборник его слов и посланий из 82 глав в списке 1859 г., украшенном красочной миниатюрой, изображающей автора (Белокр. 41).

К посланиям Максима Грека, в которых обличались нравственные пороки современного ему русского общества, близко подходит по идеологической направленности важный публицистический памятник середины XVI в.— «Валаамская беседа» в списке, относящемся ко второй группе (по классификации Г. Н. Моисеевой)[21] и входящем в состав сборной рукописи XVII в. (Белокр. 17). Имелся в библиотеке и знаменитый труд крупнейшего идеолога Московской Руси XVI в. Иосифа Волоцкого — «Просветитель» в списке, сделанном в самом Белокриницком монастыре в 1844 г. (Белокр. 31). Основная цель этого сочинения — обличение всяческих ересей и хранение в чистоте православной веры — была близка белокриницким старообрядцам XIX в., жившим в окружении иноверцев вдали от родины.

Крупный раздел Белокриницкой библиотеки составляли, по-видимому, старообрядческие сочинения XVIII—XIX вв. Из их числа удалось привезти в Ленинград немного: два списка XVIII в. «Поморских ответов на вопросы иеромонаха Неофита» (Белокр. 27 и 28) — сочинение, написанное в 1726 г. выговскими старообрядцами в защиту поморского старообрядческого согласия; «Виноград российский» в списке XVIII в. (Белокр. 25), представляющий собой сборник Житий старообрядческих святых и мучеников за старую веру; а также «Вопросы и ответы пустынножителей архимандриту Питириму» в списке XIX в. (Белокр. 29) — сочинение, отразившее богословские проблемы, волновавшие старообрядцев в первой четверти XVIII в.

Рукописей литературного характера в Белокриницкой библиотеке было, по-видимому, немного. Из числа привезенных в Ленинград можно назвать лишь сборник второй половины XVII в. (Белокр. 20), содержащий слова и сказания из Пролога, Патерика, в том числе два сказания из переводной Повести о Варлааме и Иоасафе, сказания об иконах Богородицы, о сотворении Псалтыри, о церкви святой Софии, отрывки из Жития Сергия Радонежского, слово Палладия мниха о втором пришествии и о Страшном суде и др.

Сохранившаяся до наших дней часть библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии свидетельствует о том, что она была фундаментальным собранием печатных и рукописных книг по истории церкви, по литургике и богословию, по каноническому праву и другим смежным с этими дисциплинами вопросам. В приходской церкви Белой Криницы остались все богослужебные книги и рукописи, богатейшая коллекция русских книг XVI—XVII вв. (в том числе первые издания Уложения царя Алексея Михайловича, Кормчей и «Грамматики» М. Г. Смотрицкого), сочинения по всемирной и русской истории Иосифа Флавия, Роллена, Ломоносова, Эмина и Щербатова, изданные в XVIII в. Петербургской Академией наук, книги и брошюры беспоповцев, униатов и сектантов.

Находка Белокриницкой библиотеки подтверждает необходимость расширить район поисков древних книг, охватить ими бывшие центры старообрядческой эмиграции в Подолии, Буковине, Галиции и Добрудже. Характерно, что именно здесь в конце XIX — начале XX в. составлялись богатые коллекции рукописей Э. Калужняцкого, А. И. Яцимирского, П. А. Сырку, собрания которых хранятся сейчас в Библиотеке Академии наук СССР. Как показали экспедиции 1971—1972 гг., древние рукописи и первопечатные славянские книги до сих пор можно найти в сельских старообрядческих церквах и у местных грамотеев-начетчиков. Таким образом, перед советскими археографами открывается обширное поле для разысканий, в результате которых, несомненно, будут обнаружены новые материалы по истории культуры братских народов — русского, украинского и молдавского.

---

[20] *Л. С. Ковтун, Н. В. Синицына, Б. Л. Фонкич.* Максим Грек и славянская Псалтырь (Сложение норм русского литературного языка в переводческой практике XVI в).— В сб.: «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973, стр. 99—127.

[21] *Г. Н. Моисеева.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.— Л., 1958.

inslav

В. И. Буганов

ОПИСАНИЕ СПИСКОВ РАЗРЯДНЫХ КНИГ XVII В.

Настоящий перечень является продолжением описания списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. (до 1613 г.); он включает рукописи, содержащие текст разрядов с 1613 г., знаменующего новый этап в истории текста, редакций этого важнейшего исторического источника. Часть списков разрядных книг этого времени описана и издана в известных публикациях середины XIX в. [1]; описание некоторых из них приводится в работах А. Х. Востокова, Н. П. Лихачева, С. А. Белокурова, а также А. И. Копанева, М. В. Кукушкиной и автора настоящего обзора [2].

Ниже приводится перечень всех (описанных в литературе и неизвестных исследователям) списков разрядных книг двух видов: т. н. «дворцовых разрядов» и «книг разрядных» (или «подлинников», по терминологии описи спасенных во время московского пожара 1626 г. дел Разрядного приказа). Он включает название списка, шифр по месту хранения, основные данные о рукописи (хронологические рамки, время написания, формат, количество листов, ссылки на описания в литературе). Описание списков «Государева разряда» 1637/38 г. и сокращенной редакции 1636 г. не приводится, потому что им посвящены особые исследования; в них дается характеристика рукописей, количество которых к тому же весьма невелико [3].

Ввиду того, что часть рукописей, включающих тексты разрядов до 1613 г. и одновременно после 1613 г., довольно подробно описана в литературе, в настоящем обзоре приводится лишь их краткое описание; более подробные данные о них можно найти в изданиях, обозначенных в ссылках к каждому из описанных здесь списков.

1. СПИСКИ «ДВОРЦОВЫХ РАЗРЯДОВ» XVII В. (С 1613 г.)

Списки этих разрядных книг (т. н. «дворцовых разрядов»), примыкающих и в ряде случаев продолжающих текст списков разрядных книг с древнейшими записями (пространной редакции) за последнюю четверть XV — начало XVII в. (до 1613 г.), можно разделить на две группы; в первую включены списки с более или менее полным текстом разрядов, во вторую — списки, содержащие отрывки, выписки из «дворцовых разрядов».

---

[1] «Дворцовые разряды» (далее — ДР), т. I—IV. СПб., 1850—1855; «Дополнения к т. III ДР». СПб., 1854; «Книги разрядные» (далее — КР), т. I—II. СПб., 1853—1855.

[2] *А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; *С. А. Белокуров.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907; «Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 1. М.— Л., 1959 (далее — «Описание»); *В. И. Буганов.* Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в.— «Проблемы источниковедения», VI. М., 1958; *он же.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

[3] *В. И. Буганов.* «Государев разряд» первой половины XVII в.— «Проблемы источниковедения», VIII. М., 1959; *он же.* Сокращенная редакция разрядных книг 1636 г.— Там же, IX. М., 1961.

inslav

I ГРУППА

ЦГАДА

1. Список Ромодановского (ф. 181, д. 118) — разряды за 1612—1631 гг. в составе разрядной книги 1586—1631 гг., скоропись XVII в., в 4°, 649 л. Рукопись принадлежала в конце XVII в. боярину Ф. Г. Ромодановскому. Она привлекалась в качестве одного из списков при издании «дворцовых разрядов».

См.: ДР, т. I, стр. XXIX—XXX; *В. И. Буганов*. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в., стр. 51.

2. Собакинский (ф. 181, д. 119) — разряды за 1612/13—1644 гг. в составе разрядной книги 1479—1644 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 303 л. Рукопись принадлежала в XVII в. стольнику В. Н. Собакину. Этот список привлекался при издании «дворцовых разрядов».

См.: ДР, т. I, стр. XXX—XXXI; *В. И. Буганов*. Разрядные книги..., стр. 47—48.

3. Архивский I (ф. 181, д. 122) — разрядная книга 1612—1645 гг., скоропись XVII в., в 4°, 674 л. Водяной знак — корона. Записи за 1612—1645 гг. расположены на лл. 49—674; на лл. 1—48: «Государев разряд» 1637/38 (7146) г. На полях выписаны фамилии деятелей, упоминаемых в тексте. Список привлекался при издании «дворцовых разрядов».

См: ДР, т. I, стр. XXX.

4. Архивский II (ф. Госархива Российской империи, разряд XXVII, д. 26) — разряды 1613—1647 гг. в составе разрядной книги 1605/06—1647 гг., скоропись XVII в., в 4°. Записи за 1605/06—1613 гг. опубликованы С. А. Белокуровым (указ. соч., стр. 131—153).

См.: *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. VI.

ГБЛ

5. Румянцевский I (Р. 341) — разрядная книга 1612—1645 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 650 л. Заглавные буквы и некоторые заголовки написаны киноварью. Рукопись привлекалась при издании «дворцовых разрядов».

См.: *А. Востоков*. Указ. соч., стр. 478—479; ДР, т. I, стр. XXVII; *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. III—IV.

6. Музейный I(М 738) — разрядная книга 1613—1646 г., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 526 л. Водяной знак — голова шута.

7. Музейный II (М 1591) — разряды 1631—1687 гг., столбцы, 407 л.

8. Музейный III (М 633) — разряды 1663—1685 гг., столбцы, 168 л.

9. Список Успенского (ОИДР 184) — разрядная книга 1613—1631 гг., скоропись XVII в., в 4°, 1253 л. (считая чистые). На оборотной стороне обложки запись: «1816 марта 13 от г-на Успенского». Список привлекался при издании «дворцовых разрядов».

См.: ДР, т. I, стр. XXVII.

10. Список Ундольского (У 1233) — разрядная книга 1618—1655 гг., скоропись последней четверти XVII в., в 4°, 754 л., начало и конец в рукописи отсутствуют. На л. 272 перед записями за 1645 (7154) г. на отдельном листе написан заголовок: «Книга разряд царя Алексея Михайловича всея Росии 7154-го... 7174 годов» (перечисляются все годы с 1645 по 1666; таким образом, в рукописи недостает записей за 1656—1666 гг.).

ГИМ

11. Забелинский (Забел. 221) — разрядная книга 1613—1628 гг., скоропись разных почерков XVII в., в 1°, 449 л. Водяной знак — кувшинчик с полумесяцем.

12. Барсовский I (ОПИ, ф. 450, д. 124/1875) — разрядная книга 1613—1633 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 1002 л. Водяной знак — голова шута.

13. Барсовский II (ОПИ, ф. 450, д. 129-а, тетрадь 1) — разряды 1677/78—1680 гг., копия XIX в., в 1°, 52 л.

ГПБ

14. Эрмитажный I (Эрм. 389) — разряды за 1613—1631 гг., в составе разрядной книги 1471—1631 гг., скоропись XVII в., в 1°, 961 л.

См.: *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. III; *В. И. Буганов*. Разрядные книги..., стр. 36.

15. Библиотечный I (F. IV. 23) — разряды за 1613—1631 гг. в составе разрядной книги 1471—1631 гг., копия второй половины XVIII в. с разрядной книги типа Эрмитажного I списка, в 1°, 845 л. Рукопись привлекалась при издании «дворцовых разрядов».

inslav

См.: ДР, т. I, стр. XXXI — XXXII.

16. Титовский I (Тит. 1860) — разряды за 1613—1631 гг. в составе разрядной книги 1471—1631 гг., копия второй половины XVIII в. с разрядной книги типа Эрмитажного I списка, в 1°, 933 л.

17. Карабановский (F. IV. 564) — разрядная книга 1613—1645 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 693 л. Водяной знак — голова шута. Рукопись принадлежала П. Ф. Карабанову; она привлекалась при издании «дворцовых разрядов».

См.: ДР, т. I, стр. XXVII — XXVIII.

18. Библиотечный II (Q. IV. 99) — разрядная книга 1620/21—1640 гг., скоропись середины — третьей четверти XVII в., в 4°, 458 л. Водяные знаки — лилия внутри щита, корона, кувшинчик с полумесяцем. Рукопись привлекалась при издании «дворцовых разрядов».

См.: ДР, т. I, стр. XXIX.

19. Библиотечный III (F. IV. 42) — разрядная книга 1645—1655 гг., скоропись XVIII в., в 1°, 254 л.

20. Эрмитажный II (Эрм. 342) — разрядная книга 1655—1663 гг., скоропись XVIII в., в 1°, 409 л. На л. 1 заголовок: «Дворцовыя записки лета $\frac{7164}{1656}$ — $\frac{71}{63}$».

БАН

21. Академический I (16. 16. 39) — разрядная книга 1631—1645 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 628 л. Водяные знаки — голова шута, герб Амстердама.

См.: «Описание», стр. 626—627.

* * *

22. Милеровский I — разрядная книга 1632—1655 гг., изданная Г.-Ф. Миллером («Повседневные дворцовые времени государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича записки», ч. 1—2. М., 1769).

II ГРУППА[4]

ЦГАДА

23(1). Миллеровский II (ф. 181, д. 1371) — отрывки за 1613—1645 гг. в составе разрядной книги 1375—1645 гг.; представляют собой выписки, сделанные в XVIII в. Г.-Ф. Миллером на русском и немецком языках, в 1°, 527 стр.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 31.

24(2). Миллеровский III (д. 181, д. 97) — отрывки за 1613—1624 гг. в составе разрядной книги 1475—1624 гг., копия 1771 г., сделанная для Г.-Ф. Миллера, в 1°, 383 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XIII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 79—80.

25(3). Шишковский (ф. 181, д. 111) — отрывки за 1632—1633 гг. в составе разрядной книги 1487—1633 гг., скоропись второй половины XVII—XVIII в., в 4°, 418 л. Отрывки — на лл. 415—417.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 44—45.

26(4). Архивский III (ф. 181, д. 116) — отрывки за 1613—1646 гг. в составе разрядной книги 1559—1646 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 504 л. Отрывки — на лл. 313—503.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XIII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 96—97.

27(5). Волковский (ф. 181, ф. 117) — отрывки за 1613—1645 гг. в составе разрядной книги 1489—1645 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 687 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. X; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 47.

28(6). Список Желябужского (ф. 181, д. 125) — отрывки за 1613—1662 гг. в составе разрядной книги 1520—1662 гг., скоропись конца XVII — начала XVIII в., в 4°, 580 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XII—XIII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 48.

---

[4] Далее списки имеют двойной номер: валовой и порядковый в пределах II группы (обозначается в скобках).

inslav

29(7). Лукинский (ф. 181, д. 130) — отрывки за 1613—1660 гг. в составе разрядной книги 1521—1660 гг., скоропись XVIII в., в 4°, 235 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 48—49.

30(8). Пушкинский (ф. 181, д. 396) — отрывки за 1613—1650 гг. в составе разрядной книги 1495—1650 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 291 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IV; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 49—50.

31(9). Архивский IV (ф. 181, д. 743) — отрывки за 1641—1677 гг. в составе разрядной книги 1516—1677 гг., скоропись XVII в., в 1°, 353 л. Отрывки — на лл. 339—353 об.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 50—51.

32(10). Миллеровский IV (ф. 199, д. 159, ч. 2) — отрывки за 1613–1637 гг. в составе разрядной книги 1586—1637 гг., скоропись XVII в., в 4°, 238 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IX—X; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 52.

ГБЛ

33(11). Болтинский (ОИДР 183) — отрывки за 1613—1676 гг. в составе разрядной книги 1433—1676 гг., скоропись конца XVII в., в 1°, 340 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 337—338; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 32–33.

34(12). Плещеевский (М 737) — отрывки за 1613—1623 гг в. составе разрядной книги 1478—1623 гг., скоропись XVII в., в 1°, 830 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 109—110; *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. VII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 53—54.

35(13). Беляевский I (М 1585) — отрывки за 1613—1617 гг. в составе разрядной книги 1477—1617 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 1011 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. V; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 54.

36(14). Беляевский II (М 1587) — отрывки за 1613—1676 гг. в составе разрядной книги 1487—1676 гг., скоропись XVII в., в 4°, 246 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 73—74.

37(15). Беляевский III (М 1588) — отрывки за 1613—1680 гг. в составе разрядной книги 1489—1680 гг., скоропись второй половины XVII — начала XVIII в., в 4°, 213 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XI; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 54—55.

38(16). Львовский (М 1647) — отрывки за 1613—1648 гг. в составе разрядной книги 1549—1648 гг., копия XVIII в., в 1°, 474 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XIV; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 56—57.

39(17). Сабуровский (М 3276) — отрывки за 1613—1622 гг. в составе разрядной книги 1487—1622 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, XV + 449 л. (считая чистые).

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 74.

40(18). Румянцевский II (Р 339) — отрывки за 1613—1624 гг. в составе разрядной книги 1493—1624 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 614 л. Отрывки — на лл. 605 об.— 614 об.

См.: *А. Востоков.* Указ. соч., стр. 476—477; *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IV; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 82—83.

ГИМ

41(19). Уваровский I (Увар. 604) — отрывки за 1613—1631 гг. в составе разрядной книги 1471—1631 гг., копия XVIII в. с разрядной книги типа Эрмитажного I списка, в 1°, 919 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 34—35.

42(20). Уваровский II (Увар. 594) — отрывки за 1613—1616 гг. в составе разрядной книги 1577—1616 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 874 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IX; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 59–60.

ГПБ

43(21). Эрмитажный III (Эрм. 390-а) — отрывки за 1613—1638 гг. в составе разрядной книги 1375—1638 гг., скоропись XVII в., в 1°, VII л. + 2034 стр.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IV; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 37—38.

44(22). Список Вяземского (Вяз. 23) — отрывки за 1613—1620 гг. в составе разрядной книги 1375—1620 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 978 стр.

inslav

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 338—340; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 39.

45(23). Хилковский (Q. IV.103) — отрывки за 1613—1624 гг., в составе разрядной книги 1433—1624 гг., скоропись XVII в., в 4°, 779 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 340—341; *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. VII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 39.

46(24). Библиотечный IV (Q. IV.86) — отрывки за 1613—1643 гг. в составе разрядной книги 1487—1643 гг., скоропись конца XVII в., в 4°, 428 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 62—63.

47(25). Погодинский I (Погод. 1523) — отрывки за 1613—1660 гг. в составе разрядной книги 1479—1660 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 981 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. VII—VIII; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 63.

48(26). Погодинский II (Погод. 1526) — отрывки за 1613—1645 гг. в составе разрядной книги 1577—1645 гг., скоропись XVIII в., в 1°, 237 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 289—290, прим. 1; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 64.

49(27). Погодинский III (Погод. 1623) — отрывки за 1613—1615 гг. в составе разрядной книги 1506—1615 гг., скоропись второй половины XVIII в., в 1°, 108 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. XI; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 64.

50(28). Титовский II (Тит. 891) — отрывки за 1613—1635 гг. в составе разрядной книги 1475—1635 гг., скоропись второй половины XVII в., в 4°, 371 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 65—66.

ЛОИИ

51(29). Воронцовский I (Воронц. 650) — отрывки за 1613—1627 гг. в составе разрядной книги 1375—1627 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 662 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 40.

52(30). Воронцовский II (Воронц. 660) — отрывки за 1613—1624 гг. в составе разрядной книги 1475—1624 гг., скоропись XVII в., в 4°, 1164 л. Отрывки — на лл. 1120—1164.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 85.

53(31). Лихачевский I (Лихач. 146) — отрывки за 1613—1620 гг. в составе разрядной книги 1375—1620 гг., копия второй половины XVIII в., в 1°, 322 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 34, прим. 1; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 41.

54(32). Лихачевский II (Лихач. 518) — отрывки за 1613—1623 гг. в составе разрядной книги 1493—1623 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 652 л.

См.: *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 66.

55(33). Археографический (ф. Археографической комиссии, № 104) — отрывки за 1613—1646 гг. в составе разрядной книги 1552—1646 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 365 л.

См.: *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. V; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 67.

БАН

56(34). Академический II (32.5.1) — отрывки за 1613—1635 гг. в составе разрядной книги 1433—1635 гг., полуустав конца XVII в., в 1°, 694 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 205, 336—337; *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. IX; «Описание», стр. 624—625; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 42.

57(35). Академический III (34.3.2) — отрывки за 1613—1617 гг. в составе разрядной книги 1477—1617 гг., скоропись второй половины XVII в., в 1°, 1021 л.

См.: «Описание», стр. 625; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 68.

58(36). Академический IV (34.8.25) — отрывки за 1613—1631 гг. в составе разрядной книги 1475—1631 гг., скоропись XVII в., в 4°, 604 л.

См.: *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 300, прим. 1; *В. И. Буганов.* Разрядные книги..., стр. 86.

* * *

59(37). Свиньинский — отрывки за 1613—1691/92 гг. в составе разрядной книги 1460/61—1691/92 гг., изданной П. Свиньиным [5].

---

[5] «Отечественные записки», 1826, декабрь, № 80; 1830, октябрь — декабрь, ч. 44.

inslav

* * *

Таким образом, сейчас известно 59 списков «дворцовых разрядов» XVII в. (в том числе 2 в печатных изданиях), из которых 40 списков написаны в XVII в., 3 — в XVII — XVIII вв., 13 — в XVIII в., 1 — в XIX в. Из 59 списков два являются подлинниками, составленными в Разрядном приказе (столбцы); 56 являются частными списками [6].

2. СПИСКИ «КНИГ РАЗРЯДНЫХ» («ПОДЛИННИКОВ»)

Ниже перечисляются списки разрядных книг за 1613—1636 гг., составлявшихся в основном ежегодно, за исключением первой книги, охватывающей записи за два года, а также книг, посвященных русско-польской войне 1632—1634 гг.

1. ГИМ, Увар. 897 — разрядная книга 1613—1614 (7121—7122) гг., современная скоропись XVII в., одним почерком, в 4°, 285 л. Заставка и заглавие писаны золотом. Этот «подлинник» – оригинал Разрядного приказа.

2. ГИМ, Увар. 170 — разрядная книга 1613—1614 (7121—7122) гг., копия XVIII в., в 4°, 134 л. На л. 1 почерком XVIII в.: «Сочинена боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым» (!); здесь же эта книга ошибочно называется «церемониалом царя Михаила Федоровича» (очевидно, потому, что начинается записями об избрании на царство Михаила Федоровича). Содержание книги гораздо шире этого заголовка, так как в ней помещены многочисленные записи разрядного характера.

3. ГИМ, Барс. 1828 — разрядная книга 1613—1614 (7121—7122) гг., копия XVIII в., искусный полуустав, в 1°, 93 л.

4. ГПБ, Эрм. 334-а — разрядная книга 1613—1614 (7121—7122) гг., копия XVIII в., в 1°, 79 л.

5. ГПБ, Эрм. 384-б — разрядная книга 1613—1614 (7121—7122) гг., копия XVIII в., в 1°, 115 л.

6. ЦГАДА, ф. 210, книги Московского стола, д. 3 — разрядная книга 1614/15 (7123) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 196 л. Оригинал.

На лл. 1—8 — именной указатель («алфабет») к рукописи, составленный в ноябре 1801 г. канцеляристом Андреевым (см. л. 8), далее на лл. 1—188 — разрядная книга, опубликована в КР, т. I, стб. 1—88.

7. ЦГАДА, ф. 210, д. 4 — разрядная книга 1615/16 (7124) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 302 л. (293 + л. 259 б + 8 л. алфавита). Оригинал.

На лл. 1—8 — именной указатель к рукописи, составленный в 1801 г. Андреевым.

См.: КР, т. I, стб. 89—210.

8. ЦГАДА, ф. 210, д. 5 — разрядная книга 1616/17 (7125) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 487 л. Оригинал.

На лл. 1—6 — именной указатель, составленный Андреевым.

См.: КР, т. I, стб. 211—416.

9. ЦГАДА, ф. 210, д. 6 — разрядная книга 1617/18 (7126) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 369 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 417—560.

10. ЦГАДА, ф. 210, д. 7 — разрядная книга 1618/19 (7127) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 313 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 561—674.

11. ЦГАДА, ф. 210, д. 8 — разрядная книга 1619/20 (7128) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 194 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 675—730.

12. ЦГАДА, ф. 210, д. 9 — разрядная книга 1620/21 (7129) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 117 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 731—768.

13. ЦГАДА, ф. 210, д. 10 — разрядная книга 1621/22 (7130) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 237 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 769—876.

14. ЦГАДА, ф. 210, д. 12 — разрядная книга 1622/23 (7131) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 80 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 877—940.

15. ЦГАДА, ф. 210, д. 13 — разрядная книга 1623/24 (7132) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 206 л. Оригинал.

На лл. 1—2 — именной указатель, составленный Андреевым.

См.: КР, т. I, стб. 979—1042.

16. ЦГАДА, ф. 210, д. 16 — разрядная книга 1624/25 (7133) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 330 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 1043—1166.

17. ЦГАДА, ф. 210, д. 20 — разрядная книга 1625/26 (7134) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 282 л. Оригинал.

---

[6] В основу издания П. Свиньина был положен частный список; по какому списку издал разрядную книгу Г.-Ф. Миллер — неизвестно.

inslav

См.: КР, т. I, стб. 1167—1264.

18. ЦГАДА, ф. 210, д. 21 — разрядная книга 1626/27 (7135) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 338 л. Оригинал.

См.: КР, т. I, стб. 1265—1380.

19. ЦГАДА, ф. 210, д. 22 — разрядная книга 1627/28 (7136) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 323 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 1—100.

20. ЦГАДА, ф. 210, д. 23 — разрядная книга 1628/29 (7137) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 345 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 101—210.

21. ЦГАДА, ф. 210, д. 25 — разрядная книга 1628/29 (7137) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 332 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 101—210.

22. ЦГАДА, ф. 210, д. 26 — разрядная книга 1629/30 (7138) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 298 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 211—304.

23. ЦГАДА, ф. 210, д. 27 — разрядная книга 1630/31 (7139) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 249 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 305—370.

24. ЦГАДА, ф. 210, д. 28 — разрядная книга 1631—1634 (7139—7142) гг., современная скоропись XVII в., в 4°, 633 л. Оригинал.

На лл. 634—655 находится часть разрядной книги 1634 (7142) г., заключающая в себе «Список с договорного письма и с росписи, что пошло ис-под Смоленска ратных и всяких людей больных и раненых и которые изменили, отъехали к Литве, и что осталось под Смоленском какова наряду. А ис-под Смоленска то письмо прислал к государю Михайло Шеин с товарыщи в 142-м году» (л. 634). Эта часть рукописи не напечатана в КР.

См.: КР, т. II, стб. 371—636.

25. ГПБ, Эрм. 491 — разрядная книга 1630/31 (7139) г., копия XVIII в., в 1°, 192 л.

На лл. 1—184 об.— текст разрядной книги 1631—1634 гг.; на лл. 184 об.— 192— «Список с договорного письма и с росписи».

26. ЦГАДА, ф. 210, д. 29 — разрядная книга 1631/32 (7140) г., современная скоропись XVII в. в 4°, 212 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 637—690.

27. ЦГАДА, ф. 210, д. 30 — разрядная книга 1632/33 (7141) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 247 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 691—752.

28. ЦГАДА, ф. 210, д. 31 — разрядная книга 1634/35 (7143) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 331 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 753—832.

29. ЦГАДА, ф. 210, д. 32 — разрядная книга 1635/36 (7144) г., современная скоропись XVII в., в 4°, 372 л. Оригинал.

См.: КР, т. II, стб. 833—936.

* * *

Из 29 списков разрядных «подлинников» 24 являются оригиналами, составленными в Разрядном приказе, 5 — копиями XVIII в.

inslav

А. Л. Станиславский

ЛИЧНЫЙ ФОНД С. К. БОГОЯВЛЕНСКОГО В АРХИВЕ АН СССР

Материалы известного советского историка Сергея Константиновича Богоявленского были переданы в Архив АН СССР его сыном, М. С. Богоявленским, в 1957 и 1971 гг. Всего в фонде (№ 553) 162 дела с конца 1870-х годов по 1951 г., на которые составлена одна опись.

Основную часть фонда составляют научные труды С. К. Богоявленского и черновые материалы к ним. Наиболее ранняя сохранившаяся (неопубликованная) рукопись – «Дневник раскопок, произведенных в Курляндской и Лифляндской губерниях летом 1896 года» [1] (№ 2, 58 лл.) — написана через год после окончания С. К. Богоявленским историко-филологического факультета Московского университета. Почти все остальные рукописи С. К. Богоявленского, помимо архивных выписок, относятся ко времени после 1917 г., причем лишь некоторые из них опубликованы [2].

Сохранившиеся в фонде наброски (№ 56) к известному справочнику «Приказные судьи XVII века» (М.– Л., 1946) дают наглядное представление о технике работы крупнейшего знатока русского приказного делопроизводства. Одним из главных источников книги послужили неопубликованные боярские списки XVII в., систематически обработанные С. К. Богоявленским,– первый серьезный опыт использования боярских списков как исторического источника. Работу над справочником ученый продолжал до последних дней жизни: в фонде хранится типографский экземпляр книги (№ 58), алфавитный указатель к которому Сергей Константинович дополнил рядом ценных биографических справок. Работу эту С. К. Богоявленский успел довести только до середины указателя. Дополнения к печатному тексту имеются также в оттиске статьи «Московские слободы и сотни в XVII веке» [3] (№ 33).

Значительная часть рукописного наследия С. К. Богоявленского не опубликована. Это прежде всего монография «Мещанская слобода в Москве в XVII веке» (№ 20, 275 лл., машинопись [4]), которую С. К. Богоявленский в основных чертах завершил еще до революции. Ученый отмечал, что ни по одной московской слободе XVII в. не сохранилось такого обильного материала, как по Мещанской. Эти материалы он обнаружил в фондах Посольского приказа, который «стягивал в свои канцелярии все маломальски значительные дела слободы». Кроме того, в книге использованы Приказные дела старых лет, Приказные дела новой разборки и другие фонды ЦГАДА. Работа состоит из введения источниковедческого характера, в значительной части посвященного исследованию переписных книг слободы 1676 и 1684 гг., и восьми глав, в которых прослеживается история слободы с момента ее создания в 1671 г. до ликвидации в конце XVII в., описывается ее административное устройство, состав и занятия жителей и т. д. Подводя итоги исследованию, Сергей Константинович писал, что история Мещанской слободы характеризует московское ремесленное производство «и подробности той классовой борьбы, которая не затихала в Московском посаде...»

По материалам Посольского приказа написана также статья «Шелковая фабрика в Москве в XVII веке» (№ 26, 28 лл., автограф). Крах «бархатного завода» С. К. Богоявленский объяснял экономической политикой правительства, недовольством московских купцов, недостаточным разделением труда и другими причинами. Основное значение предприятия Арнольда Паульсена он видел в подготовке квалифицированных кадров русских мастеров.

К этим двум работам тематически примыкает доклад «Новый Английский денежный двор» (№ 24, 9 лл. большого формата, автограф), прочитанный С. К. Богоявлен-

---

[1] О результатах раскопок см.: *С. К. Богоявленский.* Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 года.— «Труды X Археологического съезда в Риге. 1896 г.», т. III. М., 1900, стр. 92—116.

[2] Рукописи ряда этих работ (№ 35, 36, 38) присоединены к фонду С. К. Богоявленского из хранящихся в Архиве АН СССР редакционных материалов журнала «Исторические записки» («Приказные дьяки XVII века» — «Исторические записки», т. 1. М., 1937; «Вооружение русских войск в XVI—XVII веках».— Там же, т. 4. М., 1938; «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века».— Там же, т. 5. М., 1939).

[3] «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 115—131.

[4] В фонде сохранился также черновой вариант книги (№ 19).

inslav

ским в 1928 г. в Государственном историческом музее [5]. Остатки делопроизводства денежного двора, обнаруженные С. К. Богоявленским в фонде Аптекарского приказа, позволяют установить местоположение и устройство двора, а также дают представление о процессе производства медных денег. С. К. Богоявленский полагал, что именно для чеканки медных денег двор и был оборудован.

В фонде сохранились обширные материалы по истории русско-сербских отношений. Среди них наибольший интерес представляет монография «Дипломатические отношения России с сербами в XVIII веке» (№ 44, 235 лл., машинопись). Помимо монографии, в фонде имеется статья «Борьба сербов с немецкой агрессией» (№ 47, 74 лл., машинопись), написанная в первые месяцы Великой Отечественной войны для «Исторического журнала» (сохранилась помета академика Ю. В. Готье: «С исторической т[очки] зрения статья вполне пригодна для опубликования»), очерк по истории Сербии (№ 48, 92 лл., машинопись) и лекция «Сербия – Югославия» (№ 52, 31 лл., машинопись), в которой рассматриваются события сербской истории XX в.

Значительную группу материалов фонда составляют работы по исторической географии Москвы. В статье «Источники для восстановления топографии Москвы XVII в.» (№ 63, 20 лл., машинопись) обосновывается выбор источников по топографии старой Москвы и сопоставляются три наиболее известных плана Москвы XVII в. С. К. Богоявленский считал, что все они восходят к единому прототипу — топографическому плану Москвы, составленному в 1603—1605 гг. с участием царевича Федора Борисовича Годунова. Небольшие статьи «Работы по планировке Москвы в 1629—1631 гг.» (№ 27, 12 лл., машинопись), «Казенная слобода в 1678—1680 гг.» (№ 65, 4 лл., машинопись) и «Топография торговых рядов на Красной площади» (№ 64, 14 лл., машинопись) представляют собой пояснения к соответствующим планам, составленным С. К. Богоявленским на основании писцовых книг и других источников. Эти работы, по сведениям И. А. Голубцова, предполагалось включить в первый том «Истории Москвы», который вышел уже после смерти ученого [6].

Две неопубликованные статьи С. К. Богоявленского относятся к истории архитектуры. В работе «Архитектура деревянных построек XVII в.», рассматривающей главным образом бытовые постройки (№ 25, 20 лл., машинопись), ставится задача привлечь к изучению старинного зодчества архивный материал, так как «в вопросе о старинных дворовых деревянных постройках сотрудничество историка-архивиста с архитектором-археологом более необходимо, чем в разработке иного какого-нибудь вопроса по истории русского внешнего быта». Статья «Двор князей Голицыных в Охотном ряду в Москве» (№ 30, 17 лл., автограф) имеет целью восстановить первоначальный облик родового особняка Голицыных до перестроек, которые произвел в конце XVII в. боярин Василий Васильевич.

В статье «Боярская дума» (№ 71, 22 лл., машинопись) С. К. Богоявленский обращает основное внимание на историю Боярской думы в XVII в., ее генеалогический и чиновный состав и основные функции.

Среди неопубликованных работ С. К. Богоявленского имеются также две статьи по архивному делу: «Архивный фонд» (№ 31, 10 лл., машинопись) и «О составлении тематических карточек» (№ 34, 23 лл., машинопись). Первая из них относится ко второй половине 1920-х годов и является откликом ученого на дискуссию, имевшую место на Первом съезде архивных деятелей. Соображения, высказанные С. К. Богоявленским в первые годы советского архивного строительства, представляют и историографический и теоретический интерес: С. К. Богоявленский настаивает на принципах «органического создания фонда» и его неделимости, независимо от практических удобств объединения в одном фонде материалов разных учреждений, и уточняет представление о фондах предприятия, учреждения, личном и семейном.

Кроме упомянутой лекции «Сербия – Югославия», в фонде сохранились еще две лекции: по истории Москвы в XII–XIX вв. (№ 59, 23 лл., автограф), читанная, по воспоминаниям М. С. Богоявленского, в Москве в Политехническом музее, и о Н. В. Калачове как собирателе документов, археографе и архивисте (№ 29, 44 лл., автограф). Последняя лекция представляет собой оригинальное исследование о крупнейшем русском архивном деятеле XIX в., который «первый ввел темы архивоведения в круг вопросов научного характера, подлежащих рассмотрению не только в ведомственных бюрократических кругах, но и в научной среде». Во вступлении к лекции С. К. Богоявленский высказывает свое собственное понимание работы историка-архивиста: «Достаточно немного отрешиться от личных интересов и мыслей, чтобы в каждом документе, как бы незначителен он ни казался, услышать биение неугомон-

---

[5] Тезисы доклада и выписки из документов переданы были С. К. Богоявленским К. В. Базилевичу, который использовал их в работе «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.» (*А. С. Мельникова.* Опыт сравнительного изучения данных нумизматики письменных источников.— «Источниковедение отечественной истории», вып. 1. М., 1973, стр. 217).

[6] См. имеющуюся в фонде справку о неопубликованных трудах С. К. Богоявленского (№ 146). С просьбой написать статью о планах Москвы XVI—XVII вв. к С. К. Богоявленскому обращался также в 1945 г. Институт градостроительства и планировки населенных мест.

inslav

ной жизни и оценить документ, а потом и полюбить. Без этого чувства нельзя сделаться архивистом, получить интерес к сухой кропотливой архивной работе».

В Архиве АН СССР хранится также текст выступления С. К. Богоявленского, посвященного памяти Петра Николаевича Миллера (№ 49), который, по словам Сергея Константиновича, «представлял из себя полную энциклопедию Москвы, сделавшись и сам ее достопримечательностью».

Среди исторических карт и планов С. К. Богоявленского имеются планы Москвы и московских улиц, схема боев армии Болотникова с войсками царя Василия Шуйского в 1606 г. и карты могильников и городищ в Московской области[7] (№№ 21 и 75).

Сохранились также некоторые отзывы С. К. Богоявленского: о докторских диссертациях А. А. Новосельского (№ 55), А. В. Арциховского (№ 51), о сценарии известного кинофильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный» (№ 50). В последнем отзыве особый интерес представляет изложение взглядов С. К. Богоявленского на социальную сущность опричнины Ивана Грозного.

Помимо законченных работ сохранились многочисленные наброски и выписки из архивных документов (по истории Москвы, о русско-сербских отношениях и др.). Отметим, наконец, шуточные сочинения и адреса С. К. Богоявленского (№ 68, 69 и др.).

Отзывов о трудах С. К. Богоявленского в фонде всего два: о справочнике «Приказные судьи XVII века», по-видимому, Н. П. Лихачева[8] (№ 144) и о монографии «Дипломатические отношения России с сербами в XVIII веке»— В. И. Пичеты (№ 145). В первом, помимо рекомендации скорейшего напечатания работы, которая, «несомненно, явится настольной книгой историка, археографа и архивиста», содержится просьба, обращенная к работникам архивов, собрать «указания и на подьячих XVII века, в тех случаях, когда место их службы и хронологическая дата точно установлены». В. И. Пичета отмечает широкое привлечение в исследовании неопубликованных источников, «прекрасную его научную и литературную обработку», политическую и научную актуальность.

В 1951 г. по поручению комиссии по изданию трудов Сергея Константиновича И. А. Голубцовым была составлена сохранившаяся в фонде справка о неопубликованных трудах С. К. Богоявленского (№ 146). И. А. Голубцов отметил, что среди рукописей имеются вполне законченные работы; подробнее всего он остановился на монографии «Мещанская слобода в Москве в XVII веке»: «Работа писалась автором в течение многих лет и, сколько мне известно на основании долголетнего с ним общения, всегда самим им рассматривалась как одно из наиболее ценных его сочинений...» И. А. Голубцов отметил научную ценность и других неопубликованных работ С. К. Богоявленского.

Во втором разделе фонда С. К. Богоявленского собраны биографические материалы: автобиография (№ 76), списки трудов (№ 80), формулярный список 1910 г. о службе в Воскресенском училище (№ 103), извещения об избрании историка членом-корреспондентом АН СССР (№ 111) и членом Комитета по истории русского театра (№ 104), Почетная грамота Верховного Совета Узбекской ССР 1943 г. (№ 79), читательские билеты (№ 77), юбилейно-поздравительные материалы (связанные главным образом с 25-летием научной деятельности ученого, которое отмечалось в феврале 1923 г.) (№ 82, 83 и др.) и фотографии (№ 132—142). Среди них, помимо фотографий С. К. Богоявленского (в Москве, Курске, Ташкенте, Праге), особый интерес представляют фотографии сотрудников, читателей и помещений Московского главного архива Министерства иностранных дел.

Из материалов о научно-организационной деятельности С. К. Богоявленского сохранилось очень немного: письмо директора Музея Революции С. И. Мицкевича 1926 г. с выражением благодарности за консультации по вопросам архивного дела (№ 105), план работы на пятилетие (1945 г.) (№ 119), редакционно-издательская переписка (№ 114, 116, 118), издательские договоры (№ 110), справка (1936 г.) о редактировании С. К. Богоявленским карточек с географическими названиями для бюро транскрипции «Госкартографтреста» (№ 109), справки о работе на кафедре архивоведения Московского университета, в Западно-Сибирском краевом архивном управлении и др. (№ 106—108, 112, 113 и 123).

Почти совершенно отсутствует в фонде переписка. Интерес представляет письмо гимназиста Сережи к бабушке, которое отчасти воссоздает домашнюю обстановку Богоявленских (№ 125); сохранилось также письмо крупнейшего советского математика Н. Н. Лузина вдове Сергея Константиновича (№ 101). «Нет слов,— пишет Н. Н. Лузин,— чтобы выразить Вам наше горе об уходе исключительного человека, исполненного сердечности, благожелательности и той простоты, которая заставляла всех нас стремиться к общению с ним, искать его беседы, услаждавшие (так!) нас его огромными знаниями и глубокой мудростью».

---

[7] О наблюдениях по этой теме см.: *С. К. Богоявленский.* Материалы к археологической карте Московского края.— «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. 1. М.— Л., 1947 («Материалы и исследования по археологии СССР», № 7).

[8] Подписан инициалами Н. Л.

inslav

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ С. К. БОГОЯВЛЕНСКОГО *

1894

К вопросу о столах Разрядного приказа.— «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 293, июнь, с. 401—413 (отдел наук).

1896

Отчет об археологической экспедиции летом 1895 года.— В кн.: «Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге», вып. II. М., с. 19—35. (Совместно с Р. Штакелбергом.)

1899

Некоторые статистические данные по истории русского города XVII ст.— В кн.: «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. 1, вып. 3. М., с. 381—394. Отд. отт. М., 1898, 14 с.

1900

Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 года.— В кн.: «Труды X Археологического съезда в Риге. 1896 г.», т. III. М., с. 92—116.

Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. [Публикация. Предисловие и комментарии].— В кн.: «Судебник Московского главного архива Министерства иностранных дел», вып. 7. М., с. I—XXIV; 1—56. Отд. изд. М., I—XXXVIII, 56 с.; 2 л. ил.

1901

Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда, Московской губернии 1900 г.— В кн.: «Древности. Труды Московского археологического общества», т. 19, вып. 2. М., с. 57—70. (Совместно с Ю. В. Готье.) Отд. отт. М., 14 с.

1902

1687 г. февраля 7. О пожаловании князю В. В. Голицыну резной кровати с позолотою и росписанием красками.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, Смесь, с. 41—42.

1905

Опись дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 1, Смесь. с. 12—40.

Подгот. к печати: Новгородские писцовые книги, т. 5. Книги Шелонской пятины. I. Около 1498 г.— II. 1498 г.— III. 1499—1551 гг.— IV. 1571 г.— V. 1576 г. СПб., 696 стб.

1906

[Изложение сообщения о составлении археологической карты Московской губернии].— В кн.: «Древности. Труды Московского археологического общества», кн. 21, вып. 1. М., с. 30 [Протоколы заседаний...]

1908

Изветная челобитная царю Михаилу Федоровичу на Дворцового дьяка Петра Микулина.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 1, Смесь, с. 27.

Книги издержечные тотемского земского старосты Андрея Выдрина 1691—1692 гг.— Там же, кн. 4, Смесь, с. 21—40.

* Составила *Н. Я. Крайнева.*

inslav

Сотница с можайских писцовых книг 1544 г. на слободки Лужковского монастыря.— Там же, кн. 4, Смесь, с. 19—20.

1700 г. Опись имущества, оставшегося после смерти дьяка Ивана Олферьева.— Там же, кн. 1, Смесь, с. 27—32.

1708 г. О воровских подписях в Нижнем Новгороде.— Там же, кн. 3, Смесь, с. 45—46.

1909

Расправная палата при Боярской думе.— В кн.: «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., с. 409—426.

1689 г. Приговор по делу Квирина Кульмана и Кондратия Нордермана.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, Смесь, с. 22—24.

1910

Брань князя Василия Микулинского с Иваном Рудным Колычевым.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 4, с. 18—20.

Войско в Москве в XVI и XVII вв.— В кн.: «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 4. М., с. 62—84.

Московские смуты в XVII в.— Там же, вып. 6. М., с. 123—140.

Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче.— Там же, вып. 6. М., с. 97—104.

Управление Москвой в XVI—XVII вв.— Там же, вып. 3. М., с. 81—96.

Подгот. к печати: Новгородские писцовые книги, т. 6. Книги Бежецкой пятины. I. 1501 г.— II. 1545 г.— III. 1551 г.— IV. 1564 г. СПб., 1074 стб.

1911

1688 г. марта 17. Письмо дьяков Посольского приказа князьям Василию Васильевичу и Алексею Васильевичу Голицыным о посещении царем Петром Алексеевичем Посольского приказа.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 4, Смесь, с. 51—52.

Яков Александрович Соловьев.— В кн.: «Освобождение крестьян. Деятели реформы». М., с. 317—342.

1912

Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, Смесь, с. 26—33.

1913

Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна.— В кн.: «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», т. 5. М., с. 171—179.

Распределение между гостями царских служб в 1675 г.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, Смесь, с. 44—47.

Распределение городов по повытьям приказа Устюжской четверти в 1677 г.— Там же, кн. 3, Смесь, с. 27—29.

1697 г. 5 марта. О долге (700 руб.) мещанина Якушки Никифорова А. Д. Меншикову.— Там же, кн. 4, Смесь, с. 40.

1674 г. сентября 29. Приготовление для царевича Петра Алексеевича трех рейтарских знамен.— Там же, кн. 2, Смесь, с. 38.

1435 г. Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу на села в Переяславском уезде.— Там же, кн. 3, Смесь, с. 47—48.

1914

Сост.: Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С. К. Богоявленским.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, с. 1—192; *предисл.*— там же, с. I—XXI. Отд. отт. М., 192 с.

(Рец.: Н. П. Кашин.— «Голос минувшего», 1914, № 8, с. 231—233).

1915

Опись имущества старицы княжны Ирины Ивановны Мстиславской.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, Смесь, с. 1—6.

1668 г. Отписка из Пскова о том, что Новгородцы требуют передачи им образа Одигитрии.— Там же, кн. 2, Смесь, с. 20—21.

1642 г. Челобитье Чудова монастыря чернеца Ионы Кувшинова о награждении его за кровь и мучения отца его и братьев.— Там же, кн. 2, Смесь, с. 26.

Ред.: Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.).— Там же, кн. 4, с. III—XVIII; 240 с. (Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг., вып. 3). (Совместно с И. С. Рябининым.) Отд. отт. М., XVI; 240 с.

inslav

1917

О Пушкарском приказе.— В кн.: «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского». Пг., с. 361—385.

1919

С. А. Белокуров [1862—1918 гг. Некролог].— «Исторический архив», Пг., кн. 1, с. 422—436.

1922

Состав московского слободского схода.— В кн.: «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., с. 322—329.

Рец.: И. Л. Маяковский. Исторический очерк архивного дела в России. Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. 176 с.— «Красный архив», т. 1, с. 422—423.

1923

Н. В. Рождественский. [Некролог].— «Архивное дело», вып. 1, с. 154—155.

1925

200-летие бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел.— «Архивное дело», вып. 2, с. 72—77.

1926

Опыт с экранами на выцветание.— «Архивное дело», вып. 8—9, с. 139—141.

Работа поверочной и разборочных комиссий.— Там же, вып. 5—6, с. 68—83.

1928

О разборке фондов окружных судов по гражданскому отделению.— «Архивное дело», вып. 1(14), с. 39—42.

1929

Рец.: Н. Бельчиков. Теория археографии. М.— Л., 1929. 73 с.— «Архивное дело», вып. 3(20), с. 71—74.

1930

Московские слободы и сотни в XVII веке. [С планом].— В кн.: «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., с. 115—131 («Труды Общества изучения Московской области», вып. 6).

1937

Приказные дьяки XVII века.— «Исторические записки», т. 1, с. 220—239.

Подгот. к печ.: В. Ключевский. Курс русской истории, ч. 5. Переиздание. М., 596 с.; *примечания* — там же, с. 536—548. *То же*, укр. яз.— Киев, 1940, 495 стр.

1938

Вооружение русских войск в XVI—XVII веках.— «Исторические записки», т. 4, с. 258—283.

1939

Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века.— «Исторические записки», т. 5, с. 48—101.

Россия и Франция в 1789—1792 гг. По материалам перлюстрации донесений французского поверенного в делах в России Эдмона Жене.— В кн.: «Литературное наследство», т. 33—34. М., с. 25—48.

1941

Примечания к гл. 6—9 «Истории Сибири».— В кн.: Г.-Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.— Л., с. 547—586. (Совместно с А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным.)

Хованщина.— «Исторические записки», т. 10, с. 180—221.

Рец.: G. Sacke. Die Pressepolitik Katharinas II von Russland («Zeitungswissenschaft», Leipzig, 1938, Heft 9).— «Историк-марксист», № 6, с. 123.

inslav

1944

Академик Юрий Владимирович Готье.— «Известия АН СССР. Серия ист. и филос.», т. 1, № 3, с. 109—116.

1945

Киевская и Московская Русь (Исторический очерк).— В кн.: Н. В. Гиляровская. Русский исторический костюм для сцены. М.— Л., с. 7—30.

Приказные судьи XVII в.— В кн.: «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отделение истории и философии АН СССР». М.— Л., с. 16—17.

1946

Из русско-сербских отношений при Петре Первом.— «Вопросы истории», № 8—9, с. 19—41.

Приказные судьи XVII века. М.— Л., 316 с.

(Рец.: С. Валк.— «Вестник АН СССР», 1946, № 8—9, с. 182—183; Н. В. Устюгов.— «Вопросы истории», 1946, № 10, с. 117—119).

Русский заграничный исторический архив.— «Известия АН СССР. Серия ист. и филос.», т. 3, № 2, с. 194—195.

Судебник царя Федора Ивановича.— БСЭ, т. 53, с. 153—154.

Ред.: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель, ч. 1. М., 364 с.

1947

Материалы к археологической карте Московского края.— В кн.: «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. 1. М.— Л., с. 168—178 («Материалы и исследования по археологии СССР», № 7).

Московская Немецкая слобода.— «Известия АН СССР. Серия ист. и филос.», т. 4, № 3, с. 220—232.

Связи между русскими и сербами в XVII — XVIII вв.— В кн.: «Славянский сборник». М., с. 241—261.

1952

История Москвы, т. I. М., гл. I. § 3. Торговля Москвы, с. 423—445 (совместно с С. В. Бахрушиным); гл. 2. Территория и население, с. 446—533 (§ 4, с. 523—533 написан совместно с С. В. Бахрушиным); гл. 4, § 3. Отголоски крестьянской войны 1670—1671 гг. в Москве, с. 595—597; гл. 5. Просвещение, научно-техническая мысль и литература в Москве, с. 603—637 (совместно с С. В. Бахрушиным и Н. В. Устюговым); гл. 6, § 4. Театр, с. 677—684.

1954

Ред.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Гос. Оружейной палаты. М., 579 с. с илл.; 41 л. илл. (совместно с Г. А. Новицким).

1955

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., гл. 2, № 9. Стрелецкое восстание 1682 г., с. 325—336 (совместно с Н. В. Устюговым); гл. 3, § 2. Царская власть и Боярская дума, с. 344—360 (совместно с К. В. Базилевичем и Н. С. Чаевым); гл. 3, № 5. Местное управление, с. 384—394 (совместно с С. Б. Веселовским); гл. 5. раздел Театр, с. 658—662 (совместно с Л. Н. Пушкаревым).

ЛИТЕРАТУРА О С. К. БОГОЯВЛЕНСКОМ

Богоявленский Сергей Константинович.— В кн.: «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)», т. II. 1. Биографический словарь членов Общества. 2. Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества. Под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915, с. 35—36.

Записка об ученых трудах С. К. Богоявленского.— В кн.: «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.» Л., 1930, с. 9—12.

Богоявленский Сергей Константинович.— В кн.: «Научные работники Москвы». Л., 1930, с. 29.

inslav

Бахрушин С. В. С. К. Богоявленский как историк.— «Вопросы истории», 1948, № 8, с. 87—88.

Богоявленский Сергей Константинович.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, с. 360—361, портр.

Богоявленский Сергей Константинович.— «Энциклопед. словарь», т. I. М., 1953, с. 198; М., 1963, с. 130.

Богоявленский Сергей Константинович.— МСЭ, изд. 3, т. 1. М., 1958, стб. 1086.

Будовниц И. У. Богоявленский Сергей Константинович.— СИЭ, т. 2. М., 1962, стб. 510—511, портр.

Богоявленский Сергей Константинович 17/II 1871—31/VIII 1947.— В кн.: «Видатни радянські історики». Київ, 1969, с. 24—25, портр.

Богоявленский Сергей Константинович.— БСЭ, изд. 3, т. 3. М., 1970, с. 451, портр.

С. К. Богоявленский. Историк и архивовед. [Некролог].— «Известия», 3 сентября 1947 г.

С. К. Богоявленский [Некролог].— «Славяне», 1947, № 9, с. 63.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении члена-корреспондента АН СССР С. К. Богоявленского орденом Трудового Красного Знамени... в связи с 50-летием научной и общественной деятельности от 30/X — 1944 г.— «Правда», 2 ноября 1944 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении С. К. Богоявленского орденом Знак Почета... в связи с 220-летием АН СССР от 10/VI — 1945 г.— «Ведомости Верховного Совета», 1945, 12 августа, № 47.

inslav

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ С. Н. ВАЛКА ЗА 1963—1972 ГГ.[1]

13 декабря 1972 г. исполнилось 85 лет председателю Ленинградского отделения Археографической комиссии, ответственному редактору сборников «Вспомогательные исторические дисциплины», члену редколлегии «Археографического ежегодника», доктору исторических наук, профессору Сигизмунду Натановичу Валку.

Список печатных трудов С. Н. Валка — авторских работ и подготовленных к печати первоисточников опубликован в сборнике в честь 75-летия[2].

Старейшина советских археографов, неутомимый и разносторонний исследователь и наставник молодых ученых, С. Н. Валк только за последние десять лет опубликовал еще более 40 работ (см. публикуемый ниже список).

Бюро Археографической комиссии от души поздравляет С. Н. Валка и желает ему бодрости и новых творческих свершений.

1963

Лев Михайлович Добровольский (1900—1963) [Некролог].— «Вопросы архивоведения», 1963, № 4, стр. 125.

1964

Ред. (совместно с М. Н. Тихомировым): В. Н. Татищев. История Российская, т. III. М.— Л., 1964, 333 стр.; т. IV. М.— Л., 555 стр.; *вступит. статья* «О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева» — там же, т. IV, стр. 5—26.

Сост.: «Декреты Советской власти», т. III. М., 1964, XII, 664 стр. (совместно с Ю. А. Ахапкиным и др.).

Рец.: C. Grau. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij Tatiščev. Berlin, 1963.— «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 192—193.

1965

Внутренняя политика царизма в 80—90 годах [XIX в.].— «История СССР», т. II. 1861—1917. Период капитализма. Изд. 2. М., 1965, стр. 214—226.

Ред.: В. Н. Татищев. История Российская, т. V. М.— Л., 1965, 343 стр. (совместно с М. Н. Тихомировым); *вступит. статья* «О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева» — там же, стр. 5—21.

Древнерусские рукописи Пушкинского Дома [*Рец.* на кн.: «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. Обзор фондов». Сост. В. И. Малышев. М.— Л., 1965].— «Вопросы архивоведения», 1965, № 3, стр. 105—106.

Научные труды по архивоведению и источниковедению [*Рец.* на кн.: «Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 4—16 февраля 1964 г.» Л., 1964].— «Вопросы архивоведения», 1965, № 2, стр. 113—115.

1966

В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы.— «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова». М.— Л., 1966, стр. 66—73.

Страничка из историографии древнерусского города.— «Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова». М., 1966, стр. 75—82.

---

[1] Составила И. А. Бакланова.

[2] Список охватывает научные труды С. Н. Валка за 1914—1963 гг.— «Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М.— Л., изд-во «Наука», 1964, стр. 504—513; см. также «Археографический ежегодник за 1957 год». М., изд-во «Наука», 1958, стр. 502—508.

inslav

Ред.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VI. М.— Л., 1966, 437 стр. (совместно с М. Н. Тихомировым); *вступит. статья* «О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева» — там же, стр. 5—18.

1967

Иван Иванович Смирнов.— «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова». Л., 1967, стр. 5—41.

1968

Внутренняя политика конца 70-х — 90-х годов XIX в.— «История СССР. С древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. V. М., 1968, стр. 346—378.

Иван Александрович Голубцов (1887—1966).— Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, стр. 307—312.

Ред.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VII. Л., 1968, 483 стр.: *вступит. статьи:* ««История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии» — там же, стр. 5—29; «О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева» — там же, стр. 30—49.

Сост.: «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, XII, 731 стр. (совместно с Ю. А. Ахапкиным и др.).

Ред.: то же (совместно с Г. Д. Обичкиным, И. В. Загоскиной и др.).

Ред.: Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, 313 стр. (совместно с Н. Е. Носовым, В. И. Рутенбургом, В. Г. Чернухой).

1969

«Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева.— «Литература и общественная мысль древней Руси. К 80-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц». Л., 1969, стр. 349—352.

Владимир Алексеевич Петров (1893—1967) [Некролог].— Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II. Л., 1969, стр. 294—300.

Ред.: Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II. Л., 1969, 310 стр. (совместно с Н. Е. Носовым, В. И. Рутенбургом, В. Г. Чернухой).

1970

Регесты в их прошлом и настоящем.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 22—47.

Ред.: «Археографический ежегодник за 1968 год», 472 стр. (совместно с С. О. Шмидтом, Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобановой, Р. В. Костиной, Б. Г. Литваком).

Ред.: Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. III. Л., 1970, 372 стр. (совместно с Н. Е. Носовым, В. И. Рутенбургом, В. Г. Чернухой).

1971

Борис Александрович Романов.— «Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова». Л., 1971, стр. 8—38.

В. Н. Татищев в своем болдинском уединении.— «Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию профессора В. В. Мавродина». Л., 1971, стр. 207—214.

Сост.: «Декреты Советской власти», т. V. М., 1971, XVIII, 701 стр. (совместно с Ю. А. Ахапкиным и др.).

Ред.: то же (совместно с Г. Д. Обичкиным, И. В. Загоскиной и др.).

Ред.: «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, 349 стр. (совместно с с С. О. Шмидтом, Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобановой, Б. Г. Литваком).

Ред.: «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, 403 стр. (совместно с С. О. Шмидтом, Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобановой, Б. Г. Литваком).

1972

Археографическая «легенда».— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 5—16.

Е. В. Тарле и литература советского архивоведения.— «Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле». Л., 1972, стр. 18—25.

«История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н. М. Карамзина.— «Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX — XX веков. Сб. статей памяти профессора С. Б. Окуня». Л., 1972, стр. 177—186.

О «всемирном умопросвясчении» В. Н. Татищева.— «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972, стр. 169—176.

Ред.: «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, 409 стр. (совместно с С. О. Шмидтом, Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобановой, В. П. Дьяковым, Б. Г. Литваком).

Ред.: Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. IV. Л., 1972, 252 стр. (совместно с Н. Е. Носовым, В. И. Рутенбургом, В. Г. Чернухой).

inslav

III. ПУБЛИКАЦИИ

РОСПИСЬ ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ МЕЩОВСКА, ОПАКОВА И БРЯНСКА 1584 Г.

Десятни — важный источник для изучения структуры и состава русского провинциального дворянства XVI — начала XVIII в. Пожары, уничтожившие большую часть документации московских приказов до 1626 г., пощадили мало древнейших десятен [1], в настоящее время все известные десятни XVI в. изданы [2]. Материалы новой десятни XVI в. обнаружены в недатированном столбце Московского стола Разрядного приказа в составе росписи служилых людей, датируемой нами 1584 г. [3]

Документ написан одним почерком, скорописью, на бумаге с водяными знаками: одноручный кувшинчик небольших размеров с короной, увенчанный трехлистником, с литерами ВО (лл. 15, 18 и др.), и такой же кувшинчик с литерами PV (лл. 6, 12 и др.) — близки к № 4008 у Лихачева (1581 г.). Роспись не имеет заголовка, даты и дьяческих скреп. По форме она близка к десятням и представляет собой список дворовых и городовых детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска, расчлененный по местными и денежными окладами и расписанный по воеводам и головам,— в источнике упоминаются: князь Семен Лобанов (лл. 1, 2 и др.), Бахтеяров (лл. 10, 16 и др.), Долгорукий (лл. 3, 5 и др.), Аксаков (лл. 16, 17), Плещеев (л. 17) и Петр Федоров (л. 18). Над именами некоторых детей боярских стоят пометы, датированные 7092 г. (лл. 1, 2 и др.).

Происхождение росписи объясняют следующие разрядные записи, помещенные под 7093 г.: «Декабря в 1 день... в северских городех были воеводы по черниговским

---

[1] *В. Н. Сторожев.* Опись десятен XVI и XVII веков.— «Описание МАМЮ», кн. VII. М., 1890, отд. II, стр. 64—150. См. также раздел описания документов Разрядного приказа «Дела десятен» — «Описание МАМЮ», кн. IX. М., 1894, отд. II, стр. 19—79.

[2] *В. Н. Сторожев.* Десятни XVI века.— «Описание МАМЮ», кн. VIII. М., 1891 (десятни по Коломне — 1577 г., Ряжску — 1579, 1591, 1594 и 1597 гг., Епифани — 1585 и 1591 гг., Переяславлю — 1590 г., Мурому — 1597 г. и Кашире — 1599 г.); *Е. Гуляев.* О детях боярских и отроках княжеских и вообще о дворянах, служивших в России до конца XVIII столетия.— «Heraldica». Исторический сборник Н. В. Шапошникова. т. I. СПб., 1900, стр. 28—44 (каширская десятня 1556 г.); *В. Н. Сторожев.* Материалы для истории русского дворянства.— ЧОИДР, 1909, кн. 3, отр. 1, стр. 3—28 (переяславская десятня 1584 г.); *Н. П. Лихачев.* Десятня 1596 г.— «Известия Русского генеалогического общества», вып. III. СПб., 1909, стр. 113—209 (верстальная десятня новиков всех городов); *Е. Д. Сташевский.* Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг.— ЧОИДР, 1911, кн. 1, отд. 1, стр. 1—50; *Ю. В. Готье.* Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг.— Там же, стр. 51—90; *М. В. Муравьев.* Разборная десятня 1574 г. по Смоленску.— «Летопись Историко-родословного общества». М., 1913, вып. I—II. Датировка последней десятни, возможно, требует уточнения: см. *Л. М. Сухотин.* О списке смоленской десятни XVI в.— ЖМНП, 1914, декабрь, стр. 250; *В. П. Мальцев.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940, стр. 58. К десятням (и некоторым другим источникам), по-видимому, восходит и «Список 100-го года» дворовых и городовых детей боярских по Дмитрову, Клину, Волоку, Верее, Рузе и Звенигороду («Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» Подготовил к печати А. А. Зимин. М.— Л., 1950, стр. 220—230). Небольшие выписки из десятен XVI в. встречаются в делах Разрядного приказа XVII в. Приводим одну из них, сделанную из владимирской десятни «денежного верстанья» боярина кн. И. Ю. Булгакова и дьяка Дея Губастого 7087 г.: «Дворовые. 350 чети. Давыд Власьев сын Всеволодцкой. 300 чети. Микифор Губин сын Всеволодцкой» (ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 48, л. 489). Сведения о недошедших десятнях сохранились также в известной описи документов Разряда 1626 г.

[3] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 1094, столпик 3, лл. 1—20.

inslav

и по путимским вестем... А во Брянску по тем вестем были воеводы на три полки: В большом полку воевода князь Володимер княж Иванов сын Бохтеяров; стоял во Брянску. В передовом полку воевода князь Семен княж Михайлов сын Лобанов; стоял во Брянску же. В сторожевом полку воевода князь Григорей княж Иванов сын Долгорукой; стоял в Почепе»[4]. И далее под тем же годом: «Во Брянску воевода Левонтей Иванов сын Оксаков да для городового дела Семейка Плещеев да Петр Федоров. И Левонтей и Петр отпущены в майе...»[5] Публикуемая «черная» роспись (подлинность документа не вызывает сомнений) возникла, следовательно, около декабря 1584 г. в связи с опасностью возобновления Ливонской войны. Десятня (по Мещовску, а возможно, по всем трем городам — Мещовску, Брянску[6] и Опакову), использованная в этой росписи, была составлена в Калуге в 7092 (1583/84) г. Она возникла, очевидно, в результате обычного смотра детей боярских, во время которого раздавалось денежное желованье («Мещаня ж, которым в 92-м году денги не даны», л. 9) и верстались новики («Новики неслужилые, верстаны поместьем и денежным жалованьем в Колуге...», л. 12). Текст десятни 1583/84 г. вошел в роспись с сокращениями: опущены имена окладчиков, поручителей и т. д. Роспись, по-видимому, не содержит также полного состава детей боярских указанных выше городов: известно, например, что в сражении при Молодях участвовало 15 опаковцев[7], в росписи — их всего 9; мещовцев в росписи 360 человек, а в 1604 г. их было не менее 400[8].

Имена воевод и цифровые данные были внесены в роспись позднее основного текста иным, менее разборчивым «редакторским» почерком. Еще позднее дети боярские были перераспределены в росписи между воеводами, на что указывает дальнейшая редакторская правка (л. 1 и др.). В результате пересчета к воеводе большого полка кн. В. И. Бахтеярову было приписано 70 человек, передового полка кн. С. М. Лобанову — 201 человек, сторожевого полка кн. Г. И. Долгорукому — 143 человека. Однако в действительности большой полк был, без сомнения, больше, а не меньше двух других полков, из чего следует, что роспись войска, стоявшего в конце 1584 г. в Брянске и Почепе, сохранилась не полностью и что в нее входили дети боярские не только Мещовска, Брянска и Опакова, но и других городов.

Почти все пометы в источнике связаны с возвращением детей боярских Мещовска из плена после окончания в 1583 г. Ливонской войны[9].

В фонде Разрядного приказа сохранился также отрывок неизвестной десятни XVI в.[10] Рукопись ветха, текст сильно выцвел и местами не читается. На документе припись — «Дияк Андрей Иванов сын Татьянин». Упоминаются окладчики: Семен Бирев, Матвей Дубенский, Никита Игнатьев, Иван Норов, Никита Фомин, записанные и в коломенской десятне 1577 г.[11], а среди новиков — Степан Семенович Игнатьев и Назарий Иванович Хотунский, служившие в выборе по Коломне в 1626 г.[12] Таким образом, до нас дошел отрывок коломенской десятни. Эта десятня указана в описи дел, вынесенных во время пожара 1626 г. из Разрядного приказа: «Коломна... 107-го году без начала денежные роздачи и новиков помесново верстанья за приписью дьяка Ондрея Татьянина»[13]. От 7107 г. сохранилась еще одна десятня — каширская, денежной раздачи, составленная в Туле при участии дьяка А. И. Татьянина, вместе с ним выплачивал жалованье каширянам боярин кн. В. К. Черкасский[14]. Смотр детей боярских соседних южных городов проводился, очевидно, одновременно в Туле, одними и теми же лицами. Коломенскую десятню нельзя датировать более поздним временем — к 1599 г. относятся последние известия о А. И. Татьянине в источниках[15]. Упоминание в найденном отрывке десятни новиков «105-го году» (л. 6) указывает на время предыдущего верстания коломенских детей боярских.

---

[4] «Разрядная книга 1475—1598 гг.» Подг. к печати В. И. Буганов. М., 1966, стр. 350.

[5] Там же, стр. 359.

[6] В списке брянских детей боярских нет характерного для десятен деления на дворовых, городовых и новиков. Соответствующие заголовки десятни были опущены, возможно, при составлении росписи, с другой стороны, деления на дворовых и городовых детей боярских в Брянске в 1584 г. могло еще и не быть, как не было его в 1560-е годы во время использования в Разрядном приказе Дворовой тетради. О порядке зачисления брянских детей боярских в станицы см. боярский приговор о станичной службе 1580 г. («Акты Московского государства», т. I. СПб., 1890, стр. 52). Состав брянских детей боярских начала XVII в. сохранился в книгах раздачи денежного жалованья защитникам Новгорода Северского 1605 г. (там же, стр. 66—67).

[7] *В. И. Буганов.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г.— «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 177.

[8] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 1074, столпик 12, л. 45.

[9] О возвращении пленных см.: *С. М. Соловьев.* История Российская с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, стр. 203—205.

[10] ЦГАДА, ф. 210, оп. 21, № 4, лл. 1—6; по старой нумерации лл. 50—55.

[11] *В. Н. Сторожев.* Десятни XVI века, стр. 8, 9, 12, 23.

[12] ЧОИДР, 1909, кн. 3, отд. 1, стр. 124.

[13] *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, Приложения, стр. 56.

[14] *В. Н. Сторожев.* Десятни XVI века, стр. 144.

[15] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 1092, столпик 6, л. 1.

inslav

Текст публикуемой ниже росписи детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. передается в соответствии с правилами издания исторических документов XVI в. Пометы, написанные над строкой, опускаются в строку после слов, к которым они относятся, и отделяются от них знаком тире. Утраченные буквы восстанавливаются в квадратных скобках. Сокращения в пометах раскрываются по смыслу также в квадратных скобках, зачеркнутые части текста воспроизводятся в угловых скобках. Единственное сокращение, принятое в публикации: чел.— человек, в рукописи это слово также сокращено.

А. Л. Станиславский.

л. 1

Мещеск

Дворовые

〈З Бахтеяровым〉 5 чел. С Лобановым

По 500 чети

Борис Васильев сын Стрешнев. Степан Ондреев сын Стрешнев — 92-го из полон[у].

По 450 чети

Остафей Елизарьев сын Яковля. Михайло Офонасьев сын Ергольской. Ондрей Данилов сын Яковля. Гаврило Кузмин сын Кондырев — 92-го из полону. Иван Ондреев сын Яковля.

Со князем Семеном 9 чел.

По 400 чети

Офонасей Иванов сын Стрешнев. Игнатей Ондреев сын Стрешнев. Бо-
л. 2 раш Иванов сын Ергольской. Петр // Савинов сын Яковля. Иван Борисов сын Захаров. Юрьи Олексеев сын Комынин. Микита Васильев сын Лопухин. Иван Васильев сын Матов.

350 чети

Князь Семен княж Петров сын 〈Перемышльского〉 Горчаков.

По 300 чети

〈З Бахтеяровым〉 4 чел. С Лобановым

Иван Васильев сын Беклемишев. Казарин Бровкин сын Кондырев. Василей Семенов сын Кондырев. Иван Борисов сын Тимофеева Захаров. * Давыд Ондреев сын Стрешнев * — 92-го из полону. //

л. 3 З Долгоруким 〈13〉 16 чел.

По 250 чети

Федор Ондреев сын Стрешнев. Иван Федоров сын Ергольской. Юрьи Бровкин сын Кондырев. Левонтей Савинов сын Яковля. Князь Григорей княж Петров сын Горчаков. Шемет Тимофеев сын Полтев. Костентин Левонтьев сын Ергольской. Игнатей Степанов сын Стрешнев. Михайло Борисов сын Стрешнев. Остафей ** Михайлов сын Стрешнев. Федор Семенов сын Кондырев. Прокош *** Борашов сын Ергольской. Володимер Матвеев сын Глебов.

По 200 чети

Микита Микитин сын Кульнев. Петр Лукьянов сын Лодыженской. Семейка Бровкин **** сын Кондырев.

Городовые

По 400 чети

〈З Бахтеяровым〉 17 чел. С Лобановым

Иван Романов сын Гозской. Семейка Тимофеев сын Лыков. Сулеш Коверин сын Хлысов. Пятой Иванов сын Яблочков. *[1] Павлин Дмитреев сын Болотников *[1].

По 350 чети

Борис Данилов сын Барышников. 〈Иван Васильев сын Матов〉 —
л. 4 выше. Жюк Михайлов сын Засетцкой. // Дмитрей Федоров сын Шеме-

---

* — * *Вписано по нижнему краю листа.*
** *Исправлено из недописанного* Офо[насей].
*** *Исправлено из* Прокофей.
**** *Исправлено из* Борисов.
[1]—[1] *Вписано между строк.*

inslav

тов. Тимофей Иванов сын Яблочков. Ян Денисьев сын Лабодинской. Лева Васильев сын Десятого. Иван Меньшой Юрьев сын Острогубов. Шестак Обрамов сын Десятого. Иван Утешев сын Лабодинской — убит в полону. Василей Назарьев сын Лабодинской. Семен Олександров сын Борков. Степан Матвеев сын Полтев.

С Лобановым со князем Семеном 16 чел.

По 300 чети

Иван Васильев сын Миколаев. Василей Васильев сын Оладьин. Елизарей Михайлов сын Ергольской. Семен Ураков сын Бурдуков. Михайло Денисьев сын Лабодинской. Григорей Олексеев сын Потулов. Осип Григорьев сын Телицын. Васка Юрьев сын Зьялов. Иван Михайлов сын Головин. Микита Нечаев сын Павлов. Третьяк Григорьев сын Косов. Федка Петров сын Волохов. Незнан Офонасьев сын Муромцов. Ондрей Иванов сын Чортов. Бораш Ортемьев сын Керекрейской — 92-го из полон[у]. Михайло Григорьев сын Десятого — 92-го из полону. Ондрей Левонтьев сын Брянцов. Петр Павлинов сын Варнавин. //

л. б З Долгоруким 35 чел.

По 250 чети

Иван Ураков сын Бурдуков. Семен Васильев сын Десятого. Тимошка Утешев сын Лабодинской. Васка Григорьев сын Зензин. Назар Олексеев сын Щербатой. Федор Денисьев сын Лабодинской. Гриша Петров сын Барышников. Богдашко Григорьев сын Греков. Петр Васильев сын Чортов. Иван Борисов сын Лаговчин. Микифор Коверин сын Хлыстов. Михайло Иванов сын Иевлев. Пятой Тимофеев сын Мокашев. Иван Нестеров сын Лабодинской. Степан Тимофеев сын Шешюнов *. Осип Лукьянов сын Лодыженской. Микита Кирилов сын Старого. Степан Иванов сын Ноздрынин. Гриша Иванов сын Бектышев. Дмитрей Каншин сын Бутримов. Иван Ондреев сын Зьялов. Игнатей Остафьев сын Волков. Ондрюша Юрьев сын Мордасов. Лева Яковлев сын Кореев. Нарядчик Микифор Логинов сын Слепушкин. Сенка Максимов сын Воронцов. Осан Иванов сын Сараев. Данило Богданов сын Кобелев. Богдан Нечаев сын Волков. Торх Федоров сын Олексеев. Василей Колышкин сын Деревягин. Васка Дмитреев сын Григоров. Иван Меньшой Борисов сын Головин. Федор Данилов сын Неронов. Ондрюша Офонасьев сын Бурдуков.

По 200 чети

⟨З Бахтеяровым⟩ 20 чел. С Лобановым

Тимоха Иванов сын Монастырев. Безсон Семенов сын Потулов. Ондрей Матвеев сын Потулов. Петр Иванов сын Трубицын. Улан Шеметов сын Полтев. Сава Федоров сын Волков — 92-го ис полону. Михайло Ондреев сын Ярославов. Федор Ноздрунов сын Лабодинской. Дмитрей Истомин сын Засетцкой. Гриша Григорьев сын Засетцкой. Гриша Дмитреев сын Косов. Дмитрей Федоров сын Бегичев. Ондрей Володимеров сын Внуков. Чюра Тимофеев сын Старого. // Офонасей Васильев сын Оладьин. Ивашко Семенов сын Засетцкой. Ивашко Офонасьев сын Бурдуков. Миня Григорьев сын М[о]настырев. Захарьи Иванов сын Острогубов. Клим Григорьев сын Засетцкой. Семейка Иванов сын Новитцкой.

Со князем Семеном 28 чел.

Третьяк Федоров сын Лыков. Костя Григорьев сын Косов. Илья Микитин сын Лабодинской. Дениско Офонасьев сын Григоров. Ондрюша Лукьянов сын Лодыженской. Ивашко Данилов сын Матвеева. Микита Ондреев сын Ярославов. Клим Оносов сын Ивашинцов — 92-го ис полону. Тимошка Онтонов сын Потулов. Федка Жданов сын Миленин. Федор Нечаев сын Кулешев. Сулеш Федоров сын Бутримов. Петр Семенов сын Блудов. Михайло Нащокин сын Хохлов. Гаврило Кирилов сын Старого. Клим Офонасьев сын Федяшев. Истома Федоров сын Паршин. Офонасей Васильев сын Извеков. Денис Истомин сын Бурдуков. Гриша Злобин сын Плюхин. ⟨Пятой Васильев сын Фурсов⟩ — пис[ан] ниж[е].

* *Вторая буква в слове смазана, чтение предположительное.*

inslav

Иван Юрьев сын Лопатин. Пятой Федоров сын Семенов. Дмитрей Прокофьев сын Шпилев. Семен Оносов сын Ивашинцов. Васка Олексеев сын Маслов. Юшко Борисов сын Лаговчин. Иван Офонасьев сын Чортов. Пятой Иванов сын Лихачов. ⟨Гриша Злобин сын Плюхин⟩. Пятой Васильев сын Фурсов — 92-го ис полону. ⟨Иван Юрьев сын Лопатин⟩. //
л. 7 ⟨З Долгоруким 49 чел.⟩

⟨З Бохтеяровым⟩ 20 чел. С Лобановым

По 150 чети

Юмшан Нащокин сын Хохлов. Иван Ильин сын Слепушкин. Ждан Яковлев сын Богданов, Казарин Дмитреев сын Полтев, Салтан Васильев сын Шихотин. Нефед Романов сын Тюнин. Ивашко Осипов сын Киреев. Истома Озарьин сын Лабодинской. Петруша Микифоров сын Засетцкой. Микита Лукьянов сын Белого. Федка Данилов сын Тюнин. Васка Степанов сын Белевцов. Третьяк Иванов сын Слепушкин. Дмитрей Ильин сын Слепушкин. Сенка Федоров сын Протасов. Иван Прокофьев сын Протасьев. Михайло Борисов сын Лаговчин. Третьяк Захарьин сын Слепушкин — 92-го ис пол[о]ну. Третьяк Тимофеев сын Есипов. Русин Игнатьев сын Зайцов. Панка Иванов сын Мощинцов.

З Долгоруким 29 чел.

Ондрей Денисьев сын Волков. Гневаш Семенов сын Блудов. Куземка Иванов сын Соколов. Митя Дмитреев сын Жилин. Ненаш Федоров сын Олексеев. Назар Иванов сын Лихачов. Демешка Истомин сын Моляев. Федка Володимеров сын Офонасьев. Бурнаш Иванов сын Олферьев. Истома Логинов сын Слепушкин. Васка Остафьев * сын Федоров. Михайло Тимофеев сын Федяшев. Богдан Захарьин сын Слепушкин. Ивашко Иванов сын Соколов. Ивашко Осипов сын Бокшеев. Костя Д[а]в[ы]дов сын Неронов. Сенка Васильев сын Клевенев. Добрыня Истомин сын Бурков. Ондрюша Костянтинов сын Хлюшин. Некрас Иванов сын Воронцов. Третьяк Иванов сын Слепушкин. Панка Игнатьев сын Зайцов. Иван
л. 8 Истомин сын Потулов. // Сидор Прокофьев сын Шпилев. Иван Федоров сын Ивашинцов. Ивашко Васильев сын Слепушкин. Мосейко Петров сын Жилков. Севрючко Шестаков сын Сараев. Офоня Иванов сын Соколов.

⟨Со князем Семеном⟩ 8 чел. С Лобановым

По 100 чети

Гриша Васильев сын Протасьев. Матюша Истомин сын Засетцкой. Смирка Русинов сын Барышников. Дементей Степанов сын Одоевцов — 92-го ис полону. Замятня Олексеев сын Щербатого. Куземка Богданов сын Князищев. Павел Олексеев сын Щербатого. Ивашко Яковлев сын Кореев — 92-го ис пол[ону].

Новики

По 300 чети

Федка Михайлов сын Еропкин. Демид Кудашев сын Лопухин.

Мещаня ж денег не**взяли, а били челом о переверстке и денег не взяли**

⟨З Бахтеяровым⟩ 13 чел. С Лобановым

Городовые

300 чети

Юшко Богданов сын Кирилов.

200 чети

Нарядчик Булгак Иванов сын Мелехов.

По 150 чети

Семейка Иванов сын Соколов. Лаврушка Михайлов сын Розтворов. Петр Гаврилов сын Короткого. Куземка Яковлев сын Кореев. Савлук //

---

* *Написано по стертому* Иванов.

– *Вписано другим («редакторским») почерком,* взяли *исправлено из* дано, *то есть первоначальный заголовок был:* Мещаня ж денег не дано.

inslav

л. 9 Иванов сын Трубицын. Васка Иванов сын Соколов. Осип Федоров сын Оладьин. Темка Тимофеев сын Деденев. Митка Васильев сын Извеков. Иван Ташюков сын Тюнин. Меншик Захарьин сын Слепушкин.

Мещаня ж, которым в 92-м году денги не даны
〈Со князем Семеном 41 чел.〉 З Долгоруким 41 чел.

По 100 чети

Ивашко Тимофеев сын Деденев. Матюша Федоров сын Носов. Ивашко Истомин сын Деденев. Ивашко Степанов сын Шишкин. Федка Григорьев сын Беленихин. Ондрюша Офонасьев сын Федяшев. Федка Остафьев сын Слепушкин. Дружина Васильев сын Кулешов. Федка Григорьев сын Нелюбин. Микита Иванов сын Мелехов. Ивашко Григорьев сын Беленихин. Олеша Иванов сын Мощинцов. Роман Григорьев сын Гридунов. Яков Федоров сын Есипов. Ивашко Семенов сын Ивашинцов. Панкратко Богданов сын Лабодинской. Василей Ларивонов сын Легостаев. Офонка Денисьев сын Старухин. Осипко Захарьин сын Слепушкин. Позняк Тимофеев сын Белевцов. Васка да Истомка Осиповы дети Бакшеева. //

л. 10 Ондрюша Микулин * сын Шпилев. Куземка Семенов сын Блудов. Петруша Дмитреев сын Путынской. Осман Замятнин сын Шишкин. Федка Романов сын Тюнин. Дементей Кузмин сын Волков. Булгак Матвеев сын Типин. Ивашко Дмитреев сын Кореев. Пороша Добрынин сын Легостаев. Ивашко Богданов сын Мощинцов. Федоско Денисьев сын Волков. Мартын Курбатов сын Блудов. Петруша Данилов сын Тюнин. Дружина Богданов сын Сараев. Офоня Назарьев сын Блудов. Степан Иванов сын Ноздрынин. Иван Нечаев сын Кулешев **. Васка Олексеев сын Нестеров. Елизарко Офонасьев сын Старухин.

Новики служилые
З Бахтеяровым 18 чел.

По 100 чети

Иван Ноздрунов сын Лабодинской. Павлик Володимеров сын Мокарсково. Ивашко Степанов сын Ноздрынин.

80 чети

Федка Тимофеев сын Деменин. //

л. 11 Новики ж с отцовских поместей

250 чети

Тимошка Борисов сын Иевлев.

200 чети

Семен Матвеев сын Глебов.

150 чети

Богдан Образцов сын Кондырев.

По 100 чети

Михайло Ильин сын Лабодинской. Иван Дружинин сын Лабодинской. Замятня Борисов сын Волков.

По 80 чети

Богдашко Федоров сын Протасьев. Яков Павлов сын Лабодинской.

70 чети

Медведь Ондреев сын Лабодинской.

По 50 чети

Пятой Григорьев сын Острогубов. Ивашко Федоров сын Мокашев. Петр Иванов сын Спаского. Васка Богданов сын Угримов.

33 чети

Меншик Григорьев сын Зепзин. //

л. 12 Новики неслужилые, верстаны поместьем и денежным *** жалованьем в Колуге, а денги **** им не даны

---

* *Исправлено из* Микитин.
** *Исправлено из* Кумшев.
*** *Исправлено из* денгами.
**** *В рукописи ошибочно* дененги.

inslav

Дворовые*

〈З Долгоруким 11 чел.〉 С Лобановым 11 чел.

По 250 чети

Олфер Михайлов сын Стрешнев. Григорей Федоров сын Глебов. Григорей Остафьев сын Яковля. Олексей Яковлев сын Стрешнев. Михайло Жданов сын Кондырев. Иван Петров сын Яковля. Ивашко Иванов сын Кульнев. Семен Семенов сын Кондырев. Ондрюша Петров сын Кульнев.

По 200 чети

Степан Иванов сын Лабодинской. Васка Иванов сын Лабодинской.

Городовые

〈Со князем Семеном 24 чел.〉 С Лобановым 24 чел.

По 250 чети

Иван Михайлов сын Михалчюков. Сенка Федоров сын Шеметов. Илья Васильев сын Беклемишев. Петр Рагозин сын Хлыстов. Васка Истомин сын Десятого. Иван Федоров сын Лыков**. Темка Иванов сын Острогубов. Васка Иванов сын Острогубов. Михайло Васильев сын Лабодинской. Иван Дмитреев сын Дерлов. Петр Григорьев сын Бектышев. //

л. 13

По 200 чети

Петр Добрынин сын Жердев. Панка Васильев сын Протасов. Богдашко Офонасьев сын Яблочков. Гриша Михайлов сын Михалчюков. Борис Федоров сын Засетцкой. Захарко Дмитреев сын Косов. Юшко Меншево сын Барышников. Федко Иванов сын Зьялов. Ивашко Григорьев сын Потулов. Федка Гаврилов сын Коведяев. Васка Микифоров сын Слепушкин. Филипко Кузмин сын Ярославов. Осипко Истомин сын Слепушкин.

〈З Долгоруким 39 чел.〉 С Лобановым 17 чел.

По 150 чети

Злоба Кузмин сын Волков. Федка Иванов сын Слепушкин. Офонка Дмитреев сын Бутримов. Ивашко Данилов сын Тюнин*** Михалко Истомин сын Ивашинцов. Ивашко Кузмин сын Волков. Ивашко Микитин сын Кореев. Богдашко Игнатьев сын Моляев. Ортем Остафьев сын Слепушкин. Ждан Глебов сын Шамордин. Васка Иванов сын Воронцов. Павлик Ондреев сын Шпилев. Савин Тимофеев сын Федяшев. Аврам Ондреев сын Бектышев. Федка Савин сын Волков. Казарин Васильев сын Миленин. Петр Осипов сын Киреевской. //

л. 14

З Долгоруким 22**** чел.

По 100 чети

Замятня Иванов сын Кашин. Михалко Савельев сын Миленин. Гриша Кузмин сын Волков. Богдашко да Труфанко Юрьевы дети Тишина. Селиверстко Офонасьев сын Старухин. Микифорко Иванов сын Лапин. Михалко Денисьев сын Мишилов. Меншик Остафьев сын Слепушкин. Сенка Истомин сын Бурков. Митка Гаврилов сын Лазарев. Тимофей Меншово сыя Одинцов. Олексей Добрынин сын Легостаев. Васка Федоров сын Шешюнов. Митка Морозов сын Вешняков. Василей Коротаев сын Хохлов. Добрыня Кудеяров сын Старого. Митка Денисьев сын Волков. Данилко Васильев сын Фурсов. Ондрюша Прокофьев сын Волохов. Меншой Коротаев сын Хохлов. По Помесному Осип Ондреев сын Щербатого. //

л. 15

〈З Долгоруким〉. С Лобановым все

Опаков

Дворовые

400 чети

Сотник Григорьев сын Челюсткин.

Городовые

По 200 чети

---

* *Вписано между строк.*

** *Над фразой в рукописи знак* +.

*** *Исправлено из* Дюнин.

**** *Исправлено из* 23.

inslav

Олеша Шестаков сын Косов. Ондрюша Шестаков сын Косов.

По 150 чети

Михайло Гаврилов сын Юмранов. Офонасей Степанов сын Бораков.

Новики

По 250 чети

Петр Сыдавново сын Панина. Ондрюша Петров сын Шадрина.

По 150 чети

Суторма Михайлов сын Юмранов. Меншик Семенов сын Белкин. //

л. 16 **Брянеск**

З Бахтеяровым 10 чел.

450 чети

Игнатей Ондреев сын Тютчев.

По 400 чети

Семейка Гаврилов сын Исупов. Прокофей Иванов сын Толстой. Дмитрей Иванов сын Семичов.

По 300 чети

Илья Левонтьев сын Клементьев. Петруша Иванов сын Коломнин. Митка Ондреев сын Небольсин. Семен Иванов сын Тютчев.

По 250 чети

Иван Степанов сын Савин. ⟨Глеб Григорьев сын Алымов⟩ — в Чернигов. Василей Иванов сын Чемодуровской.

С Оксаковым 10 чел.

Неклюд Жданов сын Львов. Кондратей Иванов сын Данилов.

По 200 чети

Гаврило Жюков сын Глебов. Федка Буров сын Тухачевской. Гриша Михайлов сын Болычов. Васка Семенов сын Небольсин. Митка Иванов сын Суморотцкого. Ондрюша Иванов сын Бародовицын. Михалко Данилов сын Семичов. Ондрюша Молчанов сын Лавров.

З Бохтеяровым 10 чел.

л. 17 Костя // Иванов сын Потресов. Василей да Гарасим Васильевы дети Хохлова.

По 150 чети

Иван Поярков сын Булгаков. Иван Васильев сын Пролыской. Игнатей Сабуров сын Тухачевской. Матюша Юрьев сын Козловской *. Васка Федоров сын Доронин. Максимко Давыдов сын Чемодуров. Васка Васильев сын Касков.

Оксакову 15 чел.

Горяин Давыдов сын Голянищев. Васка Васильев сын Кузенев. Ивашко Семенов сын Морачев. Васка Григорьев сын Алымов. Тимофей Санин сын Сорнин. Микула Данилов сын Бородовицын. Третьяк Дмитреев сын Козловской. Ондрей Замятнин сын ** Савин. Данилко Трубастово сын Кректышев. Замятня Иванов сын Мотякин. Безсон Некрасов сын Мясоедов. Васка Савельев сын Савин.

По 100 чети

Тимофей Гаврилов сын Потресов. Шугор Остафьев сын Глебов. Дмитрей Екимов *** сын Чемодуровской.

С Плещеевым 15 чел.

Ларя Федоров сын Щербов. Богдан Салтанов сын Щербов. Таиш Васильев сын Салов. Федка Савельев сын Сорнев. Ивашко Остафьев
л. 18 сын Глебов. Митка Санин сын Сорнев. // Борис Игнатьев сын Кректышев. Гриша Санин сын Сорнев. Истома Салтанов сын Щербов. Митка Тимофеев сын Корташев. Сенка Васильев сын Пролыской. Федка Трубастово сын Кректышев. Ондрюша Тимофеев сын Корташов. Сергей Иванов сын Корташев. Гриша Тимофеев сын Щербов.

---

* *Исправлено из другого слова.*

** сын *ошибочно повторено дважды.*

*** *Исправлено из* Есипов.

inslav

С Петром с Федоровым 11 чел.

По денежному окладу

1 статья

По 9 рублев

Путило Третьяков сын Безобразов. Иван Микулин сын Панютин. Офонасей Юрьев сын Исупов. Никита Васильев сын Вепрейской. Иван Ондреев сын Тютчев. Иван Дементьев сын Керекрейского.

По 7 рублев

Ивашко Данилов сын Семичов. Олеша Иванов сын Храпунов. Сенка Григорьев сын Олымов. Иван Григорьев сын Панютин.

3 статья

6 рублев

Сенка Тимофеев сын Сорнев. //

л. 19 Брянчаня ж, служат станичную службу

Станичником всем быть з Бахтеяровым

500 чети

Офонасей Иванов сын Панютин *.

По 400 чети

Офонасей Ондреев сын Тютчев *. Ондрей Никитин сын Панютин. Семейка Иванов сын Безобразов. Петр Жюков сын Зиновьев.

По 300 чети

Семен Иванов сын Тютчев. Петр Ондреев сын Безобразов. Олексей Юрьев сын Небольсин. Пороша Иванов сын Тютчев. Елизарей Семенов сын Безобразов. Третьяк Иванов сын Мачехин. Федор Никифоров сын Мясоедов. Шемяка Степанов сын Глотов. Петр Офонасьев сын Соломеин. Роман Гаврилов сын Безобразов. Пятой Ондреев сын Небольсин. Никита Иванов сын Исупов. Степан Юрьев сын Исупов. Третьяк Васильев сын Безобразов. Нелюб Иванов сын Парфенев.//

л. 20 По 250 чети

⟨Второй Прокофьев сын Толстово⟩ — в Чернигов в отцово мес[то]. Василей Нестеров сын Кузенев. Иван Михайлов сын Болычов. Лева Федоров сын Зубов. Нечай Павлов сын Небольсин. Иван Яковлев сын Козелкин.

По 200 чети

Василей да Гарасим Васильевы дети Хохлова.

По 150 чети

Федка Васильев сын Вепрейской. Лева Михайлов сын Болычов. Василей Никитин сын Корташев.

100 чети

Гриша Тимофеев сын Щербов.

ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 1094, столпик 3, лл. 1—20.

---

* *Над фразой в рукописи знак +.*

inslav

О ВРЕМЕНИ ПЕРЕВОДА В МОСКВУ ТВЕРСКОЙ ХАМОВНОЙ СЛОБОДЫ

В трудах по истории г. Москвы имеются указания, что существовавшая в Москве в XVII в. дворцовая ткацкая слобода, известная сначала под названием Тверской Константиновской хамовной слободы, а позднее Хамовной слободы, была переведена в Москву из Твери в 20-х годах XVII столетия [1]. Подтверждением перевода слободы из Твери служило то обстоятельство, что в находившемся в XVI в. близ г. Твери селе Новом Константиновском, существовавшем на месте нынешней деревни Ново-Константиновки [2], действительно проживали и работали хамовники [3]. Но если перемещение слободы из Твери подтверждается ее названием — Тверской и Константиновской, то время этого перемещения указывается неверно. Сохранившаяся в Центральном государственном архиве древних актов в фонде Владимирской чети челобитная старосты и целовальника упомянутой Хамовной слободы от 1640 г. позволяет более точно установить, когда и по чьему распоряжению состоялось это перемещение. Указанная челобитная, появившаяся на свет в связи с деятельностью Приказа сыскных дел, ведавшего в 1638—1645 гг. сыском и возвращением на посады беглых и закладчиков [4], содержит жалобу московских хамовников на тверских посадских людей, незаконно требовавших возвращения на тверской посад одного из жителей слободы хамовника Якова Наумова. В обоснование своего отказа вернуть его в Тверь слободские власти сообщали, что в росписи, представленной тверскими посадскими людьми для упомянутого Приказа сыскных дел, значился не этот Яков Наумов, а другое лицо, имевшее такое же имя, но другое отчество [5] Челобитчики указывали еще, что отец упомянутого хамовника был также хамовником Константиновской хамовной слободы, когда она находилась еще в Твери, и был переселен вместе со всеми хамовниками этой слободы в Москву при переводе слободы из Твери при царе Федоре Ивановиче. Таким образом устанавливаются хронологические рамки появления Тверской Константиновской хамовной слободы в Москве — это 1584—1598 гг. Можно думать, что это произошло после 1587 г., когда Тверь, находившаяся под управлением великого князя Симеона Бекбулатовича, была у него отобрана и сам он был сослан в с. Кушалино [6].

И, наконец, следует отметить и то имеющее несомненный интерес обстоятельство, что упомянутая челобитная хамовников, указывая на время перевода Хамовной слободы в Москву, сообщает еще и новые данные о политике, проводимой в «строении» городских посадов правительством царя Федора Ивановича, о которой в наших архивах сохранилось так мало документов [7].

И. И. Соколов.

1640 г. мая 23 дня.— Челобитная властей Тверской Константиновской хамовной слободы о хамовнике Якове Наумове

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Рус[ии] бьют челом холопи твои Тверской Костянтиновской хамовной слободы

---

[1] *А. Якобсон.* Ткацкие слободы и села в XVII веке. М.— Л., 1934, стр. 11—12; *П. Сытин.* История планировки и застройки Москвы, т. I. М., 1950, стр. 103, 108; «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 412; *В. Снегирев.* Московские слободы. М., 1956, стр. 84; *П. Сытин.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959, стр. 313.

[2] Находится на правом берегу р. Волги, на территории Новопромышленного района г. Калинина.

[3] «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. II. СПб., 1877, стр. 310, 325, 326.

[4] ЦГАДА, ф. 215, оп. 26, стб. 41632, л. 1; *Н. Шаховская.* Сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине XVII века.— ЖМНП, 1914, № 10, стр. 250—322.

[5] *Н. П. Сильванский.* Акты о посадских людях-закладчиках. СПб., 1909, стр. 66.

[6] *Н. В. Лилеев.* Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь Тверской, 1567—1616 гг. Тверь, 1891, стр. 104—105.

[7] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I. М.— Л., 1947, стр. 164.

inslav

староста Никитка Иванов да целовальник Онтипка Васильев и все хамовники. В нынешнем, государь, во 148-м году бьют челом тебе, государю, тверичи посадцкие люди ложно Тверской Костянтиновской слободы на хамовника на старожильца и уроженца на Якова Наумова, будто отец ево, Яковлев, жил во Твери в посаде. А отец, государь, ево во Твери в посаде не живал и податей не давывал, и служеб никаких не служивал, а жил отец ево, Яковлев, Наумов * во Твери в Костянтиновской хамовной слободе в Хамовниках с нами вместе и твое, государь, хамовное дело делал. И блаженные памяти царь Федор Иванович тое Костянтиновскую хамовную слободу перевел нас всех к Москве. И отец ево, Яковлев, Наум здесь на Москве в Тверской Костянтиновской хамовной слободе в переведенцах жил и твое, государь, хамовное дело делал, и здесь на Москве в переведенцах отец ево Наум и мать ево в хамовной слободе у нас померли и погребены у Николы чюдотворца в Хамовниках. А он, Якушко, родился и взросл на Москве в Тверской Костянтиновской слободе в хамовниках и твое государево хамовное дело и по ся места делает с нами вместе. А в их ложном челобитье ** и в росписи у них написан тот Якунка Томилов сын, а он Якушка Наумов сын, а не Томилов сын. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй нас, холопей своих, не вели, государь, их ложному челобитью поверить и того Якунку Наумова не вели, государь, волочить, продавать и убытчить напрасно, чтоб твою государеву хамовную слободу всю не ростащили и не запустошили напрасно, и твое бы государево хамовное дело не стало. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте другим почерком и другими чернилами: 148-го мая в 23 день. Выписать из тверских ис писцовых книг изо всех и память об нем послать, сколь давно он и отец ево в хамовной в Костянтиновской слободе.

ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 27, стб. 41632, л. 1.

---

* *Так в рукописи.*
** *В рукописи:* челомбитье.

inslav

СПИСКИ ГОРОДОВ, ПОСАДОВ И УКРЕПЛЕННЫХ МОНАСТЫРЕЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Если количество городов в ранние периоды истории России более или менее выяснено [1], то относительно числа их в XVII в. подсчеты исследователей расходятся [2]. Это объясняется недостаточной изученностью социально-экономического развития отдельных городов, наличием разных типов их, различным пониманием термина «город», а также неполнотой имеющихся в научном обороте списков городов.

Публикуемые источники, резко отличаясь по своему происхождению и содержанию, дополняют друг друга.

Первый источник, называющийся «Роспись государства Московскаго градом», обнаружен в рукописном сборнике исторического содержания [3], описанном архимандритом Леонидом в числе книг библиотеки Троице-Сергиевой лавры [4]. Описание помещено в фундаментальной описи, где даются «Сведения о некоторых славянских рукописях», в отделе историческом. В сборнике содержатся чрезвычайно разнообразные материалы: список игуменов Троице-Сергиевой лавры с XIV в. по 1668 г., напечатанная в 1656 г. книжка о деянии Никона, список произведения келаря лавры Симона Азарьина «Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и отчего и откуду начало изыде тех бед и напастей, выписано из летописных книг и от иных повестей», составленного, по-видимому, в 1652—1656 гг. в связи с началом русско-польской войны [5], пространная выписка из сочинения А. Гваньини «Царство Польское», переведенная из издания 1611 г., несколько летописных записей, в том числе краткая летопись главных событий 1570—1585 гг., преимущественно по истории Троице-Сергиевой лавры, «Летописец, написан из старых летописцев, что учинилося в Московском государстве и во всей Руской земле (961—1654) разных разорений», а также материалы духовного содержания.

«Роспись государства Московскаго градом» не датирована. По времени основания упомянутых в ней городов ее можно датировать только приблизительно — не ранее середины XVII в., а по отсутствию городов, возникших в конце столетия,— второй половиной XVII в.

«Роспись» представляет собой перечень городов — городков (в том значении, в котором этот термин употреблялся в XVII в.), крепостей, укрепленных монастырей с краткими географическими указаниями. Можно предположить, что этот перечень составлен по «Книге Большому Чертежу», потому что последовательность названий и географические указания очень близки. Так, после «царствующего града Москвы» в источнике перечисляются Серпухов, Тула и другие города в том же порядке, в каком они упоминаются в «Книге Большому Чертежу», до Белгорода, после которого в «Книге» идет г. Перекопь. Дописаны и вставлены над строкой «Чернавской», «Талецкой», «Тамбов», «Другой Оскол», «Севеск» и «Козлов». Далее в публикуемом источнике помещены Чугуев (в «Книге» — Чугуево городище), Орел и Царев-Борисов (в «Книге» последний назван просто «Царев»), после чего в «Книге» описываются города по Дону. «Роспись» в соответствии с «Книгой» называет Епифань, Донков (между ними указан еще Михайлов), Ряжск, затем помещены города, основанные в XVII в.,— Коротояк и Ломов (а в «Книге» в этом месте упомянуты речки, по которым они позднее названы). В источнике здесь же на нижнем поле листа дописаны «Яблонов с пригородки», «Стамбов» (очевидно, Тамбов, уже дописанный выше) и «Короча», а на верхнем поле следующего листа — «Костенской». За Доном в «Книге Большому Чертежу» следует Терек, затем упоминается Астрахань и описывается р. Яик. Соответственно в «Росписи» называются города по Тереку, Астрахань и городки по Яику.

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956.

[2] Ср., например, данные К. А. Неволина, П. П. Смирнова и других.

[3] ГБЛ, ф. МДА, № 173, фунд. 201, лл. 79—89.

[4] *Леонид.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 1. М., 1887, стр. 140 и сл. (перечневой № 22).

[5] Опубликована А. Н. Поповым («Чтения ОИДР», 1881, кн. 2).

inslav

Не проводя сравнения дальше, ограничимся указанием на последовательность перечисления мелких укреплений р. Оби, одинаковую в источнике и в «Книге Большому Чертежу».

Порядок городов в «Росписи» нарушается — по сравнению с «Книгой» — тем, что составитель «Росписи» дописывал на полях и вставлял между строками названия городов: основанных в XVII в. Наличие и характер этих дополнений представляют большой интерес.

Анализ названий населенных пунктов, включенных дополнительно, позволяет сделать по меньшей мере три следующих предположения: 1) «Роспись государства Московскаго градом» была составлена частным лицом для удовлетворения личных запросов, 2) составитель особенно интересовался городами, т. е. населенными пунктами, имевшими военное значение, и 3) он имел в своем распоряжении именно тот список «Книги Большому Чертежу», в котором есть дополнения, отсутствующие в других списках [6].

Рассмотрим эти предположения.

О том, что составитель «Росписи государства Московскаго градом» был частным лицом или, во всяком случае, не был связан с постройкой новых городов на юге страны, свидетельствует неполнота включения в «Роспись» новых южных крепостей.

Что составителя особенно интересовали укрепленные пункты, видно из добавления списка монастырей, «которые свои осады имут», хотя многие из них уже потеряли военное значение. Кстати, последнее подтверждает отчасти, что «Роспись» не имела официального значения.

А на то, что в распоряжении составителя находился определенный список «Книги Большому Чертежу», указывает включение г. Монастыревска, который упоминается только в этом списке [7].

Все эти особенности «Росписи государства Московскаго градом» придают ей значение важного историко-географического источника и интересного памятника культуры.

Второй публикуемый источник представляет собой извлечения из сметных губернских росписей «десятой деньги», т. е. подати, которой предполагалось обложить в 1713 г. посадские общины ввиду грозившей возобновиться войны с Турцией [8]. Значение его в том, что обложение исчислялось не на основании данных только что завершенной переписи 1710 г., а по итогам переписи 1678 г., вследствие чего источник дает нам итоги количества тяглых дворов по большинству городов России второй половины XVII в. Хотя эти сведения нуждаются в критическом подходе, охватывают не все города и уже использовались в литературе [9], все же ценность публикуемого источника бесспорна, так как он является официальным документом и содержит данные по большинству городов с посадскими общинами. Имеющиеся в нем пробелы могут быть восполнены по другим сводным источникам и самим переписным книгам.

Я. Е. Водарский, Е. В. Чистякова.

I

Роспись государства Московскаго градом

79 Царствующий град Москва на Москве реке. Серпухов на реке Наре от Оки с версту. Тула, город каменой, на реке на Упе. Кошира на реке Оке. Олексин на реке Оке. Калуга на реке Оке. Кропивна на реке Упе близко устья реки Пловы. Одоев на реке Упе. Лихвин на Оке реке. Дедилов на реке на Шиворони *. Лебедянь на реке на Дону и на усть речки Лебедяни. Елец на реке на Сосне и на речке Ельце. Ливны на реке на Сосне на усть речки Ливны. Новосиль на реке Зуше. Мценеск
79 об. на реке Зуше. ** Чернавской. Талецкой. Тамбов **. // Городня, городок на усть реки Чернавы на Сосне ж реке. На Кальмиюзской дороге. Курс***. **** Другой Оскол ****. Оскол на реках на Осколе и Оскольце *[1]. Воронеж на реке Воронеже от реки Дону 5 верст. Куреск на реке Семи на

[6] «Книга Большому Чертежу». М.— Л., 1950, стр. 31—34.

[7] Редактор этого списка неизвестен. Может быть, он же являлся и составителем публикуемой «Росписи»?

[8] ЦГАДА, Разрядный приказ (ф. 210), Денежный стол, кн. 51, лл. 12—29.

[9] *Я. Е. Водарский.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.— «Города феодальной России». М., 1966, стр. 271—297.

* *Далее зачеркнуто:* Шатцкой на реке Шате.

— *Подписано на нижнем поле и подчеркнуто.*

*** *По-видимому, недописанное* Курск.

****—**** *Дописано справа.*

*[1] *Первоначально было*: Оскол на реке Осколе.

inslav

усть речки Кура. Рылеск на реке Семи на усть речки Рыла. * Севеск на реке Севе *. Путивль на реках Десне и Семи. Волуйка на реке на Осколе и на усть Волуйки реки. Новой Царев город на реке на Осколе и на усть Бахтина Колодезя. Козлов **. Карпово сторожевье. Белгород на реке на Северском Донце. Валки на речке на Куре. Чюгуев на Донце Сиверском. Орел на реке Оке на усть речки Орла. Царев-Борисов город на Донце Сиверском. Епифань на Дону реке. Михайлов на реке на Проне. Донков на реке Дону и на усть речки Вязовки. *** Яблонов с пригородки.
л. 80 Стамбов. Короча ***. // Костенской ****. Ряск на реке Ранове. Коротояк на реке Коротояке. Ломов на реке Ломове. Терек *[1] и Тюмень тож *[1] на реке на Терке. А выше Терского города на той же Терке реке казачьи городки. А по реке Дону выше Воронежа и до Азова казачьи ж городки. Асторохань на Хвалимском море, каменые 2 городы на усть Волги реки. На Хвалимском же море и на усть реки Яика город новой камен. А выше того города по реке Яику казачьи городки. Можаеск *[2] город каменый *[2] на Москве реке. *[3] Борисов город камен *[3]. Вязьма на реке Вязьме. Царево Займище. Дорогобуж на реке Днепре. Смоленеск
л. 80 об. на Днепре. Орша город камен. // Рославль. Могилев на реке Днепре. Мстиславль на реке Вехре. Серпееск на реке на Серпье. Дбрянеск на реке на Десне. Козелеск на реке Жиздре. Перемышль на реке на Оке. Белев на реке на Оке. Болхов на реке на Нугре. Карачев на реке на Снежету. Кромы на усть *[4] речки Недны на реке Кроме. *[5] Тагин на речке *[5]. Городецкое городище на реке Семи *[6] и на усть речки Деревень *[6], тут сторожа от татар. Трубческ на реке на Десне. Почеп на реке на Судости. Город Попова гора на реке Ипути. Стародуб у колодезя на роднике. Городище Радогощь на реке Судости. *[7] Царев-Олексеев город. Атемар
л. 81 с пригороды на Суре Инзерской *[7]. // Новгородок-Сиверской на реке Десне. Чернигов на речке на Стриже, а от Десны 3 версты. Город Острь на Десне на усть речки Остри. Моровеск на озере. Киев на реке Днепре от Десны реки пол-3 версты. Белая на реке Обше. Манастыревск. Вышегород. Чернь на реке на Черни. Воротынеск на речке на Высе. Мещоск на речке Мерее. Масалеск на реке на Сере *[8]. Ярославец Малой на реке Луже. Кременеск на реке на Луже. Медынеск на речке на
л. 81 об. Медыни. Оболенеск на реке на Поротве. // Боровеск на реке Поротве. Вышегород на Поротве ж. Верея город на Поротве ж. Боранов, а ныне словет Борисов, каменой город на Поротве ж. Торуса на реке на Оке на усть Торусы реки. Ростиславль на Оке на усть реки Осетра. Зараск *[9] город каменой *[9] на реке на Осетре. Венева на реке на Осетре. Коломна город камен на Москве на реке от Оки 3 версты. Выше Можайска на реке на Поротве острожек в 30 верстах. Руза на речке на Рузе. Звенигород на Москве-реке. Перевитеск на реке на Оке. Переславль Резанской на Оке и на проливе на Трубеже. *[10] Старая Резань на Оке ж. Ростов на озере. Переславль на озере и на речке Трубеже. Нерехта на реках Нерехте и Со-
л. 82 лонище **[10]. // Пронеск на реке на Проне. Шацкий на речке на Шатче.

– *Вставлено над строкой.*
** *Вставлено над строкой.*
– *Дописано на нижнем поле.*
**** *Дописано на верхнем поле.*
*1–*1 *Вставлено над строкой.*
*2–*2 *Вставлено над строкой.*
*3–*3 *Приписано справа. Далее вставлено* Росховня *или* Росходня. *Возможно, имеется в виду острожек недалеко от Можайска, упоминаемый в «Книге Большому Чертежу», где была таможня.*
*4 *Вставлено над строкой.*
*5–*5 *Вставлено, название речки не указано.*
*6–*6 *Вставлено над строкой.*
*7–*7 *Дописано на нижнем поле.*
*8 *Описка; правильно:* Ресе.
*9–*9 *Вставлено над строкой.*
*10–*10 *Дописано на нижнем поле. На верхнем поле следующего листа дописано*

inslav

Касимов на реке на Оке. Кадам на реке на Мокше. Темников на реке на Мокше. Город Красная Слобода на реке на Мокше на усть озера и реки Прамы. Арзамас на реке на Теше. Норовчатое городище город на реке Мокше на усть реки Шалдая. Елатьма на Оке на усть Унжи реки. Муром на реке Оке. Алатарь на реках Суре и Алатари. Город Павлов на Оке реке. Новгород Нижней каменой на Волге реке на усть Оки реки. Володимер на реке на Клязьме. Стародуб Ряполовской на Оке.
л. 82 об. Суздаль на реке на Каменке. // * Плесо на Волге реке*. Лух на реке на Тезе. Кинешма на реке Волге. Юрьевец по Волге реке. Гороховец на Клязьме реке. Балахна на Волге реке. Шуя на реке на Тезе.* Болохов на Волге реке*. Ржева на реке на Волге.* Зубцов на Волге*. Старица на Волге.* Торопец*. Тверь на Волге на усть Тверцы реки.* Старая Ржева*. Торжек на реке Тверце. Красной Холм на реке Шоше. Волок на реке Ламе. Клин на реке на Сестри. Город Дмитров на реке Яхроме. Кашин на речке Кашинке. Устюжна Железная на Мологе реке. Бежецкой Верх, Городец, на Мологе ж. Город Белоозеро на озере, из него
л. 83 ж течет река Шексна. // Чаронда на Воже озере. Каргополе на реке Онеге. Турчасово на реке Онеге. Романов на реке на Волге.** Белое Село в Пошехонье**. Ярославль на Волге на усть реки Которости. Кострома на Волге ж на усть реки Костромы. Любим город на реке Негре. Вологда на реке Вологде и на речке Золотухе. Буйгород на реке Вексе или На Кожухе***. Галич на озере. Город Галицкая Соль на Костроме реке, Судиславль на речке. Судай на речке Виге. Кологрив на Унже реке на усть реки Вижаса. Кадуй на реке Немде. Парфеньев на реке Нее. Унжеской городок на реке Унже. Василь город на Волге на усть Суры реки.
л. 83 об. Городец на Волге. Городок Великая Деревня на реке Унже. // Курмыш на Суре реке. Ядрин на Суре реке. Цывилеск промеж дву рек Цывелей. Кузьмодемьянеск на Ветлуге реке и на Волге. Уржюм. Чабаксары на Волге реке. Кокшага на Волге. Царев-Санчурской на Кокшаге реке. Свиязской на реках на Волге и на Свияге. Алат город на реках Ашите и Алате. Казань город каменой на реках на Казани и Булака от Волги 5 верст. Еранеск. Кайгород на реке Каме****. Чердынь на реке Колве. Пыскарь. Орел. Чюсовой город на реке Чюсовой. Тетюши на реке Волге. //
л. 84 Уфа на реке Белой Воложке на усть реки Уфы. Чортов город на Самаре реке. Город Бетки на Каме ж. Лаишев на Каме ж. Город Шестоков на реке Вятке ж*[1]. Город Слобода на той же реке. Хлынов на Вятке ж. Орловец на Вятке. Котельнич на Вятке ж. Малмыж на Вятке. Вятка на той же реке*[2]. Болгары на луго[во]й стороне Волги. Самара на реке Волге*[3]. Синбирск на реке Волге. Царицын на реке Волге на острову против реки Царицы. Саратов на Волге. Золотая Орда на луговой стороне Волги. //
л. 84 об. От Студеного моря. Волотово городище на двух речках. Печенския 2 монастыря на усть Печени реки у моря. Кола город на усть дву рек Колы да Туломы. Карабельное пристанище меж дву речек. Кукуев монастырь. Кандолокжской монастырь. Соловецкой монастырь. Сумской город на море на усть Сумы реки. Корела на озере на усть реки Узервы. 2 города в Обонежской пятине. Выбор[г] на Котлине озере. Орешок. Ругодев на Котлине озере на усть Неровы. Ладога на реке Волхове. Варзин на реке Волхове. Иван город на озере Котлине на усть

название, прочесть которое невозможно, так как при переплете верхняя часть слова обрезана: Касанов. *Возможно,* Карсанов, *т. е. Корсунов.*

– *Вставлено над строкой.*

– *Вставлено над строкой.*

*** *Описка; правильно:* Вожуге.

**** *На поле помета:* Пермские.

*[1] *На поле помета:* Вятцкие.

*[2] *Далее вторично записано:* Тетюши на реке Волге.

*[3] *На полях помечено, что последовательность названий городов дальше должна быть изменена:* Синбирск, Самара, Саратов, Царицын.

inslav

л. 85 Неровы. Копорья на озере Котлине. Город Ямо. // Гдов. Город Кобылей.
Псков каменые городы на Великой реке и на Пскове. *Полотеск камен
город *. Порхов на Шелоне реке. Изборск камен город на Словенских
ключах. Город Печеры. * Витепск камен город *. Город Остров на Великой
реке. Воронач на Великой реке **. Красной на реке Сине. Выбор на Ве-
ликой реке. Город Дубков. Володимерец. Город Дворца. Невль. Озерище.
л. 85 об. Нещорда на озере. // Заволочье ***. Себеж на озере Себе. Юрьев. Руса
на усть реки Порусья. Куреск на реке Ловоти. Холм на реке Ловоти.
Великия Луки на реке Ловоти. Новгород Великий камен на озере Ильме-
ни и на реке Волхове. Олонец. Тифинской монастырь на реке на Тифине.
Александров монастырь на реке Свири. Архангельской на реке Двине.
Колмогоры на реке Двине. Устюг Великий на реке Сухоне от Юга реки
недалеко. Тотьма на реке Сухоне ****. Верховажье на реке Ваге. Пусто-
л. 86 озеро на реке Печере. // Нарым. Мангазея на реках на Тазе и на Пуре.
Старая Пермь на реке Вычегде. Еренеск на Вычегде ж. Вычеготцкая
Соль на Вычегде ж. Турей город на реке Птице. Спаской город на
реке. Ваге. Великая Слобода город на Ваге ж. Шенкурской на Ваге ж *[1].
Кевроль. Монастырь Каменой на Кубенском озере. Троицко-Сергиева мо-
настыря город каменой. Шуйской город на реке Сухоне. Брусенеск на
Сухоне. Городищный на Сухоне. Боровеск на Сухоне. Стрелный на
л. 86 об. Сухоне. // Городок на реке Юге. Хоризин на Юге ж. Березов на Юге ж.
Кичменской на Юге ж. Сосновец на Юге ж. Осиновец на Юге. Орлов
на Юге ж. Город Объячей на реке Лузе *[2]. Город Спаской на Лузе.
Лосменой на Лузе. Ондреевской на Лузе. Лалской на Лузе ж на усть
реки Лала. Ратмаров. Город Негей на Оби Великой от низу вверх *[3].
Город Носовой на Оби ж. Обдора. Город Ирка на Оби. Воикар на Оби ж
л. 87 или Ноцкой. // Уркар или Белой на Оби. Лосма на Оби ж. Мозым
на Оби на усть реки Казыма. Келчикар на Казыме реке. Чамаш на
Оби. Шоркар на Оби. Ненигаркар на Оби. Курмыш-Юрган на Оби.
Атлим на Оби. Карымкал на Оби. Емдырь на Оби. Калым на Оби.
Обской Большой на Оби. Ласлыпей на Оби. Сургут на Оби на усть
реки Сургута *[4]. Лунпук Вышней на Оби. Вышней Нарым на Оби. //
л. 87 об. Нижней Нарым на реке Нарыме. А выше того река Обь не описана.
По другому берегу реки Оби. Сабдин город на усть реки Пады. Сускар
или Роговой на Оби. Город Березовой на Оби. Город Юиль на Сосве
реке. Мункус на Сосве. Ляпин на Сосве. Искар на Сосве. Тапсым на
Сосве. Нячим на Сосве. Заглей на Сосве. Вороней на Сосве. Хюликар
на Сосве. Махтын на усть реки Сосвы. Естын *[5]. Тоболеск на Иртыше
л. 88 и на Тоболе реке. *[6] Тюмень. Томской. Кетской *[6]. // Верхотурье на
Туре реке *[7]. Ловзинской. Вышней Палым на Тавде реке. Нижней Палым
на Тавде ж. Таборы на Тавде на усть речки Таборы. Ашуки на Тавде.
Рамзяней на Иртыше. Город Уки на Иртыше. Ярдым на Оби *[8]. Лирик
на Оби. Лунгугей на Оби. Салынра на Оби. Салым на Оби. В степи
городы. Жестовой. Роздольной. Усерд. Ольшанской. Думчей курган. Пес-
л. 88 об. чаной, Хотмышской, Недрыгалов, Волной. Зинков. Синжаров, Лосиц-
кой *[9]. // Монастыри, которые свои осады имут. Свинской монастырь. Ти-

---

– *Приписано справа.*
** *Далее зачеркнуто:* Себеж.
*** *Далее следует:* город Дворица, *т. е. вторично записан город Дворца.*
**** *Вместо зачеркнутого*: Вычегда на реке Вычегде.
*1 *Далее зачеркнуто*: Пенежской.
*2 *На полях приписано*: Вычеготцкие Соли.
*3 *Вероятно, описка. В «Книге Большому Чертежу»*: от моря вверх.
*4 *Далее вторично записано*: Нарым на Оби сиречь Пегая Орда.
*5 *На полях помечено, что Естын должен быть перед Махтыном.*
*6–*6 *Приписано на нижнем поле.*
*7 *Далее вторично записано*: Тюмень.
*8 *Далее вторично записано*: Мазым на Оби.
*9 *Далее, видимо, срезаны названия на нижнем поле.*

inslav

фин монастырь. Кирилов монастырь. Колязин монастырь. В Переславле Никитцкой монастырь. Ипатцкой монастырь. На Костроме Богоявленской монастырь. В Ярославле Спасской монастырь. В Ростове Борисоглебской монастырь. В Нижнем Печерской монастырь. В Суздале Спасской монастырь. Троицкой киржацкой монастырь. Симонов монастырь. Спасской Новой монастырь. Новой Девич монастырь. На Вологде Прилутцкой мо-
л. 89 настырь *. Каменой монастырь. // Троитцкой Большей монастырь. Пафнотьев монастырь. Иосифов монастырь Волоцкого. Печерской монастырь во Пскове. Печерской монастырь в Нижнем. Печерской монастырь в Киеве **. Савинской монастырь Сторожевской. Киржацкой монастырь.

ГБЛ, ф. МДА, № 173, фунд. 201, лл. 79—89.

II

Московской губернии в нижеписанных городех по правинциям с купецких людей по окладу десятой денги на год. Володимерской. Городы. Дворовое число ***. Володимер 400. Шуя 203. Лух 193. Суздаль 515. Юрьев-Польской 197. Ростовской. Ростов 491. Переславль-Залеской и Александрова слобода 768. Дмитров 101. Клин 27. Рязанской. Переславль-Резанской 165. Коломна 409. Пронеск ****. Звенигороцкой. Звенигород 55. В Верее 144. В Можайску 54. На Волоку Ламском 53. В Рузе 81. Костромской. Кострома 1077. Любим 227. Серпуховской. Серпухов 315. Тула 198. Таруса 20. Венева 135. Богородицкой 14. Крапивна 9. Алексин 33. Дедилов — дворового числа нет. Калужской. В Калуге 908. В Боровску 189. В Ярославце Малом 101. Коширской. На Кошире 69. В Зарайску 264. В Михайлове 44. В Печерниках ****.

Санкт-Петербурской губернии Ярославской провинции *[1]. Бежецкой Верх 216. Романов, что на Волге, 381. Тверь 487 да вновь приписных каменщиков и кирпичников 19, итого 506. Кашин 344. Торжок 669. Углеч 463. Углецкого уезду Мологи посаду 132. Ярославль 2296, итого Ярославскому уезду с слобод: Борисоглебской слободы 210, Рыбной слободы 96, Норской слободы 42.

Архангелогороцкой губернии... Архангелской город и Колмогоры 3697 [с уездом]. Устюг Великой на посаде и в уезде 8765. Тотма 3660 [с уездом]. Соль Вычегоцкая 3642 [с уездом]. Кевроль и Мезень — крестьянских и бобыльских 2011. Кольской острог с уездом — посацких и крестьянских 121, а порознь не росписано. Вологда 1420. Галич 499. Чюхлома 59. Парфеньев 13. Унжа 20. Соль Галицкая 138. Кинешма 238.

Сибирской губернии... Соль Камская с уездом, Обва, Инва, Койва — 4322 двора, в том числе посацких 807. Пермь Великая и Чердынь с уездом 3181 двор, а что посацких — не росписано. Еренск с уездом 1384 двора, а порознь не росписано. Кунгур — дворового числа не ведомо. Вятка с пригороды — посацких 1803.

Казанской губернии... Казань 310. Астарахань 101. Саратов 172. Самара 101. Синбирск 516. Царев-Санчюрск 49. Алатырь 125. Свияжск 180. Царев-Кокшайск 60. Цывилск 58. Чебоксар 374. Ядрин 147. Кузмодемьянск 342. Яранск 42. Василь 193. Курмыш 28. Темников 137. Нижней Новгород 1409. Арзамас 690. Кадом 129. Елатма 230. Касимов 244. Гороховец 231. Уржум 58. Муром 344. Балахна 507. Вязники 446. Юрьевец-Повольской 290. Юрьевского уезду Пуческая слобода 97. Пенза 41.

Киевской губернии... Болхов 421. Белев 357. Брянеск 40. Куреск 390. Карачев 43. Мценеск 58. Новосиль 8. Орел 60. Путивль 138. Рылск

---

* *Далее дописано почерком XIX в.:* [с 1656 г.].
** *Далее зачеркнуто:* Спасской Еуфимьев монастырь и Кириллов монастырь
*** «Городы» *и* «Дворцовое число» — *названия граф, далее опускаются.*
**** *Далее пробел.*
*[1] *Заголовок погубернской росписи, аналогичный предыдущему, опускается.*

inslav

29. Севеск 58. Трубческ 175. Белгород 71. Обоянь 20. Ливны — дворов не написано. Карпов — дворов не написано. Короча — тож. Хотмышск — тож. Старой Оскол — тож. Алешня — тож. Яблонов — тож.

Смоленской губернии ... Вязма 298. Серпейск 48. Масалеск 15 да вновь приписано в посад 4 человека. Одоев 91. Перемышль 27. Козелеск 26. Старица 103. Старицкого уезду Погорелое Городище 24. Воротынеск 61. Мещоск 38. Лихвин 39. Зубцов 16. В Смоленску, в Дорогобуже, в Рославле, на Белой на посадех сколко мещанских дворов по переписным книгам — о том ис Приказу княжества Смоленского с переписных книг списков в Ратушу не прислано, также и десятой денги не написано.

Воронежской губернии... Донков — посаду нет. Ефремов — посаду нет. Скопин 89. Ряск — дворового числа в Ратуше не ведомо. Усерд — посаду нет. Воронеж 270. Елец 264. Лебедянь — в 700-м году вновь в посаде быть велено 22 человека. Чернь 6. Олшанск — посаду нет. Коротояк 26. Сокольск — посаду нет. Острогожск 93. Землянск — посаду нет.

Азовской губернии... Козлов 75. Танбов — приписных вновь в посад в 700-м году 22 человека. Инсара 28. Троецкой острог — дворового числа в Ратуше не ведомо. Красная Слобода — дворового числа в Ратуше не ведомо. Чугуев — посаду нет. Шацкой — посаду нет. Новой Оскол — посаду нет. Верхней Ломов — дворового числа в Ратуше не ведомо. Саранск 213.

Пометы: по листам «Диак Алексей Неронов», «Диак Роман Хрисанфов», *под текстом* «Справил Борис Степанов», «Смотрил Степан Антонов», «Справил Яков Яганов», «Справил Иван Назарьев», «Смотрел Петр Безбородов», «Справил Александр Русинов», «Смотрил Петр Богатырев».

ЦГАДА, Разрядный приказ (ф. 210), Денежный стол, кн. 51, лл. 12—29.

inslav

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II И РОЛЬ ПОБЕДОНОСЦЕВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА САМОДЕРЖАВИЯ

Событием, много значившим в последнее царствование, было первое публичное выступление Николая II, его речь на приеме депутаций 17 января 1895 г., в которой прозвучала известная фраза о «бессмысленных мечтаниях». Она сразу определила облик нового правления, засвидетельствовала намерение царя, не уклоняясь никуда в сторону, идти по стопам Александра III. Ею был сделан первый решительный шаг, выбран путь. Речь Николая 17 января явилась как бы новым изданием манифеста 29 апреля 1881 г., публично заявленным отказом царизма в чем-либо поступиться своей властью.

Известно, какую роль сыграл Победоносцев в появлении манифеста 29 апреля. Обнаруженный в ЦГАОР СССР документ показывает теперь, что не менее значительна была его роль и в начале нового царствования, что и на этот раз определение политического курса совершилось под его непосредственным воздействием и что речь 17 января можно считать прямым отголоском записки, поданной им Николаю II и получившей самое высокое и безусловное одобрение царя. Записка представляет собой написанный по-французски трактат о самодержавии, всем своим содержанием доказывавший необходимость сохранить эту форму правления во всей силе и неприкосновенности, иначе Россию ждет неизбежная гибель вследствие внутренних раздоров и неминуемого распада государства. В записке не проставлена дата ее составления или подачи, нет и подписи. В ЦГАОР СССР она хранится как записка неизвестного о роли Александра III в укреплении самодержавия. Как частное, в нее входит и это, но смысл документа гораздо шире, а что автором его является именно Победоносцев, с несомненностью обнаруживает почерк последнего, написавшего всю записку своей рукой. Датировка ее и вообще обстоятельства появления устанавливаются как из указаний, содержащихся в ней самой, так и из рассмотрения общеполитической обстановки в самом начале нового царствования.

У Победоносцева, как и у других сторонников политики бескомпромиссной борьбы со всем тем, что неизбежно вырастало на почве утверждавшегося в России буржуазного уклада, и видевших в самодержавной власти главный инструмент этой борьбы, первые месяцы нового правления вызвали немалую тревогу. Одержанная в 1881 г. победа в их представлении оказалась под угрозой. Поверженный тогда противник вдруг ожил, и во всех уголках России заговорили о будто бы предстоящих переменах в либеральном направлении [1]. Как писал сам Победоносцев Николаю 7 февраля 1895 г.: «Едва кончилось царствование усопшего государя, как те же люди и прежние их сподвижники проснулись и готовились возобновить ту же агитацию» [2]. В этой обстановке общественного оживления охранителям показалось, что власть готова сдать свои позиции, что самодержавие снова заколебалось, как в 1881 г. накануне убийства Александра II. Весьма обеспокоен был такой вдохновитель реакции, бескомпромиссный враг всего, что могло показаться либеральным, как великий князь Сергей Александрович. «Чувствую, что мне следовало бы поехать в Питер и многое сказать Ники, но не решаюсь — посмотрю! — писал он брату Павлу 14 января 1895 г.— Ехать с женой на несколько дней я не могу, ибо это бросать деньги зря — одному как-то не хочется — одним словом, еще увидим. Но я мучаюсь, ибо чувствую, что мой долг в память Саши — ехать и говорить — et avec cela en allant à Pbourg j'ai l'air de me donner tant d'importance — если бы кто-нибудь мог мне сказать и посоветовать — я все боюсь показаться нахалом, тем более что в данную минуту у меня нет предлога ехать... Ах, как мне хотелось бы не быть при деле — уйти в «частную жизнь»! С кончиной Саши — это каторга» [3]. Особенно подействовали на

[1] Обстановка этого времени описана в «Истории СССР», т. V. М., 1968, стр. 377.

[2] «Письма Победоносцева к Александру III».— «Новая Москва», т. II. М., 1926, К. П. Победоносцев — Николаю II 7 февраля 1895 г., стр. 305. Он же писал царю об этом времени 21 марта 1901 г.: «Настало новое царствование, и все противоправительственные, лжелиберальные элементы оживились новою надеждою».— Там же, стр. 334.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 202, в. к. Сергей Александрович — в. к. Павлу Александровичу 14 января 1895 г., лл. 7—8 об. «и все-таки, отправляясь в Петербург, я как будто бы придаю себе столько значения».

inslav

предводителей оголтелой реакции некоторые отличия и повышения в день Нового года. «Многие прямые русские люди,— писал Победоносцев в. к. Сергею Александровичу о лицах своего направления, относя, конечно, и себя к числу этих «прямых русских людей»,— были положительно сбиты с толку наградами, объявленными 1 января. Вышло так, что новый государь с первого шага отличил тех самых, кого покойный считал опасными» [4]. Как видно, в. к. Сергей Александрович в этой казавшейся и ему весьма опасной обстановке не собирался только сложа руки наблюдать за развитием событий. Точно так же и Победоносцев, по-видимому, решил, что для него снова наступила пора действовать. Снова решительно вмешаться в ход дел, как он уже не раз делал. Очевидно, именно после 1 января, вообразив, что Николай может дать перевес тем, кто в глазах Победоносцева и Александра III были опаснейшими либералами, колебателями устоев, готовыми погубить самодержавие, и кто на самом деле лишь пытался привести эту форму правления в некоторое соответствие с веком и эпохой, Победоносцев и пишет трактат, который должен был вернуть молодого царя на истинный путь, путь безусловного отказа от каких-либо перемен и компромиссов. Составив его по-французски, автор, видимо, рассчитывал придать ему этим характер документа особо важного государственного значения. На десяти страницах он изложил философию самодержавия, изобразив его как единственное спасение для России, обрисовав сторонников перемен и приспособления к новой обстановке носителями гибели и развала государства, представителями тех идей, которые и на Западе будто бы уже утратили свою силу, уступая место авторитарным устремлениям. Николаю была представлена квинтэссенция того, о чем десятилетиями писал и думал Победоносцев, его символ веры, который был полностью воспринят и усвоен Николаем. По прочтении трактата царь суммировал свои впечатления и выводы только в одном, но зато весьма красноречивом слове, выведя сбоку на первой странице «отлично» и жирно его подчеркнув. Теперь этой запиской и этой резолюцией преемственность обоих царствований была обеспечена и подтверждена. Возможно, что и без этой записки Николай II пошел бы тем же путем, как наверняка и Александр III и без речи Победоносцева 8 марта и написанного Победоносцевым же манифеста 29 апреля 1881 г. стал бы проводить тот же курс безоглядной реакции, но тем не менее роль этих последних выступлений обер-прокурора святейшего Синода была весьма значительна. Он дал идеологическое оформление реакции, дал обоим самодержцам ту готовую идейную почву, на которую они тут же встали, дал им готовые слова и мысли. Не он превратил их в реакционеров, которые во что бы то ни стало стремились сохранить самодержавие во всей его силе,— они и без него были такими — но тем не менее он помог им быстро найти себя, был как бы их духовным восприемником. Через него самодержавие заявило о своих намерениях в манифесте 29 апреля, им написанном, и в речи 17 января, им составленной. Нет прямого свидетельства, что именно он был ее автором, хотя это и считалось достаточно установленным и это как факт упоминается в V томе «Истории СССР» [5]. Записка-наставление, идейно подготовившая эту речь, является лишним тому доказательством. То, чего добивался Победоносцев, было публично заявлено в этот день. Реакция могла торжествовать победу, но само время для ее побед миновало. Россия вступала в новый период своего развития, и в ближайшие годы самодержавие было до оснований поколеблено под ударами массового рабочего движения, под крепнущим натиском революции. Победоносцев мог думать, что он предотвратил угрозу, что он восстановил порядок и положение начала 80-х годов, как об этом думал и в. к. Сергей Александрович, все-таки собравшийся съездить в Петербург и оставшийся очень довольным своей поездкой. «Я очень рад, что съездил и не даром. En general mes impressions sont bonnes — Dieu merci» [6]. Однако торжество оказалось преждевременным. Совершенно неожиданно для Победоносцева, как ее вдохновителя, и для в. к. Сергея Александровича первая речь царя обернулась крупной политической неудачей. Слова о «бессмысленных мечтаниях» и общий тон сказанного, вместо того чтобы вызвать прилив верноподданнических чувств в самой, казалось бы, подходящей для этого среде, в ней-то и были встречены достаточно критически. О неблагоприятной реакции на речь царя дает представление подробная запись в дневнике придворного генерала А. А. Киреева, лица весьма осведомленного. «Событие дня — речь государя собравшимся депутациям. Признаться — очень неудачная, излишняя,— записывал он сразу после ее произнесения.— ...Очень жаль и очень неудачный дебют!

Депутаты хотя и ответили громким «ура», хотя несколько человек из них и отправились служить молебен, но вообще все вынесли самое грустное впечатление (тверской старший депутат так выронил из рук солонку и испугался), но все разъехались под тяжелым впечатлением. Многие на это жаловались, и притом самые благонамеренные» [7].

---

[4] «Письма Победоносцева к Александру III».— «Новая Москва», т. II, К. П. Победоносцев — в. к. Сергею Александровичу 2 февраля 1895 г., стр. 355—356.

[5] «История СССР», т. V, стр. 377.

[6] ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 202, в. к. Сергей Александрович — в. к. Павлу Александровичу 21 января 1895 г., л. 9 об. «В общем мои впечатления благоприятны — благодарение богу».

[7] РО ГБЛ, ф. 126, к. 12, дневник А. А. Киреева, запись в январе 1895 г., л. 9—9 об.

inslav

«Только и толков что про несчастную речь государя! Поистине несчастная! — продолжает он записывать по свежим следам.— Впечатление самое удручающее: все стремились к юному царю с лучшими чувствами и из-за глупого Дурново! Какое горе!» [8]

Речь не встретила положительного отклика даже в кругах, ближе всего стоявших к власти. В этом убедился и об этом доносил царю сам Победоносцев. Стараясь изобразить в письме Николаю его выступление как успех и уверяя, что после слов царя у многих депутатов будто бы «камень свалился... с груди», он, однако, тут же предупреждал, что «дело не кончено этим» и что «по поводу этой речи поднялся именно здесь глухой ропот в среде чиновничества и интеллигенции. К прискорбию, он слышится между высокопоставленными лицами, облеченными властью» [9]. В написанном за несколько дней до этого письме в. к. Сергею Александровичу он гораздо точнее определил состав недовольных, считая, возможно, не совсем дипломатичным и для себя полезным показывать царю, как широко вызванное им возбуждение. Уверяя и великого князя, что «на простых людей и на деревни слово государя произвело благоприятное впечатление», он сразу переходил к жалобе: «Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение» [10]. «Я уверен, к несчастью, что большинство членов Госуд[арственного] совета относится критически к поступку государя и, увы, некоторые министры тоже!»— обрисовал он состояние значительной части правящей верхушки. Его адресат был тоже никак не подготовлен к такой реакции. «Да, странно, что именно в высшем обществе чудные слова государя так критикуются — cela depasse ma comprehension — и я об этом слышал» [11],— писал он в изумлении в. к. Павлу Александровичу 4 февраля 1895 г. И сразу же реакции предстояло убедиться, что ей придется считаться с чем-то гораздо более серьезным, чем ворчание по углам великосветских гостиных и правительственных канцелярий. Ближайшие же события показали, что и вообще время оцепенения прошло и режим уже не является полным хозяином обстановки, что запретные слова царя потеряли свою былую подавляющую силу и уже не могут сохранить прежнее положение. Наглядным признаком наступающих перемен сделались развернувшиеся как раз в начале февраля студенческие выступления в Петербурге, с которыми не удалось легко и быстро справиться. Реакция, только что намеревавшаяся развернуть наступление, считавшая после речи 17 января свое дело обеспеченным, теперь сама загонялась в оборону, лишалась прежней безусловной уверенности в своих силах и возможностях. От недавнего торжества, вызванного словами Николая, не осталось и следа. Ее новое состояние отразилось в письме в. к. Сергея Александровича брату Павлу 19 февраля. «Признаюсь, я в очень пессимистическом настроении — mon Dieu, mon Dieu — on voit bien que nous navons plus de main ferme qui nous conduit — Oh la, la!!!!!!!!! если перлюстрируют мое письмо, мне несдобровать» [12]. Дело было, конечно, не в отсутствии твердой руки, а в том, что созрели и пришли в движение те силы, которые повели борьбу с самодержавием не на жизнь, а на смерть. Начинался пролетарский период русского революционного движения. Россия вступала в полосу «подготовки народной революции» [13].

Ю. Б. Соловьев.

Не позднее 17 января 1895 г. — Записка К. П. Победоносцева для Николая II о необходимости сохранить самодержавие во всей силе

On admire l'enthousiasme avec lequel le peuple russe accueille et entoure ses Souverains. Il y a là — tendresse propre à l'âme russe, mais au fond de ce sentiment on reconnait l'instinct traditionnel de toute la nation. Dans son Souverain le peuple se sent vivre, se comprend, voit la personification vivante de son unité nationale, de son passé, de sa destinée historique, reconnait le ressort de sa puissance et l'instrument de son indépendence et de son salut. Ce sentiment a quelque chose de réligieux; uni dans l'âme populaire avec son attachement à l'Eglise, avec la foi commune qui la lie avec le Souverain,

---

[8] РО ГБЛ, ф. 126, к. 12, л. 9 об. Киреев не знал всей подноготной подготовки речи и полагал, что виновник случившегося — И. Н. Дурново, министр внутренних дел.

[9] «Письма Победоносцева к Александру III».— «Новая Москва», т. II, К. П. Победоносцев — Николаю II 7 февраля 1895 г., стр. 305.

[10] Там же, К. П. Победоносцев — в. к. Сергею Александровичу 2 февраля 1895 г., стр. 355.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 202, в. к. Сергей Александрович — в. к. Павлу Александровичу 4 февраля 1895 г., л. 23 об. «это превосходит мое понимание».

[12] Там же; в. к. Сергей Александрович — в. к. Павлу Александровичу 19 февраля 1895 г., л. 37. «Боже мой, боже мой, хорошо видно, что нет более ведущей нас твердой руки.— О ля, ля!!!!!!!!».

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 74.

inslav

87.

Omission.

On admire l'enthousiasme avec lequel le peuple russe accueille et entoure ses Souverains. Il y a là - tendresse propre à l'âme russe; mais au fond de ce sentiment on reconnaît l'instinct traditionnel de toute la nation. Dans son Souverain le peuple se sent vivre, se comprend, voit la personnification vivante de son unité nationale, de son passé, de sa destinée historique, reconnaît le ressort de sa puissance et l'instrument de son indépendance et de son salut. Le sentiment a quelque chose de religieux: uni dans l'âme populaire avec son attachement à l'Eglise, avec la foi commune qui la lie avec le Souverain, ce sentiment devient la force motrice du Souverain lui-même ainsi que de son peuple.

Записка К. П. Победоносцева о необходимости укрепления самодержавия в новое царствование
(не позднее 17 января 1895 г.)

ce sentiment devient la force motrice du Souverain lui-même ainsi que de son peuple. Selon la conception du peuple, ce lien qui la lie avec son Souverain, doit être un et indivisible, et l'autorité du Souverain doit être absolue. Toute notre histoire proclame ce principe et le testifie. Entourée d'ennemis, divisée, releguée au fond des plaines et des steppes, la Russie a gagné son indépendance et son pouvoir grâce à sa foi inébranlable, et grâce à l'unité du pouvoir concentré dans la personne du Tsar. Les états périssent par la dissension des partis et des pouvoirs. La dissension des pouvoirs divisés entre eux nous amena au XIII siècle l'invasion des barbares et la ruine de notre civilisation antérieure. Notre église seule resta inébranlable,

inslav

et après les sanglantes épreuves de 2 siècles sous la domination des Tartares, la Russie regagna son unité et son indépendance, quand elle se sentit unie et rassembla ses forces dans la personne du Tsar. Sitôt que son pouvoir faiblissait commencaient les dissensions intérieures, menaçant ruine à l'Etat engagé dans les luttes pour l'existence avec les hordes barbares, avec la Pologne, l'Allemagne, la Suède,— tendant à détruire notre indépendance nationale. Mais la force renaissait avec le raffermissement du pouvoir. Quand il paraissait déja completement ruiné par l'extinction de la maison régnante (dans les enfants du Tsar Jean IV), quand le pays gémissait sous l'invasion ennemie,— le peuple s'est choisi librement son nouveau Souverain (dans la famille Romanoff, alliée aux Souverains décédés), et la force est revenue à l'Etat regénéré. Dans toutes ses calamités, au milieu des horreurs de l'indigence et de la famine, souffrant sous l'oppression des nobles, de l'iniquité des fonctionnaires, le peuple attendait son salut uniquement de la justice et de la charité de son Souverain, s'elevant au dessus de tous les penchants égoistes et de toutes les ambitions privées. Malgré tous les abus du pouvoir, et même à raison de ces abus, cette foi du peuple dans ses Souverains reste intacte. C'est elle qui a permis à Pierre le Grand et à ses Successeurs de raffermir l'Etat russe par des victoires et des réformes; c'est elle qui, de notre temps, a permis à l'Empereur Alexandre II d'accomplir paisiblement la grande réforme de l'abolition du servage.

Le pouvoir absolu du Souverain est non seulement nécessaire à la Russie; il est non seulement la garantie de la paix intérieure, mais il est la condition essentielle de l'unité nationale et du pouvoir politique de notre Etat. Sitôt que notre gouvernement serait devenu gouvernement des partis, comme il est dans toute l'Europe occidentale (même dans les Etats slaves, pour leur malheur)—il deviendrait le principe et le commencement de l'oppression, de la discorde et de la ruine, l'élement dissolvant de tous les principes qui soutiennent l'âme morale de notre peuple. Tous les interéts egoistes des individus, des corporations et classes, des nationalités et peuplades, auraient surgi avec leurs prétentions separatrices, avec leurs intrigues. La guerre intérieure aurait éclaté et aurait amené peu-à-peu la dissolution générale et la dislocation de l'Etat dans toutes ses parties constitutives. La presse étrangère, inspirée par les ennemis de la Russie, ne cesse de nous qualifier de barbares et de nous proposer l'adoption des formes parlementaires comme preuve de notre association à la civilisation occidentale. Dieu nous préserve de ce don fatal qu'on nous propose comme don d'amitié, don pareil au fameux cheval grec introduit dans la ville de Troie et ayant consommé sa ruine.

Le gouvernement représentatif des partis, dans ses formes actuelles, comme il est constitué à l'Occident, a déja perdu son prestige. Il ne se soutient que par la force des partis qui se sont emparés du mecanisme gouvernemental, par les clameurs de la presse et par le fanatisme des doctrinaires. Les fameux principes de liberté, égalité, fraternité, proclamés par la revolution, se sont donné dementi en pratique et ne se servent que de prétexte à l'hypocrisie du faux libéralisme, au gaspillage des fonds publics et à la violation des plus chères croyances du peuple. Les soi-disant représentants du peuple ne sont que des émissaires et des agents des partis, imposés au peuple malgré sa volonté et ses instincts, par les intrigues, par la subornation et par la violence.

Dieu préserve Russie d'un pareil sort.

Le moment actuel nous présente le spectacle solennel et émouvant des aspirations générales vers la Russie et ses principes nationaux — dans la personne du Souverain dont nous déplorons la mort. C'est le doigt de la Providence qui montre aux peuples abusés le principe de leur salut — dans le pouvoir qu'ils viennent de saluer avec les accents si touchants d'enthousiasme général. Il est impossible de ne pas se rappeler, qu'il y a cent ans, en

inslav

1794, la France révolutionnaire, accablée de Terreur, brisait tous les principes de morale et de l'humanité en proclamant les principes de la doctrine subversive qui s'est emparée depuis lors des esprits dans toute l'Europe,—et cent ans plus tard, en 1894, la même France vient avec enthousiasme retremper son âme nationale auprès du tombeau représentant le principe traditionnel du pouvoir absolu fondé sur la justice et la charité — élements de l'âme nationale russe.

Notre gouvernement, organisé comme il est par les réformes du XIX siècle, présente toutes les garanties désirables pour l'ordre de la société et pour la liberté légale des individus. L'administration intérieure est concentrée dans les ministères responsables au Souverain. Les provinces, les villes et les communes rurales sont libres dans leur économie intérieure dirigée par les corps électifs, sans prendre part à la législation et aux questions politiques. Les tribunaux sont indépendants dans leur jurisdiction. Les nouvelles lois reçoivent la sanction Impériale après avoir été délibérées dans la Conseil de l'Empire dont les membres sont nommés par l'Empereur. Le Sénat dirigeant a le pouvoir décisif dans toutes les questions du contentieux administratif. Mais dans toutes les affaires du pays le dernier mot décisif dépend du Souverain et Sa Volonté est Suprême. Ceci lui donne le pouvoir qui est précieux pour notre peuple,— pouvoir d'agir sans contention et sans compter avec les interéts égoistes ou etroits des individus, des corps constitués et des classes,— contre les abus de toute espèce, de diriger l'administration et d'adoucir les maux publics et privés par la prevoyance, par la largesse et clémence.

Les dernières années de l'Empereur Alexandre II etaient troublées par le relachement des principes autoritaires et par les dissensions intérieures. Les ésprits fantasques excités par les idées du liberalisme doctrinaire, croyaient trouver le remède contre le désordre dans les moyens recommandés par la presse subversive,— c'est à dire — dans les institutions parlementaires: faux remède qui ne pouvait amener que permanence de désordre et le désordre générale. L'esprit clair et ferme de l'Empereur Alexandre III, dont nous chérissons la mémoire, comprit toute l'inanité des projets incompatibles avec le bien du pays, et retablit la paix dans l'âme populaire par sa ferme parole qui a maintenu le pouvoir absolu du Souverain. Tout notre peuple bénissait la resolution de l'Empereur, et depuis lors le principe du pouvoir reste intact et inébranlable: tel il a été remis par le Defunt Empereur à son Successeur.

ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1017, лл. 1—5.

Перевод с французского

Любуешься тем восторгом, с которым русский народ встречает и которым окружает своих государей. В этом обнаруживается присущая русской душе нежность, но в глубине этого чувства узнается врожденный инстинкт всего народа. Народ русский живет в своем государе, сознает в нем себя, видит в нем живое воплощение своего национального единства, своего прошлого, своего исторического назначения, признает в нем источник своего могущества и орудие своей независимости и своего блага. Это чувство содержит в себе что-то религиозное: соединенное в народной душе с ее приверженностью к церкви, с общей верой, которая связывает ее с государем, это чувство становится движущей силой самого государя точно так же, как и его народа. Согласно пониманию народа, эта связь, которая соединяет его с его государем, должна быть единой и неделимой, и власть государя должна быть неограниченной. Вся наша история провозглашает этот принцип и подтверждает его. Окруженная врагами, раздробленная, оттесненная в глубь равнин и степей, Россия достигла своей независимости и своего могущества благодаря своей нерушимой вере и благодаря единению власти, сосредоточенной в личности царя. Государства гибнут из-за распрей партий и властей. Раздоры и междоусобицы правителей приводят в

inslav

XIII веке к вторжению кочевников и к гибели нашей предшествующей цивилизации. Одна наша церковь осталась неколебимой, и после кровавых испытаний на протяжении двух веков под владычеством татар Россия вновь завоевала свое единство и свою независимость, когда она почувствовала себя объединившейся и собрала свои силы в лице царя. Как только его власть ослабевала, начинались внутренние распри, грозившие гибелью государству, занятому борьбой за свое существование с ордами кочевников, с Польшей, Германией, Швецией, домогавшихся уничтожить нашу национальную независимость. Но сила возрождалась с упрочением власти. Когда она казалась уже совершенно погибшей благодаря пресечению царствующего рода (в лице детей Ивана IV), когда страна стенала под вражеским нашествием, народ свободно выбрал своего нового государя (в семействе Романовых, связанном с усопшими государями) и сила вернулась возрожденному государству. Во всех своих бедствиях, посреди ужасов голода и лишений, изнывая под гнетом знатных, от беззаконий чиновников, народ ожидал своего спасения единственно от справедливости и милости своего государя, способного возвыситься над всеми эгоистическими стремлениями и над всякими частными домогательствами. Несмотря на все злоупотребления власти и даже по причине этих злоупотреблений, эта вера народа в своих государей не потерпела никакого ущерба. Она-то и позволила Петру Великому и его преемникам укрепить русское государство победами и реформами, это она в наше время позволила императору Александру II совершить мирно великое преобразование — отмену крепостного права.

Самодержавная власть государя не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но она есть существенное условие национального единства и политического могущества нашего государства. Как только наше правительство сделалось бы правительством партий, каким оно является во всей Западной Европе (даже в славянских государствах, к их несчастью), оно стало бы основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы, на которых держатся нравственные убеждения нашего народа. Все эгоистические интересы частных лиц, сословий и классов, народов и народностей воспрянули бы с их раскольническими домогательствами, с их интригами. Вспыхнула бы междоусобица и привела бы мало-помалу к всеобщему разложению и распаду государства на его составные части. Иностранная печать, вдохновляемая врагами России, не перестает называть нас варварами и предлагать нам усвоить парламентарные формы, чтобы тем доказать нашу причастность к западной цивилизации. Да сохранит нас господь от гибельного дара, который нам предлагается как дар дружбы, дара, подобного знаменитому коню греков, введенному в Трою и ставшему причиной ее гибели.

Представительное правительство на партийной основе, в своих нынешних формах, каким оно образовалось на Западе, уже потеряло свою притягательную силу. Оно держится только силой партий, которые завладели правительственным механизмом, оглушительным шумом, поднимаемым печатью и фанатизмом доктринеров. Знаменитые принципы свободы, равенства, братства, провозглашенные революцией, сами себя опровергли на практике и служат только предлогом для упражнения в лицемерии фальшивому либерализму, для расхищения общественных средств и для нарушения самых дорогих народных верований. Так называемые представители народа есть всего лишь посланцы и прислужники партий, навязанные народу вопреки его воле и врожденному внутреннему чувству путем интриг, подкупа и насилия.

Да избавит господь Россию от подобной участи.

Настоящий момент дает нам видеть зрелище торжественное и трогательное всеобщего влечения к России и ее национальным принципам —

inslav

в лице государя, смерть которого мы оплакиваем. Сам перст провидения указывает введенным в заблуждение народам на основу их спасения — в той власти, которой они только что отдали дань уважения со столь трогательными признаками всеобщего одушевления. Нельзя не вспомнить, что сто лет тому назад, в 1794 г., революционная Франция, угнетенная террором, сокрушила все основы нравственности и человечности, провозгласив принципы подрывной доктрины, которые с тех пор завладели умами всюду в Европе,— и спустя сто лет, в 1894 г., та же самая Франция с воодушевлением пришла дать новую силу своей народной душе у гробницы, представляющей неизменный принцип самодержавной власти, основанной на справедливости и милосердии — составных частях, образующих русскую народную душу.

Наше правительство в том виде, в каком оно находится, организованное на основе преобразований XIX в., представляет все желательные гарантии общественного порядка и свободы личности в рамках закона. Внутреннее управление сосредоточено в министерствах, ответственных перед государем. Губернии, города и сельские общины свободны в своем хозяйствовании под руководством выборных органов, не вмешиваясь в законодательство и дела политического свойства. Суды независимы в претворении правосудия. Новые законы получают утверждение императора после их обсуждения в Государственном совете, члены которого назначаются императором. Правительствующий Сенат имеет право решающего голоса во всех спорах между ведомствами. Но во всех делах страны последнее решающее слово принадлежит государю, и его изволение превыше всего. Это дает ему власть, драгоценную для нашего народа,— власть действовать, не встречая сопротивления и не считаясь с эгоистическими или узкими интересами частных лиц, сословий и классов, против злоупотреблений всякого рода, власть руководить управлением и смягчать тяготы общественной и частной жизни предусмотрительностью, великодушием и милосердием.

Последние годы императора Александра II были омрачены ослаблением принципов самодержавной власти и внутренними раздорами. Взбалмошные умы, возбужденные идеями доктринерского либерализма, вообразили, что нашли исцеление от беспорядка в указанных подрывной печатью средствах, т. е. в парламентских учреждениях: фальшивое лекарство, которое могло лишь сделать беспорядок постоянным и повести к общему расстройству. Ясный и твердый ум императора Александра III, память о котором мы лелеем, понял все безумие предположений, несовместимых с благом страны, и восстановил мир в народной душе своим твердым словом, которое упрочило самодержавную власть государя. Весь наш народ благословил решение императора, и с тех пор принцип власти не терпел никакого ущерба и оставался неколебимым: таковым он был препоручен усопшим императором своему преемнику.

inslav

ПЕРЕПИСКА Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО И А. Е. ПРЕСНЯКОВА О ПРОБЛЕМАХ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ

Письма крупных историков служат немаловажным источником историографии, значительно обогащая наши представления о конкретном ходе развития исторической науки, о личности ученых, процессе формирования их научных воззрений, об их общественной деятельности. Особенно ценным кажется привлечение такого рода источников при исследовании вопросов развития отечественной историографии в период империализма, изученных пока лишь в общих чертах.

В ленинградских архивах находится переписка двух ученых, работавших в этот период,— Николая Павловича Павлова-Сильванского и Александра Евгеньевича Преснякова, представляющая собою не лишенное своеобразия явление и интересная как источник историографии. Научную ценность этой переписки впервые отметил сам А. Е. Пресняков, писавший вскоре после смерти Н. П. Павлова-Сильванского: «...небольшой пакетик его писем получает теперь особое значение. В этих письмах — его тревоги, волнения, жажда сочувствия, поддержки в новостях его работ, против которых на первых порах высказывались многие» [1]. О важности этой переписки свидетельствует неоднократное использование писем Н. П. Павлова-Сильванского в научной литературе, начатое еще А. Е. Пресняковым. В некрологе Павлова-Сильванского [2] и в речи о нем на заседании исторической секции учебного отдела Общества распространения технических знаний в Москве (конец 1908 г.) [3] Пресняков цитировал отдельные строки из писем, чтобы наметить «общие черты главного дела научной жизни» Павлова-Сильванского [4], а также для характеристики научных качеств покойного ученого. Эти письма использовал С. Н. Валк в своих работах по историографической проблематике [5]. К сожалению, не менее ценные письма А. Е. Преснякова остаются неиспользованными; лишь беглые сведения о них имеются в научном обороте [6].

О личной дружбе и научных взаимоотношениях А. Е. Преснякова и Н. П. Павлова-Сильванского есть известия в литературе. С. Н. Валк свидетельствовал, что А. Е. Пресняков был другом Н. П. Павлова-Сильванского, «настолько близким, что, как сам А. Е. Пресняков говаривал, иногда трудно было им установить, кому из них первому пришла в голову та или иная мысль» [7]. Плодотворность их научных отношений отметил А. Л. Шапиро [8]. Продолжавшееся долгие годы научное общение двух ученых оставило по себе след и в виде их переписки.

Переписка эта началась весной 1901 г., когда Павлов-Сильванский подошел к определенному рубежу в исследовании феодальных отношений в России. Выступая 23 марта 1901 г. в Историческом обществе при Петербургском университете [9], он встретил недоброжелательную критику своих воззрений; в это же время он подготовил подводившую итог ряду работ и в некотором смысле программную статью «Феодальные отношения в удельной Руси». Рукопись первой части статьи, как видно, была послана Н. П. Павловым-Сильванским А. Е. Преснякову с просьбой дать на нее отзыв [10]. Пресняков, преподававший тогда в ряде учебных заведений Петербурга и напряженно работавший над изучением московских летописных сводов, о которых он

---

[1] ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 9, письмо к жене от 19 сентября 1908 г.

[2] *А. Е. Пресняков.* Н. П. Павлов-Сильванский (род. 1869, ум. 1908). Некролог.— ЖМНП, 1908, № 11, отд. 4, стр. 11—17.

[3] «Отчет о деятельности учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908—1909 г.». М., 1910, стр. 46—51.

[4] *А. Е. Пресняков.* Н. П. Павлов-Сильванский..., стр. 11.

[5] *С. Н. Валк.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет.— «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук». Л., 1948; *он же.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского.— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. статей». М.— Л., 1963.

[6] *В. А. Муравьев.* Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах.— «Труды МГИАИ», т. 22, 1965, стр. 281.

[7] *С. Н. Валк.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского, стр. 626.

[8] *А. Л. Шапиро.* Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 87.

[9] «Историческое обозрение», т. 15. СПб., 1909, стр. 63—64.

[10] Просьба эта документами не сохранена; но для Н. П. Павлова-Сильванского подобные просьбы были характерны: например, В. М. Далин указал на подобное его

inslav

предполагал писать диссертацию, ответил. Между историками завязалась переписка о проблематике «русского» феодализма, которая продолжалась в 1901 г. и возобновилась в 1903 г.; сходные темы прослеживаются и в последних письмах 1907—1908 гг.

То обстоятельство, что два историка, жившие в одном городе и явно имевшие возможность встречаться, излагают свои мысли письменно, кажется весьма примечательным. Это может объясняться отчасти определенной традицией научных взаимоотношений того времени, отчасти — тем, что, по словам Павлова-Сильванского, «с пером в руке нам рассуждать привычнее». Возможность личных встреч и бесед, которые, как видно из писем, случались, обусловила бо́льшую отрывочность заключенного в письмах диалога. Для писем характерна отрывочность, «эскизность» аргументации при сравнительной свободе выражения идей. Весьма критического отношения требуют высказывания о некоторых лицах и самооценки, содержащиеся в письмах.

Учитывая все эти особенности, кажется возможным отметить значение переписки Павлова-Сильванского и Преснякова прежде всего в том, что ее данные освещают намеченный нашей историографией в самых общих чертах вопрос о научных взаимоотношениях двух историков.

Представляется, что во всем содержании писем можно проследить определенное влияние мнений Павлова-Сильванского на формирование понятий Преснякова о феодализме в России. Влияние это, как можно думать, явилось результатом по крайней мере двух переплетающихся факторов. Это, во-первых, новизна и притягательность постановки Павловым-Сильванским его исследования: уже к началу 1900-х годов из первоначальной задачи «перенесения» черт западного феодализма на «русский» он выработал новый социологический подход к проблеме изучения феодальных «институтов», действительно приковавший к себе «общее внимание». Во-вторых, Преснякова отличали чрезвычайная чувствительность и внимательность к проявлениям новой и свежей мысли, которую он, по выражению С. Ф. Платонова, умел уловить «in statu nascendi» [11], усвоить себе и творчески развивать. Можно предположить, что такая восприимчивость Преснякова определялась постоянной потребностью в совершенствовании его «внутренней исторической постройки», той «ученой мозговой гармонии», о стремлении перестраивать которую на новый лад в связи с новыми данными науки он пишет Павлову-Сильванскому.

Однако влияние идей Павлова-Сильванского не сказалось на творчестве Преснякова быстро и непосредственно. Известно, что в своих книгах Пресняков не употреблял термин «феодализм». Можно предположить, что влияние идей о «русском» феодализме состояло в длительной внутренней разработке этих идей, в своеобразном их вынашивании и введении их Пресняковым в самый фундамент его «ученой постройки». Вероятно, дальнейшее исследование даст возможность конкретно проследить процесс эволюции этих идей в творчестве Преснякова. Заслуживает внимания наблюдение С. Н. Валка о том, что само название магистерской диссертации Преснякова говорит о сравнительно-историческом методе [12]. При подготовке издания «Феодализма в удельной Руси» Пресняков настолько глубоко проник в суть работы Павлова-Сильванского и столько сделал для ее доработки, что возник вопрос о степени соавторства Преснякова в этой книге [13]. Известна содержательная характеристика вклада, внесенного Павловым-Сильванским в рассмотрение «удельного периода» русской истории, которая дана во втором томе лекций Преснякова [14]. В подготовленном к изданию Б. А. Романовым третьем томе лекций А. Е. Преснякова имеется ряд ссылок на работы Н. П. Павлова-Сильванского (в VII гл.); Пресняков характеризует форму Московского государства как «вотчинный абсолютизм» (на поле корректуры — помета, видимо, рукой Б. А. Романова: «то есть феодализм») [15]. Совершая в пореволюционный период серьезный пересмотр своих общих методологических позиций, А. Е. Пресняков, по мнению Н. Л. Рубинштейна, в подходе к вопросам русского феодализма «оставался близким не к марксизму, а к Павлову-Сильванскому» [16].

Интересно воплотилось влияние взглядов Павлова-Сильванского в субъективной самооценке Преснякова. Он пишет, что в книге «Княжое право в древней Руси» много влияния работ Павлова-Сильванского, его мнений. «Мне приходилось очень осторожно писать некоторые места, чтобы не похитить себе иные его мнения, да и то кое-что захватил я неизбежно» [17]. И после смерти Павлова-Сильванского Пресняков чувствует себя его своеобразным научным душеприказчиком. «На меня точно обрушилась обязанность развивать дальше то направление работ, в котором я думал идти с ним и за ним. Я был ближе, чем кто-нибудь, к его мнениям, к его интересам» [18].

обращение к В. О. Ключевскому (*В. М. Далин.* Ф. Гизо и развитие исторической мысли в России.— В кн.: *В. М. Далин.* Люди и идеи. Сб. статей. М., 1969, стр. 384).

[11] *С. Ф. Платонов.* А. Е. Пресняков. Некролог.— «Известия АН СССР», VII серия, № 2. М.— Л., 1930, стр. 85.

[12] *С. Н. Валк.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского, стр. 626.

[13] *В. А. Муравьев.* Указ. статья, стр. 285.

[14] *А. Е. Пресняков.* Лекции по русской истории, т. II, вып. 1. М., 1939, стр. 13—14.

[15] ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 2, д. 124, стр. 255.

[16] *Н. Л. Рубинштейн.* Русская историография. М., 1941, стр. 507.

[17] ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 9, письмо к жене от 19 сентября 1908 г.

[18] Там же.

inslav

Материал писем дает возможность в некоторой степени судить и о творческом развитии Пресняковым положений Павлова-Сильванского. Уже в первых письмах Пресняков сводит эти положения в историографическую перспективу, видя в теории Павлова-Сильванского замену старых, изживших себя теоретических представлений, намечает далеко идущие выводы из этой теории для изучения проблем русской общины, наконец, для разрешения волнующей всю русскую историографию XIX в. проблемы отношения России и Европы. Представляется, что такая широта взгляда Преснякова на теорию русского феодализма была обусловлена складывавшимся у него своеобразным единым воззрением на историю России, позволившим ему выработать собственную концепцию русского исторического процесса. Одна из причин появления воззрения, вероятно наиболее сильная,— в практической потребности создания общего курса русской истории, потребности, которая владела Пресняковым с самого начала его преподавательской деятельности в 1895 г. Напомним, что преподавательскими занятиями он объяснял в письме к А. А. Шахматову относительно малую свою научную продуктивность до 1900 г. [19]; по признанию самого А. Е. Преснякова, книга его «Княжое право в древней Руси» сложилась в связи с чтением первого университетского курса лекций в 1907—1908 гг. [20]; «в аудитории, в живом общении с младшим поколением историков» выработалась и его докторская диссертация [21].

Результатом этой широты подхода Преснякова к теме «русского» феодализма, как кажется, явилось, помимо прочего, выдвижение им «эволюционной» точки зрения на сравниваемые исторические явления. В письмах сохранились следы развития этого воззрения Преснякова. В 1901 г. он просто противопоставляет направления русского и западного исторических процессов. В 1903 г. его занимают «отличия процессов». Он признал прием «социологического» сравнения плодотворным и «рассуждения о широкой эволюции» — делом будущего. Но вместе с тем он настаивает на сравнении исторических процессов, хотя бы как задаче будущего исследования, намечая как ближайшую задачу — изучение самих процессов.

Наиболее выжное последствие такой постановки Пресняковым вопроса было им самим выяснено. Он замечает, что возражения дали толчок к расширению и обогащению воззрений Павлова-Сильванского новыми точками зрения. «Дело в том, что возражения историков против того, что им казалось ультрасоциологической постановкой вопроса, побудили Н. П. Павлова-Сильванского перейти в большей степени от сравнительного описания изучаемых явлений к сравнительно-историческому изучению их эволюции. Это значительно усложняло работу. Ведь он не мог, не отказавшись от самой дорогой стороны своей задачи, замкнуться в изучении того или иного местного исторического процесса. И перед ним стала новая проблема огромной трудности: установить социологическую закономерность эволюции тех отношений, которые стали предметом его сравнительно-исторического изучения» [22]. Как представляется, в этой постановке Павловым-Сильванским задачи выяснения закономерности исторического развития немалую роль сыграли мнения Преснякова. Отсюда видно, что научные взаимоотношения двух историков служили взаимному обогащению их исследований.

Помимо изложенного, данные переписки делают возможным более конкретно представить последовательность и пути формирования взглядов на феодализм в России не только Преснякова, своеобразный процесс усвоения этих взглядов которым можно наблюдать, но отчасти и самого Павлова-Сильванского: в многочисленных детальных высказываниях его нередко прослеживается зарождение новых идей. Значительный интерес представляют высказывания Преснякова об историографическом аспекте теории феодализма в России, об особенностях восприятия ее разными историками. В них так или иначе проглядывают его историографические воззрения. Наконец, письма представляют безусловную ценность как источник по индивидуальной психологии историков, значительная важность изучения которой отмечалась в советской литературе [23].

В то же время приводимый материал, как кажется, дает основание для суждения о некоторых особенностях развития исторической науки в период империализма. В литературе не раз высказывалось положение, что «кризис буржуазной исторической науки был сложен и далеко не однозначен» [24]. В то время как одни историки уходили в эмпиризм, отрицая историческую закономерность, а другие стояли на ре-

---

[19] *С. Н. Валк.* Историческая наука..., стр. 58—59.

[20] *С. Н. Валк.* Борис Александрович Романов.— «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971, стр. 10.

[21] *А. Е. Пресняков.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства».— ЛЗАК, вып. 30. Пг., 1920, стр. 7.

[22] *А. Е. Пресняков.* Н. П. Павлов-Сильванский..., стр. 13—14.

[23] *С. О. Шмидт.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки.— «Труды МГИАИ», т. 22, 1965, стр. 41—42.

[24] *М. В. Нечкина.* История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки).— «История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей». М., 1965, стр. 17.

inslav

акционных позициях исторического идеализма, в трудах определенной части передовых ученых намечался путь к новому, материалистическому пониманию истории, хотя путь этот был долгим и сложным. Материал писем позволяет яснее представить те черты творчества историков, которые сделали возможным для них прийти к этому пути.

Предлагаемая публикация включает все письма обоих историков, сохранившиеся в двух архивах Ленинграда. Письма Н. П. Павлова-Сильванского А. Е. Преснякову, собранные последним, были переданы им вместе с другими документальными материалами в архив; из этих материалов был затем образован отдельный фонд в архиве ЛОИИ СССР АН СССР [25]. Письма А. Е. Преснякова сохранились в бумагах Н. П. Павлова-Сильванского, попавших в Отдел рукописей ИРЛИ СССР [26]. Здесь же имеются черновики трех писем Павлова-Сильванского, совпадающие по содержанию с публикуемыми. Письма написаны чернилами на двойных листках почтовой бумаги или открытках; бо́льшая часть их имеет даты.

Переписка публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Подчеркивания авторов писем даются курсивом, а подчеркивания адресатов оговариваются в подстрочных примечаниях, отмечаемых звездочками. Комментарии к письмам имеют валовую нумерацию и помещены в конце публикации.

С. В. Чирков.

№ 1. *Письмо А. Е. Преснякова с примечаниями Н. П. Павлова-Сильванского*[1]

2 мая 1901 г.*

** Да, статья «Феодальные отношения в удельной Руси» [2] производит гораздо менее солидное впечатление, чем предыдущие. Подобрано все, что говорит — при желании! — в пользу известной идеи,— но без твердого основания. «Твердым» может быть основание в таких данных, где Ваше понимание единственно возможное, или по крайней мере наиболее естественное. А тут много нетвердого:

1. Указанный Мякотиным огнищанин [4]. Даже в смягченном виде Ваше толкование термина имеет главное основание — в доказываемом Вами мнении, а не наоборот.

16 мая 1901 г.

*** Может быть, только потому, что это кусочек целого. Далее **** в продолжении **** идет речь о поземельных отношениях связанных с вассальными, и разрешаются многие Ваши вопросы [3].

Эпиграф показывает, что я не считал все свои положения «единственно возможными». Но полагаю, что среди них есть многие доказанные, а все вместе, подкрепляя одно другое, они кажутся мне «наиболее естественными».

Огнищанин вполне допускает мое толкование (ни одно из других не *1 обосновано прочнее этого) и посему может быть приведен в числе разных соображений, хотя *2 не в виде «твердой» опоры.

---

[25] ЛОИИ СССР, ф. 190, оп. 1, д. 2.
[26] ИРЛИ, р. III, оп. 2.
* *Дата проставлена рукой Н. П. Павлова-Сильванского.*
** *Текст А. Е. Преснякова.*
*** *Замечания Н. П. Павлова-Сильванского на копии письма.*
****–**** *Вставлено над строкой.*
*1 *Далее зачеркнуто*: доказано.
*2 *Далее зачеркнуто:* бы.

inslav

2. Поучительно для положения вопроса сопоставление не двух явлений, а двух *мнений* в пр[имечании] 1 к стр. 281-й [5], из которых оба — недоказуемы и произвольны.

Так ли это? Не слишком ли сильно касательно «произвольности»..

3. Рассуждение о заимствовании в параграфе 5 по легкости могло бы лучше спрятаться в примечании. Вопрос разрешим только при разборе вообще пресловутого вопроса о германском (варяжском) влиянии (напр[имер], в связи с совсем иного рода вопросами, вроде происхождения «родового» порядка княжеских отношений); а сей «вопрос» у нас едва ли толком и поставлен. Все-таки сопоставление двух дружин твердо и основательно. А вот дальше сопоставление вассалитета и боярства менее убедительно, например:

Верно. Вычеркнул.

Богатый материал скандинавских саг еще не тронут*.

4. «Вассалы отличаются от дружинников главным образом земельной оседлостью и хозяйственной самостоятельностью» — надо бы оговорить, что оседлостью *не* бенефициальной, как приходится угадывать из сопоставления с боярством. Обычные представления (*вероятно*, неточные) не таковы: может получиться неясность. Почему «частная поз[емельная] соб[ственность] дружины» в кавычках? Как понимаете Вы существо сего владения? Из договоров видно, что это аллод.

См[отри] в продолжении.

По Сильванскому, феод—полная собственность? **

5. Тожество «основных начал» службы боярской и вассальной? С военной службой дело обстоит благополучно. Но с другими видами службы?? Из фактического служения бояр на дворцовой и гражданской службе — еще ничего не вытекает. Ссылка (в примечании) на «пережитки удельно-феодальной старины» в Московское время — неубедительна и на меня производит впечатление произвольности и увлечения. Неужели переход вольных слуг в слуги невольные — это аналогия генезиса вассалитета из дружинных отношений? Неужели в холопе государевом можно узнать феодального homo alicuis ***? Московская Hoffahrt **** есть обязанность слуг невольных, как и вся их служба при дворе и на кормлениях. Я думаю, что в отношениях, которые выросли в начале Московской эпохи на почве отношений дружинных, есть *элементы* вассалитета, но искаженные, осложненные и затертые сравнительно рано начавшимся и выросшим процессом смены Landesverband'a Unterthanverband'ом *2.

На западе тоже «фактическое служение».

Верно. Вычеркнул.

Странные вопросы. Ведь я говорил только о случайном пережитке без связи со всем остальным.

Убежден, что не элементы, а *1

Lendes *3 —

Полагаю, что процесс этот обогнал и не дал поэтому выразиться на русской почве der

* *Фраза написана карандашом А. Е. Пресняковым на копии.*
** *Фраза написана карандашом А. Е. Пресняковым на копии.*
*** некоего человека (*лат.*).
**** дворцовая служба (*нем.*).
*1 *Далее зачеркнуто:* существо.
*2 земельной зависимости непосредственным подданством *(нем.)*.
*3 *Приписано карандашом А. Е. Пресняковым на копии.*

inslav

Verpflichtung der Hoffahrt* и куриальной службы с характером** феодальных отношений.

6. Значение слова «*слуга*» — не ясно. Все слуги, но почему в ряду бояр и воевод вдруг поминаются иные особо: «боярин и слуга кн. Воротынский»? Ваша попытка тесного сближения бояр-слуг с вассалами-слугами преувеличена, ибо характеристика службы невоенной*** навеяна московскими данными, а нарядить московских государей в костюм сениоров — мудрено. Поворот к новому Verband'у*1 ясно выражен уже в эпоху Дмитрия Донского, и накануне ее еще вполне жива дружина. Для русского вассалитета нет хронологического момента, когда он был бы *типом* отношений.

Воспоминание старого термина в его особом вольном значении (удельно-феодальном и почетном).

Откуда сие? Точно в удельное время нет наместников**** и придворных чинов? При чем московские данные? Это все «пережиток der Hoffahrt»? Но я же говорил о нем как об отдельной случайной реминисценции.

Потому что летопись употребляет термин «дружина»? Но тут же это очевидный архаизм.

С момента оседлости и господства сельского хозяйства на севере*2

*3 ?? а Галич? а Черниговская земля? и др.? *3

7. Отделенная от поземельных отношений служба боярина иному князю представляется мне дружинной, а не вассальной, ибо я сказал бы: вассалы отличаются от дружинников главным образом своей земельной оседлостью — *в территории, подчиненной того или иного характера власти сениора*. Этот территориальный принцип кажется мне существенным, хотя я и не смешиваю его с бенефициальными отношениями. Переходы, о которых Вы говорите на стр. 289[6],— переходы «с вотчиной», как переход северских князей, а не то, что гарантируется договорами (вольным воля).

О сем в продолжении.

8. Замечание В[ладимирскому]-Б[удано]ву (пр[имечание] к стр. 301)[7] верно, но, к сожалению, мы не знаем, была ли служба боярских служилых людей чем-либо, кроме средства его*4 службы государству? Хотя бы пару анекдотов найти о наездах на соседей для аналогии «частных войн»! Кроме шуток: насколь-

В удельное время еще нет «государства» в позднейшем смысле.

Это серьезнее, чем Вы думаете. Примеры (анекдоты) будут в «продолжении».

---

* обязанности дворцовой службы (*нем.*).
** *Вставлено вместо зачеркнутого*: оттенком.
*** *Слово вставлено над строкой.*
**** *Вставлено вместо зачеркнутого:* воевод.
*1 зависимости (*нем.*).
*2 *Слово подчеркнуто А. Е. Пресняковым.*
*3–*3 *Приписано карандашом А. Е. Пресняковым на копии.*
*4 *Так в тексте.*

inslav

ко эта служба и как связана с обязанностью являться «конным, людным и оружным»?

9. Склонность пропускать «сменивших дружину вассальных слуг» (стр. 302)[8] ошибочна ввиду явлений, указанных Вами на предыдущих страницах, но не лишена основания частичного ввиду сомнений, выраженных Вами в замечаниях 5-м, 6-м и 7-м. В подтверждение мнения, что боярская вольная служба, характеризуемая княжескими договорами,— скорее дружинная, чем вассальная, сошлюсь на Ваши слова — стр. 302: «коренной элемент вассалитета служба с *земли* частному лицу»[9] (Можно бы подчеркнуть и *частному*?)

Лишена всякого основания.

Ибо дружина — бродячая, а боярская служба, как и вассалитет,— оседлая. Во всяком случае, их надо строго различать.

10. Ср[авнение] узаконений Ив[ана] Грозного и К[арла] Великого (стр. 304)[10] остроумно, но 1) Карл шел наперекор росшему течению, а Грозный заканчивал и докончил ломку, начатую по кр[айней] мере Иваном III; 2) Карл не достиг цели, а Грозный покончил с остатками (имели ли они в себе силы развития? нет!) русского феодализма; 3) в основе характера эпохи Карла лежат понятия Lendesverband'a, которые К[арл] хочет примирить с умирающими остатками Unterthanverband'a, а для эпохи Грозного характерно обратное.

Отчасти верно. Развитие феодализма шло у нас несколько иначе. Но все же он у нас сложился и господствовал в XIV—XV вв.

Верно, но не относится к «феодализму в *удельной* Руси».

11. Стр. 308[11]. Я бы читал: «а боярам и слугам, кто будет не под дворским»,— относя «кто» только к слугам *; противоположное вовсе не «ясно», и нет оснований предполагать «бояр под дворским». Так ли уж твердо доказательство от имен? Гридя и Степан могли быть и полусвободные, и не бояре, а нечто среднее: недаром дворяне ниже детей боярских — не их ли предки слуги Гридя и Степан.

И для меня нет надобности, но что же с того?

Не особенно, но все же...

Не «полусвободные и не бояре», а именно «нечто среднее» — слуги, но одинаковые по основным чертам с боярами. (Все, что известно, касается одинаково «бояр и слуг».) Бояре были высшим разрядом «слуг удельных».

Вот мои случайные примечания. Отзыв в начале этой записки относится только к первому десятку страниц, а дальше — не слабее других статей.

Боюсь, что Вы, ища черт для сравнения «институтов», не хотите, по соображениям «логическим», считаться с противоположным направлением сравниваемых исторических процессов. На Руси еще не родился вассалитет, а рождался, когда родились государство и подданство,— два течения скрестились и второе

Не так, не так!

---

* *Под строкой подлинника приписка Н. П. Павлова-Сильванского:* И я так читаю.

inslav

съело первое, раньше чем оно окрепло. Это не нарушает правильности хода Вашего исследования *, и вытравляет из него верную перспективу *, и дает впечатление преувеличения. Вот все, что могу сказать. Если все это «пустое, лишь бред неопытной души», то не взыщите.

Ваш А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1153. *ЛОИИ, ф. 190, д. 2, лл. 14—17 об.*

№ 2. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

7 октября 1901 г.

Не ускользнула ли от твоего внимания рецензия Градовского на книгу Горчакова [12] (в VI т. «Собр[ания] соч[инений]» Градовского)? Там имеются замечания о «русском феодализме».

А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1154.

№ 3. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

16 октября 1901 г.

Форстен был на моем уроке, когда я объяснял сословные отношения XV века,— и говорит, что ему, по мере моих объяснений русских отношений, все вспоминались — западные. От твоих статей он в полном удовольствии. Третьего дня я говорил с Платоновым; его оценка твоих статей весьма любопытна — не вдаваясь в детали сопоставлений, он ценит, по-моему, больше всего ясный и новый свет, который твой *метод* вносит в понимание строя тогдашней жизни. Действительно, твоя теория не может ли сменить соловьевскую теорию «старых и новых городов», давно разрушенную, но замененную — чем? Рядом отрывочных, разрозненных и ничего не выясняющих соображений. Скоро ли будет вторая статья? Я бы хотел ввести твое построение в свой общий курс. Форстен задал мне любопытный вопрос: нет ли аналогий с mainmortables **? Я этот институт плохо понимаю, ответить не сумел. Элементы сего должны быть?

Желаю и впредь больших успехов на пользу науки.

А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1155.

№ 4. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову

16 октября 1901 г.

Твое письмо пришло совсем не вовремя. Не буду перечислять дел — писаний, долженствующих быть исполненными сегодня, ибо все равно я их все бросил для феодализма.

Отзыв Форстена меня весьма обрадовал, а еще больше — твое сочувствие. К сочувствующим Рожкову, Шумакову я могу прибавить еще тебя. Молодые исследователи, следовательно, на моей стороне. Твое мнение меня давно очень интересует, и я радуюсь, что оно теперь несколько определилось для меня. У тебя наиболее гибкий ум и наибольший талант из всех наших коллег. Уверен, что летописи будут твоими «Житиями святых», а за ними последует «Боярская дума». Мы так нелепо стесняемся высказывать авторам наши мнения, что авторы должны уга-

– *В копии вместо этого:* но ставит его вне истинной перспективы.
** правом мертвой руки (*франц.*).

inslav

дывать * по намекам впечатление. Посему спешу на твою откровенность ответить тем же, без лести.

Я пережил много тяжелых дней в начале работы **. Вижу недавно Гильдебрандта. Спрашивает, о чем пишу диссертацию. Я отвечаю — теперь уже решительно: о феодализме в России. Издает какой-то неопределенный звук, как в гоголевском «Ревизоре» * Христиан Иванович ***. Представь сам его комически недоумевающую физиономию. Но что́ Гильдебрандт! Лаппо-Данилевский, забегая вперед, не зная еще моей схемы, по поводу иммунитета авторитетно хихикал: «Но это еще не феодализм!» (Тут я убедился в разговоре, что он не лишен некоторой тупости ****, то есть, я хочу сказать ****, самоуверенной *1 узости мысли.) Мякотин злобно обрушился в Ист[орическом] общ[естве] [13], *2Середонин его поддерживал *2. Подобных инцидентов предстоит еще много. Утешаюсь только сочувствием немногих и успехом первых серьезных стычек с Сергеевичем [14] и Влад[имирским]-Будановым [15].

Корректур не присылают, следовательно — отвечаю на твой вопрос — продолжение выйдет не раньше 1 декабря. Чтобы удовлетворить твоему понятному любопытству, сообщу схему продолжения.

Поместье — жалованье = beneficium (конец статьи напечатанной).

Кормление = fief office. Это несомненно, достаточно прочесть Вайца [16]: слова его о fief office как будто написаны о кормлениях («пожалование должности как доходной статьи»).

По поводу поместий удельного времени поспешил сказать, что они не были сильно распространены. В сущности, в какой мере они были распространены или нет, мы ничего не знаем по недостатку источников. Но пусть так. Дело в том, что для времени расцвета феодализма типично не поместье — бенефиций, а *феод вотчинный* (феод ведь есть бенефиций, обратившийся в почти *3 полную собственность). *Вассалам — феодалам-вотчинникам соответствуют бояре — слуги *4-вотчинники.*

Типичная черта феодального землевладения — *коммендация феодала с землей.* У нас бояре также отъезжают с вотчинами. К соображениям в моей статье о закладничестве прибавляю несколько новых. Важно очень — переход монастырей из уделов в Московское княжество (житие Иосифа Волоцкого в маленькой книжечке житий [17] Археогр[афической] комиссии *5 и Хрущов [18], исслед[ование] о Иосифе *5). Драгоценная грамота Ивашке Глядящему 1487: «А[кты] А[рхеографической] Э[кспедиции]», [т.] I, № 120. Не поленись посмотреть: «*бил челом в службу с вотчиною*». Понимаешь, что это такое?! К сожалению, единственная. Но столь разительная, что я все ее пытал, не ошибаюсь ли я. Попытай-ка ее и ты.

Разделение суверенитета. Мысль изложена сжато на последней странице «Иммунитета». Будет развита подробно.

Западное сословие феодалов разделяется 1) на иммунитетных баронов и 2) полусуверенных сеньоров, причем этих последних было вовсе и не так много, как думают (Морте. La grande Encyclopedie [19] — *6 около 40*6). У нас также: 1) *иммунитетные бояре,* 2) *полусуверенные княжата.* Простота моей идеи, кажется мне, служит гарантией истинности. Мелкие княжата — феодалы-полугосудари, мелкие вотчинники, но тем не менее дают жалованные грамоты, чеканят монету (городецкие деньги), носят фамилии по местности (как на Западе «de», «von»).

---

* *Вставлено над строкой вместо зачеркнутого:* ловить.
– *Подчеркнуто карандашом.*
– *Вставлено над строкой.*
****–**** *Вставлено вместо зачеркнутого:* или как бы это сказать.
*1 *Слово вставлено над строкой.*
*2–*2 *Вставлено над строкой.*
*3 *Слово подчеркнуто карандашом.*
*4 *Слово вставлено над строкой.*
*5–*5 *Вставлено на поле.*
*6–*6 *Вставлено под строкой.*

inslav

Итак (связующие личные связи): 1) патронат и мундебурдий, 2) вассалитет, 3) поместье — бенефиций и вотчинный феод, 4) иммунитет, 5) раздробление суверенитета (начала разъединения: [пункты] 4, 5).

Далее. *Совпадения в деталях* (примеров множество: *прекарий* — вкладные грамоты). *Специальные термины.* Сакраментальное «жалованье» — beneficium — всюду, в поместьях, в жалов[анных] грамотах, в кормлениях; le commendan — *закладываться; «служить»* — servire; servorum — о боярах/вассалах.

Удельно-феодальное *разъединение.* Дух свободы и независимости. Воинственность. Разбойничьи наезды. Насилия и самоуправство. И отсюда господство *отношений защиты* — защиты собственной и защиты вассальной.

Различия: 1) В русской феодализации (см. конец статьи об иммунитете) [20]. Суверенитет раздробился — не путем узурпации, а путем разделения. Различие внешнее. Процесс деления тот же, и внутренние пружины его те же.

2) Землевладельческая слабость боярства, вследствие отсутствия крепостного права, а еще глубже — вследствие большего простора колонизации, обусловившей невозможность закрепощения (на Западе тоже — колонизация, как и всюду в этом вопрос *— разница только в степени).

Тут жестокая и, как мне кажется, победоносная схватка с Милюковым, который в «Оч[ерках] по ист[ории] р[усской] культуры» ** (гл. 1 — Дворянство, начало) [21]** изображает явно преувеличенно бояр как перехожих странников. Землевладение бояр было слабо, но его нельзя сводить на нет.

Но слабое само по себе, боярское сословие было в XIV веке усилено княжатами. *Бояре + княжата образуют феодальное сословие.* (В XIV веке мелких князьков уже множество — см. Экземплярский [22].)

***Сословие довольно сильное, но все же менее сильное, чем на Западе. Простор колонизации раньше не дал окрепнуть боярскому землевладению, а в начале XVI века разрушил княжеские вотчины (экономический кризис вследствие отлива населения. Ключ[евский], Рожд[ественский], Рожков etc.).

Остаток феодального сословия сохранился в сословности бояр, дворян и детей боярских в XVI, XVII вв. Обособленность и привилегированность их была слабее, чем на Западе, но все же была (см. «Госуд[аревы] служилые люди» [23]. Эту мысль о сословности разделяет Кизеветтер).

Многое у нас развито слабее, менее резко выражено, но тожественно по существу ***.

Происхождение феодальных отношений — из общих славянам с германцами первобытных начал права под влиянием одинаковых условий, географических и экономических.

Связь с предшествовавшими трудами: Чичерин (впервые даю разбор его феод[альных] мнений, очень ценных), Соловьев, Неволин, Ключевский **** и проч. (смотри предшествующее письмо) [24].

Nunc animam levavi *[1] и буду писать о канцлере Нессельроде и о зловреднейшем в политике Николае I [25].

Да! Mainmortables — это мелочь. Аналогии, кажется, у меня нет. Некогда сейчас рыться в заметках. Пишу только то, что сейчас есть в голове.

Н. Павлов-Сильванский.

---

* *Вставлено вместо зачеркнутого:* дело.
– *Вставлено на поле.*
– *Приписано на поле.*
**** *Слово вставлено над строкой.*
*[1] Теперь облегчил душу (*лат.*).

inslav

Все сие только I часть. II часть (еще не написано): Die Entstehung der Grundherrschaften *. Волости — марки. Отношение волостей к вотчинам, великим ** княжениям и боярским доменам (Lamprecht, Inama-Sternegg).

Разберешь ли адский почерк?

Прилагаемый отчет, написанный мною, потрудись вернуть.

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 1—2 об.

№ 5. *А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому*

28 октября 1901 г. ***

Спасибо за письмо, дружище. Видно, привык ты, сердешный, вбивать свою мысль в людские головы, повторяя и переповторяя ее, что решился писать изложение того, что излагаешь печатно. За это спасибо. Теперь мне ясна система, плодотворная, нужная.

Ты слишком чуток к критике, хотя бы пустой по существу, даже Гильтебрандта поминаешь, и он у тебя на сердце остался! Э-эх. Г[ильтебрандт] — просто глупая тетеря, а люди посильнее критикуют, п[ото-му] что у них известные мнения сложились в «неразрывные ассоциации». Типичен Мякотин в рец[ензии] на Милюкова [26]: сжился человек с известными представлениями, ну как же ему помириться с их нарушением? Типичен и Сергеевич в полемике с Дьяконовым и с тобою [27] — войди в его положение и не принимай к сердцу даже резких отзывов. В них не несправедливость звучит, а трудность перестройки ученой мозговой гармонии на новый лад. Молодым-то легче, у них в голове ученая tabula rasa ****, а инстинкты свежие, и новая идея лучше их кормит, чем старая пища, уже слежавшаяся в ученой литературе.

Ты слишком чуток к сочувствию и отвечаешь на него — комплиментами. Не сердись за это слово, но поверь, что гибкость ума дается часто легкостью багажа твердых мнений и ничего впредь определенного не предвещает.

Феодализм русский = феодализму западному. Sic. Грамоты Ивашкиной [28] не читал — нет под руками Актов. На днях прочту. С твоими тожествами я помирился, усвоил их и жду выхода книги, чтобы вводить их в общее построение. Занимают меня теперь больше отличия процессов. Их, главных, два. Один — твоя узурпация — раздробление; причем корень разный: «узурпация» — следствие интенсивности местной жизни; государств[енные] обязанности осуществляются феодалами, защита от набегов норманнских дружин (X в.), налетавших со всех сторон, покрывает Францию за́мками и частными дружинами; местная экономическая жизнь бойче (результат большей населенности?), и гражданское право развивается по местам, в мелких единицах, которые долго не связаны в одно ни потребностями общей самозащиты, ни общностью экономических интересов; в основе дробления лежит дробление борьбы и дробление хозяйства, а интенсивность обоих ведет к «узурпации» госуд[арственных] прав теми, кто делает государственное дело. У нас в XIII—XV вв. тоже жизнь дробится, но общность едва ли так сильно замирает, да и местные жизни менее интенсивны. А другое (следствие первого): характерная черта западного феодализма: образование множества сильных местных союзов — Genossenschaften *[1] — вассалов, министериалов, горожан, даже вилланов, столь сильных, что их обычное право,

---

* Возникновение земледелия (*нем.*).

** *Слово вставлено над строкой.*

*** *Месяц вписан вместо зачеркнутого:* ноября. *Год указан карандашом.*

**** чистая доска (*лат.*).

*[1] товариществ (*нем.*).

inslav

кутюмы etc. низводят господ до primos inter paers *, до роли правителей, связанных рядом обычаев, стариной да пошлиной, а у нас более слабой. Наша старина молодая, да так и не состарилась. Там жизнь сочная, ядреная, а у нас более быстрая, стадии идут за стадиями, сменяясь и не окрепнув.

Вторая, ненаписанная часть твоя — давно меня платонически занимает, ** и литературка кое-какая подобрана **. Тут и запутанный наукой вопрос об общине, и многое другое. Ну, прощай. Помоги тебе боже. А мне больше не пиши. И тебе, и мне некогда. Только мозги засоряю твоим феодализмом, когда надо о другом думать.

Твой А. Пресняков.

А где была схватка с Вл[адимирским]-Буд[ановым]? Если есть рец[ензия] на него — пришли оттиск, будь друг.

А. Пр.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1156.

№ 6. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову

29 октября 1901 г.

Ты благодаришь за изложение, но я тебя благодарю сугубо за то, что ты так охотно делишься со мной своими мыслями, которые для меня так полезны, заставляя думать и оттенять в изложении то или другое. (Сколь нелепый период, но бог с ним!)

Ты говоришь, что я слишком чуток к критике. Это потому, что я себе весьма мало доверяю ***. Я уверился пока только в своем умении последовательно и убедительно излагать. * А после университета был период полного скепсиса в своих силах ****. Гильдебрандта привел как утрированный, но типичный пример. Между нами сказать, Сергей Федорович [29] (он теперь об этом не поминает), когда я писал о закладничестве, упорно твердил мне «и будут же Вас ругать», желая тем отклонить меня от ненадежного пути. Станешь чуток, пережив столько волнений. Ведь на первых порах никто не поддерживал.

За слово «комплимент» не мог не досадовать. Писал по совести. Гибкость ума ты, кажется, понял в смысле восприимчивости, а я разумел проницательность.

Ты выдвигаешь «союзность», о которой много писал Чичерин. Думаю, что *1 союзность не ингерентна феодализму *1. Пользуясь твоей любезностью, в корр[ектурных] листках (которых еще не получал и бог весть когда получу) обсужу сие твое замечание.

Рожков мне сегодня пишет касательно иммунитета, что, «соглашаясь со мною в очень многом, не может удовлетвориться объяснением на последней стран[ице], почему не развились в России настоящие госуд[арственные] права». Посмотрел последнюю стр[аницу] и вижу, что там указана только одна причина, а важнейшая — землевлад[ельческая] *2 слабость боярства, обусловленная простором колонизации, не отмечена. Об этом, как тебе писал,— речь в продолжении.

Многие ждут этого продолжения и, уверен, будут разочарованы. О столь многом я не успел в нем сказать, ибо не имел времени обдумать. И, увы, нет весьма важного — широкой картины эволюции. Но я, по необходимости, должен был возвести сначала фундамент изучения отдельных институтов. Бог с вами, рассуждайте теперь об эволюции, поучая меня! Зачем мы живем в такой век, когда так надо торопиться.

---

* первых среди равных (*лат.*).
– *Вставлено над строкой.*
– *Подчеркнуто карандашом.*
****–**** *Подчеркнуто карандашом.*
*1–*1 *Подчеркнуто карандашом.*
*2 *Слово вставлено над строкой.*

inslav

Представь себе, сегодня узнаю, что Сенигов пишет об удельно-вечевом периоде и о феодализме (хотя сведения не очень точные). Компания его может очень скомпрометировать. Спешу умолкнуть, вспоминая твой упрек* в трусости.

Вторая моя часть тебя давно занимает? Второй раз наши идеи совпадают — помнишь лекции о Петре В[еликом]? Очевидно, эти идеи носятся в воздухе. Пиши — я парализован до сентября будущего года. Ты захватишь шире, чем я. Я по узости ума опять сосредоточусь на институтах.

Когда тебе цитировал Ивашку Глядящего, то не цитировал самого главного (так как вспомнил, отправив письмо): «Бил челом и с своею вотчиною... и яз, кн[язь] вел[икий], *Ивашку пожаловал тем его половиною селом Глядящим*» — пожаловал его же вотчиною! Какой еще ленной комендации нужно! («А[кты] А[рхеографической] Э[кспедиции]», № 120, 1487). Прости, что упорно отвлекаю твои мысли от настоятельных дел,— меня эти идеи изводят, производя в мозгу пляску святого Витта и не давая заниматься другим.

Довольно. Спешу в Публ[ичную] библ[иотеку] для «Истории Министерства» [30].

Твой Сильванский.

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 12—13 об.

№ 7. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

30 октября 1901 г.

Эх, милый ты человек, в том и беда, что ты мало себе доверяешь. А мне со стороны-то виднее, что ты на крепких ногах стоишь. Вот и жаль, что ты сам это недостаточно понимаешь. Ругали тебя и, должно быть, еще ругать будут — это Сергей Федорович правильно сказал. Ну и что же? Ведь это потому, что ты несешь новое, свое. Эти атаки поучительны, ибо показывают, что твое новое существенно, вглубь забирает, волнует — и органически, т. е. как требующее перестройки схемы русской истории, и методологически, как требующее постановки во главу угла сравнительно-исторического метода; а как только это усвоится, то еще и дальше цепь мысли идет к великой теме: «Россия и Европа».

Я тебя не раздуваю. Я скептик и насмешник по натуре. Но тут я ухватился за нужное. Ты кладешь и славно кладешь нужный камень в фундамент новой постройки. Какого тебе еще черта нужно? Признания? И чтобы без придирчивой, сердитой критики? Этого нельзя — и не надо.

Знаешь что? Я много читаю по части новых книг западной историографии. Какой в ней свежий дух веет. Больших, огромных ученых старых читаешь — точно пришельцы из другого мира, даже (и особенно) Моммзен. И Сергеевич, Буданов, Чичерин — выходцы с того света, почтенные, но ein ueberwundener Standpunkt**. А ты хоть и подросточек, а бойко растешь, и дух в тебе новый. Тут бояться нечего. Будущее за новым складом понятий и исследований. У тебя все свое, и робок ты, потому что все, что видишь и читаешь, не по тебе, не так, не ясно, расплывчато, не реально (ибо нет же разницы между научным реализмом и литературным), а тебе реализма, отчетливости нужно; ищешь своего понимания и робеешь, п[отому] что не веришь в свои силы, а без них за чужим умом идти не умеешь. И закладываешь фундамент «изучения отдельных институтов». Ну и закладывай, а *** на рассуждения о широкой эволюции ради бога не обращай внимания. Я ведь не тычу тебе ей. Я ее помянул, желая сказать, что уже то, что ты установил,

---

* *Вставлено над зачеркнутым*: урок.
** устаревшая точка зрения (*нем.*).
*** *Далее следует зачеркнутое*: указания.

inslav

будит о ней мысль, а тебе ее впутывать в свой анализ, пока, значило бы, пожалуй, туману напустить.

Я ведь хотел сказать, что уже сжился с твоим новым и потому теперь думаю о *другом*, не в поправку и возражение, а в использование того, что ты даешь. Это *другое* лишь поддерживает и заставляет ценить твое. А тебе * для счетов с этой * «эволюция» достаточно *указания* на *различия*, только указания. А что критика будет много болтать о том, чего у тебя нет, это уже так самим богом устроено! И значит это вот что: если принять твое, то как быть со многим другим из наших представлений о старине? Не придется ли и еще ряд вопросов пересмотреть? Предмет-то ведь один, цельный,— ну, кто найдет, что твой «феодализм» не вяжется с другими частями постройки, тот либо рассудит, что надо все невяжущееся пересматривать, либо рассердится, что нарушается столь дерзко покой привычных ассоциаций. О «втором» твоем я, конечно, писать не стану. Не мне устанавливать фундамент «институтов», этого я не сумею сделать. Могу только обязаться печатно доказать нужность и ценность твоей работы для общей схемы, для общего курса русской истории. Темная яма XIII—XV вв., по которой скользят наши профессора, не заглядывая в нее, оказывается заполнимой исторической реальностью.

Прощай. Excelsior! **

Твой А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1157.

№ 8. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову

13 ноября 1901 г.

Благодарю душевно за ободрение. Еще более убедился, какой ты *живой* человек и до какой степени способен *** увлекаться идеей. Многие, к сожалению, хотя и трудятся над наукой, но трудятся как над любым рукомеслом ***. Конечно, ты несколько увлекся в своем письме. Посмотрим ****, выдержит ли твоя оценка пробу времени и *1 сколько в моих писаньях окажется серебра и сколько мельхиора.

Тебя занимает мысль «Россия и Европа» *1. Для этого мои труды дадут мало. *2 Ведь дальше пути сильно разошлись. Эта тема превосходно разъяснена уже Милюковым в I части «Очерков» *3.

Феодализм покажет разве, как *4 мы в корне близки к Европе и как, попадая в сходные условия, даем сходное *2. Но разве в наши дни можно в этом сомневаться? Ведь теперь старое славянофильство, для которого мои институты были бы большим ударом, уже мертво. (Если ты тут с чем-н[и]б[удь] не согласен — молчи, ибо иначе мы никогда не кончим. Я начал писать с твердым намерением сказать два слова и не говорить ничего такого, что вызвало бы на дальнейшие разговоры. Но, видимо, ничего из сего намерения не выходит, и посему продолжаю.)

*5 Меня больше занимает «социология». Довольно сравнивали дикарей, надо сравнивать учреждения культурной эпохи. Социология станет на твердые ноги только тогда, когда от матриархата и проч[его] и от споров о методе перейдет к изучению таких общих культурных учреждений, как феодальные *5. Начало таким работам положено *6 Марксом и *6 марк-

— *Вставлено вместо зачеркнутого:* эта.

** Все выше! (*лат.*).

— *Подчеркнуто карандашом.*

**** *Слово подчеркнуто карандашом.*

*1—*1 *Подчеркнуто карандашом.*

*2—*2 *Подчеркнуто карандашом.*

*3 В «Пет[ербургских] вед[омостях]» я писал намеренно односторонне (чтоб ярче указать один из недостатков). В «Литер[атурном] вестн[ике]»[31] я написал восторженно в двух словах о схеме русской эволюции Милюкова. (Пришлю потом).— *Примечание автора. Слова*: В Литературном... Милюкова *подчеркнуты карандашом.*

*4 *Вставлено вместо зачеркнутого*: что.

*5—*5 *Отчеркнуто карандашом на поле.*

*6—*6 *Вставлено над строкой.*

inslav

систами. Но они — узковаты. У меня намечена работа (должно войти в книгу): сравнительное рассмотрение всех феодализмов в Герм[ании], Англии, Японии, Индии (тут несколько не то: Ковалевский — судит поверхностно) etc., etc. Но без «второй» моей части тут разобраться нельзя. Как странно, но на Западе, *кажется,* нет подробного сравнения даже * феод[альных] учреждений в их ** германских странах (чем отличается франц[узский] феод[ализм] от германского). Приходится разбираться самому.

Так как ты разделяешь в значительной степени мои идеи, то тебе небезынтересно будет узнать, как выбит из седла Сергеевич (прости, что все хвастаюсь,— но в существе же тут не хвастовство, а интерес *** результата пробы наших идей).

Посылаю ему *** оттиск «Нов[ого] объяснения закладничества» [32]. Приходит ко мне, не застает дома и оставляет письмо (это уже не первый раз): «Весьма благодарю за присылку оттиска. Статья моя [33], с *которой вы так легко справились*, предназначалась для нов[ого] изд[ания] „Р[усских] юр[идических] др[евностей]“ [34]». (Это новое издание, кстати с изменениями, выйдет в непродолжительном времени. Кто будет писать разбор, неужели никто?) Иду к нему через два часа. Заявляет, что не читал моей статьи! Заводит разговор о кабальных людях и докладных *** (в нов[ом] изд[ании] он критикует моих «Кабальных людей») [35]. Кое-что все-таки говорим о закладнич[естве], из чего оказывается, что он все-таки читал мое возражение ****. Пишу по поводу разговора о закладниках и кабальных людях. Сейчас получаю ответ, где речь о кабальных, а о закладничестве — ни слова! До сих пор не знает, что сказать!

Вспомнил, что не ответил тебе на вопрос о стычке с Влад[имирским]-Будановым. Отд[ельной] статьи не было. Разумею примечания к «Иммунит[етам]» и в «Феод[альных] отнош[ениях]» — страницы о знакомцах [36].

Точка. Не отвечай, лучше встретимся, так побеседуем. Хотя с пером в руке нам рассуждать и привычнее. Даже Сергеевич путается, когда спорит без актов под руками и не на бумаге.

Твой Сильванский.

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 3—4 об.

№ 9. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

[7 февраля 1902 г.] *[1]

Большое спасибо за статью [37]. Пока мне совсем некогда поглубже в нее вникнуть: тут есть над чем поработать. Не пошлешь ли экземпляр Алексею Александровичу Шахматову (Знаменская, 30), который очень заинтересован вопросом? А Форстену? и Гревсу? Все они толкуют сочувственно.

Твой А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1158.

№ 10. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову.

30 апреля 1903 г.

Любезный Александр Евгеньевич.

Заметок Лаппо в «Чтениях» [38] не читал, хотя с ним переписывался и беседовал. За сообщение весьма благодарен, так же как за предыдущие. Не забывай меня и впредь.

---

* *Далее зачеркнуто* одних.
** *Вставлено вместо зачеркнутого* его.
*** *Слово вставлено над строкой.*
**** *Два слова вставлены над строкой.*
*1 *Датируется по почтовому штемпелю.*

inslav

На днях просмотрел Ясинского «Падение земского строя в Чехии»[39]. Давно наслышан об этой книге, но все не мог собраться ее достать и теперь очень сожалею.

В статье об иммунитете я обошел вопрос о феодализме в Чехии, потому что обыкновенно полагали, что здесь он развился под западным влиянием. И вот в помянутой книге Ясинский прекрасно доказывает, что иммунитет в Чехии развился независимо от германцев, при этом, между прочим, он ссылается на то, что иммунитет существовал и в Московской Руси. Ясинский писал в 1895 г., я же в 1897 г.[40] Мне теперь очень досадно, что я не читал его раньше. Недруги могут поставить мне это на вид.

Лично же меня такие совпадения в мыслях убеждают в правильности моих умозаключений.

До закладничества — коммендации, ей-же-ей дошел собственным умишком, и лишь когда статья была набрана («Кабальные люди»), прочел о сем у Соловьева[41].

О льготах-иммунитетах также чуть-чуть не прозевал упоминания Владимирского-Буданова.

Кстати, нет ли у тебя лекций Лаппо-Данилевского[42]? После моего реферата в Ист[орическом] общ[естве] он мне «ставил на вид», что давно уже читал в лекциях об иммунитете в России. По-видимому, на его же лекции намекает Сергеевич, в критике моих статей (ЖМНПр. и 3 т. «Др[евностей] р[усского] права»)[43].

Твой Н. Павлов-Сильванский.

P. S. До сих пор еще не свел счетов с Хозяйственным департаментом[44] относительно числа экземпляров «Ист[ории] Минист[ерства]», которые мне предназначаются. Сегодня у меня началась новая* война с деп[артамен]том из-за нападок на мой перерасход по изданию. У нас, увы, победителей судят, м[ожет] б[ыть], еще строже, чем побежденных. Но как только кончатся сии междоусобные брани, не замедлю выслать тебе твой экземпляр.

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 5—6 об.

№ 11. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову

19 сентября 1903 г.

Дорогой Александр Евгеньевич.

Увы, для диспута о феодализме[45] все еще не вполне готов, хотя много работал в последние месяцы. Отказываться ни от чего не приходится, надо только раскрыть некоторые мои титлы и укрепить некоторые контрфорсы фортеции.

Милюков метко мне противопоставил примитивность экономическую уд[ельной] Руси[46], несовместимую с феодализмом. Но эта примитивность, конечно, только одно из** ни на чем не основанных гипотетических представлений, каких у нас так много.

Есть веские доводы в пользу представления противоположного. Вычисляю густоту населения 1300 г. Давно уже нашел я твердые точки опоры для сего в грамотах 1300 и 1389. Но вычисления надо делать осторожно. Приду к тебе советоваться.

Третьего дня получил из Москвы Константинопольские реляции Петра Толстого (ибо пишу для моего тома словаря его биографию[47]) и нашел совершенно неизвестное его длинное описание Турции 1703 г. Так как его путешествие в Италию весьма знаменито (Н. Попов, Пекарский, «Русск[ий] архив», Пыпин[48]) и так как Устрялов подробно излагает даже его скучнейшие военные описания портов Черного моря,

* *Слово вставлено над строкой.*
** *Далее зачеркнуто*: многих.

inslav

то описание состояния народа турецкого, помимо всего прочего, имеет все права на общее внимание.

Ввиду сего готов немедленно сделать сообщение (10—15—20 минут) *о вновь открытом описании народа турецкого, Петра Толстого, 1703 года.*

«История Мин[истер]ства» тебе будет прислана на сих днях.

Твой Н. Павлов-Сильванский.

Новый адрес: Загородный, 21, кв. 47.

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 7—8.

№ 12. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

25 сентября 1903 г.

Дорогой Николай Павлович.

Дело обернулось так, что первое заседание русской секции [49] назначено на воскресенье, 28, в 8 ч. веч[ера] — реферат Кульмана: «Князь Вяземский как критик». Я повестку получил, но к тебе, по новому адресу, она не дойдет, вероятно. Твой реферат о путешествии Толстого — будем просить на 8 окт[ября] [50].

Увы! На письмо твое я толком ответить не могу, ибо — к великому огорчению — никак его не разыщу, где-то запуталось в бумагах. Это мне весьма обидно, ибо я его прочел было, получив его, когда спешил из дому. А хотелось перечесть на покое и подумать. Ну, авось черкнешь еще как-ниб[удь] или зайдешь побеседовать.

Я плохо понимаю значение милюковского указания на примитивность древнерусского экономического быта: плохо понимаю потому, что привык по-учительски объяснять развитие феодализма хозяйственным и культурным регрессом в последние века Империи и в эпоху переселения народов, т. е. примитивностью ойкосного натурального замкнутого хозяйства, при котором дробится власть и владение на подпочве экономической раздробленности. Это так элементарно, что стыдно писать. Видно, я чего-то не понял, и вопрос для вас стоит сложнее. А уразуметь, как это Милюков и ты разумеете,— не могу, ибо проклятое письмо не находится, хотя я весь стол перерыл.

Сложнее развился внутри себя и крепче сложился каждый oikos, каждая вилла на Западе, чем у нас,— это понятно. Но принципиальная ли это разница, есть ли существенное отличие в конструктивных принципах 2-х сравниваемых социальных порядках * — я сейчас не знаю, и указать, в чем корень такого отличия, затруднился бы. Что в феодальных отношениях необъяснимо без разумения, что они возникли на развалинах старого, более сложного быта, и непредставимо, как эволюция примитивных форм быта? Стряхнулась поверхностная формация более сложной культуры, поверхностной капитализации, обмена etc.— обнажилась основа натурального хозяйства в глубинах провинц[иального] общества, господствовавшая в Империи, и на этой подпочве развернулся феодализм. А впрочем, м[ожет] б[ыть], это все я не о том, что надо.

Ну, прощай. Спасибо за обещание прислать «Ист[орию] Мин[истерства]» — буду ждать с нетерпением.

Всего тебе лучшего — А. Пресняков.

Моховая, 22, кв. 24 (адрес твой — в письме!!)

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1162.

---

* *Так в тексте.*

inslav

№ 13. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

[1 октября 1903 г.] *

Дорогой Ник[олай] Пав[лович]!

Наш воскресный разговор поверг меня в бездну сомнений — из кот[орой] я отчасти выбрался, вспомнив о старой, первой работе Lamprecht'a «Beiträge zur Geschichte der französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert», Leipzig, 1878 (Schmoller's staats und socialwissenschaftliche Forschungen). Мне почему-то вспоминается, что ты ее знаешь. Но ведь тут речь идет — о полном упадке хозяйства в X в., о том, как после долгой экономической ночи в XI в. впервые блеснула дальнейшая надежда развития. Феодальные отношения завязываются во Франции на почве крайне низкой материальной культуры, в эпоху, расчищавшую леса под поселения и под подсечное хозяйство, и т[ому] под[обное]. Проверять и сравнивать картину Лампрехта с милюковской мне некогда. Б[ыть] м[ожет], если ты на Лампрехта внимания не обратил — заинтересуешься. Рост хозяйств в XI в. быстрый, не по-нашему, но это уже иное дело.

Твой А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1159.

№ 14. Н. П. Павлов-Сильванский — А. Е. Преснякову

2 октября 1903 г.

Дорогой Александр Евгеньевич.

Вчера не отвечал тебе, потому что надеялся побеседовать у С[ергея] Ф[едорови]ча (который, кстати, был удивлен отсутствием вашей компании).

«Beiträge» Lamprecht'a не видал, но основываюсь на его «D[eutcshes] Wirtschaftsleben» [51]. Здесь нахожу страницу, которую можно бы привести en regard ** рассуждениям Соколовского, Милюкова, Рожкова.

«Nichts war hier auf ewig fest. Dörfer wie Höfe entstanden und verschwanden... Ein ungeordnetes Chaos von wüsteinden, wieder gewachsenen Wäldern, verlassenen Ackern und zerstörten Weinbergen» *** (128—129).

Но этот Chaos Lamprecht относит к die altere Zeit. «Seitdem (10. Jh.) und noch mehr seit dem 11. Jh. ändert sich die Lage... gleichwohl bleibt auch jetzt noch die Rodung sehr ausgedehnt» **** (123) ... Тем не менее «...im 9-ten und auch noch 10. Jh. sind es die befangweisen Einsiedelungen im Urwald, welche zu Grunde gehen im 12. und 13. Jh. die neuen Kolonialdörfer» *[1] (130).

Итак, в XI, XII вв., ко времени утверждения феодализма, в Германии уже более высокая ступень хозяйства. У нас то же должно было быть в XIII—XIV вв.

И, следовательно, простая ссылка на крайне низкую материальную культуру и подсечное хозяйство не разрешает вопроса. По нашим выходит, что у нас чуть не до XVI века все в первобытном брожении. Милюков рассказывает, что в центральном Поволжье в XIV—XV вв. основой

---

* *Датируется по почтовому штемпелю.*

** в параллель (*франц.*).

*** «Здесь не было ничего постоянного. Деревни и дворы возникали и исчезали... Неорганизованный хаос покинутых селений, вновь выросших лесов, оставленных пашен и виноградников» (*нем.*).

**** Но этот хаос Лампрехт относит к более древнему времени. «С тех пор (10 в.) и еще более с 11 в. положение изменилось... хотя и теперь расчистка земель очень распространена» (*нем.*).

*[1] «...в 9, а также еще в 10 в. имеет место одиночное население в девственных лесах, которое в 12 и 13 вв. стало основой новой деревенской колонизации» (*нем.*).

inslav

экономической жизни служат зоологические богатства (не земледелие), которые на Западе-де были истощены в доисторическом прошлом.

Конечно, это чрезвычайно неверно (одно из многих очень слабых мест Милюкова), но с этим нельзя не считаться, на нас переходит onus probandi *. Приходится не ссылаться на низкую западную культуру в феод[альное] время, но доказывать сравнительно высокую у нас.

Если неправильно рассуждаю, пожалуйста, напиши.

Твой Н. П.-С.

«Historia Ministerii» tibi est data! **

Как все сбивчиво, вернее скользко ***, у Лампрехта, что касается хронологии: 9, 10, 11 Jh. часто то одно, то другое (см. выше). Это я имею в виду...

ЛОИИ, ф. 190, оп. 1, д. 2, лл. 9—10.

№ 15. А. Е. Преснякое — Н. П. Павлову-Сильванскому

[Не ранее 2 октября 1903 г.] ****

Дорогой Николай Павлович.

Большое спасибо за «Историю» — посмотрел только портреты — много интересных и хорошо исполнены.

О Лампрехте судишь правильно, особенно в приписке конечной — у него вообще голова сумбурная — а в последнее время он дошел, пустившись в психологию, до фантастики a la Рожков, только en grand *[1]. Любопытно, что естественников то и дело тянет на мистику, вырождающуюся у них в спиритизм, а историков-экономистов на психологию, вырождающуюся у них в пустую игру терминами и ребяческими характеристиками.

Я помянул «Beiträge» Лампрехта, п[отому] что эта первая работа его показалась мне скромнее и отчетливее того, что он потом писал. Впрочем, к делу это не относится.

Как определить тот тип хозяйства, который необходимо соответствует феодализации отношений? Разрешима ли такая задача? Если да, а наверное да, то можно приобрести твердую почву для суждений. Но можно ли исходить из простого параллелизма: в таком-то веке в такой-то стране есть феодализм и одновременно такое-то состояние хозяйства — ergo... и т. д. А м[ожет] б[ыть], разница хозяйств[енных] состояний отражается лишь в деталях феодальных отношений, а не принципиально? М[ожет] б[ыть], напр[имер], в том отражается, что у нас феодальные отношения не сложились в систему, не получили столь полного или яркого выражения, как во Франции, etc. Есть ли ясное понятие о тех формах хозяйства, которые необходимо обусловливают (как «причина»?! или необходимое условие?) феодализацию быта в ее основных, так сказать, конструктивных началах, независимо от степени и варьянтов ее (феодализации) проявлений? Февдисты, вероятно, указали бы след[ующие] элементы такого «феодального» хозяйства: «ойкосное» хозяйство, земледельческое, с довольно развитым деревенским или дворовым ремеслом, при очень слабом развитии торгового обмена. Ну а у нас на Руси — не кочевой же быт был в XIII в.? А насчет ремесла — то как появлялись на свет предметы одежды, утварь, оружие etc.— если не «кустарным» способом, но при ничтожной торговле?

А впрочем, этого я не знаю. Твой А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1163.

---

* бремя доказательств (*лат.*).
** «История Министерства» тебе дана! (*лат.*).
*** *Два слова вставлено над строкой.*
**** *Датируется по предыдущему письму.*
*[1] в больших размерах (*франц.*).

inslav

№ 16. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

[3 декабря 1907 г.] *

Дорогой Николай Павлович.

Привет и поздравление. Спасибо за книгу [52]. Жду с нетерпением другой, главной.

Не найдешь ли возможным пожертвовать 2 экз[емпляра] этой книги — один в библиотеку исторического семинария в университете, другой — в педагогический институт? Сам, тебя это не затруднит, оставь при случае в комиссии [53]. Приходи 12 дек[абря] на реферат Кульмана: «Записка по крестьянскому вопросу 1820 г.» [54] Обещает быть интересным.

Твой А. Пресняков.

Оттисков статьи о «символизме» [55] у тебя уже нет? Если есть, дай, пожалуйста...

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1160.

№ 17. А. Е. Пресняков — Н. П. Павлову-Сильванскому

[8 февраля 1908 г.] **

Дорогой Николай Павлович.

Сообщи мне, пожалуйста, где — т. е. в каком городе и у какого издателя, и когда (год) напечатано издание «Lex Salica» Егорова [56], и как точный заголовок. Не могу достать!

Среди студентов — живые толки, как бы привлечь тебя к чтению лекций в университете. Хотят идти тебя просить прочесть в будущем году курс об удельном периоде. Черкни мне, как на это посмотришь, так как они меня спрашивали и просили оказать содействие.

Твой А. Пресняков.

ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1161.

* *Датируется по почтовому штемпелю.*
** *Датируется по почтовому штемпелю.*

Комментарии

[1] С подлинного письма Преснякова была изготовлена машинописная копия, на полях которой Павлов-Сильванский написал свои примечания; получив эту копию, Пресняков сделал на ней новые пометки. При публикации привлечены оба текста.

[2] Первая часть статьи «Феодальные отношения в удельной Руси» опубликована в ЖМНП, 1901, № 7, стр. 1—32.

[3] Вторая часть статьи «Феодальные отношения в удельной Руси» появилась в ЖМНП, 1902, № 1, стр. 1—48.

[4] На заседании Исторического общества при Петербургском университете 23 марта 1901 г. В. А. Мякотин критиковал воззрения Павлова-Сильванского, в частности, толкование им термина «огнищанин» («Историческое обозрение», т. 15. СПб., 1909, стр. 63).

[5] Вероятно, нумерация страниц рукописи; ср. ЖМНП, 1901, № 7, отд. 3, стр. 6, прим. 3.

[6] Там же, стр. 13—14.

[7] Там же, стр. 24.

[8] Там же, стр. 25.

[9] Там же.

[10] Там же, стр. 27.

[11] Там же, стр. 31.

[12] Рецензия А. В. Градовского на книгу М. А. Горчакова «Монастырский приказ (1649—1725)» опубликована в «Русском вестнике» (1868, № 8), но в «Собрание сочинений» не вошла.

[13] См. прим. 4.

[14] О «стычках» В. И. Сергеевича с Павловым-Сильванским см. письмо № 8. См. также: *В. И. Сергеевич.* Русские юридические древности, изд. 2, т. I. СПб., 1902, стр. 165, 198 и др.

[15] М. Ф. Владимирский-Буданов возражал на статью Павлова-Сильванского «Закладничество — патронат» («Записки Русского археологического общества», т. IX, вып. 1—2. СПб., 1897, стр. 189—236) в своем «Обзоре истории русского права» (Киев, 1900, стр. 372—374). Павлов-Сильванский отвечал ему в статье «Иммунитеты в удельной Руси» (ЖМНП, 1900, № 12, стр. 319—320).

[16] *G. Waitz.* Deutsche Verfassungsgesehichte, Aufl. 2, Bd. IV. Berlin, 1885.

inslav

[17] «Сказания о русских и славянских святых, извлеченные из Великих миней четьих», ч. I. СПб., 1868.
[18] *И. П. Хрущов.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина. Киев, 1868.
[19] *Ch. Mortet.* Feodalité. La grande Encyclopedie, v. XVII. Paris, s. a.
[20] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Иммунитеты в удельной Руси.— ЖМНП, 1900, № 12, стр. 365.
[21] *П. Н. Милюков.* Очерки по истории русской культуры, изд. 2, т. I. СПб., 1896, очерк четвертый.
[22] *А. В. Экземплярский.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, т. I—II. СПб., 1889—1891.
[23] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1897.
[24] Письмо не сохранилось.
[25] Имеется в виду глава о министерстве Нессельроде в редактировавшемся Павловым-Сильванским юбилейном издании «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902». СПб., 1902.
[26] *В. Мякотин.* Курс русской истории П. Н. Милюкова.— «Русское богатство», 1896, кн. 11.
[27] Библиографию полемики М. А. Дьяконова с Сергеевичем см.: *М. А. Дьяконов.* В. И. Сергеевич и его ученые труды (1832—1910. Библиографический обзор).— ЖМНП, 1912, № 3. См. также прим. 14.
[28] См. стр. 327 (письмо № 4).
[29] С. Ф. Платонов.
[30] См. прим. 25.
[31] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Об историческом самоунижении.— «Петербургские ведомости», 10 сентября 1901 г., № 248 (подпись: Лесовик); *он же.* Рец. на кн.: П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 1. СПб., 1901.— «Литературный вестник», 1901, т. I, кн. 6, стр. 155—156.
[32] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Новое объяснение закладничества.— ЖМНП, 1901, № 10.
[33] *В. И. Сергеевич.* Закладничество в древней Руси.— ЖМНП, 1901, № 9.
[34] *В. И. Сергеевич.* Русские юридические древности, изд. 2, т. I. СПб., 1902.
[35] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Люди кабальные и докладные.— ЖМНП, 1895, № 1.
[36] См. прим. 15; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодальные отношения в удельной Руси.— ЖМНП, 1901, № 7, стр. 23—25.
[37] См. прим. 3.
[38] *И. И. Лаппо.* Разбор исследования М. К. Любавского «Литовско-русский сейм».— ЧОИДР, 1903, кн. 3.
[39] *А. Н. Ясинский.* Падение земского строя в Чешском государстве. Киев, 1895.
[40] Имеется в виду статья «Закладничество — патронат».
[41] Ср. ЖМНП, 1895, № 1, стр. 222, прим. 3.
[42] Возможно, речь идет о курсе лекций А. С. Лаппо-Данилевского по истории сословий, читанном в 1890—1892 гг. в Петербургском университете, который нередко слушали всего двое студентов (*А. Е. Пресняков.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, стр. 23).
[43] *В. И. Сергеевич.* Закладничество в древней Руси.— ЖМНП, 1901, № 9, стр. 125—132; *он же.* Древности русского права, т. 3. СПб., 1903, стр. 469—475.
[44] Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел ведал изданием «Очерка истории Министерства». См. прим. 25.
[45] Имеется в виду, вероятно, предполагавшееся выступление Павлова-Сильванского в Историческом обществе. Выступление в этом году не состоялось, только 18 октября 1906 г. историк прочел доклад «Крестьяне в России и на Западе в средние века» («Историческое обозрение», т. 15, стр. 143).
[46] См. статью «Феодализм» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 70, стр. 549 (1902 г.), а также «Очерки по истории русской культуры», изд. 5, т. I. СПб., 1902.
[47] Биографию русского дипломата и государственного деятеля П. А. Толстого Павлов-Сильванский написал для «Русского биографического словаря»; опубликована во II т. «Сочинений» Павлова-Сильванского (СПб., 1910, стр. 1—41): «Граф Петр Андреевич Толстой (пращур графа Льва Толстого)».
[48] См. библиографию в конце указ. статьи.
[49] Имеется в виду первое заседание русской секции Исторического общества в новом (1903/04) учебном году.
[50] Чтение реферата не состоялось.
[51] *K. Lamprecht.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1885.
[52] «Феодализм в древней Руси». СПб., 1907.
[53] Т. е. в Археографической комиссии.
[54] Реферат читан на заседании секции русской истории Исторического общества.
[55] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Символизм в древнем русском праве.— ЖМНП, 1905, № 6.
[56] «Lex Salica». Под ред. Д. Н. Егорова. Киев, 1906.

inslav

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(По поводу смерти Н. Павлова-Сильванского)

Николай Павлович Павлов-Сильванский принадлежал к последнему вполне сложившемуся накануне революции кругу русских историков. Он окончил в 1892 г. Петербургский университет. Одной из намеченных им тогда (1894) для работы была тема «Идеи исторического материализма у русских историков». На том же сохранившемся до наших дней листке была намечена, поставленная даже на первом месте, и другая тема: «Феодализм в России». Именно эта последняя тема явилась делом всей жизни Павлова-Сильванского: ей были посвящены его первые работы, она же явилась предметом вышедшей в свет уже после смерти автора крупной монографии.

В настоящее время нам может показаться странным сам вопрос, существовал ли в Древней Руси феодализм. Но не так это было в тот историографический момент, когда русским феодализмом заинтересовался Павлов-Сильванский. Петербургский университетский профессор Николай Иванович Кареев писал впоследствии, что в те времена вопрос о существовании в России феодализма, казалось, был «решен отрицательно» в такой даже степени, что «говорить о нем сделалось своего рода признаком дурного вкуса в исторической науке, а пожалуй, и дурного тона, признаком исторической невоспитанности» [1]. Это признание тем характернее для Н. И. Кареева, так как именно он был виновником неудачи Павлова-Сильванского на магистрантском экзамене и именно по вопросу о феодализме, что воспрепятствовало Павлову-Сильванскому пойти по обычному для оставленных при университете научному пути.

Таким образом, Павлову-Сильванскому пришлось с самого начала его научной работы пойти не только по не проторенному, но даже и не одобряемому тогдашними учеными пути. Первые работы Павлова-Сильванского, связанные с задуманной им общей темой о феодализме в России, стали появляться в специальных изданиях, известных только узкому кругу тогдашних ученых, начиная с 1897 г. После появления первой уже статьи С. Ф. Платонов говорил ее автору: «и будут же Вас ругать» [2]. Вот ответ, которого Павлов-Сильванский только и мог тогда ожидать от едва ли не единственных читателей его статей.

Н. П. Павлов-Сильванский умер неожиданно в 1908 г. от свирепствовавшей тогда холеры. Павлов-Сильванский умер безвременно, едва достигнув 39 лет. Основное исследование его, в котором в итоге обширных и разносторонних разысканий сравнительно-исторического характера, а также и многих новых толкований, казалось, давно известных русских памятников были изложены его новые взгляды на древнерусский феодализм, оказалось совсем законченным и было посмертно издано под редакцией близкого его друга Александра Евгеньевича Преснякова под названием «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910). Это исследование должно было стать диссертацией, если бы жизнь ее автора не была так неожиданно прервана.

Но за год до смерти Н. П. Павлов-Сильванский успел напечатать в издаваемой издательством «Брокгауз — Ефрон» серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и в новое время» книгу «Феодализм в древней Руси» (СПб., 1907). Эта книга оказалась, по многим причинам, значительнейшим трудом для историографических и общественно-политических судеб взглядов Павлова-Сильванского. В указанном выше исследовании изучение феодальных отношений было ограничено строго хронологическими рамками так называемого удельного периода русской истории и не выходило за пределы его. Вместе с тем оно было рассчитано на ученого читателя, разбирающегося в тонкостях не только русской истории, но, пожалуй, не в меньшей степени также и истории западноевропейской. «Феодализм в древней Руси» покорял читателя, и ученого и простого, уже тем, что давал целостный новый взгляд на весь ход русской истории. Традиционные взгляды утверждали, что путь развития

[1] *Н. И. Кареев.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910, стр. 4.

[2] *С. Н. Валк.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского.— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. статей». М.— Л., 1963, стр. 618.

inslav

русской истории был решительно отличен от хода развития истории Западной Европы, и это особенно сказалось в отсутствии в России столь характерных для Запада феодальных отношений. Павлов-Сильванский в этой своей книге разносторонне утверждал новый взгляд о тождестве путей развития на Западе и в России. Сжатый историографический очерк, в котором были рассмотрены взгляды господствующих школ историков, начиная славянофилами и кончая тогда еще живыми В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым, приводил Павлова-Сильванского к выводу, что все они, будучи сторонниками «глубокого различия между историческим развитием России и Запада», именно тем самым «роковым образом терпели более всего неудач в стараниях выяснить отличительные своеобразные черты русского исторического развития» (стр. 35).

Павлов-Сильванский построил и свою схему русского исторического развития. Он отрицал привычную схему, согласно которой гранью между двумя основными периодами русской истории явились петровские реформы. По его мнению, «петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад» (стр. 145). Рассуждая социологически, Павлов-Сильванский намечал три периода русского исторического развития, причем в основе этой новой периодизации у Павлова-Сильванского лежало его понимание роли крупного землевладения как основы феодализма. Первый период, с древнейших времен до середины XII в., Павлов-Сильванский характеризовал господством в общественном строе общинного устройства. Наступающее на общину боярское землевладение побеждает общину и создает новый, второй, период русской истории. В борьбе с боярщиной, побеждая ее, рождается уже сословное государство с двумя его сменяющимися формами — «московской сословной монархией» и «петербургским абсолютизмом».

Павлов-Сильванский намечает и «переходные эпохи» от одного устройства к другому. Ими были для него эпоха перехода к удельному порядку XII—XIII вв. и XVI век, «век образования московского государства». Павлов-Сильванский намечал для этих переходных эпох и «два исторических события, знаменательных социологически»: для XII в. взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г., а для XVI в.— опричнина Ивана Грозного (стр. 146). Все это было ново.

Написанная ярко и увлекательно, эта книга поражала ее читателя новизною своих общих, разрушающих привычные схемы, взглядов. Не удивителен был широкий отклик, который получила после своего выхода из печати книга Павлова-Сильванского. Она оказалась, пожалуй, единственным научно-историческим произведением, обзор на которую откликов послужил уже упоминавшемуся профессору Н. И. Карееву материалами для написания и издания целой книжки.

Н. П. Павлов-Сильванский был членом кадетской партии и заключал свою периодизацию русской истории суждением о переживаемой ныне «переходной эпохе разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка». Тем примечательнее, что общие развиваемые Павловым-Сильванским взгляды нашли живой отклик и в тогдашней марксистской печати. Прекрасное свидетельство тому переиздаваемая здесь статья М. С. Ольминского, напечатанная в «Бакинском рабочем» по поводу безвременной смерти Н. П. Павлова-Сильванского. М. С. Ольминский знает, что покойный «не был марксистом», что он «не был в рядах той части интеллигенции, которая целиком стоит на стороне рабочих». Однако М. С. Ольминский считал, что Павлов-Сильванский, не будучи марксистом, но являясь «честным тружеником науки», доказал, что «в существенном нет никакой разницы между историей России и Западной Европы», и этим послужил для марксистского понимания исторических судеб России. Статья Ольминского кончается сообразно со всем ее содержанием скорбью о погибшем «серьезном и честном ученом», смерть которого от «болезни бедноты сумела нанести удар той же бедноте».

Для научно-литературной биографии М. С. Ольминского следовало бы отметить, что статья-некролог Н. П. Павлова-Сильванского не случайность в его биографии. Об этом свидетельствует сборник статей М. С. Ольминского «Из прошлого» (М., 1919). Работы Н. П. Павлова-Сильванского были привлечены М. С. Ольминским и в его книге «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» (СПб., 1910; изд. 2. М., 1919).

С. Н. Валк.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(По поводу смерти Н. Павлова-Сильванского)

Холера — болезнь бедноты. Она косит свою жатву там, «где трудно дышится, где горе слышится»,— горе голодовки и сырых, тесных конур вместо человеческого жилья. Поэтому сытые обитатели светлых хором не очень беспокоятся по случаю холеры. Но вот в Петербурге страшная гостья воспользовалась беспечностью городских воротил и из рабочих кварталов попробовала заглянуть на широкие улицы центра; из подвалов поднялась в барские покои. Петербургская беднота могла бы

inslav

сказать по этому поводу: «Нет худа без добра! Теперь и городская дума хоть немножко подумает...»

Но среди жертв холеры не из числа бедноты следует отметить одну. Эта жертва — профессор Павлов-Сильванский, историк. Он не был в рядах той части интеллигенции, которая целиком стоит на стороне рабочих; по своим взглядам он не был марксистом; в исторических трудах — не был полным сторонником экономического материализма. Но он был честным тружеником науки и,— хотел ли он того или нет,— он своими трудами служил делу прояснения нашего сознания. И за это стоит помянуть его добрым словом.

В чем заслуга покойного?

Настоящее рождено прошлым. И не зная прошлого своей страны, нельзя правильно понять настоящего, нельзя найти верную дорогу к лучшему будущему. К несчастью, понимание нашего прошлого долго не давалось в руки русских ученых. Мы знаем, что история всех народов была историей борьбы классов. Но истории классовой борьбы в России мы не знаем, да и теперь мало знаем, поэтому часто говорят: история России не укладывается в рамки теории классовой борьбы.

Вместо борьбы классов в прошлые века видят борьбу между народом и правительством, народом и «государством». Было бы полбеды, если бы говорили так, правильно понимая сущность государства. Но в том и дело, что правильного понимания не было.

Что такое государство или государственная организация? Это, как известно, не что иное как организация экономически господствующего класса, организация собственников для политического господства над беднотой.

Если бы так всеми понималось государство, то речь о борьбе между народом и государством в сущности означала бы речь о борьбе между имущими и неимущими, о борьбе классов. К несчастью, у нас слишком редко понимается русская история именно таким образом.

Много лет назад один поэт-помещик объявил, что «умом России не понять, аршином общим не измерить»,— и это помещичье мнение уцелело до сих пор; когда говорят, что теория борьбы классов не объясняет русской истории, это именно и означает, что Россию «аршином общим не измерить». И начинают придумывать свой аршин. Одни, по примеру казенного историка Карамзина, придумали, что судьбу России решало провидение через избранных им правителей героев.

Другие, не одобряя правителей героев, всю историю России готовы были объяснить нашествием татар. Это последнее мнение так неудачно, что о нем не стоило бы говорить, если бы оно не было сильно распространено даже среди людей, которых нельзя назвать, вообще говоря, неосновательными, например писатель А. Б. Петрищев в книге «За триста лет» так передает дело. Завоевав Россию, татарские ханы отдавали свою землю арендаторам — сначала нескольким, потом одному, именно московскому князю. Потом этот князь арендатор прогнал хозяев-татар и стал сам хозяином,— уже шестую сотню лет.

Эту басню А. Б. Петрищева и опровергать не стоит.

Более серьезные историки давно уже заметили, что в России, как и на западе Европы, княжества образовались из земельных владений, а государство явилось организацией класса землевладельцев. Крупные землевладельцы стали государями в своих имениях, а московский князь, как говорилось в те стародавние времена, стал «всея русския земли государям государь», то есть стал общим вождем государей-землевладельцев. Серьезные историки, как С. М. Соловьев, Ключевский и многие другие, видели это; видели они, что стародавние «государи» очень похожи на феодалов Западной Европы, но все-таки недостаточно изучили дело, чтобы понять полное, в главном, сходство между западным феодализмом и русскими стародавними порядками. Все эти историки продолжали думать, будто историю России аршином общим не измерить.

inslav

Профессор Павлов-Сильванский больше других сравнивал стародавнюю Россию со старой Европой, лучше других изучил дело и доказал, что между историей России и историей Западной Европы в существенном нет никакой разницы. Этим он положил один из первых важных камней в здание новой науки русской истории. Не будучи марксистом, он собрал и обработал обширный материал для марксистского понимания прошлых судеб нашего отечества.

И грустно становится при мысли, что болезнь бедноты унесла в раннюю могилу серьезного и честного ученого, который, может быть, и не думая о том, оказал важную услугу делу самосознания русского пролетариата и мог бы оказать еще новые услуги. Даже в интеллигентской квартире сравнительно обеспеченного профессора болезнь бедноты сумела нанести удар той же бедноте.

М.

«Бакинский рабочий», 27 сентября 1908 г., № 7—8.

Комментарии

«Бакинский рабочий» легально издавался в сентябре — октябре 1908 г. в качестве общественно-профессионального органа. Но фактически он был газетой большевиков Баку. В состав редакции входили члены Бакинского комитета РСДРП С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, С. С. Спандарян и др. В роли официального редактора-издателя выступал рабочий-большевик С. Т. Якушев. Восемнадцать номеров газеты, выпущенных значительным по тем временам тиражом в 2200 экземпляров, читались на бакинских заводах и промыслах, в городах Азербайджана, Армении, Грузии, центральных районов России. «Бакинский рабочий» печатал материалы своих корреспондентов в Москве, Риге, Екатеринодаре, Лодзи.

«Бакинский рабочий» сумел стать действительно рабочей газетой, глубоко партийной по своему содержанию, последовательно отстаивал кардинальные положения марксистской теории, способствовал политическому воспитанию рабочих, развитию их классового самосознания. В ленинском «Пролетарии» отмечалась «правильная точка зрения» «Бакинского рабочего», который говорил более «решительным языком, чем другие профессиональные органы» [1]. Как известно, «Пролетарий» внимательно следил за развитием партийной прессы в России, имел широкие связи с местными газетами. Десять номеров «Бакинского рабочего», в том числе интересующий нас сдвоенный № 7—8, были отосланы в редакцию «Пролетария», о чем сообщалось на его страницах 1(14) декабря 1908 г. Полный комплект «Бакинского рабочего» был в личной библиотеке В. И. Ленина [2].

Одним из сотрудников «Бакинского рабочего» был Михаил Степанович Ольминский, который в 1908 г. приехал в Баку, работал в большевистской организации и входил в правление профсоюза конторщиков [3]. Под его статьей о Н. П. Павлове-Сильванском (умершем 17 сентября 1908 г.) стояла лишь одна буква «М». Так М. С. Ольминский иногда подписывал свои материалы и в других случаях, например статью «Интересное разоблачение» в газете «За правду» в 1913 г. [4] В предисловии ко второму тому сочинений М. С. Ольминского, вышедшему в 1935 г. под редакцией П. Н. Лепешинского, указывалось, что инициал «М» был одним из его многочисленных литературных псевдонимов [5]. Мнение о том, что статья о Н. П. Павлове-Сильванском принадлежит перу М. С. Ольминского, высказано и Н. Я. Макеевым, изучавшим историю «Бакинского рабочего» [6].

Помещение М. С. Ольминским статьи-некролога о русском ученом-историке в рабочей газете представляется чрезвычайно важным. Ее следует рассматривать как один из моментов серьезной политической работы партии большевиков. Революционный рабочий класс должен был изучать и правильно понимать историю России.

З. Х. Саралиева.

---

[1] «Пролетарий», 1(14) декабря 1908 г., № 40.

[2] «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». М., 1961, стр. 543 (№ 6849): «Бакинский рабочий. Обществ.-проф. газ., посвящ. интересам бакин. рабочих. Баку, 1908, № 1—18 (6 сент.— 31 окт.). Приплетен журн. «Волна». Баку, 1909, № 1, 2».

[3] «Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат», изд. 7, т. 41, ч. II. Приложение, стр. 83; *Б. Н. Веревкин.* М. С. Ольминский. М., 1972, стр. 22.

[4] *М. Ольминский.* Из эпохи «Звезды» и «Правды» (статьи 1911—1914 гг.). М., 1956, стр. 54.

[5] *М. С. Ольминский.* Сочинения, том второй. [М.], 1935, стр. 5.

[6] *Н. Я. Макеев.* Большевистская газета «Бакинский рабочий» в 1908 году. «Вопросы истории компартии Азербайджана. Труды Института истории партии ЦК КП Азербайджана — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 26. Баку, 1962, стр. 177.

inslav

Б. РАССЕЛ О БРИТАНСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виднейший английский ученый и общественный деятель XX в. Бертран Артур Вильям Рассел в годы первой мировой войны был одним из руководителей пацифистского и антимилитаристского движения в Великобритании. В 1917 г., после Февральской революции в России он написал для русских социалистов небольшую статью об этом движении «Преследование британских интернационалистов», которая и публикуется ниже.

Бертран Рассел родился 18 мая 1872 г. и умер 2 февраля 1970 г., не дожив до столетнего юбилея всего два года с небольшим. Кроме многочисленных научных и публицистических трудов, Рассел оставил потомкам обширную «Автобиографию» [1], где перед мысленным взором читателя открывается его жизнь на фоне целого столетия английской и даже всемирной истории. «Автобиография Бертрана Рассела» дает возможность убедиться, что как бы ни были порой резки некоторые суждения автора, как бы ни менялись его взгляды на отдельные проблемы революционного движения, он всегда оставался активным противником милитаризма и войны.

Как общественный деятель Рассел связал свое имя с английским социалистическим движением, правда, с его реформистским крылом. С 1896 г. он сотрудничал в Фабианском обществе, которое после создания лейбористской партии играло роль ее «мозгового треста». Позднее он вступил в Независимую рабочую партию и с 1915 г. оказался непосредственно в рядах английского рабочего движения (НРП входила в лейбористскую партию на правах коллективного члена) [2].

Независимая рабочая партия, в отличие от лейбористской, с самого начала осудила первую мировую войну 1914—1918 гг. как чуждую интересам рабочего класса, отказалась содействовать ведению войны и в печати высказывалась против нее. Но официальное руководство НРП уже в феврале 1915 г. изменило свою позицию и высказалось за войну [3]. Бертран Рассел был с теми, кто продолжал антивоенную кампанию, и принял участие в движении, организованном «Товариществом противников рекрутского набора». Когда председатель этого «Товарищества» Клиффорд Аллен [4] и все члены руководящего комитета попали в тюрьму за свою деятельность, был создан новый комитет, и его председателем стал Бертран Рассел. С начала 1916 г. Рассел посвятил делам «Товарищества» все свое время и энергию, в частности он редактировал еженедельник этой организации «The Tribunal» и писал статьи в каждом его номере. За выступление в защиту одного из участников движения Рассел был приговорен к большому денежному штрафу, а за одну из статей — к шести месяцам тюрьмы [5].

Этому движению Рассел посвятил впоследствии очерк «Опыт пацифиста во время первой мировой войны» [6] и несколько страниц в «Автобиографии». Он весьма критически оценил достигнутые результаты. «Когда кончилась война, я увидел,— писал он,— что все сделанное мною не принесло никакой пользы никому, кроме меня самого. Я не спас ни одной жизни и ни на одну минуту не приблизил конец войны... Но во всяком случае я не был соучастником преступлений воевавших наций, а для себя лично обрел новую философию и новую молодость» [7].

В советской исторической литературе наиболее подробное исследование антивоенного и антимилитаристского движения в Англии и, в частности, «Товарищества противников рекрутского набора» выполнено ныне покойным М. М. Карлинером в его богатой источниками монографии «Рабочее движение в Англии в годы первой

---

[1] «The Autobiography of Bertrand Russell», vol. I — 1872—1914. London, 1967; vol. II— 1914—1944. London, 1968; vol. III — 1944—1967. London, 1969.

[2] «The Archives of Bertrand Russell. A Detailed Catalogue of the Archives of B. Russell». Ed. B. Feinberg. London, 1967, p. 215—216.

[3] *С. Н. Гурвич.* Лейбористы и вопрос о войне в 1907—1915 гг.— В сб.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960.

[4] Впоследствии лорд Аллен Хартвуд, автор нескольких книг.

[5] «The Autobiography of B. Russell», vol. II, p. 24, 33.

[6] *B. Russell.* Portraits from the Memory and Other Essays. London, 1956, p. 30—34.

[7] «Autobiography of B. Russell», vol. II, p. 40.

inslav

мировой войны (1914—1918 гг.)»[8]. Здесь даны ссылки на еженедельник «The Tribunal» и упоминается несколько помещенных в нем статей Бертрана Рассела.

Публикуемая нами статья Бертрана Рассела интересна особенно в двух отношениях: она уточняет сведения о движении «Убежденных противников войны», объединявшихся вокруг «Товарищества», во главе которого стояли Клиффорд Аллен и Бертран Рассел, и расширяет представления о позиции самого Рассела в то время. Важно свидетельство о том, что Рассел и другие участники движения связывали его с перспективой развития социалистического движения в Англии (хотя у них и было своеобразное представление о социализме: Рассел был одним из теоретиков так называемого гильдейского социализма). Статья Рассела подчеркивает крупнейшее влияние русской революции на усиление антивоенной и антимилитаристской борьбы в Англии. Об этом влиянии говорит не только содержание статьи, но и тот факт, что Рассел написал ее специально для России и переправил туда. Сам он горячо поддерживал революцию — Февральскую, а затем и Октябрьскую. После Октябрьской революции он опубликовал в американском левом журнале «The Liberator» большую статью, где высказал симпатии к пролетарской революции[9]. Именно Рассел (вместе с К. Алленом) приехал в Россию в мае — июне 1920 г.— на несколько месяцев раньше Герберта Уэллса; Рассел находился в качестве неофициального наблюдателя в составе рабочей делегации[10]. Потом наступил период отчуждения, но через несколько лет Рассел уже был в числе членов Общества культурной связи между Великобританией и СССР[11].

Оригинал статьи Бертрана Рассела «Преследование британских интернационалистов» — это пять страниц машинописного текста, где рукою автора проставлено название, сделаны вставки и подпись. В том, что это подлинный автограф, можно убедиться по факсимиле и рукописным документам, воспроизведенным в первом томе «Автобиографии» Рассела и в Каталоге его архива, изданном в 1967 г.[12]

К сожалению, статья не датирована; но ее содержание свидетельствует, что она была написана во всяком случае после Февральской революции. За это время, как можно судить по нескольким номерам «The Tribunal», имеющимся в библиотеке Института марксизма-ленинизма, Рассел написал много о России. Но статьи, которыми мы располагаем, не содержат информации, позволяющей установить связь с публикуемой статьей[13]. Ни в «Автобиографии», ни в других произведениях, где Рассел писал о своей деятельности во время первой мировой войны, не содержится упоминаний о заметке, отправленной в Россию. Библиографии статей Рассела, разбросанных в периодической печати, пока нет.

Неизвестно, каким путем статья была доставлена в Россию — по почте или с оказией — и кому она была адресована. Возможно, что эти сведения, как и данные для более точной датировки, содержатся в архиве Рассела, где имеется, в частности, большой фонд «Товарищества противников рекрутского набора» и переписка Рассела с секретарем этой организации Кэтрин Маршалл[14].

Статья Бертрана Рассела «Преследование британских интернационалистов» находится в архиве Н. С. Русанова, среди бумаг Е. Е. Колосова[15]. Н. С. Русанов — видный народник — был в течение многих лет сотрудником, а в 1916 — начале 1917 г. редактором журнала «Русское богатство» («Русские записки»), где его перу принадлежали обзоры «Иностранная летопись», содержавшие и главные сведения о событиях в Англии. После Февральской революции Н. С. Русанов принимал участие в деятельности Иностранного отдела Петроградского Совета и затем ВЦИКа; он входил в состав делегации на Стокгольмскую конференцию социалистов, созыв которой намечался в 1917 г. Колосов — тоже журналист и историк народнического направления. В брошюре «Русские волонтеры во Франции», изданной в 1916 г. в Петрограде, он мимоходом затронул вопрос об отношении английских социалистов к войне. Колосов не мог привезти почту Рассела, так как вернулся из эмиграции до Февральской революции: он был в России уже в 1916 г. Колосов сотрудничал тогда в журналах «Голос минувшего» и «Современный мир»[16].

---

[8] *М. М. Карлинер.* Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918 гг.). М., 1961, стр. 169—200.

[9] См. предисловие A. Pierre к французскому переводу книги Рассела «La Pratique et la théorie du bolchévisme». Paris, 1921.

[10] *W. Ready.* Necessary Russell. An introduction to B. R. and the Russell Archive. Canada, 1969, p. 79.

[11] *И. М. Майский.* Воспоминания советского посла, кн. 2. М., 1964, стр. 111.

[12] См. сн. 2.

[13] Эти статьи: «Россия указывает путь» (22 марта 1917 г.). «Новая надежда» (5 апреля), «Пацифизм и революция» (приложение к номеру от 19 июля), «Международное положение» (23 августа. Здесь речь идет о проблемах, связанных с подготовкой к намечавшейся Стокгольмской конференции социалистических партий).

[14] «Archives of B. Russell», p. 170, 219.

[15] Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 657 (Русанов Н. С.), картон 7, папка 3.

[16] ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 768.

inslav

О Расселе нет упоминаний ни в архивных материалах Колосова в ЦГАЛИ, ни в фонде Дионео (И. В. Шкловского), тоже поступившем в ЦГАЛИ. Шкловский-Дионео жил в Англии и присылал обстоятельные очерки об этой стране в «Русское богатство». Среди материалов П. А. Кропоткина, который был близко знаком с Расселом, также до сих пор не обнаружены следы интересующей нас статьи.

По-видимому, ее предполагали опубликовать, но не сделали этого: вместе с оригиналом хранятся несколько машинописных копий на английском языке, снятых, возможно, уже в России, перевода же на русский язык в архиве нет. Ни в одном из наиболее известных русских журналов того времени статья Рассела не была опубликована, что устанавливается по труду Н. Я. Виткинд «Указатель содержания девяти русских дореволюционных журналов 1911—1918 гг.» [17].

Публикация статьи Бертрана Рассела «Преследование британских интернационалистов» познакомит читателей с некоторыми характерными чертами антивоенного, антимилитаристского движения в Англии в годы первой мировой войны и пополнит сведения о влиянии русского революционного движения на Великобританию.

С. Н. Гурвич.

THE PERSECUTION OF BRITISH INTERNATIONALISTS

I do not know how widely it is known in Russia that there are at this moment in Great Britain about one thousand men in prison, because their belief in the brotherhood of man has led them to refuse to submit to conscription. Before conscription was introduced into this country, in fact in the early days of the war, an organization was formed called the No-Conscription Fellowship, consisting of men of military age, who — foreseeing the advent of conscription — bound themselves to refuse to bear arms, whatever the penalty might be, basing their refusal on the sacredness of human life, of the brotherhood.

At the time when conscription was introduced, the number of men belonging to this organization was about 15 000. Some of these refused to participate in war on religious grounds, because they held that violence is contrary to the teaching of Christ, at Tolstoy taught. Others were influenced rather by socialist and international beliefs. They felt that the war was precipitated and prolonged in every country by imperialist and capitalist motives. They saw no ground of quarrel between the peoples, and refused to have any part in killing their brothers of so-called «enemy» countries. During the year and a half of war which elapsed before conscription was enforced in this country, every man of military age had had to decide for himself the question whether or not he should enlist, and this had made the matter more obviously one for private judgment than it is regarded as being in countries which have long been subject to compulsory military service. The Military Service Acts contained provisions which nominally respected the views of those who, on grounds of moral conviction, were unwilling to fight, but owing to the hostility of public opinion, these clauses remained, to a great extent, a dead letter. The men who claimed to be «Conscientious Objectors» had to appear before Tribunals composed, for the most part, of elderly men whom the war did not touch personally. They had to persuade these Tribunals that they were not actuated by cowardice but by a genuine moral horror of war. Those who merely objected to this war, but not necessarily to all war, were not even nominally exempt, and those whose objections were most sincere appeared to the Tribunals so irritating and perverse, that they roused furious anger, and very often failed to obtain exemption.

It became so obvious that the Tribunals had failed to exempt the very men whose sincerity was least open to question, that the Government found itself compelled to do something for fear of a change in public sympathy. It offered release from prison, on condition that the men would live in compounds, under close supervision, and engage in labour of a semi-penal character. Some thousands of men are now working in these compounds, but

[17] Машинописный экземпляр этого, к сожалению, неизданного труда ныне покойной Н. Я. Виткинд имеется в Научном кабинете Института истории СССР АН СССР.

inslav

about one thousand among the Conscientious Objectors felt that the logic of their resistance to conscription required them to refuse any service demanded under a Military Service Act. These men remain in prison, except for occasional brief intervals, during which they are taken back to the army, where they again disobey orders, and are again sentenced to imprisonment with hard labour. Unless there is a change of policy on the part of the Government, these men will remain in prison until the conclusion of the war, in spite of the fact that the law directs that they are to be exempted. Among them there are many who have been prominent in socialistic work, for example, Fenner Brockway, who, until he was imprisoned, was the Editor of the «Labour Leader», and Clifford Allen, the Chairman of the No-Conscription Fellowship, who was very active in all socialist movements.

One of the reasons why the Government refuses to release these men — perhaps the chief reason — is that it fears their effect in preaching international socialism, in fact, in furthering the very ideas for which the Russian Revolution stands.

This policy of persecution cannot, however, be prolonged for ever. Public opinion in this country is hardly yet fully accustomed to the view that it is right to imprison high-minded and public-spirited citizens solely on account of their opinions. The men in prison are gradually winning more and more public sympathy by their stand, and they afford to all the world a commentary upon the Government pretence that they are fighting for freedom. Their effect upon feeling in the army has been especially remarkable. Public opinion will compel the release of these men sooner or later, and whenever they are released, they will acquire persuasive power through the proof of sincerity that they have given.

The more extreme forms of militarism are still new in this country, and it is not impossible that they may be swept away after the war. The men now in prison are contributing, and will contribute more than anyone else in the country, to make this result possible.

The ideal of international socialism and of the brotherhood of man is the same in all countries, but the methods by which it is pursued are likely to be affected by the national character. The method of the Conscientious Objectors is one which is perhaps more suited to the British character than to that of some Continental nations. In America also this method is being adopted. These men, who refuse to wage the battles of rival imperialists, are not only important in their own persons through the fearless idealism of which they have given proof, but are also a great factor in influencing the views of ordinary men, and in providing on the side of the advocates of peace an heroism comparable with that of the men on the battlefield. They are also important as keeping alive the realization that even a handful of brave men can successfully resist the whole power of the capitalist State.

To Russians, who have achieved their revolution, the Conscientious Objectors may perhaps not seem very important. But revolution is difficult in a nominally democratic country, and these men, who are now suffering, form a nucleus from which in days to come great things are likely to grow. Their absence from the ranks of labour at this time has had a very bad influence in regard to all international questions, But if the ideals which inspired the Russian Revolution are in the end to find an echo in the ranks of British Labour, it is above all to the influence of these men that we must look. They are important out of all proportion to their numbers, because they are men capable of individual judgment, and courageous enough to obey their convictions in practice, in spiteof obloquy and punishment. England has had ideals of liberty in the past, and even in these days there are many who hope that liberty may be won again.

Meanwhile the persecution of the Conscientions Objectors is a visible proof to the whole world that our Covernment has adopted that very system of Prussianism, which it professes to be combating. Until they are released,

inslav

no unprejudiced man can believe that Freedom is what our Government desires to achieve.

Bertrand Russell.

ОР ГПБ, ф. 657 (Русанов Н. С.), картон 7, папка 3.

Перевод с английского

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БРИТАНСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Не знаю, многим ли в России известно, что сейчас в Великобритании около тысячи человек сидят в тюрьмах за то, что, веря в братство людей, они отказались подчиняться закону о воинской повинности. Уже в первые дни войны, когда в нашей стране закон о воинской повинности еще не был введен, возникла организация под названием «Товарищество противников рекрутского набора»; в нее вошли мужчины призывного возраста, которые, предвидя введение повинности, решили отказаться встать под ружье даже под страхом любого наказания; они основывали свое решение на том, что человеческая жизнь и братство священны.

Ко времени введения воинской повинности число членов этой организации составляло около 15 000. Одни отказывались воевать по религиозным мотивам, так как вслед за Толстым считали, что насилие противно учению Христа. Другие находились скорее под влиянием веры в социализм и интернационализм. Они считали, что во всех странах возникновение и затягивание войны было связано с империалистическими и капиталистическими интересами. Они не находили никакого оправдания распре между народами и отказались участвовать в убийстве своих братьев в так называемых «вражеских» странах. В течение полутора лет, до введения воинской повинности, каждому мужчине призывного возраста приходилось у нас самому решать вопрос, идти в армию или нет; поэтому понять, что дело подлежит индивидуальному решению, у нас было проще, чем в тех странах, где принудительная военная служба существует уже давно. Закон о военной службе содержал статьи, в которых номинально были признаны взгляды тех, кто не желал воевать по соображениям морали, но под давлением враждебного общественного мнения эти статьи оставались в значительной степени мертвой буквой. Люди, называвшие себя «Убежденными противниками» войны, должны были предстать перед трибуналами, составленными большей частью из пожилых людей, персонально не задетых войною. Они должны были доказать членам этих трибуналов, что поступают так не из трусости, а из-за искреннего морального отвращения к войне. На тех, кто выступал против данной, но не обязательно против всякой войны, статьи закона не распространялись даже номинально, и те, чьи протесты были самыми искренними, казались членам трибуналов настолько возмутительными и несуразными, что вызывали неистовый гнев, и очень часто эти люди не могли добиться освобождения от призыва.

Тот факт, что трибуналы отказывались освобождать от военной службы как раз тех людей, чья искренность не вызывала сомнений, стал настолько очевидным, что правительство, опасаясь перемены в общественном мнении, было вынуждено кое-что сделать для них. Оно распорядилось освобождать из тюрем при условии, что эти люди будут жить в лагерях под строгим надзором и заниматься трудом полупринудительного характера. Сейчас в лагерях работает несколько тысяч человек; но около тысячи из числа Убежденных противников войны считают, что по логике сопротивления воинской повинности они должны отказываться предоставлять какие бы то ни было услуги, которых от них требуют по закону о военной службе. Этих людей не выпускают из тюрьмы за исключением лишь тех кратких промежутков времени, когда их забирают в армию, где они не подчиняются приказам, и их снова приговаривают к каторжным работам. Если политика правительства не изменится, эти люди останутся в тюрьмах до конца войны, и это несмотря на то, что

inslav

закон предписывает освобождать их от призыва. Среди них много известных социалистов, например Феннер Брокуэй, который до заключения был редактором «Labour Leader», и Клиффорд Аллен, председатель Товарищества противников рекрутского набора, очень активно участвовавший в социалистическом движении.

Одна из причин, объясняющих, почему правительство отказывается освободить этих людей,— вероятно, главная причина — это его страх перед воздействием их проповеди международного социализма, т. е. перед распространением той самой идеи, за которую стоит русская революция.

Политика преследования не может, конечно, продолжаться вечно. Общественное мнение в нашей стране вряд ли полностью свыклось с мыслью, что справедливо сажать в тюрьму людей, обладающих высоким сознанием гражданского долга, только за их убеждения. Сидящие в тюрьмах люди своей стойкостью постепенно все больше и больше завоевывают симпатии общественности и показывают всему миру, чего стóят притязания правительства, будто оно воюет за свободу. Их воздействие на настроение в армии было особенно примечательным. Рано или поздно общественное мнение добьется освобождения этих людей, и, когда бы это ни произошло, влияние их будет велико, потому что они доказали свою искренность.

Самые крайние формы милитаризма для нашей страны все еще представляются новостью, и вполне возможно, что после войны удастся избавиться от них. Томящиеся теперь в тюрьмах люди вносят и будут вносить свой вклад в достижение этой цели больше, чем кто-либо другой в нашей стране.

Идеал международного социализма и человеческого братства во всех странах одинаков, но на методы его осуществления влияет, вероятно, национальный характер. Метод Убежденных противников войны относится к числу тех, которые, по-видимому, больше соответствуют британскому характеру, чем характеру некоторых континентальных наций. Этот метод применяется также в Америке. Те, кто отказываются принимать участие в бойне соперничающих друг с другом империалистов, имеют значение не только как отдельные личности, своим бесстрашием доказавшие преданность идеалам; они оказывают большое влияние на взгляды рядовых людей, показывая, что на стороне защитников мира тоже есть борцы, чей героизм можно сравнивать с героизмом тех, кто сражается на поле боя. Они имеют значение и как живой пример, подтверждая на деле, что даже горстка мужественных людей может сопротивляться всей мощи капиталистического государства.

Русским, совершившим революцию, Убежденные противники войны, вероятно, могут показаться не очень крупным явлением, но ведь революцию трудно осуществить в номинально демократической стране, а эти ныне страдающие люди составляют ядро, из которого в недалеком будущем вырастет, возможно, нечто значительное. В рядах рабочего движения их отсутствие имело очень тяжелые последствия в области всех международных вопросов. Но если идеалы, которые вдохновили русскую революцию, должны в конце концов найти отклик в рядах британского рабочего движения, то прежде всего мы должны надеяться на влияние именно этих людей. Их значение не идет ни в какое сравнение с их числом, потому что это люди, способные на самостоятельные решения и достаточно смелые, чтобы действовать на практике согласно своим убеждениям, вопреки клевете и невзирая на наказания. В прошлом у Англии были идеалы свободы, и даже в наши дни многие надеются, что можно добиться свободы. Между тем преследование Убежденных противников войны — это очевидное для всего мира доказательство того, что наше правительство усвоило ту самую систему пруссачества, борьбу против которой оно провозглашает. Пока их не освободили, ни один непредубежденный человек не может поверить, что Свобода — это то, к чему стремится наше правительство.

Бертран Рассел.

inslav

ВЫСТУПЛЕНИЕ М. Н. ТИХОМИРОВА НА СОВЕЩАНИИ О РАБОТЕ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ 20 ЯНВАРЯ 1955 Г.

Музеи занимали видное место в научной и преподавательской работе Михаила Николаевича Тихомирова. Едва начав трудовую деятельность, он выступил организатором музея в одном из древнейших городов Подмосковья — Дмитрове. В последующие годы он активно участвовал в работе Музея истории и реконструкции Москвы, в создании Музея Андрея Рублева. Особое место в его жизни занимал ГИМ, с которым он был связан более 40 лет. Михаил Николаевич не только много лет работал в Историческом музее, но и постоянно использовал его богатейшие фонды в своих исследованиях и публикациях. Ему было свойственно глубокое понимание места и значения музеев в научно-исследовательской, учебной, пропагандистской и популяризаторской работе. При этом он всегда учитывал специфику каждого музея и его задачи, обусловленные историей его создания, комплектованием его фондов и коллекций, его местом среди других музеев.

Эти качества ярко проявились в выступлении М. Н. Тихомирова на совещании в Кремле 20 января 1955 г. Открытие Кремля для массового посещения изменило объем и характер работы музеев Кремля, выдвинуло вопрос об их экспозициях. Для рассмотрения этих вопросов и было созвано совещание наиболее квалифицированных работников московских музеев и сотрудников Оружейной палаты. На совещание, по предложению ЦК КПСС, были приглашены историки М. Н. Тихомиров и А. Л. Сидоров.

Непосредственным поводом для созыва совещания было письмо консультанта Большого театра СССР С. А. Орешникова и писателя Н. З. Бирюкова в Президиум Верховного Совета СССР. Они утверждали, что экспозиция Палаты «лишена какого-либо тематического плана, представляет собой сумбур, разобраться в котором невозможно не только рядовому посетителю, но и квалифицированному специалисту», что нужно предельно разгрузить экспозицию, оставив в ней лишь лучшие образцы и перестроив ее по типу экспозиции Исторического музея, а для того чтобы Оружейная палата могла выполнить стоящие перед ней задачи, ее нужно превратить в музей истории русского ремесла и прикладного искусства. При этом авторы письма ссылались на экспозицию музея в Нюрнберге, где представлены инструменты и изделия немецких ремесленников XV—XVII вв.[1]

Участники совещания выслушали доклад начальника Палаты Н. Н. Захарова, осмотрели ее экспозицию, ознакомились с замечаниями и предложениями С. А. Орешникова и обстоятельно рассмотрели их. Принимая отдельные замечания и предложения относительно устройства витрин, участники совещания не согласились с авторами письма по основным вопросам.

Главный хранитель Музея изобразительных искусств А. А. Губер в своем выступлении отметил недопустимость изменения исторически сложившегося лица Палаты и необходимость сохранить ее как сокровищницу русского, восточного и западного прикладного искусства, а поэтому в основе экспозиции оставить вещевой принцип, перегрузка же экспозиции пояснительным этикетажем, которую предлагают авторы письма, принесет только вред. А. А. Губер предложил создать Ученый совет Оружейной палаты для руководства научной и массовой работой, а также для составления аргументированного плана экспозиции.

Зав. отделом ГИМа А. Б. Салтыков говорил о неправомерности сопоставления экспозиций Оружейной палаты и Нюрнбергского музея ремесла и тем более перестройки экспозиции Палаты по типу этого музея, поскольку речь идет о сокровищнице мирового значения. При этом нужно иметь в виду, что ее мировое значение определяется как хранящимися в ней мировыми художественными ценностями (коллекциями серебра, тканей), уникальными работами и шедеврами искусства, так и тем,

[1] Архив Кремля, ф. 20, д. 1, лл. 26—66. Стенограмма совещания у коменданта Московского Кремля научных работников музеев Москвы и работников Оружейной палаты по письму т. Орешникова 20 января 1955 г. В дальнейшем ссылки на соответствующие листы этой стенограммы даются в тексте. В деле отсутствует письмо С. А. Орешникова и Н. З. Бирюкова, но его основные положения приводятся в выступлении С. А. Орешникова, в решении совещания, в выступлениях его участников.

inslav

что Оружейная палата «на всем протяжении своей истории... всегда была сильнейшим средством воздействия политического и международного». По мнению А. Б. Салтыкова, именно богатство, полнота, мощность коллекций в экспозиции Оружейной палаты поражает посетителей, показывает мощь и богатство России, а тем самым, «то огромное историческое значение, которое Россия имела» (лл. 35—36).

Поддержав основные положения А. А. Губера и А. Б. Салтыкова, А. Л. Сидоров отметил, что принятие предложений авторов письма о значительном сокращении числа вещей в экспозиции, удалении из нее экспонатов, связанных с коронациями и другими торжественными церемониалами, «подорвет основную идею, которая лежит в основе этого своеобразного памятника, своеобразного музея», обеднит показ памятников ремесла и прикладного искусства, памятников роскоши и быта, а тем самым и раскрытие творческих сил народа. Поэтому, по мнению А. Л. Сидорова, нужно не уменьшать, а увеличивать число экспонатов, в частности необходимо передать Оружейной палате Алмазный фонд СССР, превратив его в один из отделов Палаты. Особое внимание А. Л. Сидоров уделил вопросу о немедленном издании серии путеводителей, рассчитанных на разные круги посетителей, как по отдельным разделам и коллекциям, так и по Палате в целом (лл. 38—41).

Выступления А. А. Губера, А. Б. Салтыкова, А. Л. Сидорова, М. Н. Тихомирова (текст которого публикуется ниже) и содержавшиеся в них оценки экспозиции Оружейной палаты, ее специфики и задач были поддержаны директором Института музееведения, деканом Истфака МГУ Г. А. Новицким, заведующими отделами ГИМа Т. Г. Гольдберг и М. М. Денисовой, заведующим отделом древнерусского искусства Третьяковской галереи Н. Е. Мневой. Подчеркивая специфику истории и коллекций Оружейной палаты, они отмечали недопустимость такой перестройки ее экспозиции, которая превратит Палату в отдел ГИМа, посвященный истории русского ремесла. Это неминуемо приведет к тому, что Оружейная палата потеряет свое лицо и превратится из хранилища мирового значения в рядовой музей. Н. Е. Мнева поставила, кроме этого, ряд вопросов, связанных с открытием для массового посещения кремлевских соборов, с показом фресок и экспозицией древнерусской иконописи в них (лл. 43—51).

На совещании были рассмотрены также важнейшие принципиальные вопросы работы музеев, недопустимости их унификации без учета истории создания музеев, складывания их фондов, их задач и места среди других музеев. Совещание единодушно пришло к заключению, что недопустимо «превращение Оружейной палаты в музей русского ремесла», или во что-то «напоминающее Исторический музей». Оценивая экспозицию Оружейной палаты и отмечая необходимость ее усовершенствования, участники совещания одновременно с этим подчеркнули, что «коренное изменение экспозиции разрушило бы все представления об Оружейной палате, как об особом, своеобразном музее, коллекции которого складывались исторически, параллельно с созданием и ростом Русского государства» (л. 65).

Заметим, что за годы, минувшие после данного совещания, практически осуществлены не только решение об экспозиции Оружейной палаты, но и о создании Ученого совета, выпуске путеводителей, передаче Палате Алмазного фонда, об экспозиции древнерусской живописи в кремлевских соборах. Не осуществлено пока лишь одно предложение совещания, горячо поддержанное его участниками,— о восстановлении Красного крыльца. Подводя итоги совещания генерал-лейтенант А. Я. Веденин сказал: «Восстанавливать его надо, оно играет исключительную роль в истории. Как только появится возможность..., то мы эту мечту осуществим обязательно...» (л. 55). Будем надеяться, что и эта мечта скоро сбудется.

Ниже публикуется стенограмма выступления М. Н. Тихомирова (лл. 41—42). Поскольку стенограмма не была выправлена М. Н. Тихомировым, то в нескольких случаях сделана необходимая стилистическая правка.

М. Т. Белявский.

М. Н. Тихомиров

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Я позволю себе начать со следующего. Музей — «Оружейная палата»— знаком мне уже 50 лет. Я должен согласиться с товарищами Салтыковым и Сидоровым в том, что основная идея Палаты выражается в самом названии: «Оружейная палата». Есть ли у нас другие музеи, которые называются Палатой? Это название XVII в., даже более раннего времени. Значит с XVII в., по крайней мере после «разорения» Кремля, а некоторые вещи еще раньше, накапливались эти богатства. И правильно, что всякий раз, когда Вы посетите Оружейную палату, у Вас останется впечатление колоссального богатства.

inslav

Я думаю, что стремление уменьшить это впечатление будет неправильно. Я с этими предложениями не согласен. Осмотреть музей все равно невозможно в один день. Вы можете уменьшить количество чепраков, но ни один историк не в состоянии не только в два часа, но и в 3—4 дня осмотреть все это. Я думаю, что здесь не надо делать ошибки, как-то разжижая этот музей, что-то изымая, потому что все это составляет часть исторического памятника и создает впечатление колоссального богатства и колоссальной заботы о собирании вещей. Это музей XVII в. И действительно обидно, когда он сравнивается с музеем в Нюрнберге. Это неуважение к собственному богатству. Зачем такое сравнение?

Что такое возки? Зайдите в Третьяковскую галерею, в Русский музей в Ленинграде, вы увидите их изображение на картинах наших художников. Эти возки взяты отсюда. Все эти материалы здесь, и когда говорят, что этот материал не нужен, то делают плохую услугу и художникам и писателям, ведь тов. Орешников сам связан с Большим театром. С этой стороны и надо подходить.

Это историческая коллекция сокровищ, которая не ставит перед собой и не должна ставить задач обычных музеев. Почему? Возьмите Исторический музей. Там чрезвычайно важны и соха, и курная изба. Так неужели вы курную избу поставите рядом с троном? Вы не достигните ни того, ни другого и не сможете этого сделать даже по размерам музея. Ведь помещение Исторического музея гораздо больше. Мне представляется, что этот вопрос совершенно ясен.

Другой вопрос — и я считаю его заслуживающим внимания,— в выступлении тов. Орешникова и тех товарищей, которые с ним были, это то, что действительно экспозиция музея требует значительного пересмотра, не везде она даже лучше сейчас по сравнению с тем, как было раньше.

Не так давно можно было хорошо посмотреть шлем Ярослава. Теперь его заслонили другие вещи, например, лошадь и другие второстепенные предметы. Здесь правы товарищи: нельзя заслонять то, что является чрезвычайно ценным. Я думаю, что эту экспозицию следует в отдельных вопросах пересмотреть. Но я не стал бы коронационные платья убирать. Это ведь история. Дадим возможность тем, кто после нас будет жить, посмотреть, каково было искусство в XVIII в. Был проект Баженова сломать Кремль и построить дворец. Может быть, Баженов гениальный архитектор, но благодарить мы его едва ли стали бы за это. И нам нельзя становиться на подобную позицию.

Надо издать путеводитель и выпустить краткий каталог наиболее ценных вещей. Каталоги раньше всегда существовали, и в Историческом музее были, а теперь их нет.

Я еще раз скажу, что не вижу необходимости пересматривать весь музей в целом. Он должен остаться сокровищницей. Всякое изменение и уменьшение богатства приведет к невыгодным результатам. Не забывайте, что Оружейная палата создавалась постепенно.

Архив Кремля, ф. 20, д. 1, лл. 41—42.

inslav

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1972 Г.

23 декабря 1971 г. состоялось пленарное заседание Археографической комиссии на тему: «Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства». С сообщениями о существующих видах информации и методах ее усовершенствования выступили: *В. А. Черных* (ЦГАЛИ), *С. В. Житомирская* (Отдел рукописей ГБЛ), *А. С. Мыльников* (Отдел рукописей и редких книг ГПБ), *Б. В. Левшин* (Архив АН СССР) [1].

Л. И. Арапова (Центральный музей революции СССР) подчеркнула, что поставленные проблемы волнуют и работников музеев. В значительной мере они будут решены с подготовкой и изданием Сводного каталога музейных фондов СССР, над которым начата работа. Музей располагает фондами и деятелей науки, литературы и искусства. При собирании материалов учитывается специфика музейной работы. Информация о таких материалах Музея пока не отражена в изданиях (имеются лишь внутренние каталоги — предметные и именные; начата подготовка печатных каталогов по разновидностям материалов; в плане — издание обзоров фондов, в том числе и личных). Музей поддерживает идею о продолжении информационного издания о личных архивных фондах и готов принять в нем деятельное участие.

А. В. Елпатьевский (ВНИИДАД), поддержав предложение – начиная с новых поступлений, создать систему информации на высоком уровне механизации, указал на ряд трудностей, которые встретятся в ходе этой работы. Элементы системы с точек зрения языковой, инженерной, теории информации придется разрабатывать не подготовленным в этом отношении сотрудникам хранилищ. Им придется не только приобрести новые знания, но и перестраивать свою психику, ибо применение электроники во многом не совмещается с традиционными установками, имевшимися в архивном деле и в библиотековедении (в частности, в области описания документов).

Т. Н. Долгорукова (ВНИИДАД) обратила внимание на необходимость общих усилий многих учреждений в разработке теоретических аспектов идеи создания Единой системы научно-справочного аппарата. К сожалению, Институт пока мало занимался вопросами информативных исследований по материалам личного происхождения. В пятилетнем плане намечена разработка структуры Единой системы научно-справочного аппарата в рамках государственного архивного фонда.

В начале выступления *И. В. Дистлер* (Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького) напомнила, что специфика Архива в том, что до недавнего времени он состоял в основном из одного фонда, отсюда и особенности его задач. Комплектование архива А. М. Горького продолжается до сих пор. Каждый документ хранится отдельно; в справочном аппарате Архива учитываются не только сами документы, но и вся проходящая по ним тематика, так что в этом отношении исследователи могут получить исчерпывающие сведения. В 1948 г. вышел первый том описания рукописей Архива (художественных, литературно-критических, публицистики), завершены дополнения к печатному изданию, предназначенные для внутреннего пользования. Издано 13 томов серии «Архив Горького». В числе других за последние годы получен и первично обработан очень крупный и важный фонд Е. П. Пешковой, первой жены писателя. И. В. Дистлер подчеркнула необходимость согласования между хранилищами вопросов обеспечения в справочных изданиях единообразия сведений о материалах, а также точности первичных описаний, ибо малейшая ошибка может повести к печальным последствиям.

Р. Ф. Хохлов (Дмитровский краеведческий музей) отметил, что перед музеями и небольшими архивами стоят не менее сложные задачи, чем перед ведущими хранилищами. Большинство их собраний полностью или частично не описаны; отсутствует методика их описания; не всегда обеспечены условия хранения материалов,

[1] Тексты сообщений см. на стр. 82—97 настоящего тома.

inslav

ощущается нехватка специалистов. В изданный двухтомник «Личные архивные фонды в хранилищах СССР» сведения о многих материалах небольших собраний не вошли, и это нужно учесть при продолжении справочника. Долг ведущих хранилищ — помочь небольшим собраниям во всех этих вопросах, в том числе и в вопросе информации, ибо имеющиеся на местах материалы того заслуживают. К сожалению, пока такая «помощь» в системе музеев по линии Министерства культуры СССР выражалась в так называемой централизации, а именно, в изъятии самых ценных материалов, что приводило к дроблению фондов. Еще больше распыляются книжные собрания (в Дмитровском музее они делились неоднократно). Между тем именно комплексы документальных и книжных собраний зачастую наиболее ценны для исследователей.

По мнению *С. В. Житомирской* (ОР ГБЛ), главное препятствие при заложении в ЭВМ описаний документальных материалов личного происхождения — многоаспектность их содержания, отсутствие схемы систематического раскрытия, аналитического описания. Сейчас следует пойти по пути упрощенной схемы: фонд обрабатывается (в ходе этого формируются и описываются единицы хранения); обложка индексируется по упрощенной схеме. В случае неудачи эксперимента можно начать с алфавитного именного каталога (имея в качестве образца достигнутое в издании книжных каталогов). При создании рабочей группы из сотрудников крупных хранилищ через год возможна закладка в ЭВМ описания новых поступлений или отдельных фондов для последующего обсуждения результатов. По поводу замечания Р. Ф. Хохлова С. В. Житомирская уточнила, что в издании «Личные архивные фонды» небольшие собрания оказались хуже всего представленными из-за отсутствия или крайне низкого уровня ответов на вопросы составителей местных сотрудников. Сама же рабочая группа не могла просмотреть все документы личного происхождения. Для третьего тома (есть надежда, что он будет не только продолжением, но и исправлением издания) на места разошлют памятку и анкеты, доступные работникам даже самых небольших собраний.

А. С. Мыльников (ОР ГПБ) остановился на положении в небольших музеях и библиотеках. Несмотря на оживление работы в связи с развитием краеведения, в целом по стране положение нетерпимое. ГПБ в этом году обратилась в Министерство культуры РСФСР с конкретными предложениями об улучшении работы библиотек республики с рукописями и старопечатными книгами. Они были рассмотрены и в основном приняты. ГПБ поручено выработать план мероприятий (имея в виду проведение в недалеком будущем всероссийского семинара по данной теме). В ГПБ создана проблемная комиссия (во главе с Н. Н. Розовым), разработавшая инструктивное письмо; оно в циркулярной форме разослано всем министрам автономных республик, управляющим краевыми и областными отделами культуры, руководителям музеев и библиотек. ГПБ планирует в 1972 г. 4—5 выездов на места для проверки состояния дела и оказания помощи. В принципе неправильно забирать из музеев и библиотек их материалы, если речь не идет о памятниках общенационального значения. Предполагается микрофильмирование наиболее ценных рукописей и тех старопечатных книг, которых нет в центральных хранилищах, для сосредоточения этих микрофильмов в ГПБ и в Исторической публичной библиотеке в Москве.

В заключение *С. О. Шмидт* отметил, что вопрос о системе информации не случайно вынесен на пленарное заседание Археографической комиссии, ибо он с каждым годом все больше волнует руководящие органы и научную общественность, заинтересованные в постановке этой работы на высоком уровне по всей стране. Вероятно, серьезную роль в этом должна играть Археографическая комиссия. Нужно добиться того, чтобы информационные издания становились доступными читателям. Но на это сил одной Археографической комиссии не хватит (может быть, Министерство культуры СССР по своей линии возьмет на себя финансирование подобных информационных изданий?). Целесообразно было бы помещать регулярную информацию о малотиражных справочных изданиях в журнале «Советские архивы», а в «Археографическом ежегоднике» печатать тематическую библиографию.

На заседаниях Археографической комиссии был заслушан ряд научных докладов.

12 января 1972 г. на совместном заседании с Сектором истории Франции Института всеобщей истории АН СССР состоялся доклад *В. М. Далина* «Материалы по истории общественного движения во Франции в советских архивах».

Докладчик кратко охарактеризовал фонды по всеобщей истории, хранящиеся в архивохранилищах СССР, в частности в коллекции Дубровского (ГПБ), а затем осветил результаты собственных изысканий.

Наиболее ценным архивным фондом, разработкой которого занимался В. М. Далин, является фонд великого революционера-коммуниста XVIII в. Гракха Бабефа (ЦПА ИМЛ). Фонд этот во второй половине 20-х годов был приобретен директором Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязановым и представляет исключительную ценность. Ни один из выдающихся деятелей Великой французской революции — ни Робеспьер, ни Марат, ни Дантон — не оставили личных фондов. Между тем в фонде Бабефа сохранилось огромное количество документов, начиная с писем к отцу 19-летнего юноши и до последних писем из Вандомской тюрьмы накануне казни. Докладчик первым из советских историков начал разработку этого фонда во второй половине 50-х годов, публикации документов из этого архива на французском и немецком языках привлекли большое внимание историков Великой французской ре-

inslav

волюции и исследователей истории социалистической мысли и содействовали появлению ряда новых исследований о Бабефе и бабувизме.

Другой ценной находкой явился архив Марка-Антуана Жюльена, известного французского революционера, прожившего долгую жизнь вплоть до 1848 г. (ЦПА ИМЛ). По совету известного французского историка Жоржа Буржена, семья Жюльена передала этот фонд тому же Д. Б. Рязанову. Еще юношей Жюльен принял активнейшее участие в великой революции, был доверенным лицом Робеспьера. Арестованный после 9 термидора, сблизился в тюрьме с Бабефом, принимал одно время участие в движении «равных», затем стал бонапартистом, был в Италии вместе с Наполеоном и затем издавал журнал «Энциклопедическое обозрение», пользовавшийся большим успехом и в России.

В. М. Далин использовал часть обширного архива, которая касалась деятельности Жюльена между 9 термидора и 18 брюмера. И эта работа привлекла внимание зарубежных историков, в частности американских.

Для истории французского синдикализма большой интерес представляет разработанный впервые докладчиком архив виднейшего деятеля французского профессионального движения Альфонса Мерргейма (ЦПА ИМЛ). Этот архив также был приобретен Д. Б. Рязановым в 1926 г., после смерти Мерргейма. Один из руководителей левого крыла французской Всеобщей конфедерации труда, Мерргейм в начале империалистической войны вплоть до Циммервальда, в котором он принял участие, играл большую положительную роль. Деятельность Мерргейма и до войны и в начале войны привлекала пристальное внимание В. И. Ленина, который одно время надеялся, что Мерргейм во Франции сыграет роль К. Либкнехта в Германии. В личном фонде Мерргейма были обнаружены две копировальные книги, содержавшие его конфиденциальную переписку — важный источник для характеристики борьбы течений во Всеобщей конфедерации труда.

Для истории французского синдикализма большую ценность представляет также переписка Джемса Гильома, обнаруженная в архиве П. А. Кропоткина (ЦГАОР СССР и РО ГБЛ). Ближайший сподвижник Бакунина, Гильом после почти 20-летнего перерыва в политической деятельности вернулся к ней в начале XX в. Его деятельность в этот период очень мало известна, и его письма проливают яркий свет на его связи с деятелями французского социализма и на его попытки, кажущиеся фантастическими, воссоздать в XX в. старый бакунистский Альянс.

Все эти находки, по мнению В. М. Далина, показывают, что в советских архивах можно обнаружить немало новых ценных документов для изучения истории Франции, ее революционного и социалистического движения.

Докладчик призвал наших молодых исследователей к настойчивым поискам, поскольку архивы всегда обещают новые и необычайно интересные открытия. В. М. Далин напомнил в этой связи об успешнейших архивных изысканиях И. В. Лучицкого и Е. В. Тарле.

Выступавший в прениях *Б. Г. Вебер* (Институт всеобщей истории АН СССР) обратил внимание на ряд фондов и материалов наших хранилищ, требующих опубликования: дипломатические документы периода Французской революции конца XVIII в. (еще до войны были подготовлены три тома, но по ряду причин не напечатаны); документы отношений России с Англией (опубликована их меньшая и не самая интересная часть); документы о создании 1-й Коалиции. Кроме того, до сих пор слабо изучены фонды крупных ученых (И. В. Лучицкого, Н. И. Кареева).

О. В. Орлик (Институт истории СССР АН СССР) отметила, что в наших архивах имеются важнейшие материалы, заслуживающие изучения. В архивах П. А. Вяземского, С. Д. Полторацкого, Н. И. и А. И. Тургеневых имеется много материалов (в том числе переписка), содержащих сведения о внутреннем положении России и Франции, сведения и оценки событий революционного движения во Франции 30—70-х годов XIX в. В них часты упоминания о М.-А. Жюльене. Мало использованы материалы С. Д. Полторацкого, относящиеся к Вольтеру (он много лет изучал жизнь и творчество Вольтера, вел записки, составил библиографию сочинений Вольтера, вышедших в России; последняя поможет уточнить вопрос о распространении их в России). Для изучения событий революционного движения во Франции представляет большой интерес Архив внешней политики России (фонд Российского посольства в Париже).

А. С. Кан (Институт всеобщей истории АН СССР) отметил большой интерес доклада не только для ученых, занимающихся историей Франции. В наших архивах находятся еще мало изученные документы, относящиеся к странам Северной Европы, в числе их материалы Делагарди, содержащие данные о напряженной политической ситуации в Швеции после Ништадтского мира (Научная библиотека Тартуского государственного университета); громадный комплекс материалов русских ведомств Великого княжества Финляндского (до сих пор использованы лишь имеющие отношение к вопросам экономики).

А. З. Манфред (Институт всеобщей истории АН СССР) напомнил о том, что недостаточность поисков и изучения материалов наших архивов нередко приводит к некоторому отставанию в отдельных областях от зарубежной науки. Так, французский ученый М. Кадо, несколько лет занимавшийся в наших архивах, издал фундаментальный труд «Россия в духовной жизни Франции. 1839—1856 гг.» [2] До сих пор

[2] *M. Cadot.* La Russie dans la vie Intellectuell française. 1839—1856. Paris, 1967.

inslav

существуют документальные пласты, совсем или почти совсем не тронутые исследователями: эмигрантские фонды (в частности, Митавский фонд, важный для изучения политической истории Европы в предреставрационный период, фонд Е. И. Трубецкой, отражающий многие области русско-французских связей, в том числе культурных и научных, фонд историка А. Рамбо и другие фонды. В заключение Манфред высказал пожелание, чтобы совместные мероприятия исследователей вопросов всеобщей истории и Археографической комиссии стали постоянными, с выработкой планов изучения документов и их публикации.

В заключение *С. О. Шмидт* отметил, что доклад В. М. Далина показал общие методические и практические проблемы, важные для совместной работы. Наряду со всем тем, о чем говорилось в докладе и выступлениях, было бы целесообразно подготовить для «Археографического ежегодника» обзор работ С. Д. Полторацкого, статьи о подготовке публикации фондов братьев Тургеневых, о работе наших ученых в архивах Швеции. Кроме того, Археографической комиссии очень важны сведения о том, какие труды и публикации, касающиеся вопросов всеобщей истории, уже подготовлены.

11 мая с докладом «„Записки" Патрика Гордона» выступил директор Центрального государственного военно-исторического архива *И. Г. Тишин.*

Докладчик охарактеризовал мемуары известного военного деятеля XVII в. шотландца Патрика Гордона, выдвинувшегося на службе в России, проследил историю изучения и публикации этих мемуаров.

Выступавший в прениях *Л. Г. Бескровный* (Институт истории СССР АН СССР) напомнил о том, что до сих пор попытки опубликовать «Записки» П. Гордона ограничивались частичным переводом и пересказом их содержания. Между тем этот интереснейший документ, важный в первую очередь для изучения вопросов социально-экономической истории России, заслуживает опубликования целиком. Данную публикацию надо включить в проект государственного плана публикаций исторических источников.

Л. А. Никифоров (Институт истории СССР АН СССР) отметил сложность вопроса публикации источника столь большого объема, указал на то, что некоторый опыт публикации такого рода документов имеет Институт военной истории.

М. Д. Рабинович (ГИМ) указал на необходимость тщательного текстологического анализа памятника. Даже беглое ознакомление с «Записками» создает впечатление, что это подлинник, но не везде выдержанный в форме поденных записей (по следам событий), с некоторыми позднейшими добавлениями. То же можно предположить и относительно преамбулы «Записок» (вряд ли сравнительно молодой человек мог ясно представлять себе весь диапазон своей последующей многолетней деятельности. Вероятно, это было написано гораздо позже, уже человеком, умудренным жизненным опытом).

Е. П. Подъяпольская (Институт истории СССР АН СССР) отметила большое значение обнаружения всех частей русского перевода «Записок» П. Гордона. Опубликовать «Записки» П. Гордона в нашей стране — дело чести советских историков.

Е. М. Добрушкин (ЦГАДА) указал на значение «Записок» П. Гордона и для изучения допетровского времени, когда были созданы предпосылки последующих реформ. Отсутствие издания затрудняет работу исследователей. Кроме того, без него труден источниковедческий анализ «Записок», в том числе проверка данных П. Гордона по другим документам.

Л. Б. Леонидов (ЦГАДА) поддержал положения, высказанные в выступлениях Е. П. Подъяпольской и Е. М. Добрушкина.

В. К. Головников (Институт научной информации по общественным наукам АН СССР) отметил необходимость унификации всех имеющихся переводов, сверки их с подлинником, составления единой научной редакции предполагаемого издания.

А. И. Агеев (Институт военной истории МО СССР) подчеркнул, что военные историки поддерживают предложение о скорейшем издании «Записок» П. Гордона. Институт со своей стороны окажет содействие их изданию типографским способом. Важно достигнуть договоренности в этом вопросе между Институтом военной истории и АН СССР.

С. О. Шмидт отметил важность научных контактов между архивами и учреждениями АН СССР; поддержал мнение о необходимости публикации «Записок» Патрика Гордона.

26 октября состоялось пленарное заседание Археографической комиссии[3]. Его темой было обсуждение доклада начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Президента Международного совета архивов *Ф. И. Долгих* «К итогам VII Международного конгресса архивов»[4].

Во вступительном слове *С. О. Шмидт* отметил большое научное и общественно-политическое значение самого факта созыва Международного конгресса архивов в столице социалистической страны, а также высокий уровень его организации. Все

---

[3] Хроникальное сообщение о данном заседании см.: *Т. Г. Воробьева.* В Археографической комиссии АН СССР (об итогах VII Международного конгресса архивов).— «Советские архивы», 1973, № 1, стр. 45—47.

[4] Текст доклада см. на стр. 5—13 настоящего тома.

inslav

это явилось демонстрацией торжества ленинских принципов архивного строительства, в соответствии с которыми архивное дело признано делом государственным, документальные богатства — народным достоянием, а научная работа в архивах — одной из форм научно-исследовательской работы. Очень важно, что возможность принять участие в работе конгресса была предоставлена Академии наук СССР, другим научно-исследовательским учреждениям страны, вузам. Выступления советских представителей на конгрессе вызвали большой интерес.

С. О. Шмидт информировал о том, что на Бюро Отделения истории АН СССР обсуждалось сообщение Ф. И. Долгих об итогах Конгресса архивов. Принимавшие участие в прениях отмечали важность совместной работы архивов и учреждений АН СССР. В Постановлении Бюро была одобрена деятельность Археографической комиссии и институтов Отделения в связи с подготовкой и проведением VII Международного конгресса архивов. Была образована Комиссия для разработки конкретного плана мероприятий и научных исследований в области археографии и других специальных исторических дисциплин, а также перспективного плана научных публикаций документов. Таким образом, данное заседание в какой-то мере можно считать и началом работы Комиссии.

Н. Б. Волкова (ЦГАЛИ) отметила, что ряд факторов, в том числе рекомендации Конгресса, позволят расширить международные связи для получения копий документальных материалов из зарубежных стран. Однако требуется помощь наших ученых, ибо до сих пор мы мало осведомлены о том, какие материалы их интересуют и в каких зарубежных хранилищах, по их сведениям, они находятся. ЦГАЛИ и другим хранилищам, имеющим материалы литературы и искусства, была бы полезной помощь ученых в создании научно-справочного аппарата, в частности тематических каталогов. Кроме того, необходимы координация усилий при подготовке сборников документов, дальнейшее расширение деятельности межведомственного Совета по работе с материалами личного происхождения при ГАУ.

В. А. Дьяков (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) остановился на вопросах использования документальных материалов для нужд общественных наук, в частности на неотложности издания путеводителей, отражающих современный состав хотя бы центральных архивохранилищ, создания разного рода тематических и пофондовых справочников, более широкого использования, кроме ЭВМ, множительной техники и аппаратов для чтения микрофильмов. Требует совершенствования область сотрудничества с архивистами и историками социалистических стран, организация совместных публикаций документов, контакты по обмену микрофильмами и получению информации о местонахождении материалов, интересующих наших ученых, и т. д.

Н. А. Соболева (Институт истории СССР АН СССР) охарактеризовала уровень и широту диапазона сфрагистических исследований за рубежом и основные моменты развития сфрагистики в СССР. При значительных достижениях в исследовании древнерусских печатей, обнаруженных главным образом при раскопках (труды Н. П. Лихачева, В. Л. Янина и др.), гораздо меньше сделано в области изучения оттисков печатей, преимущественно на воске. Они пока больше используются лишь для внешней критики источников; еще не осознана необходимость специальных исследований и создания методики изучения поздних материалов (XVI—XIX вв.). Постановка занятий сфрагистикой на серьезную методическую основу невозможна без координирующего центра, вопрос о создании которого давно назрел.

Л. Г. Бескровный (Институт истории СССР АН СССР) остановился на двух вопросах: о перспективном плане публикаций документов и состоянии картографических источников. Публикация документов, помимо специально-научного назначения, есть форма идейного влияния на мировую науку, форма идеологической борьбы с фальсификаторами истории нашей страны. Однако положение с публикациями остается нетерпимым. Не учитывается, что в основу государственного перспективного плана должен быть положен научный подход, на отбор документов часто влияет инициатива отдельных работников, конъюнктура. Состоянию картографических источников большое внимание было уделено на Первом Всесоюзном совещании по исторической географии в Москве (9—12 ноября 1972 г.). Еще не разработаны правила хранения этих материалов; в ряде архивов они не описаны; отсутствуют каталоги. Между тем это первоисточник, несущий многостороннюю информацию, в том числе по проблемам социально-экономического плана, для освещения процессов формирования нашей государственной территории и т. д.

А. О. Кардаш (Университет дружбы народов им. П. Лумумбы) напомнила о том, что это учебное заведение готовит специалистов для стран Азии, Африки, Латинской Америки, архивам которых было уделено большое внимание на конгрессе. В Университете читаются курсы по архивоведению, источниковедению и специальным историческим дисциплинам. Много помогают центральные архивы (например, очень полезными были выступления перед студентами М. И. Автократовой, В. Р. Копылова, А. М. Михайловой, В. А. Черных). Однако контакты с ГАУ еще недостаточны. В частности, Университет нуждается в учебных пособиях, в чем ГАУ и другие архивные учреждения могли бы оказать ему существенную помощь.

М. С. Селезнев (МГИАИ) подчеркнул необходимость изучения теории и практики архивного дела за рубежом в целях ознакомления с опытом зарубежного архивове-

inslav

дения и критики методологических концепций буржуазных архивистов. Институтом издан ряд учебных пособий и трудов (И. Л. Маяковского, Н. В. Брюстовской); готовятся еще труды (Н. А. Ковальчук) и курс лекций (Г. И. Королева). Но следует признать, что сделано еще далеко не достаточно. Нужно объединить усилия МГИАИ, ВНИИДАДа, Археографической комиссии для создания фундаментальных трудов (к сожалению, ВНИИДАД не издал пока ни одной работы по теории и практике архивного дела в зарубежных странах). Определенный вклад могут внести журнал «Советские архивы» и «Археографический ежегодник» (пока такие материалы там редки и носят описательный характер); совместными усилиями эти недостатки можно устранить.

Б. В. Левшин (Архив АН СССР) отметил значение Конгресса для архивистов Академии наук СССР, ибо, несмотря на значительную специфику документации, архивы АН СССР работают в тесном контакте с ГАУ, руководствуясь в своей деятельности едиными методологическими принципами советского архивоведения. На конгрессе архивисты АН СССР и академий наук социалистических стран имели возможность обсудить ряд насущных для них вопросов: единства многих проблем у архивов академий наук и архивов литературы и искусства (комплектование их творческими материалами); особенности материалов, связанных с наукой, и т. д. Многому способствует содружество с архивами академий наук социалистических стран (уже проведены три совместные конференции; в рамках конгресса Архив АН СССР организовал внеочередную встречу со своими коллегами).

М. Т. Белявский (МГУ) подчеркнул важность всестороннего сотрудничества ученых и архивов. В частности, вопрос научно-технического оснащения архивов перерастает вспомогательные рамки — от его решения зависят как реализация всех усилий архивистов, так и высвобождение основного времени исследователей на анализ документов. К сожалению, прекратилось издание совместно с архивами учебных изданий. Беспокоят вопросы подготовки кадров архивистов. Нигде не готовятся музееведы, а Институт музееведения превращен в Институт культуры. Всемерному укреплению контактов ученых и архивистов должно способствовать точное их освещение в печати. В этом плане не может служить примером информация журнала «Советские архивы» об обсуждении «Археографических ежегодников» в Московском государственном историко-архивном институте.

С. В. Житомирская (ГБЛ) обратила внимание на то, что архивисты еще недостаточно используют наши возможности, когда все учреждения, хранилища руководствуются общими принципами и практикой. Большую роль сыграл и сыграет в будущем межведомственный Совет, созданный в свое время ГАУ для координации приобретения документальных материалов в собственность государства. Возобновление работы Совета, придание ему нового статуса для решения вопросов организационных, общей методики, планирования совместных научных исследований и публикаций превратит его в единый методический центр для всех архивохранилищ страны. Для своевременной и полной информации нужно создать при ГАУ или ВНИИДАДе информационный центр (какие имеют все отрасли производства) с задачами систематического отбора литературы и издания реферативного журнала.

К. И. Рудельсон (ВНИИДАД) отметила необходимость более глубокой связи теоретических исследований с практической деятельностью государственных архивов, в том числе областных. Уже многое делается для создания в них научных групп с целью обобщения опыта работы и развития теории архивоведения. Деятельности таких групп нужно всячески способствовать. Мало еще обобщается зарубежный опыт. Сектор научной информации ВНИИДАДа — пока единственный орган, осуществляющий это непосредственно по опубликованным трудам. Значительный материал дают изданные указатели литературы, аннотации, частичные переводы и обобщенные изложения трудов. Целесообразно было бы перевести каталоги на механические основы (подобно центральному каталогу ГАУ) для создания широкого круга архивных справочников.

Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) подчеркнула, что при всей важности новейших достижений науки и техники положение с древнейшим рукописным наследием таково, что нуждается в выполнении хотя бы элементарных правил хранения и описания. Кадры архивов, музеев, библиотек в своем большинстве не могут обеспечить даже этого; часто не знают об имеющихся рукописях, их научной ценности, степени использованности нашими учеными. Требует усовершенствования и система заказов исследователями микрофильмов рукописей.

И. Ф. Гиндин (Институт истории СССР АН СССР) посвятил свое выступление вопросам улучшения подготовки кадров архивистов в вузах, развития научно-исследовательской работы сотрудников архивов.

А. В. Елпатьевский (ВНИИДАД) отметил, что по сравнению с прошлым задачи и специфика архивоведения осознаются шире: обслуживание потребностей не только исторической науки, но и государственной деятельности, управления в целом и т. д. Конгресс подтвердил наличие двух важных направлений, где сотрудничество архивистов и историков наиболее плодотворно: определение состава архивного фонда и создание научно-справочного аппарата; организация информации о составе и содержании документов государственного архивного фонда. Сейчас наметилось укрепление научных контактов ВНИИДАДа с историческими учреждениями и отдельными

inslav

историками (полезность опыта в области экспертизы документов). Информационный отраслевой центр (Отдел научно-технической информации) существует при ВНИИДАДе; он работает по нормативным документам ГАУ и Госкомитета по науке и технике; издает соответствующие документы и сведения об издающейся научной литературе. Положение о ВНИИДАДе не предусматривает работу в области обобщения опыта организации архивного дела в СССР и за рубежом. Однако такая работа ведется, и, видимо, назрела необходимость включить ее в Положение о ВНИИДАДе.

Б. Г. Литвак (Институт истории СССР АН СССР) указал на наличие больших возможностей сотрудничества работников научно-исследовательских институтов с ГАУ и ВНИИДАДом для решения насущных вопросов архивной практики. Опыт ВНИИДАДа по экспертизе — крупный шаг вперед в теоретическом осмыслении проблем комплектования. Сектор источниковедения Института истории СССР и Археографическая комиссия пытаются пойти навстречу задачам архивоведения с другой стороны: изучать вопрос об источниковедении массовой документации XVIII—XIX вв. В наши дни боязнь применения кибернетики — пережиток. Можно формализовать массовый материал, его основное содержание, основную ценность по давно известному архивоведению и археографии способу регеста. Эту проблему следует изучать по каждому виду источников, разрабатывать соответствующие методики. Не менее важен научный подход к публикации массовой документации.

М. М. Курантов (МГИАИ) подчеркнул, что вопросы подготовки историков-архивистов давно волнуют работников МГИАИ. В результате обсуждений на партийных собраниях, заседаниях Ученого совета был выработан новый учебный план, недавно одобренный Министерством. Он предусматривает подготовку архивистов широкого профиля с учетом новейших требований. Для этого, в частности, создана новая кафедра — механизации и автоматизации делопроизводства. Коллектив преподавателей занят сейчас разработкой модели историка-архивиста 1980 г.

Ф. И. Долгих выразил удовлетворение тем, что на заседании было высказано много деловых, очень интересных предложений, требующих серьезного осмысления. Затем Ф. И. Долгих кратко остановился на ряде первоочередных задач: развитии вопросов теории архивоведения путем создания капитальных трудов; практических мерах по улучшению архивной работы в целом с учетом достижений современной науки и техники; связи архивоведения с «большой наукой»; улучшении подбора кадров, их квалификации, активном изучении зарубежного опыта не только с точки зрения обогащения архивного дела, но и теории (при обязательности строгого отбора действительно полезного); воспитании чувства ответственности за сохранение культурных богатств нашей страны.

В заключительном слове *С. О. Шмидт* еще раз выразил благодарность организаторам конгресса. Он отметил необходимость разработки программы координации деятельности архивов и других научных учреждений страны. Это имеет очень большое значение как для исследователей-историков, так и для работников архивов, в общем деле выявления, обработки, описания, публикации и использования документальных материалов.

3 ноября состоялся доклад профессора Софийского университета им. Климента Охридского *К. Куева* «История южнославянской рукописной книги XI—XIX веков». В начале доклада К. Куев напомнил о связи начала болгарской литературы с созданием первой славянской азбуки; о возникновении в Болгарии (конец IX в.) двух центров болгарской литературы: в столице Преславе и в г. Охриде; о работе в них выдающихся писателей: Климента Охридского, Черноризца Храбра, Иоанна Экзарха, Константина Преславского.

Последним из них было составлено знаменитое «Учительное Евангелие» — первый сборник в славянской литературе. Известно три списка: 1) старейший — в Москве (ГИМ, Синод. собр., № 262); в Ленинграде (ГПБ, Гильф., 4), был найден Гильфердингом в 1857 г. в Дечанском монастыре; 3) в Вене (Национальная библиотека) — южнославянской редакции. Есть известие, что был список в Национальной библиотеке в Белграде, но после войны его судьба неизвестна. На русской почве «Учительное Евангелие» было не очень популярным. Но с XII в. памятник начинает распадаться на составные части, одна из которых «Азбучная молитва» приобрела на Руси огромную популярность (К. Куеву известны 37 списков, причем все русской редакции). Сложен вопрос об авторстве молитвы. Ряд ученых считает им Константина Философа. Однако в списке ГИМа автором назван именно Константин Преславский.

В советских хранилищах находятся многочисленные списки чрезвычайно популярного на Руси болгарского памятника.— «О письменах» Черноризца Храбра (77 списков; лишь три хранятся на Афоне: один молдавский и два сербских). Многие авторы цитировали Храбра, например в «Житии» Стефана Пермского по поводу защиты пермской азбуки.

Третий, весьма популярный на Руси писатель — Иоанн Экзарх. Но, пожалуй, наиболее популярный на Руси писатель — Климент Охридский (в советских хранилищах очень много списков его произведений). В 1840 г. В. М. Ундольский в прямом смысле слова открыл этого писателя; ему же принадлежит лучшее до сих пор исследование о нем. В 1966 г. в связи со 1050-летием со дня смерти Климента Охридского Болгарская Академия наук решила издать его произведения. Уже вышел в свет первый том (сочинения, несомненно принадлежащие писателю), еще раз подтвердив-

inslav

ний чрезвычайную распространенность их на Руси. К. Куев обнаружил в советских хранилищах около 200 списков «Слова об архангелах Михаиле и Гаврииле». Сейчас готовится к изданию второй том, куда войдут сочинения, приписываемые Клименту. К. Куеву известны в наших хранилищах 200 Прологов, и почти в каждом из них имеется «Поучение о страннолюбии», которое, по мнению ученых, несомненно принадлежит Клименту Охридскому.

Был известен на Руси и презвитер Козьма. Сейчас Ю. К. Бегунов издает в Болгарии книгу, где учтено 15 полных списков его произведения. К. Куев обнаружил в зарубежных хранилищах лишь один список и тоже русской редакции (Белград).

Из сказанного можно видеть, сколь важно, занимаясь изучением древнеболгарской литературы и вопросов взаимовлияния славянских литератур, вести поиски и исследования в советских архивохранилищах.

По мнению К. Куева, говоря о времени и путях проникновения в Россию памятников болгарской литературы, следует особо отметить два периода. Первый период — с начала X в. Часть рукописей могла попасть на Русь уже в середине X в., когда князь Святослав овладел столицей Болгарии. В частности, это относится к Изборнику Святослава 1073 г., содержащему в том числе Похвалу князю (древнерусский список 1073 г. представляет собой копию с южнославянского оригинала). И, действительно, в 1847 г. С. П. Шевырев обнаружил в Кирилло-Белозерском монастыре список того же сборника, где вместо имени Святослава значилось имя царя Симеона. Стихотворная похвала не получила на Руси распространения, но сам сборник неоднократно переписывался. Второй период относится к XIV—XV вв. Это так называемое второе южнославянское влияние на русскую литературу. Кроме того, значительная часть рукописей попала в Россию в результате поездок русских ученых в славянские страны в XIX в., которые нашли и сохранили для нас сокровища болгарской литературы.

Е. А. Василевская (Московский полиграфический институт) высказала предположение, что еще до похода князя Святослава (970—971 гг.) между Болгарией и Русью могли существовать культурные связи, в результате которых памятники болгарской литературы проникали на Русь.

Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) отметила большую роль русских ученых (начиная с 20-х годов XIX в.) в изучении староболгарской письменности и литературы, русско-болгарских связей; значительный вклад в изучение данных проблем современных болгарских ученых К. Куева, Б. Ангелова, Х. Кодова и многих других. Л. П. Жуковская обратила внимание на то, что, наряду с продолжением изучения списков русской редакции, имеющихся в советских хранилищах, с точки зрения истории болгарской литературы, лингвисты обязаны заняться ими как и памятниками русского языка. Так, Г. С. Баранковой в результате исследования списков Слова Иоанна Экзарха (30 списков, хранящихся в ГИМ, ГБЛ и ГПБ) удалось выявить среди них пять ветвей, причем, кроме одной сербской (1263 г.), все остальные — русские. Каждой из ветвей свойственна своя лексика. Если попытаться выделить свойственные этим группам лексики признаки, а также признаки общеславянские, то оставшееся, видимо, составит лексический словарь самого Иоанна Экзарха. В одном из списков «Азбучной молитвы» (из бывшего собрания Троице-Сергиевой лавры) она приписана Кириллу Туровскому. Может быть, этим и объясняется ее популярность в России.

О. А. Князевская (Археографическая комиссия) указала на необходимость проследить судьбу памятников болгарской литературы на русской почве, исследовать известные науке списки с учетом русских наслоений.

Е. В. Чешко (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) отметила необходимость использовать и в дальнейшем уже имеющийся большой опыт совместной работы ученых нашей страны и Болгарии по изучению и изданию памятников староболгарской письменности. Целесообразно, чтобы Археографическая комиссия взяла бы на себя инициативу установления еще более тесных научных связей в этой области.

О. И. Подобедова (Институт истории искусств Министерства культуры СССР) обратила внимание на тесную связь и влияние памятников древней письменности на развитие византийской и русской иконографии.

В заключительном слове *С. О. Шмидт* еще раз подчеркнул важность развития научных связей в области изучения памятников древней письменности, совершенствования системы их поисков, скорейшей публикации уникальных рукописей. С. О. Шмидт от имени присутствовавших на заседании выразил глубокую признательность научным учреждениям, ученым Болгарии и лично К. Куеву за проделанную ими огромную работу; отметил ее важность с точки зрения методики археографии.

28 декабря состоялось пленарное заседание Археографической комиссии. Были заслушаны доклады *Ю. И. Кораблева* (Институт истории СССР АН СССР) «Деятельность Института истории СССР АН СССР в области изучения и издания документов по истории образования СССР», *Л. И. Панина* (Научно-издательский отдел Главархива СССР) «Деятельность архивных учреждений по изданию документов о претворении в жизнь ленинской национальной политики», *Т. В. Батаевой* (Университет

inslav

дружбы народов им. П. Лумумбы) «История образования СССР в тематических документальных публикациях» [5].

В докладе Ю. И. Кораблева подробно охарактеризована работа по подготовке документальных сборников, изданных к 50-летию образования СССР.

Л. И. Панин рассказал об многообразной работе архивных учреждений страны в предшествующие годы и в связи с приближающимся 50-летием образования СССР по введению в научный оборот больших комплексов документальных материалов, освещающих претворение в жизнь ленинской национальной политики. В то же время докладчик отметил аспекты проблемы в целом и отдельные вопросы, нуждающиеся в более глубоком изучении и освещении в публикациях: национально-государственного строительства в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.) и в период социализма и строительства коммунизма (1936—1966 гг.). В докладе были охарактеризованы издания документальных материалов, подготовленных к юбилею, а также посвященные национальному строительству в отдельных национальных республиках и областях.

Ю. И. Кораблев и Л. И. Панин особо отметили плодотворность совместной работы научных сотрудников партийных и государственных архивов и научно-исследовательских учреждений в деле выявления документов и подготовке их к печати.

Выступая в прениях, *Д. А. Чугаев* отметил, что материалы, приведенные в докладах, убедительно показали, как благодаря подготовке кадров в союзных республиках возрос уровень публикации документов. Уже нет необходимости готовить сборники документов по национально-государственному строительству, ввиду того что их издано достаточно. А вот сборников документов, отражающих образование новой исторической общности советского народа, пока еще нет и их необходимо готовить. Надо продолжить подготовку серий документов по индустриализации и коллективизации; было бы также целесообразно издать сборник материалов о связях народов СССР с русским народом.

Д. М. Эпштейн (МГИАИ) отметила несомненный рост советской археографической школы, повышение уровня отбора документов для сборников и передачи текстов. Однако еще имеется ряд недочетов. Составители сборников иногда проявляют излишнюю опеку: делают вставки в тексты, подписи на документах не всегда передаются в соответствии с существующими правилами публикации, нередко злоупотребления отточиями, неполнота текстуальных примечаний и т. д. При переработке существующих правил издания документов необходима консолидация теоретических сил археографов.

В. М. Хевролина (МГИАИ) поддержала идею подготовки сборников документов по национально-государственному строительству, по национальным автономиям. Уже вышедшие сборники очень различны по своему качеству. Необходимо обратить внимание на существующий разнобой в выборе текстов источников.

В заключительном слове *С. О. Шмидт*, говоря о важности вопросов, поставленных в докладах, подчеркнул необходимость подготовить статьи об опыте и перспективах серийных публикаций, о сравнительном анализе сборников, изданных в центре и на местах. С. О. Шмидт отметил, что заседание, носившее очень деловой характер, несомненно, поможет наметить четкие перспективы работы Археографической комиссии, в том числе координации с другими учреждениями.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ЕЕ ОТДЕЛЕНИЙ

«Древнерусское искусство. Рукописная книга». Редколлегия В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова, С. О. Шмидт. Редакторы и составители тома О. И. Подобедова, Г. В. Попов. М., 1972, 368 стр. Издание предпринято совместно с Институтом истории искусств Министерства культуры СССР. В сборник вошли в основном материалы научной конференции, посвященной проблемам изучения средневековой рукописной книги, организованной Сектором истории древнерусского искусства Института истории искусств Министерства культуры СССР в мае 1969 г.

В составе книги: От редакции. Статьи: *О. И. Подобедова.* Некоторые проблемы изучения рукописной книги; *Н. Н. Розов.* Искусство книги древней Руси и библиография (по новгородско-псковским материалам); *Б. Н. Флоря.* О реконструкции состава древнерусских библиотек; *М. В. Щепкина.* О происхождении Успенского сборника; *В. Б. Гиршберг.* «Козѣльрогъ» в Изборнике Святослава 1073 года; *Г. И. Вздорнов.* Рисунки на полях Типографского Устава; *О. С. Попова.* Новгородская миниатюра раннего XV века и ее связь с палеологовским искусством; *Г. И. Вздорнов.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV века; *А. В. Рындина.* Оклад Евангелия Симеона Ивановича Гордого; *Б. Л. Фонкич.* Греческая рукопись митрополита Фотия; *Л. В. Бетин.* Псковская миниатюра 1463 года и некоторые проблемы псковской живописи середины XV века; *В. А. Кучкин.* О времени написания Буслаевской Псалтири; *Г. В. Попов.* Орнаментация рукописи 1499 года из московского Успенского

[5] Текст доклада Т. В. Батаевой см. на стр. 14—24 настоящего тома.

inslav

собора; *Н. В. Розанова.* Об одной группе миниатюр первой четверти XVI века; *Г. В. Попов.* Дионисий и московская миниатюра (иллюстрация Лествицы в рукописи Герасима Замыцкого — памятник белозерского периода деятельности артели художника); *Н. В. Синицына.* Книжный мастер Михаил Медоварцев; *Б. М. Клосс.* Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х — 30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи; *В. П. Гребенюк.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери». Список иллюстраций.

Северное отделение Археографической комиссии выпустило в свет **«Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Северный археографический сборник»**, вып. 2. Вологда, 1972, 484 стр. Главная редколлегия: П. А. Колесников (главный редактор), А. С. Бланк, А. Н. Безносиков, Ю. С. Васильев, Т. А. Воропанова, В. А. Дмитриева, М. П. Дмитриков, В. М. Малков, Н. Е. Носов, В. Б. Павлов-Сильванский, Ф. И. Резников, Г. Г. Фруменков, А. З. Цинман, С. О. Шмидт. Редколлегия сборника: П. А. Колесников (редактор-составитель), Ю. С. Васильев, А. И. Копанев, В. М. Малков, В. Б. Павлов-Сильванский.

Содержание[6]: Введение. I. Вологодский уезд. 1. Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг. (*Н. И. Федышин*). 2. Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда 1588—1589 гг. (*Ю. С. Васильев*). II. Белозерский уезд. 3. Сотная на владения Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г. (*Л. С. Прокофьева*). III. Двинский уезд. 4. Сотная на владения Михайловского Архангельского монастыря 1552—1554 гг. (*А. И. Копанев*). 5. Сотные грамоты Антониеву Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. (*А. А. Амосов*). 6. Сотная 1587—1588 гг. на владения Корельского монастыря (*А. И. Копанев*). 7. Выпись из писцовых книг 1587—1588 гг. на владения приходских церквей в Андреянове стане Двинского уезда (*Ю. С. Васильев*). 8. Сотная на вотчину Я. А. Емецкого 1587 г. (*А. И. Копанев*). 9. Сотная на Калеский стан Двинского уезда 1586—1587 гг. (*Ю. С. Васильев*). IV. Каргопольский уезд. 10. Платежная книга Каргопольского уезда 1555—1556 гг. (группа студентов под руководством П. А. Колесникова). 11. Сотная на Каргополь 1561—1564 гг. (*А. И. Копанев*). 12. Сотные на волости Каргопольского уезда 1561—1562 гг. (*Ю. С. Васильев*). 13. Отрывок сотной на погост на устье реки Золотицы 1561 г. (*И. З. Либерзон*). 14. Сотная на Водлозерскую волость 1568—1569 гг. (*Ю. С. Васильев*).

В. Б. Павлов-Сильванский.

---

[6] В скобках указаны фамилии ученых, подготовивших документы к печати.

inslav

ОБСУЖДЕНИЕ «АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКОВ» ЗА 1968—1972 ГГ.

3 марта состоялось расширенное заседание кафедры археографии Московского государственного историко-архивного института с повесткой дня: «Вопросы публикации источников и архивоведения в «Археографических ежегодниках». Обсуждение было организовано по инициативе кафедры и развернуто на основе доклада члена кафедры *В. М. Хевролиной* (доклад касался содержания «Археографических ежегодников» за 1968, 1969, 1970 гг. и изданий Отделений Археографической комиссии — Ленинградского, Северного, Уральского). Выступили: *Д. М. Эпштейн, В. П. Иванов, Е. А. Луцкий, П. П. Ковалев, А. Д. Степанский, Н. А. Орлова, М. Н. Черноморский, А. П. Звягинцева, Л. Г. Сырченко* (МГИАИ), *В. А. Черных* (ЦГАЛИ), *И. П. Козлитин* (МГИАИ), *Л. Я. Сает* (ЦГВИА), *М. Т. Белявский* (МГУ), *Г. И. Королев* (МГИАИ), *С. О. Шмидт* (Археографическая комиссия), *М. С. Селезнев* (МГИАИ) [1].

28 апреля Ленинградское отделение Археографической комиссии провело читательскую конференцию с участием сотрудников научно-исследовательских институтов, архивов, библиотек с целью обсуждения трех выпусков «Археографического ежегодника» (за 1968, 1969, 1970 гг.) и перспектив дальнейшей работы Археографической комиссии. Перед участниками конференции с информационным сообщением о деятельности редколлегии «Археографического ежегодника» в 1967—1971 гг. и перспективах издания выступил *С. О. Шмидт*. В обсуждении приняли участие: *И. П. Шаскольский* (ЛОИИ СССР), акад. *Д. С. Лихачев* (ИРЛИ), *И. Ф. Петровская* (Институт театра, музыки и кинематографии), *Л. А. Дмитриев* (ИРЛИ), *Н. А. Мальцева* (ЦГИА СССР), *Н. Е. Носов, Л. Е. Шепелев, А. И. Копанев* (ЛОИИ СССР), *М. В. Кукушкина* (РО БАН), *А. С. Мыльников* (РО ГПБ), *Р. Г. Скрынников* (ЛГПИ) [2].

7 мая в Киеве состоялось заседание Археографической комиссии АН УССР с участием представителей Института археологии, Института искусствоведения, фольклора и этнографии и Института истории АН УССР, Архивного управления при Совете Министров УССР, Киевского, Львовского, Харьковского, Одесского, Днепропетровского государственных университетов, Государственной Публичной библиотеки АН УССР. В числе рассматриваемых вопросов было обсуждение трех выпусков «Археографических ежегодников» за 1968, 1969, 1970 гг. (на основе сообщения *С. О. Шмидта)*. Замечания о содержании «Археографического ежегодника» высказали *В. Г. Сарбей* (Институт истории АН УССР), *В. И. Стрельский* (КГУ), *В. В. Кузьменко* (ЦГАОР УССР) [3].

Участники всех обсуждений дали в целом высокую оценку «Археографическим ежегодникам», а также изданиям Отделений Археографической комиссии. Акад. *Д. С. Лихачев* назвал «Ежегодник» «главным и руководящим органом в области археографии», отметил его авторитет в кругах исследователей, завоеванный правильной практикой предоставлять свои страницы представителям различных археографических школ и центров.

Жизнеспособность, авторитетность АЕ, его большое научно-организационное значение, его существенный вклад в развитие источниковедения, археографии и архивоведения отмечали: *М. В. Кукушкина, Е. А. Луцкий, А. С. Мыльников, Л. Я. Сает, В. Г. Сарбей, М. С. Селезнев, А. Д. Степанский, В. И. Стрельский, В. М. Хевролина, В. А. Черных, Д. М. Эпштейн* и другие. Было отмечено значение АЕ как настольной книги для преподавателей специальных исторических дисциплин в вузах (*Р. Г. Скрынников, Д. М. Эпштейн)*.

Указывалось, что в авторском составе АЕ квалифицированные силы источниковедов, археографов, архивистов умело и удачно сочетаются с научной молодежью (аспирантами, начинающими работниками архивов, студентами), что соблюдается

---

[1] *В. В. Сорокин.* Заседание кафедры археографии МГИАИ.— «Советские архивы», 1972, № 4, стр. 124—125.

[2] *В. Г. Чернуха.* В Ленинградском отделении Археографической комиссии.— «Советские архивы», 1972, № 5, стр. 124—126.

[3] *П. С. Дышлевой, О. Д. Кузьминская.* В Археографической комиссии АН УССР.— «Советские архивы», 1972, № 6, стр. 112—113.

inslav

высокая требовательность к научному уровню статей и остальных публикаций (*Е. А. Луцкий, В. М. Хевролина*).

Была подчеркнута актуальность тематики АЕ, высокий археографический уровень работ о В. И. Ленине (*Д. С. Лихачев, В. М. Хевролина, Л. Е. Шепелев*); нарастание внимания к собственно археографической тематике, к теории и методике архивоведения (*А. И. Копанев, В. В. Кузьменко, В. А. Черных*). Удачными были признаны статьи, посвященные деятельности М. Н. Тихомирова, В. Н. Перетца, Б. Б. Кафенгауза и других крупнейших представителей советской археографии (*Д. С. Лихачев, В. Г. Сарбей*).

Многие выступавшие (*Д. С. Лихачев, М. В. Кукушкина, А. И. Копанев, Е. А. Луцкий, В. М. Хевролина, Д. М. Эпштейн*) особо указывали на ценность отдела «Хроника» в АЕ, который дает более широкую, чем другие периодические издания, информацию о разработке вопросов археографии в центре и на местах.

Было подчеркнуто, что АЕ представляет собой сложившийся тип издания, со своим профилем и традициями, которые нужно сохранять (*М. Т. Белявский, Е. А. Луцкий, В. А. Черных*).

В то же время в адрес АЕ был сделан и ряд критических замечаний.

Наиболее многочисленные упреки связаны с преимущественным вниманием АЕ к дореволюционному периоду и первым годам истории советского общества (*М. Т. Белявский, А. П. Звягинцева, В. П. Иванов, П. П. Ковалев, И. П. Козлитин, М. С. Селезнев, В. М. Хевролина, В. А. Черных*), с недостаточным обобщением современного опыта публикации источников по истории советского общества.

Высказывалась неудовлетворенность относительно небольшим количеством публикаций по теоретическим проблемам археографии и архивоведения (*В. В. Кузьменко, В. Г. Сарбей, В. М. Хевролина, Д. М. Эпштейн*), недостатком внимания к обобщению опыта археографической работы в союзных и автономных республиках (*В. М. Хевролина, Д. М. Эпштейн*). Было признано недостаточным то число фундаментальных обзоров тематических публикаций с анализом их источниковедческого и археографического уровня, которое имеется в АЕ (*М. Т. Белявский*). Как недостаток отмечалось и отсутствие в АЕ статей с критическим разбором работ буржуазных авторов по специальным историческим дисциплинам (*М. С. Селезнев*).

Было высказано опасение, что рост числа статей в отдельных выпусках АЕ может повлечь за собой увеличение дробности их тематики (*Н. Е. Носов*).

Д. С. Лихачев предложил строже отбирать статьи для «Ежегодника» с точки зрения соответствия их профилю издания (так, не имеет прямого отношения к археографии статья М. Х. Алешковского «К датировке первой редакции „Повести временных лет“»), а также избегать публикации «слабых статей» (вроде работы А. Г. Кузьмина «К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской первой летописи»), так как иначе авторитет сборников будет падать.

Объектом критики при обсуждении в МГИАИ и в Ленинграде явилась статья В. Н. Автократова «К вопросу о методологии архивоведения» (АЕ за 1969 г.). *Н. А. Мальцева* и *Л. Е. Шепелев* (Ленинград) справедливо отмечали нарочитую усложненность изложения. Преподаватели МГИАИ (*В. М. Хевролина, М. С. Селезнев, Н. А. Орлова*) сочли эту статью ошибочной в методологическом отношении; в то же время другие участники обсуждения в МГИАИ признали правомерность публикации данной статьи в АЕ и предлагали продолжить на его страницах дискуссию по затронутым автором проблемам (*А. Д. Степанский*). Ряд замечаний был высказан по поводу статьи А. В. Елпатьевского (*В. М. Хевролина, М. С. Селезнев*).

Серьезные возражения *Л. А. Дмитриева, А. И. Копанева, М. В. Кукушкиной* вызвала статья Д. Н. Альшица «Вопросы теории и практики научного описания исторических источников» (АЕ за 1969 г.). Было высказано настойчивое пожелание продолжить в АЕ обсуждение поднятых в статье вопросов.

В ходе обсуждений был высказан ряд предложений, касающихся организации работы по АЕ. В частности, было предложено ввести в «Ежегоднике» специальные разделы «Археография» (*В. И. Стрельский*), «Зарубежное источниковедение и археография» (*Н. Е. Носов*); расширить раздел «Хроника», выделив в нем специальную рубрику об археографической работе в союзных республиках (*Д. М. Эпштейн*). Дискутировались и вопросы о целесообразности возобновления в АЕ библиографических обзоров по археографии, источниковедению и другим специальным историческим дисциплинам (*И. П. Шаскольский*), о расширении раздела публикаций источников.

На обсуждении в МГИАИ было предложено выработать специальный тематический план тех статей по наиболее актуальным проблемам археографии и архивоведения, которые желательно было бы заказать для АЕ (*Д. А. Степанский*).

И. Ф. Петровская предложила разработать совместно с хранилищами перспективный план публикаций в АЕ описаний рукописных материалов, с тем чтобы прекратить известный самотек в этом полезном начинании.

Предлагалось усилить внимание в АЕ к наиболее спорным проблемам археографии (*А. С. Мыльников*), открыть на его страницах дискуссии о понятии «археография», о связи ее с текстологией (*В. А. Черных*), о принципах отбора документов для тематических сборников (*В. И. Стрельский*), продолжить обсуждение вопросов о регестах (*Д. М. Эпштейн*). Вносились также предложения расширить авторский

inslav

коллектив за счет привлечения сотрудников научных институтов и архивов союзных республик (*М. С. Селезнев, В. В. Кузьменко*), государственных архивов (*Л. Я. Сает*).

Выступая в МГИАИ, *С. О. Шмидт* отметил большое значение и пользу для всех и в первую очередь для редколлегии АЕ данного обсуждения и выразил признательность Институту в целом и кафедре археографии за его проведение. С. О. Шмидт обратил внимание на то, что результаты обсуждения могли бы иметь больший эффект при соблюдении правил организации такого рода мероприятий. Дело в том, что представители редколлегии не были официально уведомлены о предполагаемом обсуждении; в повестке дня и в названии доклада не указано, что обсуждению подлежат лишь три последних выпуска; не было согласовано время проведения обсуждения, в результате чего отсутствовали многие специалисты, в том числе и авторы статей, вызвавших в докладе и ряде выступлений существенные критические замечания (А. В. Елпатьевский, В. Н. Автократов).

Отметив большой интерес доклада В. М. Хевролиной, С. О. Шмидт выразил согласие с основными его положениями. В то же время С. О. Шмидт уточнил ряд сделанных в нем подсчетов (в частности, обзоры занимают четверть объема выпусков; при сравнительной еще недостаточности материалов советской тематики в последних трех выпусках их значительно больше, чем в предыдущие 10 лет; при подсчете этих материалов в докладе не учитывались те, которые касаются истории советской науки и культуры).

С. О. Шмидт предложил руководству кафедры археографии МГИАИ в ближайшее время разработать конкретный список работ, которые могли бы быть предложены редколлегии «Археографического ежегодника» на предмет их опубликования.

В своих заключительных словах на обсуждениях АЕ в Ленинграде и Киеве С. О. Шмидт особо подчеркнул их чрезвычайно серьезный научный уровень и деловой характер. Высокая требовательность, высказанная при анализе структуры и содержания АЕ, показала глубокую заинтересованность научной общественности в повышении качества этого печатного органа. Все это, несомненно, окажет большую помощь в дальнейшей работе Археографической комиссии [4].

Бюро Археографической комиссии и редколлегия «Археографического ежегодника» изучили результаты обсуждений и на заседании Бюро 29 июня 1972 г. наметили меры по улучшению «Ежегодника».

В. Б. Павлов-Сильванский.

---

[4] В настоящее время от ряда учреждений и ученых Ленинграда и Украинской ССР в Археографическую комиссию поступили статьи и материалы по тематике, о необходимости освещения которой на страницах АЕ говорилось на проведенных обсуждениях.

inslav

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХИВА АН СССР

В апреле 1972 г. при Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР образована Археографическая группа под руководством акад. Д. С. Лихачева. В задачи группы входит научное описание древнерусских рукописей, хранящихся в библиотеках и музеях Северо-Западного региона Европейской части СССР. Группой составлен проект инструкции по описанию древнерусских рукописных книг и начата работа по научному описанию рукописей Кирилло-Белозерского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сотрудники группы ведут также работу по пополнению толковой картотеки древнерусской литературы, составленной акад. В. Н. Перетцем.

ПЕРВАЯ ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И АРХИВОВЕДЕНИЮ [1]

Конференция состоялась 1—3 февраля 1972 г. в г. Уфе (по инициативе Башкирского филиала АН СССР и Археографической комиссии). В ней приняли участие научные сотрудники, преподаватели вузов, работники архивов, музеев, библиотек южноуральских городов: Уфы, Оренбурга, Челябинска, а также ученые Москвы, Казани, Ульяновска, Свердловска, Новосибирска, Элисты. Программа охватила широкий круг проблем истории Южного Урала с древнейших времен до наших дней. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 52 доклада и сообщения.

Конференцию приветствовал секретарь Башкирского обкома КПСС *Т. И. Ахунзянов*, подчеркнувший значение специальных исторических дисциплин, необходимость повышения уровня научного использования источников, их описания и публикации.

В докладе *Р. Г. Кузеева* (Уфа) был дан обзор источников по истории Башкирии до XVI в., указано на необходимость их комплексного исследования.

С. О. Шмидт (Москва) ознакомил участников с задачами и программой деятельности Археографической комиссии, охарактеризовал основные направления работ в области археографии, архивного дела и прикладного источниковедения в плане изучения истории края.

Р. В. Овчинников (Москва) предложил напечатать обзоры и описания архивных фондов и собраний, представляющих источниковую базу для изучения Крестьянской войны 1773—1775 гг.

М. К. Мухарямов (Казань) показал большое значение татарской периодической печати 1917 г. для разработки истории подготовки и проведения Октябрьской революции в Среднем Поволжье и Приуралье.

Доклад *И. М. Гвоздиковой* (Уфа) был посвящен обзору археографической деятельности научных учреждений Южного Урала в 1917—1970 гг.

Конференция наметила основные направления деятельности ученых по дальнейшему расширению источниковой базы исторических исследований. Было принято единодушное решение о необходимости организации Южноуральского отделения Археографической комиссии с центром в г. Уфе.

И. М. Гвоздикова.

---

[1] Подробнее см.: *И. М. Гвоздикова.* Южноуральская конференция по археографии, источниковедению и архивоведению.— «История СССР», 1972, № 5, стр. 248—250.

inslav

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРНОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1972 Г.

Основной задачей Северного отделения Археографической комиссии, окончательно оформившегося в марте 1969 г., является дальнейшее улучшение координации археографической деятельности научных учреждений, партийных и областных государственных архивов, историков-краеведов. С этой целью в апреле 1972 г. председателем Северного отделения П. А. Колесниковым проведено совещание ученых, работников партийного и государственного архивов Архангельской области. Архивами Коми АССР, Архангельской и Вологодской областей уже выявлены интересные и значительные материалы об установлении Советской власти и национальном строительстве на Европейском Севере. Начато составление картотеки опубликованных материалов по истории региона.

Во всех архивах страны продолжалось выявление писцового материала XVI в. по Северу; результатом этой работы было издание «Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Северный археографический сборник», вып. 2 (Вологда, 1972) [1].

В декабре 1972 г. состоялась научная сессия Северного отделения Археографической комиссии с участием членов Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР. В работе сессии принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Коми АССР, Архангельской и Вологодской областей, работники партийных и советских архивов и учреждений, учителя-краеведы. На пленарном заседании сессии был заслушан отчет о работе Отделения, утвержден план работы на 1973—1975 гг. Принято предложение о проведении в Вологде ежегодных чтений памяти Ивана Васильевича Бабушкина. В период работы сессии прошли заседания секций Отделения, а также редакционной коллегии по обсуждению материалов, представленных в очередной «Северный археографический сборник». Сессия завершила работу в январе 1973 г. первыми областными чтениями памяти И. В. Бабушкина.

На 1973—1975 гг. Северное отделение Археографической комиссии АН СССР планирует следующее:

1) ежегодно проводить в г. Вологде чтения памяти И. В. Бабушкина;

2) совместно с Пушкинским домом, ЛГУ, МГУ и другими учреждениями начать работу по составлению карты и картотеки по материалам всех экспедиций, проведенных в регионе Северного отделения Археографической комиссии;

3) координировать проведение археографических экспедиций местными учреждениями;

4) организовать экспедиции студентов Вологодского пединститута в Тарногский район для выявления и сбора у населения рукописного материала и старопечатных книг;

5) совместно с Институтом языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, областными архивами и кафедрами истории пединститутов и Сыктывкарского университета продолжить:

а) составление картотек опубликованных статей и документов по дооктябрьской истории Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР;

б) выявление в местных архивах неопубликованных документов по истории становления Советской власти на Севере;

в) выявление древнерусских рукописей в музеях Севера и составление картотеки;

6) продолжить выявление писцового материала XV—XVI вв. по Северу;

7) вести подготовку к проведению в 1975 г. в Вологде симпозиума по актуальным проблемам источниковедения и историографии Русского Севера советского и дооктябрьского периодов;

8) издать подготовленный «Северный археографический сборник» (вып. 3) в 1973 г.;

9) подготовить к печати второй том северных сотниц (1974—1975 гг.);

10) совместно с кафедрой истории СССР Вологодского пединститута подготовить сборник документов по истории края в помощь учителям истории.

Ю. С. Васильев.

---

[1] О содержании см. настоящий том, стр. 362.

inslav

СИМПОЗИУМ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Симпозиум состоялся 2—6 октября 1972 г. в Таллине [1]. Он был организован Институтом истории АН Эстонской ССР, Институтом истории СССР АН СССР, Археографической комиссией и кафедрой источниковедения истфака МГУ. В его работе приняли также участие ученые ЛОИИ СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Сибирского отделения и Башкирского филиала АН СССР, Таллина, Тарту, Риги, Ростова, Киева, всего более 60 человек. Симпозиум открыл директор Института истории АН Эстонской ССР член-корр. АН Эстонской ССР *Ю. Ю. Кахк*. После вступительного слова зав. сектором источниковедения Института истории СССР АН СССР *Н. И. Павленко* были прослушаны доклады *С. И. Якубовской* о работе с документами по истории образования СССР, *Б. Г. Литвака* о ленинских приемах статистического изучения политических явлений [2], *Ю. Ю. Кахка* о некоторых аспектах применения математических методов в исторических исследованиях и сообщение *С. О. Шмидта* о работе, ведущейся в Археографической комиссии по проблемам источниковедения.

В последующие дни работа симпозиума проходила по двум секциям: 3 и 4 октября — Теоретические проблемы источниковедения и методика работы с различными видами исторических источников; 5 октября — Количественные методы в источниковедении. На заседаниях первой секции были обсуждены доклад *А. Г. Тартаковского* «О доказательности в источниковедении (в постановке проблемы)» и сообщения *А. А. Курносова* «К вопросу о природе видов источников», *Л. Н. Пушкарева* «Исторический источник и смежные с ним понятия в последних работах советских философов», *В. В. Фарсобина* «К оценке некоторых положений А. С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения», *Я. С. Лурье* «О гипотезах и догадках в источниковедении», чл.-корр. АН СССР *В. Л. Янина* «К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья», *Х. П. Стродса* «Полевые этнографические источники в исторических исследованиях», *Р. В. Овчинникова* «О приемах реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева)», *Л. Е. Шепелева* «Проблемы дипломатического изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в.», *С. С. Дмитриева* «Проблемы источниковедения русской исторической периодики», *Н. А. Ивницкого* «Некоторые вопросы происхождения документов по истории советского общества в свете источниковедческого анализа» [3]. Наибольший отклик у участников симпозиума вызвали положения, выдвинутые в обсуждавшихся работах А. Г. Тартаковского, А. А. Курносова, В. Л. Янина, Я. С. Лурье. Затронутые в них вопросы теории и методики источниковедения стали в центре обсуждения. Предмет и задачи источниковедения, соотношение источниковедческого и исторического исследования, теоретического источниковедения и теории познания; соотношение понятий «исторический источник», «исторический памятник», «исторический факт»; задачи и принципы классификации, природа видов источников; проблема синтеза источников при современном уровне развития исторической науки, соотношение между первоначальным и наличным массивами источников, значение проблемы утраченных источников; критерии достоверности источников, содержание и соотношение понятий достоверного и недостоверного в этой связи; отношение к историографическому наследству, традиционные и новые методы источниковедческого анализа, содержание понятия репрезентативности применительно к традиционным методам источниковедения — таков неполный перечень тех вопросов, по которым шел обмен мнений.

Участники заседаний предварительно ознакомились с текстами представленных докладов и сообщений. Поэтому последние не зачитывались. Благодаря этому до-

---

[1] Подробную хронику о его работе см.: «История СССР», 1973, № 4.

[2] Проблеме источниковедения трудов классиков марксизма-ленинизма был посвящен также доклад, представленный Е. А. Луцким («О текстологическом анализе произведений В. И. Ленина в советском источниковедении»), не сумевшим принять личное участие в работе симпозиума.

[3] М. М. Громыко, представившая сообщение «Источники по социальной психологии русского крестьянства XVIII — первой половины XIX в.», не сумела принять личное участие в работе симпозиума.

inslav

кладчики имели возможность не только ответить на замечания по их докладам, но и принять участие в обсуждении других докладов. При такой организации работы симпозиума практически в обсуждениях приняли участие все желающие. Всего на заседаниях обеих секций выступило 35 человек. На первой секции выступили: *М. А. Варшавчик, Е. Н. Городецкий, С. С. Дмитриев, В. В. Журавлев, С. М. Каштанов, И. Д. Ковальченко, Р. Г. Кузеев, А. А. Курносов, Б. Г. Литвак, Я. С. Лурье, Л. В. Милов, А. С. Муравьев, Р. В. Овчинников, Н. И. Павленко, А. П. Пронштейн, Л. Н. Пушкарев, Л. Н. Растопчина, Х. П. Стродс, А. Г. Тартаковский, В. В. Фарсобин, К. В. Хвостова, Л. Е. Шепелев, С. О. Шмидт, С. И. Якубовская, В. Л. Янин.*

По секции «Количественные методы» (кроме доклада Ю. Ю. Кахка) обсуждалось 9 сообщений (всего вниманию участников симпозиума было предложено 26 докладов и сообщений): *Б. М. Клосса* «Статистические методы изучения текстов исторических источников: направление исследований и задачи», *Л. М. Брагиной* «Опыт изучения нарративных текстов эпохи Возрождения методами математической статистики», *К. В. Хвостовой* «Определение степени дифференциации и неравенства социальных групп и классов с помощью энтропийного анализа», *Х. Э. Палли* «ЭВМ и новые возможности хранения исторической информации», *Э. Тарвела* «Модель крестьянского хозяйства и сравнительное изучение источников по аграрной истории»; *И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова* «Некоторые аспекты методики изучения формирования единого аграрного рынка (XVIII — начало XIX в.)», *В. З. Дробижева* «Некоторые вопросы применения количественных методов в изучении социальной структуры советского общества 20-х годов», *В. П. Данилова, Т. И. Славко* «Опыт применения статистико-математических методов в обработке данных налоговых подворных переписей 20-х годов», *А. Руусмана* «Массовые источники по аграрной истории Эстонии 1939—1950 гг. и некоторые перспективы их статистического изучения».

Участники обсуждения указывали на необходимость повышения «надежности» математического аппарата при применении математических методов в исторических исследованиях, более тесного сотрудничества математиков и историков и подготовки кадров для такой работы, на обязательность сочетания традиционных методов источниковедческого анализа и математических методов, на важность преемственности в использовании и неотложность решения задачи сохранения массовой первичной документации и других материалов, полученных в результате применения математических методов и ЭВМ (перфокарты, программы и т. д.).

Предметом специального обсуждения стал вопрос о правомерности обращения к математическим методам при анализе смыслового содержания нарративных источников в связи с предложенными вниманию собравшихся опытами применения математических методов к изучению исторических памятников русского и западного средневековья. Работа секции вызвала большой интерес. Выступили: *Л. М. Брагина, В. З. Дробижев, Ю. Ю. Кахк, Б. М. Клосс, И. Д. Ковальченко, Ю. А. Машков, В. М. Селунская, Т. И. Славко, К. В. Хвостова, С. И. Якубовская.*

В конце работы симпозиума, на заключительном заседании, состоявшемся 6 октября, были приняты рекомендации по дальнейшему развитию исследовательской и преподавательской работы по теоретическим проблемам источниковедения, методике работы с различными видами исторических источников, по применению количественных методов в источниковедении.

Л. Н. Растопчина.

inslav

О БИБЛИОТЕКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

17 ноября 1972 г. в Ленинграде в Круглом зале Музея М. В. Ломоносова в историческом здании Кунсткамеры, где с 1741 по 1765 г. работал Ломоносов, состоялось очередное Ломоносовское заседание Академии наук СССР, посвященное 261 годовщине со дня рождения великого русского ученого.

Открывая заседание, директор Музея *В. Л. Ченакал* обратил внимание собравшихся на то, что это заседание посвящено большому событию в нашей науке — найдена считавшаяся утраченной библиотека гениального русского ученого и мыслителя, открывающая много новых, ранее остававшихся неизвестными сторон его деятельности. Такие крупные находки бывают очень редко. Заслуга открытия принадлежит старшему научному сотруднику Архива АН СССР Е. С. Кулябко и старшему библиотекарю Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина Е. Б. Бешенковскому.

В своем докладе *Е. С. Кулябко* рассказала о судьбе библиотеки Ломоносова, точно прослеженной по документальным материалам государственных архивов СССР и рукописных отделов государственных библиотек.

Купленная фаворитом Екатерины II графом Г. Г. Орловым библиотека М. В. Ломоносова была перевезена в его дом на Мойке и влилась в его книжное собрание. После смерти Орлова его библиотека разместилась в Мраморном дворце, купленном Екатериной II у братьев Орловых и подаренном ею со всем содержимым великому князю Константину Павловичу. По счастливой случайности библиотека Орлова осталась единым комплексом и не смешалась с книгами других библиотек Мраморного дворца. На нее был составлен отдельный каталог, с которым она была передана после смерти великого князя Константина Павловича в Гельсингфорсский университет. Передача библиотеки Орлова в Финляндию не привлекла в свое время должного внимания исследователей, не знавших, что в ее составе находятся книги, принадлежавшие М. В. Ломоносову.

Поступившая в Хельсинкский университет библиотека Орлова распылилась по разным отделам и коллекциям, но сохранился ее каталог, составленный в 1825 г. библиотекарем Мраморного дворца Николаем Шмитом, что позволило вести поиск книг.

Первоначальный просмотр Орловской библиотеки ставил своей целью лишь наглядное доказательство нахождения Ломоносовской библиотеки в Хельсинки. Этот предварительный просмотр был осуществлен научным сотрудником Архива АН СССР Ю. П. Тимохиной, находившейся в Хельсинки в служебной командировке. Ей удалось обнаружить пометы и приписки Ломоносова на 37 книгах и рукописях, дающих богатейший материал для изучения творческой лаборатории ученого в самых различных аспектах его разносторонней деятельности.

Е. Б. Бешенковский рассказал о методике производившихся поисков и наметил перспективы предстоящей работы по разысканию остальных книг, значащихся в Орловском каталоге, не имеющих владельческой надписи.

Ю. П. Тимохина рассказала о своей работе в библиотеке Хельсинкского университета и о помощи, оказанной ей финскими коллегами — директором Библиотеки профессором И. Валлинкоски, научными сотрудниками Б. Прушевски и Е. Токой.

В Москве сообщения о судьбе библиотеки М. В. Ломоносова и о его новых автографах были сделаны *Е. С. Кулябко* и *Е. Б. Бешенковским* [1].

Читательские пометы Ломоносова выявляют его отношение к крупнейшим представителям современной ему науки: естествознания, физики, химии, литературы и истории. Среди обнаруженных источников «Древней российской истории» уникальной по своему значению является рукопись первого тома «Истории Российской» В. Н. Та-

---

[1] Доклад Е. С. Кулябко на заседании Ученого совета Архива АН СССР состоялся 7 декабря 1972 г. Доклад Е. Б. Бешенковского в Отделе рукописей ГБЛ состоялся 29 ноября 1972 г.

inslav

тищева, сохранившей на себе маргиналии Ломоносова. Анализ ксерокопий листов этой рукописи показывает, что она имеет чтения, отсутствующие в известных до настоящего времени списках. Кроме того, на рукописи сохранились два слоя помет М. В. Ломоносова — чернилами и карандашом.

Исключительную важность имеют пометы Ломоносова на «Введении в грамматику летского языка» Г. Адольфа, характеризующие работу Ломоносова над доказательством близости латышского и русского языков, результаты которой легли в основание теории о славянском происхождении варягов.

Предстоящий просмотр всех книг библиотеки Орлова в Хельсинки должен дать еще много драгоценных фактов творческой биографии М. В. Ломоносова [2].

Е. С.

[2] О найденной библиотеке М. В. Ломоносова широко информировала пресса («Известия», 1, 2, 17 ноября 1972 г.; см. также *Е. С. Кулябко, Е. Б. Бешенковский.* Судьба библиотеки М. В. Ломоносова.— «Известия АН СССР», серия лит-ры и языка, т. XXXI, вып. 5. М., 1972, стр. 444—453). Специальная статья Е. С. Кулябко и Е. Б. Бешенковского на эту тему печатается в первом выпуске ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия».

inslav

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУРЖИЙ
(1915—1971)

31 октября 1971 г. преждевременно ушел из жизни выдающийся историк Советской Украины, заведующий отделом историографии и источниковедения и заместитель директора Института истории АН УССР, член Археографической комиссии, член-корреспондент АН УССР, доктор исторических наук, профессор Иван Александрович Гуржий. Его путь к высотам большой науки, которых он достиг,— это типичный путь советского ученого комсомольского поколения довоенного времени.

Выходец из бедной крестьянской семьи села Худяки на Черкасщине, Иван Александрович целиком обязан Советской власти своим образованием. Неуемная жажда знаний привела крестьянского юношу сначала (1934 г.) в Черкасский, затем (1935 г.) Полтавский пединституты и, наконец, в 1936 г.— в Одесский университет. Учебу в высших учебных заведениях Иван Александрович сочетал с практической работой в сельских школах Черкасщины и Одесщины, приобретал первые навыки исследовательской работы в университетском научном студенческом обществе, которое он и возглавлял.

В 1939 г. еще на студенческой скамье Иван Александрович публикацией двух статей на исторические темы в одесской областной газете «Чорноморська комуна» открыл свой список печатных работ, который к концу жизни ученого насчитывал около 300 названий, в том числе пособия для вузов и школ. И это, несмотря на многолетний перерыв в деятельности ученого, когда Иван Александрович с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны защищал социалистическое Отечество. Затем преподавательская деятельность в Черниговском пединституте и, наконец, учеба в аспирантуре Института истории АН УССР. С 1949 г. и до конца дней своих И. А. Гуржий — сотрудник этого научно-исследовательского учреждения.

Иван Александрович органически соединял в себе талант ученого-исследователя и организатора науки. Под его непосредственным руководством и с его помощью выросли десятки молодых ученых — кандидатов и докторов наук. Как соавтор и член редколлегий И. А. Гуржий сыграл большую роль в создании первых фундаментальных синтетических работ по истории Украинской ССР, истории рабочего класса и крестьянства Украины. Неоценим вклад Ивана Александровича в создание первой в истории украинского народа семнадцатитомной «Украинской Советской Энциклопедии» (статьи по истории тщательно редактировались И. А. Гуржием, не говоря уже о том, что он же был автором многих статей).

inslav

Перу выдающегося историка принадлежат широко известные монографические исследования «Восстание крестьян в Турбаях (1789—1793 гг.)» (К., 1950), «Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX в.» (К., 1954), «Борьба крестьян и рабочих Украины против феодально-крепостнического гнета (с конца XVIII до 1861 г.)» (К., 1958), «Зарождение рабочего класса Украины (конец XVIII — первая половина XIX в.)» (К., 1958), «Развитие товарного производства и торговли на Украине (с конца XVIII до 1861 г.)» (К., 1962), «Украина в системе всероссийского рынка 60—90-х годов XIX в.» (К., 1968) и др. Эти, как и многие другие труды автора, отличаются большой насыщенностью фактами, почерпнутыми из архивных источников. Своими исследованиями И. А. Гуржий впервые ввел в научный оборот множество ценных архивных источников, особенно по социально-экономической истории Украины XIX в.

Иван Александрович был глубоким знатоком архивных богатств по дооктябрьской отечественной истории, отложившихся в центральных, республиканских и областных архивах. Он с большим уважением относился к архивному документу, но никогда не впадал в объективистскую апологетику его. Партийный, классовый подход к содержанию документа — определяющая черта исследовательской работы И. А. Гуржия над архивными первоисточниками.

С этих же позиций он подходил и к историографическому наследию прошлого. Призывая как можно шире использовать имеющийся в нем ценный фактический материал, Иван Александрович всегда разоблачал реакционность или консервативность авторских выводов и трактовок того или иного представителя дворянско-буржуазной историографии. И. А. Гуржий явился одним из инициаторов переиздания лучших трудов прогрессивного историографического наследия прошлого. Под его руководством в Институте истории АН УССР была начата работа по подготовке к изданию избранных исторических трудов И. Я. Франко и др.

Историк широкого научного кругозора, Иван Александрович не ограничивался исследовательской проблематикой дооктябрьского периода, а принимал непосредственное участие и в создании работ (в том числе и источниковедческих) по истории советской эпохи.

И. А. Гуржий успешно занимался вопросами методологии истории, историографии, источниковедения, в частности археографии. Он был одним из первых исследователей важной проблемы «В. И. Ленин и Украина», освещал исторические взгляды революционных демократов Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, украинского историка А. М. Лазаревского и др. Он выступил ответственным редактором сборника статей «Исторические взгляды Т. Г. Шевченко» (К., 1964), членом редколлегии сборника «И. Я. Франко как историк» (К., 1956). В своей последней книге «Фридрих Энгельс об Украине» (К., 1970) И. А. Гуржий убедительно раскрыл оценки Ф. Энгельсом исторического прошлого Украины и России, его влияние на революционное движение в нашей стране, привел данные о распространении и издании произведений ближайшего соратника Маркса в УССР.

Немало сил и энергии отдавал И. А. Гуржий археографической работе. Под его редакцией и частично с участием как составителя вышли хрестоматии по истории Украинской ССР (К., 1959 и 1970). Он был ответственным редактором библиографического указателя «Советские издания документальных материалов по истории Украины (1917—1968)» (К., 1970). Под редакцией И. А. Гуржия вышли все части двух изданий «Книги для чтения по истории Украинской ССР» от древнейших времен до наших дней (К., 1960—1971).

И. А. Гуржий входил в состав редакционной коллегии, призванной осуществлять публикацию важнейших исторических документов (летописей, хроник, дневников, мемуаров и пр.) серии «Источники по истории Украины». В 1971 г. первой в этой серии вышла «Летопись Самовидца» — известный историографический памятник XVII в.

Ученый был инициатором издания и первым ответственным редактором серийного «Украинского историко-географического сборника». Входя в состав редакционной коллегии журнала «Наука і життя», историк уделял большое внимание публикациям по топонимике.

И. А. Гуржий писал обзоры источников, выступал ответственным редактором источниковедческих трудов, в частности о большевистской прессе Украины 1917—1918 гг. как историческом источнике, об источниковедении по истории Украинской ССР послевоенного периода. Ученый руководил аспирантами, специализировавшимися по историографии и источниковедению. С 1968 г. и до последних дней жизни И. А. Гуржий возглавлял отдел историографии и источниковедения Института истории АН УССР.

Много времени уделяя созданию и совершенствованию различных учебных пособий для вузов и средних школ УССР, Иван Александрович сам принимал непосредственное участие в подготовке многих научно-популярных историко-документальных изданий. В серии «В помощь учителю истории и обществоведения» незадолго до смерти И. А. Гуржий в соавторстве с В. С. Петренко издал книгу биобиблиографических очерков «Выдающиеся советские историки» (К., 1969), посвященную академикам и членам-корреспондентам АН СССР и академий союзных республик, заслу-

inslav

женным деятелям науки Украинской ССР. Оригинальное пособие (первое такого рода в советской историографии) было встречено весьма положительно в республиканской и всесоюзной печати. Но рецензенты бросали справедливый упрек составителям за то, что в книге не было очерка о самом Иване Александровиче. Сказалась скромность большого ученого, которая также была его неотъемлемой чертой.

Чуткий товарищ, друг, коллега, доброжелательный и требовательный наставник научной молодежи — таким останется Иван Александрович в памяти тех, кому посчастливилось с ним общаться и работать. А к трудам И. А. Гуржия еще долго будут обращаться новые поколения советских исследователей истории Украины.

А. Г. Шевелев, П. М. Калениченко,
А. В. Санцевич, В. Г. Сарбей.

inslav

ВАРВАРА ПАВЛОВНА АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

(1888—1972)

Скончавшаяся 6 июня 1972 г. член-корреспондент Академии наук СССР Варвара Павловна Адрианова-Перетц была выдающимся знатоком, исследователем, первооткрывателем и публикатором памятников отечественной культуры. В. П. Адрианова-Перетц во многом определила своими трудами современный уровень литературоведения, археографии, источниковедения, внесла своей многообразной творческой деятельностью — исследовательской, педагогической, научно-организаторской — большой вклад в историю советской культуры.

Работы В. П. Адриановой-Перетц получили широкое признание и в нашей стране и за рубежом. Изданы списки ее печатных трудов. Жизненный путь и значение научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц подробно охарактеризованы в статьях и докладах о ее жизни и творчестве (особенно в работах академика Д. С. Лихачева) [1]. О В. П. Адриановой-Перетц как археографе, библиографе и источниковеде написано в статье покойной В. Д. Кузьминой, опубликованной в «Археографическим ежегоднике за 1968 год». К 70-летию и 80-летию В. П. Адриановой-Перетц были подготовлены тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» (т. XIV и XXIV). К 80-летию В. П. Адриановой-Перетц в мае 1968 г. было приурочено и совещание в Пушкинском Доме, материалы которого опубликованы под знаменательным названием «Пути изучения древнерусской литературы и письменности» (Л., 1970).

Первые печатные труды Варвары Павловны появились в 1907 г. Докладом Варвары Павловны 10 октября 1907 же года «Филология и ее методы» начал свою работу

---

[1] См. «Литература о жизни и трудах В. П. Адриановой-Перетц» в изданиях: «Варвара Павловна Адрианова-Перетц» («Материалы к биобиблиографии ученых СССР». Серия литературы и языка, вып. 4. М., 1963, стр. 18—22); ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 15—20; см. также материалы, опубликованные в различных изданиях в связи с 80-летием В. П. Адриановой-Перетц и ее кончиной.

inslav

знаменитый «Семинарий русской филологии», возглавляемый В. Н. Перетцем[2]. Семинарий этот, в котором Варвара Павловна принимала неизменное деятельнейшее участие, стал одним из основных центров изучения культуры славян Восточной Европы и подготовки научных кадров. Уже в 1917 г. В. П. Адрианова-Перетц стала известна как выдающийся специалист по изучению древней культуры — ее монография «Житие Алексея Человека божия в древней русской литературе и народной словесности», изданная в 1917 г., была удостоена Академией наук большой Ломоносовской премии; в 1917 г. она стала профессором. Варвара Павловна принадлежала к тем представителям дореволюционной науки, которые отдали свои силы становлению советской культуры, приняли практическое участие в организации научной работы и преподавания в вузах на новых началах. В. П. Адрианова-Перетц работала в Самаре, с 1921 г. в Петрограде (Ленинграде).

В Самаре она была связана и с Обществом истории, археологии и этнографии. Участие в деятельности краеведческих обществ, архивов, музеев являлось тогда, по выражению М. Н. Тихомирова, «своего рода выходом для интеллигенции, стремившейся занять себя интересной для нее исторической работой». В Самаре на Археологических курсах занимался у Варвары Павловны палеографией и историей древнерусского языка и молодой выпускник Московского университета М. Н. Тихомиров (к тому времени уже успевший зарекомендовать себя как автор книги «Псковский мятеж XVII в.» и организатор музея в г. Дмитрове), сам читавший там курс отечественной истории[3]. Михаил Николаевич позднее называл себя учеником Варвары Павловны[4], а усвоенные тогда приемы практического овладения палеографией в какой-то мере применял во время занятий с нами, его учениками по Московскому университету[5].

Будущий историограф, характеризуя развитие гуманитарных наук в советские годы, сможет в качестве высоких образцов исследований рекомендовать не только знаменитые монографии В. П. Адриановой-Перетц о поэтическом стиле Древней Руси, «Слове о полку Игореве», памятниках русской демократической литературы XVII в. (эти памятники только после ее исследований и были оценены как замечательные всемирно-исторического значения литературно-художественные произведения), но и многие ее статьи (прежде всего обобщающе-постановочного характера), подготовленные ею публикации литературных памятников.

Для развития нашей науки немалое значение имела и та сторона творческой деятельности В. П. Адриановой-Перетц, в которой менее заметно обнаруживается ее личная «авторская» роль. В. П. Адрианова-Перетц хорошо понимала значение коллективных трудов в развитии науки на современном ее этапе. (Роль В. П. Адриановой-Перетц в формировании и деятельности научных и авторских коллективов, в организации научных конференций может стать темой особого исследования, безусловно полезного в плане осмысления основ науковедения в области гуманитарных наук.) В. П. Адрианова-Перетц была большим организатором науки, вдохновителем научного творчества, воспитателем исследователей. Особенно велика эта ее роль примерно с середины 1930-х годов, когда именно Варвара Павловна, так сказать, на виду нескольких поколений ученых, созидала печатную источниковую базу и основы современных конкретных представлений о культуре Древней Руси.

---

[2] *И. П. Еремин.* Очерки научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 21; см. также *В. П. Адрианова-Перетц.* Начало пути. В Киевском семинаре В. Н. Перетца.— «Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии». М., 1968, стр. 15; *Н. Н. Розов.* О возрождении традиций академика В. Н. Перетца в археографических экспедициях.— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972.

[3] «Пребывание в составе служащих Общества истории, археологии и этнографии,— писал впоследствии в своих воспоминаниях акад. М. Н. Тихомиров,— было для меня не только интересным, но по-своему необходимым...» «Раз в неделю,— вспоминал М. Н. Тихомиров о занятиях с Варварой Павловной,— она меня спрашивала по прочитанному мною материалу. Она сама на каждую неделю давала 3—4 книги. Зато уже изводы и другие различного рода сведения, относящиеся к палеографии, я усвоил в достаточной мере блестяще. Так в сущности началась моя деятельность по палеографии, если не считать прежнюю работу в архиве студенческого времени» (Архив АН СССР, ф. 693 (М. Н. Тихомирова), оп. 2, д. 40, лл. 258—260).

[4] В телеграмме, которую послал М. Н. Тихомиров В. П. Адриановой-Перетц ко дню ее 70-летия 12 мая 1958 г., читаем: «Всегда помнил и помню то время, когда Вы и незабвенный Владимир Николаевич (Перетц.— *С. Ш.*) помогли мне в моих работах по истории. Ведь и я имею право причислить себя к Вашим ученикам, так как Вы целый год учили меня истории русского языка» (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 2).

[5] И Варвара Павловна в свою очередь всегда «с пристрастием» интересовалась методикой научного руководства Михаила Николаевича работами своих учеников (спрашивала меня не раз об этом в ту пору, когда я был дипломником и аспирантом М. Н. Тихомирова); эта тема отразилась, как показали уже архивные материалы, в переписке обоих ученых в 1940-е годы.

inslav

В. П. Адрианова-Перетц была убеждена в непреходящей ценности выдающихся памятников древней культуры, в необходимости познания их для развития современной культуры. Она понимала, что исследовательская и научно-популяризаторская работа в этом направлении может быть плодотворной только при совершенном овладении навыками исследования (традиционными и новыми, в том числе такими, которые распространены были пока еще только в смежных отраслях науки). В. П. Адрианова-Перетц неизменно выступала как сторонник более тесного сближения литературоведов и историков, организатор и редактор их совместных работ. В. П. Адрианова-Перетц всегда много внимания уделяла вопросам и методологии исследования и методики научной работы. Старалась она и облегчить работу будущим специалистам, составляя справочные пособия (археографические, библиографические).

В. П. Адрианова-Перетц была инициатором и организатором работы (совместно с Д. С. Лихачевым) по подготовке публикаций-исследований выдающихся памятников древнерусской письменности. Издания эти не только существенно обогащают возможности изучения культуры Древней Руси, создавая для него великолепную источниковую базу, но и представляют собой существеннейший вклад в методику археографической работы.

Член Археографической комиссии В. П. Адрианова-Перетц выступала и на страницах «Археографического ежегодника», рецензировала труды, изданные при участии Комиссии. Много помогла советами при подготовке каталога древних рукописей и издании летописей, в организации археографических экспедиций, проявляла живую заинтересованность и благожелательность к начинаниям Комиссии.

В трудах В. П. Адриановой-Перетц с редкой естественностью сочетаются смелая первичная постановка вопросов и широкие обобщения итогового характера, свежие многоохватные историко-сравнительные наблюдения и скрупулезнейшее изучение данного текста и тщательнейшее его историографическое комментирование,— и все это в рамках строгого логически выдержанного и лаконичного по форме, ясного изложения. Стилю научной прозы В. П. Адриановой-Перетц чужды «красивость» и импрессионистская изощренность.

В. П. Адрианова-Перетц — не только прославленный литературовед и филолог, археограф и источниковед. Пожалуй, вернее всего было бы назвать ее исследователем истории культуры. Многообразные памятники прошлого — и письменные, и устные, и изобразительные, и бытовые приметы, сохранившиеся в обычаях и разговорной речи,— рассматривались ею в общекультурном контексте. Блестяще владея техническими приемами исследования, характерными для различных специальных гуманитарных наук, В. П. Адрианова-Перетц обладала и способностью синтетического применения этих навыков. В. П. Адриановой-Перетц был органически присущ и историзм мышления: она воспринимала каждое явление истории литературы в неразрывной связи с явлениями социальной и общественно-политической истории. Свойственно ей было и не так часто встречающееся в среде ученых-гуманитариев конкретное, как бы визуальное, ощущение памятников культуры и их места в системе художественной образности, в психологической среде той или иной эпохи.

Быть может, потому-то именно Варваре Павловне так естественно удавалось исследовать и показывать особенности массовой, народной культуры. То, что особенно волновало наших далеких предшественников, влияло на их повседневный образ мышления и формирование эстетических представлений, нередко оказывается затененным для потомков, привычно ограничивающихся в своих суждениях о прошлом лишь рядом широко известных названий и имен. В. П. Адрианова-Перетц же, наряду с глубоким исследованием шедевров культуры Древней Руси, всегда тяготела и к познанию рядовых памятников каждодневной культуры (светской и демократической в своей основе), микроклимата культурной жизни обитателей не только больших городских центров[6], к изучению культурных запросов и возможностей и создателей литературных памятников и их читателей и слушателей. И, вероятно, потому-то так естественно переплетение в ее научном творчестве интереса и к письменным памятникам и к фольклорным, и столь доказательными оказались ее выводы о взаимопроникновении элементов письменной и устной литератур, основанные на богатейшем материале наблюдений над многообразнейшими источниками.

Новаторство В. П. Адриановой-Перетц по прошествии определенного времени становится, пожалуй, даже еще более очевидным, когда убеждаемся, каким значительным творческим стимулом для деятельности отдельных ученых и научных коллективов, для науки в целом оказались ее исследования, как обогащают они наши современные представления по такой проблематике науки сегодняшнего дня, как: взаимосвязи методологии и методики исследования; сравнительное источниковедение; историческая социальная психология; писатель и читатель; психология твор-

[6] Не случайно Варвару Павловну так заинтересовал план неосуществленной монографии о посадской литературе XVII в., обнаруженный в бумагах М. Н. Тихомирова. Этот план увлек ее «широтой охвата материала, стремлением заглянуть в литературную работу не только крупных городских центров, но и посадов далеких окраин государства». Публикацию этого плана (И. П. Староверовой) В. П. Адрианова-Перетц предварила своим предисловием (ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, стр. 319—320).

inslav

чества и психология восприятия этого творчества; особенности культуры Древней Руси и народные начала этой культуры; связь письменности с фольклором, с театром, с изобразительным искусством; связь художественной литературы с деловой письменностью; вопросы стилистики (прежде всего особенности художественно-изобразительных средств и приемов художественной типизации и семантики); литературно-историческая типология; соотношение «древнего» и «нового» периодов русской истории и русской литературы, и, конечно же, историзм мышления людей прошлого и значение древней культуры для современной культуры (вечное и преходящее в древней культуре) и др.

В. П. Адрианова-Перетц едва ли не первой в научной литературе о культуре Древней Руси столь многопланово подошла к теме «Писатель и читатель». Она детально охарактеризовала возможную источниковую базу работ такой тематики и пути выявления и изучения подобных материалов, обратила внимание на различные аспекты этой большой проблемы: активное отношение к письменным памятникам создателей их (авторские варианты, фрагменты) и распространителей (переписка, поновления, обусловленные местными обстоятельствами, традициями, индивидуальными особенностями писцов и заказчиков, и т. д.); возможности распространения письменных памятников (включая данные о цене рукописных книг и изменениях ее, о географии распространения тех или иных разновидностей рукописей); взаимодействие письменной и устной традиции, письменной и зрелищной культуры; взаимодействие письменных и иных типов источников, более доступных обычно широкому кругу современников (фольклорные, разговорная — в частности, деловая — речь; памятники изобразительного — в частности, прикладного — искусства; бытовые детали); роль общепринятых и вкусовых стандартов и их изменение (возникновение определенных шаблонов и их вариаций); общественная среда бытования тех или иных памятников и литературных норм. Все это неизменно рассматривалось не только на фоне общественно-политических условий определенного времени, а в теснейшей взаимосвязи с явлениями историческими. Тем самым расширялись источниковедческие возможности и собственно литературно-художественной и собственно исторической информации этих памятников.

Сама Варвара Павловна не любила очень уж «модную» терминологию, чуралась и как бы даже стеснялась ее, предпочитая пользоваться традиционными терминами. Но как она обогащала нередко эти привычные понятия! И лучшие достижения старой науки (и методические приемы, и фундаментальные выводы, и отдельные научные прозрения), творчески обогащенные новейшей методологией, органически входили в систему современных исследований, оказывались на службе современнейшим интересам науки.

В. П. Адрианова-Перетц обладала особым умением видеть в трудах других ученых (и предшественников, и современников) зародыши новых направлений и приемов исследований (в этом плане особенно характерны ее очерки об ушедших ученых). Варвара Павловна верила в живую связь времен в науке, и сама как бы олицетворяла эту творческую связь. Старейшина нашего литературоведения, она и в последних своих трудах сохранила не только свежесть восприятия памятников культуры, но и неистощимую способность к постановке новых проблем, использованию новых приемов исследования, и золотая осень ее жизни продолжала оставаться весенним половодьем творчества, только в каждом сформулированном ею положении ощущалась мудрая сдержанность.

Первостепенное значение придавала В. П. Адрианова-Перетц овладению «ремеслом» ученого, и сама в совершенстве знала его «секреты». Варвара Павловна виртуозно владела исследовательской техникой — труды ее обладают высокой степенью научной надежности. Она не считала «черновой» текстологическую, археографическую, библиографическую работу (хотя и не склонна была чересчур злоупотреблять перед читателем показом второстепенных деталей) — для В. П. Адриановой-Перетц это была не столько «кухня» исследовательской работы, сколько лаборатория творчества. И делала она такую работу безукоризненно, с завидной легкостью, даже с изяществом. Это вообще было свойством ее человеческой натуры — Варвара Павловна была всегда изящна и элегантна, и в жизни, и в печатных трудах своих.

Варвара Павловна внутренне не допускала возможности сделать достоянием читателя незавершенное исследование, публикацию, не проверенную визуально по архивным материалам. И если кто-либо этого не делал, она старалась сделать сама. Наука для В. П. Адриановой-Перетц отнюдь не была связана именно с ее именем. Всякое научное издание (и исследование, и публикация) должны были, по ее глубокому убеждению, быть подготовлены с возможным совершенством[7]. Поэтому она с

[7] Строгая, придирчивая даже к оформлению научных публикаций, научного аппарата изданий, Варвара Павловна в то же время отнюдь не навязывала свои привычки (и уж, конечно, не считала допустимым диктат). Характерны строки из ее письма от 28 сентября [1958 г.] М. Н. Тихомирову в связи с подготовкой «Описания рукописей И. А. Шляпкина» (сделанного еще В. Н. Перетцем) для «Археографического ежегодника». Варвара Павловна просила «сообщить технические правила: по какой орфографии передаются заглавие и начальные слова, какие допускаются сокращения..., какие делаются указатели» и т. п. (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 74, лл. 29—30).

inslav

такой неутомимой щедростью вкладывала силы в редактирование коллективных трудов, соучастницей которых она являлась, трудов других авторов. Для нее главным была не ее видимая роль в науке, а по-настоящему научный уровень издания (книги, в редактировании которых она принимала участие, даже те, где Варвара Павловна значится только титульным редактором, с полным основанием могут быть включены в число ее авторских трудов). Честь науки в целом осознавалась ею и как личная ее честь. Это — особая благородная совестливость ученого, имевшего очень высокие представления о достоинстве и ученого труда и ученого специалиста.

Жизнь и деятельность Варвары Павловны Адриановой-Перетц — важный моральный фактор в развитии нашей науки. Даже в последние годы, когда Варвара Павловна не могла уже по состоянию здоровья принимать деятельное участие в научно-общественной жизни, меньше писала и, конечно, меньше общалась с людьми, самое сознание того, что Варвара Павловна рядом, что она может заинтересоваться, прочитать, осудить, как бы поддерживало атмосферу чистоты научного поиска, серьезности исследовательского подхода, останавливало тех, кто торопился поскорее выделиться, побольше «напечататься» (наивно полагая при этом, что в науке количество названий или страниц неизменно переходит в качество). Варвара Павловна как бы олицетворяла этическое начало в науке.

В. П. Адрианова-Перетц была прирожденным педагогом — учила и собственным примером и не жалела сил на передачу навыков исследовательского мастерства. Варвара Павловна откровенно обнаруживала подлинный благожелательный интерес к трудам более молодых ученых (что уже само по себе становилось для них стимулом к дальнейшей деятельности) и была по-настоящему щедрым наставником, не только вдохновляющим к творчеству, но и облегчающим этот путь. Часто и с какой-то естественной простотой подсказывала темы работ, делилась своими — уже выношенными — наблюдениями, даже передавала архивные выписки. А сколько ее мыслей воспроизводилось потом другими учеными (и не только ее непосредственными учениками) как свои, настолько они уже начинали казаться такими после толчка, данного Варварой Павловной, после бесед с ней, после ее писем! И Варвара Павловна это даже и не переживала (она была слишком богата новыми уже мыслями и наблюдениями!), а как бы утверждалась в правильности своих выводов и догадок, если они столь прочно — и авторизованно даже — усваивались другими.

Естественно, что научная щедрость соседствует с добротой. Однако Варваре Павловне было отнюдь не свойственно «добрячество» (свидетельствующее обычно о душевном равнодушии). Она была принципиальной, строгой и настойчивой в отстаивании своих взглядов, не прощала равнодушия, легкомыслия, безответственности в науке, не терпела карьеризма, самолюбования (образные ее замечания об отдельных лицах и явлениях научной жизни — безукоризненно интеллигентные, конечно, по форме выражения — были отнюдь не всегда безобидны), старалась оградить науку от интриг и делячества. И потому к Варваре Павловне относились с особым уважением не только как к ученому, но и как к человеку высоких моральных качеств.

Варвара Павловна находила подлинную радость в труде. Творческий труд, любовь к своему делу, сознание большой общественной пользы его помогали Варваре Павловне превозмогать и болезни. В 1958 г., в ответном письме на поздравительную телеграмму М. Н. Тихомирова с ее 70-летием, В. П. Адрианова-Перетц писала: «Работа — замечательное лекарство, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опускаться на дно болезни» [8]. Варвара Павловна еще многое сделала с тех пор. Труды ее, имя ее прочно вошли в историю нашей науки. Для тех, кто лично знал Варвару Павловну Адрианову-Перетц, она останется образцом человека не только великой учености, но и великой душевной щедрости, человека с высоко развитым чувством ответственности и за свою работу и за развитие нашей культуры.

С. О. Шмидт.

---

[8] Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 74, л. 28.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

Ф. И. Долгих. К итогам VII Международного конгресса архивов 5

Т. В. Батаева. История образования СССР в тематических документальных публикациях 14

Ю. А. Ахапкин, А. С. Покровский. Научное издание законодательных актов Советской власти (Из опыта работы) 25

И. С. Миллер. «Восстание 1863 года» (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) 36

А. Л. Нарочницкий, Г. С. Кучеренко. О публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» 48

Е. П. Подъяпольская. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» 56

З. Г. Самодурова. Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945–1971 гг.), ч. 2 71

В. А. Черных, С. В. Житомирская, А. С. Мыльников (Ленинград), Б. В. Левшин. Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства 82

В. А. Дьяков. О подготовке биобиблиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России» 98

* * *

М. Б. Свердлов (Ленинград). Известия шведских рунических надписей о скандинавах на Руси и в Византии 102

О. П. Лихачева (Ленинград). О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат» 110

А. С. Хорошев. «Ружная роспись» новгородских церквей и время ее составления 113

Э. Тарвел (Таллин). О применении единиц землепользования в сравнительно-исторических исследованиях (по материалам истории Эстонии) 116

М. Ф. Прохоров. Опыт составления сводных таблиц выступлений помещичьих крестьян России 1760–1773 гг. (по материалам фондов местных учреждений Московской губернии) 126

П. Г. Козловский (Минск). Тарифы подымного налога белорусских поветов 1775 и 1790 гг. 135

И. С. Калантырская. Письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому как источник по истории Священной артели 142

Н. Я. Эйдельман. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов 159

Г. М. Дейч (Ленинград). О некоторых внешних особенностях писем В. И. Ленина родным 177

Б. С. Илизаров. О некоторых особенностях публикации декрета «О мире» в центральных петроградских газетах (27—28 октября 1917 г.) 184

А. С. Покровский. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного») 190

* * *

Л. В. Черепнин. Сергей Константинович Богоявленский как историк (1872–1947) 206

В. Л. Романова. А. Д. Люблинская – архивист и палеограф (к 70-летию со дня рождения) 218

А. Д. Горский. А. В. Арциховский как источниковед (к 70-летию со дня рождения) 226

inslav

Тихомировские чтения 1972 года

Д. С. Лихачев (Ленинград). Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей 234

Л. П. Жуковская. Работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописей и некоторые вопросы методики их описания 243

А. Д. Люблинская (Ленинград). О составлении Сводного каталога рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР 248

Е. Э. Гранстрем (Ленинград), И. Н. Лебедева (Ленинград), Б. Л. Фонкич. Перспективы описания греческих рукописей советских хранилищ 253

В. Б. Павлов-Сильванский. Прения по докладам 256

II. Обзоры, описания, библиография

Н. Н. Розов (Ленинград). Заметки о рукописных книгах из библиотеки Псково-Печерского монастыря 259

Н. Ю. Бубнов, И. Ф. Мартынов (Ленинград). К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (По итогам археографических экспедиций Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР 1971–1972 гг.) 265

В. И. Буганов. Описание списков разрядных книг XVII в. 276

А. Л. Станиславский. Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР 283

Список научных трудов С. К. Богоявленского (составила *Н. Я. Крайнева*) . . 286

Список научных трудов С. Н. Валка (за 1963—1972 гг.) (составила *И. А. Бакланова* [*Ленинград*]) 291

III. Публикации

Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. (подготовил *А. Л. Станиславский*) 293

О времени перевода в Москву Тверской хамовной слободы (подготовил *И. И. Соколов*) 302

Списки городов, посадов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. (подготовили *Я. Е. Водарский* и *Е. В. Чистякова*) 304

Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия (подготовил *Ю. Б. Соловьев* [*Ленинград*]) 311

Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России (подготовил *С. В. Чирков*) 319

М. С. Ольминский. Из общественной жизни (По поводу смерти Н. Павлова-Сильванского) (предисловие *С. Н. Валка* [*Ленинград*], подготовила *З. Х. Саралиева* [*Горький*]) 340

Б. Рассел о британских интернационалистах в годы первой мировой войны (подготовила *С. Н. Гурвич*) 344

Выступление М. Н. Тихомирова на совещании о работе музеев Московского Кремля 20 января 1955 г. (подготовил *М. Т. Белявский*) 350

IV. Хроника

В. Б. Павлов-Сильванский. Деятельность Археографической комиссии в 1972 г. 353

В. Б. Павлов-Сильванский. Обсуждение «Археографических ежегодников» за 1968–1972 гг. 363

Археографическая группа Ленинградского отделения Архива АН СССР . . 366

И. М. Гвоздикова (Уфа). Первая Южноуральская конференция по археографии, источниковедению и архивоведению 366

Ю. С. Васильев (Вологда). Деятельность Северного отделения Археографической комиссии в 1972 г. 367

Л. Н. Растопчина. Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения 368

Е. С. (Ленинград). О библиотеке М. В. Ломоносова 370

А. Г. Шевелев, П. М. Калениченко, А. В. Санцевич, В. Г. Сарбей (Киев). Иван Александрович Гуржий (1915–1971) 372

С. О. Шмидт. Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888–1972) . . . 375

inslav

SOMMAIRE

I. Articles et informations

F. I. Dolguikh. Sur les résultats du VII-e Congrès International des Archives . 5

T. V. Bataéva. Publications documentaires thématiques concernant l'histoire de *la formation de l' U.R.S.S.* 14

Iu. A. Akhapkin, A. S. Pokrovski, L'édition scientifique des actes législatifs du Pouvoir Soviétique (expérience de travail) 25

I. S. Miller. «L' Insurrection du 1863» (Une expérience de préparation de la série des publications documentaires soviéto-polonaises) 36

A. L. Narotchnitski, G. S. Koutcherenko. Sur la publication «La Politique exterieure de la Russie au XIX-e et au début du XX-e siècle» 48

E. P. Podiapolskaia. Histoire et valeur scientifique de la publication «Lettres et papiers de l'Empereur Pierre le Grand» 56

Z. G. Samodourova. Sur l'étude de l'héritage manuscrit grec en U.R.S.S. (1945—1971), 2-e partie 71

V. A. Tchernykh, S. V. Jitomirskaia, A. S. Mylnikov, B. V. Levchine. Système de l'information des scientifiques sur le contenu des archives personnelles des hommes de sciences, de lettres et d'art 82

V. A. Diakov. Sur la préparation du Dictionnaire biobibliographique «Les études slaves en Russie avant la Révolution d'Octobre» 98

* * *

M. B. Sverdlov (Léningrad). Données des inscriptions runiques suédoises sur les Scandinaves en Russie et en Byzance 102

O. P. Likhatcheva (Léningrad). Quelques particularités de la Copie Synodale du récit «Stéphanite et Ichnylate», traduit en vieux russe 110

A. S. Khorochev. «Roujnaia rospis» (inventaire prestimonial) des églises de Novgorod et le temps de sa préparation 113

E. Tarvell (Tallinn). Sur l'application des unités de l'usage des terrains dans les recherches historiques comparées (d'après les materieles de l'histoire de l'Esthonie) 116

M. F. Prokhorov. Une expérience d'élaboration des tableaux généraux des actions insurrectionnelles des serfs en Russie. 1760—1773 (D'après les documents des administrations locales du gouvernement de Moscou) 126

P. G. Kozlovski (Minsk). Tarifs de fouage dans les «poviets» (districts) de la Bielorussie en 1775 et en 1790 135

I. S. Kalantyrskaia. Lettres des décembristes à N. N. Mouraviov-Karski (lettres des membres de «Sviachennaia artel») 142

N. Ia. Eidelmann. Les journaux et les rapports du Comité d'Instruction sur l'affaire des décembristes 159

G. M. Deutsch (Léningrad). Quelques particularités exterieures des lettres de V. I. Lénine à ses parents 177

B. S. Ilizarov. Sur quelques particularitès de la promulgation du décret «De la paix» dans presse centrale de Petrograd (le 27—28 octobre 1917) 184

A. S. Pokrovski. Les procés-verbaux du Sovnarkom (Conseil des Commissaires du Peuple) comme une source historique («Période de Smolny») 190

inslav

* * *

L. V. Tchérepnine. Serguéi Konstantinovitch Bogoiavlenski comme historien (1872—1947) 206

V. L. Romanova. A. D. Lioublinskaia comme archiviste et paléographe (à l'occasion du 70-e anniversaire) 218

A. D. Gorski. A. V. Artzikhovski. Ses recherches des sources historiques (à l'occasion du 70-e anniversaire) 226

Les lectures Tikhomirov

D. S. Likhatchev (Léningrad). Les problémes de l'élaboration des méthodes de la description des manuscrits slavo-russes 234

L. P. Joukovskaia. Travail sur la composition du Catalogue général des manuscrits slavo-russes et méthodes de leur description 243

A. D. Lioublinskaia (Léningrad). Sur la composition du Catalogue général des manuscrits de l'alphabet latin conservés en l'U.R.S.S. 248

E. E. Granstrem (Léningrad), I. N. Lébédéva (Léningrad), B. L. Fonkitch. Perspectives de la description des manuscrits grecs dans les dépôts sovietiques 253

V. B. Pavlov-Silvanski. Discussion 256

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

N. N. Rozov (Léningrad). Les notes sur les livres manuscrits de la bibliothèque du monastère Pskovo-Petcherski 259

N. Iu. Boubnov, I. F. Martynov (Léningrad). Sur l'histoire le la bibliothèque de la métropole de vieux croyants de Biélocrinitza (D'après les résultats des expéditions archéographiques du département des manuscrits et des livres rares de la Bibiliothèque de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S., 1971—1972) . . 265

A. L. Stanislavski. Le fond personnel de S. K. Bogoiavlenski dans les Archives de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. 276

V. I. Bouganov. Déscription des copies des «Livres de Razriad» (livres des nobiliaries) du XVII-e siècle 283

Liste des travaux scientifiques de S. K. Bogoiavlenski (rédigée par *N. Ia. Kraïneva*) 286

Liste des travaux scientifiques de S. N. Valk, 1963—1972 (rédigée par *I. A. Baklanova* [*Léningrad*]) 291

III. Publications

«La rospis des diéti boyarskie» (liste des arrière-vassaux) des villes Méchtchovsk, Opakov et Briansk de 1584 (publiée par *A. L. Stanislavski*) 293

La sloboda Khamovnaia (le faubourg des tisserands), le temps de son transfert de Tver à Moscou (publication de *I. I. Sokolov*) 302

Les listes des villes, des faubourgs («posades») et des monastères fortifiés de la Russie de la deuxième moitié du XVII s. (publiées par *Ia. E. Vodarsky, E. V. Tchistiakova*) 304

Le commencemet du règne de Nicolas II et le rôle de Pobedonostzev dans la détermination du cours politique de l'autocratie (publication de *Iu. B. Soloviov* [*Léningrad*]) 311

Correspondance entre N. P. Pavlov-Silvanski et A. E. Presniakov sur les problémes du féodalisme (publiée par *S. V. Tchirkov*) 319

M. S. Olminski. De la vie publique (à propos de la mort de N. Pavlov-Silvanski) (préface de *S. N. Valk* [*Léningrad*], publication de *Z. Kh. Saraliéva* [*Gorki*]) 340

B. Russel sur l'activité des internationalistes britanniques pendant la première guerre mondiale (publication de *S. N. Gourvitch*) 344

La parole de M. N. Tikhomirov à la conférence sur le travail des musées du Kremlin de Moscou, 20 janvier 1955 (publiée par *M. T. Biéliavski*) 350

IV. Chronique

V. B. Pavlov-Silvanski. Activité de la Commission archéographique en 1972 . . 353

V. B. Pavlov-Silvanski. Délibération de matériaux des «Arkhéografitcheski éjegodnik» («Annuaire archéographique») des années 1968—1970 363

inslav

La groupe archéographique de la séction de Léningrad des Archives de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. 366

I. M. Gvozdikova (Oufa). La conférence sur l'archéographie, l'étude des sources historiques et l'archivistique de l'Oural du Sud 366

Iu. S. Vassiliev (Vologda). Activité de la filiale nord de la Commission archéographique en 1972 367

L. N. Rastoptchina. Symposium sur les problémes actuels de l'étude des sources historiques 368

E. S. (Léningrad). Sur la bibliothèque de M. V. Lomonosov 370

A. G. Chévélev, P. M. Kalénitchenko, A. V. Santsévitch, V. I. Sarbéi (Kiev). Ivan Alexandrovitch Gourji (1915—1971) 372

S. O. Schmidt. Varvara Pavlovna Adrianova-Peretz (1888—1972) 375

Археографический ежегодник за 1972 год

Утверждено к печати Археографической комиссией Академии наук СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *Л. И. Куприянова, Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 26/XI 1973 г. Подписано к печати 26/III 1974 г. Формат 70×108 1/16
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 37,4. Тираж 1850
Т-06507. Тип. зак. 3220.
Цена 2 р. 54 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

inslav

inslav

2р.54к.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

1972

inslav